DK Швейц.
330
M98

Ванъ-Мюйденъ.

ИСТОРІЯ
ШВЕЙЦАРСКАГО НАРОДА.

Переводъ съ французскаго подъ редакціею

Э. Л. Радлова.

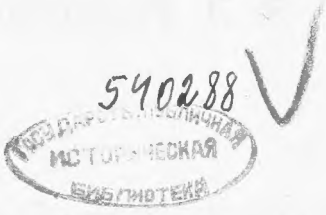
ТОМЪ ВТОРОЙ.

Съ 41 политипажемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1900.

3 экз

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 февраля 1900 года.



Типографія М. Меркушева, Невскій, 8.

Оглавленіе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Періодъ реформаціи.

СТР.

ГЛАВА I. **Общія соображенія о причинахъ реформаціи.** Перемѣщеніе центра тяжести цивилизаціи. — Папы, одержавъ верхъ надъ императорами, стали все больше и больше вмѣшиваться въ политику.—Распущенность духовенства.—Привязанность духовенства къ внѣшнимъ благамъ вредитъ нравственному преуспѣянію церкви. — Продажа индульгенцій. — Движенія, предвозвѣщавшія реформацію: Арнольдъ изъ Брешіи, Вальдо, Виклефъ, Іоганнъ Гуссъ, Савонарола; мистицизмъ.—Контрастъ между простотой первоначальной церкви и пышнымъ церемоніаломъ католическаго богослуженія. — Вліяніе евреевъ, грековъ, римлянъ и германцевъ на догматы и обряды католической церкви. — Учрежденіе священства.—О роли преданія и разсужденія въ образованіи догматовъ.—Церковь считаетъ себя необходимой посредницей между Богомъ и Его созданіемъ.—О таинствахъ, организація церкви.—О временномъ характерѣ человѣческихъ учрежденій. — Политическая и религіозная эволюція, вытекающая изъ постояннаго улучшенія нравовъ. — Вліяніе расъ на распространеніе реформаціи. — О роли правительствъ въ принятіи реформаціи 1

ГЛАВА II. **Умственное, соціальное и политическое состояніе Швейцаріи въ моментъ Возрожденія.** Поэзія въ Швейцаріи въ XV вѣкѣ: баллады и мистеріи. — Писатели хроникъ. — Основаніе Базельскаго университета.—Швейцарскіе гуманисты: Эразмъ, Глареанъ, Парацельсъ, Іоганнъ Гейнлинъ фонъ-Штейнъ, Вёльфлинъ, Миконій.—Устройство типографій.—Объ архитектурѣ, о живописи на деревѣ, о живописи; Фрисъ, Гольбейнъ, Мануель.—О нравахъ.—Политическое положеніе. — Военная организація. — Тактика старыхъ швейцарцевъ. — Верховные кантоны, союзныя и подданныя страны 22

ГЛАВА III. **Распространеніе реформаціи въ нѣмецкой Швейцаріи.** Юность Цвингли.—Назначеніе Цвингли на должность священника

СТР.

въ Гларусѣ.—Участіе Цвингли въ итальянскихъ войнахъ.—Призывъ Цвингли въ Эйнзидельнъ. — Назначеніе Цвингли проповѣдникомъ въ цюрихскомъ соборѣ.—Констанцскій епископъ, цюрихскій совѣтъ и сеймъ воспрещаютъ продажу индульгенцій.—Чума въ Цюрихѣ.—Переходъ общественной помощи изъ рукъ духовенства въ руки мірянъ.—Цюрихскій совѣтъ, подстрекаемый Цвингли, отказывается участвовать въ союзахъ съ иностранцами. — Осужденіе Лютера папою. — Цюрихцы, нанятые папой, переходятъ черезъ Альпы, не смотря на оппозицію Цвингли. — Сатирическая драма поэта Мануеля, высмѣивающая политику папы 49

ГЛАВА IV. **Принятіе реформаціи въ нѣмецкой Швейцаріи** (продолженіе). Симптомы—предвѣстники разрыва.—Положеніе, занятое епископомъ Констанцскимъ. — Цвингли требуетъ отъ епископа свободы проповѣди, согласно евангелію, и отмѣны обязательнаго безбрачія священниковъ. — Цюрихскіе совѣты рѣшаютъ, что проповѣди должны говориться на тексты изъ евангелія. — Восшествіе на папскій престолъ Адріана VI.—Обмѣнъ взглядовъ между Эразмомъ и Цвингли. — Цюрихскій диспутъ (29 января 1523). — Принятіе реформы въ Цюрихѣ, упраздненіе монастыря Альтенбахъ и поклоненія святымъ и Дѣвѣ Маріи.—Цюрихская бесѣда (26 октября 1523).—Отрѣшеніе соборнаго капитула, упраздненіе образовъ въ церквахъ, секуляризація монастырей, отмѣна мессы (13 апрѣля 1525).—Положеніе, занятое сеймомъ.—Реформація распространяется въ Базелѣ, Шаффгаузенѣ, Сенъ-Галленѣ и Аппенцеллѣ.—Баденская бесѣда.—Околампадій проповѣдуетъ реформацію въ Базелѣ.—Бертольдъ Галлеръ проповѣдуетъ реформацію въ Бернѣ. —Вилляніе совѣтовъ.—Диспутъ въ Бернѣ (7 января 1528). — Уничтоженіе мессы въ Базелѣ (февраль 1529). — Вадіанъ прокладываетъ путь для реформаціи въ Сенъ-Галленѣ. — Отмѣна мессы въ Сенъ-Галленѣ (1529).—Шаффгаузенъ, Мюльгаузенъ и Аппенцелль одинъ за другимъ принимаютъ реформацію. —Эдиктъ о терпимости утверждаетъ равенство вѣроисповѣданій въ Гларусѣ. — Граубюнденскія лиги даютъ общинамъ право избирать своихъ духовныхъ руководителей. — Курскій епископъ удаляется въ Тироль 64

ГЛАВА V. **Распаденіе конфедераціи. Каппельскія войны.** Движеніе анабаптистовъ. — Раздоры между католиками и евангеликами изъ-за общихъ фогтствъ.—Заключеніе договора о христіанскомъ согражданствѣ между евангеликами. — Интриги Медичи въ Граубюнденѣ. — Союзъ католическихъ кантоновъ съ Австріей. — Первая Каппельская война. — Отношенія между Цвингли и Лютеромъ. — Жители Тюргау и подданные сенъ-галленскаго аббата высказываются въ пользу реформы. —Нападеніе Медичи на Вальтелинъ. — Протестантскіе города закрываютъ свои рынки вальдштеттенцамъ.—Вторая Каппельская война.—Послѣдствія пораженія реформатовъ.—Изгнаніе солотурнскихъ реформатовъ.—Буллингеръ замѣняетъ Цвингли въ Цюрихѣ.—Гельветское исповѣданіе 82

ГЛАВА VI. **Реформація въ романдскихъ странахъ.** Начало французской реформаціи.—Проповѣди Фареля въ Ваадтландѣ и въ Невшателѣ. — Союзъ рыцарей ложки, направленный противъ Женевы.—Бернъ, Фрейбургъ и Солотурнъ принимаютъ Женеву подъ свое покровительство. — Проповѣди Фареля и Фромана въ Женевѣ. — Окончательное уничтоженіе мессы въ Женевѣ (1535). —

СТР.

Бернъ объявляетъ войну герцогу Савойскому.—Завоеваніе Ваадтланда. — Соперничество Карла V и Франциска I; вмѣшательство этихъ государей въ пользу герцога Савойскаго и епископа Лозаннскаго. — Диспутъ въ Лозаннѣ. — Организація ваадтландской церкви.—Основаніе Лозаннской академіи 97

ГЛАВА VII. **Реформація въ романдской землѣ.** (Продолженіе). Кальвинъ.—Опроверженіе клеветы, распространяемой на его счетъ.—Изданіе его „Наставленія къ христіанской вѣрѣ". — Назначеніе Кальвина пасторомъ въ Женевѣ.—Столкновеніе съ партіей либертиновъ.—Изгнаніе Кальвина. — Попытка папы вернуть Женеву въ лоно римской церкви.—Возвращеніе Кальвина, организація женевской церкви.—Церковные ордонансы.—Кастельонъ, Фалле, Фавръ, Перренъ, Бертелье.—Отчеты Кальвина и женевскаго совѣта.—Процессы противъ Больсека и противъ Михаила Сервета.—Характеръ Кальвина.—Смерть Кальвина.—Несогласія между Берномъ и ваадтландскимъ духовенствомъ. — Организація лозаннской академіи.—Церковныя стремленія Вире. — Отрѣшеніе отъ должности Вире и сорока ваадтландскихъ пасторовъ.—Основаніе женевской академіи 115

ГЛАВА VIII. **Возстановленіе католической церкви.** Собраніе Тріентскаго собора.—Основаніе ордена іезуитовъ.—Положеніе протестантовъ, пораженіе Шмалькальденской лиги. — Солотурнскій договоръ.—Раздѣлъ земель графа де Грюйеръ.—Итальянскіе эмигранты въ Швейцаріи. — Реформы, принятыя Тріентскимъ соборомъ. — Преобразованіе монастырей, капуцины и іезуиты. — Рѣшенія Тріентскаго собора. — Лозаннскій договоръ, возвращеніе страны Гексъ и Шабле герцогу Савойскому. — Участіе отрядовъ католическихъ кантоновъ въ религіозныхъ войнахъ во Франціи.—Вліяніе кардинала Борроме въ Швейцаріи.—Разрывъ съ Аппенцеллемъ. — Пріемъ, сдѣланный въ Швейцаріи жертвамъ Варѳоломеевской ночи.—Напрасныя попытки со стороны Карла IX добиться отъ протестантовъ, чтобы они не давали убѣжища своимъ единовѣрцамъ 139

ГЛАВА IX. **Распри между герцогомъ Савойскимъ и Бернской и Женевской республиками.** Интриги герцога Эмануила Филиберта Савойскаго. — Люцернскій договоръ шести кантоновъ съ Савойей (1577). — Солотурнскій договоръ (1579) между Франціей, Берномъ и Солотурномъ, гарантирующій независимость Женевы.—Честолюбивые замыслы Карла-Эмануила Савойскаго. — Возобновленіе договора между Франціей и кантонами (1582—1584). — Заговоръ Исбранда д'О.—Злоумышленія герцога Савойскаго противъ Берна и Женевы. — Военныя приготовленія женевцевъ. — Миссія Арлэ де-Санси, французскаго чрезвычайнаго посла при кантонахъ. — Женевцы и бернцы нападаютъ на страну Гексъ и Шабле. — Смерть Генриха III, восшествіе на престолъ Генриха IV. — Отступленіе бернцевъ.—Ніонскій договоръ.—Женевцы овладѣваютъ Версуа и Гексомъ. — Донъ Амедей, савойскій батардъ, возобновляетъ нападеніе. — Странное поведеніе бернцевъ. — Пораженіе женевцевъ при Крозе и Шателенѣ. — Отступничество Генриха IV прекращаетъ гражданскую войну во Франціи и позволяетъ ему вступиться за Женеву.—Мирный договоръ между Женевой, Франціей и Савойей. — Генрихъ IV объявляетъ войну герцогу Савойскому.—Ліонскій миръ, присоединеніе къ Франціи страны Гексъ . 170

СТР.

ГЛАВА X. **Состояніе цивилизаціи въ Швейцаріи къ концу шестнадцатаго вѣка.** Расцвѣтъ интеллектуальной жизни, гуманисты, лѣтописцы.—Глареанъ.—Цепоренъ.—Вадіанъ.—Конрадъ Гесснеръ. — Валерій Ансельмъ. — Буллингеръ. — Іоганнъ Кесслеръ. — Ѳома и Феликсъ Платтеръ. — Конрадъ Пелликанъ. — Бониваръ. — Фроманъ. — Жанна де Жюсси. — Пьерфлеръ. — Эгидій Чуди. — Іоганнъ Штумпфъ.—Іосія Зимлеръ.—Франсуа Гюльиманъ.— Вурстизенъ. — Ренвардъ Цизатъ. — Валентинъ Чуди. — Ульрихъ Кампель. — Севастьянъ Мюнстеръ. — Парацельзъ. — Вліяніе театра на нравы.—Мануэль.—Генгенбахъ.—Утцъ Экштейнъ. — Функелинъ. — Готгартъ. — Іетцлеръ. — Руфъ. — Муреръ. — Валентинъ Больцъ. — Штетлеръ. — Вагнеръ. — Ритцъ. — Бушеръ. — Малеръ. — Ѳома Мурнеръ. — Залатъ — Грубель. — Іоганнъ фонъ Траверзъ. — Іоганнъ Ааль. — Ѳома Маленгръ. — Вире. — Теодоръ де Бэзъ. — Развитіе благосостоянія проявляется на жилищахъ. — Расцвѣтъ итальянскаго стиля возрожденія. — Живопись на стеклѣ. — Политическій упадокъ. — Католическіе кантоны съ одной стороны, протестантскіе—съ другой, образуютъ отдѣльныя лиги. — Образованіе олигархій 189

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Семнадцатый и восемнадцатый вѣка.

ГЛАВА I. **Конфедераты и Граубюнденскія лиги во время Тридцатилѣтней войны.** Образованіе въ Граубюнденскихъ лигахъ партій: французской, испанской и венеціанской. — Политическое положеніе Салисовъ, Планта и Траверзовъ. — Приговоры уголовныхъ трибуналовъ Кура и Тузиса.—Интриги Испаніи и Франціи.— Союзъ граубюнденскихъ лигъ съ Генрихомъ IV. — Блокада Вальтелина милавскимъ губернаторомъ. — Попытки испанскаго двора овладѣть проходами Вальтелина и Граубюндена. — Энгадинъ берется за оружіе и изгоняетъ Планта. — Роль Георга Іенача. — Собраніе уголовныхъ трибуналовъ Тузиса, Кура и Давоса. — Взрывъ Тридцатилѣтней войны. — Рѣзня въ Вальтелинѣ. — Занятіе Вальтелина испанцами.—Попытка лиги „Божій домъ“ и лиги „Десяти округовъ“, при поддержкѣ Берна и Цюриха, отнять у испанцевъ Тирано. — Отношеніе лѣсныхъ кантоновъ. — Союзъ Сѣрой лиги съ Испаніей. — Убійство Помпея Планта. — Іеначъ прогоняетъ вальдштеттенцевъ съ верхняго Рейна. — Сѣрая лига принуждена отказаться отъ союза съ испанцами. — Мадридскій договоръ. — Вторженіе граубюнденцевъ въ Вальтелинъ. — Вторженіе австрійцевъ и испанцевъ въ Граубюнденъ. — Занятіе Кура. — Возстаніе Преттигау. — Австрійцы очищаютъ Куръ. — Вновь наступательное движеніе имперцевъ, безсиліе конфедератовъ, одиночество Граубюнденскихъ лигъ. — Уступка Австріи „Десяти округовъ“ и Нижняго Энгадина.—Завоеваніе Вальтелина французами. — Вступленіе французовъ въ Валлисъ; въ Валлисѣ отмѣняется протестантское вѣроисповѣданіе.—Полномочіе маршала Бассомпьера.—Союзъ Франціи со Швеціей.—Походъ герцога Рогана въ Граубюнденъ.— Французы отказываются вернуть Граубюндену Вальтелинъ.—При-

СТР.

нятіе Іеначемъ католичества, Граубюнденъ переходитъ къ испанской партіи и заставляетъ французовъ очистить Ретію.—Имперцы возвращаютъ Вальтелинъ Граубюнденскимъ лигамъ 208

ГЛАВА II. **Вестфальскій миръ.** Французы завладѣваютъ Франшъ-Конте. — Бернгардъ Саксенъ - Веймарскій захватываетъ Эльзасъ.—Смерть Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго; присоединеніе Эльзаса къ Франціи.—Кантоны обоихъ вѣроисповѣданій приходятъ къ соглашенію, чтобы заставить уважать нейтралитетъ Швейцаріи. — Уполномоченные Франціи, Швеціи и Австріи собираются въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ для переговоровъ о мирѣ. — Конфедераты посылаютъ бургомистра Ветштейна въ Базель на Вестфальскій конгрессъ, чтобы требовать снятія запрещенія съ рѣшенія, принятаго Шпейерскимъ сеймомъ въ ущербъ городу Базелю. — Признаніе независимости Швейцарской конфедераціи 226

ГЛАВА III. **Крестьянская война.** Положеніе крестьянъ въ Швейцаріи въ XVII-мъ вѣкѣ. — Экономическія послѣдствія Тридцатилѣтней войны. — Распущеніе солдатъ, бывшихъ на службѣ Франціи и Германіи. — Денежный кризисъ. — Возстаніе крестьянъ Энтлибуха.—Движеніе распространяется на кантоны Бернъ, Солотурнъ и Базель.—Романдскія государства помогаютъ бернцамъ.—Вмѣшательство бургомистра Вазера и штатгалтера Гирцеля изъ Цюриха. — Крестьяне покоряются. — Новыя неудовольствія среди крестьянъ.—Гутвильская лига.—Лейенбергъ и Шиби становятся во главѣ мятежа. — Баденскій сеймъ набираетъ войско для подавленія возстанія. — Лейенбергъ появляется со своимъ войскомъ у стѣнъ Берна; Мурифельдскій договоръ. — Прибытіе въ Бернъ романдскихъ отрядовъ. — Отряды восточной Швейцаріи стягиваются въ Ааргау. — Сраженія при Воленшвилѣ, Гисликонѣ и Герцогенбухзе. — Пораженіе крестьянъ. — Приговоръ, произнесенный надъ главарями мятежа 231

ГЛАВА IV. **Первая Вильмергенская война.** Тщетная попытка замѣнить прежніе союзы однимъ общимъ. — Преслѣдованіе швицскимъ правительствомъ протестантскихъ семей въ Артѣ.—Ходатайства цюрихцевъ за артскихъ протестантовъ отвергнуты Швицомъ.—Цюрихцы осаждаютъ Раппершвиль, а бернцы проникаютъ въ Ааргау. — Пораженіе бернцевъ при Вильмергенѣ. — Баденскій договоръ (7 марта 1656) 241

ГЛАВА V. **Союзный договоръ съ Франціей, 24 сентября 1663 г.** Людовикъ XIV старается заключить союзъ съ тринадцатью кантонами.—Тринадцать кантоновъ посылаютъ посольство въ Парижъ для заключенія союза. — Торжественный пріемъ пословъ въ Парижѣ и празднества въ честь ихъ.—Участіе швейцарскихъ полковъ въ завоеваніи Фландріи и Франшъ-Конте. — Сеймъ приказываетъ войскамъ эвакуировать Франшъ-Конте. — Планъ обороны, принятый сеймомъ (Défensional) и отвергнутый католическими кантонами.—Вербовка свободныхъ отрядовъ для иностранной службы.—Походъ въ Голландію. — Нимвегенскій миръ 244

ГЛАВА VI. **Швейцарія становится убѣжищемъ изгнанниковъ.** Заступничество протестантскихъ кантоновъ за ваадтландцевъ Пьемонта, преслѣдуемыхъ герцогомъ Савойскимъ (1655).—Англійскіе цареубійцы ищутъ убѣжища въ Лозаннѣ и Вевэ (1660). —

СТР.

Отмѣна Нантскаго эдикта. — Исходъ пьемонтскихъ ваадтландцевъ и гугенотовъ; встрѣча, устроенная имъ швейцарскими городами. — Евангелическіе кантоны даютъ позволеніе на вербовку солдатъ на службу Голландіи, Англіи и Австріи.—Присутствіе эмигрантовъ оказываетъ вліяніе на развитіе нравовъ, промышленности и торговли въ романдской Швейцаріи. — Генрихъ Дюкенъ создаетъ флотъ на Женевскомъ озерѣ на счетъ бернскаго правительства. . 250

ГЛАВА VII. **Нейтралитетъ Савойи. — Участіе швейцарскихъ наемныхъ солдатъ въ войнѣ за испанскій престолъ.** Война за испанскій престолъ.—Конфедерація объявляетъ себя нейтральной.— Бернъ вербуетъ отряды для защиты швейцарской границы, которой угрожаетъ маршалъ де Вильяръ. — Герцогъ Савойскій присоединяется къ коалиціи, направленной противъ Франціи; онъ проситъ сеймъ признать нейтралитетъ Шабле и взять эту провинцію подъ свое покровительство.—Нерѣшительность сейма.—Швейцарскіе наемные солдаты участвуютъ въ обоихъ лагеряхъ въ битвѣ при Гохштедтѣ, а послѣ тщетной просьбы Людовика XIV о посредничествѣ конфедератовъ, также въ битвѣ при Рамильи. — Французы прекращаютъ осаду Турина и уводятъ войска изъ Савойи 258

ГЛАВА VIII. **Невшательское престолонаслѣдіе. — Продолженіе войны за испанскій престолъ.** Три сословія Невшателя объявляютъ неотчуждаемость княжескаго достоинства. — Смерть Маріи Немурской, 1707.—Претенденты на Невшательскій престолъ, предъявленныя имъ условія. — Послѣ трехмѣсячныхъ обсужденій совѣтъ сословій вручаетъ княжеское достоинство королю Прусскому. — Людовикъ XIV разрываетъ союзъ съ кантонами и посылаетъ войско противъ Невшателя. — Вооруженіе Берна. — Пораженіе французовъ при Уденардѣ, при Мальплакѣ и при Рюмерсгеймѣ; швейцарскіе наемники участвуютъ въ этихъ сраженіяхъ въ обоихъ лагеряхъ.— Побѣда французовъ при Денен.— Утрехтскій миръ: Франція признаетъ короля Прусскаго княземъ Невшательскимъ 263

ГЛАВА IX. **Вторая Вильмергенская война.** Тоггенбургъ подъ властью сенъ-галленскихъ аббатовъ.—Протестанты Тоггенбурга, недовольные своимъ княземъ, ищутъ поддержки у Берна и Цюриха.—Организація бернской арміи. — Конфликты между аббатомъ сенъ-галленскимъ и подданными Тоггенбурга принимаютъ религіозный характеръ. — Нунцій старается привлечь императора на сторону аббата, но генералъ Пемъ де Сенъ-Сафоренъ отговариваетъ императора вмѣшиваться въ распрю.—Войско аббата сенъ-галленскаго занимаетъ нѣкоторые замки. Возстаніе его подданныхъ.— Баденскій сеймъ предоставляетъ разрѣшеніе конфликта третейскому суду.—Третейскій судъ рѣшаетъ, что тоггенбуржцы должны признать господство аббата, который долженъ гарантировать имъ ихъ льготы и снять свои гарнизоны (1709). — Аббатъ не соглашается на это рѣшеніе, и его подданные, въ согласіи съ Берномъ и Цюрихомъ, завладѣваютъ его замками (1710).—Прибытіе новаго нунція въ Люцернъ еще сильнѣе возбуждаетъ умы.—Тоггенбуржцы объявляютъ себя независимыми (12 апрѣля 1712 г.). — Цюрихцы, бернцы и люцернцы начинаютъ войну. — Взятіе Вилля; аббатъ сенъ-галленскій бѣжитъ въ Швабію. — Битва при Бремгартенѣ, взятіе города протестантами (26 мая 1712). — Капитуляція Бадена.

СТР.

(1-е іюня). — Сеймъ въ Аарау; Люцернъ и Ури присоединяются къ мирнымъ предложеніямъ Цюриха и Берна, Унтервальденъ, Цугъ и Швицъ противятся всякой попыткѣ къ примиренію. — Битва при Синсѣ (20 іюля). — Битва при Вильмергенѣ (28 іюля). — Аараускій миръ (11 августа 1712). — Союзъ протестантскихъ кантоновъ съ Голландіей (21 іюня 1712). — Тайный договоръ между католическими кантонами и Франціей (9 мая 1715). — Примиреніе аббата сенъ-галленскаго съ его подданными; подтвержденіе вольностей тоггенбуржцевъ (15 іюня 1718) 271

ГЛАВА X. **Борьба между государствомъ и церковью въ протестантскихъ кантонахъ. Consensus.** Правительства протестантскихъ кантоновъ присваиваютъ себѣ духовный авторитетъ надъ своими подданными. — Различныя тенденціи въ нѣдрахъ протестантизма. — Принятіе consensus'а евангелическими кантонами (1679). — Ваадтландскіе рукоположенные священники сопровождаютъ свое присоединеніе къ consensus'у нѣкоторыми оговорками (1682). — Бернскій совѣтъ двухсотъ принимаетъ рѣшеніе заставить всѣхъ своихъ подданныхъ дать присягу въ повиновеніи consensus'у; упорствующимъ грозятъ строгими наказаніями (1698). — Преслѣдованіе диссидентовъ ихъ превосходительствами. — Базель и Женева отказываются требовать присоединенія къ consensus'у (1385 и 1706). — Послѣ Вильмергенской войны вниманіе ихъ превосходительствъ снова обращается на этотъ вопросъ (1716). — Лозаннская академія оправдывается отъ взведенныхъ на нее обвиненій. — Ихъ превосходительства, поддерживаемыя бернской академіей, повторяютъ свои приказанія (1718—1722). — Вмѣшательство протестантскихъ государствъ. — Петиція и контръ-петиція членовъ ваадтландскаго духовенства. — Въ Бернъ посылаются два комиссара. — Профессора соглашаются, ради сохраненія мира, подписать consensus. — Поведеніе молодыхъ рукоположенныхъ пасторовъ. — Новое вмѣшательство протестантскихъ князей; всѣ евангелическіе кантоны, за исключеніемъ Берна, отмѣняютъ consensus 283

ГЛАВА XI. **Ваадтландъ подъ властью Берна. Маіоръ Давель.** Бернцы не держатъ своихъ обѣщаній относительно созванія ваадтландскихъ штатовъ. — Организація бернскаго правленія. — Увеличеніе судовъ и процессовъ. — Административныя смуты. — Небезопасность дорогъ. — Упадокъ нравовъ; экономическій упадокъ. — Молодость Давеля, его военная каррьера, его возвращеніе въ Кюлли; его планы. — Давель мобилизуетъ три роты и вступаетъ въ Лозанну (31 марта 1723). — Сдержанный пріемъ совѣта двухсотъ. — Арестъ маіора. — Испугъ бернцевъ. — Жалобы, представленныя въ манифестѣ Давеля; докладъ шультгейсса Штейгера по поводу этихъ жалобъ. — Давель подвергнутъ пыткѣ по приказанію ихъ превосходительствъ, затѣмъ судимъ дворянами и буржуа улицы Бургъ. — Ихъ превосходительства утверждаютъ смертный приговоръ. — Казнь Давеля (24 апрѣля). — Его рѣчь на эшафотѣ. — Пасторъ Соссюръ отрѣшается отъ должности за похвалу личнымъ качествамъ Давеля. — Ихъ превосходительства принимаютъ мѣры для исправленія злоупотребленій, указанныхъ въ манифестѣ Давеля 291

ГЛАВА XII. **Народныя движенія. Политическая эволюція.** Базельское возстаніе (1691). — Требованія народной партіи въ Же-

стр.

невѣ (1707). — Демократическое движеніе въ Цюрихѣ (1713). — Политическое положеніе въ Шаффгаузенѣ, Гларусѣ и Аппенцеллѣ. — Римская политика. — Сопротивленіе ультрамонтанскому духу.—Установленіе олигархическаго режима въ Солотурнѣ, Фрейбургѣ и Бернѣ.—Возобновленіе союза католическихъ кантоновъ.—Отношеніе сенъ-галленскаго аббата къ его подданнымъ. — Конфликты между аббатомъ энгельбергскимъ и Берномъ и Нидвальдомъ. — Мятежи въ Цугѣ. — Распри епископа базельскаго съ его подданными 311

ГЛАВА XIII. **Народныя движенія. Политическія эволюціи.** Продолженіе). Заговоръ Генци, 1749. — Возстаніе Левентина. — Смуты въ Швицѣ по поводу реорганизаціи службы во Франціи.—Борьба между Люцерномъ и Римомъ по вопросу объ Удлигеншвилѣ. — Іезуиты въ XVIII вѣкѣ; изгнаніе ихъ ордена. — Невшатель и его князь, Фридрихъ II. 329

ГЛАВА XIV. **Иностранная служба. Союзъ съ Франціей.** Послѣдовательные фазисы франко-швейцарскаго союза (1521, 1602 и 1663). — Ударъ, нанесенный французскому союзу отмѣной нантскаго эдикта. — Французская дипломатія съ 1725 г. тщетно добивается отъ конфедератовъ возобновленія союза 1663 г.; оппозиція Цюриха и Берна. — Французскіе посланники поддерживаютъ несогласія въ кантонахъ и стараются развратить магистратовъ въ надеждѣ имѣть ихъ тогда въ своей власти; эта политика терпитъ неудачу. — Война изъ-за польскаго престолонаслѣдія (1733—1738). — Швейцарія объявляетъ себя нейтральной. — Война за австрійское престонаслѣдіе (1740—1748). — Участіе швейцарскихъ наемныхъ солдатъ въ этихъ войнахъ. — Попытка Франціи снова начать переговоры.—Семилѣтняя война (1756—1763). — Восхищеніе швейцарцевъ подвигами Фридриха Великаго. — Участіе швейцарскихъ наемниковъ въ различныхъ битвахъ. — Новыя попытки со стороны Версальскаго кабинета заключить договоръ со швейцарцами. Капитуляція, заключенная съ католическими кантонами (1761).—Восшествіе на престолъ Людовика XVI.—Переговоры вступаютъ въ новый фазисъ; сближеніе съ евангелическими кантонами.—Баденскій сеймъ (1776).—Солотурнская конференція; заключеніе союза съ Франціей (1777) 349

ГЛАВА XV. **Умственное движеніе въ XVII и XVIII вѣкахъ.** Общія политическія соображенія. — Дань Швейцаріи научному и литературному движенію.—Юстъ Буржи, Гулеръ, Шпрехеръ, ф. Бернеггъ, Жувальта, Гюльиманъ, Мельхіоръ Гольдастъ, Михаилъ Штетлеръ, І. Г. Готтингеръ, Матвѣй Меріанъ, Рудольфъ ф. Граффенридъ, Яковъ Розіусъ, Ренвардъ, І. Б. Цизатъ, І. и Т. Грингалетъ.—Іоганнъ Діодати, Ф. Троншенъ, Остервальдъ, Альфъ и Фр. Турретини, Веренфельзъ, Герльнеръ, Гейдеггеръ, Агриппа д'Обинье.—Местрецатъ, Іоганнъ Шуэ, Іоганнъ Ле Клеркъ, Бенедиктъ Пиктэ, Яковъ Спонъ, Пуленъ де Ла Барръ. — Bibliothèque italique, Людовикъ Бурге, Journal helvétique или Mercure suisse. — Цюрихъ: І. І. Шейхцеръ, І. Гесснеръ, Бодмеръ, Брейтингеръ, Соломонъ Гесснеръ, І. Г. Лафатеръ.—Бернъ: Бэатъ Л. ф. Муральтъ, Галлеръ, Виттенбахъ.—Базель: Бернулли, Эйлеръ, Исаакъ Изелинъ.—Основаніе Гельветскаго общества и различныхъ кружковъ, преслѣдующихъ научныя цѣли или общественное благо; Фр. Урсъ Бальтазаръ.—

стр.

Католическая Швейцарія: Маріанусъ Мюллеръ, Бэатъ Кюттель, Николай ф. Луцъ, Іостъ, Игнацій Шумахеръ, Сури, Игнацій Циммерманъ, Брентано, Ф. В. Шмидъ, Цельгеръ, Іосифъ Бузингеръ, І. К. Шнидеръ, Альтъ, Б. Х. Ф. Ленцбургъ. — Нѣмецкіе швейцарцы, писавшіе по французски: І. Р. ф. Зиннеръ, ф. Лерберъ, Ф. Р. ф. Вейссъ, В. ф. Бонштеттенъ, Г. Мейстеръ, Цурлаубенъ, ф. Мей 360

ГЛАВА XVI. **Интеллектуальное движеніе въ XVII и XVIII вѣкахъ.** (Продолженіе). Общія соображенія о романдской странѣ.— Невшатель: Ваттель, Давидъ де Пюри, Эд. де Пурталесъ, Дю Пейру, Цезарь д'Ивернуа, М-me де Шарьеръ, Іона Буавъ, Д. Г. Шалье.— Ваадтландъ: І. П. де Круза, Барбейракъ, Рюша, Полье де Боттанъ. Луа де Боша, Луа де Шезо, Антуанъ Куртъ, Тиссо.— Пребываніе Вольтера и Гиббона въ Лозаннѣ, ихъ сношенія съ ваадтландскимъ обществомъ.—Де Феличе.—Женевское общество. — Абоци, Бурламаки, Троншенъ, Ш. Бонне, Руссо. — Пребываніе Вольтера въ Женевѣ, его отношенія къ Якову Верне, Троншенамъ, Якову Вернъ и консисторіи. — Г. Б. де Соссюръ, Бурри, І. А. и Г. А. де Люкъ, Сенебье. — М. А. Пикте. — Б. Г. Малле, Г. Э. де Галлеръ, Фрейденбергъ, Бальтазаръ, Петръ де Рива, Неккеръ, Рейба, Этьенъ Дюмонъ. Клавьеръ, Дюроверей, Франциск д'Ивернуа, Малле дю Панъ. — Общія соображенія относительно распредѣленія ученыхъ по кантонамъ и эпохамъ: вліяніе свободы мысли на интеллектуальное развитіе. — Печальное положеніе обученія въ начальныхъ и среднихъ школахъ.—Праздники виноградарей, праздникъ Арта.— Искусства: Антуанъ Арло, Іоганнъ-Антуанъ Дассье, Гедлингеръ, Ліотаръ, Фуссли, Анжелика Кауфманъ, Лакруа, Дюкро, Кезерманъ, Кнебель, Мюлленеръ, Л. Г. Арло, Пьерръ де-ла-Ривъ, Перронне. Пизони. — Мейеръ де Шауензе, Шмидлинъ. — Развитіе общественнаго богатства и земледѣлія; образованіе экономическихъ обществъ. Расширеніе торговли. Развитіе промышленности 387

Хронологическій указатель 434

Указатель рисунковъ 436

Алфавитный указатель 437

Часть третья.

ПЕРІОДЪ РЕФОРМАЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія соображенія о причинахъ реформаціи.

Перемѣщеніе центра тяжести цивилизаціи.—Папы, одержавъ верхъ надъ императорами, стали все больше и больше вмѣшиваться въ политику.— Распущенность духовенства.—Привязанность духовенства къ внѣшнимъ благамъ вредитъ нравственному преуспѣянію Церкви.—Продажа индульгенцій.—Движенія, предвозвѣщавшія реформацію: Арнольдъ изъ Брешіи, Вальдо, Виклефъ, Жанъ Гуссъ, Савонарола; мистицизмъ.—Контрастъ между простотой первоначальной Церкви и пышнымъ церемоніаломъ католическаго богослуженія.—Вліяніе евреевъ, грековъ, римлянъ и германцевъ на догматы и обряды католической Церкви.—Учрежденіе священства.—О роли преданія и разсужденія въ образованіи догматовъ.—Церковь считаетъ себя необходимой посредницей между Богомъ и Его созданьемъ.—О таинствахъ, организація Церкви.—О временномъ характерѣ человѣческихъ учрежденій.—Политическая и религіозная эволюція, вытекающая изъ постояннаго улучшенія нравовъ.—Вліяніе расъ на распространеніе реформаціи.—О роли правительствъ въ принятіи реформаціи.

Великая религіозная реформа XVI-го вѣка является для странъ, подпавшихъ ея вліянію, новой эрой. Въ связи съ открытіемъ книгопечатанія, съ интеллектуальнымъ возрожденіемъ и съ открытіемъ восточной и западной Индіи, она вывела старую Европу на новые пути и перемѣстила центръ тяжести цивилизаціи.

Изъ этихъ четырехъ главныхъ факторовъ два, т. е. возрожденіе и морскія открытія, исходили изъ Италіи. Къ сожалѣнію, эта привилегированная во многихъ отношеніяхъ страна была изнѣжена продолжительнымъ благоденствіемъ и въ ней властвовало духовенство, любившее искусство,

влюбленное въ памятники древности, но не заботившееся о нравственныхъ интересахъ народа, ввѣреннаго его попеченіямъ. Въ былыя времена города по берегамъ Средиземнаго моря стояли во главѣ цивилизаціи. Италію съ ея цвѣтущими провинціями можно было считать, какъ съ точки зрѣнія ея матерьяльнаго преуспѣянія, такъ и съ интеллектуальной точки зрѣнія,— опередившей другія страны сѣвера на цѣлое столѣтіе. Начиная съ XVI вѣка она постепенно падаетъ: Испанія, создавши обширное колоніальное государство, пришла въ упадокъ по тѣмъ же причинамъ, что и Италія: между тѣмъ какъ значеніе Франціи, Германіи и Англіи все возрастало съ каждымъ вѣкомъ; въ этой эволюціи принимали участіе также Нидерланды, Швейцарія и Скандинавія.

Причины, побуждавшія принять или отвергнуть реформацію, были не вездѣ одинаковы: причины ея временнаго или окончательнаго торжества были очень сложны и зависѣли отъ цѣлаго ряда условій. Далеко не являясь причиной соціальнаго распаденія, какъ ее представляли ея противники, она способствовала исправленію нравственности и возстановленію первоначальнаго христіанства; даже во Франціи, гдѣ она была почти искоренена въ царствованіе Бурбоновъ, она сохранила большое вліяніе, и приверженцы ея составляютъ въ настоящее время избранную часть націи. Народы, воспитанные въ школѣ реформаціи, отличаются заботливостью къ общественнымъ дѣламъ, болѣе выдержанной энергіей, явнымъ стремленіемъ къ прогрессу, болѣе мощнымъ распространеніемъ, а также нравственными способностями и умственными привычками, стяжавшими имъ въ концѣ этого вѣка успѣхъ почти во всѣхъ областяхъ.—за исключеніемъ пластическихъ искусствъ. — несмотря на менѣе благопріятныя условія. Поучительно въ этомъ отношеніи сравненіе между англійскими и голландскими колоніями и колоніями испанскими, португальскими и французскими, или между Сѣверной и Южной Америкой. Нѣкоторыя націи болѣе плодовиты, чѣмъ другія, поэтому ихъ потомки, стѣсненные на своей землѣ, вынуждены выселяться для пріобрѣтенія средствъ къ жизни: таковы нѣмцы, англичане и швейцарцы, съ одной стороны, итальянцы, ирландцы и бельгійцы— съ другой: если прослѣдимъ за ихъ представителями въ чужой землѣ, то замѣтимъ въ первыхъ индивидуальныя свойства, позволяющія большинству изъ нихъ быстро подниматься по ступенямъ общественной лѣстницы тогда какъ вторые остаются на низшихъ ея ступеняхъ.

Сильно ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что реформа заключалась исключительно въ пререканіяхъ изъ-за доктрины. Это движеніе имѣло гораздо большее значеніе, ускользавшее отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Не отрицая важности знаменитыхъ тезисовъ Лютера, можно, однако, утверждать, что они не получили бы одобренія князей и народа,

если бы не существовало всеобщаго недовольства противъ свѣтскаго направленія римской куріи, противъ распущенности и жадности духовенства. Разсматривая исторію народовъ, начиная съ древнихъ временъ, можно замѣтить, что почти всѣ народы прошли черезъ іерархическую фазу, въ собственномъ значеніи этого слова, т. е. пережили періодъ, въ который каста священниковъ играла преобладающую роль. Это явленіе объясняется тѣмъ, что среди всеобщаго невѣжества, одни священники обладали нѣкоторымъ знаніемъ. То же было и въ средніе вѣка. У германцевъ священники пользовались большимъ уваженіемъ; народъ воображалъ, что они, какъ представители божества, являлись ходатаями передъ нимъ. Естественно, что при обращеніи варваровъ, христіанское духовенство унаслѣдовало это обаяніе. Но — это роковой законъ исторіи,—когда выведены послѣднія слѣдствія какого-либо принципа, онъ лишается той силы импульса, которымъ обладалъ вначалѣ, и происходитъ новая эволюція.

Въ великой распрѣ между императорской властью и папской духовенство одержало верхъ. Папа одержалъ побѣду надъ императоромъ, имперіи былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго она уже не могла оправиться, и къ сѣверу отъ Альпъ наступила анархія. Князья и города Германіи стали почти независимы, а чтобы укрѣпить эту народившуюся независимость, имъ надо было опереться на принципы, способные утвердить за ними пріобрѣтенное положеніе. Папы вмѣсто того, чтобы ограничиться своей духовной ролью, рѣшительно выступили на политическую арену. Мы видѣли, какъ Юлій II призвалъ себѣ на помощь швейцарцевъ и сталъ во главѣ Камбрейской лиги и Святой лиги. Будучи представителемъ Бога на землѣ, онъ злоупотреблялъ этимъ титуломъ, пользуясь имъ для достиженія своихъ свѣтскихъ желаній. Его положеніе свѣтскаго государя, въ качествѣ правителя мнимымъ наслѣдіемъ Св. Петра, заставляло его забывать, что онъ ученикъ скромнаго Назаретскаго плотника, Того, кто не зналъ гдѣ преклонить голову; духовный глава—папа употреблялъ противъ французскаго короля плотское оружіе и оспаривалъ у него скипетръ Италіи. Весьма мало поучительное поведеніе духовенства также способствовало потерѣ уваженія къ римской церкви. Его жадность была безгранична; имущество «мертвой руки» приняло огромные размѣры. Священники давали обѣты цѣломудрія и не соблюдали ихъ: не имѣя права жениться, они жили съ наложницами, окруженные иногда дѣтьми и своимъ примѣромъ учили свою паству пренебрегать постановленіями Церкви. Такъ поступилъ деканъ Буллингеръ въ Бремгартенѣ, отецъ реформатора, который согласно обычаю, весьма распространенному въ то время среди швейцарскаго духовенства, заключилъ бракъ на совѣсть, —смягченное названіе внѣбрачнаго сожительства; онъ былъ, однако, краснорѣчивымъ и ревностнымъ священ-

никомъ, обладалъ открытымъ и великодушнымъ характеромъ и пользовался большимъ уваженіемъ; онъ впослѣдствіи перешелъ на сторону реформаціи и его двадцатилѣтній брачный союзъ былъ узаконенъ. Примѣръ такихъ нарушеній постановленій Церкви показывали и самые высокопоставленные лица духовенства: развѣ Иннокентій VIII, отецъ семерыхъ незаконныхъ дѣтей, занимавшій папскій престолъ, не продолжалъ развратной жизни и послѣ избранія? На него было написано слѣдующее двустишіе:

Octo nocens pueros genuit, totidem que puellas;
Hunc merito poterit dicere Roma patrem.

Его преемникъ, Александръ VI, осыпалъ высшими почестями своихъ многочисленныхъ дѣтей, прижитыхъ имъ съ Ванноца Катанеи, которую часто смѣшивали съ прекрасной Юліей Фарнезе, его послѣдней фавориткой.

Французскій писатель, Анатолій Галлье, недавно описалъ удивительный характеръ Цезаря Борджіа, самаго извѣстнаго изъ сыновей Александра VI. Онъ изображаетъ его «историческимъ и романическимъ героемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ негодяемъ, которому нѣтъ равнаго, отмѣннымъ шарлатаномъ, совершеннымъ развратникомъ, ловкимъ политикомъ и въ то же время мечтающимъ совершить великія дѣла, ускользнувшія, однако, изъ его рукъ».— «Болѣе, чѣмъ когда-либо» — пишетъ этотъ авторъ, — «поражаетъ насъ здѣсь общеизвѣстная истина: что самыя невѣроятныя сочиненія романистовъ бѣдны сравнительно съ трагедіями дѣйствительной жизни».

Г. Галлье, убѣжденный католикъ, желая оправдать Церковь въ вопіющей скандальной жизни Александра VI, объясняетъ, что Александръ VI былъ избранъ только благодаря подкупу, что онъ купилъ цѣною золота голоса кардиналовъ; поэтому онъ находитъ несправедливымъ вѣчно попрекать католиковъ папой, «избраннымъ противъ формальныхъ законовъ Церкви и который не былъ свергнутъ вѣроятно только благодаря обстоятельствамъ, среди которыхъ онъ жилъ». Искренніе католики отдаютъ Александра на строгій судъ исторіи, но, говоритъ г. Галлье, «Провидѣніе захотѣло, чтобы по примѣру своихъ предшественниковъ и даже въ примѣръ своимъ преемникамъ, его столь недостойныя руки сохранили неприкосновенной сокровищницу католическихъ догматовъ».

Случается, что безнравственные судьи произносятъ безукоризненные приговоры; случается также, что судьи, отличающіеся примѣрной частной жизнью, произносятъ приговоры, возмущающіе здравый смыслъ, передъ которыми, однако, законъ повелѣваетъ истцамъ преклониться. Непогрѣшимость папы играетъ въ теологическихъ вопросахъ роль окончательнаго приговора въ юридическихъ вопросахъ; это средство удобное для

прекращенія несогласій, грозящихъ затянуться безконечно. Можно подумать, что изученіе римскаго права привело теологовъ къ формулированію ихъ теорій; но простой сынъ Церкви, не посвященный въ тонкости казуистики, не можетъ допустить, чтобы святыя рѣшенія могли исходить изъ нечистыхъ устъ; онъ желаетъ, чтобы проповѣдникъ подавалъ примѣръ добродѣтелей, которыя онъ проповѣдуетъ. Правильно разсуждая, трудно обойти молчаніемъ недостатки организаціи, допускающей возложить римскую тіару на голову человѣка безъ религіи и безнравственнаго, и кажется, что было бы благоразумнѣе, если бы совѣтамъ, собирающимся черезъ правильные промежутки, было предоставлено право контроля надъ поведеніемъ папы.

Позднія реформы, введенныя въ римскую церковь Совѣтомъ Тридцати (1545—1558), подняли престижъ святого престола и заставили нѣсколько забыть преступленія, которыми онъ былъ загрязненъ въ XV-омъ вѣкѣ; но если мы перенесемся въ эпоху, о которой мы только что говорили, то намъ станетъ понятно движеніе общественнаго мнѣнія, заставившее многочисленныя стада покинуть своихъ недостойныхъ пастырей, и тогда реформація представится намъ какъ месть народовъ, стремящихся свергнуть верховную власть духовенства, и какъ возмущеніе совѣсти при видѣ скандаловъ среди духовенства. Швейцарскимъ кантонамъ удалось освободиться отъ власти своихъ прежнихъ сеньеровъ; они отдѣлились отъ имперіи; великая распря изъ-за инвеституръ, борьба гвельфовъ съ гибелинами облегчили ихъ эмансипацію. Затѣмъ, только что освободившись, они были вовлечены въ несчастныя войны воинственнымъ папой. Пришелъ моментъ начать дѣйствовать противъ соблазновъ и корыстной лести святого престола и перестать помогать династическимъ интересамъ мнимаго преемника Св. Петра. Разрывъ съ имперіей имѣлъ естественнымъ слѣдствіемъ разрывъ съ римской куріей; какъ тотъ такъ и другой были необходимы для утвержденія независимости конфедератовъ.

Католическіе писатели не безосновательно упрекаютъ протестантскихъ писателей въ томъ, что они не всегда отличаютъ доктрины римской церкви отъ злоупотребленій ея представителей; на повседневномъ языкѣ часто смѣшиваютъ религію съ теологіей, нравственность съ религіей, обязанность съ уваженіемъ къ учрежденіямъ и нарушенія дисциплины съ отступленіями отъ доктрины. Однако, эти сферы хотя и смежны, но весьма отличны. Собственно религіей называется собраніе догматовъ и обрядовъ, представляющихъ отношеніе человѣка къ божественному могуществу, это область вѣры. Теологія заключается въ изученіи и знаніи религіозныхъ представленій, она входитъ въ область разсудка. Задача ученія о нравственности заключается въ выясненіи правилъ, исправляющихъ дѣятельность

человѣка, это область совѣсти. Гражданскія и религіозныя постановленія должны сообразоваться съ принципами нравственности и обстоятельствами; въ дѣйствительности ихъ характеръ всегда болѣе или менѣе случаенъ, и онѣ измѣняются съ теченіемъ времени. Взгляды на нихъ часто бываютъ весьма различны и нельзя отожествлять обязанности, предписываемыя нравственностью, съ уваженіемъ къ той или иной религіозной организаціи общества, на которую человѣкъ въ сущности свободенъ дать или не дать свое согласіе.

Теологъ можетъ быть очень свѣдущъ въ догматикѣ, не будучи въ то же время вѣрующимъ, и, наоборотъ, глубоко религіозный человѣкъ можетъ быть совершенно несвѣдущъ въ догматикѣ. Къ сожалѣнію, часто нравственные недостатки встрѣчаются у вѣрующихъ и, наоборотъ, можно встрѣтить людей строго-нравственной жизни, не имѣющихъ никакого представленія о религіи. Нравственность, считаемая независимой, есть въ дѣйствительности отраженіе религіи, ибо нравственность значитъ обязанность, а обязанность непремѣнно предполагаетъ лицо, взявшее на себя обязательство, и лицо, по отношеніи къ которому взято обязательство; эта высшая власть, относительно которой мы считаемъ себя обязанными или нѣтъ, этотъ кредиторъ всѣхъ обязательствъ, налагаемыхъ на насъ совѣстью и исполненіе которыхъ не можетъ быть требуемо отъ насъ закономъ, не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ Богомъ.

Съ постановленіями духовнаго порядка связаны интересы матерьяльные, болѣе или менѣе необходимые для ихъ функціонированія. Церковь, бѣдная вначалѣ, стала къ концу среднихъ вѣковъ обладательницей большой земельной собственности, благодаря сдѣланнымъ въ ея пользу дарственнымъ и полученнымъ ею льготамъ. Изобильныя пребенды аббатствъ и капитуловъ и праздность служителей Церкви представляли тяжелый контрастъ съ бѣдностью паствы и тяжелой работой, возложенной на нее. Большія богатства духовенства, какъ чернаго такъ и бѣлаго, стали, подобно богатству юноши въ Евангеліи, препятствіемъ къ его нравственному совершенствованію. Въ одномъ приходѣ Ваадтландскихъ Альпъ настоятель организовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ рядъ духовныхъ бесѣдъ; окончивъ свою рѣчь, онъ предложилъ наиболѣе образованнымъ жителямъ деревни выступить въ свою очередь. Одинъ изъ нихъ выбралъ тему: Лютеръ. Дойдя до того момента, когда великій реформаторъ появляется передъ вормскимъ сеймомъ, собесѣдникъ попытался изобразить впечатлѣніе, произведенное внѣшностью августинскаго монаха на папу. «Когда», сказалъ онъ, «Левъ X узналъ о томъ, что происходитъ, онъ воскликнулъ: этотъ нищій маленькій монахъ нанесъ тяжелый ударъ ногой въ мой котелъ». Этотъ горецъ хотя и въ нѣсколько грубой формѣ но очень остроумно изобразилъ положеніе дѣла.

У кого есть земля, тотъ воюетъ. Земельныя собственности монастырей и епархій и наслѣдіе Св. Петра были предметомъ постоянныхъ распрей. Духовенство, отказавшись подчинить свою частную собственность общимъ законамъ, придумало для защиты своихъ богатствъ отъ захвата придать имъ священный характеръ: вмѣсто того, чтобы, въ случаѣ нарушенія своихъ правъ, обращаться къ поддержкѣ свѣтской власти, оно прибѣгло къ духовному оружію и часто посылало громы отлученія на посягателей на ея права и притязанія.

Съ тѣхъ поръ римская Церковь, потрясенная реформаціей, наученная опытомъ, отказалась отъ многихъ злоупотребленій, за которыя она заслужила упреки въ XVI вѣкѣ: въ настоящее время она ставитъ свой идеалъ очень высоко; нельзя вмѣнять ей въ преступленіе того, что ея высшіе представители не достигаютъ этого идеала, и считать ее совершенно скомпрометированной благодаря ошибкамъ ея единомышленниковъ. Справедлива мысль, высказанная недавно въ одномъ католическомъ журналѣ [1]): «Заблужденія присущи всякому обществу, даже божественному, въ которомъ сознаетъ себя бѣдное человѣчество». Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что дерево познается по плодамъ его, и что римская Церковь не можетъ вполнѣ отказаться отъ отвѣтственности въ соблазнахъ, происходившихъ въ ея нѣдрахъ, указывающихъ на недостатки воспитанія ея чадъ. При ея могущественной организаціи и дисциплинарной власти, присвоенной себѣ ея прелатами, она должна была бы сама обуздать излишества своего духовенства и предупредить расколъ, вызванный ими.

Продажа индульгенцій, происходившая по распоряженію папы Льва X и дерзко практиковавшаяся въ Германіи доминиканцемъ Тетцелемъ, извращала догматъ ученія объ оправданіи благодатью, позволяя вѣрующимъ думать, что прощеніе грѣховъ можно получить цѣною денежнаго пожертвованія, безъ всякаго дѣйствительнаго исправленія. Она вызвала негодованіе Лютера, который въ своихъ знаменитыхъ виттенбергскихъ тезисахъ смѣло противопоставилъ спасеніе черезъ вѣру спасенію черезъ дѣла, призывая въ судьи папу (31 октября 1517). Продавцы индульгенцій очевидно преступили свои полномочія, ибо по святому католическому догмату индульгенція только на время отдаляетъ наказаніе, и прощеніе пріобрѣтается только путемъ раскаянія. Папа могъ бы сдѣлать выговоръ Тетцелю и немедленно отнять у него полномочіе, данное ему архіепископомъ Майнцскимъ, какъ онъ потомъ и сдѣлалъ; этимъ онъ заставилъ бы замолчать своихъ противниковъ и утишилъ бы надвигавшуюся грозу... Но Левъ X очень

[1]) Фрейбургская газета Liberté отъ 29 мая 1896 года.

нуждался въ деньгахъ; онъ былъ беззаботнаго и легкомысленнаго нрава и больше занимался покровительствомъ искусству и наукѣ, чѣмъ споспѣшествованіемъ царству Божію. Будучи худо освѣдомленъ о томъ, какое направленіе мыслей царило къ сѣверу отъ Альпъ, онъ и представить себѣ не могъ, что тамъ религіознымъ вопросамъ придаютъ бо́льшее значеніе, чѣмъ придавалъ онъ самъ, и что тамъ возмущаются тѣмъ, что раньше не возбуждало негодованія. Онъ поручилъ судъ надъ Лютеромъ своему легату, кардиналу де-Віо, прозванному Каэтаномъ, который потребовалъ отъ августинскаго монаха полнаго отреченія. Лютеръ отказался и, по совѣту своихъ друзей, тайно покинулъ Аугсбургъ, оставивъ тамъ воззваніе папы «худо освѣдомленнаго къ папѣ лучше освѣдомленному».

Таково было начало реформаціи въ Германіи. Однако, было бы неправильно считать продажу индульгенцій главной причиной раскола: она была только конечной причиной. Дальнѣйшій ходъ событій указываетъ, что разногласіе было болѣе глубоко и болѣе обще, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Великое религіозное движеніе, орудіями котораго были Лютеръ, Цвингли, Фарель, Кальвинъ, Ноксъ и другія выдающіяся личности, черпало силу въ состояніи упадка, въ которомъ находилась римская церковь, и въ недовѣріи къ ней вызванному благодаря ряду недостойныхъ прелатовъ: оно явилось естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ движеній: Арнольда изъ Брешіи, Вальдо, Виклефа, Іоганна Гусса и Савонаролы. Къ несчастью римская церковь не имѣетъ обыкновенія слушать совѣтовъ скромныхъ людей; если бы въ настоящее время св. Петръ явился въ своей одеждѣ рыбака, его не стали бы слушать. Арнольдъ изъ Брешіи былъ обезглавленъ; мнѣнія Вальдо и Виклефа были осуждены соборами; Іоганнъ Гуссъ и Савонарола были сожжены. Вслѣдствіе нѣкотораго рода поздняго раскаянія, папа Юлій II позволилъ Рафаэлю, десять лѣтъ спустя послѣ смерти этого мученика, помѣстить его фигуру среди ученыхъ Церкви въ *Диспутѣ о святомъ причащеніи* въ самомъ Ватиканѣ. Высокіе члены римскаго духовенства, дорожившіе заблужденіями, изъ которыхъ они извлекали пользу, были всегда недоброжелательны къ требованіямъ реформы, поднимавшимся неоднократно въ нѣдрахъ христіанства, и противопоставляли имъ силу инерціи.

Великое религіозное пробужденіе XVI-го вѣка связано съ возрожденіемъ наукъ; эти два движенія были параллельны и въ нѣкоторомъ отношеніи противоположны. Часть гуманистовъ споспѣшествовала реформаціи; другая, болѣе преданная идеямъ классической древности, пробивъ путь реформаціи, отдалилась отъ нея; такъ случилось съ Эразмомъ. Нѣкоторыя попытки борьбы съ злоупотребленіями духовенства были сдѣланы въ XV

вѣкѣ; по требованію дворовъ французскаго и нѣмецкаго были созваны съ этою цѣлью соборы: въ Пизѣ. въ 1409 г., въ Констанцѣ въ 1414 г. и въ Базелѣ въ 1431 г. Но итальянскіе прелаты постарались заглушить первыя нападенія на римско-католическую систему; на слѣдующемъ за этимъ соборѣ, собравшемся въ Мантуѣ въ 1459 г., папа Пій II (Эней Сильвій) издалъ декретъ, въ которомъ постановленія Констанцскаго и Базельскаго соборовъ объявлялись еретическими. Проявившійся было духъ свободы и національнализма былъ подавленъ. Симонія (продажа духовныхъ бенефицій) сдѣлала новые успѣхи. на папскій престолъ избирался тотъ. кто больше платилъ.

Съ другой стороны. мистицизмъ. на появленіе котораго въ XIV вѣкѣ было нами указано, (томъ I, ст. 250), сдѣлалъ успѣхи въ XV вѣкѣ. Около 1415 или 1420 года на сѣверѣ Европы начало распространяться сочиненіе, получившее такую популярность. какой до того времени не достигла ни одна книга. и которое, несмотря на свою краткость. было содержательнѣе толстыхъ томовъ по теологіи. Это «Подражаніе Іисусу Христу», приписываемое обыкновенно голландцу Ѳомѣ Гамеркену, болѣе извѣстному подъ именемъ Ѳомы Кемпійскаго. Главная мысль, проводимая въ этой книгѣ, та. что Богъ придаетъ значеніе главнымъ образомъ сердечнымъ чувствамъ. и что единственный путь для общенія съ нимъ есть внутренняя святость. «Если», говоритъ авторъ ея, «наше духовное совершенствованіе будетъ заключаться только въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ. наше благочестіе будетъ непродолжительнымъ; но положимъ сѣкиру у корня дерева, ибо безъ милосердія внѣшнія дѣла не имѣютъ значенія». Эта книга, вполнѣ католическая по духу, есть въ то же время косвенный протестъ противъ царившаго тогда формализма. Подобно Вальдо, Виклефу, Іоганну Гуссу и богемскимъ братьямъ, авторъ Подражанія вдохновлялся непосредственно Евангеліемъ, а не преданіями.

Къ концу XV в. реформаціонная партія казалась побѣжденной, а папскій авторитетъ укрѣпившимся; но зародыши, считавшіеся задушенными, продолжали жить; гражданская власть и буржуазія продолжали дѣло своей эмансипаціи; гуманисты освящали прогрессъ общества: глухое броженіе овладѣло умами. Мужественные піонеры. разрывая съ Римомъ, не могли точно предвидѣть, куда приведутъ ихъ требованія; будучи орудіями въ рукахъ Провидѣнія, они повиновались голосу своей совѣсти, и уже только много позднѣе проявились всѣ слѣдствія религіозной революціи XVI вѣка.

Въ продолженіе своего краткаго пребыванія на землѣ Христосъ далъ толпѣ. слушавшей его проповѣдь, рядъ наставленій, часто облеченныхъ въ въ форму притчей, иногда съ виду противорѣчивыхъ. Уважая человѣческую

свободу, онъ предоставилъ своимъ ученикамъ заботу объ организаціи, подъ ихъ отвѣтственностью, религіозныхъ обществъ, которыя они должны были основывать, сообразуясь съ эпохой и мѣстомъ ихъ дѣятельности и будущей дѣятельности ихъ преемниковъ. Апостолы и діаконы, которыхъ они взяли себѣ въ помощники, проповѣдывали въ синагогахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ. Ихъ проповѣдь была проста, она не сопровождалась никакимъ особеннымъ церемоніаломъ, однако, она пользовалась большимъ успѣхомъ; они быстро распространили добрую вѣсть въ различныхъ частяхъ римской имперіи; они дополнили полученное ими поученіе и истолковали его въ своихъ посланіяхъ. Принятая ими организація описана въ Дѣяніи апостоловъ: она была чрезвычайно проста и ни въ чемъ не напоминаетъ грандіозной организаціи католической Церкви, съ ея пышнымъ ритуаломъ и яркоцвѣтными костюмами ея епископовъ и кардиналовъ. Это разногласіе бросается въ глаза, и оно оправдываетъ многочисленныя жалобы, раздававшіяся въ теченіе среднихъ вѣковъ, а также неоднократное требованіе, чтобы вернулись къ традиціямъ первоначальной церкви. Впрочемъ это уклоненіе объясняется давленіями, которымъ было подвергнуто христіанство во время его развитія. Многое въ немъ выработалось подъ вліяніемъ философіи. Такъ отожествленіе добра съ духомъ, а зла—съ матеріей, откуда произошелъ аскетизмъ, несомнѣнно изъ ученія неоплатониковъ. Чтобы приспособиться къ пышнымъ обычаямъ римлянъ, католицизмомъ были приняты символическіе обряды; они возникли изъ опортунистическихъ соображеній и они, конечно, способствовали привлеченію вѣрующихъ; они дѣйствительно отвѣчали артистическимъ потребностямъ народовъ Италіи, которые не могли бы оцѣнить религіи, лишенной всякой пышности, и церквей съ голыми стѣнами, подобно стѣнамъ синагогъ. Было если не необходимо, то по крайней мѣрѣ полезно въ видахъ популяризаціи новой религіи въ средѣ столь воспріимчивой, какъ итальянская, стараться изобразить божество и олицетворить его атрибуты; такъ что, вопреки предписанію заповѣди Моисея: «не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія его, елико на небеси горѣ, елико на землѣ низу», церкви стали украшаться живописью и статуями. Когда католицизмъ восторжествовалъ, тогда нѣкоторые статуи Юпитера или иныхъ боговъ Олимпа были переименованы въ статуи святыхъ или пророковъ и отданы на благоговѣйное поклоненіе вѣрующихъ. По тѣмъ же причинамъ многое было введено въ богослуженіе изъ языческаго ритуала, а римскій епископъ принялъ титулъ *pontifex maximus*, принадлежавшій прежде главѣ религіозной корпораціи, созданной во времена царей для охраны Тибрскаго моста.

Не менѣе значительно вліяніе еврейской традиціи на развитіе церкви.

Преобладающая идея еврейства заключается въ томъ, что существуетъ народъ, избранный вѣчнымъ обѣтомъ Бога. Когда вслѣдствіе политическихъ переворотовъ народъ еврейскій разсѣялся по землѣ и пересталъ существовать какъ цѣльная нація, тогда христіане перенесли на себя обѣщанія, заключающіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ, и стали смотрѣть на себя какъ на духовное цѣлое, элементы котораго взяты отъ народовъ всей земли. Отсюда произошло *католическое* представленіе *Вселенской Церкви*, и возникла идея *верховной власти* папъ. Эта послѣдняя является какъ бы наслѣдіемъ древняго язычества съ тою разницею, что обрядовыя обязанности превратились въ обязательные догматы. Католики почувствовали, что для болѣе успѣшной борьбы съ язычествомъ они должны сплотиться, и они обосновали свое единство на абсолютной общности вѣрованій, распространявшейся даже на побочныя стороны, предоставленныя въ ученіи Христа и въ посланіяхъ апостоловъ личному усмотрѣнію вѣрующихъ.

Чтобы обуздать расколы, не замедлившіе образоваться среди первыхъ христіанъ, главы церкви организовали строгую дисциплину и создали іерархію. Уваженіе, которымъ пользовались *старшины*, естественно вытекало изъ ихъ положенія, отдѣльнаго отъ общества; они были посредниками между Богомъ и людьми. Подъ вліяніемъ аскетическихъ взглядовъ стали смотрѣть на бракъ, какъ на состояніе низшее, чѣмъ безбрачіе. Мало по малу одержалъ верхъ взглядъ, что брачная жизнь несовмѣстима со святостью, нераздѣльной со священническимъ званіемъ. Этотъ взглядъ поддерживали многіе великіе учители церкви: Аѳанасій, Іеронимъ и Августинъ, и въ концѣ IV вѣка папа Сириційй объявилъ лишеннымъ священническаго сана всякаго епископа, священника или діакона, пребывающаго въ бракѣ. Тѣмъ не менѣе до X и XI вѣковъ во многихъ епархіяхъ епископы были женаты, такъ напримѣръ лозаннскій епископъ Буркардъ (умеръ въ 1089 году). Безбрачіемъ стремились, повидимому, заставить священника отказаться отъ всѣхъ узъ, заставляющихъ его вести жизнь, сходную съ жизнью прихожанъ, и сдѣлать его такимъ образомъ независимымъ отъ міра и болѣе способнымъ подчиняться законамъ церкви. Подъ вліяніемъ кардинала Гильдебранда папа Левъ IX запретилъ женатымъ епископамъ, священникамъ и діаконамъ совершать богослуженіе Гильдебрандъ, возведенный въ санъ папы подъ именемъ Григорія VII, снова издалъ эдиктъ Льва IX въ 1074 г., сопровождая его угрозами еще сильнѣйшихъ наказаній. «Церковь», говоритъ онъ, «только тогда освободится отъ ига свѣтскихъ лицъ, когда ея служители разойдутся со своими женами».

Идея мистическаго единенія душъ безъ внѣшняго видимаго единства, идея невидимой Церкви, полное осуществленіе которой должно было совершиться только въ будущей жизни — идея, раздѣляемая, повидимому

апостолами—была замѣнена представленіемъ видимой Церкви, единой и непогрѣшимой, вполнѣ осуществляющейся уже здѣсь на землѣ и имѣющей право требовать отъ своихъ членовъ абсолютнаго подчиненія. «Дѣлайте это въ память обо мнѣ», сказалъ Христосъ. Трогательный обрядъ тайной вечери превратился въ жертву, повтореніе жертвы Христа. Причастіе принимается священникомъ передъ алтаремъ, ежедневно утромъ на тощакъ; народъ при этомъ присутствуетъ въ качествѣ зрителя и принимаетъ причастіе только черезъ длинные промежутки времени и только въ одномъ видѣ, чѣмъ указывается на то, что между священниками и вѣрующими нѣтъ равенства. Трудно безъ предварительнаго объясненія признать въ католической мессѣ увѣковѣченіе воспоминанія о послѣдней трапезѣ Спасителя съ его двѣнадцатью апостолами.

Христосъ, покидая своихъ учениковъ, долженъ былъ, по мнѣнію католическихъ учителей церкви, обезпечить продолженіе своего дѣла; необходимо было, чтобы полномочіе, возложенное имъ на апостоловъ, было неоспоримымъ; сомнѣніе въ верховномъ авторитетѣ преемниковъ, избранныхъ апостолами, было бы равносильно сомнѣнію въ полномочіи апостоловъ. Такимъ-то образомъ цѣлымъ рядомъ искусныхъ выводовъ и предположеній требующихъ доказательствъ, постарались оправдать верховную власть духовенства надъ паствой, затѣмъ непогрѣшимость Церкви, высказывающейся при посредствѣ соборовъ или при посредствѣ римскаго епископа.

Нельзя не замѣтить, какую роль играетъ разсужденіе въ построеніи этой системы. Всѣ догматы римской церкви, говорятъ ея послѣдователи, построены на троякомъ фундаментѣ: священномъ писаніи, устномъ преданіи и разумѣ. Католики полагаютъ, что устное преданіе удержалось со времени апостоловъ до нашего времени безъ измѣненій въ нѣдрахъ духовенства, являющагося носителемъ его, оно является сокровищемъ необходимымъ для пониманія Писанія. Право трудно понять, какъ можно придавать дѣйствительное значеніе устному преданію, когда вспомнишь о долгихъ спорахъ, печальное зрѣлище которыхъ представляли многіе соборы, начиная со временъ апостоловъ и до нашего времени, и о сомнѣніяхъ самого апостола Петра (см. Посланіе къ галатамъ, глава II).

Вводя элементъ разума и традиціи въ образованіе догмата, безъ сомнѣнія унижаютъ значеніе Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, священные тексты въ теченіе среднихъ вѣковъ были отставлены на второй планъ; содержаніе ихъ не было даже извѣстно обыкновеннымъ священникамъ, когда разразилась реформація: забвеніе ихъ и было однимъ изъ главныхъ обвиненій реформаторовъ. Разъ ужъ вѣрующій вступаетъ на путь разсужденій, и вѣра призываетъ къ себѣ на помощь разсудокъ для истолкованія текстовъ, трудно понять, на какомъ основаніи одна привилегированная каста при-

свиваетъ себѣ право разрѣшать затрудненія, встрѣчающіяся при чтеніи Священнаго Писанія. Въ дѣлѣ разсужденія аргументъ самъ по себѣ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ качества того, кто его произноситъ. Но въ теченіе среднихъ вѣковъ вѣрующіе, будучи совершенно лишены образованія и слѣдовательно и возможности читать Евангеліе, естественно должны были отказаться отъ самостоятельнаго изслѣдованія предмета своей вѣры съ Писаніемъ въ рукахъ. Ланки подчинились авторитету оффиціальныхъ органовъ церкви, и церковь, въ лицѣ своего духовенства, стала необходимымъ посредникомъ между Богомъ и вѣрующими. Это и было основное противорѣчіе, съ котораго началась борьба реформаціи. Протестантизмъ—это черта всѣхъ вѣроисповѣданій, вышедшихъ изъ реформаціи—считаетъ, что сношеніе человѣка съ Богомъ совершается непосредственно. Пасторъ является руководителемъ, совѣтникомъ, но не посредникомъ. Грѣшникъ не нуждается въ его посредничествѣ для полученія прощенія. Церковь есть только религіозное общество, образованное союзомъ индивидовъ, связанныхъ общей вѣрой; она можетъ изгонять изъ своей среды тѣхъ, кто ее безчеститъ или затрудняетъ ея миссію, но она не имѣетъ права предавать анаѳемѣ: одному Богу принадлежитъ право опредѣлять загробную судьбу своего созданія.

Прежде чѣмъ начать свое служеніе, Христосъ крестился у Іоанна Крестителя: затѣмъ Онъ присутствовалъ на свадьбѣ въ Канѣ: слѣдовательно, крещеніе и бракъ были имъ освящены, но не установлены. Остальныя таинства римской церкви, именно: муропомазаніе, покаяніе, рукоположеніе, соборованіе даже не упомянуты въ евангеліи; какъ они ни почтенны, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на учрежденія человѣческія, не составляющія сущности христіанства.

Если сравнить догматику католическаго и различныхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, то видно, что тѣ пункты, на которыхъ они сближаются, какъ-то догматы о грѣхѣ, о прощеніи и объ искупленіи, имѣютъ общее основаніе въ священномъ Писаніи, а тѣ, въ которыхъ они расходятся, какъ-то: учрежденіе священства, главенство духовенства, непогрѣшимость видимой церкви и др., основаны на разсужденіи и преданіи.

Такъ какъ, согласно представленію протестантовъ, Церковь есть общество вѣрующихъ, соединившихся въ интересахъ вѣры, то она организуется различно, въ зависимости отъ среды, въ которой христіанину приходится жить. Къ тому же, если Христосъ не оставилъ точныхъ указаній относительно ея организаціи, то это именно потому, что онъ хотѣлъ предоставить своимъ ученикамъ и ихъ преемникамъ свободу дѣйствія, смотря по тому, что они сами найдутъ полезнымъ и хорошимъ. Въ ходѣ нравственныхъ законовъ можно примѣтить явленіе аналогичное тому, что хи-

мики называютъ насыщеніемъ: наступаетъ моментъ, когда извѣстныя средства, развивъ всѣ силы, на которыя они способны, становятся безсильными; такъ и извѣстное учрежденіе, политическаго, соціальнаго и религіознаго характера, могущественно способствовавшее развитію правовъ или вѣры, начинаетъ постепенно ослабѣвать, теряетъ свое значеніе и становится препятствіемъ къ новымъ успѣхамъ. Такъ монашескія учрежденія, принесшія неоспоримую пользу во времена невѣжества среднихъ вѣковъ, пришли въ упадокъ и породили злоупотребленія, которыя заставили желать уничтоженія ихъ во многихъ странахъ. Педагоги не воспитываютъ одинаково ребенка и юношу: приходитъ моментъ, когда юноша ставши мужчиной, требуетъ права самому руководить своею жизнью. То же и съ народами: ихъ слѣдуетъ вести различно, смотря по ихъ состоянію образованія, культуры и нравственности; они достигаютъ высшей степени нравственности только тогда, когда они дѣйствительно свободны, но они могутъ разсчитывать на такую свободу только тогда, когда они достаточно развиты, чтобы руководить собой.

Наивныя представленія ребенка уступаютъ мѣсто у взрослаго человѣка разумнымъ идеямъ, основаннымъ на данныхъ опыта или являющихся результатомъ развитія сознанія; такъ и вѣрованія народовъ измѣняются по мѣрѣ расширенія ихъ умственнаго горизонта. Кругозоръ человѣка ограниченъ, истина едина, но никто здѣсь на землѣ не можетъ объять ея въ полномъ ея объемѣ; одного поражаютъ одинъ ея стороны, другой индивидъ или другой народъ видитъ ее съ совершенно иной точки зрѣнія. «Если подъ истиной», сказалъ г. Гастонъ Пари [1]), «мы будемъ подразумѣвать абсолютную истину, мы никогда не дадимъ отвѣта. Мы отлично знаемъ, что абсолютная истина недоступна человѣку, такъ какъ она обнимаетъ безконечность, а человѣкъ конеченъ; но мы также знаемъ, что самая благородная часть человѣка непрестанно стремится къ этой относительной истинѣ, область которой не имѣетъ границъ и можетъ быть въ одинъ прекрасный день перешагнетъ границы, до которыхъ въ настоящее время доходятъ наши самыя смѣлыя надежды».

Духовная пища души и ея дисциплина должны измѣняться, сообразуясь съ умственнымъ состояніемъ вѣрующаго, подобно тому какъ питаніе и гигіена измѣняются сообразно физическому состоянію индивида. Человѣкъ, неспособный размышлять и согласовать свою жизнь и свои идеи,—за недостаткомъ ли развитія, или вслѣдствіе умственной усталости,—нуждается въ религіи, властвующей надъ нимъ: случается, что образумѣв-

[1]) См. похвальное слово Пастеру, сказанное г. Гастономъ Пари 28-го января 1897 г. во французской Академіи.

шіеся скептики становятся подъ римскія знамена. Человѣкъ болѣе развитой нравственно и менѣе склонный повиноваться голосу страстей, сдѣлаетъ тѣмъ большіе духовные успѣхи, чѣмъ болѣе его воля будетъ свободна.

Дѣло возрожденія, предпринятое апостолами, было не изъ тѣхъ, которыя совершаются разъ навсегда для всѣхъ и которыя могутъ считаться законченными въ какой нибудь данный моментъ. Оно должно было продолжаться въ теченіе вѣковъ, мѣняя свои формы, приспособляясь къ злобамъ, заставлявшимъ страдать человѣчество. Свойство истинъ, заключающихся въ драгоцѣнной сокровищницѣ Евангелія, состоитъ въ томъ, что онѣ поддерживаютъ умы въ постоянномъ броженіи. Въ этомъ мірѣ не тѣ, кто довольны, а тѣ, кто недовольны, споспѣшествуютъ разрѣшенію вопросовъ, все равно въ какой области. Дѣлая свои догматы обязательными, римская церковь освобождаетъ лаиковъ отъ обязанности самимъ пробивать себѣ путь къ завоеванію нравственныхъ богатствъ; этимъ самымъ она лишила себя могущественныхъ помощниковъ и заставила умы, которые ей не удалось покорить, перейти въ лагерь противниковъ. Религія вѣрующаго, осужденнаго на пассивное повиновеніе, часто ограничивается соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, которымъ онъ слѣдуетъ, не понимая ихъ значенія. Нравственное чувство атрофируется. Священникъ, не бывши самъ главой семьи, не испытавъ жизни съ женой и ребенкомъ, не вѣдаетъ заботъ своей паствы. Во время исповѣди, которая должна была бы заполнить этотъ недостатокъ, жена и ребенокъ не являются въ ихъ истинномъ свѣтѣ и подъ вліяніемъ религіознаго чувства выказываютъ себя не такими, какими бываютъ обыкновенно. Образуется пропасть. Священникъ возбуждаетъ недовѣріе къ себѣ со стороны части народа. Такъ въ настоящее время въ католическихъ странахъ, именно во Франціи, многіе мужчины съ независимымъ характеромъ рѣзко порвали сношеніе съ духовенствомъ и сдѣлались противниками церкви; это явленіе гораздо болѣе рѣдко въ протестантскихъ странахъ: въ нихъ лагери не такъ рѣзко раздѣлены, религія пользуется болѣе общимъ уваженіемъ, постановленія церкви лучше соблюдаются, и чисто гражданскія похороны болѣе рѣдки. Когда религіозное развитіе и нравственное руководство умовъ монополизированы духовенствомъ, могутъ еще существовать добродѣтели благотворительности, но религіозная жизнь приходитъ въ упадокъ, какъ приходятъ въ упадокъ воинственныя наклонности народовъ, поручающихъ защиту своей земли иностраннымъ наемникамъ.

Ложная доктринальная непреложность католической церкви противна естественному закону эволюціи, господствующему въ исторіи: римская

курія, не признававшая этого закона, тѣмъ самымъ и вызвала схизму шестнадцатаго вѣка. Опека, которой церковь желала подчинить правительства, была вторженіемъ области религіи въ область политики и была противна заповѣди Того, кто сказалъ: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богови». Духовенство, обладавшее большою земельною собственностью, поставившее себя, благодаря насильственному безбрачію своихъ членовъ въ условія внѣ обычныхъ условій общества, нравственность членовъ котораго оставляла къ тому же желать многаго,—такое духовенство менѣе всякаго иного могло претендовать на такую роль.

Съ другой стороны, нельзя не признать, что католическая Церковь во многихъ случаяхъ стремилась къ прогрессу; мы уже говорили (томъ I, стр. 36 и 113), что во времена варваровъ она покровительствовала слабымъ, что она, благодаря своимъ монастырямъ, спасла остатки греческой и римской культуры, распахала земли и покровительствовала искусствамъ. Наконецъ, благодаря обрядамъ, которыми она окружила главныя событія человѣческой жизни: крестины, бракъ и похороны, она мало-по-малу создала гражданское положеніе, продержавшееся въ ея рукахъ во Франціи до революціи, и которое въ другихъ странахъ она сохранила еще надолго послѣ нея. Это вмѣшательство въ область, которую современники предоставили гражданской власти, было полезно для общества; оно имѣло оправданіе въ томъ, что государство еще не существовало въ средніе вѣка или не доросло еще до этой обязанности, но когда это вмѣшательство расширило свою область, оно стало стѣснять развитіе: а такъ какъ Церковь не желала устраниться, то долженъ былъ произойти разрывъ. Несправедливо было бы упрекать римскую Церковь за то, что она въ XV-омъ вѣкѣ не съумѣла предвидѣть системы раздѣленія властей и компетенцій, которая стала преимущественной только въ XVIII и XIX вѣкахъ. Впрочемъ Церкви, вышедшія изъ реформаціи, слѣдовали сначала по стопамъ римской Церкви.

Въ распространеніи реформаціи большую роль игралъ темпераментъ народовъ. Южные народы, у которыхъ преобладаетъ типъ брахицефальный, не приняли ея; тогда какъ сѣверные народы, у которыхъ преобладаетъ типъ долихоцефальный [1]) приняли ее. Южные народы судятъ о

[1]) Мы упоминаемъ объ этомъ различіи, не придавая ему большаго значенія, чѣмъ позволяютъ произведенныя до сихъ поръ изслѣдованія. Оно заключается въ болѣе широкой и круглой черепной коробкѣ у первыхъ, болѣе удлиненной у вторыхъ. У брахицефаловъ волосы и глаза обыкновенно темные, они небольшого роста: долихоцефалы имѣютъ обыкновенно свѣтлые волосы и голубые глаза и болѣе высокій ростъ. Эти два типа перемѣшаны въ Швейцаріи и во Франціи съ древнихъ временъ и

вещахъ съ артистической точки зрѣнія; будучи болѣе воспріимчивыми, они увлекаются величіемъ обрядовъ римской церкви. Они обладаютъ привлекательными качествами и очарованіемъ женщины съ ея причудами; они живѣе жителей сѣвера, болѣе субъективны, чѣмъ объективны; будучи удивительно интуитивны, они склонны къ быстрымъ сужденіямъ, но не долго хранятъ испытанныя впечатлѣнія; они не выказываютъ постоянства въ занятіяхъ общественными дѣлами и у нихъ нѣтъ творческой энергіи; будучи привязаны къ рутинѣ, они выказываютъ мало иниціативы; они сдѣлали много открытій, но не имъ мы обязаны великими изобрѣтеніями, измѣнившими условія современной индустріи. Ихъ можно сравнить съ тѣмъ, что въ физикѣ называется хорошими проводниками тепла, воспринимающими быстро дѣйствіе окружающей атмосферы, нагрѣвающимися и охлаждающимися подъ вліяніемъ внѣшней среды и перестающими приносить пользу этой средѣ, какъ только оно исчезло. Мягкій климатъ Италіи побуждаетъ къ лѣни, къ бездѣйствію, жизнь тамъ сравнительно легка, забота о хлѣбѣ насущномъ тамъ менѣе жгуча, чѣмъ на сѣверѣ, тамъ мало заботятся о завтрашнемъ днѣ. Жители ея пользовались большимъ благосостояніемъ въ XVI вѣкѣ: благодаря зрѣлой цивилизаціи въ ней царилъ равнодушный скептицизмъ мало благопріятный для занятій нравственными проблемами. Къ тому-же итальянцы извлекли большую пользу изъ злоупотребленій, въ которыхъ упрекаютъ духовенство: при посредствѣ симоніи и индульгенцій вымогались у сѣверныхъ странъ деньги, которыя тратились высшимъ духовенствомъ въ Италіи.

Напротивъ въ сѣверныхъ странахъ борьба за существованіе была болѣе трудная. Эта борьба обостряетъ духовныя способности, развиваетъ волю, чувство независимости и личной отвѣтственности. Человѣкъ болѣе высокаго роста больше довѣряетъ своимъ силамъ, больше заботится о соб-

---

число ихъ представителей измѣняется по областямъ. Въ интересной монографіи г. Луи Шалюмо подъ заглавіемъ Influence de la taille humaine sur la formation des classes sociales, авторъ указываетъ на то, что бѣлокурый типъ и высокій ростъ преобладаютъ въ городахъ Швейцаріи, а брахицефальный типъ распространенъ въ деревняхъ. Онъ находитъ, основываясь на осмотрахъ рекрутовъ съ 1884 по 1891, что на профессіи, требующія умственнаго усилія, легче набираются люди среди долихоцефаловъ. Въ статьѣ, напечатанной въ 1896 г. въ Journal de statistique suisse, тотъ же авторъ указываетъ на то, что въ общемъ, особенно-же въ Граубюнденѣ, существуетъ нѣкоторое соотношеніе между высокимъ ростомъ и протестантизмомъ, малымъ ростомъ и католицизмомъ. Однако онъ спѣшитъ прибавить, что вопросъ осложняется многими иными факторами; но то же можно наблюдать и въ Великобританіи, гдѣ ирландцы, брахицефалы, остались католиками, а англичане и шотландцы, долихоцефалы, остались протестантами.

ственномъ достоинствѣ. Германскіе народы менѣе одарены умственно, чѣмъ латинскіе, они не такъ быстро схватываютъ вопросъ; но они мужественнѣе, болѣе способны къ продолжительному умственному труду, болѣе разсудительны, болѣе энергичны, больше дорожатъ свободой, обладаютъ болѣе дедуктивнымъ мышленіемъ. Такъ какъ они менѣе избалованы природой, то они сильно чувствуютъ потребность улучшить свое положеніе, болѣе интересуются общественными дѣлами, принимаютъ къ сердцу интересы своихъ ближнихъ и болѣе воспріимчивы къ новымъ идеямъ. Сущность вещей для нихъ важнѣе формы; они честнѣе, вѣрнѣе въ своихъ привязанностяхъ и рѣшительнѣе выступаютъ на встрѣчу опасности. Ихъ можно сравнить съ тѣмъ, что въ физикѣ называется дурными проводниками тепла, отличительная черта которыхъ заключается въ томъ, что они долго остаются безразличными къ внѣшнимъ вліяніямъ, но зато дольше сохраняютъ полученное воздѣйствіе. Извлекая выгоду изъ этихъ воздѣйствій, сѣверянинъ не такъ быстръ на скороспѣлыя рѣшенія, но разъ принявъ рѣшеніе, твердо его держится. Религіозная реформа застала народы сѣвера въ тотъ моментъ, когда они были въ полномъ развитіи, и они приняли ее, какъ одно изъ условій борьбы, которую имъ приходилось вести съ народами юга, опередившими ихъ на пути цивилизаціи.

Въ Швейцаріи реформація одержала верхъ въ городахъ Базелѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Шаффгаузенѣ, Сенъ-Галленѣ, Курѣ, Невшателѣ, Женевѣ, гдѣ возрожденіе уже посѣяло сѣмена интеллектуальной жизни, а также въ деревняхъ Гларуса и Аппенцелля, гдѣ чувствовалось вліяніе Цюриха. Напротивъ, реформація потерпѣла пораженіе въ Люцернѣ, Фрейбургѣ, Солотурнѣ, Цугѣ и въ Лѣсныхъ кантонахъ. Это объясняется тѣмъ, что городское населеніе болѣе воспріимчиво къ новымъ идеямъ, чѣмъ деревенское; такъ, въ началѣ распространенія христіанства, язычество, какъ мы видѣли, дольше держалось въ деревняхъ. Кромѣ того возможно, что въ Лѣсныхъ кантонахъ, а также въ Валлисѣ, духовенство (что замѣчается и въ настоящее время), живя болѣе тѣсной жизнью съ народомъ, болѣе удовлетворяя его своимъ поведеніемъ, не возбуждало такого антагонизма, какъ въ городахъ.

Слѣдуетъ признать, что политическія власти приняли большое участіе въ реформаціи. Противники Рима призвали къ себѣ на помощь правительства; безъ этой поддержки они не одержали бы побѣды. Католическіе авторы нашли въ этомъ причину къ порицанію; они не принимаютъ, или не желаютъ принять въ соображеніе, до какой степени политика и религія въ то время переплетались. Еще и теперь религія въ католической средѣ есть «соціальная сила», тѣсно связанная съ государствомъ и стремящаяся, по возможности, властвовать надъ нимъ; на-

противъ для протестанта — и эту-то точку зрѣнія Вине старался особенно выставить—она прежде всего «дѣло вѣры», невидимая связь между человѣкомъ и его Создателемъ. Но это высшее представленіе о роли религіи, свойственное протестантизму, прокладывало себѣ дорогу весьма медленно, и нельзя ставить въ упрекъ людямъ, стоявшимъ въ XVI-омъ вѣкѣ во главѣ правительствъ, что они приняли участіе въ распрѣ, поднявшейся между Лютеромъ, Цвингли и Кальвиномъ съ одной стороны и Римомъ—съ другой. Идея о религіозной свободѣ и взаимной терпимости есть идея вполнѣ современная, реформаторы не предвидѣли ея; умѣренные люди того времени требовали, чтобы каждому приходу дано было право высказаться за старую религію или за реформацію, но имъ и на умъ не приходило, чтобы каждый прихожанинъ въ отдѣльности могъ бы принадлежать къ какой ему угодно религіи: если какой-либо гражданинъ не соглашался съ мнѣніемъ, взявшимъ верхъ въ его коммунѣ, онъ принужденъ былъ перенести свои пенаты въ другое мѣсто. Когда Костельонъ и Фалле, опередивъ свою эпоху, стали выражать протестъ противъ тяжелаго ярма оффиціальнаго исповѣданія вѣры и потребовали права свободы изслѣдованія въ нѣдрахъ реформы, они не были поняты. Еще и теперь убѣжденные католики придерживаются compelle intrare; тамъ, гдѣ они въ меньшинствѣ, или гдѣ они вошли въ соприкосновеніе съ протестантизмомъ, они громко требуютъ свободы вѣроисповѣданія, но они поступаютъ иначе тамъ, гдѣ они всемогущи. Когда тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ стали требовать религіозной свободы въ Испаніи и въ Тосканѣ, духовенство всѣми силами воспротивилось этому; а въ Римѣ свобода вѣры существуетъ только со времени присоединенія этого города къ итальянскому королевству.

Чтобы судить объ эпохѣ, надо проникнуться духомъ ея: чтобы оцѣнить поведеніе нѣмецкихъ князей и швейцарскихъ магистратовъ XVI-го вѣка, надо помнить, что ихъ умы были еще пропитаны образованіемъ, полученнымъ ими въ нѣдрахъ католической церкви. Идея религіозной терпимости могла явиться только въ умахъ высшаго закала, какъ напр. у Вильгельма Оранскаго, освободителя Нидерландовъ, или въ умахъ смѣлыхъ политиковъ, равнодушныхъ къ дѣлу вѣры, какъ Генрихъ IV.

Сами папы вмѣшивались въ политику, частью съ цѣлью увеличенія того, что они называли «наслѣдствомъ Св. Петра», частью, чтобы добыть удѣлы для своихъ племянниковъ и незаконныхъ дѣтей: напослѣдокъ Юлій II образовывалъ лигу за лигой съ цѣлью распространенія своего политическаго вліянія надъ всей Италіей. Въ Швейцаріи и Германіи прелаты и аббаты съ давнихъ ужъ поръ надѣлили себя духовными княжествами, и потоки крови лились ради ихъ свѣтскихъ интересовъ. Ду-

ховному престижу папъ и прелатовъ весьма повредило то, что они прибѣгали къ отлученію—орудію чисто религіозному—въ цѣляхъ укрощенія возмущеній чисто политическихъ или для разрѣшенія конфликтовъ частнаго характера. Послѣ этого неудивительно, что свѣтскіе князья вознаградили себя за это и въ свою очередь вмѣшались въ вопросы религіозные. Могли-ли они, съ оружіемъ въ рукахъ, оставаться пассивными въ виду безпорядковъ, царившихъ среди духовенства, и безсилія соборовъ? Развѣ не должны они были въ интересахъ общественнаго и нравственнаго порядка, хранителями котораго они были, покровительствовать реформѣ и положить конецъ злоупотребленіямъ? Если германскіе князья и швейцарскія коммуны воспользовались этимъ случаемъ, чтобы завладѣть духовными имуществами, то этимъ они выказали не большую жадность, чѣмъ аббаты, прелаты и папы, подававшіе въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ примѣръ безграничнаго остервенѣнія въ преслѣдованіи своихъ матерьяльныхъ интересовъ.

Порвавъ съ Римомъ, князья и коммуны взяли на себя управленіе религіозными интересами народовъ, находившихся подъ ихъ властью, и подчинили себѣ духовенство. Они въ свою очередь выказали печальное смѣшеніе властей, за которое мы упрекали римскую курію. «Человѣчество», говоритъ г. Принсъ [1]), «идетъ впередъ, но исторія со своимъ вѣчнымъ ритмомъ дѣйствія и противодѣйствія постоянно повторяется, подобная волнѣ, которая то набѣгаетъ, то сбѣгаетъ, между тѣмъ какъ приливъ подвигается».

Истина пробивается постепенно сквозь множество заблужденій; потребовалась продолжительная борьба, чтобы освободить религіозные интересы отъ интересовъ политическихъ и утвердить за церковью и за государствомъ ту независимость, на которую каждое изъ нихъ имѣетъ право. Ихъ взаимное отношеніе еще далеко отъ того совершенства, которое было бы желательно. Болѣе или менѣе полное раздѣленіе ихъ вѣдѣній, къ которому въ настоящее время стремится человѣчество, представляетъ принципъ сравнительно новый, перенесенный изъ Америки. Впрочемъ высокіе умы утверждаютъ, что это раздѣленіе не можетъ быть абсолютнымъ; такъ какъ источникомъ нравственности является религія, а нравственность необходима для поддержанія порядка въ обществѣ, то государство, говорятъ они, не можетъ вполнѣ перестать интересоваться религіозными вопросами и должно поддерживать церковь, дѣятельность которой способствуетъ общественному благосостоянію. Въ эволюціи, которую испытываетъ общество и которую оно проходило неоднократно,

[1]) L'organisation de la liberté et le devoir social.

можно различить три фазы. Первая — дѣтство народовъ, во время котораго религіозный элементъ играетъ роль опеки надъ политической властью. Вторая, во время которой, благодаря тому, что образованіе проникло въ высшіе классы общества, нѣкоторыя общественныя должности, занимаемыя прежде духовными лицами, переходятъ въ руки представителей мелкаго дворянства и буржуазіи; дѣйствительно мы видимъ, что въ началѣ XIV-го вѣка во Франціи при Филиппѣ Добромъ законники, изучившіе римское право, поддерживали королевскую власть въ ея борьбѣ съ феодализмомъ и духовенствомъ; въ XV-омъ вѣкѣ въ Германіи также юристы противупоставили положенія римскаго права положеніямъ германскаго права и старались освободить князей отъ власти императора и папы; «юристы», пишетъ г. Жансенъ [1]), «питали сильную ненависть къ собственности духовенства и открыто заявляли, что власть апостольскаго престола представляла для князей тяжелое и непріятное иго». Въ теченіе послѣдовавшихъ вѣковъ освободившееся гражданское общество въ свою очередь беретъ власть надъ церковью въ сѣверной Европѣ; тогда какъ во Франціи государство входитъ съ нею въ соглашеніе, на югѣ и церковь осталась побѣдительницей.

Третья фаза эволюціи началась въ то время, когда образованіе стало общимъ достояніемъ и появилась демократія. Гражданинъ, ознакомившись со своими правами, сталъ требовать религіозной свободы; онъ отказался принимать безъ провѣрки формулы, пользующіяся покровительствомъ правительства, и послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ дебатовъ государство рѣшилось изъять изъ обязательной школьной программы обученіе закону Божію.

Эти общія соображенія удалили насъ отъ нашего предмета, но намъ казалось полезнымъ привести ихъ, чтобы уяснить, какимъ образомъ реформація оказывается связанной съ общимъ ходомъ цивилизаціи, и чтобы правильно освѣтить событія, о которыхъ дальше будетъ рѣчь, событія, игравшія рѣшительную роль въ кризисѣ XVI-го вѣка, и которыя въ сущности являются слѣдствіемъ и проявленіемъ болѣе общихъ причинъ.

[1]) L'Allemagne à la fin du moyen âge, t. I.

ГЛАВА II.

Умственное, соціальное и политическое состояніе Швейцаріи въ моментъ Возрожденія.

Поэзія въ Швейцаріи въ XV вѣкѣ: баллады и мистеріи.—Писатели хроникъ.—Основаніе Базельскаго университета.—Швейцарскіе гуманисты: Эразмъ. Глареанъ, Парацельсъ, Іоганъ Гейнлинъ фонъ-Штейнъ, Вёльфлинъ. Миконій.—Устройство типографій. — Объ архитектурѣ, о живописи на деревѣ, о живописи; Фрисъ, Гольбейнъ, Манюель.—О нравахъ.—Политическое положеніе.—Военная организація.—Тактика старыхъ швейцарцевъ.—Верховные кантоны, союзныя и подданныя страны.

Реформаціонное движеніе тѣсно связано съ Возрожденіемъ. Извѣстно, что послѣ взятія турками Константинополя, греческіе ученые, изгнанные изъ своей столицы, переселились на западъ, гдѣ они возстановили интересъ къ греческому языку и шедеврамъ греческой литературы и стали преподавать еврейскій языкъ, которымъ до того времени сильно пренебрегали. Тогда учащейся молодежи открылись новые горизонты.

Швейцарцы, будучи главнымъ образомъ воинственнымъ народомъ, долгое время пренебрегали наукой и литературой. Грамотность была мало распространена, хотя духовенство было относительно болѣе образовано, чѣмъ можно было бы думать, что доказываетъ образованіе, данное Цвингли его семьей. Нѣсколько балладъ и хроникъ, о которыхъ мы упоминали выше, составляли весь литературный вкладъ конфедератовъ. Къ балладамъ миннезингеровъ и Оттона де-Грансона, къ пѣснямъ Гальбсутера, къ поэтическимъ произведеніямъ Конрада фонъ-Амменгаузера и де-Боне, къ лѣтописямъ монаховъ Сенъ-Галлена и Жана изъ Винтертура (см. т. 1 ст. 78, 193, 251) присоединились въ XV вѣкѣ нѣсколько поэтовъ и писателей хроникъ: люцернецъ Жанъ Оверъ воспѣлъ сраженіе при Рагацѣ: его соотечественникъ, Жанъ Віоль, воспѣлъ побѣды при Муртенѣ и Джорнико; Жанъ Викъ составилъ разсказъ о дѣйствіяхъ швейцарцевъ при Швадерлоо, а одинъ авторъ, оставшійся неизвѣстнымъ, сочинилъ Грансонскую балладу.

Нѣкоторые изъ этихъ поэтовъ были простыми ремесленниками; такъ, напр., Матвѣй Цоллеръ, родомъ изъ Лауфенбурга, поселившійся въ Бернѣ, и Вейтъ Веберъ, котораго академикъ Кеавье Мармье прозвалъ швейцарскимъ Тальеферомъ [1]); оба они, хотя и были иностранцами по происхожденію, но швейцарцами по духу, такъ какъ воевали вмѣстѣ съ конфеде-

[1]) Тальеферъ—пѣвецъ сраженія при Гастингсѣ.

ратами во время бургундскихъ войнъ. Въ вступленіи къ Муртенской поэмѣ описывается восторгъ, возбуждаемый побѣдой: «Мое сердце переполнено радостью; я снова могу пѣть и сочинять стихи. Наконецъ мы отомстили за страшную обиду, воспоминаніе о которой не давало мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью».

Поэтъ выводитъ передъ своими слушателями различные отряды арміи, онъ описываетъ ихъ одежды, ихъ вооруженіе и тяжелыя орудія, ихъ артилерію, которыя онъ олицетворяетъ подъ именами Strouss (страусъ), Metz (Маргарита) и Ketterlin (Катенька). Затѣмъ слѣдуетъ живое описаніе сраженія и пораженія бургундцевъ:

«Они видны повсюду: вверху и внизу, на обработанныхъ поляхъ и въ виноградникахъ; одинъ прячется въ чащѣ, не будучи оленемъ, другой бросается въ озеро, не будучи рыбой и не имѣя желанія пить. Онъ погружается въ озеро до подбородка. Въ нихъ стрѣляютъ, словно они дикія утки. На нихъ охотятся въ охотничьихъ баркахъ, воды озера окрашиваются кровью, и охотничьи барки становятся красными. Иные вскарабкиваются на деревья; бѣдныя безкрылыя птицы, ихъ подстрѣливаютъ какъ воронъ. На пространствѣ двухъ миль валилась сила бургундцевъ, смятая и захваченная. Кровь, разлившаяся на двѣ мили, отомстила за смерть нашихъ братьевъ, безсовѣстно зарѣзанныхъ въ Грансонѣ».

Эти пѣсни, какъ легко себѣ представить, возбуждали энтузіазмъ конфедератовъ, онѣ разносились повсюду; дѣти, молодые люди, женщины и старики наперерывъ распространяли ихъ. Это не были продукты воображенія, сочиненные въ глуши кабинета; онѣ родились на полѣ битвы или у дымящагося очага, подъ вліяніемъ воспоминаній о подвигахъ, свидѣтелями которыхъ были сами авторы. Въ послѣднемъ куплетѣ баллады открывается обыкновенно имя автора, его отечество и его любимое оружіе, и она иногда оканчивается восклицаніемъ: «Сочинившій эту пѣснь называется Матвѣй Цоллеръ. Онъ гордо потрясаетъ своимъ стальнымъ копьемъ въ Бернѣ въ Юхтландѣ. Богъ и Богородица да помогутъ христіанамъ!»

Воинственныя пѣсни и баллады особенно подходятъ къ характеру жителей нѣмецкой Швейцаріи, энергичному и сентиментальному въ одно и то-же время. Къ романской же Швейцаріи, жители которой жизнерадостны, любятъ философствовать и подсмѣиваться, больше подходитъ разговорная форма. Въ средніе вѣка духовенство, чтобы привлечь и растрогать вѣрующихъ, прибѣгало къ драмѣ, которая позднѣе была такъ сурово осуждена имъ. Церкви были нашими первыми театрами; въ мистеріяхъ, исполняемыхъ церковнослужителями, пѣвчіе и прихожане представляли сцены изъ библіи; такъ, напр., въ мистеріи Рождества Христова, которую давали въ Невшательской коллегіи въ Крещеніе, фигурировали волхвы,

св. Іосифъ и Дѣва Марія. младенецъ Христосъ, пастухи и первосвященникъ. Приведемъ изъ нея интересный куплетъ, въ которомъ Іосифъ обучаетъ Марію ея материнскимъ обязанностямъ въ слѣдующихъ наивныхъ словахъ:

Госпожа, смотрите, чтобы вашему ребенку
Не было холодно! Вотъ покрывало,
Согрѣтое мною на сколько нужно,
И соска, если онъ захочетъ ѣсть.
Закройте его поскорѣй, госпожа.
У насъ нѣтъ ничего лучшаго.
Если онъ умретъ, клянусь,
Никогда мое сердце не будетъ знать радости.

Характеристичны названія пьесъ, дававшихся въ то время въ Ваадтландѣ: «Споръ между душой и тѣломъ», играна въ Лозаннѣ въ 1427 г., «Исторія св. Сусанны» въ 1460, «Тайна состоянія міра», въ 1461 г. и др.

Иногда эти представленія давались по поводу проѣзда черезъ городъ какого нибудь важнаго лица; такъ напр., въ Лозаннѣ въ 1440 г. дана была моралите (духовно-нравственное представленіе), сюжетъ которой не дошелъ до насъ, по случаю пребыванія въ городѣ папы Феликса V, направлявшагося на базельскій соборъ: или еще въ Женевѣ въ Бургъ-де-Фуръ была представлена въ 1523 г. Св. Елена, въ честь Беатрисы Португальской, супруги герцога Савойскаго.

Въ концѣ XV в., по словамъ Ф. Годе [1]), совершилось литературное пробужденіе Ваадтланда. Одинъ bachelier ès lois. лозаннскій правитель Жанъ Баніонъ, выступилъ въ 1478 г. со своимъ романомъ «Фьерабрасъ Великанъ», имѣвшимъ огромный успѣхъ въ Женевѣ, Ліонѣ и Парижѣ. Это — біографія въ прозѣ Карла Великаго; цѣль автора — восхвалить христіанскую вѣру въ лицѣ великаго императора. Въ то-же время въ Сенъ-Мартенѣ, въ Жора, жилъ священникъ, по имени Жанъ де-Бюньенъ, пріобрѣвшій также извѣстность и прославившійся во Франціи. Въ единственной поэмѣ, оставшейся послѣ него, подъ заглавіемъ: «Congié pris du siècle séculier», онъ заявляетъ о своемъ намѣреніи покинуть міръ и высказываетъ свое мнѣніе о немъ. Его произведеніе появилось въ Ліонѣ въ 1503 г. и выдержало нѣсколько изданій.

Одновременно съ этими грубыми поэмами и дѣтскими драмами появляются хроники. Въ первомъ ряду лѣтописцевъ фигурируютъ: Конрадъ Юстингеръ, которому бернское правительство поручило въ 1420 г. написать исторію Берна съ его основанія; Дибольдъ Шиллингъ, родомъ изъ

[1]) См. Histoire littéraire de la Suisse française.

Солотурна, государственный секретарь Берна, продолжавшій работу Юстингера и описавшій Бургундскія войны; канцлеръ Фрикаръ, разсказавшій о ссорѣ феодальныхъ сеньеровъ съ бернской буржуазіей во времена шультгейсса Кистлера и Адріена фонъ Бубенберга и ставшій защитникомъ правъ сеньеріи: Валерій Ангельмъ, написавшій хронику Берна съ эпохи Бургундскихъ войнъ до реформаціи и являющійся противникомъ пенсій и наемной службы. Въ Люцернѣ регистраторъ Мельхіоръ Руссъ написалъ въ 1482 г. исторію Люцерна и началъ исторію конфедераціи; капелланъ и органистъ Дибольдъ Шиллингъ описалъ Станцскій сеймъ, на которомъ онъ присутствовалъ въ качествѣ секретаря, а также послѣдующія событія, до 1510 г.; его разсказъ снабженъ иллюстраціями. Произведеніе Петермана Эттерлина, напечатанное въ 1507 г., представляетъ главный источникъ для исторіи бургундскихъ и швабской войнъ; онъ даетъ, какъ и оба предыдущіе автора, подробную версію легенды о Теллѣ (см. томъ I, ст. 167). Въ Швицѣ канцлеръ Іоганнъ Фрундъ описалъ въ своей иллюстрированной хроникѣ образованіе конфедераціи и цюрихскую войну: Альбертъ фонъ Бонштеттенъ, деканъ Эйнзидельнскаго аббатства, разсказалъ войны Карла Смѣлаго и свое посѣщеніе Николая фонъ Флю въ 1485 г. И Цюрихъ принесъ свою дань источникамъ національной исторіи: каноникъ Феликсъ Геммерлинъ (родившійся въ 1389 г., умершій въ 1461 или 1464 г.) былъ горячимъ полемистомъ, онъ нападалъ на соблазнительную жизнь монаховъ, епископовъ, кардиналовъ и даже папы: онъ протестовалъ противъ продажи индульгенцій и бенефицій; онъ принималъ участіе въ междоусобной войнѣ между Цюрихомъ и конфедератами и напечаталъ памфлеты на швейцарцевъ, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ ихъ простые и грубые нравы и отстаиваетъ интересы Австріи. Герольдъ Эдлибахъ, зять Вальдмана, описалъ исторію своей эпохи, начиная съ Цюрихской войны. Къ этому первому періоду принадлежитъ еще Бѣлая книга, найденная въ Сарненѣ въ архивахъ Обвальда, въ которой записанъ одинъ изъ главныхъ пересказовъ легенды Телля. Романская Швейцарія имѣла тоже своихъ писателей анналъ. Невшательскій капитулъ обладалъ хроникой, которую вели послѣдовательно тринадцать канониковъ; три первыхъ писали по-латыни и принимали сторону графа въ его несогласіяхъ съ невшательской буржуазіей; ихъ преемники писали по-французски и защищали муниципальныя вольности и федеральный союзъ. Изъ этой серіи слѣдуетъ запомнить три имени: Петръ Марки, Пюри де Ривъ и Гюгъ де Пьеръ.

Знаменитаго Бонивара, геній котораго родствененъ генію цюрихца Геммерлина, слѣдуетъ помѣстить среди лѣтописцевъ и памфлетистовъ скорѣе, чѣмъ среди дѣятелей эпохи возрожденія. Подобно Гаммерлину, онъ былъ

духовнымъ лицомъ и полемистомъ, качества, не исключающія другъ друга. Собственно говоря въ Бонивар'ѣ, пріорѣ Сенъ-Виктора, духовною были только платье и бенефиція. Въ его хроникахъ, написанныхъ въ XVI вѣкѣ, разсказываются событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и въ которыя онъ былъ замѣшанъ до принятія реформаціи во время распрей между женевскими буржуа, ихъ епископомъ и герцогомъ Савойскимъ. Онъ почувствовалъ себя чужимъ въ своемъ собственномъ городѣ, когда восторжествовала реформація, строгіе пріемы которой совсѣмъ не подходили къ его характеру.

Основаніе Базельскаго университета въ 1460 г. является однимъ изъ важныхъ событій въ нашей исторіи. Воздѣйствуя на старо-давніе нравы швейцарскаго народа, университетъ направилъ его на новый путь. Благодаря могучему сіянію этой высшей школы, наша страна нашла въ развитіи своихъ интеллектуальныхъ сторонъ вознагражденіе за свое удаленіе съ политической арены послѣ пораженія подъ Мариньано. Безкорыстныя научныя умозрѣнія дали новое направленіе умамъ, они подняли нравственный уровень правящихъ классовъ и способствовали матерьяльному преуспѣянію страны. Эти результаты проявились главнымъ образомъ въ кантонахъ, принявшихъ реформацію, такъ что эти послѣдніе далеко опередили съ точки зрѣнія какъ интеллектуальной, такъ и народнаго богатства, кантоны, оставшіеся вѣрными старой религіи. Въ этомъ отношеніи поучительно сравненіе между городами Базелемъ, Цюрихомъ, Женевой, Берномъ, Лозанной, Невшателемъ, Шаффгаузеномъ, Сенъ-Галленомъ, деревнями Гларуса и Аппенцелля съ одной стороны, и Люцерномъ, Солотурномъ, Фрейбургомъ, Лѣсными кантонами, Тессиномъ и Валлисомъ съ другой стороны.

Базельскій университетъ былъ основанъ папою Піемъ II. Этотъ папа въ то время, когда носилъ еще имя Энея Сильвія Пикколомини, засѣдалъ, въ качествѣ секретаря, въ базельскомъ совѣтѣ (1431—1448); онъ привязался къ Базелю и выразилъ его гражданамъ желаніе быть имъ пріятнымъ. Эти послѣдніе могли бы, подобно многимъ другимъ, просить о присылкѣ какой нибудь знаменитой реликвіи вмѣстѣ съ пожалованіемъ индульгенцій, что привлекло бы въ ихъ городъ массу богомольцевъ, но они оказались разумнѣе: они попросили папу основать университетъ.

Двое изъ главныхъ должностныхъ лицъ города Базеля, старый бургомистръ Іоганнъ фонъ Флаксландъ и канцлеръ Кунлинъ, сговорившись съ епископомъ Іоганномъ фонъ Венпингенъ, отправились въ Мантую, гдѣ въ то время жилъ Пій II, чтобы просить его о дарованіи привилегій, подобныхъ тѣмъ, которыми пользовался Болонскій университетъ, и о присоединеніи къ духовному владѣнію нѣсколькихъ пребендъ и бенефицій въ

пользу новаго учрежденія. Ихъ просьба была благосклонно принята, папа поспѣшилъ согласиться на ихъ желаніе. Булла объ учрежденіи университета помѣчена 12-мъ ноября 1459 г.; въ ней написаны слѣдующія, дѣлающія честь просвѣщенному уму этого щедраго папы, слова: «Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе жемчужины науки. Благодаря ей сынъ бѣдняка становится нужнымъ монарху. Она добываетъ изъ пыли безсмертный, безконечный разумъ; она является единственнымъ сокровищемъ, которое увеличивается, разсѣиваясь».

Въ тѣ времена было, конечно, меньше университетовъ, чѣмъ теперь; ихъ было десять въ Италіи [1]), одиннадцать во Франціи [2]), семь на Иберскомъ полуостровѣ [3]), четыре въ Великобританіи [4]), восемь въ Германіи [5]), одинъ въ Нидерландахъ [6]) и одинъ въ Польшѣ [7]). Въ теченіе XV и XVI вѣковъ было основано подъ вліяніемъ возрожденія и реформаціи еще около двадцати университетовъ.

Базельскій университетъ, который въ продолженіе почти четырехъ вѣковъ, одинъ въ Швейцаріи соединялъ въ себѣ четыре факультета: теологическій, юридическій, медицинскій и философскій, былъ торжественно открытъ 4-го апрѣля 1460 г. Его первымъ ректоромъ былъ юристъ Георгій фонъ Андлау. Въ числѣ ученыхъ, прославившихъ это учрежденіе въ первый періодъ его существованія, назовемъ юриста Себастьяна Брандта, родомъ изъ Страсбурга, автора сатиры въ стихахъ на нѣмецкомъ языкѣ, озаглавленной «Narrenschiff», въ которой онъ изобличаетъ злобы того времени; философа и теолога Ѳому Виттенбаха, бывшаго учителемъ Цвингли; теолога Людовика Бэра, друга Эразма; проповѣдника Гейлера, гуманиста Рейхлина и др.

Въ этой плеядѣ выдающихся людей одно имя затмеваетъ всѣ остальныя, это Эразмъ (см. фиг. 1), знаменитый голландскій гуманистъ (1462—1536), самый остроумный, ученый, извѣстный человѣкъ своей эпохи, издавшій многихъ классическихъ и духовныхъ писателей и авторъ сатирическихъ діалоговъ, изъ которыхъ извѣстнѣйшій есть «Похвала глупости». Эта остроумная аллегорія, въ которой Эразмъ высмѣиваетъ

[1]) Болонья, Неаполь, Падуа, Римъ, Пиза, Флоренція, Павія, Сіена, Палермо и Туринъ.

[2]) Парижъ, Тулуза, Монпелье, Орлеанъ, Гренобль, Авиньонъ, Оранжъ, Доль, Пуатье, Каенъ и Валенсъ.

[3]) Валенція, Саламанка, Коимбра, Лиссабонъ и Вальядолидъ.

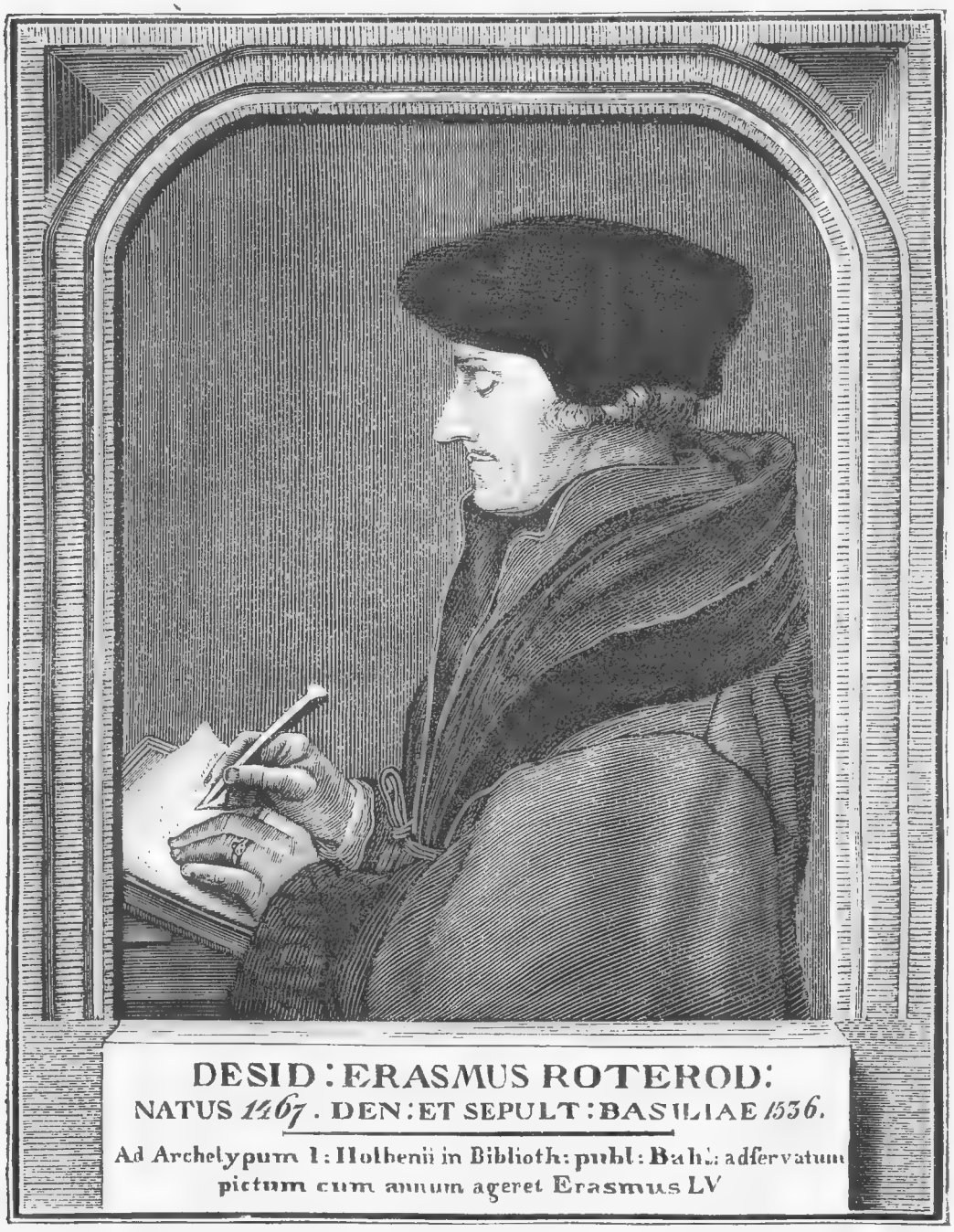
[4]) Оксфордъ, Кембриджъ, Сентъ-Андре и Гласговъ.

[5]) Прага, Вѣна, Кельнъ, Гейдельбергъ, Лейпцигъ, Грейфсвальдъ, Эрфуртъ и Фрейбургъ въ Бристау.

[6]) Лувенъ.

[7]) Краковъ.

недостатки людей и злоупотребленія духовенства, болѣе способствовала распространенію его славы, чѣмъ ученые труды о Сенекѣ, Цицеронѣ, Плу-



Фиг. 1. Портретъ Эразма по Гольбейну.

тархѣ и Теренціи. Эразмъ посѣтилъ Римъ и Италію, былъ очень хорошо принятъ въ Англіи Генрихомъ VIII, отказался отъ блестящихъ предло-

женій Франциска I, получилъ отъ Карла V званіе совѣтника и пенсію и въ концѣ концовъ поселился въ Базелѣ въ 1521 г. Тамъ и вышло еще въ 1516 г.. у Фробена его греческое изданіе Новаго Завѣта, ученый и добросовѣстный трудъ, посвященный папѣ Льву: въ этомъ изданіи онъ указываетъ на многія ошибки Вульгаты. Извѣстно, что Лютеръ сдѣлалъ нѣмецкій переводъ Новаго Завѣта съ текста Эразма. Интересъ, выказываемый ученымъ голландскимъ гуманистомъ къ изученію Библіи, и его переписка съ Лютеромъ позволяли думать, что онъ примкнетъ къ реформаціи; но въ этомъ отношеніи онъ обманулъ надежды своихъ самыхъ горячихъ поклонниковъ. Хотя Эразмъ и былъ независимъ въ своихъ мысляхъ, но обладая слабымъ здоровьемъ и осторожнымъ характеромъ, лишеннымъ душевнаго мужества, будучи сторонникомъ примиренія и въ то же время весьма раздражительнымъ, онъ отвернулся отъ Лютера, когда увидѣлъ, что Лютеръ порвалъ съ церковью. Будучи дѣятелемъ возрожденія, скорѣе интеллектуалистомъ, чѣмъ религіознымъ человѣкомъ, онъ не могъ простить реформаціи того, что она отодвинула на задній планъ изящную словесность и искусства. Онъ съ безпощадной ненавистью преслѣдовалъ Ульриха фонъ Гуттена, ставшаго поборникомъ новой религіи, и пускалъ въ Лютера ядовитыя стрѣлы; но при всемъ томъ не избѣгъ анаѳемы Сорбонны, признавшей его сочиненія еретическими. Когда въ Базелѣ была отмѣнена месса, онъ переселился въ Фрейбургъ въ Брисгау въ сопровожденіи Глареана. Съ тѣхъ поръ онъ началъ заискивать у папы, издалъ комментаріи къ псалмамъ и трогательную апологію жизни монаховъ. Въ награду за это папа Павелъ III назначилъ его каноникомъ въ Девентерѣ. Но прежде чѣмъ уѣхать въ Голландію, Эразмъ хотѣлъ еще разъ повидаться со своими базельскими друзьями; въ Базелѣ онъ заболѣлъ и умеръ въ 1536 г.

Генрихъ Лорити (1488—1563), по прозванію Глареанъ, данному ему по мѣсту его рожденія, былъ другомъ Эгидія Чуди, Эразма и Цвингли и ученикомъ Рейхлина; онъ былъ поэтъ-лауреатъ, увѣнчанный императоромъ Максимиліаномъ, педагогъ и энциклопедистъ; онъ основалъ въ Базелѣ интернатъ, писалъ о музыкѣ и печаталъ критическія изданія греческихъ и латинскихъ прозаиковъ. Неизвѣстно въ точности, преподавалъ-ли онъ въ базельскомъ университетѣ, но во всякомъ случаѣ онъ принадлежалъ къ кружку гуманистовъ этого города: сначала онъ какъ будто симпатизировалъ реформаціи, но потомъ рѣзко отвернулся отъ нея и принялъ каѳедру поэзіи при Фрейбургскомъ университетѣ въ 1529 г.

Парацельзъ (1493—1541) (см. фиг. 2), родомъ изъ Аппенцеля, родился въ Эйнзидельнѣ, преподавалъ медицину въ Базелѣ въ продолженіе одного

года, вообще много странствовалъ по свѣту; онъ написалъ замѣчательныя произведенія и былъ прозванъ «Лютеромъ медицины». Главная его заслуга состояла въ примѣненіи къ леченію новыхъ средствъ, заимствованныхъ изъ химіи.

Хотя Базель былъ единственнымъ университетомъ въ Швейцаріи, однако въ другихъ городахъ были школы, способствовавшія тоже распространенію реформаціоннаго движенія. Такъ въ Бернѣ преподавалъ Жанъ Гейнлинъ фонъ Штейнъ (a Lapide), который затѣмъ былъ въ Базелѣ, потомъ въ Парижѣ и былъ учителемъ знаменитаго Рейхлина, введшаго

Фиг. 2. Портретъ Парацельза.

вновь изученіе греческаго и еврейскаго языковъ. Во главѣ этой же школы находился нѣсколько лѣтъ спустя Генрихъ Вёльфлинъ, называемый также Lupulus по обычаю ученыхъ эпохи возрожденія переводить свои имена на латинскій или греческій языки; онъ былъ учителемъ Шиннера и Цвингли. Францисканскій монахъ Освальдъ Миконій, уроженецъ Люцерна, покинулъ этотъ городъ въ 1516 г. и основалъ школу въ Цюрихѣ; онъ былъ другомъ Глареана и Цвингли; позднѣе онъ переѣхалъ въ Базель, гдѣ замѣнилъ въ 1532 г. Экодампадія по каѳедрѣ теологіи.

Императоръ Карлъ IV (1365) собирался основать университетъ въ Женевѣ; эта мысль была снова подхвачена кардиналомъ де Броньи, избраннымъ въ 1423 г. въ епископы Женевы, но была оставлена за недостаткомъ средствъ. Однако въ 1428 г. Общій Совѣтъ рѣшилъ выстроить общественную школу въ кварталѣ Ривъ; деньги на это далъ одинъ богатый и щедрый женевецъ, благородный Францискъ де Версоннексъ, старый негоціантъ. Программа школы состояла въ изученіи грамматики, логики и свободныхъ искусствъ, т. е. реторики, философіи, ариѳметики, геометріи, астрономіи и музыки; это слѣдовательно было нѣчто вродѣ гимназіи или академіи: чтобы поступить въ нее, надо было уже умѣть читать и писать, поэтому ее называли grande école. Учили въ ней даромъ.

Среди учениковъ, посѣщавшихъ тогда университетскіе курсы, находимъ Абъ Иберга, Рединга изъ Швица, фонъ Матта и фонъ Флю изъ Унтервальдена, Гертенштейна изъ Люцерна, Гельдлина изъ Цюриха, Фарнбюлера изъ Сенъ-Галлена, Чуди изъ Гларуса, Мулинена, Галльвиля, Дисбаха изъ Берна, Ридматтена изъ Валлиса. Рядомъ съ этими сыновьями семей, игравшихъ уже историческую роль, сидѣли на школьныхъ скамьяхъ люди болѣе темнаго происхожденія, ведшіе скромную жизнь и принужденные прибѣгать ко всякаго рода способамъ для добыванія средствъ къ жизни.

Ихъ цыганскіе нравы живописно описаны въ интересныхъ мемуарахъ Ѳомы Платтера [1]). Само прозвище bacchant, даваемое въ Германіи старымъ студентамъ и происходящее отъ bacchari (бродить), указываетъ на то, какова была ихъ жизнь. Извѣстно, что двое изъ самыхъ замѣчательныхъ людей той эпохи, Шиннеръ и Лютеръ, дебютировали пѣніемъ на улицахъ и занимались нищенствомъ. Надежда пріобрѣсти знанія, которыя позволили бы имъ достигнуть высокаго гражданскаго и духовнаго положенія, придавала этимъ честолюбивымъ и жаждущимъ знанія молодымъ людямъ мужество, необходимое для того, чтобы переносить нужду или принимать низшія должности, лишь бы достигнуть своей цѣли. Ѳома Платтеръ родился въ Гренхенѣ, близъ Церматта, въ Валлисѣ, въ 1499 г. Онъ велъ бродячую, полную приключеній жизнь, которую можно сравнить съ жизнью Жиль Блаза. Онъ побывалъ въ Германіи, Цюрихѣ и Базелѣ, былъ пастухомъ козъ, потомъ ученикомъ, канатчикомъ, лакеемъ, школьнымъ учителемъ и, наконецъ, главнымъ типографщикомъ въ Базелѣ и умеръ въ Гундельдингенѣ (близъ Базеля) въ 1582 г.

---

[1]) Эти мемуары, интересные какъ романъ, были переизданы въ 1895 г. фирмой Георгъ Бридель и К.

Въ тѣ времена, какъ и теперь, любовь къ ученію была очень распространена въ Швейцаріи: молодые люди нашихъ даже самыхъ отдаленныхъ долинъ выказывали способности къ интеллектуальнымъ занятіямъ; происходя изъ самыхъ скромныхъ семей, они не рѣдко достигали, преодолѣвая величайшія трудности, высокаго положенія въ наукѣ. До поступленія въ университетъ будущій докторъ проходилъ paedagogium. Вотъ какъ была устроена школа, въ которой Платтеръ преподавалъ въ продолженіе 1533 и слѣдующихъ годовъ: она раздѣлялась на четыре класса: ученики перваго класса учились читать на черной доскѣ, читать по складамъ Доната [1]) и писать. Во второмъ классѣ преподавалось чтеніе и пересказъ катехизиса, Dialogi sacri Castalionis, малые Colloquia Erasmi, Selectae epistolae Ciceronis и элементарныя правила Доната. Въ третьемъ классѣ начинали чтеніе Новаго Завѣта, латинскую грамматику Меланхтона. De senectute Цицерона и проходились нѣкоторыя понятія изъ реторики и избранныя басни Езопа въ связи съ началами греческаго языка. Въ четвертомъ— проходили Новый Завѣтъ, реторику Меланхтона, діалектику, письма Цицерона, метаморфозы Овидія, комедіи Теренція, діалоги Лукіана и греческую грамматику Чеперони.

Умственному прогрессу, совершившемуся во время возрожденія, удивительно способствовало изобрѣтеніе книгопечатанія. Заслуга изобрѣтенія его принадлежитъ, какъ извѣстно, Іоганну Гуттенбергу изъ Майнца. Первая типографія была устроена имъ въ 1440 г. въ Страсбургѣ. 25 лѣтъ спустя каноникъ Илья фонъ-Лауфонъ основалъ типографію въ Мури въ Ааргау. Въ 1468 г. ученикъ Гуттенберга, Бертольдъ Рушель, началъ печатать въ Базелѣ. Одинъ базелецъ, ученикъ Ильи фонъ Лауфона, Ульрихъ Гершгъ, ввелъ въ Парижѣ искусство книгопечатанія въ 1470 г.; въ послѣдующіе затѣмъ годы новое изобрѣтеніе быстро распространилось; были основаны типографіи въ Бургдорфѣ въ 1475 г., въ Цюрихѣ въ 1476 или 1479 г., въ Женевѣ въ 1478 г., въ Ружмонѣ въ 1481, въ Сурзе въ 1500 г. и т. д. Книжная торговля быстро развилась въ Базелѣ: Амербахъ и Фробенъ стали извѣстны, какъ издатели произведеній Эразма, Рейхлина и другихъ современныхъ имъ ученыхъ. Занятіе типографскимъ дѣломъ было очень прибыльнымъ, доказательствомъ чему служитъ біографія Ѳомы Платтера, пришедшаго въ Базель бѣднякомъ и пріобрѣтшаго, занимаясь типографскимъ дѣломъ, богатство и положеніе въ этомъ ученомъ городѣ.

---

[1]) Латинскій грамматикъ, родившійся въ 333 г., бывшій учителемъ Св. Іеронима, оставившій два сочиненія, бывшія долгое время въ употребленіи въ школахъ: De barbarismo и De octo partibus orationis.

Искусство не можетъ процвѣтать внѣ монархическихъ государствъ или странъ очень разбогатѣвшихъ, благодаря торговлѣ. Швейцарія никогда не представляла удобную для его развитія почву. Однако въ средніе вѣка въ ней были воздвигнуты монументальныя зданія, которыя указываютъ на развитой уже вкусъ, хотя и не могутъ соперничать съ архитектурными произведеніями Франціи и Италіи. Вслѣдъ за соборами и церквами въ Курѣ, Базелѣ, Цюрихѣ, Женевѣ, Лозаннѣ, Фрейбургѣ, Невшателѣ и Бернѣ и замками Вюффленсъ, Эставейеръ, Невшатель, были воздвигнуты замѣчательныя ратуши въ Базелѣ, Цугѣ, Сурзе, Бернѣ и др. и частные дома, указывающіе на присутствіе опытныхъ архитекторовъ въ Люцернѣ, Женевѣ, Базелѣ и даже въ менѣе значительныхъ городахъ, какъ Сіонъ (домъ Суперсакса), Мудонъ (почтамтъ), или Ромонъ (таверна Оленя). Въ этихъ постройкахъ господствовалъ готическій стиль. Съ артистической точки зрѣнія наше восхищеніе вызывается единствомъ концепціи, но съ археологической точки зрѣнія накопленіе стилей въ одномъ зданіи представляетъ тоже большой интересъ, указывая на работу нѣсколькихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи можно, между прочимъ, указать на двери Аваншскаго замка въ стилѣ итальянскаго ренессанса.

Военная архитектура не уступала въ смѣлости гражданской и церковной; главные швейцарскіе города окружаютъ себя, не жалѣя денегъ, укрѣпленными стѣнами, непроницаемыми для артиллеріи той эпохи: остатки ихъ мы можемъ видѣть въ Фрейбургѣ, Люцернѣ и Солотурнѣ. Упомянемъ еще, какъ остатокъ той эпохи, базельскія ворота Шпаленторъ. Плодовитое воображеніе скульпторовъ проявилось въ постройкѣ аллегорическихъ фонтановъ, сохранившихся до нашего времени между прочимъ въ Фрейбургѣ, Бернѣ и въ Солотурнѣ и придающихъ этимъ городамъ особый отпечатокъ.

Частные дома, церкви и монастыри часто украшались разноцвѣтными окнами, на которыхъ были изображены благочестивыя легенды и сцены изъ современныхъ нравовъ; это искусство процвѣтало въ Швейцаріи въ XV и XVI вѣкахъ.

Скульптура на деревѣ также процвѣтала въ эту эпоху; это искусство примѣнялось главнымъ образомъ къ меблировкѣ церквей, монастырей, ратушъ, замковъ и домовъ богатыхъ буржуа. Во всѣхъ болѣе значительныхъ церквахъ еще встрѣчаются роскошныя скамьи. На нихъ вырѣзаны различные сюжеты: иногда гербы знатныхъ фамилій, заслужившихъ общественную благодарность благочестивыми учрежденіями, или современныхъ важныхъ должностныхъ лицъ, иногда символическія изображенія. На роскошныхъ скамьяхъ стариннаго аббатства Отривъ, близъ Фрейбурга, артистъ изобразилъ ряды пророковъ, чередующіеся съ рядами апостоловъ,

держащіе въ рукѣ филактеры, на которыхъ написаны пророчества и члены символа вѣры; въ центрѣ находится изображеніе какого-нибудь святого епископа; на одномъ концѣ поклоненіе волхвовъ, на другомъ— Св. Бенуа, Св. Троица и Іоаннъ Предтеча. Подпорки налоевъ представляютъ эмблемы четырехъ евангелистовъ: орелъ Св. Іоанна, левъ Св. Марка, крылатый тѣлецъ Св. Луки и ангелъ Св. Матвѣя, одѣтый монахомъ,—образчикъ шутовства, которому охотно предавались въ ту эпоху. Надъ скамьями простирается балдахинъ изъ ажурныхъ сводовъ удивительно изящныхъ. Вся композиція замѣчательна по выразительности лѣпки, одежда хорошо драпирована, разнообразіе рисунка удивительное, общій видъ величественный и торжественный.

Въ живописи масляными красками выдвинулись въ эту эпоху два знаменитыхъ мастера: Жанъ Фрисъ изъ Фрейбурга и Гансъ Гольбейнъ, родомъ изъ Аугсбурга, проживавшій долгое время въ Базелѣ. Въ фрейбургскомъ музеѣ находятся двѣ картины Фриса: св. Варвара и св. Христофоръ; Сошествіе Св. Духа на апостоловъ того же художника — собственность фамиліи Векъ; чудеса св. Антонія находятся въ фрейбургскомъ монастырѣ францискапцевъ, а другія картины де-Фриса въ музеяхъ Базеля, Нюренберга и Вѣны. Эти картины замѣчательны не столько законченностью исполненія, сколько мрачною иногда пылкостью, могущественнымъ реализмомъ, больною ясностью, простотой и гармоничностью мысли, вѣрностью рисунка, богатствомъ красокъ. «Никогда еще», говоритъ преподобный отецъ Бертье (въ Fribourg artistique) по поводу Чудесъ св. Антонія Падуанскаго, «не были лучше сгруппированы и живѣе схвачены людскія несчастія». «Всѣ эти фигуры», говоритъ тотъ же авторъ по поводу «Призванія апостоловъ», «намъ знакомы, они дышатъ божественнымъ спокойнымъ самосозерцаніемъ или горячимъ экстазомъ воспламененныхъ душъ».

Городъ Базель гордится обладаніемъ нѣсколькихъ произведеній Гольбейна (см. фиг. 3), именно: восемь сценъ изъ страстей, считающихся однимъ изъ выдающихся произведеній Гольбейна, тѣло Христа, портреты издателя Эмербаха, Эразма, бургомистра Мейера съ женой и дѣтьми, нарисованными на его Мадоннѣ, находящейся въ Дармштадтѣ. Гольбейнъ украсилъ фресками, оставшимися недоконченными, залу совѣта въ Базелѣ и изобразилъ пляску мертвецовъ въ епископскомъ дворцѣ въ Курѣ (см. т. I, фиг. 37); онъ иллюстрировалъ Эразмову «Похвалу глупости» и Ветхій Завѣтъ. Онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Италію и Англію. Направленіе его таланта было главнымъ образомъ реалистическое, онъ писалъ сильно и просто, а реальность довелъ до того, что писалъ Христа въ могилѣ съ трупа еврея; его фантазія, когда онъ ей отдается, становится ѣдкой и сатирической.

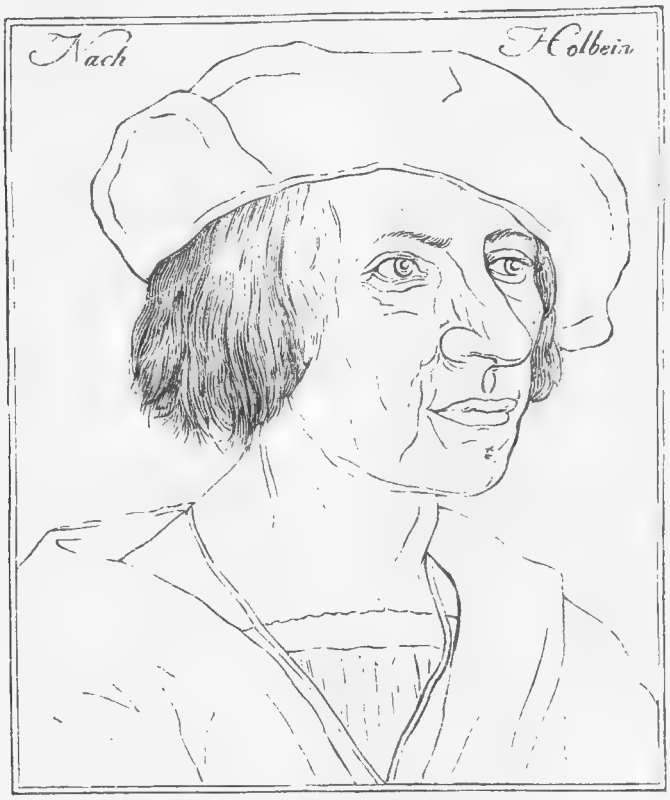
Берн, давшій знаменитыхъ воиновъ и искусныхъ государственныхъ мужей больше, чѣмъ ученыхъ и артистовъ, далъ, однако, и извѣст-

Фиг. 3. Портретъ Жана Гольбейна.

наго живописца въ лицѣ Николая Манюеля (см. фиг. 4), бывшаго, какъ полагаютъ, ученикомъ Гольбейна и Тиціана. Своей извѣстностью онъ былъ

главнымъ образомъ обязанъ «Пляскѣ мертвецовъ», написанной въ 1515—1517 году на оградѣ монастыря францисканцевъ въ Бернѣ. Въ этомъ произведеніи уже просвѣчиваетъ реформаторская идея, въ немъ горько осмѣивается все, что имѣетъ отношеніе къ римской іерархіи. Въ базельскомъ музеѣ находится его «Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя», считающееся его шедевромъ. Въ Бернѣ находится его портретъ, написанный имъ самимъ. Его старѣйшія произведенія находятся въ Кольмарѣ.

Въ началѣ XV вѣка нравы въ Швейцаріи были простыми. Старые конфедераты отличались трезвостью: «много пить есть свойство борова или



Фиг. 4. Портретъ Николая Манюэля.

ландскнехта», говорила старинная поговорка. Позднѣе стали говорить: «Пьетъ какъ швейцарецъ». Въ прежнія времена въ феодальныхъ домахъ слуги садились за одинъ столъ съ семьей сеньера, ѣли тѣ же блюда и пили изъ одной чаши, обходившей весь столъ. Обѣдали въ девять часовъ утра, а позднѣе ѣли такъ называемый хлѣбъ вечерней звѣзды (vesprée); ѣдѣ предшествовало благословеніе, а заканчивалась она благодарностью, произносимою старшимъ въ семьѣ. Въ XV вѣкѣ появляется роскошь и, не смотря на законы противъ нея, развивается любовь къ нарядамъ, а съ ней нѣкоторая свобода нравовъ, отзвукъ иноземныхъ вліяній, слѣдствіе отда-

ленныхъ походовъ. Цѣлебныя воды Бадена привлекали много больныхъ и праздныхъ людей. Итальянскій гуманистъ, Поджіо Браччіолини [1]), описываетъ въ пикантныхъ выраженіяхъ жизнь въ Баденѣ въ XV в. Онъ называетъ этотъ городокъ очаровательнымъ мѣстомъ, «школой Эпикура, садомъ наслажденій». «Съ наступленіемъ лѣта тамъ собирается безчисленная толпа не столько для поправленія здоровья, сколько для удовольствій: дворяне, плуты, влюбленные, волокиты, искатели приключеній, кандидаты на бракъ, вся жизнь которыхъ посвящена наслажденіямъ. Тамъ можно встрѣтить молодыхъ дѣвушекъ, посвятившихъ себя Вестѣ или Флорѣ, женщинъ съ удивительными формами, аббатовъ, монаховъ, священниковъ, веселящихся, купающихся, совершенно забывающихъ о религіи и украшающихъ свои волоса цвѣтами. Тамъ можно встрѣтить женщинъ; онѣ пріѣзжаютъ туда толпами, разряженныя какъ ковчежцы, представляясь больными тѣломъ, тогда какъ въ дѣло замѣшано сердце. Ихъ не сопровождаютъ родственники, а только двѣ служанки, слуга».

Въ Баденѣ было 30 купальныхъ заведеній, изъ которыхъ два были общественныя. Эти послѣднія были чѣмъ-то вродѣ простонародныхъ ваннъ, въ которыхъ купались вмѣстѣ мужчины, женщины, дѣти, молодыя дѣвушки. Перегородка едва раздѣляла женщинъ отъ мужчинъ. Частныя ванны были тоже общія для мужчинъ и женщинъ; первые одѣвали только кальсоны, вторыя—простыни. Они спорили, рѣзвились, ѣли, какъ это дѣлается и теперь еще въ Лейкѣ, за плавающими столами, пили, пѣли хоромъ и танцовали.

Такое добродушіе, простота, свобода нравовъ удивляютъ Поджіо; онъ описываетъ ихъ въ похвалу добросовѣстности швейцарцевъ.

Другой итальянецъ, Эней Сильвій Пикколомини, жившій въ нашей странѣ въ XV вѣкѣ, такъ описываетъ швейцарцевъ: «Правосудіе—главная забота этихъ людей. Они строго наказываютъ воровъ, еще строже разбойниковъ. Они усердно практикуютъ гостепріимство. Они уважаютъ священниковъ. Они повинуются религіи. Они наслаждаются миромъ. Они довольствуются своимъ. Они не начинаютъ войны, если не вызваны на это. Ихъ сердца сильны, ихъ мужество непреодолимо». Это похвала, заслуженная во времена Энея Сильвія, была незаслуженной пятьдесятъ лѣтъ спустя. Послѣ бургундскихъ и итальянскихъ войнъ швейцарцами овладѣлъ воинственный духъ; далекіе походы способствовали упадку нравовъ. Швейцарецъ уже не выходитъ изъ дому, не опоясавшись мечомъ: духовные, также какъ и міряне. Швейцарецъ сталъ воякой. Любовь къ празднествамъ, очень

[1]) См. замѣтку Филиппа Монье „Les humanistes d'Italie et la Suisse du quinzième siècle".

сильная еще и въ настоящее время, быстро развилась. Собирались въ общественныхъ мѣстахъ и занимались борьбой, бѣгами, метаніемъ камней, стрѣльбою въ цѣль или стрѣльбой изъ арбалета. Цюрихцы, говоритъ Вюльеменъ, пользовались всякимъ случаемъ высказать на празднествахъ свой конфедеральный духъ. Въ 1487 г. они въ большомъ числѣ отправились въ Альторфъ, гдѣ провели три дня, пользуясь широкимъ гостепріимствомъ. Мальвуазія, кларетъ, гипокразъ лились черезъ край. На возвратномъ пути о нихъ позаботились Швицъ и Цугъ. Въ слѣдующемъ году мелкіе кантоны отправились въ Цюрихъ. Послѣ швабской войны въ 1504 году, желая стереть слѣды ссоры и водворить согласіе среди народовъ, которыхъ онъ разсорилъ, Цюрихъ собралъ въ своихъ стѣнахъ швейцарцевъ и иностранцевъ. На мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается національный музей, были раскинуты палатки и поставлены цѣли, и въ то время какъ мужчины, вооруженные аркебузами и арбалетами, соперничали въ ловкости, игры, пиры и танцы служили впродолженіи четырехъ недѣль способомъ сближенія для всѣхъ половъ, положеній и возрастовъ.

Конфедерація, состоявшая сначала только изъ однородныхъ государствъ, подверглась полному измѣненію благодаря ряду территоріальныхъ расширеній. Въ федеральный союзъ, состоявшій первоначально изъ народовъ, ведущихъ пастушескую жизнь, живущихъ уединенно въ своихъ горахъ, глубоко любящихъ свою независимость, но чуждыхъ общему прогрессу, мало по малу, благодаря послѣдовательному присоединенію Люцерна, Цюриха, Берна, Фрейбурга, Солотурна, Базеля и Шаффгаузена, вошло почти все плато, простирающееся отъ Альпъ до Рейна, въ которомъ обычаи, несмотря на одинаковость происхожденія, были разнородны. Пока независимости конфедератовъ грозила опасность, они жили въ доброй дружбѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ эта независимость была признана Австріей и имперіей, зародыши диссоціаціи, проявившіеся уже во время войны Цюриха со Швицомъ, стали все больше развиваться.

Принципъ равенства, лежавшій въ основаніи первыхъ договоровъ, вскорѣ исчезъ. Послѣ завоеванія Аргау, Тюргау, итальянскихъ долинъ, романдской страны и вслѣдствіе денежнаго пріобрѣтенія городами множества сеньерій, территорія Швейцаріи оказалась подчиненной двумъ различнымъ режимамъ, раздѣлившись на государства-властители и государства-подданные. Въ началѣ своего возникновенія конфедерація являлась возстановленіемъ демократическихъ идей древнихъ германцевъ; послѣ двухъ вѣковъ существованія она уклонилась отъ своихъ первоначальныхъ принциповъ. Подъ вліяніемъ преобладавшихъ въ то время въ Европѣ идей произошелъ естественный подборъ: наиболѣе сильные стали властвовать надъ слабыми, образовалась буржуазная аристократія. Этому способство-

вали двѣ причины: съ одной стороны, увеличеніе богатства въ городахъ, съ другой—участіе швейцарцевъ въ европейскихъ войнахъ.

Съ прогрессомъ цивилизаціи возрастаетъ общее благосостояніе лицъ, но при этомъ они классифицируются по способностямъ; соціальныя различія, едва замѣтныя въ странахъ съ пастушьимъ бытомъ, становятся уже болѣе замѣтными въ странахъ земледѣльческихъ; они еще усиливаются въ городахъ и ихъ окрестностяхъ, гдѣ процвѣтаютъ торговля и промышленность. Въ цвѣтущихъ городахъ дѣти, появившись на свѣтъ, начинаютъ борьбу за существованіе въ условіяхъ гораздо болѣе неравныхъ, чѣмъ въ деревняхъ или въ горахъ. Если ребенокъ энергиченъ и особенно одаренъ, онъ можетъ, хотя-бы былъ и скромнаго происхожденія, быстро подняться по ступенямъ соціальной лѣстницы и, подобно Вальдману и многимъ другимъ, достигнуть высокаго положенія. Если онъ принадлежитъ къ семьѣ, достигшей благосостоянія, благодаря привычкѣ къ труду и экономіи, онъ можетъ при скромныхъ способностяхъ играть нѣкоторую роль въ свѣтѣ. Въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, присутствіе нѣкотораго числа одаренныхъ личностей, обладающихъ пріобрѣтеннымъ и умно управляемымъ состояніемъ, можетъ быть предметомъ зависти, но оно тѣмъ не менѣе является благодѣтельнымъ; благодаря сообщаемому имъ толчку, оно воздѣйствуетъ на общее благосостояніе тѣмъ, что даетъ обездоленнымъ средства къ существованію. Одна крестьянка изъ долины Эволенъ, у которой мы спрашивали о средствахъ къ жизни жителей ея деревни, отвѣчала: «У насъ не умираютъ съ голода, у всякаго что нибудь есть; но это не то, что въ городахъ богатыхъ людей, гдѣ бѣдные люди могутъ нажиться, а мы, что бы ни дѣлали, все-же остаемся бѣдняками».

Нравственныя качества, требуемыя для преуспѣянія, въ городахъ и въ деревняхъ различны; въ первыхъ успѣхъ обезпечивается умственнымъ напряженіемъ, смѣлостью промышленныхъ и коммерческихъ взглядовъ, быстротою рѣшеній и здравой оцѣнкой того, что можетъ дать то или другое предпріятіе; въ деревняхъ необходимы: непрерывный трудъ, физическая выносливость и терпѣливость при всякихъ испытаніяхъ въ соединеніи съ большою наблюдательностью. Иногда и весьма несправедливо крестьянину ставятъ въ упрекъ недостатокъ живости и безпокотность, начертанную на его лицѣ; эта флегматичность объясняется тѣмъ, что крестьянинъ, добросовѣстно обработавшій свое поле или свой виноградникъ, постоянно можетъ ожидать, что непогода лишитъ его плодовъ его труда; поневолѣ онъ философски принимаетъ неудачи, противъ которыхъ онъ безсиленъ и которыя не были приняты имъ въ расчетъ. Городской ремесленникъ, хотя бы отъ него и не зависѣли условія рынка, на кото-

ромъ продаются труды его рукъ, все-же знаетъ, что его заработокъ будетъ пропорціоналенъ положенному въ работу труду. Поэтому въ городахъ проявляется большая инициатива, большая независимость мысли, большая подвижность идей, болѣе сильное чувство личной отвѣтственности и значительное раздраженіе противъ всякаго нравственнаго ярма.

Это различіе темперамента объясняетъ до нѣкоторой степени, почему возрожденіе науки и религіозная реформа были такъ различно приняты въ Лѣсныхъ кантонахъ и въ городскихъ кантонахъ: въ Цюрихѣ, Бернѣ, Базелѣ, Шаффгаузенѣ, Невшателѣ и Женевѣ. Первымъ принадлежитъ честь инициативы въ политической борьбѣ за освобожденіе отъ имперіи; вторые завершили дѣло своихъ предшественниковъ, порвавъ съ Римомъ.

Обладаніе подчиненными государствами, общія фогства (baillages communs) дали пищу для этого несогласія. Въ Швейцаріи въ XVI вѣкѣ происходило то же, чему наше поколѣніе было свидѣтелемъ въ Соединенныхъ Штатахъ 35 лѣтъ тому назадъ, во время уничтоженія невольничества. Преобразованіе западныхъ земель въ штаты явилось для американцевъ яблокомъ раздора, оно разсорило сѣверъ и югъ, которые стремились привлечь каждый на свою сторону эти территоріи. То же случилось въ Швейцаріи по отношенію къ общимъ фогствамъ, въ которыхъ одни кантоны хотѣли ввести реформацію, а другіе не допускали этого. Вмѣсто того, чтобы относиться къ жителямъ Аргау и Тюргау, какъ къ своимъ равнымъ, кантоны обращались съ ними, какъ съ подданными. Однако власть фогтовъ была ограничена, такъ какъ многіе города сохранили за собой право самоуправленія. Должности фогта домогались весьма многіе, такъ какъ она была очень доходна. Вступленіе въ должность фогта было очень торжественно, онъ принималъ, словно государь, выраженіе почтенія своихъ чиновниковъ.

Погоня за наживой была чрезвычайно развита въ Швейцаріи, благодаря пенсіямъ, получаемымъ магистратами отъ иностранныхъ государей, не взирая на предписанія сейма. Въ началѣ XVI вѣка каждый кантонъ получалъ отъ французскаго короля субсидію въ 2000 ливровъ, отъ папы въ 1000 дукатовъ, отъ герцога Савойскаго въ 1600 флориновъ; но государи не довольствовались тѣмъ, что своей щедростью привлекали на свою сторону правительства, они еще старались обезпечить за собой расположеніе магистратовъ личными пенсіями. Такъ, согласно оформленному акту, вписанному въ протоколъ базельскаго совѣта, всякій членъ его получалъ ежегодно отъ Франціи по 15 кронъ. Этотъ постыдный торгъ совсѣмъ не казался оскорбительнымъ по идеямъ той эпохи. Онъ соотвѣтствовалъ обычаямъ дворовъ, а изъ всѣхъ дворовъ самымъ развращеннымъ была римская курія. Папа облекалъ своихъ нунціевъ главнымъ

образомъ политическими полномочіями, вотъ почему онъ ихъ аккредитировалъ не только при католическихъ кантонахъ, которые, казалось бы, одни только и могли быть въ сношеніяхъ съ папой, но безразлично при всѣхъ тринадцати кантонахъ. подобно посланникамъ Франціи и Испаніи.

Потомки храбрыхъ воиновъ, проливщихъ кровь въ защиту свободы коммунъ, отдавали себя на службу, заботясь только о выгодахъ, которыя можно было изъ нея извлечь. Прельщенные наживой, они предоставляли женщинамъ заботу о полѣ и скотѣ. Семейныя узы чрезвычайно ослабли, старинное благочестіе исчезло: естественнымъ послѣдствіемъ этой деморализаціи, проникшей во всѣ слои общества, были увлеченіе азартными играми, пьянство, воровство и убійство.

Эта распущенность поддерживалась непрестанными войнами. Во время походовъ пѣхотинцы, по словамъ Глуца, продолжателя Ганса Мюллера, получали по $4^1/_2$ флорина въ мѣсяцъ, а кавалеристы по 10 флориновъ, офицеры имѣли двойной, тройной иногда десятерной окладъ. въ зависимости отъ мѣста; къ этимъ деньгамъ присоединялись еще преміи въ моментъ поступленія въ солдаты и во время приступовъ. Но часто обѣщанія государей оставались мертвой буквой, и обманутые наемщики вознаграждали себя, налагая дань и дѣля между собой добычу, если таковая имѣлась. Въ важныхъ случаяхъ въ рекруты въ Швейцаріи набирались всѣ здоровые мужчины; но чаще набирали среди волонтеровъ, которые всегда являлись въ большомъ числѣ.

Вначалѣ, какъ мы видѣли, оружіемъ швейцарцевъ были аллебарда и арбалетъ. потомъ появились длинный мечъ и короткій кинжалъ; пики употреблялись рѣдко. Къ концу XV вѣка начали все болѣе входить въ употребленіе аркебузы, которыми бывали вооружены стрѣлки; главная же часть арміи была вооружена пиками, длиною сначала въ 10 футъ. а позднѣе въ 18 футъ.

Каждый конейщикъ носилъ на тѣлѣ кирассу, а на головѣ каску: аллебардщики тоже носили кирассы, но болѣе легкія и фетровыя шляпы, украшенныя перомъ. Бѣлый крестъ служилъ союзнымъ знакомъ и нашивался на спинѣ, груди, плечахъ, рукавахъ или бедрѣ. часто въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу (см. фиг. 5).

Отрядъ каждаго кантона имѣлъ командира, назначаемаго, также какъ и знаменщикъ. кантональнымъ правительствомъ. Этого офицера сопровождали делегаты отъ кантоновъ, составлявшіе совѣтъ во все продолженіе войны; рѣшеніе важныхъ вопросовъ зависѣло отъ войска, соединеннаго въ ландсгемейнде, рѣшавшей вопросъ о мирѣ и войнѣ. Передъ началомъ кампаніи войско приносило присягу; оно же назначало младшихъ офицеровъ. Если отряды нѣсколькихъ кантоновъ шли вмѣстѣ, то выбирался

сообща главнокомандующій и начальники для всякаго оружія, составлявшіе конвой генерала вмѣстѣ съ хирургами, капелланами, казначеями, секретарями, курьерами, толмачами и т. д. Отряды различныхъ кантоновъ становились, согласно постановленію военнаго совѣта, то въ авангардѣ, то въ различныхъ корпусахъ арміи (въ главномъ, въ лѣвомъ крылѣ, въ правомъ крылѣ и т. д.). Артиллерія была немногочисленна и мало подвижна; кавалерія, составленная изъ дворянъ, поставляемыхъ корпораціями, была еще менѣе многочисленна.

Фиг. 5. Швейцарскіе солдаты и знамя на службѣ у Франціи въ 1525 г., по de Noirmont и Marbot. Коллекція г. Луи Брона.

Въ обычаѣ швейцарцевъ было вести войну наступательную [1]). Это было необходимо въ виду того, что швейцарская армія состояла изъ людей, оторванныхъ отъ своихъ обычныхъ мирныхъ занятій, и потому она не могла вести длинныхъ кампаній. Передъ началомъ дѣйствія, старые швейцарцы на колѣняхъ, съ воздѣтыми руками, просили у Бога благо-

[1]) См. Etudes militaires, «temps modernes», полковника Леконта.

словенія; потомъ сомкнутыми рядами они атаковывали непріятеля, испуская громкіе крики. Плѣнниковъ они считали источникомъ затрудненій и потому никому не давали пощады; раненый не долженъ былъ покидать своего поста, бѣглеца убивали безъ всякой жалости. Бѣжать съ поля битвы считалось страшнымъ грѣхомъ; жены и дѣти солдатъ, погибшихъ на войнѣ, содержались на общественный счетъ. Выступленіе въ походъ, проходъ черезъ дружественные города, возвращеніе домой были поводомъ къ веселымъ празднествамъ, сближавшимъ конфедератовъ еще больше.

Тактика швейцарцевъ зависѣла, конечно, отъ ихъ вооруженія. Въ первой половинѣ XV вѣка, когда вооруженіе состояло изъ пикъ, аллебардъ, арбалетъ и аркебузъ, отряды состояли обыкновенно изъ карре въ 20 человѣкъ съ каждой стороны, составлявшія малыя «знамена» (Fähnlein), въ 400 человѣкъ, которыя примыкали другъ къ другу такъ, что получались или большія карре (Haufer), по 100 человѣкъ съ каждой стороны, или болѣе или менѣе удлиненные или глубокіе прямоугольники. Разстояніе между рядами было отъ $1^1/_2$ до 3 футъ. По мнѣнію полковника Лекопта, писатели эпохи возрожденія, съ Макіавели во главѣ, неправильно считали такое построеніе остаткомъ отъ системы древнихъ грековъ; сомнительно, чтобы швейцарцы объ ней что-либо знали. Фаланга является единственнымъ способомъ построенія для пѣхотинцевъ, сражающихся противъ кавалеріи. Когда кавалеристамъ приходилось сѣшиваться, они принимали тоже построеніе.

Швейцарцы обыкновенно располагали авангардъ, главный корпусъ арміи и арріергардъ въ эшелоны на разстояніи хорошаго выстрѣла изъ аркебуза. Промежутки между ними бывали заняты избранными волонтерами, называемыми «потерянными дѣтьми», вооруженными луками, арбалетами или аркебузами: они развертывали свои ряды, какъ застрѣльщики, и занимали самые важные и опасные пункты.

Въ серединѣ XV-го вѣка швейцарскіе отряды состояли приблизительно изъ семи восьми шестнадцатыхъ аллербардщиковъ (см. фиг. 6), трехъ шестнадцатыхъ копейщиковъ, отъ двухъ до трехъ шестнадцатыхъ арбалетщиковъ, остальное составляли аркебузщики. Позднѣе число аллебардщиковъ сократилось до одной восьмой: въ началѣ нападенія они держались позади копейщиковъ: затѣмъ когда начиналась схватка, они вступали въ дѣйствіе, кололи и рубили; въ случаѣ пораженія они прятались за оплотъ копейщиковъ, игравшихъ главнымъ образомъ роль обороны. Число аркебузщиковъ съ теченіемъ времени такъ возросло, что они составляли сначала четверть, затѣмъ и половину всей арміи; они перестали занимать мѣсто застрѣльщиковъ, а стали становиться позади ко-

пейщиковъ и стрѣляли изъ-за нихъ; или же они образовывали правое и лѣвое крыло фаланги.

Это построеніе было очень устойчивымъ; оно рекомендовалось въ открытыхъ и ровныхъ мѣстностяхъ. Но оно было тяжелымъ и малоподвижнымъ. Въ походахъ XVI-го вѣка швейцарскіе наемники на службѣ у иностранныхъ

Фиг. 6. Швейцарскій аллебардистъ около 1525 г., по рисунку Жана Гольбейна Коллекція г. Луи Брона.

государей служили въ строевой пѣхотѣ, и имъ помогала или французскія жандармерія и артиллерія, или нѣмецкая легкая кавалерія, исполнявшія обязанность фланкеровъ. Швейцарцы пріобрѣли извѣстность своей тактикой, и имъ стали подражать испанцы и другія иностранныя арміи; ихъ так-

тика была въ модѣ до XVII-го вѣка, когда Густавъ-Адольфъ ввелъ въ военное искусство большія нововведенія, основанныя на томъ, что въ дѣло пустили легкую кавалерію.

Фиг. 7. Cent-suisse короля французскаго (въ царствованіе Франциска I), 1525. По de Noirmont и Marbot. Коллекція г. Луи Брона.

Къ концу героическаго періода, описаннаго нами въ предыдущей книгѣ, территорія швейцарской конфедераціи была приблизительно такая

же, какая и теперь. Въ нее входили сверхъ теперешней территоріи: обширная и прекрасная долина Вальтелинъ съ графствами Кіавенна и Борміо и свободные города Мюльгаузенъ и Ротвейль, отнятые у нея въ 1798 году. Зато оставалось еще пріобрѣсти: большую часть Ваадтланда, входившаго еще въ составъ герцогства Савойскаго и присоединеннаго къ Швейцаріи только въ 1536 году; сѣверную часть Аргау и Фрикталя, единственные остатки австрійскихъ владѣній, присоединенную къ

Фиг. 8. Капитанъ швейцарской сотни гвардіи короля французскаго (царствованіе Франциска I). 1520. По de Noirmont и Marbot. Коллекція г. Луи Брона.

Швейцаріи къ 1803 году; сеньеріи Рецунъ и Тараспъ; часть бернской Юры, принадлежавшую базельскимъ князьямъ - епископамъ, присоединенную къ Швейцаріи въ 1815 году; наконецъ, сельскія общины, отдѣленныя въ 1815 году отъ Франціи и отъ Савойи и присоединенныя къ Женевской республикѣ. Если сосчитать число квадратныхъ километровъ и число жителей въ Швейцаріи 1515 года и 1815 года, то окажется, что Швейцарія потеряла въ объемѣ, но за то, земли, пріобрѣтенныя ею

послѣ битвы при Мариньано, богаче народонаселеніемъ, чѣмъ тѣ, которыя она потеряла въ концѣ послѣдняго вѣка.

Наибольшихъ размѣровъ Швейцарія достигла между 1536 (время завоеванія бернцами страны Гексъ и Шабле) и 1564 годами (возвращеніе герцогу Савойскому Шабле и страны Гексъ). Ея относительное могущество въ этотъ періодъ было тѣмъ большимъ, что пограничныя государства не предетавляли еще, какъ въ настоящее время, первоклассныхъ державъ. Вмѣсто объединенныхъ Германіи, Франціи и Италіи, ея сосѣдями съ сѣвера, юга и востока были или второстепенныя государства, или отдѣльныя провинціи Австріи и Испаніи, какъ-то: герцогства Баварское и Вюртембергское, маркграфство Баденское, Эльзасъ (принадлежавшій въ то время Австріи и присоединенный къ Франціи только въ 1648), графство Монбельяръ (присоединенное къ Франціи въ 1792), Франшъ Конте (присоединенное къ Франціи въ 1678), герцогства Савойское, Аостское и Миланское и Венеціанская республика.

Сама Швейцарская конфедерація представляла агрегатъ странъ, находившихся въ весьма различныхъ условіяхъ. Кромѣ тринадцати кантоновъ въ нее входили десять государствъ, носившихъ названіе *союзныхъ* государствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были въ союзѣ только съ нѣкоторыми кантонами. Въ числѣ союзниковъ считались:

Биль (вѣчный союзъ котораго съ Берномъ былъ заключенъ въ 1352 г., онъ былъ порванъ, также какъ и союзы, заключенные позднѣе съ Фрейбургомъ и Солотурномъ, въ 1797 г., вслѣдствіе завоеванія Биля французами);

Герсау (союзъ котораго къ четырьмя Лѣсными кантонами былъ заключенъ въ 1359 году и продолжался до 1798 года);

Сенъ-Галленъ (союзъ котораго съ Цюрихомъ, Люцерномъ, Ури, Швицомъ, Унтервальденомъ, Цугомъ и Гларусомъ былъ заключенъ въ 1412 году и продолжался до 1798 года);

Ротвейль (союзъ котораго въ восемью старѣйшими кантонами былъ заключенъ въ 1463 году);

Мюльгаузенъ (союзъ котораго съ Берномъ и Солотурномъ былъ заключенъ въ 1466 году и порванъ въ 1798 году);

Женева (заключившая союзъ съ Фрейбургомъ въ 1519 г., а съ Берномъ въ 1526 г.);

Невшатель (заключившій вѣчный союзъ съ Берномъ въ 1406 году, съ Солотурномъ, Фрейбургомъ и Люцерномъ въ 1501 году);

Граубюнденъ (заключившій союзъ съ Цюрихомъ, Люцерномъ, Ури, Швицомъ, Унтервальденомъ, Цугомъ и Гларусомъ въ 1497 году);

Верхній Валлисъ (союзы котораго съ Люцерномъ, Ури и Унтервальденомъ относятся къ 1412 году);

Князь-аббатъ Сенъ-Галлена (союзъ котораго съ Цюрихомъ, Люцерномъ, Швицомъ, Гарусомъ былъ заключенъ въ 1451 году).

Какъ мы видѣли раньше, союзы съ этими государствами имѣли смѣшанный характеръ сограждaнства и протектората; ихъ депутаты являлись на засѣданія сеймовъ для изложенія своихъ желаній, но они не имѣли права подачи голоса.

Рядомъ съ союзными государствами были еще подданныя государства; это были фогтства: долина Урсеренъ, Аргау, Тессинъ, Тюргау, Вальтелинъ, Тоггенбургъ и Ваадтландъ, изъ которыхъ одни были собственностью одного какого-нибудь кантона, другія нѣсколькихъ кантоновъ вмѣстѣ (общія фогтства). Общины нѣкоторыхъ фогтствъ сохранили нѣкоторыя вольности и пользовались нѣкоторой автономіей, которую, конечно, ихъ сеньеры и господа пытались уничтожить.

Среди этихъ странъ существовали еще нѣкоторыя духовныя княжества, какъ-то: аббатства Диссентисъ, Энгельбергъ и Сенъ-Морисъ, представлявшіе анклавы [1]); князья-епископы Кура и Сіона также сохранили прерогативы, являвшіяся источникомъ постоянныхъ недоразумѣній; базельскій князь-епископъ былъ независимымъ государемъ Юры до 1797 года, когда его владѣнія были заняты Франціей.

Однимъ изъ главныхъ аттрибутовъ власти было право взимать пошлины и чеканить монету: въ началѣ XVI-го вѣка существовало болѣе сорока монетныхъ дворовъ; по этому ужь можно судить о чрезвычайной сложности торговыхъ сношеній въ ту эпоху. Рисунокъ, который будетъ нами помѣщенъ далѣе, показываетъ, что монетные дворы XVI-го вѣка располагали искусными работниками. Не только монета, но и системы мѣръ, вѣса и длины были различны въ различныхъ государствахъ и даже въ различныхъ мѣстностяхъ.

Гражданское и уголовное право тоже были до безконечности разнообразны; всякій городъ и всякая долина имѣли свои обычаи, которыми они очень дорожили, и которые государь уважалъ, подъ страхомъ потерять довѣріе своихъ подданныхъ. Впрочемъ, обычаи въ ихъ главныхъ чертахъ походили на обычаи германскаго, романдскаго, каноническаго и феодальнаго происхожденія, послужившіе имъ образцами, и къ которымъ прибѣгали въ случаяхъ, возбуждавшихъ сомнѣніе. Въ южной и восточной Швейцаріи опирались главнымъ образомъ на правила Зерцала Саксовъ и Зерцала Швабовъ; въ западной Швейцаріи на положенія бургундскаго права, исправленныя статутами Петра Савойскаго, повторяющимися позднѣе

[1]) Церкви, расположенныя въ епархіи, къ которой онѣ не принадлежали.

въ сводѣ обычныхъ законовъ Кизара (Quisard) и въ Ваадтландскомъ сводѣ обычныхъ законовъ. Еще упомянемъ знаменитый сводъ Caroline, названный такъ въ память Карла V, придавшаго ему силу закона; онъ представлялъ сводъ нѣсколько смягченныхъ уложеній тогдашняго уголовнаго права и былъ долгое время примѣняемъ къ швейцарскимъ войскамъ, находящимся на иностранной службѣ.

Тогдашнее судопроизводство отличалось необыкновенной строгостью. Нечего и говорить, что въ то время совсѣмъ и не думали о томъ, чтобы стремиться къ исправленію преступника постепенными наказаніями, могущими вернуть его къ добру. Воровъ вѣшали; убійцъ колесовали и обезглавливали, клеветниковъ и прелюбодѣевъ выставляли къ позорному столбу; колдуновъ, еретиковъ, поджигателей и святотатцевъ сжигали; отцеубійцъ заживо закапывали въ землю; фальшивые монетчики и менѣе важные преступники подвергались ссылкѣ. Чтобы найти виновныхъ, обвиняемыхъ подвергали пыткѣ со всякаго рода изощреніями.

ГЛАВА III.

Распространеніе реформаціи въ нѣмецкой Швейцаріи.

Юность Цвингли.—Назначеніе Цвингли на должность священника въ Гларусѣ.—Участіе Цвингли въ итальянскихъ войнахъ.—Призывъ Цвингли въ Эйнзидельнъ.—Назначеніе Цвингли проповѣдникомъ въ цюрихскомъ соборѣ.—Констанцскій епископъ, Цюрихскій совѣтъ и сеймъ воспрещаютъ продажу индульгенцій.—Чума въ Цюрихѣ.—Переходъ общественной помощи изъ рукъ духовенства въ руки мірянамъ.—Цюрихскій совѣтъ, подстрекаемый Цвингли, отказывается участвовать въ союзахъ съ иностранцами.—Осужденіе Лютера папою.—Цюрихцы, нанятые папой, переходятъ черезъ Альпы, несмотря на оппозицію Цвингли.—Сатирическая драма поэта Мануеля, высмѣивающая политику папы.

Въ верхнемъ Тоггенбургѣ, близъ крутыхъ утесовъ, отдѣляющихъ долину Тура отъ долины Рейна, находится деревня Вильдгаусъ; надъ окружающими ее зелеными пастбищами возвышаются снѣжныя вершины Сентиса и вершины Курфюрстена; вдали мелькаютъ Альпы Форарльберга. На лонѣ этой грандіозной природы, въ которой созданіе Творца проявляется въ своей высшей красотѣ и вдохновляетъ человѣка на великія мысли,—родился 1-го января 1484 года Ульрихъ Цвингли. И теперь еще показываютъ шале, въ которомъ онъ родился; это грубое, но прочное жилище, указывающее на нѣкоторое благосостояніе. Его семья пользовалась большимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей; его отецъ исполнялъ

должность аммана; одинъ изъ его дядей, Варѳоломей Цвингли, былъ приходскимъ священникомъ; его мать, Маргарита Мейли, была сестрой Фишингенскаго аббата.

Родители Цвингли внушили ему любовь къ родинѣ, къ справедливости и къ истинѣ. Политическое положеніе общинъ Тоггенбурга и разсказъ объ ихъ борьбѣ съ аббатомъ Сенъ-Галлена имѣли, безъ сомнѣнія, нѣкоторое вліяніе на развитіе будущаго реформатора.

Фиг. 9. Портретъ Цвингли.

Первые уроки ему давалъ его дядя; затѣмъ десяти лѣтъ онъ былъ отправленъ въ Базель, потомъ въ Бернъ, гдѣ ученый Вёльфлинъ (Лупулусъ) посвятилъ его въ знаніе латинскихъ классиковъ и внушилъ ему горячій патріотизмъ и любовь къ древности. Цвингли выказывалъ музыкальныя способности, такъ что доминиканцы желали удержать его въ монастырѣ. Но его отецъ и дядя мечтали о болѣе высокомъ поприщѣ для него и послали его въ Вѣну для изученія гуманитарныхъ наукъ. Стремясь къ знанію, онъ съ жадностью принялся за занятія и всю жизнь сохранилъ привязанность къ этому университету, которому онъ былъ

обязанъ своимъ высшимъ образованіемъ. Въ тѣ времена много путешествовали; несмотря на трудность сообщенія, изъ одного мѣста въ другое перебирались съ необыкновенной легкостью; эти частыя переселенія людей въ эпоху возрожденія расширяли ихъ горизонты и объясняютъ независимость взглядовъ и характеровъ, восхищающую насъ въ настоящее время. Въ 1502 году мы видимъ Цвингли въ Базелѣ, гдѣ онъ одновременно давалъ уроки латинскаго языка въ школѣ Сенъ-Мартина и слушалъ университетскій курсъ, особенно курсъ Ѳомы Виттенбаха. Въ лекціяхъ этого знаменитаго теолога, опиравшагося на посланія Св. Павла,

Фиг. 10. Портретъ Пелликана.

особенно выступало ученіе о спасеніи черезъ вѣру въ Іисуса Христа, и онѣ подготовили Цвингли къ его будущей миссіи.

При изученіи жизни великихъ людей часто видишь, что расцвѣту ихъ талантовъ способствовало особенно удачное сочетаніе условій. Въ нравственномъ развитіи Цвингли большую роль играли люди, съ которыми онъ дружилъ. Въ Базелѣ онъ столкнулся съ двумя личностями, ставшими впослѣдствіи его сотрудниками въ дѣлѣ реформаціи, съ которыми онъ быстро сошелся; это были Капитонъ и Пелликанъ (см. фиг. 10).

Подобно имъ, ему особенно нравились древніе языки и очень не нравились старые схоластическіе методы. Онъ находилъ, что древніе нечестивые авторы помѣстили, на ряду съ явными ошибками, полезныя для созерцанія истины. Позднѣе, въ уединеніи своего прихода въ Гарусѣ, онъ продолжалъ обогащать свой умъ чтеніемъ произведеній Лукіана, Аристофана, Гомера и Пиндара. Одновременное изученіе библіи и отцовъ церкви, Августина и Оригена позволило ему, оставаясь вѣрующимъ, разобраться въ различныхъ вліяніяхъ, воздѣйствовавшихъ на образованіе католической догматики.

Въ римской церкви на ряду съ сомнѣвающимися и развратными священниками, безчестившими духовенство, были и искренніе проповѣдники, стремившіеся вызвать религіозное пробужденіе въ своей паствѣ; такъ напримѣръ базельскій епископъ Христоферъ фонъ Уттенгеймъ. Этотъ прелатъ рекомендовалъ приходскимъ священникамъ своей епархіи изученіе Евангелія, которымъ въ то время такъ пренебрегали; его мудрые совѣты должны были принести плоды въ умахъ будущихъ реформаторовъ, собравшихся въ Базелѣ вокругъ каѳедры Ѳомы Виттенбаха.

Въ 1504 г. Цвингли получилъ степень бакалавра, а два года спустя—магистра философіи. Казалось, ему суждено было стать преподавателемъ, когда онъ, вѣроятно благодаря своему дядѣ Варѳоломею, священнику въ Везенѣ, получилъ приглашеніе занять мѣсто приходскаго священника Гаруса, которое онъ и принялъ, хотя и не совсѣмъ охотно. Ему было въ то время двадцать два года.

Цвингли чувствовалъ всю отвѣтственность, налагаемую на него управленіемъ большимъ приходомъ; онъ старательно готовился къ проповѣдямъ, вдохновляясь наилучшими образцами, презирая пустую реторику; онъ старался усовершенствовать свой языкъ и освободить евангельскія истины отъ примѣшавшихся къ нимъ въ теченіе среднихъ вѣковъ чуждыхъ идей. Его любовь къ музыкѣ, его веселый характеръ и практическое направленіе его ума снискали ему популярность. «Однако, это нестѣсненное ничѣмъ существованіе имѣло свои темныя стороны», говоритъ одинъ изъ его біографовъ [1]). «Эти темныя стороны были нераздѣльны съ обязательнымъ целибатомъ, требуемымъ отъ духовенства». Это не пугало окружавшихъ его людей, такъ какъ священники, монахи, каноники и монахини предавались большей частью распутству. Когда, пораженный увѣщеваніями апостола Павла относительно чистоты, Цвингли рѣшился было строго исполнять свой обѣтъ, онъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія своимъ взглядамъ; многіе даже смѣялись надъ нимъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ

[1]) Huldreich Zwingli, sein Leben und Wirken, доктора R. Staehelin.

признался въ письмѣ къ своему другу Миконію, что въ Эйнзидельнѣ онъ имѣлъ легкомысленныя сношенія съ женщиной легкаго поведенія и строго винилъ себя за это. Его чистосердечное, правдивое и подробное признаніе бросаетъ странный свѣтъ на нравы той эпохи [1]).

Одаренный умомъ, воспріимчивымъ ко всѣмъ вопросамъ, Цвингли интересовался великими географическими открытіями и собралъ въ Гарусѣ библіотеку, которая составляла предметъ восхищенія его друзей. «Истина для меня», говорилъ онъ, «то же, что солнце для міра; подобно тому какъ мы привѣтствуемъ солнце всюду, гдѣ оно показывается, по-

Фиг. 11. Портретъ Вадіана.

добно тому, какъ оно побуждаетъ насъ къ работѣ, такъ и умъ обращается къ свѣту и радуется, когда его лучи разсѣиваютъ мракъ незнанія. Свѣтъ—предметъ величайшей радости для міра, истина — предметъ самый дорогой, самый драгоцѣнный и самый желательный для разума».

Цвингли былъ въ перепискѣ съ Вадіаномъ (см. фиг. 11) изъ Сенъ-Галлена и Лорити, по прозванію Глареанъ; они обмѣнивались взглядами на философію, литературу и музыку. Глареанъ посылалъ Цвингли изъ Германіи свои музыкальныя произведенія; сообщая ему о своемъ близкомъ

[1]) См. J. E. Mocrikofer, Ulrich Zwingli.

пріѣздѣ, онъ пишетъ: «Когда я пріѣду, намъ будетъ очень весело, и мы будемъ вмѣстѣ играть на трубѣ». Въ это же время Цвингли тѣсно сошелся съ Эгидомъ Чуди, будущимъ лѣтописцемъ, и съ Валеріаномъ Чуди, своимъ преемникомъ въ Гларусѣ; эти послѣдніе были его учениками, прежде чѣмъ стали его друзьями.

Честолюбіе веселаго священника съ береговъ Линта не ограничивалось культомъ дружбы и науки. Его стремленія шли дальше; прежде чѣмъ напасть на догматы римской церкви, онъ пытался улучшить нравы народа. Двѣ закоренѣлыя привычки являлись препятствіемъ къ нравственному прогрессу; это были пенсіи, получаемыя магистратами отъ государей, и иностранная служба, на которую Швейцарія была увлечена кардиналомъ Шиннеромъ, главнымъ поставщикомъ папы.

Въ 1510 г. Цвингли написалъ на эту тему двѣ сатирическихъ поэмы, озаглавленныхъ: *Лабиринтъ* и *Басня о быкѣ и нѣкоторыхъ животныхъ*. Хотя онъ самъ перевелъ эти двѣ аллегоріи латинскими гекзаметрами, онъ однако сообщилъ ихъ только нѣсколькимъ друзьямъ, а напечатаны онѣ были позднѣе въ полномъ собраніи его сочиненій. Эти литературныя произведенія, говоритъ г. Стегелинъ, выдерживаютъ сравненіе съ произведеніями Вадіана и Глареана, но они указываютъ на серьезныя стремленія Цвингли и на его наблюдательность, а также на его желаніе извлечь изъ нѣмецкаго языка заключающіяся въ немъ данныя. Въ первой изъ этихъ поэмъ Тезей олицетворяетъ христіанскаго героя, которымъ руководитъ любовь къ Христу, съ нитью Аріадны въ рукахъ, борющагося съ грѣхомъ ради спасенія своего отечества и вѣчнаго блаженства; лабиринтъ означаетъ падшее человѣчество. Вторая аллегорія имѣетъ болѣе прямое отношеніе къ положенію конфедератовъ. Въ ней изображенъ быкъ, пасущійся въ горахъ подъ присмотромъ пастуха, отражающаго нападенія дикихъ звѣрей, пытающихся хитростью заманить быка къ себѣ. Леопардъ, изображающій короля Франціи, пытается вовлечь его въ союзъ подарками при посредствѣ кошки, получающей стипендію. Затѣмъ является голодный левъ, въ которомъ можно узнать императора, постоянно нуждавшагося въ деньгахъ. Они соединяются съ цѣлью изгнать изъ своей берлоги маленькую лису, изображающую Венецію; эта призываетъ къ себѣ на помощь пастуха, т. е. папу, который призываетъ на помощь быка для защиты своей овчарни, находящейся въ опасности. Это—изображеніе кампаніи 1510 года. Въ этой аллегоріи звучитъ любовь къ родинѣ, счастье которой слѣдуетъ искать не во внѣшней славѣ, но въ чувствѣ справедливости и любви къ Богу.

Тамъ, гдѣ принимаются дары чужеземцевъ,
Нѣтъ мѣста для свободы.

Въ 1512 и 1515 году Цвингли участвовалъ въ качествѣ полкового священника въ отрядѣ Гларуса, въ Новарской и Мариньянской кампаніяхъ; при этомъ онъ имѣлъ случай видѣть вблизи все зло, причиняемое войной. Видѣнное имъ произвело на него сильное впечатлѣніе. Однако въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ передъ битвой, онъ показалъ себя горячимъ сторонникомъ папы. 7-го сентября 1515, подъ Мариньяно, когда швейцарскіе начальники колебались, онъ убѣждалъ ихъ держать сторону союза, а въ роковые дни 13-го и 14-го онъ все время не покидалъ Гларусскаго отряда, въ центрѣ кровопролитнаго сраженія. Во время этой кампаніи Цвингли часто приходилось имѣть дѣло съ кардиналомъ Шиннеромъ, ревностнымъ агентомъ римской куріи, и по возвращеніи въ Гларусъ онъ получилъ отъ папы подарокъ въ 50 флориновъ. Въ это время онъ сошелся съ другимъ вліятельнымъ членомъ папской партіи, шультгейсомъ Фалькомъ изъ Фрейбурга.

Во время итальянскаго похода достоинства Цвингли выказались съ очевидностью; его пріятное обращеніе, его краснорѣчіе, его энергичный образъ дѣйствія на совѣтахъ и на полѣ битвы вызвали къ нему общее расположеніе. Съ этого времени началось его знакомство съ Максомъ Ройстомъ изъ Цюриха. Этотъ достойный бургомистръ принадлежалъ къ числу лицъ, не одобрявшихъ иностранной службы, и въ этомъ онъ сошелся съ гларусскимъ священникомъ. Пораженіе при Мариньяно дало имъ возможность измѣрить всѣ послѣдствія отдаленныхъ войнъ. Папа, вмѣсто того, чтобы стремиться сблизить народы, вовлекалъ ихъ безпрестанно все въ новыя войны. Такой образъ дѣйствія папы, руководившагося исключительно свѣтскими интересами, долженъ былъ навести Цвингли на размышленія; онъ разсмотрѣлъ его съ точки зрѣнія ученія Христа и увидѣлъ, до какой степени представитель Бога на землѣ былъ далекъ отъ исполненія своихъ духовныхъ полномочій.

Къ этимъ чувствамъ, вызваннымъ внѣшними событіями, вскорѣ присоединились другія болѣе интимнаго характера. Придя въ близкое соприкосновеніе со смертью, занятый мыслью о будущей жизни, Цвингли оглянулся на свою прошлую жизнь. До сихъ поръ онъ довольствовался тѣмъ, что признавалъ догматы и обряды церкви; онъ еще не замѣтилъ противорѣчія между католическими богослуженіемъ и догматикой съ одной стороны и священнымъ писаніемъ—съ другой. Въ немъ произошла эволюція; онъ усердно предался молитвѣ и чтенію Евангелія въ оригиналѣ: его личный опытъ указывалъ ему на безсиліе человѣка, на тяжесть грѣха, на то, что церковь не можетъ одна привести къ спасенію, на невозможность примирить ея начала съ потребностями сердца, нуждающагося въ помилованіи, искупленіи и возрожденіи духа. Изъ старой литургіи, попавшейся

ему въ руки, онъ узналъ, что прежде священники давали причастіе въ двухъ видахъ. Сочиненія Пика де ла Мирандолы, его смѣлые мысли о почитаніи образовъ, о вѣчныхъ мученіяхъ, о символическомъ значеніи причащенія, а также ученые труды Эразма и другихъ гуманистовъ вывели Цвингли постепенно на путь свободнаго изслѣдованія.

Независимый духъ гларусскаго священника, его порицаніе властей за союзъ съ Франціей, которое онъ высказывалъ, не принимая во вниманія ихъ положенія, навлекли на него сильную вражду, такъ что онъ не могъ оставаться священникомъ въ Гарусѣ. Управляющій аббатствомъ Эйнзидельнъ предложилъ ему мѣсто капелана, которое онъ принялъ съ радостью; его прихожане, жалѣвшіе объ его уходѣ, сохранили за нимъ до 1518 года званіе и жалованіе священника въ надеждѣ, что онъ вернется.

Цвингли привлекала богатая библіотека аббатства, и онъ провелъ тамъ два года (1516 и 1518) въ ученомъ уединеніи, подготовляясь къ своей будущей миссіи.

Два года, проведенныхъ Цвингли въ Эйнзидельнѣ, составили рѣшительную эпоху въ его жизни. Политическая борьба, поглощавшая его силы въ Гарусѣ, смѣнилась періодомъ сосредоточенія и занятій. «Въ этомъ-то мѣстѣ, освященномъ благочестіемъ старины», говоритъ г. Петръ Воше,—«онъ узналъ, какое разстояніе раздѣляетъ церковь Христа отъ церкви Льва X». Тысячи пилигримовъ стекались каждый годъ въ это знаменитое аббатство на поклоненіе Дѣвѣ Маріи; это зрѣлище представляло тяжелый контрастъ съ новыми идеями, проявлявшимися уже повсюду; воспоминаніе о немъ пришло на умъ Цвингли позднѣе, во время его полемики противъ почитанія образовъ. Управляющій монастыремъ, Дибольдъ фонъ Герольдсекъ, не будучи очень образованъ, любилъ ученыхъ, охотно привлекалъ ихъ и сердечно привязался къ Цвингли.

Подъ вліяніемъ новой среды предметъ проповѣди Цвингли измѣняется; рѣчь идетъ уже не о развращеніи, вызванномъ иностранной службой, но о любви ко Христу и о волѣ Бога, которую онъ противупоставляетъ людскимъ суевѣріямъ. Его отношенія къ Дибольду фонъ Герольдсеку становятся все болѣе тѣсными; позднѣе Герольдсекъ покинулъ свой постъ и послѣдовалъ за Цвингли въ Цюрихъ, гдѣ и умеръ возлѣ него при Каппелѣ; аббатъ Эйнзидельна, Конрадъ фонъ Рехбергъ, также перешелъ впослѣдствіи въ реформацію; проповѣди Цвингли отвѣчали ихъ стремленіямъ.

Въ 1517 году Цвингли получилъ приглашеніе въ Винтертуръ, отъ котораго онъ отказался. Въ слѣдующемъ году цюрихскій капитулъ выбралъ его на должность проповѣдника въ соборѣ; послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ уступилъ настояніемъ своего друга Миконія и принялъ это

мѣсто, которое представлялось ему мало желательнымъ, такъ какъ Цюрихъ считался въ то время очень развращеннымъ городомъ.

Папа имѣлъ въ Цюрихѣ горячихъ приверженцевъ. Съ самаго своего избранія Левъ X сумѣлъ снискать тамъ себѣ единомышленниковъ. Городскіе совѣты не приняли участія въ союзѣ съ Франціей; папскій агентъ въ Швейцаріи, кардиналъ Шиннеръ, и папскіе легаты, Энній и Пончи, часто тамъ жили. Бургомистръ Ройстъ былъ выбранъ въ капитаны папской гвардіи; не будучи въ состояніи по своимъ лѣтамъ лично исполнять эту обязанность, онъ передалъ ее своему сыну; другія семьи нотаблей были въ сношеніяхъ съ римской куріей; много горожанъ и крестьянъ находилось на службѣ у папы. И послѣ принятія реформаціи половина папской гвардіи состояла изъ цюрихцевъ. На папство начали смотрѣть скорѣе какъ на политическую власть, чѣмъ какъ на духовную. Деморализація Рима была извѣстна Цюриху, частые опыты заставили понять, какъ мало можно было довѣрять обязательствамъ, принимаемымъ на себя куріей, и уже въ 1515 году, при возобновленіи союза съ папой, проявилась нѣкоторая оппозиція.

Церковь была въ значительной степени отвѣтственна за упадокъ нравовъ. Однако констанцскій епископъ, Гюго фонъ Ланденбергъ (1498—1530), покровительствовалъ, казалось, движенію, требовавшему реформы; въ пастырскомъ посланіи отъ 1517 года, онъ открыто указываетъ на распущенность духовенства.

Но у него недоставало энергіи и способностей для того, чтобы взять на себя управленіе этимъ движеніемъ. Его главный викарій, Иванъ Фаберъ, былъ человѣкъ болѣе обширнаго ума; вначалѣ онъ тоже покровительствовалъ стремленіямъ гуманистовъ; когда Цвингли прибылъ въ Цюрихъ, онъ выказалъ радость по поводу того, что въ этомъ городѣ поселится проповѣдникъ, возвѣщающій слово Божіе со знаніемъ и разборчивостью. Но ему не хватало широты взгляда, и отъ него ускользало значеніе этой проповѣди.

Что же касается цюрихскаго духовенства, вотъ сужденіе о немъ современнаго католическаго писателя [1]): «Оно было многочисленно и хорошо оплачиваемо; въ то время начали снова усердно заниматься церковными постройками и духовной музыкой; праздники праздновались блестяще передъ большимъ числомъ прелатовъ и священниковъ; отсюда можно было бы заключить, что религіозная жизнь процвѣтала. Но это была одна только внѣшняя сторона. Глубокій упадокъ овладѣлъ духомъ церкви; во внѣшней жизни церкви было много мишуры и блеска».

---

[1]) Rohr, Jahrbuch für Schweizergeschichte, IV, 1879.

Этотъ упадокъ проявлялся даже въ нѣдрахъ капитула Цюрихскаго собора. Бенефиціи были средствомъ для обезпеченія будущности сыновей знатныхъ фамилій. Въ моментъ, когда разразилась реформація, было 34 каноника; очевидно, что у нихъ оставалось много свободнаго времени, которое они употребляли на охоту, игру, пьянство; многіе изъ нихъ жили въ открытомъ сожительствѣ.

Феликсъ Геммерлинъ былъ въ XV вѣкѣ заключенъ въ тюрьму за попытку противодѣйствовать такому порядку вещей. Суевѣріе и легкомысліе шли рука объ руку, говоритъ г. Стегелинъ, и уже исчезли слѣды мистическаго движенія, возникшаго въ концѣ среднихъ вѣковъ.

До Цвингли церковная система не подвергалась нападеніямъ ученой оппозиціи. Цюрихъ не былъ, какъ Базель, ученымъ городомъ, а если онъ сталъ впослѣдствіи таковымъ, то этимъ онъ главнымъ образомъ обязанъ толчку, данному ему Цвингли. Конрадъ Гофманъ, бывшій долгое время проповѣдникомъ въ соборѣ, хвастался въ 1523 году, что въ продолженіе своей тридцатилѣтней дѣятельности онъ говорилъ противъ злоупотребленій епископовъ и папъ; но его оппозиція Цвингли показываетъ, что его критика вращалась въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Его преемникъ Эргартъ Батманъ, удаленіе котораго вызвало приглашеніе Цвингли, былъ ревностнымъ защитникомъ пилигримства и индульгенцій. Монахи, особенно доминиканцы, безнаказанно грабили кошельки вѣрующихъ, изображая своимъ слушателямъ муки ихъ умершихъ родителей и заставляя этимъ заказывать большое число мессъ за упокой ихъ душъ.

Посѣщеніе иностранныхъ университетовъ и недавнее основаніе базельскаго университета дали новое направленіе преподаванію въ соборныхъ и церковныхъ школахъ, которыя однако посѣщались только кандидатами на духовныя должности и немногими сыновьями буржуа. Каноники Феликсъ Фрей, Генрихъ Утингеръ и Освальдъ Миконій были представителями новаго направленія. Нѣкоторыя духовныя лица принялись за чтеніе библіи. Такъ, напримѣръ, кусснахтскій командоръ Шмидтъ и каппельскій аббатъ Іенеръ.

Цвингли представлялась двойная задача: какъ убѣжденный христіанинъ онъ желалъ обосновать свою проповѣдь на священномъ писаніи и преподать своимъ слушателямъ ученіе, свободное отъ идей, чуждыхъ Евангелію, царившихъ въ то время среди духовенства; съ другой стороны, какъ пламенный патріотъ онъ желалъ содѣйствовать возрожденію народа и заставить его отказаться отъ злополучной системы пенсій и капитуляцій. Эти двѣ цѣли тѣсно переплетались въ его умѣ; ибо онъ стремился не только къ спасенію отдѣльныхъ душъ, но и самой націи; слова пророковъ и Іисуса Христа давали ему много текстовъ, способныхъ оправдать его взгляды.

По его мнѣнію государство должно было способствовать реформѣ, вдохновляясь Евангеліемъ; а его обязанностью, какъ проповѣдника, было напоминать ему объ этомъ. Первое мѣсто въ богослуженіи должны были занимать проповѣдь и чтеніе Евангелія, обѣдня и литургія отходили на задній планъ. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ Цвингли ссылался на Златоуста, Августина и на обычаи первоначальной церкви.

Отказавшись отъ pérîcopes (или евангелія на каждый день), которыя отбрасывали много важныхъ текстовъ писанія, Цвингли началъ свои проповѣди объясненіемъ евангелія отъ Матѳея: онъ заявилъ, что Христосъ есть истинный и единственный посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Онъ говорилъ безъ приготовленія и безъ записокъ: впечатлѣніе отъ его рѣчей было сильное, хотя у него былъ слабый голосъ: благородство манеры и выборъ выраженій его хвалили даже его противники. Его поученія были ясны и легки для пониманія, полны серьезности и добросердечія; его выговоры имѣли отеческій оттѣнокъ. Пониманіе высоты своего призванія, его ученость и сознаніе, что провозглашаемая имъ вѣсть была Божья вѣсть, придавали его рѣчамъ особый отпечатокъ, напоминавшій рѣчи пророковъ.

Въ началѣ своего служенія въ Цюрихѣ Цвингли не предполагалъ нападать на существовавшія церковныя учрежденія; онъ полагалъ, подобно многимъ другимъ, что нравственное и религіозное пробужденіе, о которомъ онъ мечталъ, совмѣстимо съ существовавшей организаціей католической церкви. Если внѣшнія церемоніи и римская дисциплина, церковная музыка, постъ, священническое одѣяніе, употребленіе ладона, украшеніе священныхъ мѣстъ, епископская іерархія и т. д. не могли опереться на тексты изъ священнаго писанія, они все же не были противны духу христіанства. Дѣйствительно, внѣшнія формы католическаго богослуженія только тогда достойны порицанія, когда онѣ, благодаря придаваемому имъ преувеличенному значенію, становятся препятствіемъ къ развитію религіозной жизни, и когда вѣрующій, увлеченный очарованіемъ, производимымъ ими на чувства, ограничивается одними внѣшними обрядами, вмѣсто того чтобы стремиться достигнуть нравственнаго идеала Христа.

Прибытіе доминиканца Самсона, достойнаго соревнователя Тетцеля, дало Цвингли первый случай рѣзко высказать свое мнѣніе относительно злоупотребленій духовенства. Въ продолженіе лѣта 1518 г. Самсонъ успѣшно торговалъ индульгенціями въ Лѣсныхъ кантонахъ; слѣдующую затѣмъ зиму онъ эксплуатировалъ Бернъ, а въ февралѣ появился въ западной Швейцаріи. Цвингли счелъ своею обязанностью просвѣтить умы посредствомъ своихъ проповѣдей и указать на злоупотребленія, вызываемыя продажей индульгенцій. Это вызвало полемику. Констанцскій епископъ, согласный

со взглядами Цвингли, велѣлъ священникамъ своей епархіи воспретить Самсону доступъ въ ихъ церкви. Съ своей стороны цюрихскій городской совѣтъ запретилъ Самсону продажу индульгенцій въ публичныхъ мѣстахъ. Затѣмъ этотъ вопросъ былъ представленъ на обсужденіе сейму, собравшемуся въ то время въ Цюрихѣ, и запрещеніе стало болѣе общимъ; по просьбѣ конфедератовъ, папа, имѣвшій особыя причины быть внимательнымъ къ желаніямъ конфедератовъ, разсчитывая на вооруженную помощь швейцарцевъ, лишилъ Самсона данныхъ ему полномочій.

Вскорѣ завязалась новая полемика. Цвингли въ своихъ проповѣдяхъ училъ, что вѣрующій можетъ непосредственно обращаться со своими молитвами къ Богу, и хотя онъ не нападалъ еще открыто на молитву къ святымъ, онъ осуждалъ положеніе о посредничествѣ святыхъ и раскрывалъ идолопоклонническій характеръ этого обычая.

Эти идеи, смѣлыя для той эпохи, были строго осуждаемы; Миконій, находившійся въ Люцернѣ, писалъ Цвингли, что его ученіе считаютъ дьявольскимъ навожденіемъ.

И въ Цюрихѣ, какъ въ Гарусѣ, Цвингли продолжалъ заниматься изученіемъ классиковъ; онъ принималъ въ своемъ священническомъ домѣ учениковъ, между ними—сына регистратора изъ Ури и своего собственнаго брата, умершаго впослѣдствіи отъ чумы въ 1520 году.

Въ августѣ 1519 года чума разразилась въ Цюрихѣ и сразила въ теченіе послѣдующихъ мѣсяцевъ въ городѣ и его окрестностяхъ около 2500 жертвъ. Въ моментъ, когда разразилась эпидемія, Цвингли былъ на водахъ въ Пфефферсѣ; услышавъ печальную вѣсть, онъ поспѣшилъ къ своей паствѣ и посвятилъ себя уходу за больными. Напрасно его друзья просили его поберечь себя; въ сентябрѣ онъ самъ заболѣлъ, и его жизнь была въ опасности. Папскій легатъ послалъ ему доктора. Въ Базелѣ распространился слухъ о его смерти. Болѣзнь была продолжительна; въ началѣ ноября произошелъ благопріятный кризисъ, и онъ вернулся къ своимъ занятіямъ; выздоровленіе было медленное, силы возвращались съ трудомъ, еще весною 1520 года онъ страдалъ отъ лихорадки. Когда вернулось здоровье, онъ почувствовалъ себя укрѣпившимся въ своей миссіи. Въ продолженіе своей болѣзни онъ сочинилъ три гимна, указывающіе на его хладнокровіе передъ опасностью, на его довѣріе къ Богу, спокойствіе и благодарность.

До этихъ поръ реформаторское движеніе въ Цюрихѣ не имѣло связи съ тѣмъ же движеніемъ въ Германіи. Только въ серединѣ 1519 года сочиненія Лютера попали въ руки Цвингли, они были ему посланы его базельскими друзьями. Впрочемъ, прежде чѣмъ вступить въ сношенія съ великимъ нѣмецкимъ реформаторомъ, Цвингли составилъ относительно

важнаго вопроса о причащеніи взглядъ, болѣе независимый отъ традиціи, чѣмъ взглядъ Лютера. Уже въ 1518 году онъ училъ, что спасеніе получается не черезъ отпущеніе грѣховъ, даваемое священникомъ, но черезъ вѣру въ Христа; опираясь на первое посланіе къ Коринѳянамъ, онъ смотрѣлъ на причащеніе, какъ на воспоминаніе о смерти Христа, и онъ боролся противъ догмата августинцевъ, считающихъ таинство крещенія средствомъ къ спасенію и считающихъ дѣтей, умершихъ безъ крещенія, осужденными. Сочиненія Лютера, особенно его отвѣтъ на тезисы Экка и объясненіе посланія къ Галатамъ, освѣщающіе природу отношеній между Богомъ и человѣкомъ и догматъ оправданія черезъ вѣру, утвердили Цвингли въ принятомъ имъ направленіи. Гимны, написанные по поводу чумы въ Цюрихѣ, отражаютъ идеи, сходныя съ идеями саксонскаго реформатора.

Хотя Цвингли съ живымъ интересомъ слѣдилъ за Лютеровской реформой, онъ, казалось въ 1520 и 1521 году, не желалъ принимать участія въ реформаторскомъ движеніи; распри, въ которыя онъ былъ вовлеченъ, кажутся совсѣмъ незначительными по сравненію съ борьбой, которую Лютеръ велъ съ папой и императоромъ. Однако мы знаемъ, что въ своихъ проповѣдяхъ Цвингли не только укорялъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, но онъ также подвергалъ строгой критикѣ ученіе и правила церкви, такъ что его противники не премнули представить его еретикомъ и смутьяномъ. То, что онъ, несмотря на свой смѣлый образъ дѣйствія, сохранялъ за собой свое мѣсто, можно объяснить сдержанностью его рѣчей и тѣмъ, что онъ пользовался одобреніемъ членовъ капитула. Къ тому же римская курія, благодаря его политическимъ взглядамъ, была склонна къ терпимости по отношенію къ нему.

Но пришла минута, когда онъ вынужденъ былъ столкнуться съ традиціей. Первое недоразумѣніе между Цвингли и капитуломъ возникло по поводу его рѣчи, въ которой онъ оспаривалъ, что десятина основывается на божескомъ постановленіи. Пробстъ, находя, что онъ подвергаетъ опасности интересы учрежденія, написалъ ему угрожающее письмо. Въ другихъ вопросахъ прелатъ и большинство членовъ капитула были на его сторонѣ, какъ это доказываетъ рѣшеніе отъ 27-го іюня 1520 года замѣнить старый требникъ болѣе простой литургіей, что, очевидно, являлось успѣхомъ для Цвингли. Въ томъ же году цюрихскій совѣтъ велѣлъ всѣмъ священникамъ говорить проповѣди по Новому Завѣту, и подтверждать свои поученія исключительно только ссылками на библію, оставляя въ сторонѣ людскія измышленія.

Въ то же время совѣтъ создалъ для борьбы съ испорченностью нравовъ учрежденіе, которое должно было собирать пособія и раздавать ихъ

бѣднымъ. Для надзора были поставлены два эконома, которымъ было приказано отказывать въ помощи пьяницамъ и нищимъ, ходящимъ отъ дверей къ дверямъ и эксплуатирующимъ людскую довѣрчивость; ихъ должны были даже выдавать для наказанія. Такое сосредоточеніе помощи въ свѣтскихъ рукахъ являлось настоящимъ успѣхомъ; до тѣхъ поръ, сообразно со старыми взглядами, и даже теперь еще въ католическихъ странахъ, богатый обезпечиваетъ за собой спасеніе раздачей милостыни, давая ее безъ разбора всякому нищему.

Въ 1520 и 1521 годахъ помощь швейцарцевъ старались получить съ одной стороны Франциск I, съ другой Карлъ V и Левъ X. Цвингли энергично возсталъ противъ вмѣшательства конфедератовъ въ дѣла Европы и противъ капитуляцій, и ему удалось, хотя и съ трудомъ, благодаря дружбѣ съ бургомистромъ Ройстомъ, отговорить Цюрихъ отъ союза, который остальные кантоны заключили съ Франціей. Это важное рѣшеніе, которое, по словамъ одного современника, «превращало раздражительнаго льва въ смирнаго ягненка», являлось крупнымъ успѣхомъ для реформатора, но такъ какъ оно затрогивало честолюбіе многихъ, то оно должно было создать ему много враговъ.

Федеральные сеймы собирались обыкновенно въ Цюрихѣ. Отдѣлившись въ этомъ дѣлѣ отъ конфедератовъ, благородный городъ на Лиммать долженъ былъ ожидать, что послѣ этого депутаты тринадцати кантоновъ не будутъ больше собираться въ его стѣнахъ. Въ этомъ упрекали Цвингли. Сторонники капитуляцій, пенсіонеры, слушавшіе до того его проповѣди, стали его называть еретикомъ. Вызванная имъ ненависть была особенно сильна въ Лѣсныхъ кантонахъ, тамъ образовался союзъ защитниковъ старой вѣры и защитниковъ капитуляцій.

Съ своей стороны Цвингли, получавшій отъ папы пенсію въ сто флориновъ и уже раньше просившій не высылать ее ему, въ 1520 году окончательно отказался взять ее, несмотря на усиленные уговоры легата; въ вознагражденіе за эту потерю ему предложили стать членомъ соборнаго капитула. Между тѣмъ Лютеръ 3-го января 1521 г. былъ осужденъ папой, и главный констанцскій викарій, относившійся до тѣхъ поръ съ сомнѣніемъ къ реформѣ церкви, сталъ на сторону противниковъ Лютера и отказался поддерживать Цвингли. Тогда у цюрихскаго реформатора явился новый другъ, въ лицѣ Бертольда Галера, приглашеннаго на должность проповѣдника въ бернскомъ соборѣ, на мѣсто Виттенбаха.

Въ 1521 году Цвингли высказалъ свои взгляды въ двухъ небольшихъ сочиненіяхъ, изданныхъ одно на нѣмецкомъ, другое на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Божественная мельница* и *Совѣтъ человѣка, желающаго отъ всего сердца сохранить существованіе папы и*

мира въ христіанствѣ. Первое изъ этихъ сочиненій свидѣтельствуетъ о признаніи идей Лютера въ средѣ, въ которой жилъ Цвингли. Въ немъ Эразмъ и Лютеръ сравниваются съ мельниками и булочниками, работающими въ божественной мастерской и приготовляющими хлѣбъ жизни, олицетворенный въ Христѣ. Второй изъ этихъ небольшихъ трактатовъ, появившійся, какъ и первый, безъ имени автора, представляетъ послѣднюю дружескую попытку на объясненіе между Лютеромъ и папой; онъ былъ напечатанъ въ Базелѣ и потому его приписывали Эразму.

Первый конфликтъ между Цвингли и папой былъ на политической, а не на догматической почвѣ; это надо замѣтить. Папа заключилъ, лѣтомъ 1521 года, союзъ съ Карломъ V противъ Франциска I и хотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что Цюрихъ не участвовалъ въ договорѣ, заключенномъ другими кантонами съ Франціей, чтобы получить отъ него рекрутовъ. Бургомистръ Ройстъ былъ согласенъ на это, и было обѣщано, что цюрихскій отрядъ будетъ охранять папскія владѣнія, но не будетъ воевать съ Франціей. Цвингли сильно возсталъ противъ вербовки, испрашиваемой папой. Онъ указывалъ на то, что конфедераты разъединяются, поступая на службу къ иноземнымъ князьямъ и что, несмотря на обѣщаніе папскаго легата, придетъ моментъ, когда имъ придется сражаться другъ противъ друга. Однако папская партія одержала верхъ въ Цюрихѣ, и 2700 человѣкъ перешли черезъ Альпы; въ Курѣ командованіе надъ ними принялъ кардиналъ Шиннеръ. Предсказанія Цвингли вскорѣ сбылись; несмотря на данное обѣщаніе, папа пожелалъ послать цюрихскій отрядъ противъ Франціи. Цюрихскій совѣтъ горько жаловался на такую недобросовѣстность и 11-го января 1522 года запретилъ своимъ подданнымъ сражаться какъ подъ папскимъ знаменемъ, такъ и подъ знаменемъ императора или короля французскаго. Конфедераты обвиняли во всемъ этомъ папскую дипломатію и были очень недовольны.

Эти событія послужили темой для комической фантазіи живописца и поэта Николая Мануеля. Въ шуточной драмѣ, сочиненной имъ для карнавала 1522 года, онъ выставляетъ папу, апостоловъ Петра и Павла, затѣмъ похоронную процессію богача, проходящую передъ папой и его духовенствомъ; священники обмѣниваются мрачными замѣчаніями: «Да здравствуютъ мертвые»,—говорятъ они, «ибо кончина приноситъ намъ состояніе». Св. Петръ подходитъ къ одному изъ нихъ и говоритъ ему, указывая на папу: «Кто эта величественная личность съ тройной короной? Турокъ это или какой-нибудь языческій государь?». Въ другой драмѣ Мануель проводитъ параллель между Христомъ, сидящимъ на ослѣ, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ, и папой верхомъ на лошади, въ доспѣхахъ, окруженнымъ конвоемъ воиновъ.

Плачевная политика римской куріи послужила на ея же погибель; своими лукавыми поступками она отвратила отъ себя цюрихцевъ, которые въ слѣдующемъ затѣмъ году окончательно порвали съ ней.

ГЛАВА IV.

Принятіе реформаціи въ нѣмецкой Швейцаріи.

(Продолженіе).

Симптомы-предвѣстники разрыва.—Положеніе, занятое епископомъ Констанцскимъ.—Цвингли требуетъ отъ епископа свободы проповѣди согласно Евангелію и отмѣны обязательнаго безбрачія священниковъ.—Цюрихскіе совѣты рѣшаютъ, что проповѣди должны говориться на тексты изъ Евангелія.—Восшествіе на папскій престолъ Адріана VI.—Обмѣнъ взглядовъ между Эразмомъ и Цвингли.—Цюрихскій диспутъ (29 января 1523).—Принятіе реформы въ Цюрихѣ, упраздненіе монастыря Альтенбахъ и поклоненія святымъ и Дѣвѣ Маріи.—Цюрихская бесѣда (26 октября 1523).—Отрѣшеніе соборнаго капитула, упраздненіе образовъ въ церквахъ, секуляризація монастырей, отмѣна мессы (13 апрѣля 1525).—Положеніе, занятое сеймомъ.—Реформація распространяется въ Базелѣ, Шаффгаузенѣ, Сенъ-Галленѣ и Аппенцеллѣ.—Баденская бесѣда.—Œколампадій проповѣдуетъ реформацію въ Базелѣ.—Бертольдъ Галеръ проповѣдуетъ реформацію въ Бернѣ.—Вилянія совѣтовъ.—Диспутъ въ Бернѣ (7 января 1528).—Уничтоженіе мессы въ Базелѣ (февраль 1529).—Вадіанъ прокладываетъ путь для реформаціи въ Сенъ-Галленѣ.—Отмѣна мессы въ Сенъ-Галленѣ (1529).—Шаффгаузенъ, Мюльгаузенъ и Аппенцелль одинъ за другимъ принимаютъ реформацію.—Эдиктъ о терпимости утверждаетъ равенство вѣроисповѣданій въ Гларусѣ.—Граубюнденскія лиги даютъ общинамъ право избирать своихъ духовныхъ руководителей.—Курскій епископъ удаляется въ Тироль.

Съ самаго начала 1522 года въ Цюрихѣ имѣли мѣсто явленія, предвѣщавшія религіозный расколъ. Раздавались жалобы на обязательность исповѣди и на упраздненіе чаши въ таинствѣ причащенія. Плательщики податей стали платить монастырскую десятину только по принужденію; члены духовенства и общины начали горячо протестовать противъ налога, который епископъ продолжалъ собирать, несмотря на отказъ духовенства и оппозицію совѣта. Споръ разразился во время поста; буржуа не захотѣли соблюдать поста; одинъ булочникъ, по имени Генрихъ Эберли, находившійся впослѣдствіи въ числѣ анабаптистовъ, потребовалъ себѣ въ тавернѣ мяса; каноникъ Утинъеръ и школьный учитель Георгъ Биндеръ нарушили предписаніе; скандалъ сталъ еще большимъ, когда издатель Фрошауэръ, поѣвъ мяса, велѣлъ принести себѣ сосисокъ въ многочисленномъ собраніи, въ которомъ находились Цвингли и Леонъ Іудэ. Цвингли не

принималъ участія въ ѣдѣ, но его присутствіе являлось одобреніемъ этого нарушенія, и нарушители поста могли приводить въ свое оправданіе, что ихъ поведеніе соотвѣтствовало его ученію. Впрочемъ Цвингли, не колеблясь, взялъ на себя отвѣтственность за это нарушеніе поста; въ проповѣди, произнесенной 29 марта, онъ, опираясь на слова Христа и апостоловъ, доказывалъ безосновательность постановленій относительно поста и противупоставилъ евангельскую свободу нетерпимости церковныхъ предписаній.

Констанцскій епископъ опубликовалъ пастырское посланіе, имѣвшее цѣлью вернуть къ послушанію цюрихцевъ, и послалъ въ Цюрихъ 7-го апрѣля своего коадъютора Мельхіора Ватта и своего канцлера Брендли, противниковъ Цвингли, а также проповѣдника Іоанна Вармеса, поручивъ имъ вернуть заблудшую паству въ лоно церкви. Эти делегаты собрали духовенство въ залѣ капитула, и Мельхіоръ Ваттъ сталъ бранить Цвингли, не называя его по имени. Этотъ послѣдній возражалъ такъ мужественно, что коадъюторъ отказался продолжать диспутъ и принесъ жалобу совѣту. Совѣтъ передалъ дѣло совѣту двухсотъ, и тамъ снова Цвингли успѣшно побилъ своихъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе совѣтъ запретилъ гражданамъ нарушать постъ безъ основательныхъ причинъ и наложилъ легкія кары на Фрошауера и другихъ преступниковъ; но въ то же время онъ попросилъ епископа спросить у духовныхъ авторитетовъ объясненія, чего слѣдуетъ держаться по отношенію къ обрядамъ.

16 апрѣля Цвингли напечаталъ свою проповѣдь отъ 29-го марта подъ заглавіемъ: *О свободѣ выбора пищи*. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ цѣлую программу духовной эмансипаціи. Въ ней находится и такая мысль: «Добрыя дѣла не тѣ, которыя повелѣваетъ церковь, но тѣ, которыя повелѣваетъ слово Божіе».

Образъ дѣйствія Цвингли доставилъ ему многихъ сторонниковъ, между прочимъ Іоанна Вармеса, одного изъ депутатовъ епископа Констанцскаго. Назначеніе друга Цвингли, Леона Іудэ, проповѣдникомъ въ церкви Св. Петра указываетъ на то, что общественное мнѣніе было на сторонѣ Цвингли.

Пораженіе при Ла Бикокѣ, 27 апрѣля 1522 г., когда 3000 швейцарцевъ, находившихся на жалованьи у Франциска I, были убиты, явилось какъ разъ кстати для оправданія сопротивленія Цвингли капитуляціямъ; онъ не преминулъ указать на это въ письмѣ къ сейму отъ 16-го мая. Тѣмъ не менѣе главный викарій епископа Констанцскаго, Іоаннъ Фаберъ, вернувшійся изъ Рима, уговорилъ епископа остаться при прежнемъ мнѣніи, а по просьбѣ епископа сеймъ, собравшійся въ Люцернѣ 27-го мая, издалъ постановленіе противъ священниковъ, вносящихъ своими проповѣдями смуту и раздоръ въ народъ.

Это рѣшеніе было примѣнено въ ноябрѣ 1522 года къ приходскому священнику баденскаго фогства, Урбану Виссу, изъ Фисслибаха, проповѣдывавшему противъ поклоненія Дѣвѣ Маріи; несчастный былъ арестованъ, выданъ епископскому суду въ Констанцѣ и послѣ долгаго заточенія и пытки принужденъ былъ отречься отъ своего ученія.

Среди возраставшаго волненія Цвингли, не смущаясь, стремился къ осуществленію своего плана реформы. Сговорившись съ десятью другими швейцарскими священниками, онъ написалъ, 2 іюля 1522 года, епископу Констанцскому, прося о свободѣ проповѣдывать по евангелію и требуя отмѣны обязательнаго безбрачія духовенства, доказывая свое требованіе ссылками на священное писаніе. 13-го іюля Цвингли и его друзья изложили свои взгляды въ письмѣ на имя конфедеральныхъ штатовъ. Бракъ священниковъ не есть грѣхъ передъ Богомъ, пусть же онъ перестанетъ быть срамомъ передъ людьми.

Насильственное безбрачіе, противное законамъ природы и не требуемое евангеліемъ, не соблюдалось строго священниками въ Швейцаріи, какъ и въ другихъ странахъ. Римскіе первосвященники не подчинялись церковному закону; они подавали примѣръ по истинѣ скандальной жизни, и много было священниковъ, которые, ссылаясь на этотъ примѣръ, уклонялись отъ постановленій церкви. И Цвингли, какъ мы видѣли, былъ не безупреченъ въ этомъ отношеніи. Католическіе писатели, столь снисходительные къ прегрѣшеніямъ папъ, жестоко нападали на него за грѣхи его юности, въ которыхъ онъ сознался и раскаялся. И въ этомъ пунктѣ, какъ и въ другихъ, требовалась реформа.

Умерщвленіе плоти, которое неправильно считалось похвальнымъ, заключающееся въ угнетеніи чувства человѣческихъ стремленій, въ освобожденіи отъ святыхъ радостей семейной жизни, совсѣмъ не предписано евангеліемъ, и римская церковь возстала въ нѣкоторомъ родѣ противъ божескаго закона, запретивъ и накинувъ тѣнь на отношенія, необходимыя для сохраненія рода человѣческаго [1]). Семья и бракъ—учре-

[1]) Бракъ священниковъ оказалъ хорошіе результаты на развитіе общественнаго благосостоянія въ протестантскихъ странахъ. Дѣйствительно, если перечислить въ протестантскихъ городахъ Швейцаріи или заграницы людей, занимающихъ видныя положенія среди духовенства, въ педагогическомъ мірѣ, въ магистратурѣ, въ судебномъ вѣдомствѣ, въ медицинѣ, торговлѣ или промышленности, то увидимъ, что у большей части изъ нихъ отецъ, или дѣдъ, или прадѣдъ съ отцовской или материнской стороны были священниками.

Часто священникъ—самого скромнаго происхожденія изъ крестьянской семьи; въ этомъ случаѣ духовное званіе служитъ ступенью, облегчающей восхожденіе на высшія ступени общественной лѣстницы.

женія достойныя уваженія, влекущія за собой серьезную отвѣтственность; мужчина и женщина достигаютъ полнаго расцвѣта своихъ нравственныхъ способностей именно принимая на себя эту отвѣтственность, а не освобождаясь отъ нея. Достоинство священническаго сана требовало, чтобы священники, имѣвшіе женъ, упорядочили ихъ положеніе и отказались отъ обѣта, частое нарушеніе котораго являлось оскорбленіемъ для семьи. Не стѣсняясь болѣе повелѣніемъ, которое служители церкви безнаказанно попирали, Цвингли подтвердилъ, на основаніи текстовъ священнаго писанія, право священниковъ жениться. Онъ не безъ основанія полагалъ, что священникъ долженъ быть примѣромъ для своей паствы, и что наилучшій примѣръ, который онъ можетъ подать своей паствѣ, это создать семью и взрастить ее честно въ страхѣ Божіемъ. Составивъ это убѣжденіе, Цвингли женился въ 1522 году на Аннѣ Рейнгардъ, вдовѣ одного цюрихскаго дворянина, по имени Іоганнъ Мейеръ, умершаго въ 1517 и поручившаго ему воспитаніе своего сына. Этотъ бракъ держался въ тайнѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ и былъ публично отпразднованъ только 5-го апрѣля 1524.

Проповѣди и статьи Цвингли вызвали живую оппозицію со стороны монаховъ, бывшихъ еще очень могущественными въ Цюрихѣ. Борьба велась съ обѣихъ сторонъ съ большой рѣзкостью. Городской совѣтъ былъ принужденъ вмѣшаться: онъ созвалъ 22-го іюля 1522 трехъ проповѣдниковъ, а также ректоровъ трехъ монастырей и предложилъ обѣимъ партіямъ подчиниться рѣшенію капитула.

Буржуазія, которая часто оказывается истощенной, благодаря долгому пребыванію въ городахъ и умственнымъ трудамъ, черпаетъ въ этомъ притокѣ новую силу и жизнь. Въ католическихъ странахъ не достаетъ этой ступени, и благодаря тому, что духовенство, весьма многочисленное, не имѣетъ потомства, тамъ происходитъ менѣе полная утилизація интеллектуальныхъ силъ націи; само духовенство, не пополняясь изъ своей среды, съ большимъ трудомъ держится на высотѣ своего призванія. Изъ очень интересныхъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ Альфонсомъ де Кандоллемъ въ его Histoire des sciences et des savants, видно, что академіи наукъ насчитываютъ значительно большее число постоянныхъ членовъ и членовъ корреспондентовъ въ протестантскихъ странахъ, чѣмъ въ католическихъ; но это неравенство исчезаетъ въ значительной степени и устанавливается равновѣсіе обоихъ вѣроисповѣданій, если изъ числа ученыхъ вычесть лицъ, у которыхъ отцы суть пасторы. Де Кандолль объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что привычка къ труду и умственныя способности передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это доказываютъ Пиктэ и де Кандолль въ Женевѣ, Бернулли и Эйлеры въ Базелѣ и другія фамиліи. Двое знаменитыхъ ученыхъ, Линней и Агассизъ, были сыновьями пасторовъ.

Цвингли гордо отвѣчалъ: «Я епископъ и священникъ прихода Цюрихъ, мнѣ поручена забота о душахъ. Я далъ въ этомъ клятву, чего монахи не дѣлали; не они обязаны наблюдать за мной, а я за ними, и, если они проповѣдуютъ противъ истины, я долженъ противиться этому и принужденъ входить на ихъ каѳедры и говорить противъ нихъ». Онъ добавилъ, что, если ему докажутъ, что проповѣдуемое имъ противно евангелію, онъ готовъ подчиниться осужденію капитула и гражданъ. Проповѣдникъ Энгельгардъ и командоръ Шмидтъ высказались въ томъ же смыслѣ. Монахи же настаивали на томъ, что слѣдуетъ говорить проповѣди, основываясь также на св. Ѳомѣ и другихъ святыхъ. Бургомистръ и совѣты рѣшили, что проповѣдь должна основываться на евангеліи, писаніяхъ апостоловъ и пророкахъ, что мнѣнія учителей церкви: Скота, Ѳомы и др. должны быть оставлены въ сторонѣ, и что свѣтскіе священники имѣютъ право проповѣдывать въ монастыряхъ.

Послѣ этого рѣшенія, къ которому совѣтъ пришелъ благодаря твердому и сдержанному поведенію Цвингли, реформація рѣшительно начала распространяться въ Цюрихѣ. Напрасно епископъ Констанцскій издалъ приказъ городу соблюдать повелѣнія церкви и напоминалъ ему, что взгляды Лютера были отвергнуты обѣими главами христіанскаго міра: папой и императоромъ. Пять дней спустя большая часть духовенства перешла на сторону реформаціи, и капитулъ рѣшилъ, что проповѣдники должны основывать свои проповѣди на словѣ Божіемъ.

Это вмѣшательство гражданской власти въ область религіи можетъ показаться ненормальнымъ съ нашей настоящей точки зрѣнія; но въ шестнадцатомъ вѣкѣ его можно было разсматривать какъ справедливую отплату за вмѣшательство церкви въ область политики. Если бы римская курія первая не отступала многократно отъ своего духовнаго назначенія, она, можетъ быть, не подвергла бы себя подобнымъ непріятностямъ; въ этомъ случаѣ она расплачивалась за ошибку, совершенную ею—за постоянное смѣшеніе своего вѣдѣнія съ вѣдѣніемъ свѣтскихъ властей.

Отовсюду, изъ Германіи и изъ Швейцаріи, Цвингли поздравляли съ успѣхомъ. 27-го августа онъ отвѣтилъ на приказанія своего епископа посланіемъ на латинскомъ языкѣ, озаглавленнымъ Archeteles, гдѣ онъ рѣшительно противупоставляетъ авторитетъ священнаго писанія авторитету Церкви.

Левъ X умеръ въ 1521 году. Блестящему, но легкомысленному, расточительному и сластолюбивому итальянцу наслѣдовалъ мелочной, суровый фламандецъ, съ прямымъ и добросовѣстнымъ характеромъ. Адріанъ VI изъ Утрехта, былъ наставникомъ, а затѣмъ министромъ Карла V. Его избраніе въ 1522 году было радостно привѣтствовано Эразмомъ; онъ думалъ,

что новоизбранный папа осуществитъ его мечту о мирномъ разрѣшеніи церковнаго кризиса. «У насъ теперь», писалъ онъ Цвингли 3-го сентября 1522 г., «папа—теологъ, и скоро мы увидимъ, какъ совершится поворотъ въ религіозномъ вопросѣ». «Тѣ, кто горюетъ о томъ, что реформа XVI вѣка произошла при посредствѣ схизмы, должны сожалѣть», говоритъ Этьенъ Шастель, «о томъ, что Адріанъ не вступилъ раньше на папскій престолъ, ибо, хотя онъ былъ дурно понятъ итальянцами, но онъ, можетъ быть, былъ бы способенъ понять, до нѣкоторой степени, мысль Лютера. Такъ какъ хорошо извѣстно, что онъ считалъ церковную реформу необходимой, то возможно, что онъ постарался бы устранить, хотябы отчасти, причину къ жалобамъ нѣмецкихъ князей, если бы, впрочемъ, это допустили окружавшія его лица; а этимъ была бы устранена одна изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ реформы. Но Адріанъ VI явился слишкомъ поздно, его добрыя намѣренія не могли уже задержать движенія, расколъ уже совершился».

Когда Эразмъ получилъ Archeteles, онъ, съ своей обычной осторожностью, написалъ Цвингли письмо, въ которомъ не скрывалъ своего неудовольствія и уговаривалъ его быть болѣе осторожнымъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ и совѣтываться предварительно съ друзьями. Несогласіе между этими двумя личностями наглядно указываетъ на разстояніе, отдаляющее ученаго, скептика по натурѣ, отъ человѣка вѣры и дѣйствія. Цвингли черпалъ свое вдохновеніе изъ болѣе высокихъ источниковъ. Вскорѣ появились два новыхъ сочиненія, на этотъ разъ на нѣмецкомъ языкѣ. Первое—поученіе объ истинности и надежности слова Божія; въ немъ Цвингли благодаритъ цюрихскій совѣтъ за позволеніе проповѣдникамъ проповѣдывать въ монастыряхъ. Второе, подъ заглавіемъ *Очистой служанкѣ Маріи* обращено къ его братьямъ изъ Тоггенбурга, которыхъ онъ хвалитъ за то, что они не покинули своихъ полевыхъ работъ.

10-го октября Адріанъ VI послалъ письмо къ цюрихскимъ бургомистру и совѣту, осуждавшее ихъ образъ дѣйствія. 15-го декабря сеймъ издалъ указъ, запрещавшій проповѣди и сочиненія новаго рода, способныя внести смуту въ умы.

Цвингли, слыша съ одной стороны похвалы, съ другой—нападки, рѣшилъ, что лучшимъ средствомъ для того, чтобы просвѣтить умы, разсѣять недоразумѣнія, отвѣтить на нападенія и оправдаться, можетъ быть публичный диспутъ, при чемъ предварительно будутъ выслушаны обѣ стороны. По его просьбѣ цюрихскій совѣтъ пригласилъ городское и окрестное духовенство на собраніе, имѣвшее мѣсто 29-го января 1523 года передъ лицомъ членовъ совѣта двухсотъ.

Собралось около 600 человѣкъ. Рядомъ съ Цвингли помѣстились Леонъ Іудэ, Вадіанъ (изъ Сенъ-Галлена), Гофмейстеръ (изъ Шаффгаузена), Севастьянъ Мейеръ (изъ Берна) и нѣсколько базельскихъ друзей. Представителями епископа Констанцскаго явились его викарій Фаберъ и еще три делегата. Бесѣда велась подъ предсѣдательствомъ бургомистра Ройста.

Чтобы дать основаніе для диспута, Цвинги заранѣе составилъ 67 тезисовъ, въ которыхъ вкратцѣ изложилъ свою доктрину. Въ нихъ онъ выставилъ евангеліе какъ высшій авторитетъ для Церкви, Христа—какъ единственнаго посредника, вѣру—какъ единственное средство ко спасенію, Церковь—какъ состоящую не только изъ духовенства, но изъ всѣхъ христіанъ.

До сихъ поръ цюрихскій реформаторъ дѣйствовалъ чрезвычайно осторожно, онъ старался возможно меньше затрогивать существующія учрежденія; 29-го января 1523 года онъ сдѣлалъ шагъ впередъ: безъ жестокости, безъ оскорбленій или порицаній онъ освѣтилъ противорѣчія между словомъ Божіемъ и папскими привоевіями.

Викарій Фаберъ пытался увернуться отъ диспута, но былъ принужденъ принять его. Такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность заявить, что убѣдилъ священника Урбана Висса, изъ Фисслибаха въ вопросѣ о посредничествѣ святыхъ (мы видѣли выше, что это было сдѣлано при помощи пытки), и Цвингли настойчиво сталъ требовать отъ него, чтобы онъ повторилъ свои аргументы, то онъ уже не имѣлъ возможности отказаться. Онъ сослался на авторитетъ Церкви и соборовъ и не могъ привести ни одного текста изъ библіи. Диспутъ окончился къ полному торжеству Цвингли. Въ тотъ же день совѣтъ двухсотъ издалъ указъ, въ которомъ говорилось, что такъ какъ тезисы реформатора не были ни оспариваемы, ни побиты, то ему дается право продолжать проповѣдывать какъ и раньше, а всѣмъ областнымъ священникамъ запрещается предпринимать что либо или учить чему либо, чего они не могутъ подтвердить ссылками на слово Божіе.

Это пораженіе не помѣшало Фаберу хвалиться передъ католическимъ лагеремъ, что онъ побилъ своего противника, и въ февралѣ, во время собранія сейма въ Люцернѣ, противники Цвингли доставили себѣ легкое удовлетвореніе,—сожгли его заочно.

Важность перваго диспута въ Цирюхѣ, говоритъ г. Воше, заключается не столько въ томъ, что было сказано той и другой стороной, сколько въ смѣломъ поведеніи Цвингли и вполнѣ доказанномъ безсиліи его противниковъ.

Съ этой минуты реформа стала дѣлать быстрые успѣхи; одинъ ба-

зельскій священникъ, Вильгельмъ Ребли, изгнанный изъ этого города за то, что въ одной процессіи несъ передъ собой библію, вмѣсто даровъ, переѣхалъ въ Цюрихъ и женился тамъ; это былъ первый публично совершенный бракъ священника; нѣсколько мѣсяцевъ спустя женился Леонъ Іудэ.

Въ іюнѣ цюрихскій совѣтъ секуляризировалъ богатый Этенбахскій монастырь; онъ позволилъ монахинямъ остаться или уйти по желанію: тѣмъ, которыя уходили, возвращали внесенное ими имущество; тѣ, которыя оставались, сохраняли свои доходы съ обязательствомъ кормить бѣдныхъ.

Въ іюлѣ 1523 г. Цвингли напечаталъ объясненіе своихъ тезисовъ. Въ этомъ трудѣ впервые основныя доктрины реформы разработаны строго и полно. При этомъ обнаружилось разногласіе между Лютеромъ и Цвингли относительно причащенія; цюрихскій реформаторъ смотрѣлъ на этотъ обрядъ не какъ на таинство, имѣющее дѣйствительную силу, а какъ на воспоминаніе. Въ этомъ сочиненіи Цвингли осуждаетъ монастыри, ограничиваетъ число праздничныхъ дней, предлагаетъ уничтожить посты, поклоненіе святымъ, отпущеніе грѣховъ, мессу и т. д. Въ августѣ Леонъ Іудэ, проповѣдникъ церкви Св. Петра, прочелъ на нѣмецкомъ языкѣ обрядъ крещенія и другія божественныя службы въ великому удивленію и удовольствію многихъ изъ своихъ слушателей. Благосклонный пріемъ этого нововведенія ободрилъ Цвингли. Въ сентябрѣ соборные каноники сами собой перешли къ реформаціи и рѣшили, что получаемыя ими пребенды будутъ идти на открытіе школы, въ которой будутъ преподаваться греческій, еврейскій и латинскій языки.

Изъ Цюриха реформація распространилась по окрестностямъ, не встрѣчая сопротивленія; уничтоженіе культа святыхъ и Дѣвы Маріи было встрѣчено благосклонно; сохраненіе образовъ въ церквахъ и служеніе мессъ вызвало въ городахъ неудовольствіе. Леонъ Іудэ побуждалъ къ уничтоженію ихъ. Въ серединѣ сентября образа, украшавшіе церковь Св. Петра, были повреждены, и лампы въ Фраумюнстерѣ унесены горячими приверженцами реформаціи. Крестъ, стоявшій посреди улицы, какъ это принято и теперь въ католическихъ странахъ, былъ повергнутъ на землю среди бѣлаго дня сапожникомъ, по имени Готтингеръ. По законамъ того времени, совершившіе эти безпорядки должны были подвергнуться наказанію за святотатство, т. е. смертной казни. Цвингли доказывалъ съ каѳедры, что, такъ какъ поклоненіе образамъ было уничтожено, то въ этомъ не было святотатства. Мнѣніе совѣта раздѣлилось, но, такъ какъ приверженцы реформы одержали верхъ, то рѣшили отложить судъ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о сохраненіи образовъ (исключительно какъ декоративныхъ украшеній, а не какъ предметовъ поклоне-

нія) и мессы. Съ этой цѣлью былъ назначенъ новый диспутъ 26-го октября 1523 г..

Епископы Констанцскій, Базельскій и Курскій, базельскій университетъ и федеральные штаты были приглашены участвовать въ этомъ диспутѣ. Епископы отказались обсуждать вопросы, предложенные совѣтами; Обвальдъ не принялъ приглашенія; изъ всѣхъ кантоновъ явились представители только отъ Шаффгаузена и Сенъ-Галлена. Тѣмъ не менѣе диспутъ былъ очень многочисленъ и длился три дня. Замѣтно было, что Цвингли меньше опасался противниковъ реформаціи, чѣмъ нетерпѣливыхъ приверженцевъ ея, требовавшихъ немедленныхъ и радикальныхъ измѣненій. Однако, рѣшили не торопиться и раньше, чѣмъ предпринимать дальнѣйшіе шаги, подождать, пока народъ лучше ознакомится съ реформою. Вслѣдствіе этого совѣтъ рѣшилъ: разослать всѣмъ священникамъ кантона инструкціи, которыя подготовили бы ихъ къ воспринятію реформы, и пригласить епископовъ изложить, къ Троицыну дню, свои возраженія на тезисы Цвингли, основывая свои отвѣты только на текстахъ священнаго писанія, иначе они не будутъ принимаемы въ разсчетъ. Въ ожиданіи рѣшенія епископовъ, священникамъ предоставлялось служить или не служить мессы, а граждане, снявшіе образа въ церквахъ, были призваны къ суду.

Шесть мѣсяцевъ спустя, когда срокъ кончился (Троица 1524 года), образа были безъ всякаго насилія удалены изъ церквей; Цвингли хотѣлъ также уничтожить мессу, но эта мѣра была отложена изъ боязни возбудить противъ себя Конфедератовъ. Начатая секуляризація монастырей продолжалась. Монахини, не пожелавшія вернуться въ міръ, были помѣщены въ домѣ, принадлежавшемъ францисканцамъ; тѣ, которыя пожелали продолжать монашескую жизнь, были также собраны въ одномъ монастырѣ; остальные монастыри были преобразованы въ школы, госпитали и сиротскіе дома. Чтобы снять съ себя подозрѣніе въ томъ, что при секуляризаціи они преслѣдовали денежные интересы, совѣты отнесли доходы съ монастырей въ особую кассу, предназначенную для помощи бѣднымъ.

Прошелъ еще годъ; наконецъ, 13 апрѣля 1525 г. месса, по просьбѣ трехъ цюрихскихъ священниковъ, была окончательно отмѣнена, а причастіе стало даваться въ двухъ видахъ, какъ это было установлено Христомъ.

Поведеніе города Цюриха во время разсказанныхъ нами событій дѣлаетъ величайшую честь независимости и духу умѣренности его властей. Провозглашая реформу, Цюрихъ отдѣлился отъ остальныхъ Конфедератовъ. Послѣдніе рѣшились употребить всѣ возможныя средства,

чтобы задержать успѣхи ереси; они рѣшили въ 1523 году арестовать Цвингли, если только удастся захватить его.

Первой жертвой ихъ жестокости былъ сапожникъ Готтингеръ; изгнанный изъ Цюриха за поруганіе креста, онъ имѣлъ неосторожность поселиться на границѣ графства Баденскаго, былъ арестованъ и приговоренъ сеймомъ къ смерти (марта 1524 г.). Двѣнадцать кантоновъ послали Цюриху депутацію съ цѣлью уговорить его отказаться отъ всякихъ нововведеній. Совѣтъ гордо отвѣтилъ: «Мы желаемъ оставаться вѣрными нашимъ Конфедератамъ, но не можемъ уступить ни въ чемъ, что касается слова Божія». Чтобы быть увѣреннымъ въ помощи жителей цюрихской территоріи, совѣтъ извѣстилъ сельскія комуны о томъ, что было сдѣлано въ дѣлѣ реформы, и получилъ отъ своихъ подданныхъ полное одобреніе своихъ рѣшеній.

Сеймъ не рѣшился выступить противъ Цюриха и тѣмъ затушить самый очагъ реформы; онъ мстилъ ему тѣмъ, что наказывалъ тѣхъ новаторовъ, которые попадались ему въ руки. По его приказу былъ схваченъ ночью священникъ Эксли и отведенъ въ Фрауенфельдъ. Толпа, узнавъ объ этомъ арестѣ, напала на картезіанскій монастырь Иттингенъ, разграбила и сожгла его (18-го іюля 1524 г.). Унтерфогтъ Штаммгейма, по имени Виртъ, и его сынъ, которыхъ видѣли въ монастырѣ, были схвачены и обезглавлены.

Однако, несмотря на эти жестокости, реформація продолжала дѣлать значительные успѣхи. Базель внимательно слушалъ поученія Öколампадія, (см. фиг. 12) близкаго друга Цвингли. Севастьянъ Вагнеръ (Гофмейстеръ) успѣшно проповѣдывалъ въ Шаффгаузенѣ, а Іоахимъ-де-Ваттъ (Вадіанъ), другой другъ Цвингли, распространялъ сочиненія Лютера въ Сенъ-Галленѣ, а отсюда реформація проникла въ Аппенцелль. Чтобы покончить съ этою пропагандою католики предложили устроить диспутъ и выбрали въ руководители его знаменитаго доктора Экка (который мѣрился силами въ Лейпцигѣ съ Лютеромъ въ 1519 г.) и эльзасца Ѳому Мурнера, францисканскаго проповѣдника въ Люцернѣ. Цвингли принялъ вызовъ, но городъ Цюрихъ поставилъ условіемъ, чтобы пренія происходили въ его стѣнахъ. Католики отказались пріѣхать въ Цюрихъ и выбрали преданный имъ городъ Баденъ. Воспоминаніе о судьбѣ Іоанна Гусса, опасная грамота котораго не была уважена, недавняя казнь Вирта, тотъ фактъ, что Цвингли былъ заочно сожженъ въ Люцернѣ, а его сочиненія—въ Фрейбургѣ, наконецъ указъ сейма объ его арестѣ,—все это вызвало справедливую недовѣрчивость цюрихскаго совѣта, который не пожелалъ, чтобы его пасторъ попался въ ловушку. Католики воспользовались его отсутствіемъ, заявивъ, что цюрихскій реформаторъ убоялся сильныхъ аргументовъ доктора Экка.

Цвингли былъ замѣненъ въ Баденѣ Öколампадіемъ; Бертольдъ Галлеръ тоже присутствовалъ на диспутѣ, но принималъ въ немъ незначительное участіе.

Диспутъ коснулся таинства евхаристіи, поклоненія Маріи, святыхъ, образовъ, чистилища, первороднаго грѣха и т. д. Папистскіе депутаты жили съ большой пышностью; каждый день они собирались на роскошный обѣдъ; Öколампадій, жившій въ маленькой комнаткѣ, посвящалъ промежутки между диспутами молитвѣ и научнымъ занятіямъ. Мужество и

Фиг. 12. Портретъ Öколампадія.

твердость его отвѣтовъ, пишетъ г. Шастель [1]), произвели глубокое впечатлѣніе на колеблющіеся умы, и несмотря на хвастовство противной партіи, диспутъ повернулся скорѣе въ пользу реформы. На этомъ диспутѣ, говоритъ г. Воше, «евангелики выказали знаніе священнаго писанія, а католики — діалектическую ловкость».

Сеймъ закончилъ диспутъ указомъ, по которому проповѣдники, удаляющіеся съ истиннаго пути, лишались каѳедръ.

---

[1]) Histoire du christianisme.

Двѣнадцать кантоновъ (Цюрихъ не имѣлъ депутата на этомъ сеймѣ) рѣшили строго наказывать тѣхъ, кто преступитъ догматы и обряды церкви; они установили цензуру и назначили строгія наказанія тѣмъ, у кого найдутся сочиненія Лютера или Цвингли.

Между тѣмъ, многіе города, сохранявшіе до тѣхъ поръ выжидательное положеніе, начали одинъ за другимъ отпадать отъ католичества. Отовсюду появились проповѣдники евангелія, направлявшіе движеніе; сходство въ ихъ взглядахъ и оказываемый имъ пріемъ указывали на то, что движеніе пустило въ странѣ глубокіе корни. Вернувшійся въ Базель Эколампадій былъ встрѣченъ восторженно.

Этотъ достойный соревнователь Цвинги родился въ 1482 г. въ Вейнсбергѣ (Вюртембергъ); собственно его звали Іоганъ Гурцгенъ [1]). Его семья, пользовавшаяся нѣкоторымъ благосостояніемъ, дала ему хорошее образованіе; онъ изучалъ юриспруденцію въ Болоньѣ, потомъ отказался отъ этой науки и слушалъ лекціи теологіи въ Гейдельбергѣ и Тюбингенѣ. Не интересуясь схоластическими ухищреніями, онъ съ любовью занялся изученіемъ средневѣковыхъ мистиковъ. Въ 1515 г. князь епископъ Базельскій назначилъ его соборнымъ проповѣдникомъ. Онъ былъ принятъ въ тѣсный кружокъ Эразма и сталъ однимъ изъ его сотрудниковъ. Онъ велъ, подобно многимъ гуманистамъ того времени, скитальческую жизнь; вскорѣ онъ покинулъ Базель для Аугсбурга, куда прибылъ въ 1518 году, вскорѣ послѣ знаменитаго появленія Лютера на судъ германскаго сейма; тамъ онъ вошелъ въ сношеніе съ друзьями саксонскаго реформатора и открыто сталъ на его сторону.

Въ 1522 году Эколампадій вернулся въ Базель, котораго больше ужъ не покидалъ. Съ этого времени начинаются его отношенія къ Цвингли, съ которымъ онъ съ тѣхъ поръ находился въ постоянной перепискѣ. Въ своихъ проповѣдяхъ и въ своемъ университетскомъ курсѣ онъ возставалъ противъ поклоненія святымъ, ученія о спасеніи черезъ дѣла и пышныхъ церемоній римской церкви и излагалъ тезисы, которые публично защищалъ въ 1523 и 1524 годахъ; въ 1525 году онъ впервые причащалъ по измѣненному ритуалу въ церкви св. Мартина, священникомъ которой онъ сдѣлался. Истомленный работой и страданіями онъ былъ худъ и нѣженъ, его лицо, полное достоинства, возбуждало довѣріе и симпатію; его глаза блистали жизнью, спокойствіе было написано на его челѣ; его краснорѣчіе соотвѣтствовало его кроткому и трогательному физическому виду.

---

[1]) А не Гаусмейнъ или Гауслихтъ, что есть только переводъ его греческаго имени. (См. замѣтку M. Ruffet въ Galerie suisse).

Идеи реформаціи проникли понемногу въ Базель, гдѣ онѣ, повидимому, не находились въ связи съ политическими условіями. Базель, лежащій ближе къ Германіи, чѣмъ другіе швейцарскіе города, находился вѣроятно подъ ея вліяніемъ.

Казалось, Бернъ представлялъ почву неблагопріятную для новыхъ идей. Соперникъ Цюриха, храбрый городъ на берегахъ Аара шелъ по совсѣмъ иному пути. Цюрихцы храбро брались за оружіе, когда того требовали обстоятельства, но они не были воинами по духу; обладая независимымъ и энергичнымъ характеромъ, они примѣняли свою дѣятельность главнымъ образомъ на развитіе торговли; обладая живымъ умомъ, готовымъ на сопротивленіе правительству, они желали самостоятельно распоряжаться дѣлами религіи также какъ политическими дѣлами. Будучи народомъ земледѣльческимъ, а слѣдовательно, болѣе рутиннымъ, бернцы, какъ и люцернцы и фрейбуржцы, были привязаны къ своимъ традиціямъ; будучи не менѣе гордыми, они подчинялись игу Церкви, умѣвшей льстить ихъ воинственнымъ вкусамъ. Послѣ пораженія при Мариньяно, патриціи, управлявшіе Берномъ, охотно приняли французскій союзъ, потому что онъ давалъ ихъ сыновьямъ возможность поступать на французскую службу. Пораженія при Бикокѣ (1522) и при Павіи (1525), гдѣ швейцарцы, на службѣ у Франциска I, жестоко поплатились, нанесли ударъ престижу военной партіи, охранительницѣ старыхъ традицій. Уже раньше шарлатанство бернскихъ францисканцевъ, изобличенныхъ въ томъ, что они хотѣли, посредствомъ ложныхъ чудесъ, злоупотребить довѣрчивостью общества (1509), и продажа Самсономъ индульгенцій начали открывать глаза бернцамъ. Во время карнавала 1522 года, поэтъ-сатирикъ Мануель, какъ мы видѣли раньше (стр. 63) съ большимъ успѣхомъ напалъ на предразсудки римской церкви. Два краснорѣчивыхъ проповѣдника, Севастьянъ Мейеръ и Бертольдъ Галлеръ, склонили къ новымъ идеямъ ваттенвильскаго шультгейса и его сыновей, семьи Мэй и Эрлахъ, а также лѣтописца Ансельма. Ихъ рѣчи находили откликъ среди низшаго дворянства, буржуазіи и среди богатыхъ ремесленниковъ.

Бертольдъ Галлеръ (см. фиг. 13), родомъ изъ Ротвейля, изъ состоятельной семьи, прибылъ въ Бернъ въ 1513 г., двадцати лѣтъ отъ роду, въ качествѣ школьнаго учителя. Въ Ротвейлѣ онъ встрѣчался съ Глареаномъ и былъ въ тѣсной дружбѣ съ Мельхіоромъ Вольмаромъ, учителемъ Кальвина и Теодора фонъ-Бэзъ; въ Пфорцгеймѣ, гдѣ онъ затѣмъ учился, его товарищемъ былъ Меланхтонъ; въ Кельнѣ онъ получилъ званіе бакалавра теологіи. Будучи застѣнчиваго и миролюбиваго характера, не зная ни греческаго, ни еврейскаго языковъ, имѣя очень скудныя знанія изъ теологіи, онъ, казалось, былъ худо подготовленъ къ роли реформатора.

Ѳома Виттелбахъ и Миконій приняли его и посвятили въ евангельскія истины; Цвингли, съ которымъ онъ познакомился въ 1520 г., поддержалъ его на пути, на который онъ уже вступилъ. Сама осторожность Галлера, его мягкость, его настойчивость послужили на пользу реформаціи въ аристократическомъ городѣ, въ которомъ, можетъ быть, потерпѣли бы неудачу болѣе энергичныя личности, болѣе насильственныя, какъ Цвингли, Фарель или Кальвинъ, которые стали бы торопить разрѣшеніе вопроса. Патриціи чувствовали, что удары, наносимые Церкви,

Фиг. 13. Портретъ Бертольда Галлера.

колеблютъ и ихъ власть, и политическія опасенія усиливали антипатію, возбуждаемую новаторами въ средѣ духовенства.

Бернскіе совѣты, говоритъ Вюльеменъ, смотрѣвшіе на Церковь какъ на средство управлять народомъ, охотно бы лишили духовенство его привилегій, удерживая въ то же время народъ въ простотѣ вѣры. Однако бернскіе государственные люди не могли оставаться глухими къ требованіямъ общественнаго мнѣнія. Лозанскій епископъ потребовалъ удаленія Галлера; народъ за него вступился. Чтобы предупредить движеніе, подобное происшедшему въ Цюрихѣ, совѣты, послѣ нѣкотораго колебанія, издали

эдиктъ, помѣченный 15-мъ іюня 1523 г., въ которомъ священникамъ приказывалось основывать свои проповѣди на словѣ Божіемъ, какъ оно содержится въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Изданіе этого эдикта сопровождалось поворотомъ въ пользу католиковъ. Происки папистовъ заставили, въ 1524 году, Севастьяна Мейера и Валерія Ансельма покинуть Бернъ; ваттенвильскій шультгейссъ умеръ въ томъ же году, такъ что вся тяжесть реформы легла на Галлера; у него, однако, былъ драгоцѣнный помощникъ въ лицѣ амсольдингенскаго священника, Іоанна Галлера [1]). Три года бернское правительство виляло; умѣренные старались о томъ, чтобы не дать ни одной партіи взять верхъ; мнѣніе дворянъ и священниковъ, которыхъ сблизила опасность, одержало верхъ въ маломъ совѣтѣ, тогда какъ новаторы незамѣтно отвоевывали себѣ мѣсто въ совѣтѣ двухсотъ. Эдиктъ 1523 года былъ отмѣненъ и замѣненъ рядомъ указовъ, повелѣвавшихъ народу уважать старые обычаи; католическимъ кантонамъ было обѣщано не отдѣляться отъ нихъ.

На баденскомъ диспутѣ, въ 1526 году, представителемъ Берна былъ приверженецъ католической партіи, Гаспаръ фонъ-Мулиненъ. Бертольдъ Галлеръ изложилъ въ этомъ собраніи свой взглядъ по вопросу о мессѣ и былъ отозванъ обратно въ Бернъ до окончанія дебатовъ. По его возвращеніи, малый совѣтъ приказалъ ему, подъ угрозой изгнанія, служить мессу; онъ отказался и аппелировалъ къ совѣту двухсотъ, который лишилъ его должности каноника, предложенной ему послѣ смерти Виттенбаха, но оставилъ за нимъ должность проповѣдника. Вслѣдствіе этого рѣшенія многіе дворяне вышли изъ совѣта и покинули городъ.

Въ концѣ 1526 года мелкіе кантоны отказали въ присылкѣ отчетовъ о баденскомъ засѣданіи, и бернцы отказались присоединиться къ рѣшеніямъ диспута. Въ началѣ 1527 года лѣсные кантоны, оскорбленные этимъ отказомъ и еще болѣе связью, установившеюся между Берномъ и Цюрихомъ, потребовали отъ бернцевъ, чтобы они выполнили обязательства, принятыя ими на себя въ Баденѣ; бернскіе совѣты остались при своемъ отказѣ.

Между тѣмъ послѣ новыхъ годовыхъ выборовъ новаторы получили большинство въ совѣтѣ двухсотъ, и этотъ совѣтъ вернулъ себѣ право

---

[1]) Іоаннъ Галлеръ былъ родомъ изъ Виля, въ кантонѣ Сенъ-Галленъ; онъ предокъ великаго Галлера и многочисленной линіи Галлеровъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ швейцарскихъ священниковъ, имѣвшихъ мужество жениться; онъ умеръ рядомъ съ Цвингли на полѣ битвы при Каппелѣ. Одинъ изъ его потомковъ, профессоръ К. Л. Галлеръ, членъ Бернскаго совѣта, вначалѣ этого вѣка перешелъ въ католичество; одинъ изъ сыновей К. Л. Галлера былъ курскимъ епископомъ.

назначать малый совѣтъ или сенатъ, отнятое у него двадцать лѣтъ тому назадъ совѣтомъ шестнадцати. Это событіе явилось слѣдствіемъ пораженій, испытанныхъ сторонниками договоровъ съ иностранными государствами. Малый совѣтъ оказался составленнымъ въ большинствѣ изъ друзей реформаціи.

Новое правительство предложило общинамъ высказаться въ пользу эдикта 1523 года или послѣдующихъ указовъ. Отвѣты общинъ указывали на колебаніе умовъ. Тѣмъ не менѣе евангеліе снова стало проповѣдываться, и во многихъ мѣстахъ перестали служить мессу. Горячій проповѣдникъ, приверженецъ реформаціи, Францъ Кольбъ, предложилъ Галлеру свою поддержку. Чтобы придти къ какому нибудь рѣшенію и покончить съ колебаніями сельскихъ общинъ, рѣшили устроить диспутъ. Бернъ созвалъ своихъ священниковъ на 7-ое января въ церковь францисканцевъ; конфедераты были приглашены принять участіе въ этомъ диспутѣ, а также теологи сосѣднихъ государствъ. Пять кантоновъ воспретили своимъ подданнымъ ѣхать въ Бернъ и отказались пропустить делегатовъ восточной Швейцаріи. Чтобы дать возможность делегатамъ протестантскихъ городовъ пройти черезъ общія фогтства, Берну и Цюриху пришлось прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Что же касается докторовъ теологіи и католическихъ сановниковъ, то они отклонили приглашеніе.

Несмотря на отсутствіе Фабера, Мурнера и Экка, диспутъ надѣлалъ много шума. Галлеръ, Кольбъ, Цвингли, Вадіанъ, Пелликанъ, Ökoлампадій, Буцеръ, Капито и Фарель излагали свои взгляды въ продолженіе трехъ недѣль. Галлеръ говорилъ по поводу почти всѣхъ пунктовъ диспута и пріобрѣлъ большое вліяніе на бернскихъ священниковъ, которыхъ онъ подкупилъ своею сдержанностью. Результатъ былъ такой, какой и слѣдовало ожидать. Совѣтъ двухсотъ рѣшилъ уничтожить въ главномъ городѣ образа, велѣлъ расплавить церковныя сокровища, секвестровалъ монастырскія имущества, но предоставилъ каждой общинѣ право рѣшить самой за себя. Большая часть общинъ высказалась въ томъ же смыслѣ.

Исключеніе составилъ Оберландъ. Поддерживаемые своими сосѣдями унтервальденцами, обѣщавшими имъ поддержку, жители Гасли, Гриндельвальда, Лаутербруннена, Верхняго Зимменталя, Фрутигена и др. пожелали воспользоваться случаемъ и отдѣлиться отъ Берна. Ихъ превосходительства г. Берна послали армію для занятія долинъ, которыя покорились и лишились своихъ вольностей. Четыре предводителя возстанія поплатились жизнью за это возстаніе, въ которомъ политика играла такую же, если не большую роль, какъ и религія.

Результаты бернской конференціи немедленно отозвались въ Базелѣ. На

Пасху 1528 года была произведена попытка уничтожить образа; зачинщики были арестованы, но затѣмъ освобождены по требованію евангеликовъ. Городъ раздѣлился на два лагеря; во главѣ протестантовъ находился бургомистръ Мейеръ, во главѣ католиковъ его коллега Мельтингенъ. Евангелики составляли меньшинство въ совѣтахъ; успѣхъ, одержанный въ Бернѣ ихъ друзьями, ободрилъ ихъ; они требовали свободы проповѣдывать евангеліе; а такъ какъ совѣты виляли, то они взялись за оружіе и заняли двери арсенала; группа возбужденныхъ гражданъ ворвалась въ соборъ и разбила образа. Испуганное правительство уступило (февраль 1529 г.). Месса была отмѣнена; каноники, монахи, нѣкоторые профессора и нѣсколько семей покинули Базель; Эразмъ и Глареанъ перебрались въ Фрейбургъ въ Брисгау.

Когда переворотъ совершился, Öколампадію было поручено преобразовать Церковь и университетъ; 1-го апрѣля вышелъ указъ о реформѣ въ богослуженіи, церковномъ благочиніи и нравахъ; были учреждены школы, въ которыхъ учили чтенію, закону Божію, грамматикѣ и началамъ греческаго языка.

Послѣ бернскаго диспута реформація начинаетъ распространяться съ быстротой пламени. Не всегда можно опредѣлить точно время перехода къ реформаціи; когда извѣстныя идеи уже носятся въ воздухѣ, достаточно бываетъ какой нибудь внѣшней причины, чтобы вызвать кризисъ, но происходитъ онъ потому, что дѣло уже подготовлено. Г. Жаккаръ въ своей замѣткѣ о Вадіанѣ [1]) правильно говоритъ, что люди не принимали реформы, но сами *реформировались* какъ въ нравахъ, такъ и въ доктринахъ, а оффиціальные декреты только санкціонировали перемѣну, происшедшую въ большой части народа.

Такъ было въ Сенъ-Галленѣ, гдѣ начало проявляться съ 1520 года вліяніе Вадіана, друга Цвингли. Іоахимъ фонъ Ваттъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Вадіанъ, родился въ Сенъ-Галленѣ въ семьѣ нотаблей этого города въ 1484 г. Онъ обладалъ обширными знаніями, изучивъ послѣдовательно литературу, точныя науки, юриспруденцію, теологію и медицину. Бывши сначала ученикомъ вѣнскаго университета, онъ сталъ его ректоромъ въ 1516 году. Подобно другимъ гуманистамъ того времени, онъ велъ скитальческую жизнь, посѣтилъ Германію, Венгрію, Польшу, Италію, а съ 1518 года поселился въ Сенъ-Галленѣ и занялся медицинской практикой. Въ то же время онъ сталъ членомъ совѣтовъ этого города и душою правленія. Въ немъ не было ничего диктаторскаго, но онъ импонировалъ своимъ умственнымъ превосходствомъ и велико-

[1]) Galerie suisse, t. I.

душнымъ характеромъ. Обладая открытымъ умомъ, онъ способствовалъ прибытію въ Сенъ-Галленъ проповѣдниковъ, склонныхъ къ новымъ идеямъ, и самъ предпринялъ послѣдовательное толкованіе книги Дѣяній. Онъ нашелъ себѣ помощника въ лицѣ одного согражданина Іоанна Кесслера, который, будучи студентомъ въ Іенѣ, встрѣтился тамъ съ Лютеромъ, скрывавшимся подъ именемъ рыцаря Георга. Вернувшись въ Сенъ-Галленъ, Кесслеръ занялся сѣдельнымъ мастерствомъ; но нѣсколько лѣтъ спустя началъ то въ залѣ корпорацій, то на открытомъ воздухѣ излагать передъ постоянно возраставшей публикой размышленія на первое посланіе св. Іоанна. Въ 1524 году совѣтъ, по внушенію Вадіана, издалъ дисциплинарный указъ, которымъ воспрещались божба, богохульство, пьянство и ниценство. Въ этомъ проявляется характеръ реформы въ Швейцаріи, которая до нѣкоторой степени вездѣ начиналась съ улучшенія нравовъ и только тогда возставала противъ католическаго ученія, когда сопротивленіе римской церкви наглядно указало на тѣсную связь между нравами и ученіемъ. Вскорѣ сенъ-галленскіе проповѣдники сами отказались служить мессу; правительство велѣло убрать образа, украшавшіе улицы и публичныя мѣста, и предприняло рядъ мѣръ, долженствовавшихъ постепенно привести къ уничтоженію большей части монастырей. Аббатъ и его монахи, не желавшіе видѣть успѣхи реформаціи, удалились, хотя и не безъ протеста, въ Роршахъ. Сенъ-галленскія власти велѣли убрать изъ церквей образа; деревянные образа были сожжены, металлическіе—расплавлены, и деньги, вырученныя за нихъ, пошли въ фондъ для бѣдныхъ; это постановленіе было выполнено съ сохраненіемъ полнаго порядка. Послѣ бернскаго диспута церковь аббатства Сенъ-Галленъ постигла та-же участь (1529).

Около этого-же времени Шаффгаузенъ и Мюльгаузенъ уничтожили мессу. Сенъ-галленскіе миссіонеры распространили евангелическое ученіе среди подданныхъ аббата и склонили въ пользу реформаціи Роршахъ и Тоггенбургъ. Примѣру этихъ послѣднихъ послѣдовали восемь приходовъ въ Аппенцеллѣ. Только бургъ Аппенцелль съ его округомъ остался вѣренъ старой вѣрѣ.

Въ Гларусѣ, прежнемъ приходѣ Цвингли, наиболѣе вліятельные магистраты противились реформѣ; тѣмъ не менѣе новыя доктрины проникли въ долину. Приходскій священникъ Валентинъ Чуди, настоящій типъ снисходительнаго священника, старался угодить на всѣхъ: онъ утромъ служилъ мессу для католиковъ, а послѣ полудня проповѣдывалъ реформатамъ. Впрочемъ, несмотря на усилія этого миролюбиваго человѣка, ему не удалось избѣжать столкновеній; въ 1528 году во многихъ мѣстахъ были повергнуты образа; однако ландаманну Обли удалось заста-

вить обѣ партіи принять эдиктъ о вѣротерпимости, предоставлявшій приходамъ право рѣшать всякому за себя сохранять или не сохранять образа, а вѣрующимъ право выбирать между мессой и проповѣдью.

Та-же борьба имѣла мѣсто и въ Граубюнденѣ; епископъ Павелъ Циглеръ конечно противился реформаціонному движенію. Лиги исключили епископскихъ служащихъ изъ своихъ совѣщаній, запретили аппелляцію передъ духовными судами и передали общинамъ право назначать гражданскія власти, а также выбирать пасторовъ и обязали ихъ заботиться объ ихъ содержаніи. Монастырямъ запретили принимать послушниковъ, а соборнымъ капитуламъ назначать на освобождающіяся мѣста кого-либо кромѣ подданныхъ страны. Епископъ удалился въ Тироль.

Такимъ образомъ, больше чѣмъ половина Швейцаріи порвала съ Римомъ; однако изъ 13-ти кантоновъ семь оставались вѣрными старой вѣрѣ.

ГЛАВА V.

Распаденіе конфедераціи. Каппельскія войны.

Движеніе анабаптистовъ.—Раздоры между католиками и евангеликами изъ-за общихъ фогтствъ.—Заключеніе договора о христіанскомъ согражданствѣ между евангеликами.—Интриги Медичи въ Граубюнденѣ.—Союзъ католическихъ кантоновъ съ Австріей.—Первая Каппельская война.—Отношенія между Цвингли и Лютеромъ.—Жители Тюргау и подданные сенъ-галленскаго аббата высказываются въ пользу реформы. — Нападеніе Медичи на Вальтелинъ.—Протестантскіе города закрываютъ свои рынки вальдштеттенцамъ.—Вторая Каппельская война.—Послѣдствія пораженія реформатовъ. — Изгнаніе солотурнскихъ реформатовъ.—Буллингеръ замѣняетъ Цвингли въ Цюрихѣ.—Гельветское исповѣданіе.

Движеніе, подобное реформаціонному, не можетъ произойти безъ возбужденія страстей, а разъ эти послѣднія овладѣютъ разсудкомъ, онѣ влекутъ за собой безпорядки. Цвингли, Лютеру и Кальвину пришлось испытать это; они вскорѣ очутились передъ двойной опасностью. Послѣ того, какъ они напали на римскую церковь, имъ пришлось произвести сортировку среди своихъ собственныхъ приверженцевъ; многіе изъ послѣднихъ, согласные съ ними, пока дѣло шло объ освобожденіи отъ старыхъ традицій, оказались несогласными, когда вопросъ коснулся реорганизаціи церкви на особыхъ началахъ. Дѣло реформаціи чуть было не оказалось испорченнымъ тѣми-же людьми, которые чуть не погубили его въ Германіи. Принципъ, что слѣдуетъ Богу повиноваться больше чѣмъ людямъ, служилъ иногда предлогомъ къ печальнымъ излишествамъ, такъ какъ часто люди принимали голосъ своихъ страстей за божественное вдохно-

веніе. Извѣстно, какъ въ Саксоніи мнимый пророкъ, возбужденный видѣніями и снами, подъ руководствомъ честолюбиваго мечтателя, по имени Ѳома Мюнстеръ, заявилъ въ 1521 году, что вскорѣ явится ученый гораздо выше Лютера, который овладѣетъ всей Германіей, уничтожитъ духовенство и произведетъ переворотъ, котораго никто не избѣгнетъ. Эти грубые фанатики, враги всякаго теологическаго знанія, противупоставлявшіе голосу разсудка и духовному смыслу Писанія буквальный смыслъ и голосъ страстей, произвели немало безпорядковъ. Лютеръ, со свойственнымъ ему живымъ и проницательнымъ чутьемъ, быстро распозналъ грубыя иллюзіи этихъ фанатиковъ, которые своими излишествами готовы были повредить его дѣлу. Онъ покинулъ Вартбургъ и явился въ Виттенбергъ, гдѣ на публичномъ диспутѣ опровергнулъ своихъ новыхъ противниковъ и заставилъ ихъ покинуть городъ.

Это движеніе носило пожалуй скорѣй политическій, чѣмъ религіозный характеръ; оно явилось результатомъ печальнаго положенія, до котораго довели крестьянъ феодальный режимъ, злоупотребленія знати и духовенства, барщина и налоги; оно было въ связи съ крестьянскими возмущеніями въ Нидерландахъ въ 1471 году, въ Швабіи и въ Германіи въ первые годы шестнадцатаго вѣка. Лютеръ, ходатайствуя передъ государями за требованія, которыя онъ считалъ справедливыми, и уговаривая дворянство даровать своимъ подданнымъ облегченія, согласно духу христіанства, въ то-же время всѣми силами побуждалъ возставшихъ къ покорности. Было рѣшено прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ противъ бунтовщиковъ, грабившихъ замки и монастыри, оскорблявшихъ женщинъ, убивавшихъ всякаго, кто оказывалъ имъ сопротивленіе. Многіе изъ нихъ погибли въ сраженіяхъ съ отрядами нѣмецкихъ князей. Послѣ неудачи въ Германіи, ученики пророка Цвикау—какъ ихъ называли—разбрелись по различнымъ швейцарскимъ кантонамъ: Сенъ-Галленъ, Гларусъ, Аппенцелль, Базель, Шаффгаузенъ, Граубюнденъ и особенно Цюрихъ. Въ этомъ городѣ они встрѣтили стариннаго друга Цвингли, Конрада Гребеля, зятя Вадіана, котораго имъ удалось фанатизировать. Гребель призывалъ грѣшниковъ исповѣдывать другъ другу свои преступленія и принимать крещеніе въ водахъ Ситтера. Эти изступленные разсказывали публично свои безумные поступки и преступленія и, отказавшись отъ всякой сдержанности, сбрасывали свои одежды, чтобы получить крещеніе, не признавая того, которое было имъ получено въ дѣтствѣ, откуда и явилось ихъ названіе анабаптисты (т. е. вторично крещенные). Ихъ экзальтація не знала границъ; они предавались безумію смертоубійства; такъ одинъ обезглавилъ своего брата на глазахъ престарѣлаго отца, полагая, что совершаетъ дѣло пріятное Богу; подобныя же явленія наблюдались и у

вильденспухскихъ иллюминатовъ, въ началѣ этого вѣка (1823). Безпорядки, производимые этими фанатиками, ихъ коммунистическія доктрины, разрушительные принципы, проповѣдуемые ими подъ покровомъ реформаціи, могли скомпрометировать ее. Такъ какъ убѣжденія не дѣйствовали, то, по обычаю того времени, состоялся диспутъ въ Цюрихѣ, 1-го января 1525 г., и многіе анабаптисты были изгнаны изъ города. Цвингли, чтобы точнѣе опредѣлить границы своего ученія, написалъ трактаты о крещеніи и богослуженіи. Затѣмъ въ іюлѣ 1525 г. состоялся второй диспутъ, и упорствовавшіе анабаптисты были заключены въ тюрьму, а затѣмъ изгнаны. «Эти мѣры», говоритъ Вюльменъ, «не уничтожили анабаптизма въ нашей странѣ, но онѣ заключили его въ тѣсныя границы, а когда правительство снова склонилось къ снисходительности, разрушительный потокъ превратился въ тихій ручей». Извѣстно, что въ бернской Юрѣ существуютъ до сихъ поръ анабаптисты, обращающіе на себя вниманіе кротостью своихъ нравовъ. Строгость, выказанная цюрихцами къ этимъ сектантамъ, успокоила приверженцевъ порядка и утвердила дѣло реформы, рѣзко отдѣлившей себя отъ возмутителей общественнаго порядка. Евангелики — оффиціальное названіе, присвоенное себѣ послѣдователями Цвингли, — имѣли три категоріи противниковъ: 1) высшее духовенство, т. е. епископовъ Сіонскаго, Базельскаго, Констанцскаго, Курскаго и аббата Сенъ-Галленскаго, духовная власть которыхъ простиралась на значительную часть страны; 2) дворянство, интересы и предразсудки котораго были связаны со старымъ порядкомъ вещей, и которое боялось потерять свои доходы съ церкви, и свои пенсіи, получаемыя отъ иностранныхъ государствъ, и свое господство, если-бы евангелическое ученіе взяло верхъ; 3) наконецъ, жители наиболѣе возвышенныхъ и удаленныхъ мѣстностей Швейцаріи. «Народонаселеніе, состоявшее изъ пастуховъ, оторванныхъ отъ остальнаго міра, разсѣянныхъ по своимъ шале, зимою запертыхъ въ своихъ долинахъ, лѣтомъ разсѣянныхъ по горамъ, получавшихъ просвѣщеніе только отъ священниковъ, знакомившееся съ религіей только посредствомъ грубыхъ изображеній, не могло, говоритъ профессоръ Шастель [1]), быть на столько-же созрѣвшимъ для реформаціи, какъ просвѣщенная, промышленная буржуазія, скученная въ городахъ или близъ городовъ, въ сосѣдствѣ со школами и университетами, на пути торговли и идей. Кантоны относились болѣе или менѣе враждебно къ реформаціи, смотря по большему или меньшему преобладанію въ нихъ этихъ трехъ классовъ. Ни ландестемейнде лѣсныхъ кантоновъ, ни горожане Фрейбурга, ни жители Валлиса никогда

[1]) Histoire du christianisme.

не были ея приверженцами. Люцернъ, гдѣ собирались дворяне, пенсіонеры иностранныхъ державъ, для вербовки солдатъ въ малыхъ кантонахъ, былъ главнымъ очагомъ католической оппозиціи».

Большая часть Швейцаріи порвала съ Римомъ; но католики, хотя и составляли меньшинство всей націи, сохранили большинство въ сеймѣ. Это являлось для конфедераціи настоящей обструкціей, бывшей въ продолженіе болѣе трехъ столѣтій (до 1848 г.) причиной разногласій и препятствіемъ къ нормальному ея развитію.

Роль, которую унтервальденцы играли въ возстаніи Оберланда, справедливо оскорбила бернцевъ, которые отказались принять посланныхъ ими въ сеймъ депутатовъ, пока не получатъ должнаго удовлетворенія. Гордымъ унтервальденцамъ было очень трудно признать свою вину. Цюрихъ, бывшій дотолѣ одинокимъ, нашелъ съ того времени поддержку въ Бернѣ. Положеніе оказалось глубоко измѣнившимся. Однако, обѣ партіи могли-бы придти къ соглашенію, если-бы вопросъ объ общихъ фогтствахъ не явился новой причиной раздраженія. Швейцарцамъ пришлось расплачиваться за совершонную ими ошибку—за желаніе имѣть подданныхъ; католическіе кантоны, обладая большинствомъ голосовъ въ сеймѣ, полагали, что имѣютъ право покровительствовать въ общихъ фогтствахъ своему вѣроисповѣданію, и начали преслѣдовать приверженцевъ реформаціи. По ихъ приказанію этихъ послѣднихъ присуждали къ пенямъ, заключали въ тюрьмы и сѣкли; жители фогтствъ встали на сторону протестантовъ, а насилія только ускорили возстаніе.

Такъ какъ Цюриху не удалось добиться того, чтобы приходамъ дали право исповѣдывать ту религію, которая будетъ признана большинствомъ голосовъ, то онъ обѣщалъ свою помощь тѣмъ, которые выскажутся за реформацію. Чтобы судить объ эпохѣ—надо проникнуться ея духомъ; въ тѣ времена не было вопроса о томъ, чтобы предоставить каждому лицу исповѣдывать вѣру по своему выбору; предоставленіе общинамъ права вотировать за или противъ стараго вѣроисповѣданія считалось чрезвычайно либеральнымъ дѣломъ. Тюргау, Рейнталь, Гастеръ, Саргансъ, Бремгартенъ отдѣлились одинъ за другимъ отъ католической церкви. Надо признать, что переходъ къ реформаціи совершился не безъ насилій; въ Гастерѣ, зависѣвшемъ отъ Швица и Гларуса, кресты, хоругви, престолы были сожжены.

Несогласія между конфедератами привели къ коалиціи, а затѣмъ, что гораздо важнѣе, къ обращенію за помощью къ иностраннымъ государствамъ. Цюрихъ заключилъ съ Констанцемъ, 28-го декабря 1527 г., лигу, извѣстную подъ именемъ Христіанскаго согражданства; Бернъ, Сенъ-Галленъ, Биль, Мюльгаузенъ, Базель и Шаффгаузенъ присоединились къ ней одинъ

за другимъ (1528 и 1529). Это соглашеніе было не такого рода, чтобы представлять опасность для конфедераціи. Но нельзя было сказать того же о союзѣ, заключенномъ въ апрѣлѣ 1529 года между Лѣсными кантонами и герцогомъ Фердинандомъ Австрійскимъ, что являлось нарушеніемъ федеральнаго договора.

Любопытны обстоятельства, при которыхъ была заключена эта коалиція; ей предшествовалъ союзъ съ Валлисомъ и Яковомъ Меличи, походъ на Граубюнденъ подъ предводительствомъ этого итальянскаго дворянина и различныя интриги по поводу выбора епископа курскаго. Яковъ Медичи стремился завоевать Вальтелинъ; онъ нанялъ себѣ на службу испанцевъ и намѣревался помѣшать успѣхамъ реформаціи въ Граубюнденѣ; онъ даже желалъ посадить на курскій епископскій престолъ своего брата Іоанна, сдѣлавшагося позднѣе папой подъ именемъ Пія IV. Одинъ тирольскій сеньоръ, Дитрихъ де Гогенемсъ, собирался жениться на сестрѣ Медичи. Было рѣшено, что будущіе супруги, въ сопровожденіи многочисленной свиты вооруженныхъ людей, встрѣтятся въ Курѣ; эти отряды, соединившись, должны были помочь заговорщикамъ овладѣть Граубюнденомъ.

Реформаты, провѣдавшіе объ этомъ заговорѣ, задержали аббата Сентъ-Люче, главнаго агента Медичи; они выпытали у него признаніе и затѣмъ убили его. Бракъ Дитриха Гогенемса былъ отложенъ. Его невѣста, принужденная измѣнить свой маршрутъ, проѣхала черезъ Готардъ и Швицъ и добралась до Фельдкирхена подъ конвоемъ депутатовъ Лѣсныхъ кантоновъ, воспользовавшихся этимъ предлогомъ для встрѣчи въ этомъ городѣ съ герцогомъ Фердинандомъ. Этотъ князь, какъ легко себѣ представить, принялъ представителей Лѣсныхъ кантоновъ съ большою предупредительностью; немного спустя, въ Вальдсгутѣ имѣло мѣсто новое свиданіе, на которомъ былъ заключенъ союзъ: обѣ партіи дали взаимное обѣщаніе не выпускать изъ рукъ оружія, пока не возстановятъ «истиннаго вѣроисповѣданія».

Въ этой серьезной опасности евангелики выказали осмотрительность и рѣшительность. Они послали въ католическіе кантоны многочисленную депутацію съ цѣлью уговорить ихъ отказаться отъ столь предосудительнаго союза. Ихъ депутаты явились на ландесгемейнде въ Цугѣ, но имъ не позволили изложить своихъ взглядовъ; въ Унтервальденѣ они претерпѣли оскорбленія; гербы ихъ кантоновъ были повѣшаны на висѣлицѣ; жители Швица оказались сговорчивѣе. Люцернцы заявили, что они не могутъ дать отвѣта, не сговорившись предварительно со своими единовѣрцами. Нѣсколько недѣль спустя цюрихскій священникъ Іаковъ Кайзеръ, отправившійся въ Гастеръ, попался въ засаду, былъ отведенъ въ Швицъ и сожженъ на кострѣ по приказу ландесгемейнде (май 1529 г.).

Въ виду такого оскорбленія Цюрихъ не могъ дольше сдерживаться. Въ это время унтервальденцы готовились послать фогта въ Баденъ, подъ хорошимъ конвоемъ. Цюрихское правительство распорядилось занять войсками проходы, ведущіе въ Ааргау; второй военный отрядъ наблюдалъ за пограничной линіей Швица, а третій направился на Тюргау и Рейнталь. Цвингли принималъ большое участіе въ этихъ рѣшеніяхъ; онъ доказывалъ своимъ согражданамъ, что необходимо прибѣгнуть къ оружію, что надо стать хозяевами положенія для того, чтобы не быть раздавленными. Обладаніе фогтствами Ааргау было чрезвычайно важно для поддержанія сообщенія между Берномъ и Цюрихомъ, потеря ихъ повела-бы къ изолированію ихъ другъ отъ друга, а также отъ Базеля. Цвингли питалъ большія надежды и не желалъ соглашаться на миръ съ католиками иначе какъ на двухъ условіяхъ: полнаго уничтоженія пенсій и свободной проповѣди Евангелія во всей конфедеративной территоріи.

Въ этомъ первомъ походѣ преимущество было на сторонѣ Цюриха. Его армія состояла изъ энергичныхъ людей, серьезно относившихся къ реформаціи и пропитанныхъ нравственными принципами, проповѣдуемыми Цвингли; въ лагерѣ не было слышно ни клятвъ, ни ругательствъ, азартныя игры были запрещены, каждое утро совершалось богослуженіе. Цвингли находился въ рядахъ войска съ аллебардой на плечѣ. Цюрихскій совѣтъ хотѣлъ освободить его отъ обязанности слѣдовать за знаменемъ, но онъ не пожелалъ освобожденія отъ того, что считалъ своею обязанностью.

Главный цюрихскій отрядъ въ 4,000 человѣкъ дошелъ 9-го іюня до Каппеля. Отрядъ въ 5,000 бернцевъ подъ командой шультгейсса Дисбаха двинулся въ походъ, но ему было приказано не нападать. Въ дѣйствительности бернскій совѣтъ не одобрялъ поведенія Цюриха; онъ находилъ, что, противясь водворенію въ Баденѣ фогта отъ Унтервальдена, они совершаютъ посягательство на кантональную власть. Ихъ делегаты и высказались въ этомъ смыслѣ въ Цюрихѣ 3-го іюня.

Цугцы, числомъ 800 человѣкъ, расположились лагеремъ въ Баарѣ, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединились отряды отъ Ури, Швица и Люцерна; унтервальденцы-же берегли свои силы для защиты Брунига на случай нападенія бернцевъ.

Въ моментъ, когда цюрихцы готовы были перейти черезъ границу, прибылъ ландамманъ Эбли изъ Гларуса и предложилъ имъ свое посредничество: «Не думайте», говорилъ онъ, «что вы застигнете пять кантоновъ врасплохъ; они готовы принять васъ. Дорогіе и честные цюрихцы, ради Бога не посягайте на цѣлость старой конфедераціи». Цвингли ему отвѣчалъ: «Ландамманъ, мой товарищъ, ты дашь во всемъ этомъ отчетъ

Богу. Наши враги видятъ, что попали въ просакъ, поэтому и угощаютъ насъ хорошими рѣчами. Когда они окрѣпнутъ, они насъ не пощадятъ». Эбли возразилъ: «Дорогой мой Ульрихъ, Богъ благословляетъ добрыя намѣренія. Будемъ надѣяться на Бога и поступать, какъ мы считаемъ лучше!»

Эбли былъ прямодушнымъ человѣкомъ; было извѣстно, что въ кантонѣ Гларусъ ему удалось добиться примиренія между противными партіями. Его великодушное воззваніе было услышано, и было заключено перемиріе.

Въ это время, какъ это вообще часто случалось въ Швейцаріи, настроеніе умовъ въ войскахъ нисколько не соотвѣтствовало настроенію умовъ предводителей ихъ; въ то время какъ послѣдніе готовы были пожертвовать всѣмъ, лишь-бы ихъ мнѣніе взяло верхъ, милиція Цюриха и Лѣсныхъ кантоновъ желала вернуться по домамъ и жить въ мирѣ съ сосѣдями. Они встрѣчались на аванъ-постахъ, вспоминали о своей прежней дружбѣ—многіе изъ нихъ совершили вмѣстѣ походъ въ Италію—и сожалѣли о несогласіяхъ, толкнувшихъ ихъ въ противныя партіи. Разсказываютъ, что, когда однажды у католиковъ не хватило хлѣба, они отправились въ цюрихскій лагерь, гдѣ и получили его; въ другой разъ въ отплату за эту услугу, католики принесли въ протестантскіе аванпосты кувшинъ молока, и состряпали супъ, который съѣли всѣ вмѣстѣ. Каппельскій молочный супъ остался знаменитымъ въ Швейцаріи. Страссбургскій бургомистръ, Яковъ Штурмъ, находившійся, вмѣстѣ съ депутатами нейтральныхъ кантоновъ въ числѣ посредниковъ, сказалъ по этому поводу: «Конфедераты престранные люди, среди распрей они не забываютъ старой дружбы». Это сужденіе не нуждается въ комментаріяхъ и объясняетъ, какимъ образомъ конфедерація, въ которой каждый сохранилъ свой собственный характеръ, свои нравы и учрежденія, въ которой страсти бывали иногда возбуждены до высшей степени, могла тѣмъ не менѣе существовать въ продолженіе вѣковъ. Случалось въ Швейцаріи, что политическіе вожди пытались успокоить возбужденную толпу, но случалось, что и толпа, болѣе благоразумная, чѣмъ ея предводители, отказывалась слѣдовать за ними въ ихъ партійной борьбѣ; эти два явленія, смѣняя одно другое, поддерживали равновѣсіе партій, существованіе которыхъ было необходимо для нормальнаго развитія нашихъ федеративныхъ учрежденій.

При описанномъ нами настроеніи умовъ, вмѣшательство нейтральныхъ кантоновъ не могло привести ни къ чему. Лѣсные кантоны отказались отъ союза съ Австріей, они обязались выплатить военныя издержки, и было рѣшено дать право приходамъ въ общихъ фогтствахъ

высказаться, какое вѣроисповѣданіе они пожелали-бы принять. Былъ изданъ указъ, воспрещавшій всякое насиліе, и было принято платоническое пожеланіе относительно уничтоженія пенсій; затѣмъ въ мирный договоръ отъ 26-го іюня 1529 г. была включена довольно неясная фраза о томъ, что всякій можетъ быть спокоенъ за свою вѣру.

Эта первая религіозная война повернулась въ пользу реформатовъ. Цюрихцы вернулись, торжествуя, въ свой городъ, и подъ вліяніемъ этого успѣха новая вѣра стала все больше и больше распространяться въ Швейцаріи; множество приходовъ, сначала колебавшихся, высказались въ пользу реформаціи. Шаффгаузенъ уничтожилъ мессу и образа (сентябрь 1529 г.). Солотурнъ открылъ одну церковь для проповѣди Евангелія. Гарусъ, колебавшійся долгое время между вліяніемъ Лѣсныхъ кантоновъ и памятью о Цвингли, закончилъ «очистку» своихъ церквей, какъ выражались въ то время въ евангелическомъ лагерѣ.

До сихъ поръ реформація распространялась одновременно въ Швейцаріи и Германіи, хотя Лютеръ и Цвингли ни разу не видались. Цвингли чрезвычайно восхищался Лютеромъ, но онъ желалъ сохранить свою независимость. «Я совсѣмъ не хочу», писалъ онъ въ 1528 г., «чтобы паписты называли меня лютераниномъ; потому что я узналъ слово Божіе совсѣмъ не отъ Лютера, а изъ ученія Христа», и дѣйствительно онъ проповѣдывалъ Евангеліе, еще не будучи знакомъ съ сочиненіями Лютера. Оба реформатора были во всемъ согласны, за исключеніемъ ученія о причастіи. По этому поводу между ними возникла длинная полемика. Лютеръ при этомъ выказалъ большую несдержанность въ выраженіяхъ, Цвингли выказалъ чувство умѣренности и достоинства. Они оба отвергали католическое ученіе о пресуществленіи, но въ то время какъ Лютеръ видѣлъ въ причастіи таинство, имѣющее само въ себѣ силу, Цвингли смотрѣлъ на него только какъ на символъ. Саксонскій реформаторъ, воспитанный въ монастырѣ, гдѣ въ уединеніи развилась его вѣра, обладалъ душой мистической, болѣе увлекающейся, болѣе поэтической; болѣе покорный существующему порядку вещей, онъ не желалъ вмѣшиваться въ политику. Сынъ эпохи возрожденія, вышедшій изъ рядовъ свѣтскаго духовенства и находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ, швейцарскій реформаторъ имѣлъ направленіе ума болѣе философское, болѣе позитивное, онъ составилъ себѣ идеалъ христіанскаго государства и стремился осуществить его въ своемъ отечествѣ.

Послѣ заключенія Камбрейскаго мира и отступленія турокъ отъ Вѣны, императоръ Карлъ V, получившій благодаря этому свободу движенія, сталъ думать о томъ, чтобы направить свои силы противъ нѣмецкихъ протестантовъ. Въ виду этого ландграфъ Филиппъ Гессенскій сдѣлалъ

попытку сблизить обоихъ предводителей евангелическаго движенія, онъ ихъ пригласилъ въ Марбургъ, разсчитывая такимъ способомъ прекратить ихъ разногласіе. Лютеръ неохотно согласился на это свиданіе, Цвингли же, напротивъ, съ радостью принялъ приглашеніе; онъ прибылъ въ Марбургъ 27-го сентября 1529 г., въ сопровожденіи Эколампадія и Буцера (изъ Страссбурга); Лютеръ явился на свиданіе на слѣдующій день въ сопровожденіи Меланхтона. Послѣдовавшій теологическій споръ былъ чрезвычайно горячій; Лютеръ оказался несговорчивымъ, все, чего могъ отъ него добиться Цвингли, это отказаться на будущее время отъ всякой раздражающей полемики. Такъ какъ разногласіе было только въ вопросѣ о таинствѣ причастія, то реформаторы могли сговориться въ остальномъ и составить резюме изъ пятнадцати членовъ относительно главныхъ пунктовъ христіанской религіи.

Съ этого момента Цвингли, полный мысли объ опасности, угрожавшей евангелическому вѣроисповѣданію, все болѣе и болѣе втягивается въ политику, стремясь обезпечить за реформаціей побѣду при помощи коалицій. Нѣсколько нѣмецкихъ городовъ, особенно Страссбургъ, заключили союзъ съ Цюрихомъ, Базелемъ и ландграфствомъ Гессенскимъ. Цвингли даже хотѣлъ привлечь въ этотъ союзъ Венецію и Франциска I. «Забывъ», говоритъ Вюльеменъ, «свои слова, сказанныя въ то время, когда Цюрихъ освободился отъ узъ короля, онъ предложилъ посланнымъ Франциска I союзъ, мало отличавшійся отъ союза 1521 года, но въ которомъ онъ осторожно замѣнилъ слово «Ломбардія» въ старомъ трактатѣ словомъ «Евангеліе». Потомъ Цвингли организовалъ духовные соборы въ Тюргау, Сенъ-Галленѣ и въ Тоггенбургѣ. Общинамъ Тюргау, которыми въ то время управлялъ цюрихскій фогтъ, было предложено высказаться за сохраненіе или отмѣну стараго вѣроисповѣданія, и онѣ высказались за уничтоженіе мессъ.

Послѣ смерти сенъ-галленскаго аббата, Франциска фонъ Гейсбергъ, цюрихскій и гларусскій совѣты взяли въ свои руки заботу о его подданныхъ, перешедшихъ въ реформацію, монастырскія зданія были проданы городу Сенъ-Галленъ, католическое богослуженіе было отмѣнено (1530), а новый аббатъ, Киліанъ Германъ, бѣжалъ со своими драгоцѣнностями въ Мерсбургъ, на берегу Констанцскаго озера. Тоггенбургъ, родина Цвингли, тоже перешелъ въ реформацію и сдѣлался независимымъ.

Эти событія, совершившіяся вопреки предостереженію бернскихъ совѣтовъ, вызвали жалобы со стороны Люцерна и Швица и необходимо должны были привести снова къ войнѣ. Въ началѣ 1531 года, на сеймѣ въ Баденѣ, католики и протестанты наперерывъ осыпали другъ друга упреками. Нѣсколько недѣль спустя Граубюнденъ, на котораго снова напалъ Яковъ Медичи,

обратился къ конфедератамъ за помощью для защиты Вальтелина. Пять кантоновъ не послали своихъ отрядовъ, остальные конфедераты пришли на помощь Граубюнденскимъ лигамъ, которыя, благодаря этому, удержали за собой Вальтелинъ. Бездѣятельность Лѣсныхъ кантоновъ заставила предполагать, что это предпріятіе пользовалось тайной поддержкой императора.

Цвингли убѣжденный, что протестантской Швейцаріи грозитъ опасность, сталъ настаивать, чтобы Цюрихъ взялся за оружіе. Бернъ медлилъ и старался избѣжать междоусобной войны; на конференціи городовъ, состоявшейся въ Аарау въ маѣ 1531 года, было рѣшено закрыть рынки пяти кантонамъ. Но эта была только временная мѣра, которая не удовлетворила цюрихцевъ. «Если», говорилъ Цвингли, «имѣешь право заставить голодать своихъ противниковъ, то имѣешь право и побить ихъ, а если по слабости не нападаешь на нихъ, то дождешься того, что они съ отчаянія возьмутся за оружіе».

Такъ какъ урожай былъ плохой, то эта мѣра была жестока и должна была довести до отчаянія пять кантоновъ; подъ предлогомъ избѣгнуть кровопролитія, рѣшили довести до отчаянія весь народъ. Сами города терпѣли убытокъ отъ закрытія рынковъ; ихъ купцы страдали отъ этого. Въ протестантскихъ кантонахъ стало проявляться недовольство; многіе сострадали католикамъ, которымъ стремились навязать евангелическое вѣроисповѣданіе.

Положеніе Цвингли становилось затруднительнымъ. Въ троицынъ день онъ съ каѳедры съ порицаніемъ говорилъ о закрытіи рынковъ, находя это средство въ одно и то же время отвратительнымъ и недостаточнымъ. Онъ отказался отъ должности пастора, такъ какъ былъ приверженцемъ воспныхъ мѣръ; но его прошеніе не было принято. Ни съ одной, ни съ другой стороны народъ не хотѣлъ войны. Однако пять кантоновъ, справедливо раздраженные, рѣшили взяться за оружіе, чтобы добиться открытія рынковъ, необходимыхъ для ихъ существованія.

Мрачныя предчувствія овладѣли умомъ Цвингли. Когда одинъ изъ его друзей спросилъ его о значеніи кометы, появившейся въ то время, онъ сказалъ: «Она предсказываетъ смерть мою и многихъ хорошихъ людей». Въ другой разъ, говоря съ горечью о внезапной слабости народа, раньше послушнаго его голосу, онъ воскликнулъ: «Никакое предостереженіе нейдетъ вамъ на пользу. Вы не желаете наказать пенсіонеровъ. Они пользуются у васъ слишкомъ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Цѣпь готова: она предназначена для меня и для многихъ честныхъ людей въ Цюрихѣ. На мнѣ хотятъ выместить; я готовъ и покоренъ волѣ Божіей. Люди никогда не будутъ моими господами. Но ты, Цюрихъ, ты получишь отъ

нихъ возмездіе; ибо ты этого хочешь. Ты отказываешься наказать ихъ, такъ они тебя накажутъ. Но Богъ все же соблюдетъ свое слово, придетъ конецъ и ихъ гордости. Да хранитъ Богъ свою церковь».

Война между Лѣсными кантонами и Цюрихомъ не замедлила разразиться. Начальникамъ пяти кантоновъ не трудно было убѣдить взяться за оружіе народъ, доведенный голодомъ до отчаянія. Попытки къ примиренію, сдѣланныя французскими посланниками и нейтральными кантонами, не имѣли успѣха. Въ сентябрѣ въ Люцернѣ состоялся сеймъ пяти кантоновъ; на немъ было рѣшено созвать отряды и напасть въ расплохъ на цюрихцевъ. Приготовленія шли быстро. 9 октября 1531 г., 2000 вальдштеттенцевъ выступили съ цѣлью занять свободныя фогтства и прервать сношенія между Берномъ и Цюрихомъ; главный же корпусъ католиковъ сосредоточился въ окрестностяхъ Цуга.

Въ Цюрихѣ, когда узнали объ этомъ движеніи войскъ, приняли его сначала за маневръ съ цѣлью устрашенія, чтобы добиться снабженія Лѣсныхъ кантоновъ жизненными припасами. Около тысячи человѣкъ были посланы подъ командой Гёльдли въ Бремгартенъ и въ Каппель. Но, такъ какъ получаемыя извѣстія становились все серьезнѣе, то забили тревогу, и страна заволновалась; однако въ правительственныхъ сферахъ проявилось колебаніе, а народъ выказывалъ недовѣріе, милиціонеры медленно откликались на призывъ. Большой цюрихскій отрядъ, состоявшій изъ 4,000 человѣкъ, собрался только въ числѣ 1,800; онъ выступилъ въ безпорядкѣ подъ предводительствомъ Лафатера по направленію къ Каппелю. Цвингли находился въ его рядахъ въ качествѣ полкового священника по назначенію совѣта.

Между Каппелемъ и Альбисомъ простирается равнина. Авангардъ цюрихцевъ занялъ позицію близъ Каппельскаго монастыря на холмѣ, защищенномъ болотистымъ лугомъ, глубокимъ рвомъ и буковымъ лѣсомъ; ему было приказано не начинать дѣйствія. Когда его начальникъ, Г. Гёльдли, увидѣлъ, что армія пяти кантоновъ въ числѣ 8,000 человѣкъ готовится къ аттакѣ и подвигается въ прекрасномъ порядкѣ, онъ рѣшилъ, что долженъ пустить въ ходъ артиллерію, обильный огонь которой позволилъ ему удержать позицію въ ожиданіи помощи Цюриха. Цюрихцы прибыли къ тремъ часамъ, и католики готовы ужъ были отложить аттаку до завтра, когда одинъ урійскій капитанъ занялъ небольшой лѣсокъ, прикрывавшій лѣвое крыло цюрихцевъ, который Гёльдли по небрежности не занялъ; началась схватка.

Ряды цюрихцевъ, очутившихся между двухъ огней, принужденныхъ измѣнить фронтъ, окруженныхъ силой превосходившей ихъ собственную,

начали рѣдѣть; нѣкоторыя изъ ихъ знаменъ попали въ руки католиковъ; не безъ труда удалось имъ удержать свое главное знамя. Когда наступила ночь, они отступили къ Цюриху, оставивъ на полѣ сраженія 500 мертвыхъ, среди нихъ 26 магистратовъ, избранныхъ членовъ своихъ совѣтовъ и 25 священниковъ. И въ Цвингли попалъ камень въ ту минуту, когда онъ напутствовалъ умиравшаго. Побѣдители нашли его при обходѣ поля сраженія распростертымъ подъ грушевымъ деревомъ. Его не сразу узнали; видя, что онъ близокъ къ смерти, ему предложили исповѣдаться; онъ отказался; одинъ унтервальденскій капитанъ покончилъ съ нимъ ударомъ меча. На другой день его тѣло было четвертовано и предано пламени.

Цюрихъ былъ объятъ глубокимъ ужасомъ. Однако этотъ храбрый городъ не впалъ въ отчаяніе. Его союзники пришли къ нему на помощь. Бернская армія въ 20000 человѣкъ соединилась съ цюрихцами, и два корпуса ея, поднявшись по берегамъ Рейсса, заставили католиковъ, начавшихъ уже грабить фогтство Кнонау, удалиться. Бернцы, подъ командой шультгейсса Себастьяна фонъ Дисбахъ, приверженца старой вѣры, сдерживаемые полученными ими инструкціями, избѣгали наступательныхъ дѣйствій; цюрихцы, напуганные предшествовавшими пораженіями, подвигались очень медленно. Однако они подъ конецъ очутились лицомъ къ лицу съ католиками, поджидавшими ихъ въ крѣпкой позиціи. Цюрихскій отрядъ, желавшій напасть на католиковъ сзади, занялъ выступы Гюбеля; увѣренные въ своемъ планѣ кампаніи, цюрихцы занялись грабежомъ, а съ наступленіемъ ночи улеглись спать. Вдругъ 600 католиковъ выскочили изъ сосѣдняго лѣса, издавая громкіе крики, и привели въ безпорядокъ лагерь цюрихцевъ. Эти послѣдніе, застигнутые врасплохъ, разбѣжались; много было убито и взято въ плѣнъ (22 октября 1531).

Это постыдное пораженіе рѣшило дѣло. Реформатамъ пришлось принять его послѣдствія. Договоръ 1529 г. и христіанское сограждданство были уничтожены. Базель и Шаффгаузенъ заплатили за миръ 1,000 кронъ, Сенъ-Галленъ 600, Мюльгаузенъ 400, Сенъ-Галленскому аббату были возвращены его достояніе и его монастырь; онъ получилъ отъ города Сенъ-Галлена 10,000 флориновъ, а отъ Цюриха 4,000; Гастеръ лишился свободы и своего знамени; та же участь постигла Бремгартенъ, Меллингенъ и Раппершвиль. Монахи и отшельники вернулись въ свои кельи. Только реформатамъ Тоггенбурга, Рейнталя и Тюргау удалось удержаться. Католическое вѣроисповѣданіе было возстановлено въ Гарусѣ въ четырехъ приходахъ.

Въ арміи реформатовъ находился отрядъ солотурцевъ; католики предложили солотурцамъ на выборъ: уплатить 800 кронъ или отка-

заться отъ новаго вѣроисповѣданія. Эта послѣдняя альтернатива была принята народомъ, такъ что солотурнскіе реформаты принуждены были имѣть собранія внѣ стѣнъ города. Въ 1533 г. они попытались съ оружіемъ въ рукахъ вернуть себѣ свободу отправленія своихъ обрядовъ. При этомъ имѣлъ мѣсто эпизодъ, популяризованный гравюрой. Когда приверженцы обоихъ вѣроисповѣданій уже готовы были вступить въ рукопашный бой, когда католики, овладѣвшіе арсеналомъ, направили уже дула своихъ орудій на протестантовъ, собравшихся на противоположномъ берегу Аары, шультгейссъ Венги всталъ передъ орудіями и закричалъ: «Сограждане, если вы желаете умерщвлять своихъ братьевъ, пусть я буду вашей первой жертвой». Схватка была прервана, реформаты были вынуждены выбирать между родиной и вѣрой. Около семидесяти семей выселились. Только общины фогтства Бушегъ, надъ которыми бернцы имѣли право высшаго суда, остались протестантами.

Католики торжествовали; они не только одержали побѣду на полѣ битвы, но въ сраженіи погибъ и ихъ главный противникъ, страшный Цвингли; протестантская партія, лишившаяся этого энергичнаго руководителя, оказалась разстроенной. Однако, реформаціонное движеніе было слишкомъ глубокимъ для того, чтобы погибнуть съ гибелью своего инициатора; отвѣчая властной потребности совѣсти, пытаясь при посредствѣ евангелія разрѣшить задачу человѣческой судьбы, оно должно было продолжать существовать и стать источникомъ благосостоянія для своихъ приверженцевъ. Правительства встали на мѣсто папы и епископовъ; они взяли на себя управленіе церковью; между школой и церковью установилась тѣсная связь, эти два учрежденія, идя рука объ руку подъ отеческимъ надзоромъ національныхъ совѣтовъ, явились вершителями въ дѣлахъ вѣры; вѣрующіе, на которыхъ смотрѣли какъ на постоянныхъ мятежниковъ должны были смиренно принимать поученія своихъ пасторовъ. Такое положеніе дѣла очевидно во многихъ отношеніяхъ напоминало римскую курію. Существовала, однако, и большая разница, заключавшаяся въ томъ, что церковь стала дѣйствительно національной, и ей не надо было повиноваться приказаніямъ извнѣ; кромѣ того были прекращены многія злоупотребленія, и открыта дверь для новыхъ успѣховъ. Надъ низшими школами стали нѣсколько коллегій и четыре академіи въ Цюрихѣ, Бернѣ, Лозаннѣ и Женевѣ, отъ которыхъ духовныя лица и члены второстепеннаго учебнаго персонала получали инструкціи относительно своихъ обязанностей. Эти четыре города, а также Базель сдѣлались интеллектуальными центрами, отъ которыхъ наука и ученость распространялись по сосѣднимъ государствамъ. Съ того времени протестантскія общины отли-

чаются отъ католическихъ болѣе широкимъ развитіемъ народнаго образованія на всѣхъ ступеняхъ.

Чтобы помѣшать возвращенію къ старой вѣрѣ правительства издали строгіе эдикты противъ реформатовъ, которые бы вознамѣрились вернуться въ римскую церковь; такимъ образомъ швейцарскіе граждане оказались кантонированными согласно ихъ вѣроисповѣданію, по пословицѣ: cujus regio ejus religio.

Можно упрекнуть Цвингли въ томъ, что онъ слишкомъ увлекался политикой; но то, что есть основательнаго въ этомъ упрекѣ, падаетъ скорѣе на эпоху, въ которой онъ жилъ, чѣмъ на него самого. Горячее чувство патріотизма заставляло его стремиться распространить на всю Швейцарію благодѣянія реформы. «Какъ человѣкъ вѣры», говоритъ Фридрихъ Рамберъ [1]), «онъ принималъ евангеліе съ рѣдкой энергіей, и онъ имѣлъ непоколебимое довѣріе въ торжество истины; какъ человѣкъ науки, съ очень развитымъ умомъ, онъ безъ усилія подымался до религіозныхъ вопросовъ высшаго порядка; онъ легче и радикальнѣе, чѣмъ Лютеръ, освободился отъ римскихъ суевѣрій. Его толкованія библіи были ясны, трезвы, они указываютъ на такое вѣрное чутье, такое глубокое и полное пониманіе Священнаго Писанія, что Цвингли какъ экзегетикъ заслуживаетъ быть поставленнымъ рядомъ съ Кальвиномъ». Обладая умомъ практичнымъ и проницательнымъ, осторожнымъ и твердымъ, онъ сумѣлъ постепенно ввести въ Цюрихѣ реформацію и установить ее на вѣрномъ и твердомъ основаніи.

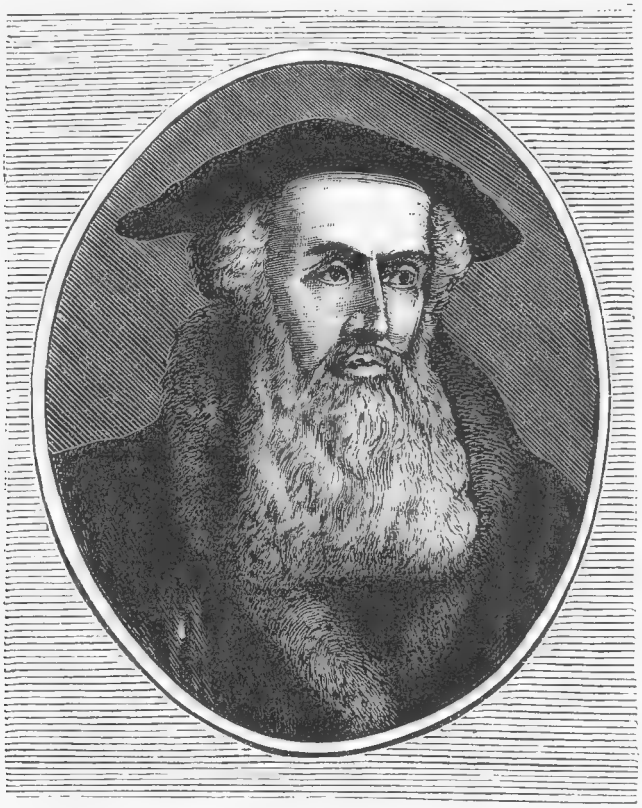
Нѣсколько дней спустя послѣ сраженія при Каппелѣ, католики захватили городокъ Бремгартенъ, и его пасторы принуждены были бѣжать. Одинъ изъ нихъ, Ю. Г. Буллингеръ, какъ только прибылъ въ Цюрихъ, взошелъ на каѳедру собора и произнесъ проповѣдь, произведшую сильное впечатлѣніе. Его слушатели, увлеченные его краснорѣчіемъ, воскликнули: «Цвингли не умеръ! Онъ, подобно фениксу, воскресъ изъ пепла!»

Буллингеръ (см. фиг. 14), явился достойнымъ преемникомъ своего друга; онъ укрѣпилъ и продолжилъ дѣло Цвингли. Будучи неутомимымъ, краснорѣчивымъ, мягкимъ, глубокимъ, чистымъ и энергичнымъ труженикомъ, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе въ Цюрихѣ и внѣ его. Послѣ сраженія при Каппелѣ цюрихскій совѣтъ двухсотъ, приписывая пораженія распрямъ, возбужденнымъ проповѣдями, рѣшилъ потребовать отъ священниковъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла государства. Буллингеръ отказался подчиниться этому требованію, ссылаясь на то, что пророки всегда принимали горячее участіе въ ходѣ общественныхъ событій. Совѣтъ двух-

[1]) Gallerie suisse, t. I.

сотъ не сталъ настаивать, и Буллингеръ, добившись того, что онъ считалъ своимъ правомъ, всегда соблюдалъ по отношенію къ правительству мирныя отношенія, чѣмъ заслужилъ всеобщее довѣріе.

Протестантскія церкви Швейцаріи чувствовали потребность сближенія и желали высказать свое единомысліе; такимъ образомъ онѣ были вынуждены изложить печатно свою вѣру, напирая на свою непоколебимую привязанность къ основамъ религіи и нравственности и по возможности настаивая на старыхъ, сохраненныхъ ими догматахъ. За символъ своей



Фиг. 14. Портретъ Іоганна-Генриха Буллингера.

вѣры они приняли въ 1536 году первое гельветское исповѣданіе. Буллингеръ принималъ большое участіе въ редактированіи его. Позднѣе онъ же, вмѣстѣ съ Петромъ Мученикомъ, составилъ въ 1562 г. второе гельветское исповѣданіе, которое признается теологами шедевромъ ясности, точности и умѣренности, и которое съ 1566 г. стало связующимъ звеномъ всѣхъ реформованныхъ церквей Швейцаріи.

ГЛАВА VI.

Реформація въ романдскихъ странахъ.

Начало французской реформаціи. — Проповѣди Фареля въ Ваадтландѣ и въ Невшателѣ. — Союзъ рыцарей ложки, направленный противъ Женевы. — Бернъ, Фрейбургъ и Солотурнъ принимаютъ Женеву подъ свое покровительство. — Проповѣди Фареля и Фромана въ Женевѣ. — Окончательное уничтоженіе мессы въ Женевѣ (1535). — Бернъ объявляетъ войну герцогу Савойскому. — Завоеваніе Ваадтланда. — Соперничество Карла V и Франциска I; вмѣшательство этихъ государей въ пользу герцога Савойскаго и епископа Лозаннскаго. — Диспутъ въ Лозаннѣ. — Организація ваадтландской церкви. — Основаніе Лозаннской академіи.

Реформація въ странахъ, говорящихъ на французскомъ языкѣ, развилась самостоятельно, независимо отъ вліяній Лютера и Цвингли. Со всѣхъ сторонъ начало проявляться волненіе, предвѣстникъ великаго религіознаго движенія. Вначалѣ французской эпохи возрожденія ученые, литераторы и поэты, полные смѣлости и искренности, предлагали съ видомъ невинности еретическія теоріи. Надежда объяла ихъ души при соприкосновеніи съ древними и христіанскими писателями первыхъ вѣковъ, которыхъ они изучали съ одинаковой ревностью. «Христосъ евангелій», говоритъ г. Бюиссонъ [1]), «вновь явился такимъ, какимъ его изобразили міру первые ученики, во всей простотѣ своего божественнаго образа». Полные довѣрія въ притягательность истины, гуманисты вообразили, что для того, чтобы заставить ее восторжествовать, достаточно освободить ее отъ покрововъ, которые въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ омрачали и искажали ее. Они и не думали о томъ, чтобы отдѣляться отъ римской церкви; они не были движимы духомъ возмущенія; они разсчитывали, что законъ обновленія, одушевившій науки, проявитъ и на религіи свое эмансипаторское вліяніе. Многіе изъ нихъ были очень близки къ реформаціи и вполнѣ проникнуты идеями, называемыми евангелическими. Ихъ религія нерѣдко заключалась въ нѣкотораго рода христіанской философіи, и многіе придерживались общихъ мѣстъ религіозной морали.

Въ то время какъ итальянскіе гуманисты удовлетворились раздѣленіемъ общества на двѣ части: на невѣждъ, для которыхъ достаточно руководства стараго преданія, и на ученыхъ, которымъ принадлежитъ право проникновенія въ тайны мысли,—французскіе гуманисты, говоритъ г. Бюиссонъ, какъ только просвѣтились сами, захотѣли просвѣтить и міръ; они

[1]) F. Buisson, Sébastien Castellion, sa vie et son oeuvre.

стали писать, переводить, пѣть, догматизировать, проповѣдывать и учить всѣхъ. Лефевръ д'Этапль, почитавшійся гуманистами за реставратора философіи, началъ въ Парижѣ, въ 1508 г., свои библейскіе труды изданіемъ своего Psalterium quintuplex, а въ 1512 г. издалъ коментарій на посланія св. ап. Павла. Онъ стремился къ реформѣ, которая, не нарушая церковнаго единства, улучшила бы состояніе церкви и, не разрушая ея внѣшнихъ формъ, развила бы въ ней христіанскій духъ. Въ 1520 г. онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и перевелъ на французскій языкъ четыре евангелія, а вскорѣ затѣмъ весь Новый Завѣтъ.

Его ученикъ Брисонне, епископъ въ Мо, лишилъ права проповѣди необразованныхъ монаховъ и замѣнилъ ихъ молодыми проповѣдниками, учениками Лефевра; вскорѣ весь его приходъ былъ объятъ восторгомъ, священники и крестьяне соперничали въ восторженномъ почитаніи евангелія. Другъ Лефевра и Брисонне, Луи де Беркенъ, докторъ Сорбонны, громко высказывалъ свою симпатію къ Лютеру.

Тогда-то Сорбонна, чувствуя, что ея авторитету грозитъ опасность, воспользовалась потрясеніемъ, произведеннымъ во Франціи бѣдствіемъ въ Павіи, и обрушилась на ересь. «Horde noire des confréries» наполнила весь Парижъ звуками своихъ мрачныхъ предсказаній; общественное бѣдствіе дало возможность восторжествовать партіи высшихъ сановниковъ. Кардиналъ канцлеръ Дюпра, первый президентъ парижскаго парламента, назначилъ, 15 марта 1525 г., смѣшанную комиссію для преслѣдованія ереси. Король, подъ давленіемъ противуположныхъ вліяній, выказывалъ нерѣшительность; онъ пытался защищать Лефевра и Беркена, но подъ конецъ предоставилъ послѣдняго собственной участи. Парламентъ произнесъ смѣлому Беркену смертный приговоръ, который и привели поспѣшно въ исполненіе, 29 апрѣля 1529 г., изъ боязни, чтобы не помѣшало королевское помилованіе.

Эта казнь явилась сигналомъ къ разсѣянію проповѣдниковъ реформы; большая часть изъ нихъ выслалась. Группа гуманистовъ раздѣлилась на два лагеря: одни болѣе или менѣе смиренно вернулись въ лоно римской церкви, другіе смѣло приняли реформу. Скептикамъ одинаково непонятны какъ люди, умирающіе за догматъ, такъ и люди, убивающіе за догматъ; такъ, по мнѣнію г. Бюиссона, разсуждали Эразмъ и Рабле, признаваясь въ этомъ только отчасти. Многіе изъ такихъ ученыхъ прикрылись какъ бы снисходительнымъ мистицизмомъ; они утѣшались между собой за грубость доктринъ, которыя не осмѣливались отвергать, и обрядовъ, къ которымъ присоединялись, языкомъ полнымъ аллегорій, позволявшимъ имъ принимать все, одухотворяя все, и выискивали особые аргументы для доказательства того, что имъ не слѣдовало

отдѣляться. Этимъ кончили и Брисонне и Маргарита Наварская. Эта послѣдняя, уступая желанію короля, перестала открыто высказывать свою склонность къ реформаціи: она удалилась въ Беарнъ, куда призвала Лефевра, умершаго въ 1536 г. и до конца жизни сожалѣвшаго о томъ, что онъ не сумѣлъ послѣдовать мужественному примѣру Беркена.

Жертвы этихъ первыхъ французскихъ преслѣдованій были многочисленны, среди нихъ насчитываютъ много женщинъ. Эти мученики еще не имѣли вполнѣ опредѣленнаго символа вѣры; они умирали, потому что почитали Іисуса Христа своимъ Спасителемъ и считали, что между Богомъ и людьми не существуетъ никакого иного посредника. «Мы страдаемъ», говоритъ одна изъ этихъ женщинъ, «за то, что хотимъ вѣрить только одному слову Божію». Эти герои, замѣчаетъ г. Бюиссонъ, жертвовали своею жизнью изъ честности, не желая лгать, потому что ихъ совѣсть не позволяла имъ принимать долѣе участіе въ формахъ, извращавшихъ религію, въ обрядахъ, матерьялизовавшихъ ее.

Исторія французской реформаціи — и этимъ она заслуживаетъ наше восхищеніе—богата чертами героизма. Мы не можемъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ, выходящемъ за рамки нашего разсказа; но, такъ какъ реформація перешла въ романдскую Швейцарію изъ Франціи, то важно было указать на первые ея шаги у нашихъ сосѣдей.

Среди учениковъ Лефевра д'Этапль былъ одинъ человѣкъ, призванный играть важную роль въ нашихъ странахъ, мы говоримъ о Фарелѣ.

Вильгельмъ Фарель (см. фиг. 15) родился въ 1489 г. въ окрестностяхъ Гапа, въ Дофинэ, въ благородной и благочестивой семьѣ. Получивъ самое элементарное образованіе, онъ не безъ труда добился отъ своихъ родителей въ 1509 г. позволенія отправиться въ Парижъ для поступленія въ одну изъ тамошнихъ школъ. Обладая благородной душой, нѣжнымъ сердцемъ и рѣдкой прямотой, Фарель, говоритъ г. Герминжаръ [1]), покинувъ свои горы, былъ непріятно пораженъ испорченностью нравовъ въ большихъ городахъ. «Въ Ліонѣ», разсказываетъ онъ, «день и ночь звонили колокола... и однако, проходя черезъ городъ, но не останавливаясь въ немъ, я, хотя и былъ еще вполнѣ пашистомъ, былъ удивленъ, что Богъ не истребляетъ подобный городъ». Подъ вліяніемъ Лефевра д'Этапль, ставшаго его другомъ и руководителемъ, благочестіе Фареля развивается, но не безъ борьбы. Обладая кипучей натурой, будучи человѣкомъ дѣйствія, бурнымъ и увлекательнымъ ораторомъ, онъ не обладалъ ни глубокимъ теологическимъ знаніемъ, ни литературными талантами Вире и Кальвина; но онъ обла-

[1]) A. L. Herminjard. Correspondance des réformateurs dans les pays de langue française, I.

далъ тѣмъ избыткомъ жизни, той экспансивностью, которые имѣютъ способность привлекать толпу.

Этого странствующаго проповѣдника, настоящаго піонера реформаціи, обладавшаго неукротимой энергіей, можно было встрѣтить то въ той, то въ другой мѣстности, пользующагося всякимъ случаемъ, чтобы собрать новыхъ слушателей и заставить ихъ раздѣлить свои пламенныя убѣжденія. Его внѣшность не представляла ничего величественнаго: маленькаго роста, невзрачный, съ вульгарной наружностью, узкимъ лбомъ, блѣдный и загорѣлый, съ рыжей нечесанной бородой, горящими глазами, съ открытымъ

Фиг. 15. Портретъ Вильгельма Фареля.

ртомъ. Но, обладая чрезвычайно закаленной волей, онъ смѣло появлялся среди толпы, хотя былъ увѣренъ, что встрѣтитъ въ ней сильную оппозицію.

Получивъ въ Парижѣ степень maître es arts въ 1517 г., онъ взялъ мѣсто регента въ одной коллегіи. Фарель, подобно Кальвину и Вире, никогда не принадлежалъ къ католическому духовенству. Въ 1521 г. онъ отправился въ Мо, привлеченный туда Брисонне, и оставался тамъ нѣкоторое время. Затѣмъ, движимый желаніемъ возвѣстить евангеліе своимъ соотечественникамъ, онъ появился въ Ганѣ, откуда онъ былъ скоро съ яростью изгнанъ; такъ какъ подобный же опытъ въ Гюйенѣ оказался

также неудачнымъ, то въ концѣ 1523 г. мы видимъ его уже въ Базелѣ при Эколампадіи, потомъ въ Цюрихѣ, гдѣ онъ вошелъ въ сношенія съ Цвингли, въ Монбельярѣ, въ Страссбургѣ и въ 1527 г. въ Бернѣ. Онъ былъ хорошо принятъ ихъ превосходительствами и посланъ ими въ округъ Эгль.

Романдская земля была, казалось, плохо подготовлена къ принятію реформы. Ея жители кроткаго права, неразвитые, любящіе покой, привязанные къ традиціямъ, нисколько ихъ не стѣснявшимъ, не чувствовали сильной потребности въ прогрессѣ въ области нравственности. Страна была покрыта церквами, но религія заключалась главнымъ образомъ въ суевѣрномъ поклоненіи Дѣвѣ Маріи. Тридцать или сорокъ богато снабженныхъ средствами монастырей были населены нѣсколькими сотнями монаховъ и монахинь, жившихъ въ святомъ невѣдѣніи; каноники обладали богатыми имуществами и предавались всякаго рода излишествамъ; граждане обвиняли ихъ, а также и священниковъ въ похищеніи молодыхъ дѣвушекъ, въ побоищахъ въ тавернахъ и публичныхъ мѣстахъ. Епископы Лозаннскій и Женевскій имѣли большія земельныя собственности, а для увеличенія своихъ доходовъ чеканили фальшивыя монеты; они подавали своей паствѣ примѣръ распущенности нравовъ и поддерживали въ нихъ самое суевѣрное ханжество.

Однако, «реформація», говоритъ Рюшa, «не встрѣтила затрудненій въ Ваадтландѣ, какъ только она получила поддержку властей, потому что всюду были уже расположены къ ней». Протестантское ученіе рано проникло въ наши страны. Въ 1525 г. штаты (Etats du pays) [1]), собранные въ Мудонѣ, занимаются обсужденіемъ «еретическихъ доводовъ и мнѣній этого проклятаго и разнузданнаго еретика и врага христіанской вѣры, Мартина Лютера», и приговариваютъ всѣхъ, читающихъ и говорящихъ о немъ, къ «строгому заключенію въ тюрьму на три дня, а по истеченіи этихъ трехъ дней къ тремъ ударамъ веревкой публично», а если обвиненный станетъ упорствовать въ своей винѣ, то сжечь его, «si veut estre endurcy et obstiné, qu'il doive estre brulé». Въ 1532 г. приверженцы евангелическаго вѣроисповѣданія въ Пайернѣ поздравляютъ своихъ женевскихъ братьевъ съ тѣмъ, что они приняли Слово Божіе и «отбросили» ученіе человѣческое. Они убѣждаютъ ихъ крѣпко стоять, безъ страха, за свое святое предпріятіе. Далѣе они сообщаютъ имъ о своемъ собственномъ положеніи и о расположеніи господъ г. Берна ко всѣмъ

---

[1]) См. Herminjard, Correspondance des réformateurs, t. I, № 148 и Ruchat, Histoire de la Réformation de la Suisse, t. I, p. 563, воспроизведеніе „Estatuts contre les opinions de Martin Luther“, отъ 23 мая 1525 г.

приверженцамъ евангелія [1]). Поэтому мнѣніе, что реформація была всюду вводима бернцами насильно, несправедливо; во многихъ мѣстностяхъ обнаружилось несомнѣнное движеніе въ пользу новаго ученія гораздо ранѣе знаменитаго диспута 1536 г.

Начиная съ Бургундскихъ войнъ преуспѣяніе Савойскаго дома шло уменьшаясь; граждане Женевы и Лозанны стали почти независимыми отъ епископовъ и подобно гражданамъ Пайерна и Аванша заключили союзы съ Берномъ и Фрейбургомъ. Бернъ смотрѣлъ на Ваадтландъ какъ на легкую добычу, а чтобы подготовить путь къ присоединенію его, покровительствовалъ распространенію въ немъ реформы, не обращая вниманія на эдиктъ Ваадтландскихъ штатовъ, приговорившихъ къ сожженію «нечестивыя писанія этого проклятаго еретика Мартина Лютера, произведшаго такой большой скандалъ въ сосѣднихъ странахъ». Очевидно, что, поступая такъ, Бернъ больше руководился своими политическими интересами, чѣмъ желаніемъ торжества царству Божіему. Попирая ногами союзы и вольности, бернцы тѣмъ не менѣе управляли пріобрѣтенными землями какъ добрые отцы; подъ ихъ управленіемъ и благодаря вліянію реформированнаго духовенства, благосостояніе ваадтландцевъ развивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ жителей Шабле и Фосиньи, оставшихся подъ свѣтской властью герцога Савойскаго и подъ духовнымъ вѣдомствомъ епископа Женевскаго.

Фарель началъ свое дѣло въ Эглѣ открытіемъ школы, потомъ послѣ бернскаго диспута (6-го января 1528 г.), въ которомъ онъ тоже принималъ участіе, онъ получилъ назначеніе, дававшее ему право свободно проповѣдывать въ четырехъ округахъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось выдержать сильную оппозицію со стороны части населенія и коммунальныхъ властей. Барабанъ покрылъ его голосъ, женщины напали на него. Бернъ вмѣшался; онъ лишилъ священниковъ ихъ бенефицій, прогналъ деревенскихъ викаріевъ и замѣнилъ ихъ протестантскими священниками. Послѣ этихъ первыхъ успѣховъ, которыхъ Фарель достигъ правда съ помощью свѣтской власти, онъ обошелъ всю романдскую Швейцарію, собирая народъ въ церквахъ, а, когда ихъ запирали передъ нимъ, въ амбарахъ или на площадяхъ. По дорогѣ онъ не разъ подвергался дурному обращенію, но ничто не могло поколебать его настойчивости. Онъ посѣтилъ Муртенъ, Сентъ-Имье, Мутье, Орбъ, Грансонъ, Невшатель, Аваншъ и др.

Въ 1529 году Фарель трижды дѣлалъ безуспѣшныя попытки проповѣдывать въ Лозаннѣ; онъ имѣлъ больше удачи въ Невшателѣ, гдѣ его

---

[1]) См. текстъ этого письма у Herminjard, t. II, № 384.

приверженцы истребили образа [1]). Вслѣдствіе этого происшествія, Бернъ вмѣшался, и выборъ вѣроисповѣданія былъ пущенъ на голосованіе; 18-ю голосами месса была отмѣнена (4 ноября 1530). При этой процедурѣ голосованія или образующагося большинства, ихъ превосходительства, разсудительно замѣчаетъ аббатъ Гремо, не считали себя побѣжденными, когда получался отрицательный результатъ; тогда они давали пройти нѣкоторому времени, затѣмъ устраивали новое голосованіе, и, если оно оказывалось благопріятнымъ для реформы, они считали его окончательнымъ. Князь Лонгевильскій призналъ совершившійся фактъ отъ имени своей матери и завладѣлъ землями духовенства; изъ нихъ часть онъ отдалъ церкви, а остальное продалъ; такимъ образомъ пріобрѣтшіе землю оказались заинтересованными въ поддержаніи реформаціи.

Фарелю удалось, хотя не безъ труда, создать себѣ въ Орбѣ въ 1530 г. группу приверженцевъ; онъ склонилъ въ пользу своего дѣла Петра Вире, который въ слѣдующемъ году былъ назначенъ на должность проповѣдника (фиг. 16). Новый реформаторъ въ свою очередь предпринялъ миссіонерскія поѣздки. Онъ проповѣдывалъ въ Грансонѣ, Аваншѣ, Пайернѣ, гдѣ онъ получилъ тяжелую рану мечомъ, нанесенную ему однимъ священникомъ, и въ Женевѣ, гдѣ онъ чуть не погибъ отъ отравленія, покушенія на которое было сдѣлано по наущенію священниковъ. Въ 1532 г. Фарель вошелъ въ сношенія съ ваадтландцами Пьемонта, пославшими къ нему двухъ делегатовъ съ приглашеніемъ присутствовать на одномъ изъ ихъ собраній, что онъ и сдѣлалъ въ сопровожденіи Антуана Сонье, пайернскаго проповѣдника, и Роберта Оливетана, напечатавшаго три года спустя въ Невшателѣ знаменитый переводъ Новаго Завѣта.

Городъ Женева все еще не давалъ своего согласія на реформаціонное

---

[1]) Жестокая борьба, которую Фарелю пришлось вести въ графствѣ Невшатель изъ-за введенія реформаціи, препятствія, которыя ему пришлось преодолѣть, нападеніе, жертвой котораго онъ чуть не сдѣлался въ Валангинѣ 15 августа 1530 г., возвращаясь съ проповѣди изъ одной изъ деревень Валь-де-Рю, процессъ, начатый противъ него католиками Невшателя, обвинившими его въ ереси, процессъ, начатый имъ противъ викарія Антуана Обера, котораго онъ преслѣдовалъ за клевету, заступничество за него ихъ превосходительствъ г. Берна и пораженіе, потерпѣнное реформаціей въ Ландеронѣ и Кресье, благодаря покровительству, оказанному приверженцамъ старой вѣры солотурнскими господами — все это представляетъ предметъ интереснаго изслѣдованія, напечатаннаго профессоромъ А. Піаже въ Musée neuchâtelois (апрѣль, май и іюнь 1897) подъ заглавіемъ: Documents inédits sur Guillaume Farel et la Réformation dans le comté de Neuchâtel.

движеніе. Его многочисленное духовенство [1]) было на сторожѣ, а сосѣднее дворянство стремилось вернуть его подъ власть Савойскаго дома. На одномъ собраніи въ замкѣ Бюрсинель, 1527 г., мѣстные дворяне праздновали свой союзъ, при чемъ одинъ изъ нихъ закричалъ, поднявъ свою ложку: «Мы поглотимъ Женеву также вѣрно, какъ я ее держу», и всѣ стали аплодировать ему; отсюда и произошло названіе Chevaliers de la Cuiller, рыцари ложки, данное этимъ союзникамъ. Въ продолженіе 1529 и 1530 годовъ члены этой ассоціаціи, къ которой примкнули епископы Женев-

Фиг. 16. Портретъ Петра Вире.

скій и Лозаннскій, непрестанно тревожили Женеву. Бернцы, фрейбуржцы и солотурнцы, видя, что этотъ городъ готовъ подпасть подъ власть герцоговъ Савойскихъ, взялись за оружіе и въ числѣ 14000 человѣкъ завладѣли Ваадтландомъ, сожгли по дорогѣ много замковъ и заставили Карла III принять договоръ, подписанный въ Сенъ-Жюльенѣ, по которому онъ обѣщалъ уважать права Женевы и уплатить военныя издержки, въ счетъ которыхъ онъ отдалъ въ ипотеку страну Во (19-го октября 1530 г.).

---

[1]) Въ то время въ Женевѣ насчитывали 300 священниковъ или монаховъ на населеніе въ 12000 душъ.

Два года спустя Фарель, возвращаясь изъ Пьемонта, зашелъ въ Женеву. Его появленіе въ епископальномъ городѣ произвело большое волненіе. Священники, заранѣе опасаясь вліянія его проповѣдей, приняли его очень худо. «Ну-ка, злой чортъ Фарель», кричала толпа; «что ты бродишь повсюду, смущая всю землю?.. съ чьего позволенія проповѣдуешь ты? Зачѣмъ ты пришелъ смущать этотъ городъ?» Храбрый защитникъ реформаціи не потерялъ присутствія духа; однако былъ пущенъ выстрѣлъ изъ аркебуза, не попавшій въ него, и понадобилось вмѣшательство власти, чтобы освободить его изъ рукъ папистовъ и проводить его вмѣстѣ съ его двумя друзьями въ гостиницу. На другой день (4 октября 1532 г.) онъ уѣхалъ изъ Женевы по озеру. Одинъ соотечественникъ Фареля, уроженецъ Дофинэ, Фроманъ, остался вмѣсто него въ Женевѣ, а чтобы не возбуждать враждебности, онъ открылъ школу. Его классъ быстро наполнился: родители сопровождали своихъ дѣтей, и Фроманъ объяснялъ имъ Священное Писаніе. 1-го января 1533 г., когда школьная зала оказалась слишкомъ тѣсной, чтобы вмѣстить всѣхъ, пришедшихъ его слушать, Фроманъ сказалъ проповѣдь на площади Моларъ, взявъ текстомъ слѣдующія слова: «Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные». Послѣ этой проповѣди власти запретили проповѣдывать въ Женевѣ подъ угрозой трехъ ударовъ веревкой. Тогда Бернъ вмѣшался и поставилъ условіемъ своей дружбы свободную проповѣдь евангелія: фрейбуржцы же, напротивъ, высказались въ пользу старой вѣры, и ожесточеніе партій только усилилось: испуганный епископъ покинулъ Женеву, куда уже и не возвращался (15-го іюля 1533). Религіозное броженіе все усиливалось, и Фрейбургъ отказался отъ заключеннаго имъ раньше союза. Тогда Фарель вернулся въ Женеву въ сопровожденіи Вире. Они открыли публичные диспуты и добились позволенія проповѣдывать сначала въ церкви Сенъ-Жерменъ, потомъ въ церкви Магдалины и, наконецъ, 8 августа 1535 г., въ соборѣ св. Петра. Послѣ такихъ успѣховъ, реформаты начали очищать церкви отъ украшавшихъ ихъ образовъ, и 10 августа совѣтъ двухсотъ рѣшилъ, что месса будетъ на время отмѣнена. 29-го ноября эта отмѣна стала окончательной, а 21-го мая 1536 г. граждане, собравшись на общій совѣтъ, высказались единогласно и торжественно въ пользу евангелическаго ученія.

Такимъ образомъ Женева оказалась на сторонѣ реформы до прибытія Кальвина; оставалось только закрѣпить дѣло дофинскихъ и ваадтландскихъ реформаторовъ.

Городъ Женева, покинутый Фрейбургомъ и угрожаемый Савойскимъ домомъ, оказался при принятіи реформаціи въ большой опасности; и онъ погибъ бы безъ помощи Берна. Ихъ превосходительства г. Берна коле-

бались исполнить просьбу Женевы о помощи изъ страха передъ религіозной войной. Они ограничились тѣмъ, что позволили Женевѣ произвести вербовку солдатъ. 500 волонтеровъ изъ Берна и изъ Невшателя, направлявшіеся въ Женеву, были остановлены близъ Жинжена отрядомъ савоярдовъ; они разбили савоярдовъ, но благодаря своей малочисленности принуждены были отступить. Были начаты переговоры съ цѣлью упрочить независимость Женевы, но они не удались; Савойя продолжала угрожать Женевѣ.

Бернъ видѣлъ, что, если онъ не заступится за Женеву, то король Франциск I, готовый уже оказать покровительство, возьметъ дѣло въ свои руки; онъ рѣшилъ объявить войну герцогу Савойскому. Однако, ихъ превосходительства не желали приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, не будучи увѣрены въ поддержкѣ своихъ подданныхъ, поэтому они разослали во всѣ фогтства циркуляръ, въ которомъ излагали причины своего недовольства герцогомъ Савойскимъ и опасность, въ которой находились ихъ союзники. Всѣ фогтства, за исключеніемъ одного, отвѣтили, что одобряютъ ихъ намѣреніе помочь Женевѣ. Подкрѣпленные этимъ отвѣтомъ бернскіе совѣты отправили, 16-го января 1536 г., въ Туринъ герольда для объявленія войны по всей формѣ. Въ этой дипломатической нотѣ ихъ превосходительства ссылаются на невыполненіе статей Сенъ-Жюльенскаго договора и на то, что несмотря на ихъ увѣщеванія, ихъ союзники женевцы подвергаются притѣсненіямъ, ихъ имущества разграблены, ихъ амбары и дома сожжены. Въ то же время бернскій совѣтъ предупредилъ о своихъ намѣреніяхъ лозаннскій совѣтъ и просилъ его помощи противъ герцога Савойскаго.

Это рѣшеніе было очень смѣло, ибо оно шло на перерѣзъ планамъ короля французскаго, который желалъ захватить Женеву и Савойю, а настроеніе малыхъ кантоновъ было далеко не утѣшительнымъ. Бернъ могъ поставить 20000 человѣкъ, но онъ набралъ только 6000 и еще мобилизировалъ отрядъ въ 6000 на помощь первому въ случаѣ нужды. Лига ложки никогда не была открыто поддерживаема, ни даже признана Карломъ III, поэтому ея членами овладѣло глубокое уныніе; они распустили въ декабрѣ 1535 года свои отряды и удалились въ свои замки.

Однако глава этой лиги, баронъ Михаилъ Манжеро де ла Сарраць [1]), который самъ былъ бернскимъ гражданиномъ, узнавъ о вторженіи берн-

[1]) Съ прекращеніемъ вѣтви Грансоновъ, которымъ сначала принадлежала баронія Ла Сарраць, этотъ замокъ перешелъ въ концѣ XIII вѣка къ Монферранамъ, потомъ въ 1492 г. къ Манжеро, вслѣдствіе брака между Антуанетой Монферранъ и Михаиломъ Манжеро. Его сынъ, Михаилъ II, защитникъ Ивердона, умеръ не оставивъ потомства: его вдова,

ской арміи, запершя со своими тремя стами солдатъ въ Ивердонѣ, вмѣстѣ съ рыцаремъ Франсуа де Сенъ-Сафоренъ. Подкрѣпленный этой поддержкой, губернаторъ Ивердона, Генрихъ де Трейторенъ, привелъ этотъ городъ въ осадное положеніе. Съ своей стороны епископъ Лозаннскій отправился въ Глероль просить у жителей Лаво обѣщанной ими помощи. Въ Лозаннѣ мнѣнія раздѣлились, молодежь стремилась записываться въ солдаты, чтобы присоединиться къ бернской арміи; совѣты, не зная на что рѣшиться, старались задержать отправку солдатъ. Узнавъ, что 4000 итальянцевъ, подъ командой Якова Медичи, подвигаются, чтобы занять Лозанну отъ имени герцога Савойскаго, они стали требовать помощи Лаво.

Покровительствуя распространенію реформы въ Ваадтландѣ, бернцы подготовили побѣду, давшую Швейцаріи естественную границу и соединившую ее съ Женевой посредствомъ Женевскаго озера. Католическіе кантоны страшились расширенія кантона Бернъ; люцернскіе депутаты явились въ Бернъ, чтобы попытаться отговорить совѣты отъ ихъ предпріятія, ссылаясь на опасность, которой они подвергали Швейцарію. Въ Фрейбургѣ мнѣнія раздѣлились: одни хотѣли принять участіе въ бернскомъ походѣ, другіе находили, что, такъ какъ Женева стала еретической, то ее не слѣдуетъ поддерживать; верхъ одержала партія нейтралитета, и совѣтъ согласился пропустить бернскіе отряды.

22-го января 1536 года, 6000 солдатъ, подъ командой казначея Іоганна-Франциска Негели (фиг. 17), выступили изъ Берна, получивъ предварительно благословеніе отъ реформатора Бертольда Галлера, лежавшаго на смертномъ одрѣ. Негели былъ снабженъ диктаторскими полномочіями.

Порученное ему дѣло было скорѣе дипломатическаго, чѣмъ военнаго характера. Герцогъ Савойскій былъ не въ состояніи оказать ему серьезнаго сопротивленія, и можно было заранѣе предположить, что Ваадтландъ не подымется въ защиту своего герцога; города склонялись на сторону конфедератовъ; епископъ не пользовался расположеніемъ; деревни оставались пассивны; дворяне, недовольные апатіей своего государя, отказались отъ борьбы. Надо было дѣйствовать такъ, чтобы примирить съ Берномъ его будущихъ подданныхъ и заставить забыть безпорядки, сопровождавшіе предшествовавшіе походы конфедератовъ; для этого слѣдовало поддерживать въ рядахъ войска строгую дисциплину.

Негели былъ какъ разъ подходящій для такой деликатной задачи человѣкъ. «Нашъ Францъ», какъ его называли его солдаты, былъ популярнымъ офицеромъ. На мужественномъ лицѣ его отражались въ одно и

Клодъ де Жилльe, наслѣдовала баронію, которая, благодаря ея браку съ Франсуа де Жинженъ, перешла къ этой фамиліи.

то же время тонкій умъ и энергія. Его воинственный видъ внушалъ довѣріе и уваженіе. Десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ командовалъ отрядомъ

Фиг. 17. Портретъ Іоганна Франциска Негели.

бернцевъ, которому было поручено, съ согласія всѣхъ конфедеративныхъ

государствъ, защищать Вальтелинъ отъ нападенія Якова Медичи, который теперь снова явился его противникомъ; Негели же подписалъ договоръ, по которому Вальтелинъ былъ возвращенъ Граубюндену. Во время второй Каппельской войны ему было поручено прикрывать валлійскую границу. Въ октябрѣ 1535 г. онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ фонъ Дисбахъ къ ваадтландскому фогту, М. де Люллену съ порученіемъ добиться отъ герцога прекращенія враждебныхъ дѣйствій противъ Женевы. Онъ сумѣлъ понять, что туринскій дворъ только отдѣлывается отъ бернцевъ красивыми фразами, и онъ написалъ бернскимъ совѣтамъ: «Такое положеніе дѣлъ не можетъ быть долѣе терпимо».

Переходъ бернцевъ черезъ Ваадтландъ совершился почти безъ кровопролитія. 23-го января они были подъ стѣнами Пайерна; шультгейссъ Петръ Метраль во главѣ всего совѣта явился съ предложеніемъ бернскому генералу своихъ услугъ. Этотъ послѣдній, милостиво принявъ ихъ, объяснилъ пайернскимъ гражданамъ, «что герцогъ Савойскій имѣетъ на ихъ городъ права, которыми желаетъ овладѣть Бернъ изъ страха, чтобы этого не сдѣлали другіе». Это сообщеніе повергло пайернцевъ въ ужасъ; гордые своимъ согражданствомъ съ Берномъ, они были очень смущены тѣмъ, что имъ приходилось выказать знаки подданства представителю могущественной республики; но, подчиняясь необходимости, они вынуждены были перемѣнить свое положеніе союзниковъ на положеніе подданныхъ. Бернъ сбросилъ маску. Пайернъ узналъ на печальномъ опытѣ, что союзъ съ могущественными государствами часто является однимъ обманомъ.

Негели продолжалъ свой походъ, требуя отъ всѣхъ общинъ Ваадтланда изъявленія подданства Берну. 25-го января восемь делегатовъ города Мудона (Петръ Сержа, К. де Гланъ, Бонифацій и Антуанъ Бридель, Филипонъ, Корнацъ, Риге и Клеркъ) вышли на встрѣчу бернскому генералу, выслушали данное имъ обѣщаніе уважать ихъ libertés, us et coutumes, высказали просьбу, чтобы имъ была предоставлена свобода относительно «Евангелія», которое они были склонны принять, если ихъ не станутъ къ тому принуждать, и подъ этимъ условіемъ выразили покорность, которая и была принята. Затѣмъ бернская армія направилась къ Эшаллену, и ея генералъ послалъ парламентера въ Ивердонъ съ требованіемъ, чтобы онъ сдался; но Ла-Сарразъ, Сенъ-Сафоренъ и Трейторенъ отказались сдаться. Бернцы сожгли 27-го января замокъ Біолей и прошли дальше; къ нимъ присоединились двѣсти лозаннскихъ солдатъ, и они расположились бивуакомъ между Криссье, Ренанъ и Бюссиньи.

28-го января аванпостъ Негели обмѣнялся выстрѣлами съ кавалеристами изъ отряда войска Медичи, главная квартира котораго была въ Моржѣ. При видѣ бернцевъ Медичи посадилъ свое войско на суда и не-

переправился на южный берегъ Женевскаго озера. Такъ какъ Моржъ заперъ свои ворота, то Негели обошелъ этотъ городъ, сжегъ по дорогѣ замокъ Ролль, оставилъ по лѣвой сторонѣ своего пути Ніонъ и направился на Дивонъ. Женевскіе депутаты вышли на встрѣчу Негели, и 2-го февраля берицы вошли въ Женеву.

Войско отдыхало три дня, потомъ, когда къ нему присоединился отрядъ подъ командой Фрюнинга, которому было поручено покорить страну Гексъ, оно выступило по дорогѣ къ Сенъ-Жюльену. Передъ его выступленіемъ депутаты отъ Моржа, Ролля, Вилльнева и Тонона явились заявить покорность ихъ превосходительствамъ г. Берна. 8-го февраля валлійскій офицеръ, Іостъ фонъ Кальберматенъ, извѣстилъ Негели, что его правительство, видя, что берицы не довольствуются оказаніемъ помощи Женевѣ, но что они завоевываютъ страну, занятую ихъ войсками, рѣшило съ своей стороны захватить страну, простирающуюся отъ Сенъ-Мориса до Тонона.

Савойя была очищена отъ войска, и путь на Шамбери открытъ для бернской арміи; однако Негели, узнавъ, что Францискъ I предполагаетъ завладѣть Моріенной и собственно Савойей, отказался идти дальше въ этомъ направленіи; онъ занялъ крѣпость Эклюзъ, и его армія, нагруженная добычей, вернулась въ Женеву 1-го февраля. Бернскій генералъ, пришедшій для оказанія помощи этому городу, вознамѣрился предписывать ему свои законы; онъ заявилъ притязанія на права, принадлежавшія епископу въ качествѣ князя Женевскаго, но въ этой претензіи ему было съ негодованіемъ отказано, и Негели не рѣшился настаивать; онъ понялъ, что Женева, сохранившая свою независимость, будетъ оплотомъ для Швейцаріи, чего нельзя было бы ожидать отъ города недовольнаго и подвластнаго. Онъ направился обратно въ Бернъ.

Фрейбуржцы, съ своей стороны, не оставались пассивными зрителями этой кампаніи; они заняли Ромонъ, Эставейеръ, Рю, Шатель-Сенъ-Денисъ и др., которые приняли ихъ подданство. Фрейбургъ уговаривалъ Вевэ отдаться ему, но жители Вевэ предпочли власть берицевъ, зная, что эти послѣдніе лучше сумѣютъ ихъ защитить.

При возвращеніи домой берицы по дорогѣ приняли присягу отъ множества мѣстечекъ и сеньерій: Обонъ, Вевэ, Ла-Туръ-де-Пейльцъ, Ла-Сарранъ, Ле-Кле и др. Одинъ Ивердонъ остался вѣренъ своему герцогу: берицы разставили свою артиллерію, сдѣлали брешь въ валѣ и приготовились къ приступу; защитники города, видя безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, капитулировали 28 февраля. Жители Ивердона были обезоружены; въ каждомъ хозяйствѣ, говоритъ Вюльеменъ, было оставлено только по ножу рѣзать хлѣбъ.

Къ концу февраля 1536 года, французы, бернцы, валлійцы и фрейбуржцы подѣлили между собою всѣ провинціи, принадлежавшія герцогамъ Савойскимъ на сѣверъ отъ Альпъ. Одинъ только замокъ остался вѣренъ своимъ старымъ господамъ, это былъ Шилльонъ, которымъ командовалъ Антуанъ-де-Бофоръ. Бернскія войска торопились вернуться по домамъ, въ ихъ рядахъ начало проявляться отсутствіе дисциплины. Негели отложилъ взятіе этой крѣпости. Графъ де-Грюйеръ сохранилъ независимость, подъ условіемъ не заключать иного болѣе тѣснаго союза, чѣмъ тотъ, который соединялъ его съ Бериомъ, и считать земли, которыя герцогъ имѣлъ въ Ваадтландѣ, подъ бернскимъ подданствомъ. Оставалась только Лозанна и епископскія земли. Довѣряя бернскому союзу, лозаннскіе граждане ласкали себя надеждой, что они, подобно женевцамъ, будутъ освобождены отъ своего епископа и получатъ полную независимость, но ихъ превосходительства смотрѣли на дѣло иначе.

Описанныя нами событія произошли благодаря соперничеству между Францискомъ I и Карломъ V. Въ то время какъ первый завладѣлъ Савойей, второй захватилъ Миланское государство, но эти государи, жадные до завоеваній, смотрѣли весьма неблагожелательно на расширеніе границъ Бернской республики. Императоръ поручилъ своему посланнику въ Швейцаріи предложить бернцамъ, чтобы они въ своихъ распряхъ съ Савойскимъ домомъ подчинились рѣшенію императора, а король французскій явился заступникомъ за епископа Лозаннскаго. Но не въ правахъ гордой республики было уступать подобнымъ предложеніямъ: ни уговариванія конфедеративныхъ государствъ, ни императорскія угрозы не поколебали ея: однако, чтобы какъ нибудь удовлетворить французскаго короля, она разрѣшила проспмый имъ пропускъ наемныхъ солдатъ, набранныхъ имъ въ Германіи; затѣмъ, усиливъ гарнизонъ въ крѣпостяхъ Ваадтланда и Шабле, чтобы быть готовымъ ко всему, Бернъ сдѣлалъ видъ, что готовъ принять посредничество конфедеративныхъ кантоновъ и имперіи.

Пробывъ три недѣли въ Бернѣ, генералъ Негели снова выступилъ съ отрядомъ въ 1500 человѣкъ, чтобы закончить завоеваніе Ваадтланда. Шилльонскій губернаторъ гордо разъѣзжалъ по озеру, нападая на старыхъ и на новыхъ подданныхъ Берна, и только что разграбилъ больницу въ Вильневѣ. Женева была приглашена участвовать въ осадѣ замка, она обѣщала двѣ галеры съ артиллеріей и открыла съ озера огонь по крѣпости, которую бернцы бомбардировали съ берега. Осажденные храбро защищались цѣлый день: вечеромъ 28-го марта Бофоръ предложилъ капитулировать, а ночью ему удалось бѣжать озеромъ съ частью гарнизона. Овладѣвъ Шилльономъ, осаждавшіе освободили Бонивара, который торжественно былъ привезенъ въ Женеву послѣ шестилѣтняго заключенія.

Взявъ Шилльонъ, Негели направился къ Лозаннѣ, и 31-го марта переправился черезъ Вевезу — границу епископальныхъ земель. Князь епископъ Себастьанъ-де-Монфоконъ бѣжалъ въ Фрейбургъ. 1-го апрѣля бернская армія торжественно вступила въ свободный имперскій городъ Лозанну; магистраты встрѣтили съ большими почестями своихъ добрыхъ союзниковъ, они принесли присягу въ вѣрности, сохраняя свои вольности. На другой день, въ субботу 1-го апрѣля, иллюзіи, говоритъ историкъ Вердейль, которымъ такъ долго предавались лозанцы, улетучились навсегда. Негели, во главѣ своихъ войскъ, вошелъ въ замокъ Сенъ-Меръ, велѣлъ снять гербъ дома Монфоконъ и знаки епископской власти, а на ихъ мѣстѣ поднялъ красно-черное знамя съ изображеніемъ медвѣдя. Онъ объявилъ о сверженіи князя епископа и провозгласилъ городъ Бернъ преемникомъ всѣхъ свѣтскихъ правъ, считавшихся за епископами Лозаннской епархіи. Это явное нарушеніе договора о согражданствѣ 1525 г., совершенное вопреки имперскимъ прерогативамъ Лозанны, повергло совѣтъ и гражданъ въ смятеніе. Тѣ, кого они приняли какъ друзей, кому они наивно оказали помощь при осадѣ Ивердона, теперь стали ихъ господами. Но ихъ протесты были тщетны.

Лозанна, говоритъ Вердейль, благодаря своимъ колебаніямъ, своей слабости, потеряла право быть выслушанной; бывши свободнымъ имперскимъ городомъ, она должна была отнынѣ повиноваться бернскимъ гражданамъ. Представители Цюриха, Базеля, Шаффгаузена, Сенъ-Галлена и Женевы, явившіеся въ Лозанну въ качествѣ посредниковъ между Берномъ, герцогомъ Савойскимъ и епископомъ, сначала протестовали, а потомъ отказались отъ своего полномочія. Негели ссылался на то, что онъ не имѣетъ права договариваться, что скоро прибудутъ коммиссары отъ Берна, а до ихъ прибытія онъ, согласно полученному имъ приказанію, долженъ замѣщать епископа во всемъ, что относится къ свѣтской области, а что касается духовной, то онъ обѣщаетъ защищать одинаково оба вѣроисповѣданія.

Протестанты тотчасъ обратились въ Лозаннскій совѣтъ двухсотъ съ просьбой, чтобы имъ позволили свободно исповѣдывать ихъ вѣру. 4-го апрѣля совѣтъ двухсотъ, послѣ многихъ жалобъ на распутство реформатовъ, рѣшилъ отдать въ ихъ распоряженіе доминиканскую церковь Магдалины.

Отряды бернскаго войска были посланы въ подвластные епископу города для принятія присяги. Лаво заявилъ уже о своей покорности, Люценъ открылъ свои ворота, Аваншъ оказалъ сопротивленіе и уступилъ только силѣ. Бюлль отдался Фрейбургу. Коммиссія изъ шести бернскихъ магистратовъ (Граффенридъ, Аугсбургеръ, Лютернау, Сиро, Вейнгартенъ и Эрлахъ), снабженная обширными полномочіями, объѣхала завоеванныя про-

винціи и организовала правленіе. Страна была раздѣлена на фогтства, судебная власть была поручена совѣтамъ, въ назначеніи которыхъ главное участіе принимали фогты; коммунальныя собранія были уничтожены или измѣнены, не взирая на старинныя вольности.

Вѣнцомъ бернскаго завоеванія было окончательное введеніе реформаціи. Фарель обходилъ Шабле, а Вире проповѣдывалъ въ Ваадтландѣ. Нѣкоторое время месса и проповѣдь, какъ тогда говорилось, сосуществовали; но онѣ худо дружили, начались безпорядки, и тогда фогты устроили голосованіе. Въ то время какъ Карлъ V и Францискъ I воевали на югѣ Альпъ, Бернъ пользовался реформаціей для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Ваадтландцы, мало склонные къ нововведеніямъ, но довольно податливые по характеру, охотно приняли внушаемыя имъ теологическія представленія.

Чтобы ввести новую вѣру былъ, по обычаю того времени, устроенъ диспутъ въ Лозаннскомъ соборѣ въ октябрѣ 1536 года. Этотъ коллоквій, въ которомъ принимали участіе три главныхъ реформатора нашего отечества, былъ устроенъ такъ, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на приглашенную многочисленную публику. Диспутъ продолжался шесть дней. Бернскіе комиссары, Ж. Ж. фонъ Ваттевиль, Дисбахъ, Шлейффъ, Гюбельманъ и С. Негели, лозаннскій фогтъ, расположились въ соборѣ, въ которомъ престолы, образа и статуи были задрапированы. Предсѣдателями были выбраны съ одной стороны Николай фонъ Ваттевиль и Сиро изъ Берна, съ другой—Фабри каноникъ лозаннскаго капитула и докторъ правъ лозаннскаго совѣта Жераръ Гранъ; протоколъ вели четыре нотаріуса, въ томъ числѣ Жакъ Бержье изъ Лозанны.

Защитниками со стороны католиковъ были якобинецъ Монбузонъ, моржскій викарій; Дрожи, школьный учитель въ Вевэ; Мимаръ, превесинскій викарій; Беррильи, вевейскій деканъ; Жанъ Мишо, капитанъ общества молодежи; Ферранъ-де-Луа[1]) и Бланшрозъ. Одинъ изъ нихъ единовѣр-

[1]) Общество или аббатство благородныхъ дѣтей города Лозанны, говоритъ Эрнестъ Шаваннъ въ одномъ изъ примѣчаній къ изданію касающемуся Лозанны, образовалось, повидимому, постепенно по случаю праздниковъ крещенія и майскаго; предводитель, носившій званіе аббата или капитана, руководилъ своими молодыми согражданами въ ихъ забавахъ. Эти забавы скоро переродились въ оргіи. Такъ въ 1533 г. вслѣдствіе спора, возникшаго между однимъ каноникомъ и однимъ знаменнымъ дворяниномъ, капитанъ взялъ сторону послѣдняго, велѣлъ бить въ набатъ, собралъ молодежь и велѣлъ имъ разграбить домъ каноника. Это безпокойное общество такъ усердствовало, что въ 1544 г. ихъ превосходительства закрыли его. Ферранъ-де-Луа, перешедши въ реформацію, сдѣлался лозаннскимъ бургомистромъ и выказалъ себя горячимъ сторонникомъ французскихъ протестантовъ.

цевъ, знаменитый дворянинъ Пьерфлеръ изъ Орба, даетъ намъ слѣдующій пикантный портретъ послѣдняго:

«Между всѣми этими противниками особенно выдѣлялся», говоритъ онъ, «медикъ по имени Бланшрозъ, большой фантазеръ, перемѣшивавшій въ своихъ спорахъ медицину съ теологіей и возбуждавшій неудержимый смѣхъ».

Ни одинъ изъ представителей лозаннскаго духовенства не явился на этотъ диспутъ спорить съ приверженцами реформаціи. Напротивъ новая вѣра выставила блестящихъ представителей: ея защитниками явились Вире, Фарель, Кароли и Кальвинъ.

Главный тезисъ, прочтенный Фарелемъ, касался оправданія черезъ вѣру, это былъ догматъ, который всѣ реформаторы считали основаніемъ христіанства. Прежія начались. Тогда каноники вошли всѣмъ собраніемъ въ соборъ, и одинъ изъ нихъ прочелъ протестъ духовенства, основанный на томъ, что обсужденіе догматовъ вѣры принадлежитъ католической церкви, поэтому прежія должны быть отложены до ближайшаго собора. Высказавъ свой протестъ, каноники удалились. На другой день говорилъ Бланшрозъ скорѣе остроумно, чѣмъ серьезно, его поддерживалъ Ферранъ-де-Луа. Что касается священниковъ, то они выказали мало знанія; одинъ изъ нихъ, Жанъ Дрожи, викарій прихода Моржъ, сдѣлалъ слѣдующее наивное признаніе: «Если священники такъ невѣжественны, какъ вы говорите, то небольшая слава побѣдить ихъ. Почему вы не имѣете состраданія къ ихъ невѣжеству! Почему вы не дали имъ времени поучиться! Во все время диспута вы только немилосердно издѣвались надъ ними!»

Затѣмъ говорилъ Кальвинъ, опровергая упрекъ, дѣлаемый его партіи въ томъ, что они презираютъ старыхъ учителей церкви. «Никогда еще», говоритъ г. Вюльменъ, «не было такого соединенія тонкости ума съ серьезностью, богатства взгляда съ могущественной діалектикой». Фарель резюмировалъ диспутъ.

Слѣдствія этого диспута не заставили себя ждать; де-Луа, свѣтскій оппонентъ, Дрожи, Митмаръ и еще нѣсколько священниковъ отказались отъ римскаго вѣроисповѣданія. Ревнители реформы не стали ждать рѣшенія Берна, разбили образа въ соборѣ и уничтожили la Grande Dame de Lausanne или, какъ ее звали реформаторы, la grande Diane. Затѣмъ 24-го декабря 1536 г. Бернъ издалъ свой эдиктъ о реформѣ. Было сохранено только два таинства. Игры, танцы, роскошь были запрещены. Эдиктъ начали примѣнять осторожно и соблюдая порядокъ. Церковныя имущества были частью розданы общинамъ и пошли на содержаніе пасторовъ, школьныхъ учителей и бѣдныхъ; они явились, по большей части, основаніемъ капитала для бѣдныхъ (bourses des pauvres). Ваадтландъ былъ

раздѣленъ на пять духовныхъ округовъ, называемыхъ классами; во главѣ каждаго былъ поставленъ деканъ. Ихъ превосходительства удержали за собой значительную часть церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, чтобы освободить страну отъ долговъ, которыми ее отяготили герцоги Савойскіе и въ уплату военныхъ издержекъ. Сокровища собора были перенесены въ Бернъ. Лозанна сохранила до 1803 г. своего бургомистра, какъ воспоминаніе о томъ времени, когда она была имперскимъ городомъ, а остальныя общины своихъ синдиковъ, наименованіе, употреблявшееся прежде въ Савойѣ и Женевѣ и встрѣчающееся только въ Фрейбургѣ, въ Тессинѣ и въ Италіи.

ъ Лозаннѣ была основана академія въ 1537 г. съ цѣлью образованія пасторовъ; въ 1540 г. къ ней была присоединена коллегія. Въ числѣ профессоровъ молодой академіи были Вире, Конрадъ Гесснеръ изъ Цюриха и Теодоръ де Бэзъ. Фарель, казалось, былъ бы тамъ какъ разъ на мѣстѣ, такъ какъ онъ былъ піонеромъ реформаціи въ романдской Швейцаріи; этого желалъ и его ученикъ Вире; но Бернъ боялся его независимаго характера, и съ тѣхъ поръ дофинскій реформаторъ перенесъ свою дѣятельность въ Невшатель.

ГЛАВА VII.

Реформація въ романдской землѣ (Продолженіе).

Кальвинъ. — Опроверженіе клеветъ, распространяемыхъ на его счетъ. — Изданіе его «Наставленія къ христіанской вѣрѣ». — Назначеніе Кальвина пасторомъ въ Женевѣ. — Столкновеніе съ партіей либертиновъ. — Изгнаніе Кальвина. — Попытка папы вернуть Женеву въ лоно римской церкви. — Возвращеніе Кальвина, организація Женевской церкви. — Церковные ордонансы. — Кастельонъ, Фалле, Фавръ, Перренъ, Бертелье. — Отчеты Кальвина и женевскаго совѣта.—Процессы противъ Бользека и противъ Михаила Сервета. — Характеръ Кальвина. — Смерть Кальвина. — Несогласія между Бернмъ и ваадтландскимъ духовенствомъ. — Организація лозаннской академіи. — Церковныя стремленія Вире. — Отрѣшеніе отъ должности Вире и сорока ваадтландскихъ пасторовъ. — Основаніе женевской академіи.

Жанъ Кальвинъ (фиг. 18), участвовавшій въ лозаннскомъ диспутѣ, родился въ Нойонѣ, на сѣверѣ Франціи, въ 1509 г., слѣдовательно во время диспута ему было только 27 лѣтъ. Стеченіе обстоятельствъ, отъ него независѣвшихъ, заставило его поселиться въ Женевѣ и сыграть главную роль во французской реформаціи. Среди нѣкоторыхъ людей принято бранить Кальвина за его суровость и деспотизмъ. Фактъ тотъ, что его качества переходили въ недостатки, и что, поставленный въ особенно труд-

ныя условія, онъ восторжествовалъ благодаря своей энергіи тамъ, гдѣ непремѣнно потерпѣлъ бы неудачу умъ болѣе гибкій и эклектическій. «Необходимое правило критики», говоритъ г. Воше, «заключается въ томъ, чтобы постепенно воспроизводить въ самомъ себѣ чувства, казавшіяся сначала чуждыми, умѣть понять, что другой человѣкъ и въ другую эпоху долженъ былъ думать и вѣровать иначе, чѣмъ мы, умѣть встать на его точку зрѣнія, понять его, и по мѣрѣ того, какъ мы начинаемъ лучше его понимать, мы также правильнѣе оцѣниваемъ разстояніе, отдѣляющее насъ отъ него». Вотъ вдохновившись этими принципами и можно

Фиг. 18. Портретъ Жана Кальвина.

приступить къ изученію дѣятельности Кальвина. Женевцы обязаны ему славой своего города, ибо не надѣнь онъ удила, этотъ буйный городъ непремѣнно снова подпалъ бы подъ власть Савойскаго дома; а если бы присутствіе и воспоминаніе о Кальвинѣ не привлекло въ стѣны Женевы итальянскихъ и французскихъ эмигрантовъ, Женева никогда не была бы способна дать удивительную плеяду избранниковъ, создавшихъ славу «протестантскаго Рима».

Предназначенный первоначально своими родителями къ священническому сану, Кальвинъ отказался отъ этой карьеры и изучалъ юриспру-

денцію въ Буржѣ и Орлеанѣ, потомъ жилъ въ Парижѣ. Тамъ-то въ 1532 г. онъ почувствовалъ влеченіе къ протестантскому ученію, что заставило его поспѣшно покинуть этотъ городъ.

Гизо даетъ намъ слѣдующій портретъ Кальвина: «Это былъ человѣкъ средняго роста, блѣдный, худой. Въ его глазахъ, серьезныхъ и въ то же время страстныхъ, просвѣчивало убѣжденіе, не считающееся съ жизнью и пожирающій ее жаръ; подверженный частымъ приступамъ четверодневной лихорадки, мучимый мигренью, камнями, жестокими коликами, подверженный кровохарканью, съ желудкомъ столь слабымъ, что не переносилъ самой легкой пищи. Кальвинъ ходилъ сгорбившись, но съ высоко-поднятой головой, съ живостью, въ которой одинаково сказывалась усталость и сила; а какъ только садился, онъ опускалъ голову на руку, точно она требовала поддержки, но при этомъ ничто въ его лицѣ не указывало на утомленіе мысли».

«Существуютъ люди», говоритъ Евгеній Рамберъ, «съ такими извращенными сердцемъ и умомъ, что все великое ихъ оскорбляетъ, и что они считаютъ своимъ назначеніемъ втаптывать въ грязь все, что выше ихъ. Многіе писатели разсказывали, безъ всякихъ доказательствъ, что Кальвинъ велъ въ молодости чрезвычайно безпутную жизнь [1]); они даже утверждали, что въ Нойонѣ онъ былъ пойманъ и изобличенъ въ постыдныхъ порокахъ, и поэтому «ему грозила смерть черезъ сожженіе»; но что епископъ Нойонскій изъ жалости смягчилъ это наказаніе, и что у реформатора «было выжжено на плечѣ клеймо — цвѣтокъ лиліи», и по этой-то причинѣ онъ и бѣжалъ за границу. Докторъ Бользекъ, бывшій въ ссорѣ съ Кальвиномъ, разсказалъ въ статьѣ, написанной послѣ его изгнанія изъ Женевы, эту отвратительную легенду, которой воспользовались многіе католическіе писатели. Въ 1818 г. Жозефъ де Метръ писалъ аббату Вюарену, женевскому священнику: «У меня имѣются ужасныя замѣтки о Женевѣ и Кальвинѣ», затѣмъ онъ указываетъ своему достойному корреспонденту на сочиненіе отца іезуита Лессіуса отъ 1610 года, снабженное одобреніемъ Св. Франсуа де Саль, и прибавляетъ: «Вы найдете тамъ сладкую главу о Кальвинѣ и о достойныхъ причинахъ, послужившихъ къ изгнанію его изъ Нойона, его родины».

Одинъ католическій авторъ, но прежде всего историкъ, г. Абель Лефранъ, архиваріи въ Archives nationales и секретарь Collège de France, побѣдоносно опровергъ лѣтъ десять тому назадъ эту позорную клевету. Онъ доказалъ, что въ регистрахъ нойонскихъ архивовъ, въ которыхъ не

---

[1]) Эта клевета находится въ числѣ другихъ выдумокъ въ Causeries sur le protestantisme de Monseigneur de Ségur.

разъ упоминается имя Кальвина, нѣтъ никакого намека на предполагаемый приговоръ надъ реформаторомъ. Напротивъ, онъ нашелъ въ Нойонѣ отъ 1550 г., т. е. 18 лѣтъ спустя послѣ отъѣзда реформатора, приговоръ, произнесенный надъ викарнымъ каноникомъ, по имени Жанъ Ковенъ, который былъ тайно высѣченъ плетьми. «Эта тезка и родственникъ реформатора исполнялъ, по словамъ автора Нойонскихъ Анналъ (Левассера), должность викарнаго капеллана и лишился ея за безнравственность». Церковь милосердна къ тому, кто остается приверженнымъ къ ней. Этотъ человѣкъ умеръ священникомъ въ Траси-ле-Валь и, прибавляетъ Левассеръ: «хорошимъ католикомъ, милость, посланная ему Богомъ за то, что онъ никогда не совращался въ сторону и не мѣнялъ религіи, къ чему, казалось, его могли склонить его безпутная жизнь и примѣръ еретика Кальвина, сходнаго съ нимъ обоими именами (именемъ и фамиліей), и т. д.

Слѣдовательно, происхожденіе этой легенды, какъ и многихъ другихъ, объясняется смѣшеніемъ лицъ, и тѣ, кто распространяли ее съ полемической цѣлью, чтобы повредить репутаціи одного изъ главъ реформаціи, были худо освѣдомлены. Здѣсь можно повторить слова Мерлина: «Такъ случается со многими; иной думаетъ обмануть другого, а обманываетъ самого себя».

Побывавъ въ различныхъ мѣстахъ Франціи, Кальвинъ въ 1535 г. появился въ Бернѣ, а въ слѣдующемъ году онъ издалъ свое «Наставленіе къ христіанской вѣрѣ» (Institutio religionis christianae), капитальный трудъ, которому было предназначено наложить печать на реформаціонное движеніе въ западной Европѣ. М. Ф. Бюиссонъ, компетентный судья, такъ говоритъ о превосходныхъ качествахъ этого значительнаго труда: «Трудно», говоритъ онъ, «судить на разстояніи о томъ впечатлѣніи, которое произвело появленіе этого небольшого сочиненія въ 500 страницъ. Написанное по латыни «для того, чтобы могло быть полезно всѣмъ людямъ науки, къ какой бы націи они ни принадлежали», оно имѣло дѣйствительно въ виду главнымъ образомъ образованный классъ, въ которомъ реформація имѣла уже столькихъ приверженцевъ; оно являлось въ одно и то же время и апологіей, и манифестомъ, и исповѣдью вѣры. Огромная заслуга передъ евангеликами «Наставленія къ христіанской вѣрѣ» заключалась въ томъ, что оно дало тѣло ихъ идеямъ, выраженіе—ихъ вѣрѣ. Евангелики возставали противъ суевѣрія, противъ матеріалистическихъ толкованій догмата и культа. Они стремились къ религіи, основанной на Библіи, вскормленной наукой и молитвой. Смутныя надежды, неясные протесты, которые, можетъ быть, ничего бы и не создали ни въ церкви, ни внѣ ея. Слѣдовало освободить изъ этого вихря

идей основныя положенія, сдѣлать выводы. Необходимо было прежде всего, чтобы каждый могъ дать себѣ отчетъ въ своей вѣрѣ и засвидѣтельствовать ее; это было особенно необходимо для того, чтобы организовать реформу, чтобы защитить ее противъ ея собственнаго разсѣянія. Это понялъ Кальвинъ съ первой минуты, и этого онъ желалъ до послѣдней. Издавая «Наставленіе къ христіанской вѣрѣ», онъ поднималъ знамя противъ знамени.

«Церковь разсчитывала на величіе своихъ традицій, насчитывавшихъ 15 вѣковъ. Могли ли поколебать такую силу сарказмъ старыхъ фанатиковъ, научныя сомнѣнія гуманистовъ, разладъ между теологами относительно нѣкоторыхъ пунктовъ догмата, даже недовѣріе нѣсколькихъ прямыхъ сердецъ, нѣсколькихъ справедливыхъ умовъ, возмущенныхъ фанатизмомъ? Кальвинъ понималъ, что составляло силу церкви, и воспользовался ею противъ нея. Въ помощь противъ развращенной церкви онъ призвалъ церковь же въ ея первоначальной чистотѣ; противъ искаженнаго евангелія—евангеліе неповрежденное; противъ высшаго земного авторитета тотъ авторитетъ, на преемственность отъ котораго она претендуетъ. Благодаря одному изъ *смѣлыхъ рѣшеній*, которымъ въ Кальвинѣ удивляется Боссюетъ, ставя ихъ въ то же время ему въ упрекъ, онъ противупоставилъ единству еще большее единство, порядку — еще болѣе строгій порядокъ. Не слѣдуетъ представлять себѣ Кальвина, провозглашающимъ какую-то эмансипацію: противное было бы вѣрнѣе. Онъ, какъ это хорошо пояснилъ Минье, не представляетъ ни революціоннаго генія, подобно Лютеру, ни миссіонера — подобно Фарелю; будучи юристомъ съ логическимъ умомъ, онъ внесъ духъ логики въ догматы протестантизма, духъ авторитета въ его дисциплину.

«Насъ не должны вводить въ заблужденіе нѣкоторыя слишкомъ сильныя выраженія по адресу церкви, грубая и надменная вольность его насмѣшекъ надъ монашествомъ: авторъ Наставленія не новый рекрутъ—мірянинъ, это, напротивъ, молодой человѣкъ, которому совѣсть не позволила принять санъ священника, когда онъ совсѣмъ ужъ былъ готовъ къ этому. Онъ становится, когда нужно, несговорчивымъ спорщикомъ, безжалостнымъ сатирикомъ, но это не его истинная роль. Онъ пришелъ не разрушать, а созидать. Онъ проповѣдуетъ не разрывъ, а реформу церкви и путемъ церкви. Онъ опирается на то, что въ ней божественнаго, для истребленія того, что въ ней не божественно.

«Говорили, что у новаторовъ нѣтъ доктринъ. Но вотъ ихъ сводъ доктринъ, связанный такъ же прочно, достойный такого же почтенія, такой же священный, какъ и церковный, ибо это и есть сводъ, которымъ она жила въ продолженіе вѣковъ. Только къ этому кладезю вѣчныхъ истинъ Римъ понемногу все прибавлялъ заблужденія вольныя и невольныя. Эти

то паразитныя растенія и отсѣкаетъ Кальвинъ, не нанося при этомъ раны живому дереву, которое они душили, и которое онъ освобождаетъ. Наставленіе въ христіанской вѣрѣ для того и появилось, чтобы отдѣлить подлинное христіанство отъ суевѣрій, искажавшихъ его» [1]).

Религіозныя представленія подчинены великому закону эволюціи. Иное время, иныя идеи. Ортодоксія Кальвина, которую къ тому же его послѣдователи преувеличили, не соотвѣтствуетъ потребностямъ современной совѣсти. Въ настоящее время преобладаетъ нѣкотораго рода латитудинаризмъ, сближающій съ евангеліемъ многіе умы, которыхъ отталкиваетъ ученіе Кальвина о предопредѣленіи. Но во времена возрожденія, при томъ броженіи умовъ, которое подняли гуманисты, и при отсутствіи умственнаго и нравственнаго образованія, даннаго намъ тремя вѣками протестантизма, нѣкоторая концентрація была необходима въ странахъ съ французскимъ языкомъ. Чтобы вызвать ее были нужны извѣстныя жертвы, была необходима дисциплина, безъ которой реформація перестала бы существовать; чтобы найти формулу, подходящую къ обстоятельствамъ, нуженъ былъ геній; но увы, геніальные люди являются такими, какъ они есть, со своими недостатками, ихъ надо или принять таковыми, или оттолкнуть; всю отвѣтственность они берутъ на себя, исторія затѣмъ судитъ ихъ по ихъ поступкамъ. Вслѣдствіе преслѣдованія евангеликовъ, свирѣпствовавшаго уже во Франціи, надо было, чтобы тотъ, кому предстояло стать ихъ главою, поселился внѣ Франціи, въ государствѣ, въ которомъ его вліяніе было бы принято, и откуда его дѣятельность могла бы распространиться далеко. Городъ Женева и съ точки зрѣнія географической, и съ точки зрѣнія политической, находился въ прекрасномъ положеніи для той роли, къ которой онъ былъ призванъ.

Когда Кальвинъ, вернувшись изъ Феррары, гдѣ онъ прожилъ нѣкоторое время у герцогини Рене, прибылъ въ Женеву въ іюлѣ 1536 г., онъ намѣревался только проѣхать черезъ нее по дорогѣ въ Базель; но онъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ Фареля, который убѣдилъ его, что онъ долженъ остаться въ Женевѣ, чтобы помочь ему въ его пасторскихъ обязанностяхъ, и даже грозилъ ему небеснымъ гнѣвомъ, если онъ не согласится помочь ему.

Въ Наставленіи въ христіанской вѣрѣ Кальвинъ сказалъ: «Сѣятели божественнаго слова должны наставлять великихъ міра сего преклоняться передъ величіемъ Божіимъ: они должны повелѣвать всѣми; оберегать овецъ и изгонять волковъ, связывать и развязывать, громить, все согласно Слову Божію». Таковъ былъ теократическій идеалъ, который

[1]) F. Buisson: Sébastien Castellion, sa vie et son oeuvre.

Кальвинъ стремился осуществить, и который вызвалъ сильную оппозицію.

Это смѣшеніе области государства съ областью церкви, это подчиненіе гражданскаго общества религіозному естественно связывалось съ принципомъ предопредѣленія. Намъ кажется, будто эти идеи теперь далеки отъ насъ, однако желаніе заставить всѣхъ людей быть на одинъ образецъ, уничтожить волю и права отдѣльныхъ личностей, предоставленіе магистрату заботы о счастьи членовъ общества, полное подчиненіе гражданина государству, все это имѣетъ многія общія черты съ идеаломъ, къ которому стремятся современные соціалисты. Эти предъявляютъ требованія съ цѣлью доставленія обездоленнымъ и неспособнымъ счастья на землѣ, Кальвинъ же предъявлялъ требованія съ цѣлью доставить вѣчное блаженство заблудшимъ овцамъ своего стада.

Кальвинъ довелъ до крайности принципы, допускаемые болѣе или менѣе всѣми реформаторами; на немъ отразилось вліяніе клерикализма среднихъ вѣковъ и идей древней еврейской теократіи. Чтобы освободить государство отъ ига церкви, а церковь отъ господства надъ ней государства, чтобы вызвать раздѣленіе этихъ двухъ областей, нужна была французская революція, примѣръ Соединенныхъ Штатовъ и краснорѣчивая защита Александра Вине. Стремленіе къ свободѣ дорого человѣческому сердцу, но эта свобода, къ которой оно стремится, обладаетъ, по существу, болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ характеромъ. Въ собраніи большого числа людей безсознательно происходитъ движеніе мнѣній, которое, подъ именемъ энтузіазма граничитъ съ уничтоженіемъ воли отдѣльныхъ лицъ; при такомъ до нѣкоторой степени патологическомъ состояніи общество, подъ вліяніемъ человѣка энергичнаго или хотя бы умѣющаго схватить и выразить чувство толпы, соглашается на то, на что отдѣльныя лица никогда бы не согласились. Этотъ энтузіазмъ, сходный съ низвергающимся съ горы потокомъ, сметаетъ всѣ возникающія преграды; его сила слѣпа, его надо направлять: смотря по вдохновенію онъ способенъ побудить на великія несправедливости или подвигнуть на благородныя дѣла. Такъ-то 19 вѣковъ тому назадъ разгоряченная толпа, подстрекаемая Каіафой, саддукеями и фарисеями, добилась отъ Пилата осужденія на распятіе Святого и Праведнаго и, безразсудная, взяла на себя отвѣтственность за эту ужасную казнь. Такъ то Петръ Пустынникъ вызвалъ великое движеніе крестовыхъ походовъ.

Такимъ же образомъ во времена реформаціи толпы сбросили римское иго и опрокинули его алтари; въ своемъ ослѣпленномъ рвеніи они разрушили многіе предметы искусства и доходили до излишествъ, достойныхъ порицанія. Необходимо было урегулировать разъяренный потокъ.

Сотрудниками реформаторовъ явились всѣ недовольные и среди нихъ много независимыхъ умовъ, не заботившихся о томъ, чтобы надѣть на себя евангельскую узду и измѣнить къ лучшему свою жизнь. Кальвинъ прибылъ въ Женеву въ психологическій моментъ, когда опасность явилась съ другой стороны, вслѣдствіе изобилія реформаторовъ; на развалинахъ римской церкви надо было возвести новую церковь. Такъ какъ Кальвину приходилось имѣть дѣло съ народомъ, находившимся въ дѣтствѣ, не получившимъ нравственнаго воспитанія, то онъ не могъ ограничиться одними убѣжденіями, какъ это принято съ людьми взрослыми. Для того, чтобы побѣдить Римъ и управлять стадомъ, воспитаннымъ Римомъ, онъ необходимо долженъ былъ заимствовать его методы и прибѣгнуть къ помощи власти. Духовное общество переживало переходную стадію: не сознавая будущаго, къ которому оно направлялось, слабое послѣ долгой болѣзни, отъ которой оно выздоравливало, оно искало поддержки и бросалось въ крайности, какъ человѣкъ, къ которому еще не вернулось чувство силы. Это сужденіе, хотя и не оправдываетъ Кальвина, однако оно объясняетъ до нѣкоторой степени его нетерпимость и его часто несправедливые по отношенію къ противникамъ поступки.

Кальвинъ былъ назначенъ пасторомъ по просьбѣ Фареля и не занималъ вначалѣ виднаго положенія, какъ можно было бы думать. Однако, его вліяніе не замедлило проявиться. Несомнѣнно, говоритъ г. Роже [1]), что онъ принималъ большое участіе въ составленіи проекта церковнаго устройства, представленнаго Фарелемъ на разсмотрѣніе совѣта 18-го января 1537 г., въ которомъ содержатся всѣ мысли о дисциплинѣ церкви, проведенныя впослѣдствіи Кальвиномъ. Въ февралѣ 1537 г. Кальвинъ издалъ свой первый французскій катехизисъ; вскорѣ послѣ того онъ добился отъ городского совѣта, чтобы всѣмъ гражданамъ предъявлялась къ подписи и присягѣ подробная формула вѣроисповѣданія женевской церкви.

Строгія требованія Кальвина, нетерпимость его сужденій вызвали противъ него горячую оппозицію. Женевцы, только что освободившіеся отъ стараго клерикальнаго деспотизма, совсѣмъ не желали попасть подъ иго новаго духовенства. Не будучи, какъ въ томъ безъ различія обвинялъ ихъ Кальвинъ, либертинами въ печальномъ значеніи этого слова, они не желали, чтобы слишкомъ вмѣшивались въ ихъ частную жизнь, и протестовали противъ навязываемаго имъ исповѣданія вѣры. Система давленія произвела свои обычные результаты, партія либертиновъ одержала верхъ на выборахъ 3 февраля 1538 г. Новые синдики не признали за прото-

[1]) Galerie suisse, tome I, biographie de Calvin.

вѣдниками права осуждать съ каѳедры дѣйствія власти и лишать причастія. Они попросили ихъ не вмѣшиваться въ политику и, не посовѣтовавшись съ ними, приказали имъ принять церемоніалъ, установленный синодомъ священниковъ романдской земли, собравшимся въ Лозаннѣ 13-го марта 1537 г. подъ покровительствомъ бернцевъ.

Такъ какъ Кальвинъ и Фарель отказались подчиниться, то имъ было запрещено проповѣдывать; тѣмъ не менѣе, они взошли на каѳедру въ день Пасхи и удалились, не давъ причастія, такъ какъ, по ихъ словамъ, совершеніе этого таинства является профанаціей въ виду господствующихъ гражданскихъ несогласій. Послѣ этого поступка они были изгнаны изъ города (23-го апрѣля 1538). Бернское правительство сдѣлало попытку добиться возстановленія ихъ въ правахъ гражданства, но женевцы на общемъ совѣтѣ 16-го мая, подтвердили приговоръ объ ихъ изгнаніи.

Изгнаніе Кальвина и Фареля подтвердило предсказанія Бонивара. Когда при введеніи реформаціи въ Женевѣ спросили его совѣта, какъ держать себя по отношенію къ новому ученію, старый пріоръ Сенъ-Виктора, знавшій хорошо своихъ согражданъ, отвѣчалъ:

«Вы хотите прогнать священниковъ и все папистское духовенство и замѣстить ихъ служителями евангелія, что является само по себѣ очень большимъ благомъ, но большимъ несчастіемъ для васъ, почитающихъ за благо и блаженство только возможность предаваться безпорядочнымъ удовольствіямъ, что позволяютъ вамъ ваши священники. Все запрещенное Богомъ они вамъ соотвѣтственно позволяютъ. Онъ запрещаетъ вамъ прелюбодѣйствовать, клясться, пьянствовать, играть—они вамъ это позволяютъ, только бы не разрѣшить того, что папа запрещаетъ; но, если у васъ будутъ проповѣдники, они вамъ позволятъ то, что папа запрещаетъ, но они не сдѣлаютъ того же по отношенію къ повелѣніямъ Божіимъ. Они введутъ реформу, по которой надо будетъ наказывать пороки, что васъ очень разсердитъ. Вы ненавидѣли священниковъ за то, что они слишкомъ на васъ походили; вы будете ненавидѣть проповѣдниковъ за то, что они слишкомъ на васъ непохожи, и не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ вы пожелаете, чтобы они отправились туда же, куда и священники, и выгоните ихъ, наградивъ ихъ за ихъ труды только ударами палки».

Фарель принялъ приглашеніе въ Невшатель, гдѣ и поселился окончательно. Что же касается Кальвина, то онъ поселился въ Страссбургѣ, не переставая слѣдить за событіями въ Женевѣ.

Прошло три года; въ это время папа сдѣлалъ попытку вернуть женевцевъ въ лоно церкви. Кардиналъ Садолетъ обратился къ нимъ съ вкрадчивой рѣчью, которая была немедленно послана Кальвину. Послѣдній отвѣтилъ на нее въ выраженіяхъ полныхъ любви къ своей старой паствѣ, что

заставило многихъ изъ его противниковъ перейти на его сторону. Во время изгнанія правъ Кальвина смягчился, и онъ постоянно проповѣдывалъ своимъ друзьямъ терпимость и миръ.

На выборахъ 1540 г. составъ женевскихъ совѣтовъ измѣнился, и Кальвинъ былъ призванъ на свой прежній постъ. Реформаторъ хотя и былъ тронутъ этимъ, но смотрѣлъ безъ большого энтузіазма на открывавшуюся передъ нимъ перспективу. «Зачѣмъ мнѣ снова погружаться въ пожирающую пропасть?» писалъ онъ Фарелю. «Благодаря темпераменту большинства женевцевъ, я не въ состояніи буду ихъ переносить, а они на столько же не будутъ въ состояніи привыкнуть ко мнѣ». Повторенныя настоянія заставили его принять это приглашеніе; но онъ поставилъ свои условія. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ потребовалъ, чтобы немедленно приступили къ составленію ордонансовъ, долженствовавшихъ внести порядокъ въ церковь. Консисторіи, представлявшей нѣчто вродѣ судилища, составленнаго наполовину изъ мірянъ, наполовину изъ духовныхъ лицъ, было поручено слѣдить за соблюденіемъ добрыхъ нравовъ и принуждать всѣхъ гражданъ къ публичному исповѣданію установленной вѣры. Консисторія пользовалась правомъ цензорства, но не она назначала тѣлесныя или денежныя наказанія. Свѣтская власть становилась, какъ и въ католическихъ странахъ, орудіемъ прихотей церкви, отвѣтственность за которыя она брала на себя. Допущеніе къ причастію было въ вѣдѣніи пасторовъ. По мнѣнію Кальвина главное назначеніе правительственной власти заключалось въ сохраненіи въ истинной чистотѣ общественной формы религіи. Въ виду этого, «государство и церковь хотя и отличны другъ отъ друга», говоритъ г. Вопе, «стремятся къ одной и той же цѣли различными средствами, и гражданская власть была бы не вѣрна своему назначенію, если бы въ сферѣ предназначаемой для нея дѣятельности она не работала, какъ церковь въ своей, на славу Бога на землѣ, дѣлая законъ вѣры абсолютной формой жизни, а также и вѣры».

Эти знаменитые ордонансы, принятые на общемъ совѣтѣ 20-го ноября 1541 г., послужили прототипомъ для тѣхъ, которые были впослѣдствіи введены въ большей части странъ, принявшихъ реформацію. Вліяніе Кальвина распространялось все сильнѣе въ Женевѣ и въ Европѣ. Основныя же положенія политическаго режима женевской общины не были измѣнены новыми эдиктами.

Большая часть женевцевъ видѣла въ реформѣ средство политической эмансипаціи; они безъ затрудненій приняли ордонансы; но они были худо подготовлены къ строгому соблюденію принятыхъ ими на себя обязательствъ. Чтобы влить новую кровь въ это недостаточно ревностное населеніе, Кальвинъ воспользовался преслѣдованіями, воздвигнутыми въ со-

сѣднихъ странахъ. Множество гонимыхъ протестантовъ, привлеченныхъ реформаторомъ, вошли въ составъ женевскаго народа. Инфильтрація этихъ чуждыхъ элементовъ придала этому живому, грубому городу новую физіономію, вполнѣ протестантскую, и вырвало его жителей изъ-подъ непрекращавшагося вліянія Савойи.

Совѣтъ воспользовался юридическими познаніями Кальвина, и мы видимъ его въ числѣ членовъ комиссій, занятыхъ пересмотромъ муниципальныхъ законодательствъ, касавшихся окладовъ должностныхъ лицъ, дорожнаго вѣдомства, полиціи и т. д. Знаніе и выдающіяся заслуги Кальвина были высоко цѣнимы, что видно изъ того, какъ его берегли. 1-го іюня 1543 г. совѣтъ приказалъ пасторамъ собраться и выбрать изъ своего числа одного пастора для поданія духовной помощи больнымъ чумою, но, прибавляетъ онъ, позаботьтесь, «чтобы Кальвинъ былъ исключенъ изъ избранія, потому что онъ нуженъ церкви и потому, что можетъ явиться надобность въ его совѣтѣ».

Женевцы съ сожалѣніемъ отказывались отъ нѣсколько шумныхъ обычаевъ добраго стараго времени; они угрюмо переносили постоянные выговоры консисторіи и не замедлили выказать сопротивленіе. Но Кальвинъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые отступаютъ передъ борьбой. Будучи увѣренъ, что его дѣло есть дѣло Божье, онъ перенесъ на Бога оскорбленія, предметомъ которыхъ онъ былъ, и благодаря своей неумолимой нетерпимости довелъ до ожесточенія несогласіе, которое, говоритъ г. Воше, столько же было слѣдствіемъ антипатіи характеровъ, сколько и различія убѣжденій. Ученый Кастельонъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ гуманистовъ своего времени, поставленный, по рекомендаціи Кальвина, во главѣ женевской коллегіи, во главѣ которой стояли раньше Матюренъ Кордье и Сопье, высказалъ сомнѣнія относительно толкованія одного изъ мѣстъ въ Дѣяніяхъ апостоловъ (сошествіе Христа въ адъ) и о вдохновенности Пѣсни Пѣсней, и его заставили покинуть Женеву. Одинъ членъ совѣта, Петръ Амо, былъ обвиненъ въ томъ, что у себя послѣ ужина назвалъ Кальвина злымъ человѣкомъ и лжеучителемъ: его провели по городу съ непокрытой головой, въ рубашкѣ, съ факеломъ въ рукѣ и заставили признаться въ своемъ грѣхѣ на трехъ главныхъ площадяхъ города (1546).

Въ то же время мы видимъ, что Кальвинъ энергично защищаетъ Якова Бургундскаго, сеньёра Фалля и Бредама, внука отъ морганатическаго брака Филиппа Красиваго. Этотъ князь принялъ реформацію и былъ за это осужденъ малиньскимъ судомъ, въ который императоръ донесъ на него. Чтобы обѣлить его отъ ложныхъ обвиненій его враговъ, Кальвинъ составилъ замѣчательную защитительную рѣчь, напечатанную въ Женевѣ и

появившуюся въ Страссбургѣ въ 1547 г. подъ заглавіемъ: Excuse du Noble Seigneur Jaques de Bourgoigne S. de Fallez et Bredam [1]).

Краснорѣчіе Кальвина, какъ и можно было ожидать, было потрачено напрасно. Фалле тотчасъ же бѣжалъ въ Базель, потомъ въ замокъ Вейжи близь Женевы на земляхъ ихъ превосходительствъ г. Берна. Между реформаторомъ и его знаменитымъ кліентомъ завязалась задушевная переписка. Кальвинъ, за которымъ установилась репутація сухого сердца, выказываетъ въ ней трогательныя черты, не согласныя съ вообще составившимся о немъ представленіемъ. Такъ онъ пишетъ ему по случаю разрѣшенія отъ бремени Madame de Fallais: «Мнѣ обидно, что я не могу быть съ вами, хоть бы на полъ дня, чтобы посмѣяться съ вами, когда засмѣется малютка, и пожалѣть, когда онъ кричитъ и плачетъ».

Но эта дружба уступила мѣсто совсѣмъ инымъ чувствамъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда Фалле перешелъ на сторону Бользека и выказалъ сочувствіе Кастельону. Фалле видѣлъ смыслъ протестантизма въ свободномъ изслѣдованіи, ему не очень нравился догматъ о предопредѣленіи; за его снисходительность Кальвинъ сталъ на него смотрѣть какъ на своего врага и съ тѣхъ поръ не упускалъ случая дать волю своей злобѣ на него. Немного позднѣе (1547), одинъ свободный мыслитель, Жакъ Грюе, позволившій себѣ положить на каѳедру св. Петра оскорбительную записку по адресу пастора Абеля Пупена, былъ заключенъ въ тюрьму; а такъ какъ въ его бумагахъ былъ найденъ черновикъ, въ которомъ несчастный набросалъ подозрительныя мысли, «полныя нечестія и мятежа», то онъ былъ, на основаніи заключенія двухъ юрисконсультовъ, приговоренъ къ смерти. Старый синдикъ Фавръ, человѣкъ невыносимаго характера, былъ вызванъ въ консисторію по обвиненію въ вольнодумствѣ; его дочь, dame Perrin, подверглась преслѣдованію за то, что слишкомъ любила танцы и за оскорбленіе пасторовъ; ея мужъ, совѣтникъ Ами Перренъ, былъ арестованъ за то, что въ слишкомъ горячихъ выраженіяхъ заступался за тестя и жену. Эти прецеденты вызвали сильное волненіе; обѣ партіи—пасторская и либертиновъ—чуть не дошли до драки (декабрь 1547 года).

Число эмигрантовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и дерзость проповѣдниковъ возрастала; эти факты, въ соединеніи съ отлученіемъ Филиберта Бертелье, сына мученика 1519 года, подняли новую бурю. Противники Кальвина потребовали, чтобы принятіе чужестранцевъ въ гражданство было обставлено предварительными условіями, чтобы пасторы прежде чѣмъ заявлять съ каѳедры о случаяхъ распутства, доносили

[1]) Одинъ экземпляръ этого интереснаго потерянnаго документа былъ недавно найденъ и изданъ въ Женевѣ Альфредомъ Картье; къ нему прибавлена интересная замѣтка о Фалле и его отношеніяхъ къ Кальвину.

совѣту о констатированныхъ ими фактахъ, и чтобы компетенція консисторіи была точно установлена.

Въ 1553 г. оппозиція одержала верхъ при избраніи синдиковъ, малый совѣтъ былъ очищенъ, пасторы исключены изъ общаго совѣта, иностранцы обезоружены, и консисторія приглашена дать отчетъ въ произнесенныхъ ею приговорахъ отлученія. Бертелье былъ допущенъ къ причастію, не взирая на оппозицію Кальвина. Однако, онъ не воспользовался позволеніемъ, чтобы избѣжать шума.

Не слѣдуетъ думать, замѣчаетъ историкъ Роже, что Кальвинъ послѣ своего возвращенія въ Женеву, сталъ всемогущъ въ дѣлахъ церковныхъ и въ государственныхъ. Гражданская власть, какъ мы видѣли, принимала широкое участіе въ управленіи церковью и не всегда въ смыслѣ, желательномъ для Кальвина. Много разъ въ своихъ письмахъ реформаторъ жалуется на противорѣчія со стороны магистратуры, иногда его самого призывали передъ совѣтъ для выслушиванія увѣщеваній по поводу недовольства, вызваннаго его проповѣдями. Однажды онъ былъ вызванъ по случаю того, что въ одномъ перехваченномъ письмѣ къ Вире онъ осуждалъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ гражданъ, и онъ долженъ былъ извиниться передъ цѣлымъ совѣтомъ (24 сентября 1548). Въ слѣдующемъ году, когда совѣтъ велѣлъ пасторамъ, не спросивъ ихъ мнѣнія, проповѣдывать каждое утро, Кальвинъ сталъ протестовать противъ этой мѣры, но она была поддержана, при чемъ пасторамъ было предложено сократить свои проповѣди.

Кальвинъ не смѣлъ издавать ни одного изъ своихъ сочиненій безъ предварительнаго просмотра комиссіей, назначаемой совѣтомъ, и когда въ въ 1551 г. онъ представилъ мемуаръ, въ которомъ опровергались мнѣнія Бользека, совѣтъ рѣшилъ позволить напечатать его только подъ условіемъ, чтобы нѣкоторыя оскорбительныя выраженія были вычеркнуты. Доктору Бользеку, великому толкователю спорныхъ пунктовъ вѣры, плохо пришлось, когда онъ напалъ на догматъ о предопредѣленіи, бывшій краеугольнымъ камнемъ системы Кальвина; послѣ долгаго процесса, въ разбирательствѣ котораго принимали участіе бернскіе, цюрихскіе, базельскіе и невшательскіе пасторы, совѣтъ приговорилъ его къ изгнанію (1551). Въ этомъ дѣлѣ приверженное реформаціи духовенство Швейцаріи раздѣлилось: базельскіе и невшательскіе пасторы энергично высказались противъ Бользека, тогда какъ цюрихскіе и бернскіе убѣждали женевскій совѣтъ выказать къ нему снисхожденіе.

Не такъ было дѣло два года спустя во время памятнаго процесса, начатаго противъ Михаила Сервета; позоръ произнесеннаго надъ нимъ приговора, въ которомъ такъ часто упрекаютъ Кальвина, падаетъ, отча-

сти, и на протестантскихъ пасторовъ Швейцаріи и Германіи. Не только Фарель, но и Буллингеръ (заступившій мѣсто Цвингли въ Цюрихѣ), Меланхтонъ и всѣ реформаторы, одинъ за другимъ, рукоплескали казни Сервета. «Только нѣсколько голосовъ, потерявшихся въ общей сумятицѣ партій, поднялись», говоритъ г. Воше, «чтобы напомнить Кальвину столь элементарную и, однако, мало кѣмъ понятую истину, что убить человѣка не значитъ обезпечить доктрину, а значитъ просто убить человѣка».

Михаилъ Серветъ, испанскій докторъ большой учености, былъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ умовъ своего вѣка; въ своихъ теологическихъ изслѣдованіяхъ онъ переступилъ границы, которыя реформаторы не позволяли себѣ переступать. Онъ не былъ скептикомъ или нечестивцемъ, онъ не отрицалъ откровенія; онъ также не былъ апостоломъ естественной религіи; это былъ, говоритъ Роже, скорѣе мистикъ, прозорливецъ, примѣшивавшій къ церковному ученію свои собственныя теоріи, опираясь при этомъ, худо-ли, хорошо-ли, на библейскіе тексты. Онъ изложилъ свои взгляды въ двухъ сочиненіяхъ, озаглавленныхъ: De trinitatis erroribus и Christi animi restitutio, появившихся первое въ 1531 г. въ Гагенау, второе въ 1553 г. въ Віеннѣ въ Дофинэ. «Онъ желалъ», говоритъ намъ Раллье, «совершить важное дѣло, его одушевляли глубочайшее почитаніе христіанства, искренняя вѣра въ него, какъ онъ его понималъ. Откровеніе, хранилищемъ котораго является Писаніе, составляло въ его глазахъ высшій и священнѣйшій критерій въ религіозныхъ вопросахъ, относительно которыхъ только Духъ Святой можетъ просвѣтить умъ: Христосъ былъ его Господомъ, его Спасителемъ, его Богомъ. Если онъ и понималъ тайны божественной онтологіи иначе, чѣмъ реформаторы, если онъ и не соглашался съ ними въ вопросѣ о крещеніи, если онъ не держался такъ исключительно догмата оправданія черезъ вѣру, если онъ и имѣлъ притязаніе реформировать по своему церковные обряды, если онъ и предлагалъ часто странныя теоріи, все же онъ не желалъ направить евангелическое ученіе на путь враждебный вѣрѣ». Швейцарскія церкви, призванныя дать свое мнѣніе въ дѣлѣ Сервета, увидѣли въ этомъ возможность обѣлить себя отъ дѣлаемаго имъ за границей упрека: что онѣ слишкомъ снисходительно относятся къ ереси; за ересь и богохульство онъ и былъ осужденъ сначала къ аресту, а затѣмъ къ казни свѣтскими судьями, завидовавшими, повидимому, лаврамъ, пожинаемымъ инквизиціей. Его тенденціи нѣсколько пантеистическія и теософическія, а также его анабаптистскія идеи—анабаптизмъ же пользовался въ тѣ времена очень дурной славой—заставили смотрѣть на него, какъ на человѣка опаснаго. На холмѣ Шампель, мѣстѣ казни, Серветъ отвергъ предложеніе сопровождавшаго его Фареля признать свои воображаемыя заблужденія. Онъ воскликнулъ:

«О Боже, сохрани мою душу! О Іисусъ, Сынъ Предвѣчнаго Бога, будь милостивъ ко мнѣ!» и бросился, молясь, на колѣни.

Этотъ громкій процессъ бросаетъ, конечно, тѣнь на Кальвина. «Если бы я могъ», восклицаетъ Евгеній Рамберъ въ своемъ изслѣдованіи о Кальвинѣ, «вычеркнуть изъ исторіи по желанію одну изъ самыхъ позорныхъ страницъ, я выбралъ-бы казнь Сервета скорѣе, чѣмъ Варѳоломеевскую ночь». По нашему мнѣнію, Бенжене напрасно ради защиты Кальвина утверждаетъ, что казнь Сервета была настолько-же политической и соціальной необходимостью, насколько и религіозной. Единственно, что можно сказать, это—что она была естественнымъ слѣдствіемъ теократическаго управленія; дѣйствительно, при такомъ правленіи всегда бываютъ склонны смотрѣть на религіозные расколы, какъ на посягательство на права государства, а на политическія разномыслія, какъ на посягательство на религію и стремятся задавить всякую умственную и нравственную свободу.

Съ другой стороны слѣдуетъ прибавить, что это тѣсное соединеніе власти гражданской съ властью духовной обезпечило независимость Женевы и защитило интересы реформаціи. Кальвинъ и его приверженцы, тѣснимые неумолимыми противниками, доведенные до крайности кровавыми подвигами католиковъ и казнями, похищавшими со всѣхъ сторонъ ихъ единовѣрцевъ, сочли свое дѣло въ опасности, когда увидѣли, что появился соперникъ, угрожавшій ихъ авторитету. Легко судить руководителей, когда находишься внѣ схватки и вдали отъ событій. Женева была и должна была быть еще долгое время на сторожѣ; страсти достигли въ ней высокой степени; условія, въ которыхъ въ тотъ моментъ находились судьи Сервета, ослабляютъ до нѣкоторой степени ихъ отвѣтственность и объясняютъ поздравленія, съ которыми къ нимъ обратились оффиціальные представители реформированной церкви. «Въ чемъ мы вправѣ упрекать Кальвина», замѣчаетъ Роже, «это въ томъ, что онъ донесъ на Сервета въ Вьенскій судъ, воспользовавшись конфиденціальными документами, а затѣмъ предалъ его женевскимъ магистратамъ въ то время, когда онъ собирался уѣхать въ Италію, и затѣмъ за его грубое отношеніе къ этому несчастному».

Казнь Сервета была побѣдой Кальвина, за которой послѣдовалъ еще болѣе рѣшительный успѣхъ. На выборахъ 1555 г. перринисты были разбиты, синдики были выбраны кальвинистами, а чтобы усилить большинство, которымъ они располагали, они заставили принять впродолженіе нѣсколькихъ недѣль еще 58 новыхъ гражданъ. Напрасно противился старый синдикъ Перренъ, говоря, что французы вытѣснятъ старыхъ жителей Женевы, старая національная партія не могла прекратить принятія въ гражданство новыхъ членовъ. Начавшійся было мятежъ былъ быстро

усмиренъ, а зачинщики дерзкаго предпріятія, Перренъ и его приверженцы, принуждены были бѣжать, четверо изъ нихъ кончили жизнь на эшафотѣ, а болѣе двадцати, осужденныхъ заглазно, принуждены были влачить жизнь въ изгнаніи. Послѣ того какъ либертины были изгнаны, все покорилось власти Кальвина, и впродолженіе 9 лѣтъ онъ въ сущности одинъ правилъ Женевой. 5-го іюня 1559 г. онъ запечатлѣлъ свое дѣло основаніемъ академіи, которой предстояла блестящая будущность, и которая далеко распространила его идеи.

Будучи неутомимымъ труженикомъ, Кальвинъ занимался одновременно чрезвычайно разнообразными дѣлами; онъ написалъ сочиненія, которыя вмѣстѣ составляютъ десять томовъ in-folio; онъ проповѣдывалъ, онъ обучалъ, онъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ извѣстными теологами того времени и со многими князьями, обращавшимися къ нему за совѣтами, съ консисторіями многихъ церквей, мужество которыхъ онъ поддерживалъ въ трудныя минуты, со своими друзьями, которымъ онъ выказывалъ сокровища своей привязанности; ничто не можетъ быть трогательнѣе того письма, которое онъ написалъ Вире по смерти его жены. Кромѣ того, не было такого предмета, по поводу котораго женевскіе совѣты не обращались бы къ Кальвину за совѣтомъ; то съ нимъ совѣтуются по вопросу о военныхъ укрѣпленіяхъ, то — о достоинствахъ экономической печи. Чтобы справиться съ такой необыкновенной дѣятельностью, надо было имѣть желѣзное здоровье, чего въ данномъ случаѣ не было. «Что особенно заставляетъ восхищаться его трудолюбіемъ», говоритъ Теодоръ де Бэзъ, «это то, что онъ отъ природы былъ слабаго здоровья, изнуреннаго еще ночной работой и излишнимъ воздержаніемъ, и, къ тому же, онъ страдалъ столькими болѣзнями, что всякій, кто его видѣлъ, не могъ представить себѣ, чтобы онъ могъ еще сколько-нибудь прожить. Женевскіе магистраты относились къ нему съ большимъ вниманіемъ и очень заботились о его здоровьи; они посѣтили его въ его домѣ и получили отъ него его послѣднія наставленія.

Въ 1560 г. Кальвинъ записался въ женевскіе граждане. 27-го мая 1564 г. онъ умеръ 55-ти лѣтъ отъ роду. Его смерть была внесена въ протоколъ совѣта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сегодня, около восьми часовъ вечера, досточтимый Жанъ Кальвинъ отошелъ къ Богу въ полной, благодаря Богу, памяти».

Величіе Кальвина заключается въ твердости его вѣры [1]); никакія человѣческія соображенія не могли заставить его уступить хоть на одинъ

---

[1]) Слѣдующія оцѣнки Кальвина взяты, главнымъ образомъ, изъ прекраснаго изслѣдованія о Кальвинѣ Евгенія Рамбера.

шагъ; онъ скорѣе готовъ былъ погубить Женеву, чѣмъ пожертвовать хоть однимъ принципомъ. Онъ не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ даровъ, которыми геній покоряетъ и увлекаетъ съ перваго взгляда. Его могущество вытекало изъ упорной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ Лютера, властвовавшаго благодаря своему увлекательному краснорѣчію, силѣ убѣжденія и героизму. Боссюетъ по этому поводу говоритъ: «Хотя въ Лютерѣ было нѣчто болѣе оригинальное, болѣе живое, Кальвинъ, уступая ему въ геніи, превосходилъ его въ знаніи».

Кальвинъ храбро шелъ къ своей цѣли, слушаясь только своего убѣжденія, не щадя ни чужихъ, ни своихъ интересовъ; но онъ имѣлъ недостатки, связанные съ его достоинствами: онъ былъ вспыльчивъ, а иногда даже высокомѣренъ и мстителенъ. Блага и удовольствія міра сего не имѣли для него ничего притягательнаго, онъ даже смотрѣлъ на эту жизнь, какъ на періодъ испытаній и борьбы, какъ на подготовленіе къ будущей жизни; онъ жилъ только ради своихъ убѣжденій, его преданность дѣлу вѣры не знала границъ. Въ то время какъ Цвингли и Меланхтонъ находили отдыхъ въ изученіи свѣтскихъ писателей, а Лютеръ отдыхалъ отъ непріятностей въ кругу своихъ друзей, Кальвинъ интересовался литературой только въ виду тѣхъ услугъ, которыя она могла принести реформаціи, и не зналъ иныхъ развлеченій кромѣ церкви. Хотя онъ и не умеръ за вѣру, но онъ жилъ для нея и ни одной минуты не отнялъ отъ своего святого назначенія.

Миссія французскаго реформатора была очень различна отъ той, которая досталась на долю саксонскаго реформатора, и каждый изъ нихъ былъ одаренъ соотвѣтственно той задачѣ, которую онъ выполнилъ. Лютеръ, явившійся первымъ, долженъ былъ поднять великую націю; для этого онъ долженъ былъ обладать могуществомъ энтузіазма, который только и увлекаетъ народы. Когда выступилъ Кальвинъ, побѣда была уже обезпечена во многихъ пунктахъ, и колебаніе распространилось повсюду; онъ долженъ былъ скорѣе позаботиться объ упорядоченіи реформы, чѣмъ о борьбѣ съ римской церковью. Онъ нуждался не столько въ энергіи, сколько въ послѣдовательности ума. Лютеръ выказалъ передъ Вормскимъ сеймомъ геройское мужество и удивительную силу души; Кальвину ни разу не пришлось подвергнуться такому же испытанію; но призванный бороться противъ расколовъ, образовавшихся въ нѣдрахъ реформаціи, онъ выказалъ непоколебимую твердость ума. Чтобы удержать начавшееся броженіе и заключить его въ опредѣленную доктрину, отъ Кальвина требовалось больше метода, чѣмъ пыла и вдохновенія, нуженъ былъ скорѣе систематическій, чѣмъ творческій умъ. Кальвинъ и обладалъ вполнѣ логическимъ умомъ;

онъ въ совершенствѣ умѣлъ связывать свои мысли, укрѣплять ихъ одну за другой и вліять на умы силой своей діалектики.

Какъ это ни удивительно въ вѣкъ Эразма, Рабле и Монтаня, но философскія сомнѣнія, казалось, не коснулись ума Кальвина, и онъ не касался трудныхъ вопросовъ, возникающихъ въ настоящее время среди теологовъ по поводу божественнаго откровенія. Его Наставленіе есть, по его мнѣнію, только изложеніе библейскаго ученія; но при этомъ онъ, не подозрѣвая того, впадаетъ въ то же заблужденіе, какъ и римская церковь: основывая ученіе на Священномъ Писаніи, онъ понимаетъ его по своему, онъ объясняетъ его такъ, какъ оно имъ понято; въ концѣ-концовъ онъ дастъ свое собственное ученіе подъ именемъ ученія Библіи и какъ таковое навязываетъ его. Его догматика сводится къ двумъ принципамъ, изъ которыхъ вытекаетъ все остальное: принципъ *необходимости*, объясняющій отношенія между твореніемъ и его Творцомъ, и принципъ *славы Божіей*, объясняющій божественное начертаніе.

Римская церковь во времена вырожденія, когда въ ней царилъ подкупъ, оставила строгое ученіе Августина о благодати и незамѣтно приблизилась къ старой ереси Пелагія. Реформація вернулась къ ученію св. Августина и противупоставила спасенію черезъ дѣла *спасеніе черезъ вѣру*; прославленію человѣка, мірскому честолюбію, печальный примѣръ котораго подавала папская іерархія, и которое имѣло результатомъ разнузданность страстей, она противупоставила *прославленіе Бога*. Лютеръ въ своемъ спорѣ съ Эразмомъ отрицалъ свободу воли, но онъ не рѣшился вывести заключенія изъ своихъ посылокъ, которыя Цвингли и Меланхтонъ отбросили; Кальвинъ-же сдѣлалъ догматъ *предопредѣленія* главной пружиной своей теологіи. На основаніи очень тонкихъ различій, онъ противупоставилъ волю свободѣ и призналъ за человѣкомъ только первую изъ этихъ способностей, а вторую только за однимъ Богомъ; онъ считалъ волю способностью дѣйствовать, подчиненною божественному руководству и потому несвободною.

Логика, благодаря результатамъ, къ которымъ она приходитъ, приноситъ неоцѣнимую заслугу, выставляя на свѣтъ неудовлетворительность аксіомы, служившей основаніемъ разсужденію. Вѣрный, но односторонній принципъ, доведенный до крайности, можетъ вызвать ужасныя заблужденія. Чтобы лучше почтить Бога, Кальвинъ до чрезвычайности унизилъ человѣка; онъ лишилъ его свободы, чувство которой существуетъ въ глубинѣ человѣческаго сознанія; онъ попытался лишить человѣка силы, подвигающей его на самые благородные поступки, и которая только и даетъ ему право требовать отъ преступника отчета въ его поведеніи. «Подъ именемъ предопредѣленія и благодати», говоритъ Евгеній Рамберъ, «въ

печальномъ царствѣ Бога Кальвина царитъ фатализмъ; въ немъ праведные счастливы не потому, что избрали правду, но потому, что выбраны Божьимъ произволомъ; злые страдаютъ не потому, что возлюбили неправду, но потому, что небесный гнѣвъ оттолкнулъ ихъ; въ немъ всѣ ошибки заранѣе признаны поправимыми или непоправимыми».

Эта мрачная теологія, ученикомъ которой сдѣлался Теодоръ де Бэзъ, господствовала въ Женевѣ болѣе ста лѣтъ; она отозвалась въ Голландіи, гдѣ она была, съ нѣкоторыми измѣненіями, утверждена Дордрехтскимъ синодомъ (1618—1619). Истина никогда не впадаетъ въ крайности, она должна стремиться соединить крайности, она должна разбирать вопросы со всѣхъ сторонъ. Женевская реформація, введенная непреклоннымъ логикомъ на узкій путь, должна была, въ свою очередь, реформироваться и покинуть, со временемъ, путь, начертанный для нея Кальвиномъ. Человѣку не дано совершеннаго знанія, безуміе желать при посредствѣ метафизики проникнуть въ тайну безконечнаго. Абсолютную истину нельзя заключить въ формулы, извращавшія ее всегда, когда ими пытались опредѣлить ее; тайный инстинктъ побуждаетъ насъ остерегаться крайнихъ заключеній, къ которымъ насъ приводитъ разсужденіе. Религія, отвѣчающая потребности нашей совѣсти, должна пребывать въ области вѣры и не можетъ быть подчинена силлогизмамъ, основаннымъ на сомнительныхъ бо̀льшихъ посылкахъ.

Съ теченіемъ времени ученіе Августина мало-по-малу потеряло почву, а ученіе Пелагія взяло верхъ; болѣе гуманный Цвингли одержалъ верхъ надъ Кальвиномъ; первоначальный чистый кальвинизмъ смягчился. Въ 1725 г., по требованію профессора Жанъ-Альфонса Тюреттини, прозваннаго обновителемъ теологіи, общество пасторовъ, съ согласія малаго совѣта, рѣшило, чтобы, не отмѣняя окончательно исповѣданія вѣры Кальвина, ограничиться требованіемъ отъ кандидатовъ, согласно одному изъ параграфовъ церковныхъ ордонансовъ, подписи подъ свидѣтельствомъ, что будутъ «хранить ученіе святыхъ пророковъ и апостоловъ, какъ оно находится въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и какъ оно кратко изложено въ катехизисѣ», при чемъ пояснялось, что авторитетъ этого послѣдняго не приравнивается къ авторитету писаній, и не требуется во всемъ слѣдовать ему.

Свобода изслѣдованія, считаемая одной изъ характерныхъ чертъ протестантизма, которой, однако, онъ былъ лишенъ вначалѣ, одержала верхъ въ Женевѣ только въ XVIII-омъ вѣкѣ и открыла двери социніанцамъ (противникамъ Троицы). Позднѣе въ эпоху, называемую «Пробужденіемъ», вновь всплываетъ ученіе Августина о благодати, но лишенное заключенія о предопредѣленіи, выведеннаго изъ него Кальвиномъ и его школой.

Мы вернемся къ этому предмету ниже, когда будемъ говорить о восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкахъ: но важно было для того, чтобы понять исторію Женевы и причины расколовъ, театромъ которой она такъ часто была, указать рядомъ съ великими заслугами Кальвина на недостатки его системы. Мало кто имѣлъ такое, какъ онъ, вліяніе на послѣдующія поколѣнія; мало кто сумѣлъ такъ какъ онъ положить печать генія на свои дѣла и воздѣйствовать на среду, въ которой жилъ. Мѣсто, гдѣ покоятся останки великаго реформатора — неизвѣстно; но женевцы въ своихъ достоинствахъ и своихъ недостаткахъ носятъ еще печать, наложенную на нихъ Кальвиномъ, хотя и нѣсколько стертую временемъ. Въ стѣнахъ этого города еще встрѣчаются съ одной стороны преемники Бертелье съ характеромъ горячимъ, недовольнымъ и рѣшительнымъ, съ другой — серьезные доктринеры съ надменными манерами и безукоризненными нравами. Женевецъ прямо идетъ къ цѣли; онъ быстро рѣшается, онъ скорѣе логикъ, чѣмъ философъ, точныя науки онъ предпочитаетъ словесности, онъ прежде всего человѣкъ дѣла. Унаслѣдовавъ методъ Кальвина, онъ необыкновенно удачно примѣняетъ его въ наукѣ и торговлѣ. Строгая дисциплина, которой онъ былъ долгое время, не безъ ропота, подчиненъ, закалила его характеръ, и можно сказать, что ей онъ обязанъ въ значительной степени своимъ благоденствіемъ.

Куда ни бросишь взглядъ на карту Европы въ XVI-омъ вѣкѣ, всюду видишь горячую борьбу, конфликты мнѣній, конфликты власти, возникающіе со всѣхъ сторонъ.

Выше мы видѣли, какимъ образомъ реформація была введена въ Ваадтландѣ Фарелемъ и Вире, при помощи Берна. Реформаторы и ихъ превосходительства дѣйствовали согласно, пока рѣчь шла о низверженіи католическихъ алтарей, но ихъ согласіе прекратилось, когда дѣло коснулось организаціи ваадтландской церкви. Протестанты Франціи, Нидерландовъ и Шотландіи приняли какъ церковную службу, такъ и догматы Кальвина, между прочимъ и догматъ о предопредѣленіи. Когда ваадтландское духовенство захотѣло тоже ихъ принять, Бернъ, въ которомъ господствовало ученіе Цвингли, воспротивился этому; начались распри. Духовенство противилось, но принуждено было уступить свѣтской власти, и сорокъ священниковъ предпочли изгнаніе, бѣдность и независимость принадлежности къ духовенству, подчиненному свѣтской власти.

Ваадтландцевъ часто упрекаютъ за ихъ апатію, недостатокъ нравственнаго мужества и духа независимости; но не лишнимъ будетъ указать, что трижды его духовенство сбрасывало съ себя это общее оцѣпененіе, гордо подымало голову и скорѣе соглашалось геройски нести слѣдствія своего возмущенія, чѣмъ отказаться отъ того, что оно счи-

тало своимъ долгомъ; первый разъ въ 1558 г., второй по случаю обнародованія Consensus'а (1716), въ третій разъ въ 1845 г. Грустно признаться, что во всѣхъ трехъ случаяхъ духовенство имѣло очень слабую поддержку со стороны народа; но отъ этого его энергичное поведеніе не менѣе похвально, и его примѣръ не менѣе полезенъ для послѣдующихъ поколѣній. Отреченіе, могущее казаться безуміемъ въ глазахъ скептиковъ и равнодушныхъ, обыкновенно приноситъ плоды и въ концѣ концовъ внушаетъ уваженіе гонителямъ свободы.

Бернскіе совѣты смотрѣли на церковь какъ на средство власти. Этотъ взглядъ имѣлъ во всѣ времена многочисленныхъ приверженцевъ; вѣдь еще недавно французское правительство воспользовалось услугами миссій, чтобы укрѣпить за собой завоеваніе Мадагаскара! Пасторы такъ же, какъ и школьные учителя, могущіе способствовать благоденствію государства, должны были стараться поднять нравственный уровень народа, внушить ему уваженіе къ учрежденной власти, къ общественному порядку, къ собственности и семьѣ; но они должны были избѣгать въ своихъ рѣчахъ всего, что могло способствовать возбужденію духа независимости въ покорныхъ подданныхъ ихъ превосходительствъ.

Основатели лозаннской академіи имѣли въ виду сдѣлать изъ нея не столько центръ высшаго образованія, сколько семинарію, которая должна была давать священниковъ, внушая имъ съ юнаго возраста идеи покорности и охраняя ихъ отъ эмансипаторскаго вліянія университетовъ. Лозаннская теологическая школа, старшая сестра такой-же женевской школы, была основана въ 1537 г. и въ первые годы своего существованія была единственнымъ учрежденіемъ такого рода во всѣхъ странахъ съ французскимъ языкомъ; поэтому ея извѣстность вскорѣ далеко распространилась, и въ Лозанну стекались французы, нѣмцы и англичане. Вначалѣ въ академіи было четыре каѳедры. Одинъ профессоръ преподавалъ греческій языкъ, политику и нравственность; одинъ профессоръ — словесность, въ его программу также входили реторика, философія, математика, географія, физика и естественныя науки; одинъ профессоръ — теологію, онъ же преподавалъ и еврейскій языкъ и экзегетику, систематическая-же философія поручалась какому нибудь городскому пастору; кромѣ того, иногда появлялись экстраординарные профессора для пополненія программы или для облегченія ординарныхъ профессоровъ.

Среди ординарныхъ профессоровъ были нѣкоторые дѣйствительно заслуженные, придавшіе кратковременный блескъ первымъ годамъ существованія Лозаннской академіи. Рядомъ съ Вире и Валье занялъ мѣсто Конрадъ Гесснеръ (фиг. 19) изъ Цюриха, котораго Кювье прозвалъ нѣмецкимъ Плиніемъ; это былъ энциклопедическій умъ; онъ занимался одно-

временно филологіей, естественными науками и медициной; преемникомъ его по каѳедрѣ греческаго языка былъ ученый Жанъ Рибби, родомъ изъ Фосиньи, который уступилъ вскорѣ преподаваніе греческаго языка Теодору де-Бэзъ (фиг. 20), а самъ взялся за преподаваніе еврейскаго языка, замѣстилъ Жана Мерлина. Первымъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ философіи и математики былъ Клодъ Кентенъ, потомъ дю-Кенуа; по каѳедрѣ краснорѣчія и реторики Антуанъ Сонье и Франсуа Готтоманъ, который прочелъ нѣсколько лекцій о правѣ. Большая часть изъ этихъ профессоровъ были французскіе эмигранты. Въ 1556 г. Жанъ Ривери

Фиг. 19. Портретъ Конрада Гесснера.

(Ривье) основалъ первую типографію въ Лозаннѣ съ позволенія ихъ превосходительствъ, подъ условіемъ, что онъ будетъ печатать только благочестивыя книги, одобренныя въ Бернѣ.

Вире былъ душою лозаннской академіи и ваадтландской церкви. Это былъ человѣкъ тонкаго ума, благородный, добродушный, пріятный и веселый и при томъ энергичный. Несмотря на свое слабое здоровье, онъ часто проповѣдывалъ, поддерживалъ обширную корреспонденцію и написалъ много статей теологическихъ, полемическихъ и назидательныхъ. Онъ

раздѣлялъ взгляды Кальвина на церковное благочиніе и возмущался, когда ему приходилось допускать къ причастію людей грубо невѣжественныхъ и завѣдомо порочныхъ; онъ находилъ, согласно со своими коллегами, что имѣетъ право отказывать такимъ лицамъ въ причащеніи. Онъ утверждалъ, что церковь должна управляться сама собою и не зависѣть отъ правительства, онъ мечталъ о демократическомъ устройствѣ церкви, при которомъ назначеніе пасторовъ зависѣло-бы отъ совѣта, избраннаго въ нѣдрахъ ея-же. Но это были слишкомъ большія требованія отъ ихъ превосходительствъ, желавшихъ сохранить верховную власть въ сферѣ

Фиг. 20. Портретъ Теодора де Бэза.

религіи. Началась борьба, лозаннскіе совѣты вмѣшались, и была учреждена консисторія для наблюденія за нравами. Пасторы, съ Вире и Валье во главѣ, не сочли себя удовлетворенными, они хотѣли сами рѣшать о допущеніи къ причастію, на Рождество 1558 г. они отказались давать причастіе и заявили, что скорѣе выйдутъ въ отставку, чѣмъ уступятъ. Тогда Вире и Валье были смѣщены (25-го января 1559 г.). Они покинули Лозанну; около сорока пасторовъ выразили протестъ и были въ свою очередь смѣщены, за ними послѣдовали многіе студенты. Нѣкоторые изъ нихъ вернулись во Францію, другіе основались въ Женевѣ.

Въ 1559 г. въ этомъ городѣ была основана академія. Отставка ваадтландскихъ профессоровъ и пасторовъ явилась какъ разъ во время для облегченія ея основанія. Женевская академія состояла изъ двухъ профессоровъ теологіи и трехъ лекторовъ греческаго и еврейскаго языковъ и *искусствъ* (словесности, философіи и наукъ); уже въ первый годъ она насчитывала, по даннымъ г. Роже, шестнадцать учениковъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ европейскимъ національностямъ. Т. де-Бэзъ былъ назначенъ ея ректоромъ, Беро, Таго, Рандонъ и др., прибывшіе изъ Лозанны, были причислены къ женевской академіи и коллегіи. Что касается Вире, то, пробывъ нѣкоторое время пасторомъ въ Женевѣ, онъ перенесъ свое поприще во Францію, въ Ортезъ, гдѣ и умеръ въ 1571 г.

Для лозаннскихъ школъ это явилось кризисомъ, который Берну удалось исправить не безъ труда. Пустыя мѣста были заполнены. Среди профессоровъ, поддержавшихъ репутацію лозаннской академіи во вторую половину шестнадцатаго вѣка, было нѣсколько заслуживающихъ, чтобы ихъ имена были названы; назовемъ эллинистовъ Жана Скапула (l'Epaule), Анри Этьеннъ, извѣстнаго издателя; теологовъ Антуана де-Шандье и Николая Колладона, преемника Кальвина по каѳедрѣ теологіи въ Женевѣ, принужденнаго покинуть этотъ городъ вслѣдствіе несогласій съ совѣтомъ его.

Въ этой борьбѣ ваадтландской церкви за независимость Бернъ остался побѣдителемъ; онъ укрѣпилъ свою власть, синоды были уничтожены, значеніе сословій принижено, и ***Гельветское исповѣданіе***, составленное Буллингеромъ въ Цюрихѣ и принятое въ 1566 г., установило догматы вѣры. Бернскій совѣтъ двухсотъ, говоритъ Вердейль, сталъ верховнымъ главой церкви, изъ которой его деспотизмъ изгналъ свободу изслѣдованія.

Полтора вѣка спустя снова возгорѣлась борьба и еще болѣе жестокая, когда Бернъ ввелъ печальной памяти Consensus.

ГЛАВА VIII.

Возстановленіе католической церкви.

Собраніе Тріентскаго собора.—Основаніе ордена іезуитовъ.—Положеніе протестантовъ, пораженіе Шмалькальденской лиги.—Солотурнскій договоръ.—Раздѣлъ земель графа де-Грюйеръ.—Итальянскіе эмигранты въ Швейцаріи.—Реформы, принятыя Тріентскимъ соборомъ.—Преобразованіе монастырей, капуцины и іезуиты.—Рѣшенія Тріентскаго собора.—Лозаннскій договоръ, возвращеніе страны Гексъ и Шабле герцогу Савойскому.—Участіе отрядовъ католическихъ кантоновъ въ религіозныхъ войнахъ во Франціи.—Вліяніе кардинала Барроме въ Швейцаріи.—Разрывъ съ Аппенцеллемъ.—Пріемъ, сдѣланный въ Швейцаріи жертвамъ Варѳоломеевской ночи.—Напрасныя попытки со стороны Карла IX добиться отъ протестантовъ, чтобы они не давали убѣжища своимъ единовѣрцамъ.

Какъ это обыкновенно бываетъ при переворотахъ религіозныхъ или политическихъ, расколъ шестнадцатаго вѣка повліялъ и на паствы, оставшіяся вѣрными старой вѣрѣ.

Давно уже въ умахъ происходила глухая работа, не замѣчаемая римской куріей. Папы, усмиривъ огнемъ и мечемъ мятежи ваадтландцевъ, учениковъ Виклефа и гусситовъ, на которые они смотрѣли какъ на случайныя возмущенія, думали, что уничтожили всякую возможность сопротивленія и избѣгли требуемыхъ реформъ. Папскій дворъ, не знавшій, что происходило по ту сторону Альпъ, жившій въ средѣ суевѣрной и поверхностной, былъ увѣренъ въ своемъ могуществѣ.

«Монашеская ссора», сказалъ Левъ X, узнавъ объ объявленіи виттенбергскихъ тезисовъ.

Но противно ожиданіямъ папы броженіе умовъ распространилось, и на голосъ Лютера, Цвингли, Фареля и ихъ учениковъ множество вѣрующихъ, поддерживаемые своими правительствами, покинули великолѣпное зданіе, дававшее впродолженіе стольких вѣковъ пріютъ ихъ наивной вѣрѣ. Отлученіе отъ церкви потеряло значеніе, переговоры оставались безъ результата, политика папъ сдѣлалась колеблющейся и неувѣренной.

Адріанъ VI и Павелъ III выказывали слабое поползновеніе на реформы; Павелъ IV стремился сломить упорствовавшихъ; Пій IV отказался слѣдовать по этому пути, принесшему плохіе результаты въ Англіи и Шотландіи. Протестанты извлекли пользу изъ этихъ колебаній, они сплотились и выиграли поле битвы.

Пришла минута, когда приверженцы стараго порядка вещей поняли опасность положенія чисто оборонительнаго; они почувствовали, что необ-

ходима [1]) реформа въ нѣдрахъ римской церкви, что для того, чтобы вернуть довѣріе надо прекратить скандалы самые вопіющіе, подчинить духовенство болѣе строгой дисциплинѣ, не измѣняя этимъ сущности догматовъ и религіи; когда будетъ закончено это дѣло возрожденія, друзья церковной власти и единства сомкнутся вокругъ папы и соберутся для борьбы противъ новаторовъ. Тамъ, гдѣ католицизмъ остался преобладающей религіей, и гдѣ онъ могъ разсчитывать на поддержку гражданской власти, протестантскія общины были искоренены лигой. Въ странахъ, гдѣ верхъ одержала реформація, надо было постараться вернуть новыя поколѣнія, противопоставивъ протестантскимъ учебнымъ заведеніямъ соотвѣтствующія католическія, подъ руководствомъ преданныхъ и искусныхъ священниковъ, и привлечь въ нихъ молодыхъ людей, призванныхъ благодаря богатству или положенію играть роль въ государствѣ; надо было привлечь на свою сторону князей, напомнивъ имъ при случаѣ о распущенности анабаптистовъ и о крестьянскихъ возмущеніяхъ; затѣмъ дѣйствовать посредствомъ ловкой лести и соблазнительныхъ обѣщаній на нерѣшительные умы, на недовольныхъ, честолюбіе которыхъ было обмануто. А когда католичество снова пріобрѣтетъ численный перевѣсъ, тогда понудительныя мѣры сдѣлаютъ остальное.

Для осуществленія этого плана надо было исполненіе его поручить одному лицу, въ рукахъ котораго должно было сосредоточиться направленіе силъ, которыми располагало католичество; другими словами надо было облечь папъ еще болѣе полнымъ авторитетомъ, чѣмъ тотъ, которымъ они до того времени пользовались. Этой цѣли достигъ знаменитый соборъ, собравшійся въ Тріентѣ въ Тиролѣ въ 1545 г. по многократнымъ настояніямъ Карла V, съ помощью Общества Іисуса, основаннаго въ 1540 году Игнатіемъ Лойолой Этотъ орденъ, преданностью, ученостью и строгой

---

[1]) Многіе католики оспариваютъ, будто церковь была въ упадкѣ въ началѣ XVI вѣка; мы противупоставимъ ихъ утвержденіямъ сужденіе американскаго кардинала Гиббонса, который выражается такъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Вѣра монхъ отцовъ“, ст. 49: «Нельзя отрицать того, что извращеніе въ XVI вѣкѣ было настолько велико, что общая реформа была необходима, и что ослабленіе дисциплины захватило даже самую церковь». Въ виду такого категорическаго сужденія надо быть слѣпымъ для того, чтобы видѣть въ реформаціи только предлогъ, которымъ воспользовались князья и коммуны, чтобы завладѣть церковнымъ имуществомъ, какъ это увѣряютъ нѣкоторые католики. Къ тому-же преобразованія, предписанныя Тріентскимъ соборомъ, совершившіяся тридцать лѣтъ спустя послѣ преобразованій, начатыхъ Лютеромъ и Цвингли, указываютъ съ очевидностью, что въ нѣдрахъ церкви происходили многочисленные безпорядки.

дисциплиной котораго нельзя не восхищаться, давалъ обѣтъ абсолютнаго послушанія папѣ; члены его были готовы «идти всюду, куда папѣ заблагоразсудится послать ихъ, обойти весь міръ, если нужно, идти по его приказанію проповѣдывать туркамъ, язычникамъ, невѣрнымъ, безъ противорѣчій, безъ условій, безъ платы и безъ замедленія». Во главѣ его былъ поставленъ безсмѣнный генералъ, облеченный абсолютной властью.

«Новые солдаты Іисуса», говоритъ Вюльеменъ, «уже не носили названія монаха, оно упало слишкомъ низко, но они жили какъ монахи, отдѣленные отъ міра, и подчинялись уставу послушанія. Они сумѣли соединить вѣжливость съ суровостью, современную науку съ религіознымъ знаніемъ. Церковь упрекали въ неподвижности, они припялись за миссіонерство. Продажа индульгенцій была причиной раскола, они не стали брать никакой платы за исполненіе обязанностей священника, лично они давали обѣтъ бѣдности, хотя общество и могло богатѣть. Ихъ мораль примѣняется къ ихъ роли, а ихъ политика къ современной политикѣ. Съ тѣхъ поръ нѣтъ больше послабленій; часъ компромиссовъ прошелъ; церковь вооружилась и приготовилась къ битвѣ».

Протестанты, не надѣявшіеся на справедливое отношеніе собора къ ихъ жалобамъ, заранѣе отказались признать его авторитетъ. Карлъ V заключилъ въ 1546 г. тайный договоръ, которымъ онъ обязался передъ папой силой заставить протестантовъ подчиниться. Засѣданія этого собора, много разъ прерываемыя вслѣдствіе возникавшихъ между папой и императоромъ несогласій, продолжались до 1563 г.

При заключеніи мира въ Кренн (1544) Карлъ V и Францискъ I обязались другъ передъ другомъ согласно стараться спасти католическую вѣру отъ опасностей, грозившихъ ей со стороны реформаціи. Въ Провансѣ произошло страшное избіеніе старыхъ учениковъ Вальдо, многихъ изъ нихъ король послалъ на галеры, нимъ удалось бѣжать и сквозь тысячи опасностей добраться до Женевы.

Съ своей стороны протестантскія государства Германіи образовали въ Шмалькальденѣ союзъ съ цѣлью сопротивленія захватамъ императора; но обманутые герцогомъ Морицомъ Саксонскимъ, получившимъ за свою измѣну титулъ курфюрста, они были разбиты при Мюльбергѣ въ 1547 г. Это пораженіе отразилось на Швейцаріи. Городъ Констанцъ, врѣзывающійся въ естественныя границы Швейцаріи, занимаетъ на Рейнѣ положеніе сходное съ занимаемымъ Женевой на Ронѣ; прежде онъ былъ въ союзѣ со швейцарскими городами, но конфедераты, разрозненные послѣ Каппеля, не сговорились о защитѣ его, и онъ снова подпалъ подъ власть австрійцевъ и съ тѣхъ поръ пересталъ развиваться.

Швейцаріи грозила большая опасность, когда династическія соперни-

чества, не разъ уже спасавшія ее, отдалили и на этотъ разъ грозившую ей гибель. Францискъ I умеръ въ 1547 г. Послѣдніе годы его царствованія были очень печальны, миръ при Крепи оскорбилъ національное чувство Генрихъ II, страшившійся не безъ причины развитія австро-испанскаго могущества, сталъ искать союза со швейцарцами и нѣмецкими протестантскими князьями. Бернъ и Цюрихъ отвергли его предложенія; Базель и Шаффгаузенъ, несмотря на несогласіе духовенства, хорошо приняли посланныхъ короля; мнѣнія въ Валлисѣ раздѣлились; Верхній Валлисъ былъ на сторонѣ Испаніи, а Нижній Валлисъ симпатизировалъ Франціи; Граубюнденъ, благодаря вліянію могущественной фамиліи де-Салисъ, склонился послѣ упорной борьбы въ пользу союза съ королемъ, а не съ императоромъ. Остальные кантоны не желали ничего лучшаго какъ возобновить старые договоры. 7-го іюня 1549 г. въ Солотурнѣ былъ подписанъ договоръ.

Швейцарскіе рекруты помогли Франціи вернуть Булонь, находившійся въ рукахъ англичанъ (1549), завладѣть Мецомъ, Тулемъ и Верденомъ и отбросить императорскія войска въ Германію (1552). На югѣ граубюнденцамъ счастье не такъ повезло; призванные на помощь Сьеннѣ противъ имперскихъ войскъ они были разбиты въ битвѣ при Сіанногалло (1554). Однако, звѣзда Карла V была уже на закатѣ; имперскій сеймъ заставилъ его признать свободу вѣроисповѣданія въ протестантскихъ государствахъ (1555), въ слѣдующемъ году онъ передалъ своему сыну Филиппу II испанскую корону, а императорскую —своему брату Фердинанду. Европейское равновѣсіе было возстановлено, чему значительно способствовали конфедераты поддержкою, оказанной ими Франціи.

Въ этотъ-то моментъ Берну и Фрейбургу удалось захватить въ свои руки имѣнія дома де-Грюйеръ, предметъ ихъ давнишнихъ желаній [1]). Графы де-Ого (Верхняго Гау, верхняго Грюйера) впервые упоминаются въ одной изъ монастырскихъ граматъ капитула Notre-Dame въ Лозаннѣ отъ 923 года. Ихъ владѣнія во времена ихъ блеска простирались отъ истоковъ

---

[1]) По Гизели, имя де-Грюйеръ произошло отъ названія должности главнаго лѣсничаго (Grand-Gruier) въ долинѣ верхней Сарины, возложенной королями бургундскими на первыхъ сеньеровъ. Gruier или gruyer въ странахъ съ романдскимъ языкомъ назывался чиновникъ, которому поручалось завѣдываніе лѣсами и рѣками; эта должность главнаго лѣсничаго, носившаго въ другихъ мѣстахъ названіе vénerie, была, какъ и другія должности, фьевомъ, а исполнитель ея облекался въ графское достоинство. Такое производство фамиліи графовъ де-Грюйеръ кажется болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ производство ея отъ grue sur champ de gueules, находившейся въ гербѣ сировъ д'Ого и являвшейся символомъ кочующаго народа; впрочемъ, мы только указываемъ на это, не ручаясь за правильность.

Сарины у подножія Санетча, до потока Трема и отъ Пиллонъ, Ормонъ, Роше де-Не, Данъ де-Ли, до вершинъ Берры и холодной Сенжины. Ихъ подданные выступали подъ знаменами Вапеля (Гессенау и Ружмонъ), Шато-д'Эксъ, Монсальвенъ, Грюйеръ и Корбьеръ, образовывавшихъ столькоже округовъ, раздѣленныхъ на кастелянства. Живописный Грюйеръ, стѣсненный горами, процвѣталъ благодаря своимъ богатымъ пастбищамъ. Онъ былъ населенъ сильными горцами, пріобрѣтшими извѣстность своимъ красивымъ сложеніемъ, смѣлостью, умомъ, гостепріимствомъ и любовью къ свободѣ; его жители, занимавшіеся скотоводствомъ и земледѣліемъ, постепенно и безъ потрясеній перестали быть рабами и стали свободными собственниками. Управленіе графовъ было патріархальное; эти храбрые, великодушные воины увѣнчали горныя вершины въ своемъ маленькомъ государствѣ башнями и основали нѣсколько монастырей: въ Ружмонѣ, Паръ-Діе, Брокъ; они благотворили монастырямъ О-Кре, Отъ-Ривъ, аббатству Гюмилимонъ, монастырю Вальсентъ и др. Въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ феодальные сеньеры часто занимались насиліемъ и грабежомъ, они покровительствовали культурѣ не только въ своихъ владѣніяхъ, но и за предѣлами ихъ [1]). Живя дружно со своими подданными, они пожаловали имъ многія вольности и благодаря своему уживчивому характеру жили въ мирѣ со своими вассалами.

Графы де Грюйеръ, вѣрные религіи, которой они присягали, готовые всегда на защиту своихъ правъ, представляютъ изъ себя типы настоящихъ богатырей; г. Гизели говоритъ, что въ кавалеріи не было солдатъ болѣе достойныхъ чѣмъ они, и ихъ подданные съ сожалѣніемъ перемѣнили въ шестнадцатомъ вѣкѣ своихъ старыхъ господъ на новыхъ. Память объ этихъ рыцарскихъ господахъ долгое время была дорога жителямъ верхней Сарины. Въ этой веселой долинѣ издалека виднѣется живописный бургъ де Грюйеръ, расположенный на отдѣльномъ холмѣ и сохранившій отпечатокъ древности. Верхушка плато, на которомъ расположенъ этотъ феодальный городъ, увѣнчана замкомъ, заботливо реставрированнымъ около тридцати лѣтъ тому назадъ; онъ стоитъ на мѣстѣ болѣе древняго жилища, разрушеннаго въ концѣ пятнадцатаго вѣка. Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ двадцать поколѣній графовъ; ихъ судьба долгое время была предметомъ зависти; они принимали участіе въ крестовыхъ походахъ, находились въ свитѣ императора и управляли въ качествѣ фогтовъ Ваадтландомъ отъ имени савойскаго дома. Браками и инымъ образомъ они расширили свои владѣнія, пріобрѣли въ Орманѣ и въ романдской странѣ

[1]) См. Hisely, Histoire du comté de Gruyère.

баронiи (Обонь, Оронъ) и многочисленные фьевы, по которымъ они стали подданными епископа лозаннскаго, а потомъ Берна.

Въ концѣ пятнадцатаго вѣка любовь къ приключеніямъ увлекла ихъ на путь рискованныхъ предпріятій; они участвовали вмѣстѣ съ конфедератами въ итальянскихъ походахъ; затѣмъ послѣ Мариньяно они нанялись на службу къ Франциску I и потерпѣли вмѣстѣ съ нимъ пораженіе при Бикокѣ. Въ 1543 г. графъ Михаилъ собралъ на службу Франциску I отрядъ въ 4,000 человѣкъ, составленный изъ авантюристовъ: провансальцевъ, итальянцевъ и швейцарцевъ; этотъ плохо организованный отрядъ обезчестилъ на полѣ битвы репутацію, нѣкогда пріобрѣтенную грюйерцами,—онъ бѣжалъ (1545). Послѣ такого пораженія Франциск I отказался платить жалованье наемнымъ солдатамъ. «Я ничего не долженъ, сказалъ онъ, графу де Грюйеръ,—его солдаты бѣжали какъ трусы». Это несчастное событіе было одной изъ причинъ раззоренія графа Михаила. Чтобы смыть позоръ, нанесенный ему его солдатами, онъ еще разъ попыталъ военное счастье, но безъ успѣха. Обремененный долгами и не получая отъ французскаго короля должныхъ ему денегъ, графъ Михаилъ оказался вынужденнымъ отдать свой земли подъ ипотеку.

Среди его кредиторовъ были Бернскіе штаты и Фрейбургъ; положеніе графа ухудшалось съ каждымъ годомъ, и наконецъ наступилъ моментъ, когда его кредитъ оказался окончательно исчерпаннымъ. 21-го декабря 1553 г. несчастный Михаилъ, доведенный до крайности, заявилъ, что предоставляетъ федеральному сейму ликвидацію своихъ дѣлъ. 9-го ноября 1554 г. федеральные комиссары объявили его несостоятельнымъ, и кантоны Бернъ и Фрейбургъ завладѣли его графствомъ подъ условіемъ сохраненія вольностей, пріобрѣтенныхъ его подданными, и съ обязательствомъ удовлетворить остальныхъ кредиторовъ графа. По Гизели, вся сумма долговъ достигала приблизительно 1500000 франковъ на наши деньги.

Такъ-то послѣ шестивѣковаго владычества палъ домъ де Грюйеръ. 6-го ноября 1555 г. Бернъ и Фрейбургъ раздѣлили его земли. Верхній ла Грюйеръ (теперешніе Гессенау, Ружемонъ, Шато д'Экъ и Россиньеръ) достался первому изъ этихъ городовъ; нижній ла Грюйеръ (кастеляиства Грюйерское и ла Туръ де Тремское) достался второму, который раньше уже пріобрѣлъ сеньеріи Бельгардъ, Корбьеръ и Шармей.

И остальныя сеньеріи, которыя Михаилъ имѣлъ въ романдской странѣ, были тоже отобраны. Сеньерія Оронъ, обремененная долгами Унтервальдену и Люцерну, была куплена Берномъ; сеньерія Обонь Николаемъ фонъ Меггенъ въ качествѣ люцернскаго шультгейсса; сеньерія Палезье была продана съ аукціона въ пользу каретника по имени Адамъ Перрье;

сеньерія Буржодъ (близъ Пальи) была пріобрѣтена однимъ ивердонскимъ гражданиномъ.

Послѣ раздѣла Бериъ ввелъ въ новой провинціи реформацію, что не обошлось безъ сопротивленія. Графъ Михаилъ прожилъ послѣ своего разоренія около двадцати лѣтъ. Боковая вѣтвь его рода, Грюйеръ-Эгремонъ, отдѣлившаяся въ началѣ пятнадцатаго вѣка, въ женскомъ поколѣніи соединилась съ фамиліями Сенъ-Сафоренъ, де Пьерръ, де Жоффрей, де Ваттвиль, де Сенье и де Шарръеръ. Послѣдней представительницей этого рода была Елизавета де Грюйеръ, вышедшая замужъ въ 1667 г. за Севастьяна де Шарръеръ и принесшая ему въ приданое сеньерію Севери.

Мы видѣли, какъ понемногу угасали и исчезали съ горизонта графскія фамиліи, господствовавшія въ Швейцаріи въ теченіе среднихъ вѣковъ: Церингены, Ленцбурги, Кибурги, Габсбурги, Бергены, Нидау, Верденберги, Тоггенбурги, Савойскіе и Грюйеры. Только одинъ родъ просуществовалъ подъ различными именами до нашихъ дней, это князья Невшательскіе.

Разсказанныя нами событія, указывающія на прогрессъ реформаціи, отдалили насъ нѣсколько отъ нашего предмета. Пока они совершались, папа продолжалъ дѣло искорененія ереси. Преслѣдованіе, являвшееся тяжелымъ испытаніемъ для тѣхъ, на кого оно обрушилось, закалило характеры. 21-го іюля 1542 г. появилась папская булла, поручавшая шести комиссарамъ вести войну на смерть со всякимъ, кто уклонится отъ «истинной вѣры». Книги были сожжены, тюрьмы наполнились жертвами, альпійскія дороги покрылись бѣглецами.

Италія изгнала много семей, которыя могли способствовать ея процвѣтанію, и лишила себя славы, которую онѣ доставили своей новой родинѣ. Изгнанники были приняты въ Швейцаріи съ распростертыми объятіями. Каландрини, Турреттини, Діодати и др. поселились въ Женевѣ; Бернардо Окино, генералъ ордена капуциновъ, Лелій Социнъ и Петръ Вермилій (Petrus Martyr Vermilius) въ Цюрихѣ; Куріонъ въ Лозаннѣ; многіе, и въ числѣ ихъ Вергерій, бывшій папскій легатъ въ Германіи, нашли убѣжище въ Граубюнденѣ.

Въ Локарно образовалась протестантская община; многіе итальянцы присоединились къ ней; тогда фогты Лѣсныхъ кантоновъ стали преслѣдовать ее, опираясь на текстъ мирнаго договора 1531 года. По настоянію протестантскихъ кантоновъ католики не побросали локарнскихъ реформатовъ въ тюрьму, но изгнали ихъ, позволивъ имъ захватить или продать имущества; члены этой общины въ числѣ 116 человѣкъ перешли черезъ Бернарденъ подъ командой своего пастора Беккаріа и основались въ Цюрихѣ (1555), гдѣ они ввели шелковое производство, по-

служившее въ значительной степени къ процвѣтанію этого города; съ этого года ведутъ свое начало въ Цюрихѣ фамиліи Муральтъ, Орелли и др.

Тріентскій соборъ продолжалъ свои совѣщанія; засѣданія происходили по два раза въ недѣлю, вещь невиданная въ ту эпоху; его курьеры ѣздили изъ Тріента въ Римъ и обратно, такъ что французскіе прелаты говорили, что Духъ Святой приходитъ въ назначенный день въ почтовой сумкѣ курьера. Верховное собраніе закончило свои совѣщанія въ 1558 г., признавъ необходимость цѣлаго ряда энергическихъ мѣръ, которыя должны были дать возможность выступить противъ протестантизма и воздвигнуть во всѣхъ пунктахъ Европы противупротестанскія баттареи.

Совѣтъ кардиналовъ понялъ наконецъ, что ему необходимо имѣть во главѣ своей людей строгой нравственности. Папы, занимавшіе папскій престолъ, начиная съ середины XVI-го вѣка, часто отличались инквизиторскимъ рвеніемъ, но также и строгостью характера и были вѣрными хранителями чести апостольскаго престола. Преобразовавъ свой дворъ, они могли уже предъявлять требованія и къ духовенству, какъ къ бѣлому такъ и къ черному.

Было рѣшено, что въ епископы будутъ избираться только люди зрѣлаго возраста, образованные и нравственные, и что посвященіе въ санъ, тонзура и избраніе должны даваться даромъ. Прелаты были обязаны жить въ своихъ епархіяхъ и уже не могли имѣть нѣсколькихъ епископствъ сразу. Провинціальные соборы должны были собираться каждые три года, а епархіальные синоды каждый годъ. Отвратительная продажа индульгенцій была уничтожена, епископамъ было приказано прибѣгать къ отлученію обдуманно и осмотрительно.

Подъ вліяніемъ рѣшеній собора, а также общественнаго мнѣнія въ высшемъ и низшемъ духовенствѣ произошла перемѣна: то и другое стало соблюдать большую благопристойность и вносить больше рвенія въ исполненіе своихъ обязанностей; многіе прелаты, между прочимъ Карлъ Борромейскій, архіепископъ Миланскій, и Франсуа де Саль, епископъ Аннеси, давали примѣръ благочестія и христіанскихъ добродѣтелей.

Эпоха возрожденія застала монашество въ полномъ упадкѣ; благодеяніе и слѣпое уваженіе толпы породили безнравственность; монахи, замѣнявшіе прежде неспособное свѣтское духовенство, дали знаменитыхъ писателей и теологовъ, но они явились противниками человѣческаго прогресса и всюду, гдѣ реформація одержала верхъ, они пали подъ тяжестью общественнаго порицанія.

Римская церковь не могла обойтись безъ помощи монаховъ, поэтому, чтобы вернуть имъ потерянное ими уваженіе, она приказала мона-

хамъ строго соблюдать уставы. Епископамъ было поручено слѣдить за тѣмъ, чтобы монахи не нарушали уставовъ монастырской жизни. Всегда трудно измѣнить привычки общинъ уже установившихся; улучшенія могутъ быть введены только путемъ болѣе строгихъ уставовъ, путемъ соревнованія. Мы раньше видѣли, какъ монахи св. Бенуа и доминиканцы были вытѣснены цистерціанцами; орденъ меньшихъ братьевъ, принявшій въ 1536 г. имя капуциновъ, отдѣлился въ шестнадцатомъ вѣкѣ отъ францисканцевъ; капуцины отличались духомъ преданности и самоотверженія, воздержаніемъ, рвеніемъ, съ которымъ они ухаживали за чумными, а также веселыми и простыми проповѣдями; любители легендъ и суевѣрій, они прекрасно умѣли покорять грубую толпу — вродѣ теперешнихъ членовъ арміи спасенія — и способствовали сохраненію простыхъ душъ въ лонѣ римской церкви.

Прошло время чисто созерцательной жизни; измѣненіе старыхъ уставовъ напрашивалось само собою, оно было вызвано реформаціей, которая стремилась къ болѣе тѣсному сближенію религіи съ жизнью. Капуцины до нѣкоторой степени отвѣчали этимъ новымъ требованіямъ, поэтому они скоро пріобрѣли популярность, особенно въ южныхъ странахъ. Рядомъ съ ними возникли другіе ордена, преслѣдовавшіе различныя цѣли: театинцы, варнавиты, братья милосердія, ораторіанцы, посвящавшіе себя проповѣди, воспитанію сиротъ, уходу за больными и наукѣ духовной и свѣтской.

Но всѣ эти ордена, какъ новые, такъ и старые, были превзойдены въ пріобрѣтеніи вліянія и довѣрія Обществомъ Іисуса, основанномъ, какъ мы видѣли, Игнатіемъ Лойолой. Этотъ знаменитый орденъ отличался удивительною дѣятельностью. Обученіе юношества, духовное вліяніе и миссіонерство— вотъ великія задачи, принятыя на себя іезуитами, въ исполненіи которыхъ они достигли удивительнаго успѣха. Чтобы имѣть возможность предаваться своимъ обязанностямъ безъ помѣхи, они были освобождены по уставу отъ большей части благочестивыхъ упражненій, составлявшихъ до нѣкоторой степени сущность монашеской жизни, какъ ее понимали католики, и отнимавшей у членовъ прежнихъ орденовъ много времени; имъ было запрещено изнурять тѣло постомъ, бдѣніемъ и умерщвленіемъ плоти. Іезуиты явились избранниками среди многочисленныхъ монашескихъ орденовъ. Отъ вступавшихъ въ орденъ требовалось сильное здоровье, абсолютное послушаніе орденскому генералу, полное самоотреченіе. Члены конгрегаціи имѣли другъ надъ другомъ постоянное наблюденіе; любовь къ родинѣ, къ семьѣ считалась чувственною склонностью.

Принципомъ Общества Іисуса было удерживать въ нѣдрахъ своего ордена только тѣхъ членовъ, которые могли ему быть полезными своими талантами, своею ловкостью, своимъ богатствомъ, благородствомъ проис-

хожденія или довѣріемъ, которое они возбуждали въ окружающихъ; оно изгоняло послушниковъ посредственныхъ, не отвѣчавшихъ его ожиданіямъ. Образованіе было доведено іезуитами до высокой степени; ихъ теологи отличались въ казуистикѣ, они были наготовѣ для разрѣшенія безчисленныхъ случаевъ, предъявляемыхъ на духовный судъ. Такъ какъ одни и тѣ же методы управленія не пригодны одинаково для всѣхъ душъ, но одними можно управлять строгостью, другими снисходительностью, то каждый духовникъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ множество разнообразныхъ правилъ, которыя онъ примѣнялъ сообразно характеру и даже вкусу исповѣдующагося или его положенію въ свѣтѣ. Преподобные отцы іезуиты прославились искусствомъ, съ которымъ они учили давать въ случаѣ нужды волю страстямъ, извиняли смертные грѣхи, стирали посредствомъ тысячей хитросплетеній границу между добромъ и зломъ, справедливымъ и несправедливымъ; допускали или сглаживали прегрѣшенія посредствомъ ловкаго направленія намѣреній или reservatio mentalis.

Іезуитская фаланга выказала отмѣнную ловкость въ борьбѣ съ реформаціей и задержала ея развитіе; она сумѣла связать вокругъ себя множество интересовъ, поколебленныхъ религіозной революціей; она предложила свою поддержку правительствамъ, которымъ грозила опасность. Отказавшись отъ грубыхъ нивеллирующихъ формъ старыхъ орденовъ, іезуиты умѣли принимать при случаѣ гибкія, вѣжливыя, почтительныя и любезныя манеры, нравящіяся сильнымъ міра сего; ихъ коллегіи, какъ и ихъ церкви, носили характеръ элегантности, привлекающій съ перваго взгляда; они покрывали бархатомъ, говоритъ одинъ авторъ, скамеечки своихъ налоевъ. Соціальныя различія тщательно соблюдались; въ ихъ обителяхъ дворяне не подвергались опасности быть смѣшанными съ буржуа, въ коллегіяхъ дѣти дворянъ пользовались особеннымъ попеченіемъ. Ихъ члены проникали въ дома великихъ міра и узнавали всѣ тайны, которыя имъ было важно знать. Эти безпощадные враги протестантизма оказываются замѣшанными во всѣхъ интригахъ, во всѣхъ заговорахъ противъ учениковъ Лютера и Кальвина; они были главными орудіями великой католической реакціи, которая дала себя чувствовать послѣ Тріентскаго собора.

Іезуиты снова вернулись къ римской традиціи, нѣсколько измѣнивъ ее, и стали вмѣшиваться въ дѣла политики; они сдѣлались самыми ревностными защитниками монархическаго принципа, но вмѣсто того, чтобы грубо выражать свое мнѣніе и унижать монархію, какъ во времена Григорія Великаго и Иннокентія III, они старались опутать и всякими средствами заставить монарховъ, которыми они скрытно руководили, служить ихъ цѣлямъ, ловко сваливая на нихъ всю отвѣтственность за ихъ по-

ступки. Честолюбіе іезуитовъ все усиливалось и достигло такихъ размѣровъ, что вывело изъ терпѣнія королей французскаго, испанскаго, сицилійскаго и папу Климента XIV и кончилось кратковременнымъ ихъ уничтоженіемъ.

Хотя трудно опредѣлить принципы, все же слѣдуетъ различать, приступая къ этимъ вопросамъ, доктрину отъ дисциплины, вѣрованіе отъ традицій и укоренившихся воззрѣній. Тріентскій соборъ не представляетъ собой прогресса мысли, реформы его относились къ дисциплинѣ и нравамъ; онъ далъ удовлетвореніе императорамъ и королямъ французскому и испанскому, обуздавъ нѣкоторыя злоупотребленія, которыя не удалось уничтожить констанцскому и базельскому соборамъ, но, что касается вѣры, то онъ поддержалъ и закрѣпилъ ученіе римской церкви.

Вопросъ о непогрѣшимости папы, который пришлось рѣшить собору 1870 года, былъ оставленъ въ сторонѣ. Соборъ ограничился тѣмъ, что провозгласилъ непогрѣшимость католической церкви, непогрѣшимость, основывающуюся въ общемъ на софизмѣ, который можно выразить такъ: «Мы непогрѣшимы, потому что мы это утверждаемъ, а наше утвержденіе вѣрно, потому что мы непогрѣшимы». Затѣмъ соборъ опредѣлилъ источникъ вѣры, который онъ, въ противоположность Иринею, Тертуліану, Августину и другимъ отцамъ церкви, видѣлъ въ св. писаніи и преданіи.

Споры на соборѣ были очень горячіе; вмѣстѣ съ кардиналами, епископами и священниками, посящими митру, пользовавшимися рѣшающими голосами, засѣдало много теологовъ, участвовавшихъ только въ преніяхъ. Когда былъ поднятъ вопросъ о каноническихъ книгахъ, то теологи и прелаты оказались несогласными; первые, опираясь на нѣсколькихъ отцовъ церкви (Евсевія, Оригена, Аѳанасія, Августина, Иринея и др.) единогласно признавали второстепенность книгъ, которыя протестантами считались апокрифическими (Товія, Маккавеевъ и др.); но ихъ мнѣніе не было принято, и такъ называемые апокрифическія книги были признаны прелатами собора за каноническія. Надо было еще рѣшить, на какомъ языкѣ книги библіи, признанныя съ этого времени равноцѣнными, должны считаться боговдохновенными и непогрѣшимыми. Совѣтъ, порвавъ съ учеными стремленіями эпохи возрожденія, высказался въ пользу латинскаго перевода, извѣстнаго подъ именемъ Вульгаты, главный авторъ которой есть св. Іеронимъ. Рѣшивъ этотъ вопросъ, соборъ издалъ «запрещеніе объяснять св. писаніе въ иномъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который признанъ церковью». Этотъ указъ, правда, не запрещалъ чтенія библіи, но папа не замедлилъ обнародовать подобное запрещеніе. Черезъ три мѣсяца по закрытіи собора папа Пій IV, издавая каталогъ книгъ, запрещенныхъ имъ, предпослалъ ему сводъ правилъ, и между ними слѣдующее: «Такъ какъ опытъ показалъ,

что, если позволить чтеніе священныхъ книгъ всѣмъ безъ разбора, то оно, вслѣдствіе людской безразсудности, принесетъ больше вреда чѣмъ пользы, поэтому съ этого времени будетъ зависѣть отъ рѣшенія епископа или инквизитора, на основаніи мнѣнія священника или исповѣдника, предоставленіе чтенія этихъ книгъ, переведенныхъ на общеупотребительный языкъ католическими авторами, тѣмъ, кто по ихъ мнѣнію не почерпнетъ изъ нихъ ничего противнаго вѣрѣ и благочестію».

Мы не имѣемъ въ виду дать списокъ постановленій Тріентскаго собора; сказаннаго нами достаточно для того, чтобы показать, что онъ не только не привелъ къ соглашенію между двумя вѣроисповѣданіями западнаго христіанства, но что, напротивъ, онъ стремился еще усилить расколъ шестнадцатаго вѣка. Римская курія не согласилась ни на какую уступку, могущую вернуть протестантовъ въ лоно вселенской церкви. Каждая изъ обѣихъ партій осталась при своемъ мнѣніи, и разногласія между ними все яснѣе обрисовывались съ теченіемъ времени. Это былъ съ одной стороны принципъ безусловнаго подчиненія постановленіямъ римской куріи, вытекавшій изъ монополизаціи ею толкованія св. писанія, связанный въ области политики съ системой монархическаго абсолютизма; съ другой, у протестантовъ, принципъ свободы изслѣдованія, пользующагося данными науки и опирающагося на свободно толкуемое св. писаніе и на рѣшенія индивидуальной совѣсти; а въ области политики постепенная эмансипація гражданъ и участіе ихъ въ дѣлахъ общественныхъ. Другими словами, это съ одной стороны неподвижность и сохраненіе всѣхъ монополій и всѣхъ преимуществъ, порабощеніе науки опредѣленнымъ цѣлямъ и постоянное интеллектуальное несовершеннолѣтіе индивидовъ, находящихся подъ опекой римской куріи; а съ другой стороны эволюція, стремленіе къ прогрессу, развитіе индивидуальной отвѣтственности. Эти два теченія соотвѣтствуютъ двумъ стремленіямъ человѣческаго духа; на почвѣ экономической мы встрѣтимъ аналогичную борьбу между протекціонистами и защитниками свободной торговли; здѣсь какъ и тамъ можно замѣтить, что принятіе какой-либо слишкомъ исключительной системы приводитъ къ печальнымъ результатамъ.

Эти оба стремленія отразились въ области соціальной; плоды этихъ противуположныхъ теорій ясно видны; чтобы ихъ констатировать—достаточно сравнить судьбу Испаніи и Италіи, которыя безусловно приняли постановленія Тріентскаго собора, съ судьбою Германіи, Нидерландовъ, Англіи, Скандинавіи, гдѣ восторжествовалъ духъ реформаціи.

Въ числѣ вопросовъ, поднятыхъ Тріентскимъ соборомъ, упомянемъ еще объ ученіи о первородномъ грѣхѣ, о безпорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (вопросъ долгое время оспариваемый и окончательно рѣшенный въ

утвердительномъ смыслѣ только въ 1854 г. папою Піемъ IX), наконецъ о таинствахъ. Таинство брака было долго обсуждаемо прелатами, собравшимися на соборъ. Собственно говоря, бракъ совсѣмъ не есть религіозный актъ, такъ что церковь считаетъ его даже состояніемъ низшимъ чѣмъ безбрачіе; вмѣшательство церкви въ бракъ оправдывается тѣмъ, что, дѣлая изъ него таинство, она тѣмъ доставляетъ себѣ могущественное средство къ вліянію, поэтому она постаралась окружить его цѣлымъ рядомъ предписаній, соблюдать которыя долженъ каждый католикъ. Бракъ былъ признанъ нерасторжимымъ, разводъ былъ воспрещенъ; зато были предвидѣны многіе случаи недѣйствительности брака, такъ что расторженіе супружескаго союза подъ этой скрытой формой и при помощи денегъ часто легче достигается, чѣмъ разводъ. Безбрачіе священниковъ было сохранено соборомъ, несмотря на всѣ безпорядки, вызываемые безбрачіемъ. Безбрачіе священниковъ не составляетъ необходимаго условія католическаго ученія, что видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ восточныхъ церквяхъ, признающихъ главенство папы, бракъ священникамъ разрѣшенъ. «Если отдѣльный хозяинъ», замѣчаетъ г. Бюнгенеръ, «имѣетъ право принимать къ себѣ на службу по желанію только холостыхъ, то нельзя отказать и обществу въ правѣ предъявлять это требованіе людямъ, которымъ оно платитъ». Во всякомъ случаѣ римская церковь подвергла своихъ слугъ большимъ искушеніямъ, потребовавъ отъ нихъ столь тяжелой жертвы, и многіе павшіе и затѣмъ раскаявшіеся священники перешли въ реформацію и стали честными семьянами. Въ дѣйствительности бракъ, а не целибатъ, есть нормальное состояніе человѣка; трудно считать болѣе святымъ то состояніе, которое, если бы оно было всѣми принято, привело бы къ уничтоженію рода человѣческаго, что было бы противно божественнымъ намѣреніямъ. Какъ можно допустить, признавъ создателя всемогущимъ и всемудрымъ, чтобы въ его созданіи существовала такая область, въ которой ненормальное состояніе было бы существенно чище чѣмъ нормальное? «Слѣдовательно фиговое дерево», говоритъ одинъ полемистъ,—«болѣе чисто, когда оно безплодно, чѣмъ когда оно покрыто плодами». Развѣ Христосъ въ одной изъ своихъ притчъ не осудилъ слугу, спрятавшаго свои таланты, и не наградилъ того, кто ихъ увеличилъ? Но для римской церкви целибатъ священниковъ есть средство къ господству, отъ котораго она не желала отказаться; она предпочитала закрыть глаза на частыя нарушенія своего тяжелаго закона.

Всѣ постановленія собора были для вѣрующихъ абсолютно обязательными; осмѣливавшіеся внушать идеи, противныя постановленіямъ собора, предавались анаѳемѣ.

Событія, происходящія во Франціи, обыкновенно отражаются въ Швей-

царіи. Францискъ I умеръ въ 1547 г.; его могучій противникъ, Карлъ V, ослабѣвшій отъ старости, озлобленный непріятностями, испытанными имъ въ Германіи, отказался въ 1556 г. отъ испанской короны въ пользу сына своего Филиппа II и уступилъ имперію своему брату Фердинанду.

Царствованіе Филиппа II, столь пагубное для Испаніи, началось блестяще. Побѣда при Сенъ-Кантенѣ, одержанная надъ французами въ 1557 г., покрыла славой испанское войско. Войскомъ Филиппа II командовалъ Эмануилъ-Филибертъ Савойскій, и результатомъ этой побѣды было возвращеніе этому князю части Савойи, отнятой двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Франциском I у Карла Ш. Когда по договору въ Като-Камбрези въ 1559 г. Франція отказалась отъ своихъ завоеваній, возникъ вопросъ о томъ, удержатъ-ли Бернъ и Фрейбургъ свои. Эмануилъ-Филибертъ послалъ въ кантоны посольство съ предложеніемъ союза и просилъ о возвращеніи ему романдской страны. Солотурнъ и Люцернъ, Цугъ и Лѣсные кантоны благосклонно приняли эти предложенія; они заключили союзъ съ герцогомъ Савойскимъ и взялись поддержать просьбу Эмануила-Филиберта. Положеніе Берна становилось критическимъ, ибо Испанія готова была поддержать требованія Савойи. Цюрихъ совѣтовалъ Берну войти въ соглашеніе. Ваадтландцы успѣли уже привыкнуть къ Берну и къ новой вѣрѣ. Въ самомъ Бернѣ образовались двѣ партіи: партія войны желала, во что бы то ни стало, сохранить въ цѣлости всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя на счетъ Савойи; она разсчитывала безъ сомнѣнія на враждебныя отношенія между Франціей и Испаніей; во главѣ партіи мира стоялъ шультгейссъ Негели, завоеватель провинцій, явившихся предметомъ спора; онъ находилъ, что лучше обезпечить за собой трактатомъ въ должной формѣ владѣніе Ваадтландомъ, чѣмъ рисковать всѣмъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ осторожность одержала верхъ въ совѣтахъ республики, и по Лозаннскому договору отъ 30-го октября 1564 г. Бернъ вернулъ собственно Шабле, Женевскую область и страну Гексъ; но онъ удержалъ Старый Шабле (Вевэ, Шильонъ, Вильневъ), Лозанну и остальную часть Ваадтланда. Въ Лозаннскій договоръ было включено условіе, что герцогъ Савойскій будетъ уважать вольности и религію своихъ прежнихъ подданныхъ, изъ которыхъ большая часть приняла протестантство. Съ своей стороны Бернъ и Фрейбургъ обѣщали уважать вольности завоеванныхъ странъ; эти права и преимущества были поставлены подъ охрану Франціи и Испаніи (апрѣль и августъ 1565). Нечего и говорить, что ни съ той, ни съ другой стороны условія не были соблюдены. Валлійскія дізены вернули Тононъ и долину d'Abondance герцогу Савойскому (3-го марта 1569) по Тононскому договору, а взамѣнъ сохранили округъ Монтей. Фрейбургъ сохранилъ свои присоединенія. Гер-

цогъ былъ очень не прочь вернуть себѣ Женеву, но Бернъ защитилъ свою союзницу и сумѣлъ добиться отъ Савойи обѣщанія оставить этотъ городъ въ покоѣ (договоръ 5 мая 1570 г.).

Въ это время французское государство было въ упадкѣ; оно было очень ослаблено религіозными войнами; большая часть дворянъ приняли новую вѣру и противились правительству. Генрихъ II умеръ въ 1559 г.; ему наслѣдовалъ его старшій сынъ, Францискъ II, который умеръ въ 1560 г., не оставивъ наслѣдника. Въ первые годы царствованія Карла IX регентшей была его мать Катерина Медичи. Колеблясь между двумя

Фиг. 21. Портретъ Людовика Пфиффера.

партіями, эта печальной памяти королева, видя, что просвѣщеннѣйшіе люди королевства склоняются къ реформаціи, одно время, казалось, готова была примириться съ ними, но вліяніе іезуитовъ одержало верхъ, и дворъ въ концѣ концовъ примкнулъ къ партіи Гизовъ, которую поддерживалъ король испанскій. Конфедераты принимали участіе въ этихъ междоусобныхъ войнахъ въ качествѣ наемниковъ. Отряды католическихъ кантоновъ подъ командой Пфиффера (фиг. 21) сыграли, благодаря свойственному имъ мужеству, главную роль въ битвѣ при Дрё въ 1562 г. и способствовали пораженію протестантовъ, находившихся подъ командой Конде и

Колиньи. Пять лѣтъ спустя тотъ же Людовикъ Пфифферъ, прозванный за свою храбрость королемъ швейцарцевъ, прикрывалъ отъ Мо до Парижа отступленіе Карла IX, которому угрожали гугеноты Колиньи; объ ихъ энергичномъ образѣ дѣйствія въ этомъ важномъ обстоятельствѣ упоминаетъ французскій историкъ Фьеффе какъ о дѣлѣ, заслуживающемъ величайшихъ похвалъ.

Реформація удержалась въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ она одержала верхъ, въ тѣхъ-же, гдѣ она существовала рядомъ со старой вѣрой, она была искоренена благодаря интригамъ іезуитовъ, поддерживаемыхъ Филиппомъ II. Какъ только Шабле снова подпалъ подъ власть Савойскаго дома, онъ былъ вынужденъ отказаться отъ реформаціи, не взирая на условія трактата; походъ противъ протестантовъ велся съ большой энергіей и большой жестокостью Франсуа де-Салемъ, который былъ за свои услуги канонизованъ. Реформація нашла нѣсколькихъ послѣдователей въ Валлисѣ, но натолкнулась тамъ на такую враждебность, что приверженцы ея не могли тамъ удержаться; то же было и въ Поррентрю.

Ультрамонтанская реакція нашла доблестнаго воителя въ лицѣ архіепископа Миланскаго, кардинала Карла Борромейскаго. Благодаря частымъ сношеніямъ съ Люцерномъ, продолжавшимъ быть центромъ католичества, и личнымъ разговорамъ съ правителями другихъ католическихъ кантоновъ, онъ не переставалъ возбуждать ихъ къ истребленію ереси. Чтобы обезпечить своему дѣлу успѣхъ, онъ добился въ 1574 г. допущенія іезуитовъ въ Люцернъ, гдѣ семья Пфифферъ построила для нихъ прекрасную коллегію, и откуда они были въ 1586 г. призваны въ Фрейбургъ. Затѣмъ, такъ какъ этотъ орденъ не находилъ въ мелкихъ кантонахъ достаточно средствъ для существованія, кардиналъ Борроме поселилъ тамъ капуциновъ, орденъ менѣе дорогой, болѣе популярный, который тамъ вскорѣ очень распространился. Въ 1579 г. онъ создалъ въ Миланѣ гельветскую коллегію, назначеніе которой состояло въ подготовленіи миссіонеровъ для Швейцаріи. Для наблюденія за этими различными учрежденіями, онъ учредилъ въ Люцернѣ постоянную нунціатуру.

Подъ покровительствомъ этой нунціатуры и была заключена въ 1586 г. между католическими кантонами знаменитая лига, прозванная Борромейской, члены которой давали обѣщаніе жить и умереть въ вѣрѣ своихъ отцовъ и взаимно поддерживать другъ друга ради этой цѣли. Въ 1587 г. католическіе кантоны заключили договоръ съ Испаніей, обѣщавшей поддерживать ихъ противъ конфедератовъ. Всюду, говоритъ Вюльеменъ, церковь имѣла больше значенія, чѣмъ отечество. Были католиками или протестантами, а потомъ ужъ швейцарцами.

Въ Аппенцеллѣ борьба дошла до того, что вызвала необходимость

раздѣленія этого кантона на два государства. Проживъ въ мирѣ шестьдесятъ лѣтъ, честные горцы позволили капуцинамъ убѣдить себя, что такое положеніе не можетъ продолжаться; послѣдовали смуты, конфедераты вмѣшались, и произошло раздѣленіе: католики сгруппировались во внутреннихъ Родахъ и поспѣшили примкнуть къ Борромейской лигѣ и къ испанскому союзу; протестанты удалились во внѣшніе Роды (1584—1597).

Казалось-бы, что вопросъ объ измѣненіи календаря не имѣетъ отношенія къ религіи, однако онъ былъ поднятъ на Тріентскомъ соборѣ, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать изъ него яблоко раздора. Юліанскій календарь, восходившій ко времени Юлія Цезаря, отсталъ на десять дней отъ истиннаго времени. Папа Григорій XIII приказалъ вычеркнуть эти десять дней изъ 1582 г. Католики послушались, протестанты отказались. Воспослѣдовалъ горячій споръ на сеймѣ. Только столѣтіе спустя протестанты уступили очевидной необходимости этой реформы.

Два знамени развѣвались надъ Европой и связывали все подъ своими складками. Энтузіазмъ перемѣнилъ лагерь, вліяніе католицизма все усиливалось. Обращеніе нѣсколькихъ деревень въ окрестностяхъ Грансона и баронія Саксъ были послѣдними побѣдами протестантизма въ Швейцаріи.

Только что разсказанный нами періодъ швейцарской исторіи является однимъ изъ самыхъ печальныхъ, пройденныхъ ею. Казалось, федеральныя узы были окончательно порваны. Религія, столь необходимая для счастья народовъ и индивидовъ благодаря надеждамъ, которыя она открываетъ для сердца и ума, стала причиной глубокаго раздора. Ея представители вносили въ исполненіе своихъ обязанностей воинственный духъ, къ которому часто примѣшивались злоба и мірскія страсти. Будемъ думать, что, поступая такъ, они повиновались голосу совѣсти, но, къ сожалѣнію, они подчинялись чужеземнымъ вліяніямъ и прибѣгали къ насилію, навязывая свою вѣру, вмѣсто того, чтобы искать разрѣшенія задачъ, смущавшихъ умы того времени, въ свободѣ совѣсти.

Но въ этой мрачной картинѣ встрѣчаются и свѣтлыя пятна; чувство чести, которое поддерживалось даже на чужбинѣ привычкой къ оружію, сохранилось. Швейцарцы умѣли относиться съ уваженіемъ къ несчастью; хотя они и отказались играть роль въ Европѣ, но они оставались господами у себя и давали убѣжище тѣмъ, кому желали дать его. Со времени реформаціи изгнанники смотрѣли на Швейцарію, какъ на землю обѣтованную, какъ на страну-убѣжище, гдѣ гостепріимный пріемъ ждалъ всякаго лишившагося родины, гдѣ притѣсненный чувствовалъ себя защищеннымъ отъ жестокости своихъ преслѣдователей.

«Гостепріимный пріемъ, оказанный городами Базель, Женева, Бернъ и Цюрихъ жертвамъ Варѳоломеевской ночи», сказалъ намъ незадолго до своей смерти графъ де-ла-Бордъ,—«и категорическій отказъ протестантскихъ кантоновъ, данный посланникамъ Карла IX, требовавшимъ удаленія гугенотовъ, дѣлаютъ величайшую честь Швейцаріи. Это одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ ея исторіи».

Доброе дѣло никогда не пропадаетъ даромъ. Французскіе и итальянскіе реформаты принадлежали въ нравственномъ отношеніи къ избранной части націи; страданія, которыя имъ пришлось перетерпѣть, прежде чѣмъ они вступили на почву Гельвеціи, закалили ихъ характеръ. Путемъ брака съ туземными жителями эмигранты привили Швейцарцамъ новую кровь и оказали большое вліяніе на нравы; они подняли уровень умственнаго развитія и дали могущественный толчокъ промышленности и торговлѣ.

Не поразительно-ли, что шесть самыхъ главныхъ городовъ Швейцаріи (Цюрихъ, Женева, Базель, Бернъ, Лозанна и Сенъ-Галленъ) протестантскаго вѣроисповѣданія! Когда читаешь Histoire des savants М. А. де-Кандолля, то удивляешься значительному количеству знаменитыхъ въ наукѣ людей, данныхъ протестантскими кантонами, и относительной безплодности католическихъ кантоновъ. Списокъ дѣйствительныхъ членовъ или членовъ корреспондентовъ академій: парижской, лондонской, берлинской, послужившій основаніемъ для выводовъ де-Кандолля, доказываетъ намъ, что нѣтъ города, который-бы относительно далъ столько ученыхъ, сколько дали Женева и Базель. Это замѣчательное умственное богатство объясняется отчасти, конечно, тѣмъ, что протестантскіе города Швейцаріи продолжительное время привлекали къ себѣ французскихъ и итальянскихъ протестантовъ. Романдская Швейцарія, пріютивъ у себя французскихъ реформаторовъ: дофинца Фареля, пикардійца Кальвина, бургундца Т. де-Бэза и многихъ другихъ, сберегла сокровища ума французскихъ протестантовъ, на который она наложила свою печать, и который она обогатила своимъ собственнымъ духомъ, такъ что, когда послѣ двухвѣковаго преслѣдованія, гугеноты могли, наконецъ, вернуться во Францію, они принесли съ собой особый умственный отпечатокъ, благодаря которому они кажутся своимъ соотечественникамъ чужеземцами.

Всѣмъ извѣстны обстоятельства, при которыхъ имѣла мѣсто рѣзня Варѳоломеевской ночи. Благочестивый адмиралъ де-Колиньи, одинъ изъ главныхъ представителей партіи гугенотовъ, а также многіе дворяне, его единовѣрцы, были призваны въ Парижъ по случаю свадьбы короля Генриха Наваррскаго и Маргариты де-Валуа, бракъ, который можно было разсматривать какъ залогъ мира для протестантовъ.

«Я даю мою сестру», говорилъ Карлъ IX, «не принцу Наваррскому, но всѣмъ гугенотамъ, какъ-бы въ знакъ союза съ ними и чтобы отнять у нихъ всякое сомнѣніе въ непоколебимой твердости моихъ эдиктовъ». По прибытіи ко двору, Колиньи получилъ отъ короля, питавшаго къ нему расположеніе, формальное увѣреніе, что партія Гизовъ не предприметъ ничего ни противъ него, ни противъ людей его свиты. Однако, безъ вѣдома государя, составился заговоръ между королевой матерью, герцогомъ Анжуйскимъ и Гизами, и 22-го августа 1572 г. благородный адмиралъ былъ при выходѣ изъ Лувра раненъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ изъ окна гасконскимъ капитаномъ по имени Моревель или Морevertъ. Какъ только Карлъ IX узналъ объ этомъ, онъ отправился въ сопровожденіи королевы-матери и герцоговъ Анжуйскаго и Алансонскаго къ адмиралу. Король входя сказалъ Колиньи: «Мой отецъ, вамъ—рана, мнѣ—горе и оскорбленіе; я за это такъ отомщу, что объ этомъ будутъ помнить». Вернувшись въ Лувръ, король велѣлъ написать письма къ иностраннымъ дворамъ, въ которыхъ увѣдомлялъ о совершенномъ покушеніи на жизнь адмирала и извѣщалъ о томъ, что виновныхъ ждетъ строгое наказаніе. Эти письма не были отосланы.

На другой день, въ субботу, 23-го августа, королева-мать, герцогъ Анжуйскій, маршалы де-Таваннъ и де-Рецъ, герцогъ Неверъ и канцлеръ Бирагъ собрались въ кабинетѣ короля. Карлъ IX колебался и говорилъ еще объ отмщеніи за Колиньи. Но Катерина Медичи указала ему на то, что гугеноты вооружаются противъ него, что снова начнется гражданская война, что надо убить главу гугенотовъ, и тогда съ нимъ умретъ и ихъ дѣло. Такъ какъ король все еще колебался, то королева ушла и послала къ нему маршала де-Реца, который заявилъ ему, что, если онъ начнетъ преслѣдовать Гизовъ, то они раскроютъ участіе королевы и герцога Анжуйскаго въ заговорѣ противъ Колиньи. Послѣ этого королева еще разъ увидѣлась съ сыномъ, и подъ вліяніемъ ея убѣжденій Карлъ IX въ волненіи воскликнулъ: «Клянусь именемъ Бога, если вы находите, что слѣдуетъ убить адмирала, я согласенъ на это, но пусть убьютъ также и всѣхъ французскихъ гугенотовъ, чтобы не остался никто, кто-бы могъ впослѣдствіи упрекнуть меня за это; отдайте скорѣй приказаніе».

На другой день, въ воскресенье, 24-го августа 1572 г., совершилась ужасная Варѳоломеевская рѣзня. Въ слѣдующіе дни тысячи протестантовъ были убиты въ провинціи. Тѣ, кому удалось скрыться, старались поскорѣй добраться до границы.

Извѣстіе объ этихъ ужасныхъ событіяхъ пришло въ Женеву въ слѣдующую пятницу. Оно вызвало глубокое участіе, соединенное со страхомъ, ибо городъ Кальвина, которому угрожали со всѣхъ сторонъ, могъ

опасаться, чтобы за рѣзней во Франціи не послѣдовало нападеніе на него самого. Малый совѣтъ сообщилъ поскорѣе о своихъ опасеніяхъ ихъ превосходительствамъ г. Берна. Онъ рѣшилъ оказать хорошій пріемъ эмигрантамъ, которые должны были не замедлить нахлынуть въ Швейцарію, и не убояться, если понадобится, гнѣва Карла IX и Катерины Медичи, поэтому онъ принялъ мѣры къ быстрой оборонѣ города. Кромѣ того, читаемъ мы въ регистрахъ совѣта отъ 1-го сентября, было рѣшено быть очень на сторожѣ, увѣдомить народъ, чтобы у всѣхъ оружіе было на готовѣ, чтобы они слѣдили за призывами (къ тревогѣ), чтобы посѣщали проповѣди, и чтобы всѣ поторопились смолотить хлѣбъ, находящійся внѣ города.

«Женева XVI вѣка, благочестивая и воинственная», замѣчаетъ г. Фази [1]), «заключается вся въ этихъ простыхъ словахъ: имѣть оружіе на готовѣ и посѣщать проповѣди». Совѣтъ рѣшилъ призвать сотню аркебужцевъ, избранныхъ среди его подданныхъ, и ночью держать подъ оружіемъ четвертую часть всѣхъ жителей города, «которыхъ можно будетъ», сказано въ регистрѣ, «вызывать по временамъ среди ночи, чтобы видѣть на готовѣ-ли они». Онъ приказалъ осмотрѣть и привести въ порядокъ баттареи и навербовать канонеровъ. Были отданы важныя распоряженія относительно провіанта и запасовъ сыра и соли, какъ-бы въ виду продолжительной осады. Укрѣпленія были осмотрѣны съ цѣлью опредѣленія и укрѣпленія слабыхъ мѣстъ. Окраины города охранялись чрезвычайно тщательно.

Извѣстивъ о положеніи дѣлъ своего ближайшаго союзника—государство Бернъ, женевскій совѣтъ сообщилъ затѣмъ объ этомъ и остальнымъ протестантскимъ кантонамъ и послалъ призывъ пфальцграфу. Своему обращенію къ помощи этого князя, замѣчаетъ г. Фази, совѣтъ придалъ косвенную форму, чтобы не возбудить подозрѣній или ревности ихъ превосходительствъ г. Берна.

Впрочемъ, эти послѣдніе очень сочувственно отвѣтили на сообщеніе женевскаго совѣта. Изъ ихъ письма видно, что и они ожидали нападенія на Женеву, и они обѣщали принять мѣры, необходимыя для защиты ея. Однако женевскіе магистраты не желали прибѣгать къ ихъ покровительству иначе какъ въ крайней нуждѣ, боясь, чтобы постой войска не нарушилъ независимости ихъ республики.

Синдикъ Розе, очень уважаемый человѣкъ, игравшій важную роль въ женевской республикѣ въ этотъ періодъ, былъ посланъ въ Бернъ, чтобы

---

[1]) См. его монографію, озаглавленную «La Saint-Barthélemy à Genève», напечатанную въ запискахъ женевскаго института.

изложить ихъ превосходительствамъ положеніе дѣлъ. Приготовленія къ оборонѣ опустошили финансы Женевы, жатва была плоха, а эмигранты, увѣдомлявшіе о себѣ уже изъ Нима и другихъ мѣстъ, должны были явиться тяжелой обузой. Въ Женевѣ было въ то время 12,000 жителей, и она далеко не была богата; этотъ мужественный городъ достигъ процвѣтанія и богатства только въ періодъ испытаній. Синдикъ Розе просилъ прежде всего о снабженіи хлѣбомъ; кромѣ того онъ просилъ бернское правительство поставить гарнизонъ въ Шильонъ, устроить крейсерство на озерѣ и предложить ваадтландскимъ фогтамъ имѣть на готовѣ четыре или пять сотенъ людей для отправки въ Женеву при первомъ сигналѣ.

Между тѣмъ, пока продолжались эти переговоры, со всѣхъ сторонъ стали стекаться французскіе протестанты, бѣжавшіе отъ преслѣдованія, ослабѣвшіе отъ страданій и лишеній. Женева, забывъ объ опасности, грозившей ей, открыла свои ворота и не только пріютила ихъ за своими стѣнами, но и снабдила ихъ всѣмъ нужнымъ. Большинство изъ этихъ несчастныхъ были въ страшной нуждѣ, притокъ ихъ вызвалъ вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ и квартиръ. Среди четырехъ или пяти сотенъ эмигрантовъ, прибывшихъ въ Женеву вначалѣ сентября, многіе были искусны въ оружейномъ мастерствѣ; это была сила, которой нельзя было пренебрегать. Совѣтъ рѣшилъ употребить ихъ знаніе на пользу города. Нѣкоторые эмигранты только проѣхали черезъ Женеву и направились въ глубь Швейцаріи, чтобы присоединиться къ своимъ единовѣрцамъ, пробравшимся черезъ ущелья ваадтландской и невшательской Юры.

Среди этихъ эмигрантовъ находились люди знатные по рожденію и выдающіеся по заслугамъ. Упомянемъ двухъ сыновей Колиньи: Франсуа и Оде де-Шастильонъ, и ихъ двоюроднаго брата Гюи де-Лаваль, котораго сопровождалъ вѣрный слуга, по имени Легрель. Они не долго оставались въ Женевѣ, ибо уже распространился слухъ, что Карлъ IX и его мать требуютъ, чтобы молодые бѣглецы были задержаны. Въ ту-же эпоху поселились въ нашей странѣ на болѣе или менѣе продолжительное время юрисконсульты и ученые, придавшіе извѣстный блескъ женевской и лозаннской академіямъ. А именно: Оттоманъ, Доно, Бонфуа, Жанъ де-Серръ и Скалигеръ. Пасторъ Антуанъ де-Шандье, бывшій профессоромъ греческаго языка въ Лозаннѣ, прибылъ туда за два года до Варѳоломеевской ночи. Антуанъ де-Шандье принадлежалъ къ древней фамиліи въ Дофинэ: онъ былъ вторымъ сыномъ барона де-Шандье, сеньера ла-Рошъ; представители его рода жили долгое время въ кантонѣ Во [1]), гдѣ они вступили

[1]) Одному изъ его потомковъ, генералу Шарлу де-Шандье, мы обязаны постройкой замка де л'Иль близъ Коссонэ, исполненной по планамъ Мансарда въ началѣ XVIII-го вѣка.

въ союзы съ многими семьями и были по женской линіи предками Бенжамена Констана. Этотъ родъ прекратился въ концѣ прошлаго вѣка.

Эти протестантскіе мученики были окружены всевозможнымъ почетомъ. Въ Цюрихѣ, Бернѣ, Базелѣ, Ваадтландѣ, Женевѣ были собраны крупныя суммы для раздачи эмигрантамъ въ даръ или въ заемъ. Упомянемъ въ числѣ прочихъ сумму въ 500 флориновъ, присланную городкомъ Пайернома женевскимъ магистратамъ для раздачи нуждающимся бѣднякамъ, которыхъ они, со свойственнымъ имъ милосердіемъ, привѣтливо приняли. Всякія удовольствія были запрещены, и Женева, чтобы выразить участіе, принимаемое ею въ страданіяхъ своихъ единовѣрцевъ, предложила швейцарскимъ реформированнымъ церквамъ назначить одинъ общій день для торжественнаго поста. Это постановленіе сдѣлалось постояннымъ, а со временемъ обратилось въ федеральный постъ; день, въ который онъ справляется въ настоящее время, объясняется его происхожденіемъ. Католическіе кантоны не посмѣли выразить порицанія этимъ знакамъ симпатіи, ибо и они были возмущены поведеніемъ Гизовъ и Катерины Медичи.

Среди эмигрантовъ попадались и измѣнники, какъ напр. французскій шпіонъ Антонинъ Простъ. Задержанный въ Женевѣ и подвергнутый пыткѣ по обычаю того времени, онъ сознался 17-го ноября 1572 года. Черезъ нѣсколько дней онъ дополнилъ свои признанія и сообщилъ, что онъ узналъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа, что дворъ собирается послать въ Швейцарію посла, «чтобы приласкать протестантскіе кантоны и удержать ихъ добрыми словами». Городу Кальвина приходилось опасаться не только шпіоновъ, но и фальшивыхъ друзей. Такъ совѣтъ узналъ черезъ мулинеискаго шультгейсса, что король французскій написалъ тринадцати кантонамъ, ходатайствуя передъ ними за Женеву, «чтобы они не презирали ее, но чтобы приняли ее подъ свою охрану и покровительство». Подъ этой притворной благосклонностью скрывались очевидно какія-то козни. «Герцогъ Савойскій», говоритъ г. Фази,—«повидимому сталъ въ это время подозрѣвать, что что-то злоумышляется, а такъ какъ онъ хотѣлъ, чтобы этотъ городъ достался ему, а не кому другому, онъ попытался начать переговоры, чтобы обезпечить за собою нѣкоторое вліяніе на эту республику. Не желая, чтобы она досталась Франціи, онъ послалъ (6 декабря) графа де-Монмейера сдѣлать женевскому совѣту предложенія, которыя, впрочемъ, оказались невозможными и которыя совѣтъ имѣлъ осторожность отвергнуть».

Немедленно послѣ Варѳоломеевской ночи Карлъ IX, стыдясь своей жестокой низости, попытался оправдать себя въ глазахъ Франціи и Европы. По совѣту своей матери, онъ попытался свалить на Гизовъ всю отвѣтственность за рѣзню. Чрезвычайный посланникъ Франціи, г. Делафон-

тенъ, вручилъ ихъ превосходительствамъ г. Берна 3-го сентября, а г. Цюриха—8-го сентября, ноту, долженствовавшую обмануть общественное мнѣніе: въ этомъ интересномъ документѣ заключалась фантастическая версія Варѳоломеевской ночи и цѣлый рядъ выдумокъ, извращавшихъ факты. Смерть Колиньи и нѣсколькихъ дворянъ, бывшихъ съ нимъ [1]), явилась будто бы результатомъ заговора и послѣдовавшаго за нимъ мятежа. Въ этой нотѣ даже намекалось на то, что королю и двору грозила опасность отъ мятежа, и затѣмъ лицемѣрно прибавлялось: «Можете себѣ представить смущеніе, въ которомъ оказался этотъ молодой и великодушный король, который съ самаго вступленія на престолъ имѣлъ, такъ сказать, въ рукахъ только шипы, вмѣсто скипетра, по милости большихъ смутъ, не прекращавшихся въ его королевствѣ, и который полагалъ, что съ помощью совѣта и поддержки королевы-матери и его сеньеровъ-братьевъ ему удалось установить прочный миръ въ своемъ королевствѣ, и что онъ можетъ въ будущемъ наслаждаться царствованіемъ болѣе счастливымъ какъ для него, такъ и для его подданныхъ».

Цѣлью этого письма было—подготовить почву для разрѣшенія вербовки солдатъ, о которомъ король собирался просить швейцарскія лиги.

Ужеославъ изъ Парижа инструкціи, по которымъ была составлена нота Делафонтена, Карлъ IX понялъ, что его система защиты не выдерживаетъ критики. Принужденный принять на себя отвѣтственность за избіеніе протестантовъ, онъ постарался оправдать себя. Тогда роли измѣнились: 26-го августа король, прослушавъ торжественную мессу, отправился производить судъ въ парламентъ; онъ объявилъ, что избіеніе 24-го августа было совершено по его приказанію, что онъ не могъ найти иного болѣе дѣйствительнаго средства для подавленія заговоровъ, устраиваемыхъ адмираломъ, и приказалъ парламенту начать слѣдствіе противъ Колиньи и его соумышленниковъ мертвыхъ или живыхъ. Посламъ, аккредитованнымъ при протестантскихъ государствахъ, были посланы новыя письма; по второй версіи, которую они должны были распространять, Варѳоломеевская ночь не была случайностью; это была казнь, цѣлью которой было помѣшать и подавить проклятый заговоръ, устроенный адмираломъ и его соумышленниками противъ королевской семьи.

Чтобы придать нѣкоторую правдоподобность этому вымышленному заговору, два предводителя гугенотской партіи, избѣгнувшіе смерти, старый капитанъ Брикемо и рекетмейстеръ Арнольдъ де Кавань были впутаны въ процессъ, затѣянный противъ памяти Колиньи.

[1]) Очень мягкое выраженіе для обозначенія жертвъ Варѳоломеевской ночи, число которыхъ, по словамъ католическихъ священниковъ, которыхъ нельзя подозрѣвать въ преувеличеніи, было не менѣе 2000.

1-го сентября Карлъ IX письменно извѣстилъ женевскій совѣтъ, что «Кавань бѣжалъ въ Женеву, чтобы избѣжать заслуженнаго имъ наказанія и просилъ женевскій магистратъ именемъ дружбы и расположенія, которыя онъ къ нимъ чувствуетъ, не принимать у себя подобныхъ личностей, способныхъ къ такимъ позорнымъ поступкамъ, и отправить названнаго Каваня подъ хорошимъ конвоемъ въ Ліонъ». По Réveil-matin des Français [1]), Брикемо и Кавань были арестованы въ Парижѣ въ ближайшіе дни послѣ избіенія. «Поэтому спрашивается», говоритъ г. Фази, «не былъ-ли Кавань уже въ рукахъ у королевскихъ чиновниковъ, когда была отправлена эта депеша въ Женеву, и не было-ли это требованіе выдачи просто ловкимъ маневромъ, чтобы заставить повѣрить выдумкѣ о заговорѣ гугенотовъ».

Женевскіе магистраты отвѣтили королю, что Каваня нѣтъ въ ихъ городѣ, затѣмъ, становясь на почву права убѣжища, они прибавили съ удивительною твердостью, что они сами судятъ лицъ, преслѣдуемыхъ за границей за преступленія или проступки, а не предаютъ ихъ иностранной власти. «Благородное и смѣлое заявленіе», говоритъ г. Делабордъ,—«подъ эгидой котораго пріютилось въ эти смутныя времена много французовъ».

18-го сентября Делафонтенъ написалъ базельскому совѣту: «Заговоръ (адмирала и его соумышленниковъ) подтверждается съ каждымъ днемъ до такой степени, что подданные его величества, принадлежащіе къ новой вѣрѣ, узнавъ объ этомъ, признали, что съ тѣми, кто былъ убитъ въ Парижѣ, случилось только то, чего они заслуживали, и заявили, что желаютъ жить и умереть, повинуясь эдиктамъ и приказаніямъ его величества, который съ своей стороны издалъ приказъ, чтобы эдикты были сохранены».

Изъ показаній этого безстыднаго дипломата слѣдовало бы заключить, что смерть Колиньи и тысячъ гугенотовъ, погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ, нашла одобреніе среди французскихъ протестантовъ того времени!

Трудно было бы понять, что за цѣль была прибѣгать къ подобнымъ обманамъ, если бы не было извѣстно, какъ дорожила Франція союзомъ съ федеральными кантонами. Такъ какъ полки Шорно и Гейдта были распущены въ 1570 г., то на жалованіи у Франціи осталось швейцарцевъ только: рота королевской гвардейской сотни, лейбгвардейцы герцоговъ Анжуйскаго и Алансонскаго и короля Наваррскаго, т. е. по счисленію г. де Сегессера, 230 человѣкъ въ Парижѣ и отрядъ гвардіи въ Ліонѣ. Король, обязанный своимъ спасеніемъ во время знаменитаго от-

[1]) Сочиненіе въ формѣ діалога, изданное подъ псевдонимомъ Eusèbe Philadelphe, cosmopolite. Edimbourg 1574. Напечатано вѣроятно въ Лозаннѣ.

ступленія изъ Мо, шеститысячному отряду швейцарцевъ подъ командой Лудвига Пфиффера, желалъ получить отъ кантоновъ согласіе на новый наборъ. Поэтому важно было сгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на кантоны, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, избіеніемъ гугенотовъ, совершеннымъ вопреки примирительнымъ эдиктамъ. Агенты короля, капитанъ Студеръ и казначей Гранжье, отлично принялись за это дѣло. Они объѣзжали Швейцарію, повторяя позорныя выдумки Делафонтена. По ихъ словамъ, король нанесъ своимъ врагамъ, т. е. своимъ подданнымъ, только удары, которыми они грозили ему. Эти безчестные агенты распространяли лживыя сочиненія, въ которыхъ между прочимъ говорилось, что на швейцарскую гвардію было сдѣлано нападеніе на ступеняхъ луврскаго дворца. Избіеніе 24-го марта было будто бы дѣломъ народной ярости. Впрочемъ, происшествіе, случившееся въ Парижѣ, не измѣнило ничего; эдикты о терпимости не были отмѣнены. «Отсюда», говоритъ г. Делабордъ,—«было уже недалеко до вмѣненія протестантскимъ кантонамъ въ преступленіе ихъ гостепріимства по отношенію къ эмигрантамъ-единовѣрцамъ, и вскорѣ мы увидимъ, какъ далеко зашли въ подобныхъ упрекахъ и обвиненіяхъ жестокіе прислужники злобнаго и полнаго ненависти короля».

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ Варѳоломеевской ночи появился гнусный памфлетъ, озаглавленный: «Письмо, доказывающее, что преслѣдованія французскихъ церквей произошли не по винѣ тѣхъ, кто исповѣдывалъ вѣру, но по винѣ тѣхъ, кто устраивалъ заговоры и злоумышленія». Его авторъ, Петръ Карпантье, былъ профессоромъ женевской академіи и былъ въ сношеніяхъ со шпіономъ Простомъ, о которомъ выше было говорено. Карпантье напалъ со всѣмъ жаромъ ренегата на городъ Женеву, гостепріимствомъ котораго онъ когда-то пользовался. Онъ называлъ его «рудникомъ мятежа и лавкой злобы». Особенно негодовалъ онъ на пасторовъ и на Теодора де Бэзъ, котораго онъ обзывалъ «врагомъ рода человѣческаго» и обвинялъ его въ томъ, что онъ публично заявлялъ и проповѣдывалъ, что слѣдуетъ покончить съ матерью и дѣтьми (т. е. Катериной Медичи и ея сыновьями).

Къ этому потоку клеветъ, вызвавшему цѣлую полемику, присоединилось еще впечатлѣніе отъ извѣстія, что Варѳоломеевская ночь была отпразднована въ Римѣ какъ побѣда, и что Карлъ IX получилъ за нее поздравленія отъ Филиппа II. Эти дѣла должны были усилить конфессіональныя антипатіи, раздѣлявшія со времени реформаціи Швейцарію на два противуположныхъ лагеря.

Протестантскіе кантоны не были обмануты фальшивыми объясненіями агентовъ Валуа. 22-го сентября депутаты отъ Цюриха, Берна, Базеля и

Шаффгаузена собрались на совѣщаніе въ Аарау, чтобы столковаться относительно средствъ защиты противъ неожиданныхъ нападеній и необходимости искать поддержки не только у швейцарскихъ городовъ, но также у нѣмецкихъ городовъ и князей, исповѣдающихъ евангелическую вѣру. Они приняли во вниманіе просьбу Женевы о союзѣ съ протестантскими кантонами. Депутаты Шаффгаузена и Базеля выказали готовность заключить съ Женевой договоръ о согражданствѣ; депутаты Цюриха заявили, что сообщатъ объ этомъ своимъ довѣрителямъ.

2-го октября въ Солотурнѣ собрался федеральный сеймъ. На немъ присутствовали депутаты отъ Люцерна, Ури, Швица, Унтервальдена, Цуга, Гларуса, Фрейбурга, Солотурна и Аппенцелля. Посланные французскаго короля просили позволенія сдѣлать наборъ въ шесть тысячъ человѣкъ. Большинство кантоновъ было согласно на это; впрочемъ депутаты Фрейбурга, Гларуса и Аппенцелля поставили условіемъ согласіе ихъ довѣрителей. Въ эту минуту шультгейссъ фонъ Мулинен и знаменщикъ Гаргенбергъ предстали отъ имени Берна передъ депутатами девяти кантоновъ. Они напомнили французскому посланнику кровавую свадьбу [1]), справленную въ Парижѣ, и заявили, что сохраняютъ своихъ рекрутовъ для защиты Женевы, романдской страны и своей дорогой родины, возмущенной странными рѣчами и угрозами. Они просили кантоны не вербовать рекрутовъ среди бернскихъ подданныхъ, чтобы не подвергать ихъ страданіямъ, грозившимъ имъ на службѣ у короля. Девять кантоновъ обѣщали это. Этимъ гордымъ поступкомъ бернское государство отказывалось отъ всякой солидарности съ политикой угожденія, принятой католическими кантонами. Его примѣру послѣдовали города Цюрихъ, Базель и Шаффгаузенъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Помпоннъ де Бельевръ снова занялъ постъ французскаго чрезвычайнаго посла, который онъ занималъ раньше; его братъ Бельевръ де Отфоръ, президентъ департамента Дофинэ, присоединился къ нему, замѣнивъ Делафонтеня. Оба брата должны были сообща воздѣйствовать на швейцарскія лиги. Интересно бросить взглядъ на данныя этимъ дипломатамъ инструкціи.

Король поручилъ имъ опровергать появившіеся слухи, по которымъ Варѳоломеевская рѣзня была устроена по предварительному секретному соглашенію съ папой (Піемъ V) и королемъ испанскимъ съ цѣлью привести въ исполненіе постановленія Тріентскаго собора. Бельевръ долженъ былъ усовѣстить подданныхъ Карла IX, увѣрить ихъ, что во Франціи

---

[1]) Намекъ на то, что избіеніе Варѳоломеевской ночи совпало со свадьбой Генриха Наваррскаго и Маргариты де Валуа.

ихъ ждетъ пріемъ «полный мягкости и доброты». Особенно онъ долженъ былъ вывѣдать о дѣтяхъ покойнаго адмирала Шастильона и о сынѣ покойнаго Анделo. Онъ долженъ былъ помѣшать переговорамъ между протестантскими кантонами и нѣмецкими государствами. Въ его распоряженіе были даны значительныя суммы, «чтобы заглушить сѣмя испанскихъ происковъ» и чтобы «дать пенсіи кавалеру Роллю (изъ Солотурна) и амавну Люсси (изъ Унтервальдена) и нѣкоторымъ другимъ». Очевидно дѣло шло о томъ, чтобы обернуть въ пользу Франціи наборы, которыхъ представители Испаніи добились отъ Люсси, бывшаго пенсіонеромъ Филиппа II. Наконецъ, Бельевръ долженъ былъ съ помощью денегъ добиться отъ нѣкоего Б., чтобы онъ отказался отъ намѣренія написать исторію адмирала, что онъ собирался сдѣлать, и заявить цюрихскимъ правителямъ, что имъ будетъ скоро выплачена сумма въ 50,000 экю, которую король былъ имъ долженъ.

Бельевръ проявилъ большую дѣятельность; онъ тайно подбилъ католическіе кантоны къ демонстраціи противъ французскихъ эмигрантовъ. Дозательство его интригъ мы находимъ въ протоколѣ конференціи семи католическихъ кантоновъ, собравшихся въ Люцернѣ 11-го ноября 1572 г.; на этой конференціи католическіе депутаты рѣшили потребовать на ближайшемъ сеймѣ изгнанія гугенотовъ изъ территоріи конфедераціи. Это жестокое рѣшеніе имѣло особенно въ виду членовъ фамиліи Колиньи, и нельзя сомнѣваться, говоритъ г. Делабордъ, въ томъ, что оно было вызвано Бельевромъ.

Вліяніе французскаго дипломата на протестантскіе кантоны было не на столько велико, чтобы онъ могъ осмѣлиться требовать изгнанія эмигрантовъ; онъ боялся подвергнуть себя отказу. Поэтому Бельевръ ограничился тѣмъ, что выразилъ сожалѣніе по поводу пребыванія въ Базелѣ семей Колиньи и д'Анделo. Не смѣя открыто порицать гостепріимство, которымъ пользовались Франсуа и Оде де Шастильонъ, онъ пытался дискредитировать ихъ, изливая оскорбленія на память ихъ отца. Съ этой цѣлью онъ произнесъ въ Баденѣ 7-го декабря передъ сеймомъ семи кантоновъ длинную рѣчь, представлявшую сплетеніе вѣроломныхъ увѣреній и гнусной лжи.

Послѣ обычныхъ комплиментовъ французскій посланникъ сказалъ панегирикъ своему государю, князю высокой добродѣтели, и объявилъ, что въ смерти Колиньи онъ видитъ небесную кару. Потомъ онъ началъ защищать убійцу Моревеля, котораго изобразилъ человѣкомъ, «жизни и чести котораго адмиралъ постоянно угрожалъ». Онъ снимаетъ съ Гизовъ обвиненіе въ соучастничествѣ, ибо при томъ душевномъ состояніи, въ которомъ находился Моревель, не было нужды въ совѣтахъ Гизовъ или кого либо другого, чтобы убѣдить его приступить къ мести.

Далѣе Бельевръ изобразилъ передъ сеймомъ въ собственномъ освѣщеніи вымышленный заговоръ Колиньи, имѣвшій цѣлью захватить Лувръ, и какъ королева-мать получила въ субботу 23-го августа предупрежденіе, что ей угрожаетъ смерть, если она пойдетъ въ Тюльерійскій садъ.

«Если меня спросятъ», говорилъ лукавый дипломатъ,—«какія я имѣю доказательства для обвиненій, взводимыхъ мною на адмирала, я отвѣчу, что прежняя его жизнь и поведеніе могутъ служить доказательствомъ для тѣхъ, кто его зналъ. (Странное доказательство, которымъ не удовлетворился бы ни одинъ присяжный исправительнаго суда). Не спорю, что онъ привлекалъ къ себѣ людей притворной честностью, прямодушіемъ и справедливостью, въ дѣйствительности же былъ полонъ злобы, хищничества, жестокости, скупости и несправедливости.

«Мнѣ не хватило бы времени, если бы я захотѣлъ перечислить всѣ злодѣянія, преступленія и вѣроломства, совершонныя этимъ адмираломъ и его соумышленниками. Я достаточно уже сказалъ для того, чтобы всякій, чье сужденіе не ослѣплено страстью, пересталъ сомнѣваться въ томъ, что его величество совершилъ это наказаніе, вынужденный къ тому свирѣпостью и большимъ могуществомъ адмирала, и вооружилъ свой народъ, чтобы спасти свою корону и свою жизнь, а также жизнь королевы-матери своихъ братьевъ и всѣхъ своихъ храбрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ».

Подъ конецъ Бельевръ опровергаетъ приписываемое Карлу IX и другимъ католическимъ князьямъ намѣреніе «искоренить и напасть на протестантскую религію. Ни король, ни его предшественники», говорилъ онъ, — «никогда не имѣли подобнаго намѣренія. Если бы адмиралъ и его приверженцы соблюдали эдиктъ, то и съ другой стороны онъ не былъ бы нарушенъ; ничего такъ не желали какъ, послѣ столькихъ непріятностей, жить въ нѣкоторомъ мирѣ, если и не въ добромъ, то хоть въ сносномъ».

Сравнивая доводы Бельевра съ нотой, врученной Делафонтеномъ правительствамъ Берна и Цюриха 3-го и 8-го сентября, удивляемся тѣмъ размѣрамъ, которые легенда, выдуманная при французскомъ дворѣ, приняла въ умѣ пословъ Карла IX [1]).

[1]) Рѣчь Бельевра совершенно противорѣчитъ фактамъ, установленнымъ не только гг. Гизо и Делабордъ, протестантскими авторами, но и добросовѣстнымъ Г. Мартиномъ, членомъ французской академіи, не имѣвшимъ никакой связи съ протестанствомъ, а также и многими другими писателями. Эти три историка черпали свои свѣдѣнія изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ; между прочимъ они основываютъ свои утвержденія на свидѣтельствахъ, заключающихся въ мемуарахъ герцога Анжуйскаго, впослѣдствіи Генриха III, королевы Маргариты Наваррской, супруги Генриха IV и Ж. А де Ту.

Клевета Белльевра произвела впечатлѣніе на католическихъ депутатовъ, и съ помощью пенсій, назначенныхъ нѣкоторымъ изъ ихъ главныхъ магистратовъ, были заключены новые договоры съ Франціей. 30-го апрѣля 1573 г. двѣнадцать тысячъ наемныхъ солдатъ подъ командой Гейдта и Іоганна Таманна вступили въ Орлеанъ, а четыре тысячи подъ командой Вальтера Ролля нанялись на службу Филиппу II. Что касается протестантскихъ кантоновъ, они не поддались на происки посла Карла IX и категорически отказались участвовать въ наборѣ войска для Франціи.

Города Базель, Женева, Бернъ, Цюрихъ и Шаффгаузенъ продолжали выказывать сочувствіе членамъ семьи де-Колиньи. Въ письмѣ отъ 30-го декабря къ Катеринѣ Медичи Белльевръ сообщаетъ королевѣ о своихъ затрудненіяхъ. 10-го января 1573 г. Катерина отвѣтила Белльевру, что полагается на его благоразуміе. Эта переписка, какъ и все поведеніе этихъ двухъ личностей, указываетъ на ихъ злобу къ измѣнникамъ и ихъ безсиліе. Белльевръ долженъ былъ въ концѣ-концовъ отказаться отъ этой части своей миссіи.

Г-жа д'Андело, невѣстка Колиньи, и ея дѣти не считали себя въ безопасности въ Базелѣ. Два сына адмирала, присоединившись на время къ своей теткѣ въ Базелѣ, поселились въ Бернѣ, гдѣ ихъ опередили уже нѣсколько человѣкъ эмигрантовъ, и куда весною прибыла ихъ сестра, Луиза де-Колиньи. Бернскіе дворяне фонъ-Эрлахъ, фонъ-Мулиненъ, фонъ-Граффенридъ, фонъ-Бонштеттенъ старались смягчить для нихъ тяжесть изгнанія. Когда въ іюнѣ Луиза де-Колиньи [1]) собралась въ Базель, ихъ превосходительства г. Базеля поручили фонъ-Эрлаху сопровождать ее. Цюрихцы съ своей стороны горячо принимали бѣглецовъ, которые были не менѣе интересны, хотя и менѣе знатны, и въ продолженіе многихъ лѣтъ посылали помощь бѣднымъ гугенотамъ, оставшимся на своей родинѣ. Въ архивахъ Цюриха находится благодарственное письмо отъ реформированныхъ церквей юга Франціи, адресованное его бургомистру отъ 20-го декабря 1576 года.

---

[1]) Луиза де-Колиньи имѣла первымъ мужемъ Луи де-Телиньи, погибшаго въ Варѳоломеевскую ночь; она вторично вышла замужъ за Вильгельма Оранскаго, убитаго въ 1584 г. Бальтазаромъ Жираръ. Дѣти убійцы получили дворянскій титулъ отъ Филиппа II въ награду за свой поступокъ. Отъ брака Вильгельма Оранскаго съ дочерью адмирала Колиньи произошелъ нынѣ царствующій въ Голландіи домъ, а по женской линіи — вѣтвь Гогенцоллерновъ, царствующая нынѣ въ Германіи. Фамилія Колиньи была родомъ изъ Бресса и вела начало съ десятаго вѣка отъ старинныхъ бургундскихъ графовъ. Родъ Колиньи былъ древнѣе и могущественнѣе Савойскаго рода, онъ палъ благодаря принятой имъ удѣльной системѣ и въ XIII в. сталъ вассаломъ герцоговъ Савойскихъ.

Французскіе протестанты, сказано въ немъ, не только нашли сердечный и надежный пріютъ на вашихъ земляхъ, но были содержимы вашею щедростью и благостыней, даже тѣ, которые покинули свою страну, и это въ такое время и такъ кстати, что кажется, они обязаны жизнью вашимъ превосходительствамъ.

Съ того времени у французскихъ протестантовъ вошло въ привычку разсчитывать въ предпринимаемыхъ ими дѣлахъ на денежную поддержку своихъ швейцарскихъ единовѣрцевъ.

Несчастная вдова адмирала де Колиньи, Жакелина д'Антремонъ была, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, разлучена съ дѣтьми своего мужа. Преодолѣвъ величайшія трудности, она нашла убѣжище въ Савойѣ, своей родинѣ, и тамъ въ Сентъ-Андре де-Бріодъ 21-го декабря 1572 г. родила дочь. Едва оправившись, она продолжала путь по направленію къ Монъ-Сенису подъ защитой нѣсколькихъ дворянъ, но вмѣстѣ съ дѣтьми и свитой была грубо задержана герцогомъ Эмануиломъ-Филибертомъ и заперта въ замокъ въ Ниццѣ.

Адмиральша обратилась за помощь, къ бернскому сенату. Впрочемъ, гнусное убійство адмирала возбудило негодованіе всей протестантской Европы. Курфирстъ Саксонскій, ландграфъ Гессенскій и другіе князья присоединились къ Бернской республикѣ въ настойчивой просьбѣ къ герцогу Савойскому объ освобожденіи г-жи де-Колиньи, но эта попытка не увѣнчалась немедленнымъ успѣхомъ. Заключеніе Жакелины д'Антремонъ продолжалось до 1575 г.; выпустивъ ее, герцогъ сохранилъ за собою управленіе ея имуществомъ и опеку надъ ея дѣтьми, которымъ онъ выдавалъ мизерную пенсію. Въ то-же время бернскій шультгейссъ пытался, но также безуспѣшно, добиться отъ французскаго двора возвращенія дѣтямъ адмирала похищеннаго у нихъ имущества.

Мы нѣсколько долго остановились на отношеніяхъ протестантскихъ кантоновъ къ различнымъ членамъ фамиліи Колиньи, но это для того, чтобы показать, какъ тогда въ Швейцаріи понимали право убѣжища. Въ такое время какъ наше, когда, кажется, представленія о національности и отечествѣ заглушили въ умѣ многихъ людей чувство религіознаго собратства, намъ представляется не лишнимъ напомнить о томъ, какъ смотрѣли на эти вопросы въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Нельзя не восхищаться высокимъ представленіемъ евангелическихъ кантоновъ о своихъ обязанностяхъ въ качествѣ протестантскихъ государствъ. Эти благородныя традиціи сохранились и въ слѣдующіе вѣка, какъ мы увидимъ далѣе.

Кстати замѣтимъ, что, если магистраты Женевы, Базеля, Берна и Цюриха видѣли въ жертвахъ Варѳоломеевской ночи только преслѣдуемыхъ единовѣрцевъ, Катерина Медичи смотрѣла на нихъ скорѣе какъ на мя-

тежниковъ, чѣмъ какъ на еретиковъ. Въ ея глазахъ великій адмиралъ Колиньи былъ виновенъ не столько въ томъ, что отказывался идти на исповѣдь, сколько въ томъ, что отвергалъ традиціонную политику Валуа и Гизовъ. Въ ея глазахъ вина адмирала заключалась въ томъ, что онъ желалъ придать новое направленіе французской политикѣ, онъ хотѣлъ искать поддержки въ протестантскихъ государствахъ для того, чтобы одержать побѣду надъ австрійскимъ домомъ и отмстить за пораженіе при Сенъ-Кантенѣ. Его планъ былъ впослѣдствіи принятъ Генрихомъ IV, Ришелье и Мазарини. Колиньи былъ прозорливѣе своихъ современниковъ.

Одинъ католическій писатель, членъ парижскаго парламента и современникъ разсказанныхъ нами событій, Жакъ Августъ де-Ту [1]) высказалъ объ евангелическихъ кантонахъ сужденіе, являющееся данью благороднымъ чувствамъ, воодушевлявшимъ ихъ въ эти тяжелыя времена.

Этотъ честный магистратъ, бывшій однимъ изъ составителей знаменитаго Нантскаго эдикта, пишетъ, что было-бы безчеловѣчно отказать несчастнымъ въ убѣжищѣ, необходимомъ для спасенія ихъ жизни, и затѣмъ прибавляетъ:

«Въ сердцахъ швейцарцевъ состраданіе одержало верхъ надъ требованіями французскаго короля и жалобами посланниковъ».

---

[1]) Въ лозаннскомъ музеѣ Арло находится картина французскаго эмигранта Франциска Сильвія Амбіана, изображающая варѳоломеевское избіеніе. Это интересное полотно подтверждаетъ многое въ разсказѣ де-Ту и является тѣмъ болѣе важнымъ свидѣтельствомъ, что Амбіанъ умеръ въ Женевѣ до выхода сочиненія Ж. А. де-Ту. (См. Mém. et doc. de la Soc. d'hist. et d' arch. de Genève, t. I, cahier 3).

ГЛАВА IX.

Распри между герцогомъ Савойскимъ и Бернской и Женевской республиками.

Интриги герцога Эмануила-Филиберта Савойскаго. — Люцернскій договоръ шести кантоновъ съ Савойей (1577).—Солотурнскій договоръ (1579) между Франціей, Берномъ и Солотурномъ, гарантирующій независимость Женевы.—Честолюбивые замыслы Карла-Эмануила Савойскаго. — Возобновленіе договора между Франціей и кантонами (1582—1584).—Заговоръ Исбранда д'О.—Злоумышленія герцога Савойскаго противъ Берна и Женевы.—Военныя приготовленія женевцевъ.—Миссія Арлэ де-Санси, французскаго чрезвычайнаго посла при кантонахъ. — Женевцы и бернцы нападаютъ на страну Гексъ и Шабле.—Смерть Генриха III, восшествіе на престолъ Генриха IV.—Отступленіе бернцевъ.—Ліонскій договоръ.—Женевцы овладѣваютъ Версуа и Гексомъ.—Донъ Амедей, савойскій батардъ, возобновляетъ нападеніе.—Странное поведеніе бернцевъ.—Пораженіе женевцевъ при Крозе и Шателэнѣ.—Отступничество Генриха IV прекращаетъ гражданскую войну во Франціи и позволяетъ ему вступиться за Женеву.—Мирный договоръ между Женевой, Франціей и Савойей.—Генрихъ IV объявляетъ войну герцогу Савойскому.—Ліонскій миръ, присоединеніе къ Франціи страны Гексъ.

Варѳоломеевскій погромъ не имѣлъ для Женевы тѣхъ послѣдствій, которыхъ она боялась. Эта зловѣщая гекатомба была направлена противъ гугенотовъ не столько какъ исповѣдующихъ протестантство, сколько какъ политической партіи. Гугеноты за предѣлами Франціи не казались опасными въ глазахъ Катерины Медичи и Гизовъ; съ нихъ было довольно того, что они уничтожили протестантскую партію внутри государства и сдѣлали безсильнымъ заговоръ, направленный противъ ихъ могущества.

Напротивъ герцогъ Савойскій, Эмануилъ-Филибертъ, завладѣвшій по лозаннскому договору (1564) лѣвымъ берегомъ Женевскаго озера, мучился весьма естественнымъ желаніемъ вернуть себѣ наслѣдіе своихъ предковъ; онъ искалъ средствъ завладѣть правымъ берегомъ озера и наложить руку на Женеву. Не обращая вниманія на обѣщанія, принятыя имъ на себя въ лозаннскомъ договорѣ, онъ заставилъ жителей Шабле перейти въ лоно римской церкви, онъ основалъ іезуитскія коллегіи въ Аннеси, Эвіанѣ и Тононѣ и поручилъ Франсуа де-Саль истребить ересь въ его государствѣ. Порученіе оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ можно было предполагать. Такъ-какъ его краснорѣчіе оказалось недостаточнымъ, то благочестивый миссіонеръ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, чтобы сломить сопротивленіе жителей Шабле. Въ награду онъ получилъ почетный титулъ епископа Женевскаго, который, думалъ гер-

цогъ, станетъ дѣйствительнымъ, когда Женеву удастся вернуть къ старой вѣрѣ.

Савойскій домъ завоевалъ больше провинцій благодаря ловкости своихъ дипломатовъ, чѣмъ мечу своихъ генераловъ. Въ концѣ шестнадцатаго вѣка онъ искусно лавировалъ между Франціей и Испаніей. Дворъ Валуа не попадался на эту игру; для него важно было, чтобы герцогъ не занялъ важнаго стратегическаго пункта, какимъ была Женева, что позволило-бы герцогу поддержать при случаѣ нападеніе Испаніи на Францію или напротивъ помѣшать французскимъ войскамъ, направляющимся въ Италію. Положеніе Валуа было очень непрочно. Карлу IX наслѣдовалъ въ 1574 г. Генрихъ III; два года спустя этотъ князь, любитель удовольствій, какъ всѣ Валуа, былъ вынужденъ сдѣлать протестантамъ унизительныя уступки, закрѣпленныя эдиктомъ, называемомъ la paix de Monsieur. Онъ нуждался для защиты своей короны въ швейцарцахъ, спасшихъ французовъ при Дрё и Мо; расширеніе могущества Савойи, всегда готовой помочь Испаніи, было для него очень опасно. Хотя Генрихъ III ненавидѣлъ Женеву, но онъ боялся войны ея съ Савойей, которую поддерживала Испанія, папа и католическіе кантоны; съ другой стороны онъ боялся, чтобы въ своемъ одиночествѣ она не стала искать защиты у германскихъ протестантскихъ князей, а онъ не могъ хладнокровно допустить, чтобы эти послѣдніе укрѣпились на французской границѣ. Понятно, что въ виду всего этого Генрихъ III подумывалъ о томъ, чтобы обезпечить независимость Женевы, несмотря на то, что она дала пріютъ жертвамъ Варѳоломеевской ночи.

Одинъ женевскій писатель, г. Оберъ [1]), выяснилъ недавно совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, заставившую французскій дворъ ходатайствовать передъ швейцарскими кантонами за Женеву; онъ замѣчаетъ, что забота объ этомъ проскальзываетъ постоянно изъ-подъ пера государственныхъ людей того времени. Въ то время представителемъ Франціи въ Швейцаріи былъ г. де-Отфоръ, и этотъ дипломатъ поддерживалъ женевцевъ въ ихъ просьбѣ къ фрейбуржцамъ и солотурнцамъ о принятіи ихъ въ сограждане и старался помѣшать пяти другимъ католическимъ кантонамъ, противившимся этому союзу. Бернцы выказывали холодность къ Женевѣ и, казалось, были не прочь выслушать предложеніе Савойи. Французскій дипломатъ старался доказать бернскимъ правителямъ, что захватъ Женевы герцогомъ явился-бы настоящей угрозой для ихъ недавнихъ завоеваній, и что въ ихъ ближайшемъ интересѣ включить Ваадтландъ въ вѣчный миръ съ королемъ, его господиномъ. Этому вліянію

[1]) См. Documents relatifs au traité de Soleure.

иротивились агенты герцога, воспользовавшіеся небрежностью короля въ уплатѣ долговъ швейцарскимъ лигамъ. Изъ переписки Отфора съ французскимъ дворомъ видно, что герцогъ Савойскій былъ готовъ отдать Берну страну Гексъ съ условіемъ, чтобы онъ не помогалъ Женевѣ, и что онъ пытался помѣшать Фрейбургу и Солотурну соединиться съ Берномъ для защиты Женевы. Увѣщанія французскаго посланника, обращенныя къ фрейбургскимъ властямъ, остались безъ результата, и 8-го мая 1577 г. въ Люцернѣ былъ подписанъ союзъ между шестью католическими кантонами (Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Люцернъ, Цугъ и Фрейбургъ) и герцогомъ Эмануиломъ-Филибертомъ. Невозможность, въ которой находилась Франція, уплатить долгъ швейцарцамъ, задержала переговоры и затруднила миссію Отфора. Однако, 8-го мая 1579 г. стараніями этого дипломата удалось добиться если и не возобновленія согражданства между швейцарскими городами и Женевой, то все-же договора, подписаннаго въ Солотурнѣ, заключавшаго въ себѣ коллективную, со стороны французскаго короля и городовъ Берна и Солотурна, гарантію независимости и цѣлости города и территоріи Женевы. Земли, завоеванныя Берномъ у Савойи, были включены въ этотъ договоръ.

Этотъ союзъ былъ отвѣтомъ на союзъ между Савойей и шестью кантонами. Но Эмануилъ-Филибертъ не счелъ себя побѣжденнымъ и попытался, при помощи папы и испанскаго короля, оказать давленіе на французскій дворъ, чтобы заставить его отказаться отъ этого договора, заключеннаго Отфоромъ и еще не подписаннаго королемъ. Извѣстіе о покровительствѣ, оказываемомъ Франціей городу Кальвина, было, конечно, непріятно католической партіи. Но, хотя Женева и была оплотомъ реформаціи, она въ то-же время была ключомъ и оплотомъ швейцарскихъ лигъ, и стратегическія соображенія должны были взять верхъ надъ религіозными соображеніями. Въ своемъ покровительствѣ протестантскому государству ради политическаго равновѣсія дворъ Валуа предвосхитилъ политику, которой въ слѣдующемъ вѣкѣ держался Ришелье.

Союзъ Берна и Солотурна съ Франціей не удержалъ Савойи отъ ея замысловъ. Эмануилъ-Филибертъ умеръ въ 1580 г., его сынъ Карлъ Эмануилъ, увлеченный сильнымъ честолюбіемъ, чувствуя за собой поддержку Испаніи, возымѣлъ грандіозный проектъ возстановить въ свою пользу королевство Бургундское; онъ стремился обновить мечту Карла Смѣлаго. Для выполненія этого обширнаго плана необходимо было занять Женеву. Чтобы овладѣть ею герцогъ попробовалъ подкупить женевскихъ магистратовъ; онъ предложилъ имъ значительныя суммы, между прочимъ и синдику Михаилу Розе, но его предложенія были отвергнуты съ презрѣніемъ, какъ они того заслуживали. Обманутый въ своихъ надеждахъ герцогъ

выместилъ за это свою злобу на сосѣднихъ съ Женевой деревняхъ, которыя были разграблены его солдатами. Затѣмъ онъ собралъ въ Шамбери армію, въ рядахъ которой находилось 1,500 вальдштеттенцевъ, и, занявъ страну Гексъ и Шабле, сталъ грозить Женевѣ. Бернъ тотчасъ-же послалъ туда 2,000 ваадтландцевъ и созвалъ ополченіе. Французскій король Генрихъ III и королева Елизавета англійская обратились съ увѣщаніями къ герцогу, который, видя, что подвергаетъ себя большой опасности, распустилъ войско и отложилъ исполненіе своихъ замысловъ.

Въ 1582 г. Франція возобновила союзъ съ швейцарскими кантонами. Цюрихъ, сначала отказавшійся отъ него, тоже присоединился къ нему въ 1584 г. Эти дипломатическія неудачи не обезкуражили Карлъ-Эмануила, онъ съ непоколебимымъ упорствомъ продолжалъ преслѣдовать свою цѣль. Но осуществленіе его плановъ встрѣтило препятствіе въ общемъ положеніи Европы.

Франція была глубоко раздѣлена. Съ 1576 по 1588 г. затрудненія Генриха III все возрастали. Напрасно онъ старался погасить несогласія, дѣлая уступки и давая обѣщанія католикамъ и протестантамъ. Вслѣдствіе смерти герцога Анжуйскаго въ 1584 г. Генрихъ Бурбонскій, король Наваррскій, сталъ вѣроятнымъ наслѣдникомъ короны Валуа. Мысль о возможности вступленія на французскій престолъ главы протестантской партіи приводила въ отчаяніе партію Гизовъ, и она рѣшилась искать поддержки у испанскаго короля Филиппа II. Папа Сикстъ V отлучилъ Генриха Бурбонскаго, лишилъ его права наслѣдовать престолъ и освободилъ его наваррскихъ подданныхъ отъ ихъ присяги. Но гордый беарнецъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые дозволяютъ себя обирать; онъ протестовалъ противъ папской буллы и расклеилъ свои протесты въ самомъ Римѣ у дверей Ватикана. Гражданская война возобновилась съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда либо, и продолжалась нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Религіозныя и политическія страсти достигли высшей степени. Іезуиты, замѣшанные во многіе заговоры, стали прибѣгать для достиженія своихъ цѣлей къ убійству; Вильгельмъ Оранскій, освободитель Нидерландовъ, палъ въ 1584 г. отъ удара кинжаломъ, нанесеннаго ему однимъ изъ ихъ сообщниковъ; королева Елизавета англійская едва избѣжала той же участи.

Роль швейцарцевъ во время этого періода была очень плачевна. Мы встрѣчаемъ ихъ и въ лагерѣ святой лиги и въ лагерѣ короля наваррскаго. Католическіе кантоны, преданные интересамъ папы, вступили въ 1586 г. въ золотую лигу (Ligue d'or) или лигу Борроме, названную такъ потому, что она считалась вѣнцомъ дѣла этого прелата (умершаго въ 1584). Члены этой лиги, представлявшей нѣчто вродѣ Sonder-

bund'a и вытѣснившей старыя лиги, давали клятву именемъ Царицы Небесной жить и умереть въ римской вѣрѣ. Филиппъ II и папа Сикстъ V особенно угрожали Англіи и Женевѣ. Подъ защитой провидѣнія обоимъ этимъ государствамъ удалось избѣгнуть ихъ поползновеній. Страшная флотилія, посланная королемъ испанскимъ противъ Англіи и съ гордостью названная имъ Непобѣдимой Армадой, была разсѣяна бурей, а затѣмъ разбита англичанами и погибла въ нѣсколько дней (1588 г.).

Король Генрихъ III, послѣ цѣлаго дня битвы на баррикадахъ, въ которой погибло много швейцарцевъ (12-го мая 1588 г.), понялъ, что не можетъ держаться противъ одерживающей побѣду лиги, и велѣлъ измѣнически убить Гиза (20-го декабря 1588 г.). Послѣ этого гнуснаго поступка, видя, что власть ускользаетъ отъ него, онъ вступилъ въ переговоры съ королемъ Наваррскимъ. Велико было волненіе въ Римѣ и въ Мадридѣ, когда тамъ узнали о союзѣ Генриха де Валуа съ Генрихомъ Наваррскимъ. Возможность вступленія на французскій престолъ протестантскаго короля, котораго поддерживали Англія, Голландія и германскіе князья, не могла быть пріятной испанскому двору.

Въ то время какъ во Франціи происходили эти событія, герцогу Карлу-Эммануилу удалось съ помощью испанскихъ войскъ завладѣть маркизатомъ Салуццо, главный городъ котораго Карманьолъ, оставался еще въ рукахъ французовъ. Затѣмъ онъ направилъ свои помыслы на Лозанну и берега Женевскаго озера.

Въ Ваадтландѣ оставалось нѣсколько дворянскихъ фамилій, жалѣвшихъ о прекращеніи власти Савойскаго дома и о томъ, что Лозанна лишилась своихъ имперскихъ привилегій. Дѣятельный агентъ Савойи, баронъ д'Эрмансъ, возбуждалъ неудовольствіе въ Ваадтландѣ и поддерживалъ сторонниковъ Савойи. Составился заговоръ. Главою заговорщиковъ былъ лозаннскій бургомистръ, благородный Исбрандъ д'О, сеньеръ Криссье и Прильи; его соумышленниками были его сынъ Георгій д'О, знаменщикъ Клавдій д'Илленсъ, Вильгельмъ д'Илленсъ, кастелянъ Сенъ-Сюльписа, сеньеръ Сенъ-Сьержа, Клавдій Контъ, продавшій незадолго передъ тѣмъ свою сеньерію Мексъ, знаменщикъ Тронше, братья Эсполацъ, богатые купцы, имѣвшіе торговыя сношенія съ Шабле, знаменщикъ Себастьянъ Рошъ и т. д. Герцогъ далъ заговорщикамъ обѣщаніе гарантировать городамъ, сеньеріямъ и общинамъ Ваадтланда ихъ вольности и ихъ привилегіи, а также свободу вѣроисповѣданія. Военный корпусъ, собравшійся въ Тононѣ, готовился перебраться черезъ озеро и двинуться 12-го декабря 1588 г. на Лозанну.

Часть герцогскаго войска должна была войти въ городъ черезъ домъ Исбранда д'О, находившійся на улицѣ д'Аль и имѣвшій входъ съ ле

Терро; другой же отрядъ долженъ былъ проникнуть черезъ подземный ходъ, шедшій изъ церкви Сенъ-Франсуа до дороги въ Уши; знаменщикъ Рошъ, сборщикъ секуляризованнаго монастыря Сенъ Франсуа, обѣщалъ оставить этотъ проходъ открытымъ подъ предлогомъ починки. Вечеромъ 11-го декабря все было готово; всѣ заговорщики были на своихъ мѣстахъ; войска Карла Эмануила было въ сборѣ въ Тононѣ, артиллерія уже поставлена на суда; но страшная буря помѣшала переправѣ, и экспедиція была отложена.

Между тѣмъ частыя прогулки Георга д'О на савойскій берегъ, свиданія посреди озера и обѣдъ, данный бургомистромъ д'О, на которомъ присутствовали баронъ д'Эрмансъ, губернаторъ Шабле, г. де Шатильонъ, кастелянъ Эвіана, и другіе савойскіе дворяне, возбудили подозрѣніе лозаннскаго фискальнаго прокурора, Амзеля. Онъ сообщилъ свои наблюденія сеньеру Шексбра, Исбранду де Круза, бывшему въ ссорѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Исбрандомъ д'О. Будучи вѣрными подданными Берна, они рѣшили внимательно слѣдить. Клавдій де Круза, двоюродный братъ Исбранда де Круза, пришелъ въ гости къ бургомистру, который пригласилъ его ужинать. Разговоръ зашелъ о событіяхъ дня, о положеніи, въ которое господство бернцевъ поставило Лозанну; затѣмъ языки развязались, и наивный заговорщикъ открылъ свой планъ и предложилъ своему гостю присоединиться къ нему, чтобы выгнать бернцевъ изъ Лозанны и отдать городъ подъ протекторатъ Савойскаго дома.

Самъ по себѣ этотъ проектъ, собственно говоря, былъ вполнѣ извинителенъ, ибо Лозанна, которую Бернъ лишилъ привилегій имперскаго города и сдѣлалъ своею подданной, конечно имѣла право стремиться вернуть свою свободу; ея бургомистръ, выбранный гражданами, совсѣмъ не былъ бернскимъ чиновникомъ, и онъ былъ вправѣ думать, что поступаетъ въ интересахъ города, облекшаго его своимъ довѣріемъ. Но протекторатъ Савойскаго дома повлекъ бы за собой возвращеніе католичества; Клавдій де Круза, приверженный протестантизму, отвергъ предложенія Исбранда д'О и умолялъ его отказаться отъ этого предпріятія. Видя, что онъ непоколебимъ, онъ заявилъ ему, что, если онъ будетъ упорствовать, онъ сочтетъ своимъ долгомъ донести на него фогту. Клавдій де Круза вышелъ отъ своего двоюроднаго брата очень разстроеннымъ; онъ уже мысленно видѣлъ появленіе въ Лозаннѣ іезуитовъ въ сопровожденіи солдатъ, еще опьяненныхъ кровью пьемонтскихъ ваадтландцевъ, предающихся самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ. Послѣ безсонной ночи, онъ поднялся въ замокъ и разсказалъ фогту планъ заговорщиковъ.

Съ своей стороны бургомистръ, простившись съ Круза, увидѣлъ гро-

зившую ему опасность; онъ на зарѣ предупредилъ своихъ единомышленниковъ, назначилъ имъ свиданіе въ Сенъ-Сюльписѣ, откуда переправился въ Савойю. Лозанна пришла въ сильное волненіе, узнавъ на другой день о бѣгствѣ своего бургомистра и нѣсколькихъ нотаблей. 17-го декабря прибылъ въ Лозанну бернскій гарнизонъ въ 700 человѣкъ подъ командой совѣтника Аугсбурга, и началось слѣдствіе. Знаменщикъ Тронше и два брата Эсполаца, не поспѣвшіе бѣжать, были схвачены, отправлены въ Бернъ, судимы совѣтомъ двухсотъ и присуждены къ смерти. Имущество заговорщиковъ было конфисковано. Два дома, принадлежащіе Исбранду д'О, одинъ въ Эль де Сенъ-Лоранъ, другой на улицѣ Маделены, были срыты, и было запрещено вновь ихъ строить [1]).

Лозаннскій заговоръ былъ въ тѣсной связи съ планомъ, по которому Ваадтландъ и Женева должны были перейти во власть герцога Савойскаго. Въ женевскихъ архивахъ находится копія съ интереснаго документа [2]), съ которымъ насъ недавно познакомилъ г. Фази; въ этомъ документѣ изложены средства, при помощи которыхъ герцогъ разсчитывалъ достигнуть своей цѣли. Анонимный авторъ этого мемуара находитъ, что наступило удобное время для рѣшительнаго удара. «Швейцарскіе протестанты», говоритъ онъ,—«изнѣженные продолжительнымъ миромъ, стали неспособны къ серьезному дѣйствію; они лишились мужества, присущаго имъ раньше, отъ Франціи же, которую раздираетъ гражданская война, Бернъ и Женева не могутъ ждать никакой помощи». Отряды, сосредоточенные въ Тононѣ и Гексѣ, должны были въ ту же ночь проникнуть въ различные пункты Ваадтланда (Моржъ, Ніонъ, Ивердонъ), завладѣть Лозанной, ворота которой должны были имъ открыть сообщники Исбранда д'О, и напасть врасплохъ на Женеву; у porte de Cornavin, porte de Rive и porte Neuve должны были быть произведены демонстраціи для отвлеченія женевцевъ, главный же ударъ долженъ былъ быть нанесенъ съ озера савоярскими солдатами, доставленными на судахъ. Военныя силы герцога состояли изъ 2,000 кавалеристовъ и 6,000 аркебужцевъ.

Послѣдовавшія событія показали, что воображать, будто бернцы и женевцы не будутъ въ состояніи противиться подобной аттакѣ, было излишнемъ высокомѣріемъ. Къ несчастью для герцога этотъ планъ кампаніи

---

[1]) Это присужденіе косвенно остается въ силѣ и въ настоящее время, ибо владѣльцы сосѣднихъ домовъ получили за давностью права дневного свѣта на мѣста, гдѣ стояли эти дома, такъ что на нихъ нельзя ничего строить.

[2]) Озаглавленнаго Discours de l'entreprise faicte sur Genève par Son Altesse avec sa noblesse de Savoie и т. д., о которомъ упоминаетъ H. Fazy въ Guerre du Pays de Gex.

былъ сообщенъ женевскимъ магистратамъ однимъ савояромъ, приверженцемъ республики, который, не выдавая своего имени, тайно извѣстилъ ихъ о планахъ герцога Карла Эмануила. Другое дружелюбное сообщеніе, тоже, отъ одного изъ друзей женевцевъ, предупреждало ихъ, чтобы они были на готовѣ, и совѣтовало имъ немедленно извѣстить французскаго короля о происходящихъ злоумышленіяхъ. Тотчасъ о приготовленіяхъ герцога были извѣщены бернскіе совѣты. 22-го октября, послѣ того какъ въ малый совѣтъ (совѣтъ двадцати пяти) было сообщено о положеніи дѣлъ, четыре синдика, сговорившись съ Теодоромъ де Бэзъ и юрисконсультомъ Колладономъ, рѣшили, что слѣдуетъ предупредить нападеніе герцога; малый совѣтъ, считая войну неизбѣжной, полагалъ однако, что не слѣдуетъ торопиться. Между тѣмъ получались все новыя предостереженія, распространился слухъ, что герцогъ готовится къ нападенію на Женеву.

Война, которую женевцы колебались объявить, становилась неизбѣжной; въ виду этого малый совѣтъ организовалъ 13-го ноября военный совѣтъ, синдикъ Михаилъ Розе былъ назначенъ главнокомандующимъ, а синдикъ Мезонъ-Нева его адъютантомъ. Женевская милиція состояла въ то время изъ шестнадцати ротъ, насчитывавшихъ въ суммѣ 2,000 человѣкъ приблизительно; шесть изъ нихъ были на готовѣ выступить при первомъ сигналѣ.

Начать войну безъ союзниковъ было бы чистымъ безумiемъ, всѣ это чувствовали. У Генриха III былъ отнятъ маркизатъ Салуццо; можно было предполагать, что онъ захочетъ отомстить за это. Въ это время въ Женевѣ находился усердный агентъ короля Наваррскаго, Петръ Френъ-Форже; онъ взялся быть посредникомъ и написать отъ своего имени Арлэ де Санси, бывшему прежде посланникомъ въ Швейцаріи, чтобы онъ вывѣдалъ о намѣреніяхъ короля французскаго. Санси воздѣйствовалъ на короля въ желаемомъ смыслѣ, и Генрихъ послалъ его въ Бернъ, чтобы склонить эту республику въ пользу Женевы. Въ первыхъ числахъ декабря одинъ изъ женевскихъ синдиковъ, Павелъ Шевалье, отправился въ Бернъ, чтобы разсказать о положеніи Женевы и добиться помощи ихъ превосходительствъ. Шультгейссъ ф. Мулиненъ встрѣтилъ его ласково, но замѣтилъ ему, что договоры, соединяющіе эти республики, были оборонительные, а не наступательные, что герцогъ еще не совершилъ никакого враждебнаго дѣйствія, которое могло бы оправдать разрывъ съ нимъ, что, если французскій король присоединится къ герцогу Савойскому, католическіе кантоны навѣрное придутъ на помощь Савойѣ, что поэтому лучше подождать еще, и что все, что Бернъ можетъ въ настоящую минуту сдѣлать, это послать подкрѣпленія въ принадлежащіе ему въ Ваадтландѣ города.

Какъ видимъ, Бернъ коснѣлъ въ ложномъ бездѣйствіи; когда нѣсколько дней спустя прибыло извѣстіе о лозаннскомъ заговорѣ, его настроеніе измѣнилось какъ бы по волшебству. Видя прямую для себя опасность, бернцы послали 1,500 человѣкъ для охраны озера.

Положеніе дѣлъ начало принимать для Женевы болѣе благопріятный оборотъ; трагическая смерть герцога Гиза лишила герцога Савойскаго драгоцѣннаго помощника. Женевцы, замѣчаетъ г. Фази, узнавъ 19-го декабря о смерти неумолимаго врага гугенотовъ, не скрывали притворно своей радости; это, говорится въ регистрѣ, «хорошая новость, за которую мы должны возблагодарить Бога». Однако Карлъ-Эманулъ продолжалъ, не смотря на суровое время года, переводить войска изъ Пьемонта въ Савойю. Ваадтландъ вооружился; женевскій совѣтъ, опасаясь, чтобы бернскіе правители не опередили ихъ, не завладѣли бы страною Гексъ и Тернье, рѣшился дѣйствовать и принялъ военныя мѣры. Бернцы все еще колебались, они страшились предпринять походъ въ серединѣ зимы и переговаривались съ Цюрихомъ; желая избѣгнуть враждебныхъ дѣйствій, они хотѣли сначала исчерпать всѣ средства, чтобы мирно уладить дѣло. Женевскій совѣтъ двухсотъ послалъ синдиковъ Михаила Розе и Павла Шевалье въ Бернъ, гдѣ они 13-го января 1589 г. встрѣтились съ двумя цюрихскими государственными людьми, Г. Томанномъ и Г. Шмидомъ.

Съ своей стороны герцогъ Савойскій послалъ въ Бернъ усерднаго агента де Вилля, пытавшагося вкрасться въ довѣріе совѣтовъ и отговарить ихъ отъ союза съ Женевой. Когда съ нимъ заговорили о лозаннскомъ заговорѣ, онъ сдѣлалъ удивленный видъ и всячески клялся, что злоумышленіе случилось «безъ вѣдома и намѣренія его высочества, и что слѣдовательно нечего изъ-за него волноваться». Напрасно Розе и Шевалье истратили все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить своихъ союзниковъ въ необходимости начать военныя дѣйствія; они предлагали начать походъ, если только Бернъ и Цюрихъ обѣщаютъ поддержать ихъ и защитить ихъ завоеванія; они указывали на возможность помощи со стороны герцога Ледигьера, который, говорили они, нападетъ на Савойю изъ Дофинэ, и со стороны валлійцевъ, которые возьмутся занять Валь д'Аостъ.

Все было напрасно; правители Цюриха и Берна объявили, что желаютъ выждать рѣшенія сейма, который долженъ былъ собраться въ Баденѣ 20-го января, и узнать, каковы намѣренія короля французскаго.

Въ этотъ моментъ на сцену выступило новое лицо. Герцогъ Майенскій, ставшій во главѣ лиги по смерти своего брата, герцога Гиза, завладѣлъ Парижемъ, Орлеаномъ и важнѣйшими городами Франціи; положеніе Генриха III казалось безнадежнымъ. Послѣдній изъ Валуа собралъ совѣтъ въ Блуа. Арлэ де Санси предложилъ для спасенія монархіи от-

правиться въ Швейцарію и тамъ набрать войско. Министръ Генриха III прибылъ въ Женеву 14-го февраля; этотъ интриганъ, не разъ мѣнявшій религію, въ то время представлялся приверженцемъ реформаціи. Его хорошо приняли въ городѣ Кальвина, которому онъ уже оказалъ услугу, способствуя договору съ Солотурномъ. Онъ объявилъ, что король, его господинъ, желаетъ, чтобы ихъ превосходительства г. Берна напали на Савойю, что онъ обѣщаетъ помочь имъ, и что въ то же время, чтобы помѣшать малымъ кантонамъ устроить диверсію въ пользу Карла-Эмануила, король сдѣластъ наборъ въ католическихъ кантонахъ. Это были пустыя обѣщанія, ибо въ это время Генрихъ III едва могъ охранять собственную корону; но женевцы, не знавшіе истиннаго положенія дѣла, поддались на льстивыя слова Санси.

Въ Бернѣ французскій министръ имѣлъ не меньшій успѣхъ; онъ обратился къ обоимъ шультейссамъ республики Бэату фонъ Мулинену и Іоанну фонъ Ваттевиллю и сумѣлъ убѣдить ихъ въ необходимости войны. Совѣтъ двухсотъ рѣшилъ сдѣлать наборъ въ 30,000 человѣкъ, изъ которыхъ часть должна была быть набрана въ Граубюнденѣ и Валлисѣ; кромѣ того бернская республика одолжила французскому королю 100,000 экю золотомъ, которыя и были переданы Санси. «Странный разсчетъ», говоритъ г. Фази, «война должна была вестись отъ имени короля на деньги и солдатами Бернской республики. Въ награду за участіе въ войнѣ Санси предложилъ бернскимъ патриціямъ чужое достояніе, а именно: Тононъ, Рипайль, Гексъ и ла Клюзъ, которые должны были служить залогомъ уплаты денегъ, данныхъ королю, его господину». Санси попытался также получить наборъ въ 12,000 человѣкъ отъ католическихъ кантоновъ, но это ему не удалось, такъ какъ его опередилъ герцогъ Савойскій. Французскій посланникъ истратилъ на эти переговоры, а также на болѣе удачные переговоры съ Базелемъ, Шаффгаузеномъ, Гларусомъ, Солотурномъ и Граубюнденомъ часть денегъ, занятыхъ у бернцевъ. Нуждаясь въ средствахъ, онъ заложилъ свои фамильныя драгоцѣнности и, между прочимъ, знаменитый алмазъ, носящій еще въ настоящее время названіе алмаза Санси, который происходилъ изъ сокровищъ Карла Смѣлаго и былъ въ 1476 г. проданъ швейцарскимъ солдатомъ за одинъ флоринъ; въ настоящее время онъ составляетъ часть драгоцѣнностей русскаго двора, которымъ былъ пріобрѣтенъ въ 1835 г. за 500,000 рублей.

Съ своей стороны Женева, боясь, чтобы бернцы не опередили ее, мобилизировала свои войска, навербовала солдатъ во Франціи и Швейцаріи и поставила во главѣ своего войска французскаго эмигранта, М. де-Гитри, и къ нему приставила двухъ совѣтниковъ, Франсуа де-Шапоружъ и Павла Шевалье, которые должны были исполнять при капитанѣ-гугенотѣ

ту-же роль, какую играли во Франціи при конвентѣ гражданскіе комиссары. Герцогъ Савойскій пытался предупредить грозу; въ нотѣ къ бернскому правительству отъ 18-го февраля 1589 г. онъ увѣрялъ, что его напрасно оклеветали, оправдывался и утверждалъ, что совершенно не зналъ объ интригахъ, возбужденныхъ въ Ваадтландѣ кѣмъ нибудь изъ его подданныхъ, и предлагалъ въ угоду ихъ превосходительствамъ распустить своихъ рекрутовъ и привести количество своихъ войскъ къ старому и обычному гарнизону. Но эта льстивая депеша запоздала, бернцы знали, что означаютъ вооруженія и тайные подкопы герцога, и не повѣрили его обѣщаніямъ.

28-го марта 1589 г. женевскій совѣтъ рѣшилъ начать военныя дѣйствія и, чтобы приготовиться къ этому, приказалъ на 30-е марта общій постъ «для того», говорится въ регистрѣ, «чтобы Богъ смилостивился надъ нами и оказалъ покровительство нашему предпріятію». 2-го апрѣля три эскадрона кавалеріи и шесть ротъ пѣхоты, въ цѣломъ около 1,200 человѣкъ, выступили изъ Женевы подъ командой Гитри и направились на Фосиньи. Они разрушили мостъ д'Этрембьеръ на Арвѣ, овладѣли замкомъ Монту и на утро подошли къ крѣпости Бонивъ, не оказавшей сопротивленія; затѣмъ овладѣли замкомъ Сенъ Жуаръ и вернулись въ Женеву 6-го апрѣля, оставивъ гарнизоны во взятыхъ ими мѣстностяхъ. Другая экспедиція, направленная 3-го апрѣля противъ крѣпости ла-Клюзъ, была не такъ удачна; гарнизонъ савояровъ оказалъ сильное сопротивленіе и заставилъ осаждавшихъ отступить. 7-го апрѣля женевцы сдѣлали новую вылазку и заняли бургъ Гексъ, гдѣ имъ попались въ плѣнъ знатные плѣнники. Бернцы съ своей стороны тоже выступили въ походъ въ числѣ 5,000 человѣкъ, завладѣли страной Гексъ и заняли бургъ Гексъ, который женевцы съ сожалѣніемъ уступили имъ. Новое нападеніе женевцевъ, соединившихся съ бернцами, на крѣпость ла-Клюзъ, 11-го и 15-го апрѣля, осталось также безъ результата. Послѣ этой неудачи женевцы рѣшили завладѣть Шабле, чтобы имѣть возможность соединиться съ валлійцами; они заняли Тононъ и обложили Ринайль, который не замедлилъ сдаться.

Но бернцы вяло поддерживали ихъ; а Санси, заварив кашу, сталъ выказывать меньше интереса къ походу противъ герцога Савойскаго. Ему удалось при посредствѣ заманчивыхъ обѣщаній сманить часть швейцарскаго войска и, взявъ съ собою Гитри и другихъ французскихъ офицеровъ, находившихся на службѣ у Женевы, онъ направился въ Лангръ, гдѣ соединился съ королемъ.

Женевцы не потеряли мужества въ этомъ критическомъ положеніи. Они набрали новыя войска и поставили во главѣ ихъ синдика Варро; но

ихъ несчастья еще не кончились. Вслѣдъ за Сансп они были покинуты своими старыми союзниками бернцами, отозвавшими свои войска и оставившими только гарнизоны для защиты Гекса и Тонона.

Въ это время Генрихъ III умеръ, убитый монахомъ-фанатикомъ, и на французскій престолъ вступилъ Генрихъ Наваррскій (2-го августа 1589). Новый король немедленно послалъ въ Женеву заслуженнаго офицера, г. де-Люрбиньи. Республика тотчасъ-же поставила его во главѣ войска. 30-го августа узнали, что герцогская армія находится на мосту д'Этрамбьеръ. Полковникъ Дисбахъ, командовавшій бернскими отрядами, оставленными въ странѣ Гексъ, обратился къ Женевѣ за помощью, въ которой она ему не отказала. Поведеніе при этихъ обстоятельствахъ ихъ превосходительствъ было проникнуто малодушіемъ, недостойнымъ славнаго прошлаго родины Эрлаховъ и Бубенберговъ. 1583 и слѣдующіе годы представляютъ унизительныя страницы въ ихъ исторіи. Сами бернскіе солдаты, сражавшіеся вмѣстѣ съ женевцами противъ савойскаго креста, были изумлены и возмущены ролью, которую ихъ заставляли играть. Полковникъ И. С. ф. Дисбахъ, вѣрный хранитель старыхъ чувствъ чести и гельветской честности, протестовалъ противъ такой незаслуженной жестокости по отношенію къ союзникамъ ихъ превосходительствъ.

Въ то время какъ бернскій сенатъ, пославшій въ герцогскій лагерь ф. Бонштеттена, велъ переговоры, испанскія войска переправились черезъ каналъ ла-Клюзъ и сильно аттаковали бернскіе и женевскіе отряды, расположенные въ Коллонжѣ; эти послѣдніе сражались храбро, но должны были уступить численному превосходству, и Карлъ-Эмануилъ приблизился къ Гексу. Торжествующій герцогъ готовъ уже былъ завладѣть всѣмъ Ваадтландомъ, но посланникъ испанскаго короля, д'Акуна, указалъ ему, что король, его господинъ, далъ ему войско въ подмогу, а не для завоеваній, и Карлъ-Эмануилъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ своей чудной мечты [1]). Было заключено перемиріе, и 23-го сентября начались въ Ніонѣ переговоры о мирѣ.

Ніонскимъ договоромъ Бернъ и герцогъ взаимно гарантировали цѣлость своихъ государствъ, а Женева была предана безъ защиты въ руки Карла-Эмануила. Этотъ позорный договоръ возбудилъ негодованіе Швейцаріи;

---

[1]) „Эта оппозиція испанца“, говоритъ г. Фази, „очень странна и можетъ быть объяснена различно. Можетъ быть, Филиппъ II боялся впутаться въ непріязненныя отношенія не только съ бернцами, но со всей гельветской конфедераціей; или можетъ быть, онъ не желалъ возвышенія герцога Савойскаго, чтобы не потерять своего вліянія на него? Послѣдняя причина представляется наиболѣе вѣроятной. Дѣйствительно Филиппъ II былъ злымъ геніемъ Карла-Эмануила.“

отвѣтственность за него падала на нѣсколькихъ магистратовъ, бернскій-же народъ отрекался отъ него. «На улицахъ этого города», разсказываетъ Іоганнъ ф. Мюллеръ «постоянно встрѣчались молодые люди съ гирляндами лука на шеѣ, насмѣшливое изображеніе золотыхъ цѣпей, за которыя ихъ магистраты продали иностранцамъ честь и Бога своей родины».

Городъ Кальвина, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, выказалъ истинное величіе души. Піемонтскій историкъ, Д. Карутти [1]) воздалъ ему должное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «женевцы», говоритъ онъ, «покинутые всѣми, не потеряли головы; они встрѣтили свою участь съ энергіей и твердостью, достойными вѣчнаго восхищенія. Они не положили оружія, не попросили пощады, они сплотились сильнѣе съ твердымъ намѣреніемъ скорѣе умереть подъ развалинами города, чѣмъ сдаться; такая добродѣтель, такое душевное величіе не должны были остаться безъ награды». 30-го сентября, едва кончился срокъ перемирія, женевская колонна выступила съ двумя пушками и завладѣла замкомъ Вейжи въ Шабле.

Испанскіе и итальянскіе солдаты, составлявшіе главную часть пьемонтской арміи, предавались въ странѣ Гексъ страшнымъ излишествамъ. Они вели себя тамъ какъ въ завоеванной странѣ. Чтобы прервать сношенія между Женевой и швейцарскими лигами, герцогъ укрѣпилъ бургъ Версуа, поставилъ тамъ гарнизонъ, а когда наступилъ конецъ октября, онъ снова двинулся по дорогѣ къ Піемонту. 7-го ноября Люрбины во главѣ 600—700 пѣхотинцевъ и аргулетовъ [2]), напалъ въ расплохъ на гарнизонъ Версуа и началъ горячій бой на улицахъ этого бурга, который и былъ взятъ 9-го. Стѣны савойской крѣпости были снесены. Въ январѣ 1590 г. та-же участь постигла замки ла-Бати и Грильи ниже Версуа. Этотъ небольшой походъ завершился къ концу того-же мѣсяца болѣе важной побѣдой: взятіемъ бурга Гексъ, у подножія ущелья ла-Фосиль, замковъ Дивонны и Турнэ, у которыхъ вскорѣ послѣ того были срыты стѣны, а такъ-же многихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ странѣ.

16-го апрѣля женевцы, продолжая серію своихъ успѣховъ, сдѣлали новую вылазку и 21-го завладѣли крѣпостью ла-Клюзъ, считавшейся неприступной и бывшей ключомъ къ странѣ. Когда въ Шамбери узнали, что этой главной позиціи грозитъ опасность, были наскоро собраны отряды и посланы на помощь гарнизону, но они прибыли слишкомъ

---

[1]) Въ своей „Histoire de la diplomatie de la cour de Savoie“, дитировано г. Фази.

[2]) Арголетами или аргулетами называли легкую кавалерію, не носившую кирассъ, вооруженную пистолетами и карабинами, отчего впослѣдствіи они стали называться карабинерами.

поздно, крѣпость уже капитулировала. 30-го апрѣля въ Женевѣ узнали, что батардъ Савойскій, донъ-Амедей, приближается со всѣмъ своимъ войскомъ въ 7,000 человѣкъ. Женевскій совѣтъ обратился тотчасъ-же за помощью къ піонскому фогту, который изъявилъ готовность послать 200 человѣкъ и выразилъ сожалѣніе, что не можетъ дать большаго числа людей. Лозаннскій фогтъ тоже готовъ былъ помочь Женевѣ. Бернскіе патриціи, къ которымъ тоже обратились за помощью, хитрили и осторожно разрѣшивъ помощь, обѣщанную ваадтландскими фоктами, въ то-же время не отдавали соотвѣтственныхъ приказаній, чтобы не скомпрометировать себя передъ Карломъ Эмануиломъ.

Для усиленія наемнаго войска, состоявшаго преимущественно изъ иностранцевъ, ведшаго до тѣхъ поръ войну подъ начальствомъ женевскихъ и французскихъ офицеровъ, совѣтъ рѣшилъ призвать всѣхъ людей изъ гражданскихъ ротъ, какъ кавалеристовъ, такъ и пѣхотинцевъ. Часть герцогскихъ войскъ, въ числѣ 700 человѣкъ, желая захватить врасплохъ крѣпость ла-Клюзъ, сдѣлала большое обходное движеніе, перешла высоты Юры и быстро спустилась по направленію къ Крозе въ восьми приблизительно километрахъ къ сѣверозападу отъ Женевы. Это мѣсто охранялось слабымъ отрядомъ подъ командой капитана де-Гальона, не ожидавшаго нападенія и растерявшагося при приближеніи испанцевъ; офицеры и солдаты потеряли голову и быстро отступили въ большомъ безпорядкѣ, 10-го мая 1590 г.

Эта неудача была еще значительно усилена тѣмъ, что капитанъ де-Гальонъ, желая ослабить свою вину, увѣрилъ Люрбиньи, что ему пришлось имѣть дѣло съ 4,000 людей и 500 лошадей, а Люрбиньи, не провѣривъ этого сообщенія, далъ приказъ немедленно очистить ла-Клюзъ и отступить къ Женевѣ. Антуанъ де-Гальонъ [1]), чья небрежность такъ сильно повредила дѣлу, былъ приговоренъ къ смерти. Послѣ пораженія при Крозе, война продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. 5-го іюня Люрбиньи одержалъ побѣду надъ испанцами близъ деревни Фаржъ. Но онъ былъ раненъ въ этой битвѣ, а мѣсяцъ спустя, 7-го іюля, донъ-Амедей отомстилъ за нее при Шателенѣ, гдѣ онъ разбилъ капитана Ла-Пьерръ. Герцогскія войска продолжали грабить страну Гексъ; въ продолженіе іюля мѣсяца не было ни одной деревни, ни одной хижины, гдѣ-бы не вспыхнулъ пожаръ. «31-го іюля», говоритъ одинъ современникъ, «вся восточная сторона была въ дыму и пламени почти съ одного конца до другого».

---

[1]) Антуанъ де-Гальонъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ по ремеслу, родомъ изъ Парижа, принятъ въ женевскіе граждане въ 1572 г.; въ 1584 г. онъ представилъ городскому совѣту проектъ устройства на Ронѣ гидравлической машины для снабженія города водою.

Не взирая на печальное положеніе, въ которомъ находилась Женева, бернская республика продолжала бездѣйствовать. Англійская королева Елизавета, возмущенная этимъ, написала тринадцати кантонамъ, ходатайствуя за Женеву. Но гельветскій союзъ, глубоко раздѣленный конфессіональнымъ антагонизмомъ, остался глухъ къ этому призыву. Испанское вліяніе было всемогуще въ католическихъ кантонахъ и тѣснило протестантскіе кантоны.

Испанскимъ бандамъ надоѣла въ концѣ-концовъ страна, которую они предали огню и мечу, и которая не давала имъ больше средствъ для существованія; они перенесли свой лагерь по другую сторону Роны въ область, простирающуюся отъ Сейсселя до Монъ де-Сіонъ.

Когда испанцы удалились, женевцы снова завладѣли страной Гексъ. Тогда бернскіе патриціи начали интриговать передъ савойскимъ дворомъ, ища утвержденія себя въ правахъ фогтства надъ Гексомъ, Терньс и Шабле. Французскій посланникъ, узнавъ объ этихъ происках, далъ знать о нихъ женевцамъ. Благодаря покровительству Генриха IV женевцамъ удалось удержать свои завоеванія. Въ 1592 г., когда отношенія сдѣлались болѣе миролюбивыми, герцогъ Савойскій, Карлъ-Эмануилъ, предложилъ своимъ мятежнымъ подданнымъ страны Гексъ условное прощеніе. Уступая, заявилъ онъ, просьбамъ бернскихъ правителей, онъ согласенъ не взыскивать съ нихъ, если они заплатятъ ему 8,000 золотыхъ экю. Между тѣмъ въ 1593 г. вступилъ на престолъ Генрихъ IV и утвердилъ за женевцами страну Гексъ 20-го апрѣля, выдавъ имъ на нее патентъ. Въ томъ-же году (25-го іюля) совершилось отступничество Генриха IV; многіе строго осуждали переходъ беарнца въ католичество и его ставшее знаменитымъ выраженіе. «Парижъ, конечно, стоитъ мессы». Дѣйствительно Генрихъ IV былъ совершенно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ; будучи прежде всего политикомъ, онъ придавалъ мало значенія вопросамъ вѣры; онъ прежде всего стремился примирить двѣ большія партіи, возбуждавшія несогласія во Франціи. Въ отличіе отъ обычныхъ ренегатовъ онъ, дѣлая свой такъ называемый «опасный прыжокъ», разсчитывалъ предоставить всякому исповѣдывать выбранную имъ религію. Обнародованіемъ знаменитаго Нантскаго эдикта онъ даровалъ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ всѣ гарантіи, какія только они могли пожелать, и, если-бы его преемники не дали оплести себя католическому духовенству и продолжали бы его либеральную политику, то Франція была-бы избавлена отъ многихъ революцій и катастрофъ.

Съ окончаніемъ во Франціи гражданской войны измѣнилось направленіе политики въ Европѣ. Испанское могущество, пользовавшееся долгое время этими раздорами, должно было понемногу ослабнуть. Въ это время

Ледигьеръ готовился перевалить черезъ Альпы и войти въ Пьемонтъ. Герцогъ Савойскій, испуганный возможностью этого нашествія, предложилъ дофинцу-капитану трехмѣсячное перемиріе. Храбрый гугенотъ не забылъ при этомъ своихъ друзей женевцевъ, онъ о нихъ подумалъ и заставилъ распространить перемиріе на нихъ. На время перерыва враждебныхъ дѣйствій Женева сохранила временно за собою страну Гексъ. Савойскій дворъ возобновлялъ перемиріе каждые три мѣсяца. Это не былъ миръ, а только отсрочка, такъ какъ Карлъ Эмануилъ не могъ примириться съ мыслью отдать женевцамъ страну Гексъ; бернскіе патриціи тоже видѣли, что отъ нихъ ускользаетъ столь давно желанная добыча, и брали сторону герцога, давая зависти взять верхъ надъ чувствами дружбы, которую долженъ былъ-бы имъ внушать старый союзъ съ Женевой. Женевскій совѣтъ отвѣчалъ уклончиво на совѣты Берна. Синдикъ Розе ловко вернулъ въ споръ грозный авторитетъ Генриха IV. «Женевскіе правители», сказалъ онъ, «удерживаютъ страну Гексъ отъ имени короля, и, если произойдетъ перемѣна, то этимъ можетъ быть навлеченъ гнѣвъ короля и на насъ и на васъ». Въ своемъ искусномъ мемуарѣ синдикъ Шевалье указывалъ, что, если Франція по мирному договору промѣняетъ маркизатъ Салуццо на Брессу, то для сохраненія свободнымъ сообщенія между Женевой и Ліономъ необходимо будетъ, чтобы фогтства, заключенныя между Брессой и Роной, были присоединены къ Женевѣ.

Въ продолженіе одиннадцати лѣтъ женевская республика занимала страну Гексъ и управляла ею. Она поставила тамъ гражданскаго губернатора, которому были поручены юридическія и административныя дѣла, и на приговоры котораго можно было апеллировать въ Женеву. Непосредственнымъ результатомъ войны 1589—1590 г., замѣчаетъ г. Фази, было укрѣпленіе аристократическаго режима; военное положеніе требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, худо совмѣстимыхъ съ неизбѣжной медлительностью совѣщательныхъ собраній. Малый совѣтъ привыкъ обходиться безъ совѣта шестидесяти и совѣта двухсотъ; онъ организовалъ управленіе страною Гексъ и присвоилъ себѣ право замѣщать общественныя должности. Въ продолженіе войны дворяне этой страны частью оставались нейтральными, частью сохранили вѣрность Савойскому дому; сверженіе савойскаго правленія вызвало мало сожалѣнія, такъ-какъ женевское управленіе было благодѣтельно: народонаселеніе въ общемъ было менѣе обременено, болѣе счастливо, чѣмъ подъ властью Савойи. Выше было сказано, что реформація была введена въ странѣ Гексъ бернцами; когда герцогъ Савойскій вернулъ себѣ въ 1564 г. эту провинцію, онъ обѣщалъ уважать религіозную свободу ея жителей, а большинство этихъ послѣднихъ осталось вѣрнымъ реформаціи. Одинаковость вѣроисповѣданій облегчила

побѣду; церковное устройство, введенное Кальвиномъ въ Женевѣ, было введено и въ странѣ Гексъ, что, однако, сопровождалось нѣкоторыми затрудненіями: строгая дисциплина кальвинистовъ съ ея строгими наказаніями за богохульство, запрещеніемъ танцевъ и игръ, закрытіемъ кабачковъ и обязательствомъ ходить на проповѣдь, была не по вкусу прежнимъ подданнымъ герцога Савойскаго, не привыкшимъ къ такой строгости.

Въ февралѣ 1598 г. въ Вервенѣ начались мирные переговоры между Испаніей и Франціей. Генрихъ IV заранѣе обѣщалъ не подписывать договора, если миръ не будетъ распространенъ и на Женеву; тщетное обѣщаніе, которое онъ скоро позабылъ изъ-за государственныхъ соображеній. Переговоры затянулись. Чтобы пріобрѣсти благосклонность французскаго двора, Карлъ-Эмануилъ отправился въ Парижъ; но ему пришлось имѣть дѣло съ достойнымъ соперникомъ; беарнецъ требовалъ взамѣнъ возстановленія маркизата Салуццо, уступки всей Брессы. Карлъ-Эмануилъ не уступалъ и предпочиталъ прибѣгнуть къ рѣшенію спора оружіемъ. Генрихъ IV, раздраженный такимъ промедленіемъ объявилъ герцогу войну 11-го августа 1601 года. Французы повели походъ очень быстро и ловко; Савойя оказала весьма слабое сопротивленіе. Карлъ-Эмануилъ выказалъ много дипломатіи, стараясь избѣгнуть послѣдствій своего пораженія, но напрасно. 17-го января 1602 г. въЛіонѣ былъ подписанъ мирный договоръ, по которому Генрихъ IV отказался отъ маркизата Салуццо, но взамѣнъ получилъ Брессу, Бюжэ и страну Гексъ.

Бернскіе правители, потерявшіе благодаря своей безпечности страну Гексъ, стали интриговать передъ Генрихомъ IV о возвращеніи имъ этой страны, которую они уже два раза теряли; папскій легатъ, руководившій преніями въ Ліонѣ, воспротивился оставленію страны Гексъ во власти протестантской республики. Хитрый беарнецъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы не исполнить формальныхъ обѣщаній, многократно даваемыхъ имъ женевцамъ; онъ также не вернулъ имъ денегъ, данныхъ и занятыхъ Женевой для веденія войны, предпринятой за счетъ короля французскаго. Такимъ образомъ Женева оказалась вынужденной послѣ одиннадцатилѣтней оккупаціи отказаться отъ присоединенія, стоившаго ей столькихъ тяжелыхъ жертвъ. Это явилось результатомъ ненависти легата, досады и зависти бернскихъ правителей и непостоянства Генриха IV.

Карлъ-Эмануилъ, котораго Генрихъ IV лишилъ принадлежавшихъ ему по правому берегу Роны провинцій, не отказался, однако, отъ своихъ притязаній на Женеву и пытался завладѣть ею въ расплохъ. Въ ночь на 21-е (12-е по старому стилю) декабря 1602 г., въ то время какъ женевцы, полагаясь на поддержку короля французскаго, считали себя въ полной безопасности, савойская армія въ 6000—8000 человѣкъ, собран-

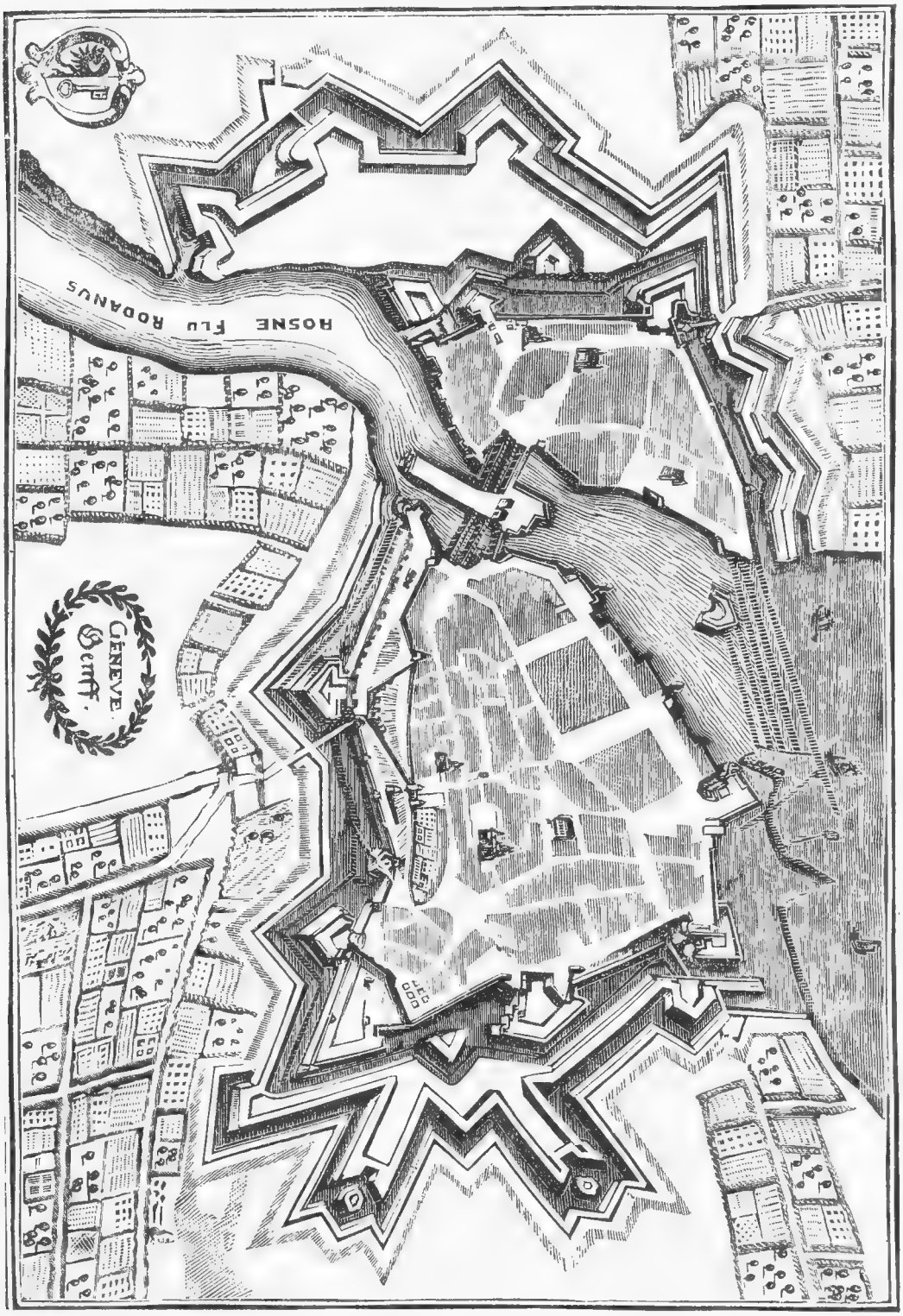
ная потихоньку, стянулась въ окрестностяхъ Женевы и безъ предварительнаго объявленія войны рѣшилась на смѣлое нападеніе. Ея авангардъ подошелъ къ городу въ глубокомъ молчаніи и подставилъ къ стѣнамъ лѣстницы, окрашенныя въ черную краску. Іезуитскіе миссіонеры, съ шотландцемъ отцомъ Alexandre Naym (или Hume) во главѣ, подбодряли нападавшихъ, раздавая имъ амулеты. «Взбирайтесь храбро», говорили они имъ, «каждая ступень приближаетъ васъ къ небу».

Уже двѣсти человѣкъ влѣзли на укрѣпленіе и проникли въ спавшій городъ, а главная часть арміи собралась передъ Новыми воротами въ ожиданіи, чтобы попавшіе въ городъ открыли имъ ихъ, когда вдругъ была поднята тревога. Часовой разбудилъ жителей выстрѣломъ изъ ружья, а ваадтландскій солдатъ, Жанъ-Жакъ Мерсье, остановилъ врага, спустивъ опускную рѣшетку у Новыхъ воротъ. Сопровождаемые женщинами и дѣтьми, полуодѣтые мужчины, вооруженные инструментами и бердышами, выбѣжали изъ домовъ и вступили въ жестокую битву. Ловко направленный выстрѣлъ изъ пушки разрушилъ лѣстницы, генералъ Альбиньи отказался идти на приступъ, и разбитые савойцы отступили, оставивъ много мертвыхъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на театръ дѣйствія пріѣхалъ Карлъ-Эммануилъ, чтобы присутствовать при побѣдѣ, въ которой онъ былъ увѣренъ, и торжественно вступить въ Женеву.

Женевцы, растроганные мыслью о страшной опасности, только что ими избѣгнутой, направились толпою въ соборъ св. Петра, гдѣ восьмидесятилѣтній Теодоръ де-Бэзъ взошелъ на каѳедру, запѣлъ псаломъ 123 [1]) и возблагодарилъ Бога за освобожденіе отъ опасности, угрожавшей городу. Семьдесятъ савойцевъ, попавшихъ въ плѣнъ, были повѣшены безъ всякаго милосердія; синдикъ Блонделъ, обвиненный въ сообщничествѣ съ герцогомъ, былъ колесованъ. Женевцы потеряли только семнадцать человѣкъ, среди нихъ бывшаго синдика достопочтеннаго Каналя, Галлатина, Варнделя и др. Женевцы празднуютъ ежегодно воспоминаніе объ этомъ событіи, извѣстномъ подъ именемъ Эскалады; они устраиваютъ банкеты, на которыхъ разсказываютъ эпизоды изъ этой памятной ночи. Ото всѣхъ протестантскихъ государствъ получила Женева выраженія сочувствія и предложенія помощи и денегъ. Между прочимъ Морицъ Гессенскій послалъ женевцамъ 10000 экю, на которыя былъ возведенъ Гессенскій бастіонъ. Женевская армія уже направилась на Шамбери, когда вмѣшались Франція, Испанія, папа и конфедераты, опасавшіеся, чтобы не началась всеобщая война, и заставили воюющія стороны заключить миръ, который былъ под-

[1]) Если бы не Господь былъ съ нами—да скажетъ Израиль...

писанъ 21-го іюля 1603 г. въ Сенъ-Жюльенѣ. Герцогъ Савойскій согла-



Фиг. 22. Городъ Женева въ XVII вѣкѣ, по Мериану.

сился, чтобы Женева была включена въ Вервенскій договоръ; онъ долженъ былъ обѣщать не строить крѣпостей и не держать военныхъ отрядовъ

ближе чѣмъ на разстояніи четырехъ миль отъ границы Женевской республики. Однако, онъ до самой своей смерти безпрестанно устраивалъ заговоры противъ своего стараго врага, а его преемники въ продолженіе цѣлаго вѣка старались всяческими способами завладѣть Женевой и Ваадтландомъ; послѣдняя попытка имѣла мѣсто въ 1715 г. Женева съ помощью, пришедшей къ ней извнѣ, а именно отъ Голландіи, закончила свои укрѣпленія, контуры которыхъ можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. (Фиг. 22).

ГЛАВА X.

Состояніе цивилизаціи въ Швейцаріи къ концу шестнадцатаго вѣка.

Расцвѣтъ интеллектуальной жизни, гуманисты, лѣтописцы —Глареанъ.—Цепоренъ. — Вадіанъ. — Конрадъ Гесснеръ. — Валерій Ансельмъ.— Буллингеръ. — Іоганнъ Кесслеръ.— Ѳома и Феликсъ Платтеръ. — Конрадъ Пелликанъ. — Бониваръ. — Фроманъ. — Жанна де-Жюсси. — Пьерфлеръ. — Эгидій Чуди.—Іоганнъ Штумпфъ. — Іосія Зимлеръ. — Франсуа Гюльманъ. — Вурстизенъ.— Ренвардъ Цизатъ. — Валентинъ Чуди. — Ульрихъ Кампель. — Севастьянъ Мюнстеръ. — Парацельзъ. — Вліяніе театра на нравы. — Мануэль. — Генгенбахъ. — Утцъ Экштейнъ.—Функелинъ.—Готгартъ.—Іетцлеръ. — Руфъ.—Муреръ.— Валентинъ Больцъ. — Штетлеръ. — Вагнеръ. — Ритцъ. — Баушеръ.—Малеръ.—Ѳома Мурнеръ. — Залатъ.—Грубель. — Іоганнъ фонъ-Траверзъ. — Іоганнъ Аль. — Ѳома Маленгръ.—Вире.—Теодоръ де-Бэзъ.—Развитіе благосостоянія проявляется на жилищахъ.—Расцвѣтъ итальянскаго стиля возрожденія.—Живопись на стеклѣ.— Политическій упадокъ.—Католическіе кантоны съ одной стороны, протестантскіе—съ другой, образуютъ отдѣльныя лиги.—Образованіе олигархій.

Умственное развитіе, бывшее въ такомъ пренебреженіи въ Швейцаріи въ предшествовавшія эпохи, дѣлаетъ въ XVI вѣкѣ большіе успѣхи. Въ то время какъ конфедераты временъ Бургундской, Швабской и Итальянской войнъ вполнѣ отдавались своимъ военнымъ склонностямъ, буржуа швейцарскихъ городовъ, послѣ пробужденія, произведеннаго возрожденіемъ и реформаціей, начинаютъ находить вкусъ въ литературѣ и наукахъ; начинается совершенно новое направленіе. Энергія, истрачиваемая прежде исключительно на полѣ битвы, начинаетъ примѣняться къ болѣе благороднымъ цѣлямъ; мирныя искусства входятъ въ свою очередь въ честь. Эта перемѣна замѣчается также въ Англіи и во Франціи, но, можетъ быть, въ Швейцаріи она была болѣе поразительна, чѣмъ гдѣ-либо. Теологическіе турниры, происходившіе, какъ мы видѣли, во многихъ городахъ, изощрили умы; чтобы выказать себя съ хорошей стороны на этихъ диспутахъ, надо было являться на нихъ умственно хорошо вооруженнымъ. Чтобы переводить и пояснять Библію, надо было основательно знать языки, исторію, гео-

графію и древности. Реформаторы открывали школы съ цѣлью привлеченія народныхъ массъ къ своему ученію; а во второй половинѣ вѣка и католическое духовенство съ своей стороны открываетъ ихъ, чтобы удержать въ католической вѣрѣ тѣхъ, кто остался ей вѣренъ. Конфессіональный антагонизмъ возбудилъ соревнованіе, которое съ этой по крайней мѣрѣ точки зрѣнія было выгодно для всей націи. «Шестнадцатый вѣкъ», говоритъ Даге, «представляетъ зрѣлище національнаго умственнаго развитія, а также одну изъ самыхъ интересныхъ фазъ нашей исторіи литературы. Никогда еще не бывало такого множества знаменитыхъ людей, прославившихся своими трудами и талантами въ трехъ главныхъ сферахъ общественной жизни: церкви, государствѣ и школѣ. Изъ нихъ конечно многіе родились не въ нашемъ отечествѣ; но всѣ принадлежатъ намъ, ибо жили, дѣйствовали и умерли на гельветской землѣ, ставшей центромъ ихъ дѣятельности и ихъ пріемнымъ отечествомъ».

Послѣ Мариньано Швейцарія отказалась отъ политической роли въ Европѣ. Со времени реформаціи она начала оказывать религіозное и умственное вліяніе далеко за предѣлами своихъ границъ; въ ея школы приходили учиться или преподавать иностранцы, которые затѣмъ распространяли въ своемъ отечествѣ идеи, царившія въ нашихъ интеллектуальныхъ центрахъ; также и швейцарцы отправлялись учиться или преподавать въ иностранныя школы и по возвращеніи въ наши кантоны обогащали ихъ знаніями, пріобрѣтенными въ другихъ государствахъ. Между Швейцаріей и заграницей образуется постоянное теченіе и обмѣнъ мыслей. Теологическія ученія ея реформаторовъ распространяются во Франціи, Пфальцѣ, Голландіи, въ Англіи и даже Шотландіи. У Кальвина было много корреспондентовъ, спрашивавшихъ его совѣтовъ; Буллингеръ переписывался со многими государями, какъ, напр., Генрихомъ VIII, Эдуардомъ VI и Елизаветой Англійскими, Генрихомъ II Французскимъ и Христіаномъ III Датскимъ, а также со своими единовѣрцами въ Польшѣ, Саксоніи, Пфальцѣ, Гессенѣ и Вюртембергѣ; во всѣхъ странахъ, гдѣ реформація одержала верхъ, на него смотрѣли какъ на оракула. Вліяніе Цвингли, котораго можно считать самымъ ученымъ изъ всѣхъ реформаторовъ, а также вліяніе его преемника Буллингера способствовало поощренію изученія классиковъ въ нѣмецкой Швейцаріи.

Швейцарскіе ученые этой эпохи предавались рядомъ съ теологіей и изученію гуманистическихъ наукъ. Глареанъ пріобрѣлъ извѣстность своими трудами надъ Титомъ Ливіемъ, Светоніемъ, Цезаремъ, Саллюстіемъ, Овидіемъ и Теренціемъ, тогда какъ Цепоренъ, одинъ изъ учителей въ цюрихскомъ Каролинумѣ (или гимназіи), занимался толкованіемъ произведеній Гезіода, Пиндара, Діонисія Періегета, а Вадіанъ изъ Сенъ-Галлена ком-

ментировалъ Плинія, Саллюстія, Овидія и Тацита. Вадіанъ, бывшій послѣдовательно ректоромъ Вѣнскаго университета, медикомъ, бургомистромъ и реформаторомъ въ Сенъ-Галленѣ, обладалъ универсальными знаніями. То-же можно сказать и о Конрадѣ Гесснерѣ, профессорѣ въ Каролинумѣ, филологѣ, медикѣ и натуралистѣ, однимъ изъ славнѣйшихъ людей Цюриха, о которомъ мы говорили выше (т. II, ст. 135) по поводу его профессуры въ Лозаннской академіи; одна изъ его заслугъ заключается съ томъ, что онъ ввелъ въ изученіе древнихъ и новыхъ языковъ методъ сравнительнаго языковѣдѣнія, основанный на отношеніяхъ, существующихъ между различными языками индо-германскаго происхожденія. Онъ умеръ въ 1565 году, 49-ти лѣтъ отъ роду, истощенный своими разнообразными трудами. Это, говоритъ Вюльеменъ, «былъ самый обширный умъ своего времени и самое дѣтское сердце. Онъ распространялъ вокругъ себя атмосферу безкорыстія, любви и чистоты; онъ былъ удивительно трудолюбивъ, свѣдущъ и уменъ. Два его главныхъ произведенія могутъ дать понятіе о полнотѣ его знаній: его Универсальная библіотека, каталогъ на трехъ языкахъ (латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ) всѣхъ авторовъ, заключающій имена ученыхъ, ихъ титулы, предметъ ихъ сочиненій и сужденія, высказанныя о нихъ, и его Исторія животныхъ, въ которой онъ распредѣляетъ животныхъ по алфавиту, приводитъ ихъ названія на различныхъ языкахъ древнихъ и современныхъ, даетъ описаніе ихъ внутренняго и наружнаго строенія, упоминаетъ объ ихъ разновидностяхъ, ихъ нравахъ, ихъ болѣзняхъ, о пищѣ, которую изъ нихъ получаютъ, о лѣкарствахъ, изъ нихъ добываемыхъ, и объ образахъ, заимствованныхъ отъ нихъ въ поэзіи и краснорѣчіи. Это сочиненіе можно конечно разсматривать какъ основаніе современной зоологіи. «Оно было написано», говоритъ Кювье, «съ такимъ критическимъ чутьемъ, какое только возможно въ эпоху, когда авторитетъ классиковъ еще очень уважался, а природа была еще очень мало изслѣдована. Оно заключаетъ массу новыхъ подробностей, главнымъ образомъ относительно животныхъ, водящихся въ Швейцаріи, много точныхъ и важныхъ фактовъ, которыми нельзя пренебрегать и въ настоящее время».

Серія лѣтописцевъ XV-го вѣка (о которыхъ мы говорили, т. II, ст. 24) продолжается и въ XVI-мъ вѣкѣ. Самымъ знаменитымъ былъ Валерій Ансельмъ, бернскій школьный учитель и медикъ (умершій въ 1540 г.), о которомъ мы раньше говорили, такъ какъ ему было поручено ихъ превосходительствами продолжать хронику города Берна, что онъ и выполнилъ, пользуясь оффиціальными документами бернскаго, цюрихскаго и люцернскаго архивовъ. Въ его разсказѣ множество живописныхъ чертъ. Послѣ бѣглаго взгляда на эпоху, предшествовавшую Бургундскимъ войнамъ, онъ болѣе подробно останавливается на Швабскихъ войнахъ, Итальянскихъ походахъ

и реформаціи. Какъ гуманистъ и горячій приверженецъ реформаціи, онъ былъ отъявленнымъ врагомъ католической церкви, системы пенсій и вербовокъ, союзовъ съ иностранными государствами и французской политики. Это былъ, говоритъ г. Дендликеръ, тонкій наблюдатель народной жизни, его хроника представляетъ драгоцѣнный источникъ для изученія нравовъ, семейной жизни, общественныхъ и частныхъ обычаевъ, которые онъ тщательно описываетъ.

Хроника Генриха Буллингера составлена нѣсколько въ томъ же родѣ. Преемникъ Цвингли, первый цюрихскій предстоятель, Буллингеръ нашелъ возможность, несмотря на свои многочисленныя занятія, написать многотомную хронику. Для періода, предшествовавшаго реформаціи, онъ воспользовался разсказами драматическихъ авторовъ, которые онъ повторяетъ; что же касается событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, онъ изложилъ ихъ очень точно, и хотя онъ и горячо заступается за евангеликовъ, онъ тѣмъ не менѣе не такъ озлобленъ и страстенъ, какъ Ансельмъ.

Третій лѣтописецъ, сѣдельникъ и теологъ Іоганнъ Кесслеръ повѣствуетъ о перипетіяхъ реформаціи въ Сенъ-Галленѣ въ драматической, духовной и политической хроникѣ, озаглавленной «Книга шабаша», такъ какъ онъ посвящалъ ей время отдыха; его разсказъ не притязателенъ, но онъ описываетъ то, что видѣлъ и наблюдалъ, и въ этомъ отношеніи его книга не лишена интереса. За хрониками слѣдуютъ мемуары. Въ мемуарахъ валлійскаго пастуха, Ѳомы Платтера, бывшаго школьнымъ учителемъ, потомъ типографщикомъ, и его сына Феликса, знаменитаго доктора и профессора Базельскаго университета, описываются бродячіе нравы современной имъ молодежи. Къ той же категоріи можно отнести и мемуары Конрада Пелликана, который началъ свою карьеру въ Шварцвальденѣ и Базелѣ францисканскимъ монахомъ, а кончилъ профессоромъ еврейскаго языка въ Цюрихѣ, гдѣ и умеръ въ 1556 году.

Шумныя сцены, вызванныя введеніемъ реформаціи въ романдской Швейцаріи, событія, предшествовавшія ей и послѣдовавшія за ней, сохранены для насъ въ мемуарахъ Бонивара, веселаго савойскаго разсказчика, свободные пріемы котораго рѣзко расходятся съ корректнымъ языкомъ учителей реформаціи. Страстные и юмористическіе разсказы Фромана представляютъ рѣзкій контрастъ къ грустному повѣствованію Жанны де-Жюсси, монахини Женевскаго монастыря св. Клары. По вѣрному замѣчанію Ф. Годе, литература многимъ обязана революціямъ. Если бы монашенки св. Клары не были изгнаны изъ своего монастыря, мы не имѣли бы книги сестры Жанны. Возмущенная монахиня, закончившая свое поприще аббатиссой въ Аннеси, описываетъ въ простыхъ и искреннихъ словахъ съ глубокою печалью грубые нравы того времени, мятежи, уличныя схватки, разрушеніе

образовъ, осквернение церквей и печальное изгнание монахинь св. Клары. Это—оборотная сторона разсказовъ Бонивара. Какъ женщина и монахиня, Жанна де-Жюсси полна предразсудковъ, она даетъ волю своему озлоблению, но она честно признаетъ основательность упрековъ, дѣлаемыхъ католическому духовенству XVI-го вѣка [1]). «Правда», говоритъ она, «что прелаты и церковнослужители того времени не соблюдали своихъ клятвъ и своего положенія, но растрачивали на веселье церковное имущество, содержали женщинъ въ похоти и прелюбодѣйствѣ, и почти весь народъ былъ зараженъ этимъ ужаснымъ грѣхомъ. И добрые монахи и монахини должны были нести судъ Божій вмѣстѣ съ виновными...» Другой драгоцѣнный свидѣтель начала реформаціи въ романдской странѣ разсказалъ намъ въ своихъ мемуарахъ день за днемъ событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, это великій орбскій знаменосецъ Петръ де-Пьерфлёръ. Это былъ образованный магистратъ; хотя и ревностный католикъ, глубоко огорченный распространеніемъ реформаціи, онъ тѣмъ не менѣе не даетъ увлечь себя страсти, и его разсказъ проникнутъ искренностью. Собственно говоря, онъ былъ больше привязанъ къ религіи своихъ отцовъ, чѣмъ къ римскому духовенству, и онъ очевидно имѣлъ непріятности со священниками, потому что, не стѣсняясь, направляетъ противъ нихъ свои острыя стрѣлы: «Духовные люди», говоритъ онъ, «это опасные люди»; онъ издѣвается надъ грансонскимъ пріоромъ, который не имѣлъ большихъ достоинствъ кромѣ развѣ, что былъ искуснымъ охотникомъ на перепелокъ и курпатокъ, съ собакой и птицей, чему онъ выучился въ своемъ монастырѣ».

Всѣ названныя нами работы имѣютъ эпизодическій и отрывочный характеръ; первая попытка систематизаціи исторіи нашего народа была сдѣлана въ XVI-мъ вѣкѣ гларусцемъ Эгидіемъ Чуди (1505—1572). Этотъ человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ при жизни, по смерти оказалъ еще большее вліяніе благодаря своей хроникѣ, изъ которой черпали позднѣйшіе историки, между прочими и Іоганнъ ф.-Мюллеръ. Гете высказалъ на закатѣ своей жизни сужденіе о гларусскомъ историкѣ, можетъ быть нѣсколько слишкомъ снисходительное, но заслуживающее упоминанія: «Тотъ, кто понимаетъ человѣческое сердце, не можетъ не признать, что можно образовать выдающагося и прекраснаго человѣка съ помощью одной только швейцарской хроники Чуди». Мы уже раньше упоминали о дружбѣ, связывавшей семью Чуди съ Цвингли и Глареаномъ, слѣдовательно

[1]) Книга Жанны де-Жюсси, написанная въ 1545 и 1547 г., была напечатана только 60 лѣтъ спустя съ полемической цѣлью, оттого она и озаглавлена „Le levain du calvinisme“; это заглавіе трудно было бы иначе объяснить, такъ какъ въ книгѣ даже не упоминается имени Кальвина и ничего о немъ не говорится.

уже съ дѣтства будущій историкъ былъ окруженъ друзьями, могущими способствовать его умственному развитію. Его отецъ, участвовавшій въ званіи капитана въ Швабской и Итальянской войнахъ, сначала пригласилъ къ нему учителемъ Цвингли, потомъ послалъ его кончать образованіе въ Базель, затѣмъ въ Парижъ. Чуди съ дѣтства выказалъ явную склонность къ археологіи, къ изученію надписей, старинныхъ діалектовъ, къ этимологіи и географіи; онъ объѣхалъ гларусскія, граубюнденскія и валлійскія Альпы въ поискахъ за документами. Съ 1528 года онъ былъ призванъ къ общественной дѣятельности и исполнялъ послѣдовательно должности фогта въ Саргансѣ, Роршахѣ, Баденѣ и наконецъ ландаммана въ Гарусѣ.

Его кантонъ, какъ намъ извѣстно, былъ раздѣленъ въ религіозномъ отношеніи, однако, благодаря стараніямъ ландаммана Эбли, католики и евангелики жили сначала въ добромъ согласіи. Эгидій Чуди, оставшійся вѣрнымъ старой вѣрѣ, былъ по темпераменту склоненъ къ терпимости, однако съ годами онъ все больше склонялся къ Риму. Въ юности онъ написалъ первый свой географическій и историческій трудъ о древней Ретіи, озаглавленной Rhetia Alpina, напечатанный въ Базелѣ безъ его позволенія и къ великому его огорченію, такъ какъ онъ желалъ его передѣлать. Позднѣе онъ началъ два большихъ сочиненія, надъ которыми работалъ до самой смерти: Gallia comata и Швейцарская хроника; первое, представляющее нѣчто вродѣ археологическаго словаря, можно разсматривать какъ введеніе ко второму. Въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ Чуди собиралъ матеріалъ, посѣщалъ монастырскіе архивы и библіотеки, списывалъ хартіи, переписывался съ государственными секретарями и съ современными лѣтописцами. Онъ умеръ, не кончивъ своего труда. Его ближайшіе потомки отказались напечатать его, и только въ 1734 году была наконецъ напечатана его Швейцарская хроника. Первый томъ заключаетъ исторію отъ 1000 до 1415 года, второй отъ 1415 до 1470 г., до начала бургундскихъ войнъ. Чуди, жившій въ то время, когда конфедеративныя учрежденія начали распадаться по всѣмъ направленіямъ, озабоченный перемѣной, совершившейся въ его отечествѣ, думалъ сдѣлать патріотическое дѣло, подобно Титу Ливію, напомнивъ швейцарскому народу начала его исторіи. «А слѣдовательно», говоритъ г. Евгеній Секретанъ [1]), «его не могло удовлетворить одно сухое изложеніе фактовъ, онъ хотѣлъ вдохнуть въ нихъ жизнь; отсюда живые разсказы о сраженіяхъ, одухотвореніе дѣйствующихъ лицъ, если не полное преображеніе». Эта образная манера передачи исторіи, при которой авторъ вкладываетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ рѣчи, которыя по его предположе-

[1]) См. Galerie suisse, т. I.

нію имъ слѣдовало говорить, характеризуетъ также и Іоганна ф.-Мюллеръ, почерпнувшаго у Чуди свой разсказъ о началахъ конфедераціи; она далека отъ строгихъ пріемовъ современной исторической школы, но она достигала своей скорѣе патріотической, чѣмъ научной цѣли. Во всякомъ случаѣ Чуди оказалъ безцѣнную услугу, собравъ устныя преданія, бывшія въ то время въ ходу въ Лѣсныхъ кантонахъ, ибо эти легенды представляютъ сами по себѣ драгоцѣнный матеріалъ, какъ выразители родившей ихъ эпохи.

Изъ Хроники Чуди заимствовали многіе историки еще до ея напечатанія; она послужила основаніемъ для хроникъ Штумпфа, Зимлера и Гюльимана. Іоганнъ Штумпфъ былъ родомъ изъ Пфальца и членомъ ордена іоаннитовъ; онъ перешелъ въ реформацію и сдѣлался пасторомъ въ кантонѣ Цюрихъ; онъ былъ другомъ Буллингера, Вадіана и Чуди. Въ 1547 г. онъ напечаталъ Швейцарскую хронику, представляющую описаніе кантоновъ и городовъ Швейцаріи въ географическомъ, историческомъ и археологическомъ отношеніи, иллюстрированную большимъ количествомъ виньетокъ. Іосія Зимлеръ, профессоръ теологіи въ Цюрихѣ, написалъ De republica Helveticorum», заключающую интересный обзоръ политической организаціи кантоновъ и появившуюся въ 1576 г. Францискъ Гюльманъ изъ Фрейбурга, католикъ, противупоставилъ протестантскимъ произведеніямъ Штумпфа и Зимлера описательную и историческую монографію Швейцаріи, написанную по латыни, озаглавленную «De rebus Helveticorum», появившуюся въ 1598 году.

Кромѣ этихъ общихъ хроникъ существуютъ еще мѣстныя хроники, какъ хроника Вадіана, въ которой съ совершенно новымъ критическимъ отношеніемъ описывается исторія Сенъ-Галленскихъ аббатства и города; хроника Вурстизена о городѣ Базелѣ; хроника Ренварда Цизата, секретаря г. Люцерна, гларусца Валентина Чуди и Ульриха Кампеля, энгадинскаго реформатора. Мы можемъ гордиться, говоритъ г. Дэндликеръ, исторической литературой Швейцаріи XVI-го вѣка; ни одна изъ германскихъ странъ не дала такого блестящаго ряда выдающихся писателей, какъ Вадіанъ, Штумпфъ, Зимлеръ, Буллингеръ и Чуди.

Эта эпоха дала также значительныхъ представителей по географіи и естественной исторіи. Работы по космографіи Германіи Севастьяна Мюнстера открыли путь, по которому затѣмъ пошли Глареанъ, Вадіанъ, Чуди, Штумпфъ, Зимлеръ и Кампелль; эти авторы описываютъ страну и нравы народовъ, исторію которыхъ они разсказываютъ.

Первая географическая карта Швейцаріи, представляющая нѣкоторое научное значеніе, была составлена Чуди. Многіе изъ этихъ авторовъ предпринимали путешествія для собиранія свѣдѣній; первымъ, совершив-

шимъ восхожденіе на горы, былъ Конрадъ Гесснеръ, котораго можно считать предтечей Альпійскаго клуба. Мы уже говорили о его изслѣдованіяхъ по естественной исторіи и медицинѣ. Два другихъ ученыхъ, имена которыхъ не разъ были нами упоминаемы, Парацельсъ (см. выше стр. 29) и Вадіанъ стали знамениты тѣмъ, что ввели новые методы въ искусство врачеванія; они вышли изъ старыхъ эмпирическихъ рамокъ и стали примѣнять къ старымъ болѣзнямъ новыя средства, основанныя на болѣе глубокомъ изученіи природы.

Апологія, сатира и драма всегда служили средствомъ къ распространенію въ народѣ извѣстныхъ идей. Поэтому и въ эпоху реформаціи и новаторы и защитники старой вѣры старались пріобрѣсти себѣ сторонниковъ посредствомъ юмористическихъ болѣе или менѣе литературныхъ произведеній. Ихъ наивныя произведенія, замѣчаетъ И. Бэхтольдъ [1]) не имѣли ничего общаго съ принципами Аристотеля, Сенеки и современныхъ намъ драматурговъ; чтобы они могли понравиться, надо на время забыть шедѣвры Эсхила, Шекспира, Шиллера и Гете. Авторы, проникнутые главнымъ образомъ желаніемъ заставить звучать религіозныя или патріотическія струны, не заботились о формѣ, въ которую они облекали свои мысли. Но, какъ ни мало эстетичны эти произведенія, ихъ горячность интересна какъ выраженіе духа того времени; ихъ изобиліе указываетъ на изобиліе господствовавшихъ въ то время идей; прихотливость ихъ концепціи свидѣтельствуетъ объ умственной любознательности того поколѣнія.

Люди шестнадцатаго вѣка, безъ различія положенія и образованія, проявляли жажду истины, и имъ нравилось видѣть на сценѣ героевъ, часто посѣщавшихъ ихъ воображеніе, они желали, чтобы добродѣтель награждалась, а порокъ наказывался. Протестанты подымали на смѣхъ папу и его духовенство, католики прославляли страсти Христовы. Театръ сотрудничалъ съ проповѣдниками въ преобразованіи церкви и нравовъ, онъ способствовалъ освобожденію отъ ига духовенства и эмансипаціи мысли. Это движеніе исходило изъ главныхъ городовъ нѣмецкой Швейцаріи: Базеля, Берна и Цюриха, а оттуда распространилось въ другихъ кантонахъ, въ Эльзасѣ и по берегамъ Рейна, гдѣ разыгрывались драмы, сочиненныя въ Швейцаріи. Сочиненіемъ драмъ занимались лица духовнаго званія, служащіе, педагоги, художники; среди нихъ были типографщикъ, докторъ, купецъ. Сначала они писали анонимно, но съ 1532 г. они перестаютъ скрывать свои имена.

Первымъ по времени драматическимъ авторомъ былъ художникъ Мануэль (см. выше ст. 63). Въ 1531 г. Цвингли перевелъ и положилъ

---

[1]) Geschichte der deutschen Literatur in der Schweiz.

на музыку хоръ Аристофана; Буллингеръ написалъ между прочимъ пьесу подъ заглавіемъ «Лукреція и Брутъ», направленную противъ наемной службы; Генгенбахъ изъ Базеля, авторъ «Зеркала священниковъ» и «Зеркала ланковъ», драмъ «Цѣломудренная Сусанна» и «Десять возрастовъ міра», сочинилъ также народныя пѣсни на битву при Наваррѣ и на подвиги швейцарцевъ въ Италіи. Въ «Жалобѣ вѣры» Утцъ Экштейнъ, тальвейскій пасторъ (кантонъ Цюрихъ) громитъ злоупотребленія ѣдой и питьемъ и роскошь въ одеждѣ дворянъ. «Вы пьете, какъ коровы», говоритъ онъ, «ваши животы подобны винным бочкамъ при дворѣ князей, вы разгорячаетесь на подобіе хлѣбныхъ печей». Художники работали на ряду съ поэтами; они воспроизводили въ формѣ, свойственной ихъ искусству, идеи драматическихъ авторовъ. Тогдашняя литература имѣла скорѣе нравственную, чѣмъ эстетическую тенденцію, трактуемые въ ней сюжеты имѣютъ въ виду не только религію и ея преобразованія, но также политическіе и соціальные вопросы и общественную жизнь. Въ драмѣ, данной въ Цюрихѣ, изображалось Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа; въ другомъ мѣстѣ давали «Богачъ и нищій Лазарь», Фушелина; или еще «Ной» Рута; «Троянскую войну», Готгарта; «Товія», Ietцлера; «Адама и Еву», Руфа; «Эсфирь», Мурера и др. Нѣкоторыя комическія фигуры, какъ дурака въ его традиціонной шапкѣ или въ ослиномъ колпакѣ, пьяной женщины, грубіяна, куртизанки, шарлатана, отшельника и др., встрѣчаются очень часто. Швейцарская драма, говоритъ Бэхтольдъ, есть естественный національный продуктъ, переводы латинскихъ пьесъ встрѣчаются очень рѣдко.

Послѣ того какъ Библія была переведена на нѣмецкій языкъ, появилось больше драмъ съ библейскимъ сюжетомъ; онѣ служили реформаторамъ средствомъ ознакомленія со священной исторіей. Аллегорическія драмы попадаются рѣже; изъ нихъ назовемъ: «Зеркало міра», Валентина Больца, «Зеркало молодыхъ людей», Іосифа Мурера; примѣромъ національной драмы могутъ служить: «Пріятные спутники по поѣздкѣ въ Баденъ», драма «Телль» Іоганна Руфа; «Происхожденіе Конфедераціи» и «Основаніе Берна», Штетлера.

Излюбленными сюжетами католическихъ авторовъ были сюжеты, заимствованные изъ легендъ о житіи святыхъ, какъ, напримѣръ, св. Морицъ и св. Урсъ, солотурица Вагнера; Мученичество апостоловъ и св. Вильгельма, Ритца; Легенда о св. Мейнрадѣ, Феликса Бушера; братъ Николай, Іоганна Малера изъ Цуга. Почти вся Швейцарія, за исключеніемъ Аппенцелля и Тюргау, внесла вкладъ въ національную литературу. Люцернъ далъ Ѳому Мурнера и Іоганна Залата, автора «Блуднаго сына»; Фрейбургъ—Георга Броуна, автора «Даніила»: Шаффгаузенъ — Себастьяна Грубеля, автора «Жертвы Исаака». Аарау далъ Іоганна Аала изъ Бремгартена, написавшаго между прочимъ «Іоанна Крестителя». Отдаленныя долины Граубюн-

дена имѣли тоже своихъ поэтовъ въ лицѣ Іоганна фонъ-Траверса и Ульриха Кампеля. Перечень всѣхъ драматическихъ сочинителей этой плодовитой эпохи былъ бы очень длиненъ; названныя нами имена показываютъ, какъ сильно была распространена любовь къ театральнымъ представленіямъ.

Кальвинъ ненавидѣлъ театры и маскарады, однако ему не удалось уничтожить въ нашихъ западныхъ кантонахъ эти развлеченія.

Пѣсня процвѣтала въ романдской странѣ и служила дѣлу реформаціи. Въ Гугенотскомъ Пѣсенникѣ встрѣчаются нѣсколько стихотвореній Ѳомы Маленгра, француза по происхожденію, бывшаго пасторомъ въ Невшателѣ и Ивердонѣ; одно изъ нихъ начинается такъ:

Eveillez-vous, gentils pasteurs!..

Сборники сатирическихъ куплетовъ печатались въ Невшателѣ, откуда они распространились во Франціи, несмотря на преслѣдованія. Одинъ изъ этихъ сборниковъ, изданный Петромъ де-Венгль, имѣлъ большой успѣхъ; въ немъ можно найти слѣдующій ритурнель:

O prêtres, prêtres, oyez votre chanson.
O prêtres, prêtres, il vous faut marier.

Упадокъ церкви и ея исцѣленіе при помощи реформаціи были также описаны Маленгромъ въ аллегорической комедіи, озаглавленной: «Болѣзнь христіанства», разыгранной въ Больмѣ, 2-го іюня 1549 года. Въ ней выведены Грѣхъ и Лицемѣріе, внѣдрившіеся мало-по-малу въ Христіанство, и небесный Цѣлитель, который вмѣстѣ съ докторомъ и аптекаремъ ухаживаетъ за больной, даетъ ей очистительное и подымаетъ ее на ноги. Христіанство, представленное въ видѣ достойной дамы, появляется въ сопровожденіи Вѣры, одѣтой въ бѣлое платье, Надежды въ фіолетовомъ платьѣ и Милосердія въ ярко-красномъ платьѣ; Вдохновеніе наряжено ангеломъ, Доброе дѣло — купцомъ, Лицемѣріе — монахиней. При первомъ появленіи на сценѣ Лицемѣріе говоритъ:

Я буду проповѣдывать противъ жадности,
Но сама буду прижимистой и скупой;
Я буду проповѣдывать противъ сладострастія,
Но сама буду полна скверности;
Я буду проповѣдывать миръ и согласіе,
А буду жить въ постоянныхъ ссорахъ;
Я буду проповѣдывать противъ пьянства,
А у самой будетъ пьяная рожа [1]).

---

[1]) См. въ Histoire littéraire de la Suisse française Ph. Godet, продолженіе и разборъ этой пьесы.

Пьерфлёръ упоминаетъ неоднократно о подобныхъ представленіяхъ, между прочимъ о «Разрушеніи Іерусалима», поставленномъ въ 1558 г. въ Линьеролѣ, «великолѣпно, въ присутствіи большой публики, въ осмѣяніе священниковъ и всякихъ духовныхъ лицъ».

Среди наиболѣе извѣстныхъ людей романдской страны въ эту эпоху слѣдуетъ упомянуть Пьера Вире. Дѣятельность ваадтландскаго реформатора, обладавшаго веселымъ умомъ, бывшаго талантливымъ полемистомъ, но при томъ человѣкомъ терпимымъ и добродушнымъ, не ограничивалась проповѣдями и догматическими трактатами; онъ написалъ діалоги, озаглавленные имъ Disputations chrétiennes. Его ѣдкіе пасквили переходили изъ деревни въ деревню и пользовались большимъ успѣхомъ; въ его Le monde à l'empire одинъ изъ вопрошающихъ, Товій, грубый философъ, съ большой проницательностью судитъ о протестантахъ и католикахъ; онъ какъ бы олицетворяетъ національный геній, смѣсь большой дозы здраваго ума, нерѣшительности, злобы лишенной желчи; онъ присутствуетъ при безконечныхъ спорахъ, слушаетъ, улыбается, качаетъ головой, не становясь открыто ни на чью сторону. Пьеръ Вире не обладалъ ни трезвой силой Кальвина, ни живостью Теодора де-Бэза; его слогъ тяжелъ, грубъ и многословенъ, но онъ ясенъ, и мысли отличаются логичностью.

Теодоръ де-Бэзъ, хотя и бургундецъ по происхожденію, но какъ и Кальвинъ принадлежитъ нашей исторіи, и мы имѣемъ на него такое же право, какъ французы на Руссо, Бенжамена Констана и m-me де-Сталь. По смерти Кальвина Теодоръ де-Бэзъ наслѣдовалъ его дѣло и его вліяніе. Его краснорѣчіе было такъ увлекательно, что кардиналъ Лотарингскій, услышавъ его на диспутѣ въ Пуасси, воскликнулъ: «Дай Богъ, чтобы онъ сталъ нѣмымъ или же глухимъ». Онъ явился соперникомъ Маро и продолжалъ переводъ Псалмовъ; языкъ его перевода хотя и тяжелъ, но не лишенъ достоинствъ.

Въ 1552 г. онъ далъ разыграть студентамъ Лозаннской академіи драму, подъ заглавіемъ «Жертва Авраама»; это мрачная трагедія, главная идея которой заключается въ томъ, что слѣдуетъ жертвовать Богу всѣмъ: родиной, семьей, дѣтьми. Онъ написалъ также нѣсколько шутливыхъ сатиръ, не прибавившихъ ничего къ его славѣ.

Великое умственное движеніе въ Швейцаріи въ XVI-мъ вѣкѣ вызвало сильное развитіе книжной торговли и типографскаго искусства. Имена Фробена и Опорина изъ Базеля, Христофора Фрошауера изъ Цюриха и Этьенна изъ Женевы, пріобрѣли европейскую извѣстность, благодаря прекраснымъ изданіямъ Библіи, классиковъ, хроникъ и другихъ произведеній, изданныхъ ими.

Реформація была неблагопріятна для развитія искусства вообще; она изгнала изъ церквей картины, статуи и даже органы; органы Лозаннскаго

собора, проданные берицами, были куплены Сіонскимъ капитуломъ. Церковное пѣніе не сопровождалось акомпаниментомъ.

Однако архитектура домовъ буржуа сдѣлала шагъ впередъ съ развитіемъ благосостоянія. Такъ называемый стиль итальянскаго ренессанса проникъ въ Швейцарію и замѣнилъ тамъ готическій стиль. Объ этомъ можно пожалѣть, ибо онъ не соотвѣтствовалъ національному генію и вызвалъ настоящее смѣшеніе во вредъ оригинальности и живописности нашихъ странъ. Итальянскій ренессансъ проявился прежде всего въ стѣнной живописи. Самыя древнія, пожалуй, фрески тѣ, которыми аббатъ фонъ-Винкельсгеймъ украсилъ въ 1516 году монастырь Штейнъ на Рейнѣ, изображающія сцены изъ исторіи Рима и Карѳагена, и фрески базельской ратуши и дома Гертенштейновъ въ Люцернѣ, исполненные Гольбейномъ. Въ серединѣ XVI-го вѣка появились понемногу повсюду: въ Бернѣ, въ Цюрихѣ, въ восточныхъ кантонахъ, въ Граубюнденѣ, Аваншѣ, Фрейбургѣ, Бриггѣ и во многихъ другихъ городахъ, постройки въ стилѣ ренессансъ; во многихъ изъ нихъ стиль ренессансъ смѣшивается съ готическимъ стилемъ, благодаря чему этотъ послѣдній продержался до XVIII-го вѣка. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ зданій этой эпохи является домъ Бѣлаго орла въ Штейнѣ; первый этажъ этого любопытнаго зданія состоитъ почти сплошь изъ трехъ оконъ, раздѣленныхъ двумя коринѳскими колоннами; справа и слѣва отъ этого тройного окна находятся узкія панно, украшенныя картинами: на одномъ изображены воинъ и дѣвушка, на другомъ женщина съ ребенкомъ на рукахъ; въ верхнихъ этажахъ окна не такъ велики и окружены картинами, сюжеты которыхъ взяты изъ римской исторіи, изъ миѳологіи и аллегорическіе. Особенность этого стиля, придающая особый отпечатокъ улицамъ Шаффгаузена, заключается въ далеко выступающихъ крытыхъ балконахъ, называемыхъ по-нѣмецки эркеры.

Почти во всѣхъ городахъ Швейцаріи находятся на площадяхъ монументальные фонтаны, относящіеся къ этой эпохѣ; они состоятъ изъ коринѳской колонны, подъ астрагаломъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся гирлянды амуровъ, гномовъ, символическихъ и шутовскихъ фигуръ, капитель увѣнчанъ священной или аллегорической статуей: святымъ покровителемъ города, или св. Петромъ, св. Георгіемъ, Богородицей, или эмблемой правосудія или какой-либо профессіи, какъ, напр., волынщика. Въ этихъ часто шуточныхъ композиціяхъ артисты давали полный просторъ своей фантазіи.

Перешагнувъ за порогъ дома XVI-го вѣка и вступивъ въ комнаты, мы замѣтимъ, что и тамъ понемногу внѣдряется роскошь. Въ окна жилой комнаты достаточнаго буржуа вставлялись цвѣтныя стекла, смягчавшія дневной свѣтъ; стѣны и потолокъ покрыты чеканной, деревянной работой,

придающей комнатѣ комфортабельный видъ; одинъ изъ угловъ залы занятъ изразцовой печкой, украшенной разноцвѣтными изображеніями; поставцы и буфеты, отдѣланные красивой рѣзьбой и вдѣланные въ стѣны, наполнены массивной серебряной или оловянной посудой; панно между печкой и окнами украшены арматурой и портретами; столъ и стулья въ стилѣ ренессансъ; въ цѣломъ вся меблировка кажется какой-то мрачной и серьезной по сравненію съ нравами той эпохи.

Въ чемъ особенно отличалась Швейцарія въ эту эпоху—это въ живописи на стеклѣ и въ декоративныхъ печахъ. Патриціанскія и даже буржуазныя семьи имѣли свои гербы и любили украшать ими свои жилища. Мы ихъ встрѣчаемъ то на входныхъ дверяхъ, то на замковомъ камнѣ свода, то на окнахъ. Сцены изъ священной и всемірной исторіи а также изъ миѳологіи давали разнообразный матеріалъ для живописи на стеклѣ. Въ числѣ шедѣвровъ слѣдуетъ упомянуть роспиеныя окна, украшающія залу Базельскаго совѣта, старый монастырь Веттингенъ, домъ для стрѣльбы въ цѣль и аббатство въ Штейнѣ на Рейнѣ. Самыми искусными мастерами въ этомъ искусствѣ были Іоганнъ Асперъ изъ Цюриха, Урсъ Графъ изъ Винтертура, Христоферъ Мауреръ и Товій Стиммеръ изъ Шаффгаузена. Этотъ послѣдній отличался тоже въ гравированіи на деревѣ; въ чемъ отличался также Іостъ Амманъ изъ Цюриха.

Монетная система этой эпохи была чрезвычайно сложна; о федеральномъ правѣ чеканки ея не было и рѣчи; даже кантоны въ отдѣльности не достигли еще централизаціи этого важнаго права; аббаты, епископы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ частныя лица имѣли право чеканить монету. Монеты, выходившія изъ этихъ безчисленныхъ мастерскихъ и обращавшіяся вмѣстѣ съ иностранной, носили различныя названія; они были различнаго вѣса и пробы, а слѣдовательно и различной цѣнности; между золотомъ и серебромъ не существовало опредѣленнаго отношенія; монеты не являлись кратными между собой. Дальше (въ IV-й части, гл. 3) мы увидимъ, что экономическій кризисъ, вызванный Тридцатилѣтней войной, измѣнялъ неоднократно отношеніе между талеромъ и батценомъ. Однако, чтобы разобраться въ этой путаницѣ можно исходить приблизительно изъ слѣдующаго:

Батцъ или рольбатцъ стоилъ 4 крейцера (крейцеръ стоилъ приблизительно $3^3/_4$ сантима на настоящія деньги).

Флоринъ стоилъ 60 крейцеровъ или 40 шиллинговъ;

экю или талеръ стоилъ 120 крейцеровъ или 30 батцовъ;

диккенъ или тестонъ стоилъ 24 крейцера;

грошенъ стоилъ 3 крейцера;

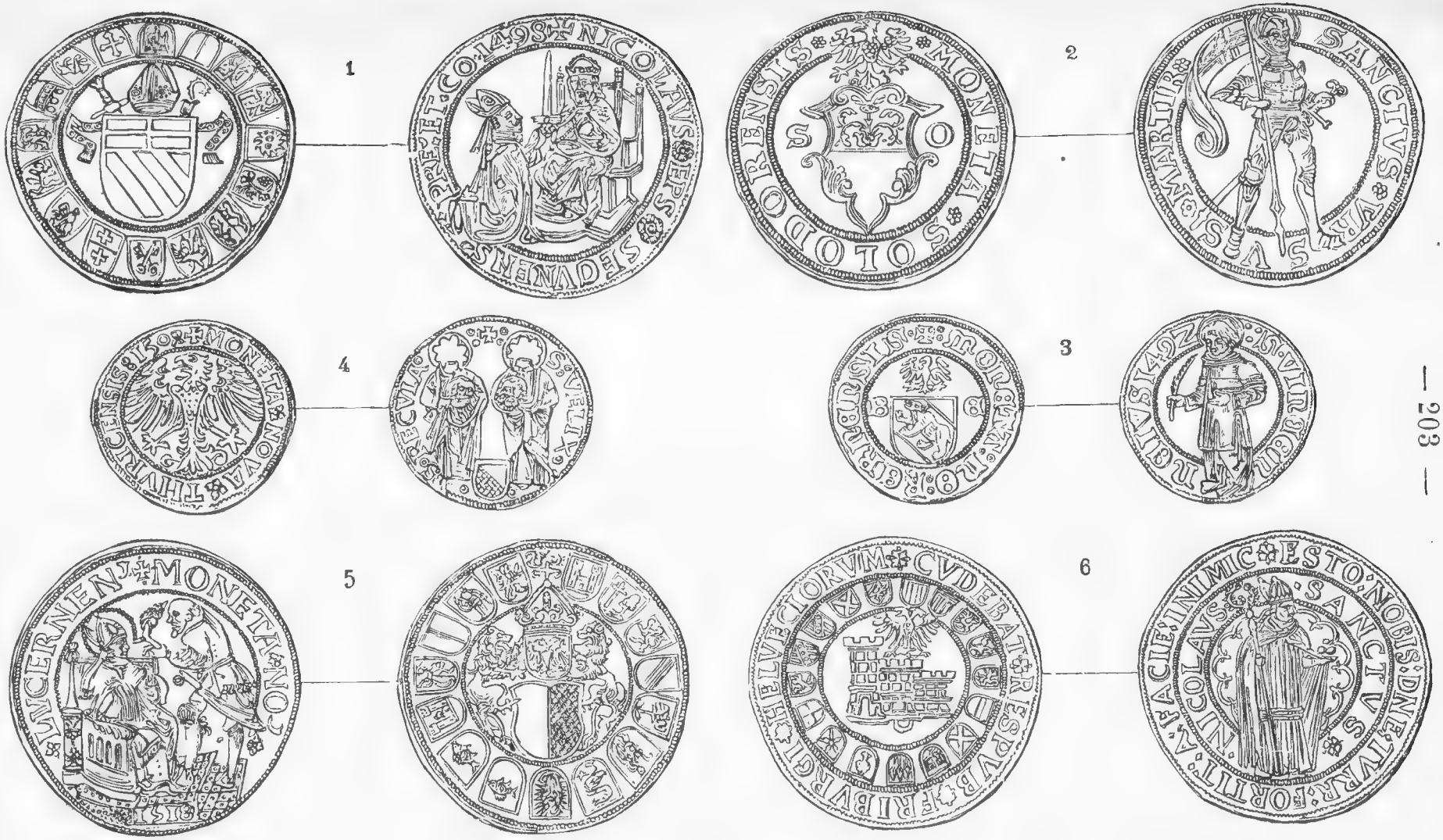
цвёльферъ стоилъ 12 крейцеровъ или 3 батца;

6 геллеровъ стоили 1 крейцеръ;

плапартъ стоилъ отъ 15 до 24 геллеровъ, т. е. отъ $2^1/_2$ до 4 крейцеровъ.

Здѣсь мы приводимъ нѣсколько красивѣйшихъ образчиковъ экю и тестоновъ, бывшихъ въ обращеніи въ XVI-омъ вѣкѣ и дѣлающихъ честь монетнымъ мастерскимъ того времени (фиг. 23).

Можно прослѣдить во всѣ историческія эпохи, что искусство особенно процвѣтаетъ въ періоды политическаго упадка. Искусство служитъ убѣжищемъ для независимыхъ умовъ, въ которыхъ партійныя несогласія вызвали отвращеніе къ общественной жизни. Умственное развитіе Швейцаріи XVI-го вѣка представляетъ утѣшительное явленіе, но нельзя того же сказать о политическомъ развитіи, которое сдѣлало положительно шагъ назадъ. Потомки пастуховъ и буржуа, основавшихъ независимую Гельвецію, начинаютъ выказывать все бо́льшее и бо́льшее разъединеніе съ тѣхъ поръ, какъ имъ нечего больше бояться нападеній со стороны австрійскаго дома, и они перестали чувствовать крайнюю необходимость единенія въ интересѣ общей защиты. Прежнее несогласіе между кантонами-городами и сельскими кантонами, возникшее, какъ мы видѣли, послѣ бургундскихъ войнъ, измѣняетъ свой видъ подъ вліяніемъ реформаціи, но при этомъ только еще усиливается. Четыре города: Цюрихъ, Бернъ, Базель и Шаффгаузенъ приняли въ 1566 г. какъ выраженіе своихъ вѣрованій «Исповѣданіе гельветской вѣры» и соединились для защиты своихъ религіозныхъ интересовъ. Съ своей стороны Фрейбургъ, Люцернъ, Солотурнъ и четыре лѣсные кантона тоже соединились и стали строго примѣнять рѣшенія Тріентскаго собора, освященныя въ 1572 г. буллой In coena Domini. Благодаря основанію Борромейской коллегіи въ Миланѣ и іезуитскихъ коллегій въ Люцернѣ и Фрейбургѣ въ 1574 г. католикамъ не было нужды посылать своихъ сыновей въ Базельскій университетъ; съ тѣхъ поръ католики и протестанты имѣли отдѣльные культурные центры, и молодежь оказалась раздѣленной на два лагеря. Постоянная нунціатура, учрежденная въ Люцернѣ въ 1579 г. и продолжавшаяся до 1873 г., сдѣлала изъ Люцерна центръ для всѣхъ католиковъ; въ результатѣ явилась знаменитая Золотая лига или Борромейская лига, заключенная въ Люцернѣ въ 1586 г., возобновляемая дважды въ 1655 г. и 1714 г., и политическая организація семи католическихъ кантоновъ въ Sonderbund. Этимъ договоромъ семь кантоновъ взаимно обязывались сохранять вѣру «христіанскую, католическую, апостольскую и римскую». «Если бы, слѣдовательно, случилось», читаемъ мы въ договорѣ, «(отчего да избавитъ насъ милость Всемогущаго Бога), что одинъ (или нѣсколько) изъ названныхъ кантоновъ, пожелалъ бы измѣнить этой вѣрѣ, то остальные кантоны должны принудить этотъ или эти кантоны оста-



Фиг. 23. Образчики нѣкоторыхъ монетъ, бывшихъ въ обращеніи въ Швейцаріи въ XVI вѣкѣ. 1. Николай Шинеръ, епископъ Сіонскій. Талеръ 1498.—2. Солотурнъ. Талеръ безъ года. XVI вѣкъ —3. Бернъ. Диккенъ или тестонъ 1492.—4. Цюрихъ. Диккенъ или тестонъ 1504.— Люцернъ. Талеръ 1518. — 6. Фрейбургъ. Талеръ безъ года XVI вѣка. — №№ 1, 2, 3, 5 и 6 взяты изъ коллекціи г. Арнольда Мейера въ Женевѣ; № 4—изъ коллекціи г. П. Л. Штролина въ Женевѣ.

ваться вѣрными нашей истинной и старой католической и христіанской вѣрѣ и наказать по заслугамъ авторовъ или подстрекателей къ этому отступничеству, гдѣ бы ни удалось ихъ захватить». Этотъ союзъ отмѣнялъ всѣ другіе договоры; онъ уничтожалъ кантональную власть въ дѣлѣ религіи и давалъ право союзу католическихъ кантоновъ заставить каждый изъ этихъ кантоновъ оставаться вѣрнымъ этой вѣрѣ. Къ этой католической федеральной конституціи, какъ его называетъ г. Гильти, присоединились постепенно внутреннія Роды Аппенцелля, католическая часть Гларуса [1]), Валлисъ, Базельскій епископъ, аббатъ Сенъ-Галленскій и городъ Ротвейль.

Къ четыремъ городамъ Бернъ, Цюрихъ, Базель и Шаффгаузенъ, составлявшимъ ядро протестантской лиги, присоединились протестантскія коммуны Гларуса и Аппенцелля, Мюльгаузенъ, Биль, Граубюнденъ, Женева, Невшатель, долина Мутье, Неввиль и протестантскій Тоггенбургъ. Странно, что въ Граубюнденѣ, гдѣ было почти одинаковое число приверженцевъ обѣихъ религій, не произошло раздѣленія, какъ въ Аппенцеллѣ и Гларусѣ. Г. Гильти объясняетъ это тѣмъ, что Граубюнденъ было необходимо не разъединяться въ виду затрудненій, возникавшихъ для него изъ обладанія Вальтелиномъ, а также большимъ практическимъ чувствомъ, чуждымъ всякаго преувеличенія, какимъ бы красивымъ знаменемъ оно ни прикрывалось, отличавшимъ тогда, какъ и теперь, народонаселеніе этой области. «Въ ихъ горахъ», говоритъ этотъ авторъ,—«всегда господствовалъ духъ свободы, противившійся всякому игу, какъ духовному, такъ и свѣтскому, и который не могъ бы чувствовать себя хорошо въ путахъ Золотой лиги».

Послѣ того какъ христіанское согражданство протестантскихъ городовъ было отмѣнено вторымъ національнымъ мирнымъ договоромъ, заключеннымъ послѣ второй Каппельской войны въ 1531 г., между протестантскими городами не было заключено никакого формальнаго договора. Ихъ союзъ, носившій гораздо менѣе искренній характеръ, чѣмъ католическій Sonderbund, являлся соглашеніемъ, основаннымъ на общности взглядовъ, а не лигой въ собственномъ значеніи этого слова. Та и другая партія заключали тѣсные союзы съ иностранными государствами, обезпечивавшіе

---

[1]) Кантонъ Гларусъ готовъ былъ распасться на двое, какъ и кантонъ Аппенцелль. Это было избѣгнуто, благодаря различнымъ конфессіональнымъ соглашеніямъ, заключеннымъ въ 1532, 1564, 1623, 1683 гг. Однако, судя по французскому договору 1777 г., носящему подписи и печати различныя для евангелическаго Гларуса и католическаго Гларуса, приходится заключить, что въ заграничныхъ сношеніяхъ это согласіе было равносильно раздѣленію.

это странное положеніе вещей. Для католической конфедераціи таковымъ былъ договоръ 1565 г. съ папой Піемъ IV, договоръ 1577 г. съ Савойей и союзъ съ Филиппомъ II (1587). Протестанты съ своей стороны могли разсчитывать на поддержку города Страссбурга, маркграфа Баденскаго, графа Пфальцскаго, герцога Вюртембергскаго, Венеціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на Францію, когда дѣло касалось защиты Женевы.

Начиная со второго національнаго мира, послѣдовавшаго въ 1531 г. послѣ Капельской войны, до четвертаго національнаго мира, послѣдовавшаго въ 1712 г., послѣ второй Вильмергенской войны, старая конфедерація была такъ сказать разрушена; только и сохранился принципъ равенства двухъ вѣроисповѣданій въ главныхъ общихъ фогтствахъ. Католическіе и протестантскіе кантоны имѣли отдѣльные сеймы: сеймъ католиковъ собирался обыкновенно въ Базелѣ, а евангеликовъ—въ Аарау, другъ къ другу же они относились, какъ государство къ государству.

Внутренняя политика кантоновъ претерпѣла въ XVI-омъ вѣкѣ измѣненіе, подготовленное предыдущимъ вѣкомъ. Подъ вліяніемъ заграницы, гдѣ преобладало общее стремленіе къ абсолютному монархизму и административной централизаціи, власть въ каждомъ кантонѣ сосредоточилась въ рукахъ небольшого числа семей, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ за оказанныя ими услуги. Такимъ образомъ образовалась олигархія. Въ Солотурнѣ, обыкновенномъ мѣстопребываніи посланника короля французскаго, аристократическая точка зрѣнія быстро пробила себѣ дорогу; это видно изъ указа, запрещавшаго шультгейссу заниматься какимъ-либо ремесломъ, какъ дѣломъ унизительнымъ для главы республики. Въ Люцернѣ фамилія Пфиффферъ пользовалась выходящимъ изъ ряду вонъ престижемъ. Три члена ея, дядя и племянники, исполняли одинъ за другимъ обязанности шультгейсса. Одно время ихъ могуществу угрожалъ мясникъ Николай Амъ-Леръ, выдвинувшійся благодаря своему краснорѣчію; Пфиффферы образовали съ приверженцами Амъ-Лера нѣчто вродѣ секвирата, но въ концѣ концовъ партія Пфиффферовъ одержала верхъ, а Амъ-Леръ былъ вынужденъ удалиться въ изгнаніе.

Въ Базелѣ реформація отстранила дворянство отъ общественныхъ дѣлъ, но на его мѣсто выдвинулась буржуазная аристократія; былъ образованъ тайный совѣтъ, разсматривавшій дѣла до и даже послѣ рѣшенія сената. Возстаніе крестьянъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Зигриста, вызванное налогомъ на вино, было усмирено благодаря благоразумію совѣтника Андрея Риффа (1591). Другое возстаніе, мотивированное тоже новымъ налогомъ, сопровождалось нападеніемъ на берега цюрихскаго озера (1599), но правительство справилось съ нимъ; установилась олигархія, и сословія собирались на совѣтъ только черезъ долгіе промежутки. Въ Фрейбургѣ

должностныя лица военнаго и судебнаго сословія отняли у буржуазіи право выбора знаменщиковъ (1553); впослѣдствіи знатнымъ семьямъ удалось добиться рѣшенія, чтобы только граждане, записанные въ книгу потомственной благородной буржуазіи, могли назначаться на общественныя должности (1627). Такимъ образомъ всюду по немногу установился патриціатъ, который на дѣлѣ существовалъ еще прежде, чѣмъ былъ утвержденъ. Въ Женевѣ совѣту двухсотъ удалось отнять у народа право вотировать налоги и выбирать магистратовъ. Война съ Савойей, требовавшая быстрыхъ рѣшеній, которыя можетъ принимать только ограниченный совѣтъ, привела къ несмѣняемости септемвировъ, выбранныхъ въ моментъ, когда республикѣ грозила опасность. Антидемократическія стремленія проявились даже въ Валлисѣ; остракизмъ, извѣстный подъ названіемъ мацце, былъ отмѣненъ; однако дизенамъ удалось сохранить свою независимость рядомъ съ капитаномъ или главнымъ бальи, являвшимся вмѣстѣ съ епископомъ представителемъ центральной власти страны.

Крѣпостное состояніе сохранилось въ подчиненныхъ странахъ въ Аргау, Тюргау и въ земляхъ аббата Сенъ-Галленскаго; о немъ еще упоминается въ актахъ сеймовъ. Такъ въ Саргансѣ еще въ 1602 г. всякій крѣпостной, мужчина или женщина, женившійся безъ позволенія своего господина, платилъ пеню аббатству. Кромѣ небольшого числа крѣпостныхъ среди подданныхъ ихъ превосходительствъ образовался цѣлый рядъ общественныхъ категорій: крупные буржуа, мелкіе буржуа, приписанные къ общинѣ (communiers), неприписанные къ общинѣ (non communiers), уроженцы (natifs), жительствующіе (domiciliés) и терпимые (tolérés). Принятіе въ буржуазію, совершавшееся прежде почти безъ труда, стало очень затруднительнымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти недостижимымъ. Увеличеніе пауперизма вслѣдствіе службы въ иностранныхъ войскахъ, неурожаевъ и наплыва бродягъ изъ-за границы, озабочивало власти; для борьбы съ нимъ выдумали запрещеніе бѣднымъ жениться. Въ результатѣ эта мѣра привела къ появленію множества безродныхъ людей (Heimatslose) нѣчто вродѣ илотовъ или парій, постоянно изгоняемыхъ изъ одной коммуны въ другую, участь которыхъ была хуже участи крѣпостныхъ; позорная общественная рана, съ которой удалось справиться только въ XIX-омъ вѣкѣ.

Ни у протестантовъ, ни у католиковъ не существовало свободы мысли. Диссиденты, невѣрующіе преслѣдовались съ величайшей строгостью; законодательство допускало пытку во время слѣдствія надъ преступниками и колдунами; однако, примѣненіе ея было ограничено указомъ ихъ превосходительствъ г. Берна отъ 3-го мая 1600 года. Впрочемъ, нѣкоторые магистраты выдѣлялись гуманностью своихъ взглядовъ, такъ, напр.,

цюрихецъ Яковъ Вердмюллеръ, локарнскій фогтъ, который въ 1531 г. просилъ отъ сейма помощи для подвластныхъ ему жителей, пострадавшихъ отъ неурожая; а также бернецъ Николай Цуркинденъ, піонскій фогтъ, краснорѣчиво протестовавшій противъ смертнаго приговора надъ Сервстомъ, или еще цюрихскіе бургомистры Бернардъ фонъ Шамъ и Георгъ Мюллеръ, изъ которыхъ одинъ былъ дворянскаго происхожденія, а другой принадлежалъ къ мелкой буржуазіи, и оба отличались нравственными достоинствами и свѣтлымъ умомъ. Одинъ швицскій магистратъ, ландамманъ Іосифъ Амбергъ, проявилъ величіе души, достойное Брута, приговоривъ къ эшафоту своего собственнаго сына, провинившагося въ безнравственномъ проступкѣ, за который, по закону того времени, полагалась смертная казнь; послѣ произнесенія приговора онъ сложилъ съ себя должность и удалился въ свой замокъ Ибергъ, гдѣ вскорѣ умеръ, изнуренный горемъ.

Рядомъ съ этими магистратами, которые могутъ служить примѣрами честности, другіе ознаменовали себя превышеніемъ власти и лихоимствомъ и навлекли на себя болѣе или менѣе строгія наказанія. Одинъ эгльскій фогтъ и одинъ пайернскій шультгейссъ были приговорены къ ссылкѣ и къ уплатѣ денежной пени, одинъ моржскій фогтъ былъ приговоренъ къ смерти. «Величіе души», говоритъ Дагэ, «не было исключительнымъ достояніемъ нѣкоторыхъ магистратовъ. Швейцарскій народъ часто проявлялъ больше величія, чѣмъ его правители. Всѣ историки восхищались полнымъ мудрости, честности и патріотизма поведеніемъ бернскаго народа въ то время, когда его слабые и продажные правители готовы были предать савойцамъ свою старую союзницу, Женеву». Это народное неодобреніе заставило ихъ превосходительствъ отказаться отъ договора, который они готовы были заключить съ герцогомъ Савойскимъ; но это была лебединая пѣснь республиканской жизни этого кантона. Начиная съ 1610 г., бернское правительство перестало совѣтываться съ сельскими общинами и даже со столичными буржуа; знатные фамиліи: Эрлахъ, Граффенридъ, Ваттевиль, Мулленъ, Штейгеръ стали все болѣе и болѣе господствовать, чему, надо признаться, способствовала умственная узкость, проявленная общинами въ финансовыхъ вопросахъ.

Часть четвертая.

СЕМНАДЦАТЫЙ И ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКА.

ГЛАВА I.

Конфедераты и Граубюнденскія лиги во время Тридцатилѣтней войны.

Образованіе въ Граубюнденскихъ лигахъ партій: французской, испанской и венеціанской.—Политическое положеніе Салисовъ, Планта и Траверзовъ.—Приговоры уголовныхъ трибуналовъ Кура и Тузиса.—Интриги Испаніи и Франціи.—Союзъ Граубюнденскихъ лигъ съ Генрихомъ IV.—Блокада Вальтелина миланскимъ губернаторомъ.—Попытки испанскаго двора овладѣть проходами Вальтелина и Граубюндена.—Энгадинъ берется за оружіе и изгоняетъ Планта.—Роль Георга Іенача.—Собраніе уголовныхъ трибуналовъ Тузиса, Кура и Давоса.—Взрывъ Тридцатилѣтней войны.—Рѣзня въ Вальтелинѣ.—Занятіе Вальтелина испанцами.—Попытка лиги «Божій домъ» и лиги «Десяти округовъ», при поддержкѣ Берна и Цюриха, отнять у испанцевъ Тирано.—Отношеніе Лѣсныхъ кантоновъ.—Союзъ Сѣрой лиги съ Испаніей.—Убійство Помпея Планта.—Іеначъ прогоняетъ вальдштеттенцевъ съ Верхняго Рейна; Сѣрая лига принуждена отказаться отъ союза съ испанцами.—Мадридскій договоръ.—Вторженіе граубюнденцевъ въ Вальтелинъ.—Вторженіе австрійцевъ и испанцевъ въ Граубюнденъ.—Занятіе Кура.—Возстаніе Преттигау.—Австрійцы очищаютъ Куръ.—Вновь наступательное движеніе имперцевъ, безсиліе конфедератовъ, одиночество Граубюнденскихъ лигъ.—Уступка Австріи «Десяти округовъ» и Нижняго Энгадина.—Завоеваніе Вальтелина французами.—Вступленіе французовъ въ Валлисъ; въ Валлисѣ отмѣняется протестантское вѣроисповѣданіе.—Полномочіе маршала Бассомпьера.—Союзъ Франціи со Швеціей.—Походъ герцога Рогана въ Граубюнденъ.—Французы отказываются вернуть Граубюндену Вальтелинъ.—Принятіе Іеначемъ католичества. Граубюнденъ переходитъ къ испанской партіи и заставляетъ французовъ очистить Ретію.—Имперцы возвращаютъ Вальтелинъ Граубюнденскимъ лигамъ.

Вервенскій миръ пріостановилъ борьбу Испаніи съ Франціей, но не закончилъ ея. Эта борьба, возникшая между Францискомъ I и Карломъ V,

продолжавшаяся между Генрихомъ II и Филиппомъ II и ихъ преемниками, закончилась только тогда, когда Людовику XIV удалось отнять у Габсбурговъ испанскій престолъ и посадить на него своего внука. Конфедератамъ, остававшимся нейтральными во время Шмалькальденской войны 1546 г., удалось держаться въ сторонѣ отъ войнъ безпрестанно возникавшихъ между имперіей и французскимъ королевствомъ. Ихъ нейтралитетъ, бывшій сначала случайнымъ, сталъ со временемъ вѣчнымъ; причиной его было глубокое несогласіе, царившее въ Швейцаріи съ тѣхъ поръ, какъ часть кантоновъ приняла реформацію; конфедераты, принужденные постоянно быть на сторожѣ взаимныхъ захватовъ, не могли придти къ соглашенію, какого направленія держаться въ европейской политикѣ. Посланники Франціи и Испаніи постоянно интриговали передъ кантонами и вредили другъ другу. Однако, французское вліяніе одержало въ концѣ концовъ верхъ, и въ 1602 г. Генриху IV удалось возобновить съ кантонами союзъ 1582 года.

Для отпразднованія этого союза посланники Верховныхъ Лигъ, въ числѣ 42, отправились въ октябрѣ въ Парижъ и были приняты въ Луврѣ съ большой пышностью Генрихомъ IV, привѣтствовавшимъ ихъ очень дружелюбно и благосклонно. Во время обѣда, послѣдовавшаго за церемоніей присяги, король поднялъ бокалъ въ честь «своихъ добрыхъ конфедератовъ», а всѣ присутствовавшіе, начиная съ кардиналовъ, послѣдовали его примѣру.

Значеніе этого союза заключалось не только въ капитуляціяхъ, бывшихъ его естественнымъ слѣдствіемъ, но также въ географическомъ положеніи Швейцаріи. Старшая вѣтвь Габсбурговъ, владѣвшая кромѣ Испаніи и части Нидерландовъ еще Франшъ-Конте и герцогствомъ Миланскимъ и бывшая въ союзѣ съ Савойей, была очень заинтересована въ возможности пользоваться валлійскими, готардскимъ и граубюнденскими перевалами, соединявшими между собой ея владѣнія и ее самою съ младшею вѣтвью Габсбурговъ, утвердившейся въ Австріи. По этой причинѣ она помогала предпріятіямъ герцога Савойскаго противъ Женевы и возбуждала мятежи въ Вальтелинѣ.

Эта прекрасная долина, покрытая тутовыми деревьями и виноградниками, находившаяся подъ властью Граубюнденскихъ лигъ, получавшихъ изъ нея продукты, которые не могли производить Энгадинъ и Верхній Рейнъ, простирается на протяженіи двадцати миль между озеромъ Комо и границей Тироля, отъ котораго она отдѣлена переваломъ Стельвіо; она имѣла первостепенное стратегическое значеніе, и для короля Франціи было важно не допустить, чтобы она подпала подъ зависимость отъ Австрійскаго дома. Федеративная форма правленія Граубюнденскихъ лигъ и то, что

ея территорія состояла изъ множества долинъ, необыкновенно благопріятствовало образованію политическихъ и религіозныхъ партій и интригамъ иностранной дипломатіи; поэтому посланники Франціи, Венеціи и Испаніи объѣзжали страну, стараясь при посредствѣ пенсій и подарковъ склонить на свою сторону вліятельныхъ людей верховныхъ общинъ. Эта пропаганда облегчалась продажностью магистратовъ. Должностныя мѣста давались тому, кто больше предлагалъ. Образовались три партіи: партія Салисовъ, преданныхъ Франціи; партія Планта, склонявшихся на сторону Испаніи и Австріи; партія Траверзовъ, державшихъ сторону Венеціи.

Въ продолженіе XVI-го вѣка Франція и тамъ, какъ и въ Женевѣ, выказала себя союзницей протестантовъ, тогда какъ имперцы были за католиковъ. Сначала эти послѣдніе взяли верхъ, но они злоупотребили своимъ успѣхомъ и тѣмъ вызвали образованіе партіи патріотовъ. Былъ изданъ эдиктъ, присуждавшій къ потерѣ имущества и чести всякаго, кто будетъ изобличенъ въ томъ, что получилъ назначеніе, благодаря интригамъ. Этотъ эдиктъ извѣстенъ подъ именемъ Kesselbrief'a, намекъ на большіе котлы, въ которыхъ изготовлялись обѣды, которыми интриганы угощали народъ, чтобы склонить его въ свою пользу (1541—1551). Но затишье было непродолжительно. Іезуиты, основавшіеся въ Вальтелинѣ, были оттуда изгнаны, и въ Давосѣ взяла верхъ партія, стоявшая за союзъ съ Франціей (1568). Но ея торжество было кратковременнымъ; имперская партія основала въ самомъ-же Давосѣ трибуналъ, изгнавшій оттуда Салисовъ и подвергшій наказанію подстрекателей къ союзу съ Франціей; въ слѣдующемъ году Салисы опять взяли верхъ, и Планта въ свою очередь были изгнаны трибуналомъ, образовавшимся въ Цуцѣ въ Энгадинѣ.

Іоганнъ Планта, сеньеръ Рецуна, пожелавшій, опираясь на папскую буллу, завладѣть бенефиціями Вальтелина, въ ущербъ для лигъ, былъ схваченъ, отведенъ въ Куръ и приговоренъ къ смерти, а многіе изъ его приверженцевъ были приговорены къ различнымъ наказаніямъ (1572). Когда пришло извѣстіе о Варѳоломеевской ночи и о заговорѣ въ Вальтелинѣ, толпы народа направились въ Тузисъ, тамъ составился трибуналъ, жестоко расправившійся съ подозрѣваемыми (1573). Однако, три лиги пришли къ соглашенію относительно усмиренія народныхъ страстей и издали противъ агитаторовъ эдиктъ, извѣстный подъ названіемъ Dreisieglerbrief, такъ какъ три лиги наложили на него свои печати. Наступило затишье (1574 до 1602), и протестантамъ удалось удержаться въ Вальтелинѣ. Открытіе евангелической школы въ Сондріо возбудило возстаніе, которое было усмирено. Жители Вальтелина тяготились тяжелымъ игомъ лигъ и готовы были воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы сбросить его.

Когда въ 1602 г. Генриху IV удалось возобновить союзъ съ швейцарскими лигами, Граубюнденъ присоединился къ нему и заключилъ въ Давосѣ союзъ съ венеціанской республикой (1603); тотчасъ-же возобновились враждебныя дѣйствія. Испанскій дворъ старался вознаградить себя за это, и ему удалось возобновить свой договоръ съ католическими кантонами. Затѣмъ миланскій правитель Фуэнтесъ закрылъ граубюнденцамъ миланскіе рынки и воздвигъ въ ущельѣ Вальтелина крѣпость, принявшую его имя (крѣпость Фуэнтесъ). Транзитъ товаровъ, направлявшійся черезъ Граубюнденъ, перемѣнилъ направленіе и направился на Готардъ.

Напряженіе, вызванное образомъ дѣйствія Испаніи, возбудило сильное неудовольствіе въ Граубюнденѣ; различныя партіи начали взаимно упрекать другъ друга въ томъ, что толкнули страну въ пропасть. Депутація, посланная въ Миланъ для заявленія протеста противъ постройки крѣпости Фуэнтесъ, дала провести себя и даже согласилась на договоръ, дававшій пропускъ войскамъ и право на наборъ рекрутовъ. Народъ взволновался; лиги заняли войсками входъ въ Вальтелинъ. Посланный Генриха IV вкрадчивый Паскаль, подбилъ къ образованію тайнаго комитета, на обязанности котораго лежало направленіе движенія. Такъ какъ распространилось извѣстіе, будто лотарингскіе солдаты въ наймѣ у Венеціи собираются пройти черезъ страну, то общины собрались, чтобы воспротивиться этому. Въ Курѣ образовался трибуналъ. Фогтъ Бели и епископскій чиновникъ Базельга, подписавшіе договоръ съ Испаніей, были приговорены къ смерти и казнены. Французская партія торжествовала (1607).

Послѣ смерти Генриха IV въ 1610 г. произошло сближеніе между мадридскимъ и парижскимъ кабинетами; когда была сдѣлана попытка возобновить договоръ съ Венеціей, испанская и французская партіи вошли въ соглашеніе, чтобы помѣшать этому, и венеціанскій посланникъ былъ изгнанъ. Папа съ своей стороны не оставался бездѣятельнымъ; онъ получалъ извѣстія о событіяхъ въ Швейцаріи черезъ капуциновъ и писалъ своимъ нунціямъ: «Браните робкихъ. Не противорѣчьте городамъ. Будьте любезны съ французскимъ посланникомъ. Возбудите его противъ Берна и протестантовъ. Избѣгайте говорить о религіи, но дѣлайте видъ, что заняты только религіей. Пусть сознаніе, что трудился для церкви, будетъ казаться главной наградой». Благодаря настойчивости папы, Фрейбургъ, противившійся раньше водворенію лозаннскаго епископа въ этомъ городѣ, согласился наконецъ на это. Прежнее несогласіе протестантовъ на капитуляціи продержалось не долго; дѣла перешли въ руки новыхъ поколѣній, нетерпѣливо стремившихся къ военной карьерѣ и не желавшихъ считаться съ традиціями реформаціи. Бернъ и Цюрихъ заключили послѣдовательно союзы съ маркграфомъ Фридрихомъ Баденскимъ (1612), Фран-

ціей, венеціанцами, герцогомъ савойскимъ и Нидерландами. Бернъ былъ одну минуту готовъ вступить въ лигу германскихъ протестантскихъ князей, что неминуемо втянуло-бы его въ Тридцатилѣтнюю войну, но его отговорили отъ этого другіе города въ ту минуту, говоритъ г. Вюльеменъ, когда онъ готовъ былъ пуститься въ море, не предчувствуя ожидавшихъ его тамъ бурь.

Испанскій дворъ, желая добиться поддержки Граубюндена, предложилъ срыть крѣпость Фуэнтесъ съ условіемъ, что лиги дадутъ его войскамъ свободный пропускъ, но откажутъ въ немъ Венеціи, и позволятъ миланскому губернатору сдѣлать у нихъ наборъ отъ двухъ до шести тысячъ рекрутовъ. Эти предложенія встрѣтили мало сочувствія. Въ Энгадинѣ снова начались раздоры, усиленные соперничествомъ между вліятельными фамиліями. Рудольфъ ф. Планта, находившійся въ родствѣ съ фамиліей Траверзовъ, и Августинъ ф. Траверзъ поддерживали испанскую партію; тогда какъ Антонъ ф. Траверзъ, братъ послѣдняго, защищалъ интересы Венеціи. Дѣло дошло до драки, и уже погибли многіе изъ воюющихъ, когда вмѣшались ихъ сестры и жены подъ предводительствомъ храброй Анны ф. Жювальта и остановили кровопролитіе. Опасность испанскаго вліянія особенно сознавалась протестантскимъ духовенствомъ, по призыву энгадинскихъ пасторовъ народъ взялся за оружіе. Тогда-то выступилъ на сцену знаменитый Георгъ Іеначъ.

Драматическіе поэты восхищались этой интересной личностью, возбуждавшей ихъ вдохновеніе. Въ этомъ энергичномъ, жестокомъ и развратномъ человѣкѣ патріотъ бралъ верхъ надъ проповѣдникомъ евангелія. Онъ родился въ 1596 г. въ Замаденѣ, изучалъ теологію въ Цюрихѣ и Базелѣ, затѣмъ былъ воспитателемъ сына полковника Баптиста ф. Салисъ, потомъ три года пасторомъ въ Шарансѣ въ Домлешгѣ. Духовное званіе не подходило къ его характеру. На 25-мъ году жизни онъ отказался отъ своихъ занятій, опоясался мечомъ и сдѣлался предводителемъ банды. Онъ выступилъ какъ партизанъ Салисовъ впервые въ 1618 г., когда руководилъ нападеніемъ на замокъ Цернецъ, принадлежавшій Планта, расположенный въ Нижнемъ Энгадинѣ. Замокъ былъ взятъ, но Рудольфу Планта удалось бѣжать въ Тироль. Банды Іенача, не встрѣчая никакого сопротивленія, отправились въ Тузисъ, гдѣ собрался уголовный трибуналъ. Этотъ трибуналъ подъ вліяніемъ Іенача и его наперсника Блеза-Александра Блеша, а также—какъ это ни печально—при поддержкѣ протестантскаго духовенства произнесъ жестокіе приговоры. Своей чрезмѣрной свирѣпостью онъ вызвалъ возмущеніе въ Вальтелинѣ и способствовалъ завоеванію этой долины Испаніей и Австріей. Брегелльскій ландаманъ Цамбра былъ казненъ; старикъ Руска, протоіерей въ Сондріо, былъ под-

вергнутъ пыткѣ и умеръ въ тюрьмѣ; Помпей и Рудольфъ Планта были изгнаны, а ихъ имущества конфискованы. Подобный образъ дѣйствія долженъ былъ понести возмездіе.

Казалось всѣ несчастія сразу обрушились на Граубюнденъ: въ сентябрѣ 1618 г. мѣловая вершина горы Конто внезапно обрушилась ночью и покрыла своими обломками богатый бургъ Плерсъ, торговый центръ, расположенный между Италіей и Германіей. При этомъ погибло больше 2000 человѣкъ.

Между тѣмъ судъ въ Тузисѣ продолжалъ дѣло мщенія. Однако, произошла реакція. Посланники Франціи, Италіи и конфедераты старались умиротворить партіи. Въ Курѣ собрались новые судьи для пересмотра приговоровъ Тузисскаго суда, изгнанники были возвращены. Но воззваніе къ умѣренности не было услышано, народъ въ Энгадинѣ снова возсталъ, и уголовный судъ, собравшійся въ Давосѣ, уничтожилъ приговоры курскаго безпристрастнаго суда и подтвердилъ приговоры, произнесенные въ Тузисѣ; вернувшіеся было эмигранты были изгнаны вторично (1619—1620).

Эти печальныя событія совпали съ началомъ войны, которая въ продолженіе тридцати лѣтъ опустошала Германію. Извѣстно, что эта война началась возстаніемъ Богеміи противъ дома Габсбурговъ и избраніемъ на богемскій престолъ пфальцграфа Фридриха V, зятя Якова I англійскаго и племянника Морица Оранскаго. Въ этой распрѣ приняла прямое или косвенное участіе вся Европа. Стремленіе однихъ къ религіозной или областной автономіи, желаніе другихъ оказать сопротивленіе стремленію Габсбурговъ распространить свою власть надъ всѣмъ міромъ заставили Данію, Швецію и Францію, при поддержкѣ Англіи и Нидерландовъ, вступиться за германскихъ князей и за германскіе города.

Конфедераты, несмотря на внутренній расколъ, согласились въ томъ, чтобы держаться нейтралитета. Тѣмъ не менѣе по окончаніи войны имъ, благодаря ихъ союзу съ Франціей, было позволено послать представителей на Вестфальскій конгрессъ.

Менѣе осторожныя граубюнденскія лиги оказались впутанными въ войну съ 1620 до 1639 г., и имъ пришлось жестоко пострадать. Депутаты лигъ, собравшіеся въ Давосѣ, послали, не посовѣтовавшись съ коммунами и не взирая на католическое меньшинство, двухъ священниковъ въ качествѣ делегатовъ въ Прагу, чтобы завѣрить Фридриха V въ своей поддержкѣ. Реты, замѣчаетъ Вюльменъ, не заботясь о гнѣвѣ Испаніи, бросились съ закрытыми глазами на встрѣчу бури, поднимавшейся отовсюду.

Начало враждебныхъ дѣйствій въ Германіи дѣлало для Испаніи и Ав-

стріи особенно желательнымъ владѣніе Вальтелиномъ; для испанскихъ отрядовъ, находившихся въ Миланѣ, это былъ самый короткій путь въ Тироль, а оттуда внутрь Германіи, а такъ какъ проходъ черезъ Вальтелинъ былъ запрещенъ имъ, то они рѣшили его завоевать.

Народонаселеніе Вальтелина, тяготившееся игомъ Граубюндена, было не прочь перемѣнить господина; заговорщикамъ открывалось широкое поле дѣйствія. Одинъ изъ изгнанниковъ, приговоренный Давосскимъ судомъ, Робустелли, родственникъ Плантовъ, сталъ во главѣ итальянскихъ авантюристовъ, наводнявшихъ страну: и ночью 20-го іюля 1620 г. онъ напалъ на Тирано: ударили въ набатъ не только въ Тирано, но и въ окрестныхъ городахъ, въ Тельо, въ Сондріо и т. д.; протестанты были убиты, задушены, разстрѣляны, побиты каменьями, а трупы ихъ брошены въ волны Адда. Женщины, старики, дѣти, никто не былъ пощаженъ: однимъ отрѣзали носы, щеки, уши; другимъ вырывали внутренности, иныхъ набивали въ глотки порохъ и взрывали ихъ. Одинъ мясникъ хвастался, что убилъ восемнадцать человѣкъ; голова протестантскаго пастора въ Тирано была пригвождена копьемъ къ его каѳедрѣ. Церкви были осквернены, и многіе дома сожжены.

Распорядители этого побоища, длившагося четырнадцать дней, говорили, что дѣйствуютъ отъ имени папы и св. церкви. Число жертвъ этой ужасной гекатомбы, заклейменной въ исторіи именемъ граубюнденской варѳоломеевской ночи, простиралось отъ четырехъ до шести тысячъ [1]).

Когда лиги пожелали возстановить порядокъ и найти виновниковъ рѣзни, католическія общины Верхняго Рейна (Сѣрой лиги) подъ вліяніемъ происковъ священниковъ и испанскихъ агентовъ, отказались дѣйствовать. Общины Божьяго дома и Десяти Округовъ послали 2,000 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Баптиста фонъ Салиса; но австрійскій отрядъ, подъ командой Бальдирона, призванный Планта, проникъ изъ Тироля въ Мюнстераль, а миланскіе отряды явились на помощь мятежникамъ, такъ что граубюнденскіе отряды вынуждены были ждать помощи, испрошенной у Берна и Цюриха.

Бернскій отрядъ въ 2,000 человѣкъ выступилъ подъ командой полковника Николая ф. Мулинена; его движеніе было задержано люцернцами, загородившими ему проходъ близъ Мелингена въ Ааргау; однако, сдѣлавъ

---

[1]) Мы читаемъ у Дагэ: въ распоряженіяхъ, данныхъ 12-го мая 1621 года папскому нунцію Скапни, епископу Компіанскому, говорится, что протестанты готовились избить католиковъ, и что послѣдніе только опередили ихъ. То-же утверждали и о варѳоломеевской ночи; но, замѣчаетъ разсудительно почтенный фрейбургскій историкъ, доказательства отсутствуютъ.

обходъ на Тюргау, онъ прибылъ въ Цюрихъ, гдѣ къ нему присоединился полковникъ Штейнеръ съ тысячью человѣкъ. Когда этотъ соединенный отрядъ появился на границѣ Швица, то забили въ набатъ, чтобы помѣшать ему перейти ее; наконецъ ему удалось, сдѣлавъ новый крюкъ, присоединиться къ отрядамъ лигъ Божьяго-Дома и Десяти-Округовъ, ожидавшихъ его въ Вальтелинѣ.

1-го сентября 1620 г. швейцарцы и граубюнденцы направились на Тирано по холмистой мѣстности. Бернцы, составлявшіе авангардъ, къ несчастью не позаботились о томъ, чтобы послать впередъ развѣдчиковъ; вдругъ на нихъ посыпался градъ пуль, и они были атакованы испанской кавалеріей. Положеніе ихъ было очень плохо, граубюнденскій и цюрихскій отряды были еще слишкомъ далеко, чтобы помочь имъ; бернцы геройски защищались, но потерпѣли полное пораженіе; они потеряли своихъ главныхъ офицеровъ: Мулинена, Фришинга, Бонштеттена, Эффингера и др. Смерть Мулинена была достойна носимаго имъ имени; онъ обладалъ ростомъ и силой Геркулеса; раненый пулей въ руку, онъ пытался собрать своихъ людей; вырвавъ аллебарду изъ рукъ одного изъ солдатъ, онъ убѣждалъ храбрецовъ вспомнить объ ихъ предкахъ; вскорѣ его окружили враги, требуя, чтобы онъ сдался: «Я Мулиненъ», отвѣтилъ онъ по-итальянски, «и умру съ оружіемъ въ рукахъ, какъ слѣдуетъ солдату». Бернъ, говоритъ Вюльсменъ, потерялъ въ немъ ревностнаго протестанта, котораго боялись дурные швейцарцы.

Между тѣмъ Штейнеръ и цюрихцы, прибывшіе наконецъ на поле битвы, въ полномъ порядкѣ напали на испанцевъ, отбросили ихъ, снесли ихъ траншеи и дошли до воротъ Тирано. Съ своей стороны граубюнденцы, подъ командой Гесслера, отняли укрѣпленный замокъ, возвышающійся надъ Тирано. Казалось пораженіе бернцевъ было заглажено; вальтелинцы бѣжали; испанцы готовились покинуть городъ. Къ несчастью у конфедератовъ не было ни лѣстницъ, ни осадныхъ орудій и послѣ семичасового сраженія у нихъ оказался недостатокъ въ боевыхъ запасахъ, они не могли идти на приступъ и удалились къ Борміо ожидать подкрѣпленія, предавъ предварительно землѣ тѣла благороднаго Мулинена [1]) и его офицеровъ.

Извѣстіе объ этой неудачѣ быстро распространилось по всей Ретіи. Планта разъѣзжали по ней по всѣмъ направленіямъ, а друзья епископа смѣло возвѣщали о торжествѣ старой вѣры. Вскорѣ стало извѣстно, что 1500 человѣкъ изъ малыхъ кантоновъ, подъ командой Конрада фонъ Берольдингена, спустились въ равнины Сѣрой лиги и стали при сліяніи

[1]) Вальтелинцы вырыли ихъ и отдали собакамъ на съѣденіе.

двухъ Рейновъ, между Рецуномъ и Рейхенау въ двухъ миляхъ отъ Кура. Вмѣшательство вальдштеттенцевъ заставило граубюденскіе и цюрихскіе отряды покинуть Борміо и Вальтелинъ и вернуться на Рейнъ.

Собрался союзный сеймъ. Въ Лѣсныхъ кантонахъ уже поговаривали о томъ, чтобы отдѣлить Сѣрую лигу отъ двухъ остальныхъ и присоединить ее къ конфедераціи какъ четырнадцатый кантонъ. Протестантскія общины уступили; іезуиты получили право основывать школы всюду, гдѣ пожелаютъ; были подтверждены союзы со Швейцаріей, Франціей и Австріей; союзъ съ Венеціей былъ разорванъ.

Правитель Милана, Феріа, предложилъ Сѣрой лигѣ считать за ней Вальтелинъ при условіи, что въ немъ останутся миланскіе гарнизоны, будетъ уничтожено протестантское вѣроисповѣданіе и дано обязательство дать пропускъ испанскимъ отрядамъ. Сѣрая лига поспѣшила принять это предложеніе и заключила союзъ съ Испаніей (февраль, 1621).

Услышавъ объ этомъ, энгадинцы не могли сдержать своего негодованія. Месть дорога сердцу горцевъ. Іеначъ образовалъ тайное общество товарищей смѣлыхъ сердецъ и выступилъ во главѣ двадцати смѣльчаковъ. 23-го февраля 1621 г., свѣжимъ зимнимъ утромъ, онъ прибылъ въ уединенный замокъ Ритбергъ въ Домлешгѣ, гдѣ жилъ Помпей Планта. Заговорщики разбили двери и проникли въ домъ врага; зачинщика вальтелинскихъ избіеній постигла участь, подобная участи его жертвъ: онъ спасался изъ комнаты въ комнату отъ своихъ неумолимыхъ враговъ, наконецъ былъ ими настигнутъ, схваченъ, брошенъ на землю и убитъ топоромъ, который прошелъ черезъ его тѣло и врѣзался въ полъ.

Послѣ этого печальнаго подвига Іеначъ вернулся въ Преттигау. Въ теченіе мая мѣсяца онъ собралъ, при помощи своего друга Блэза-Александра, нѣсколько сотенъ энгадинцевъ и горными тропинками спустился въ Домлешгъ; его отрядъ увеличился дорогой, и 20-го марта онъ напалъ врасплохъ на католическую армію близъ Валендаса. Послѣ нѣсколькихъ часовъ жаркой схватки Берольдингенъ и отряды Лѣсныхъ кантоновъ отступили на Иланцъ и перевалили черезъ Оберальпъ. Верхняя лига и Сѣрая лига были принуждены отказаться отъ испанскаго союза.

Но этотъ успѣхъ граубюнденскихъ протестантовъ совпалъ съ уничтоженіемъ протестантовъ въ Богеміи и торжествомъ Габсбурговъ. Три лиги обратились за помощью къ Франціи, желая добиться возвращенія Вальтелина, и Ришелье послалъ маршала Бассомпьера къ испанскому двору. Филиппъ IV былъ согласенъ отказаться отъ Вальтелина, но при условіи, чтобы тамъ было сохранено исключительно католическое вѣроисповѣданіе; однако протестантская партія не могла рѣшиться включить этотъ параграфъ въ мадридскій договоръ. Когда, наконецъ, лиги и конфедераты

согласились подписать этотъ договоръ, приведеніе его въ исполненіе очень затянулось. Тогда 6000 худо вооруженныхъ, недисциплинированныхъ человѣкъ внезапно собрались въ Верхнемъ Энгадинѣ подъ начальствомъ Іенача и вторглись въ Вальтелинъ. Этотъ вольный отрядъ занялъ Борміо; но скоро съ крѣпости Феріа посыпался на этотъ бургъ градъ раскаленныхъ ядеръ и обратилъ его въ пепелъ. Лишенные тяжелой артиллеріи и жизненныхъ припасовъ, граубюнденцы не могли удержать за собой позиціи и вернулись по домамъ.

Эта неудачная экспедиція послужила имперцамъ предлогомъ, чтобы проникнуть въ Ретію и предъявить требованія на Нижній Энгадинъ, Мюнстераль и Десять Округовъ; они проникли туда въ октябрѣ 1621 г. со всѣхъ сторонъ, слѣдуя указаніямъ Рудольфа Планта. Отряды Бальдирона (8000 человѣкъ), пришедшіе изъ Тироля, наводнили Энгадинъ, пройдя черезъ Мюнстераль и Мартинсбрукъ; энгадинцы оказали имъ сильное сопротивленіе, но не устояли передъ численностью враговъ; женщины и молодыя дѣвушки сражались бокъ о бокъ съ мужьями и братьями. Имперцы проложили себѣ дорогу, ознаменовали себя ужасными жестокостями, затѣмъ направились вдоль Флюела на Давосъ. Другой австрійскій отрядъ въ 8000 человѣкъ, пришедшій изъ Форальберга подъ командой Бріона, прошелъ долину Шлапина, занялъ Претигау, сжигая и грабя, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Жители Претигау, съ Іеначемъ и тремя Шпрехерами во главѣ, вышли къ нимъ на встрѣчу; они храбро сражались, но тоже должны были отступить передъ численностью врага; общины Десяти-Округовъ принуждены были принять присягу. Съ своей стороны, испанскій генералъ Феріа съ 7000 человѣкъ появился передъ Кіавенной, которую защищалъ полковникъ Баптистъ ф. Салисъ съ 4,000 человѣкъ до тѣхъ поръ, пока позволяли силы. Долина Брегальа была завоевана испанцами, и протестантское вѣроисповѣданіе въ ней уничтожено. Куръ былъ занятъ Бальдиропомъ и подчинился требованіямъ побѣдителя.

Тысяча пятьсотъ ретовъ бѣжали къ конфедератамъ. Іеначъ отправился въ Германію, гдѣ нанялся въ армію Мансфельда; его другъ Блэзъ-Александръ, захваченный австрійцами, былъ отвезенъ въ Инспрукъ и обезглавленъ послѣ восьмимѣсячнаго жестокаго тюремнаго заключенія; Рудольфъ Планта отрекся отъ реформаціи. Имущество бѣжавшихъ было конфисковано; Вальтелинъ и Борміо отняты у лигъ. Въ Куръ и Майенфельдъ были поставлены австрійскіе гарнизоны; по стопамъ ландскнехтовъ появились капуцины, которымъ покровительствовало новое правленіе.

Общины Претигау были побѣждены, но не покорены; весною 1622 г. отчаяніе придало имъ новыя силы; крестьяне вооружились дубинами,

бросились неожиданно на австрійцевъ, которыхъ они разбили при Ширсѣ, Зеевисѣ, Кастелѣ и Фельсбергѣ, затѣмъ завладѣли Луціенштейгомъ. Эта война получила названіе «войны дубинами». Въ этой войнѣ прославились женщины: одна изъ нихъ, Соломея Ліенгардъ, убила, говорятъ, дубиной семь австрійцевъ. Послѣ этихъ подвиговъ, 1400 крестьянъ сомкнулись въ колонну и направились на Куръ; отъ двухъ лигъ пришло подкрѣпленіе, и Бальдиронъ былъ принужденъ очистить мѣсто.

Въ странѣ пробудилась надежда; граубюнденцы, довѣряя перемирію, заключенному съ Австріей въ Линдау, видѣли уже въ перспективѣ продолжительный миръ, когда внезапно 10,000 имперцевъ, подъ командой Бальдирона и Альвига, вступили въ Энгадинъ и Претигау; отряды Кура и Сѣрой лиги выступили на помощь жителямъ, но не поспѣли во время; они дали рядъ неудачныхъ сраженій, закончившихся пораженіемъ при Аквасана близъ Зааса (5 сентября 1622 г.). Жители Претигау, подъ командой Салиса, совершили въ этой неравной борьбѣ чудеса храбрости. Отчаяніе достигло своего апогея въ этихъ долинахъ, когда-то веселыхъ и процвѣтавшихъ. Имперцы ознаменовали себя страшными жестокостями; они убивали своихъ плѣнныхъ, насиловали женщинъ, избивали стариковъ, предавали деревни пламени; тирольцы сбѣгались толпами покупать за безцѣнокъ добычу и скотъ; они уносили даже церковные колокола. Бѣдные крестьяне бродили безъ крова и пищи; съ наступленіемъ зимы появилась чума, косившая сотни жертвъ.

Во время этого безотраднаго періода гельветской конфедераціи, казалось, совсѣмъ не существовало; кантоны, подверженные конфессіональнымъ раздорамъ, неспособные придти къ соглашенію, парализировали усилія одинъ другого. Нунцій Скапи и представитель Испаніи Кассати жили въ Альторфѣ и управляли тремя коренными кантонами; въ Гларусѣ и Аппенцеллѣ протестанты и католики взаимно вредили другъ другу. Въ Люцернѣ, Фрейбургѣ, Солотурнѣ и Цугѣ, вліяніе Франціи уравновѣшивало вліяніе Испаніи. На сѣверѣ епископы Базельскій и Констанцскій и аббатъ Сенъ-Галленскій опирались то на кантоны, то на Германію; послѣ побѣды императора они перешли на его сторону. Съ другой стороны, германскіе протестантскіе города и князья, побѣжденные Тилли, французскіе кальвинисты, доведенные Ришелье до безсилія, швейцарскіе протестантскіе города оказались совершенно одинокими. Чума, разразившаяся въ Тюргау въ 1611 г., произвела сильныя опустошенія въ кантонѣ Цюрихъ. Базель, представлявшій авангардъ швейцарскихъ городовъ, былъ постоянно на чеку; онъ обнесся новыми валами, по совѣту Морица Оранскаго, и набралъ въ Ваадтландѣ гарнизонъ въ 800 человѣкъ. Бернъ имѣлъ полное основаніе опасаться результатовъ неудовольствія, овладѣвшаго его

подданными. Протестантскіе кантоны, грозимые отовсюду, покинули Граубюнденъ на произволъ судьбы.

При извѣстіи о несчастіи лигъ, швейцарскіе города пришли въ ужасъ. Чтобы отвлечь ихъ вниманіе, эрцгерцогъ Леопольдъ пригласилъ конфедератовъ на конференцію въ Линдау; граубюнденскіе депутаты тоже явились. На диспутахъ проявилось безсиліе конфедератовъ. Сѣрая лига и лига Божьяго-Дома покорились участи побѣжденныхъ и согласились на уступку Нижняго Энгадина и Восьми-Округовъ.

Между тѣмъ блестящій успѣхъ Австрійскаго дома пробудилъ Францію, которая не могла оставаться хладнокровной зрительницей необыкновеннаго роста могущества имперіи. Собственный интересъ и сохраненіе европейскаго равновѣсія заставили ее вмѣшаться и войти въ соглашеніе съ Англіей, Голландіей, Савойей, Венеціей, Даніей и Швеціей, чтобы положить конецъ честолюбивымъ замысламъ императора Фердинанда II. Кардиналъ Ришелье, правившій Франціей, понялъ опасность, и хотя самъ и преслѣдовалъ кальвинистовъ, но понималъ необходимость помѣшать дальнѣйшему уничтоженію протестантскихъ государствъ. По его наущенію король датскій, Христіанъ IV, вступилъ въ лигу и въ 1625 г. началъ походъ на сѣверѣ Германіи; голландцы, съ своей стороны, напали на Испанію съ моря, въ то время какъ маркизъ де Кёвръ (братъ Табріэля д'Этрэ) прошелъ черезъ Ретію съ арміей въ 6000 человѣкъ, состоявшей изъ швейцарцевъ и французовъ и отнялъ Вальтелинъ (1625).

Политика Ришелье не заключала въ себѣ ничего рыцарскаго; онъ совсѣмъ не намѣревался вернуть Вальтелинъ Граубюндену; какъ только эта провинція была занята, онъ помирился съ Испаніей и заключилъ Монцонскій договоръ (5 марта 1626), по которому Вальтелину было дано самоуправленіе, но онъ долженъ былъ выплатить своимъ прежнимъ господамъ 25000 флориновъ.

Это внезапное сближеніе Парижскаго и Мадридскаго дворовъ явилось слѣдствіемъ вооруженнаго возстанія французскихъ кальвинистовъ, заставившаго Людовика XIII сосредоточить всѣ усилія внутри имперіи. Это возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Генрихъ де Роганъ, окончилось взятіемъ ла-Рошели, послѣдней французской крѣпости, занятой гугенотами. Какъ скоро эти послѣдніе были побѣждены, Ришелье снова задумалъ направить свои силы противъ Австрійскаго дома. Взятіе ла-Рошели, послѣ геройскаго сопротивленія, нанесло во Франціи окончательный ударъ кальвинистамъ, какъ политической партіи; это былъ тріумфъ монархіи. Этотъ блестящій успѣхъ совпалъ съ побѣдами Валленштейна, приведшими императора Фердинанда II къ апогею славы и угрожавшими европейскому равновѣсію.

Въ это время въ Италіи погасъ въ лицѣ Винцента, послѣдняго изъ Гонцаговъ, старинный родъ герцоговъ Мантуи и Монферрата; Испанія и Савойя возстали противъ притязаній его наслѣдника, герцога де Невера, французскаго принца. Этотъ новый конфликтъ представлялъ опасность для Валлиса, проходами котораго французы желали воспользоваться, чтобы пройти въ долину р. По.

Эта страна пережила тяжелый кризисъ; такъ какъ много знатныхъ семей присоединилось къ реформаціи [1]), то валлійцы, поддерживаемые бернцами, стали оспаривать свѣтскую власть у епископовъ. Для борьбы съ этимъ движеніемъ, угрожавшимъ епископству въ его свѣтскихъ и духовныхъ интересахъ, папа послалъ въ Италію миссіонеровъ; іезуиты и капуцины принялись ревностно за работу, и имъ удалось въ началѣ XVII-го вѣка стать господами положенія. Валлійцы, хотя и не безъ сопротивленія, дали склонить себя подъ епископскій посохъ и возобновили въ 1627 г. свой союзъ съ католическими кантонами. Этому способствовали агенты Людовика XIII; добившись этого результата, они начали выставлять выгоды союза съ Франціей, который принесетъ дворянамъ пенсіи, всѣмъ дешевые вино, соль, рисъ. Во всѣ времена, говоритъ Вюльеменъ, аргументы Франціи казались сильными или слабыми, смотря по тому двигались или нѣтъ нагруженные королевскимъ золотомъ мулы по мало посѣщаемой долинѣ Роны. Въ эту эпоху Франція уплатила свои недоимки, и ей удалось склонить на свою сторону валлійцевъ. Іезуиты, державшіе сторону Испаніи, были изгнаны, а епископъ Гильдебрандъ Іостъ пріобрѣтшій всеобщую ненависть, получилъ изъ нунціатуры приказаніе покинуть страну. Капуцины и французскіе священники появились на ихъ мѣсто; валлійскіе патріоты отдѣлили свои интересы отъ интересовъ реформаціи, и законы противъ ереси стали строго примѣняться. Многія протестантскія семьи покинули свои дома и переселились въ округъ Эгль и въ Оберландъ; большая же часть, особенно въ верхнихъ дизенахъ, отказалась отъ своей вѣры, поэтому теперь немногимъ извѣстно, даже въ самомъ Валлисѣ, что было время, когда большая часть страны покинула мессу для реформаціи. Такъ, говоритъ Вюльеменъ, послѣ полувѣковаго блеска потухло пламя, которое было способно измѣнить всю наружность долины Роны.

Періодъ, къ которому мы теперь приступаемъ, самый печальный во всей нашей исторіи. Старая доблесть швейцарцевъ была скована; ихъ раздоры, измѣненіе республиканскаго принципа, недоброжелательство под-

---

[1]) Болѣе двухсотъ дворянскихъ семей приняли реформацію (см. Histoire du Valais, par le chanoine Boccard).

данныхъ, продажность начальниковъ парализировали ихъ силы. Оказавъ такую слабую поддержку Женевѣ, позволивъ растоптать ногами своихъ союзниковъ граубюнденцевъ, конфедераты потеряли свой престижъ. Французскіе посланные давали имъ это чувствовать; уже не Франція просила помощи у Швейцаріи, а конфедераты искали покровительства короля Франціи. Къ Швеціи, съ ея храбрымъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ, перешла роль, принадлежавшая нѣкогда швейцарцамъ; его поддержка стоила дешевле чѣмъ ихъ; это было рѣшающее соображеніе въ политикѣ, гдѣ корыстныя соображенія часто берутъ верхъ надъ вѣковыми традиціями.

Политика папы—ибо папы всегда имѣли свою политику—любопытна для наблюдателя; главной его заботой была поддержка равновѣсія. Принужденный выбирать между королемъ наикатолическимъ (испанскимъ) и королемъ христіаннѣйшимъ (французскимъ), явившими оба доказательства своей преданности ему преслѣдованіемъ ереси, папа отдалъ предпочтеніе Бурбонамъ передъ Габсбургами; онъ безъ сомнѣнія находилъ ихъ вліяніе менѣе опаснымъ для Италіи.

Людовикъ XIII собственной особой перевалилъ черезъ Альпы и увлекъ за собой герцога Савойскаго, оказавшаго весьма слабое сопротивленіе. Но въ то время, какъ его армія подвигалась въ глубь полуострова, 40000 имперцевъ пересѣкли Ретію и надвигались черезъ Ломбардію (1629). Это неожиданное нашествіе повергло Граубюнденскія лиги въ оцѣпенѣніе. Столѣтіемъ раньше конфедераты толпою поспѣшили бы на помощь своимъ союзникамъ и прогнали бы австрійцевъ; но прошла эпоха Бургундскихъ войнъ; кантоны ограничились тѣмъ, что приняли только нѣкоторыя мѣры предосторожности для собственной безопасности. Правда, что неурожай, чума и политическіе раздоры ввергли народъ въ глубокое уныніе; сосѣднія съ Конфедераціей страны, опустошенныя войной, не давали ужъ какъ прежде вина и хлѣба; толпы несчастныхъ, выгнанныхъ изъ своихъ жилищъ, переходили взадъ и впередъ черезъ границы.

Чтобы оживить упавшее мужество, прекратить раздоры и побудить конфедератовъ къ дѣйствію противъ Австріи, Ришелье аккредитировалъ въ Солотурнѣ посланника, въ лицѣ Леона Брюлара. Но кантоны остались глухи къ его призыву: города склонялись къ союзу съ Англіей, предложенному имъ Оливье Флеммингомъ; демократическіе кантоны вели переговоры съ Кассати, миланскимъ посланникомъ. Между тѣмъ маршалу де Бассомпьеру, благодаря его убѣдительному краснорѣчію, удалось добиться отъ кантоновъ набора въ 6000 человѣкъ. Эти отряды не были посланы для защиты Граубюндена, изъ нихъ образовали два полка, подъ

командой Франциска д'Аффри и І. Л. фонъ Эрлаха: одинъ послали въ Лотарингію, другой въ Италію. Участь послѣдняго была очень печальная; онъ перенесъ въ Италіи голодъ и болѣзни, а когда его полковникъ потребовалъ выдачи денегъ, обѣщанныхъ солдатамъ, онъ въ отвѣтъ услышалъ только брань, такъ что обезкураженный Эрлахъ перешелъ съ французской службы на службу нѣмецкимъ князьямъ.

Освобожденіе Ретіи все еще не наступало. Между тѣмъ по Кораскоскому и Ратисбонскому договорамъ Австрійскій домъ предоставилъ герцогу Неверскому герцогство Мантуа, увелъ свои гарнизоны изъ Вальтелина, взялся исправить произведенныя ими опустошенія и вывести войска изъ Граубюндена. Франція съ своей стороны вывела войска изъ Савойи и удержала за собой только Пиньероль.

За обѣщаніе не оказывать помощи врагамъ императора Ришелье добился въ Ратисбонѣ (Регенсбургѣ) смѣщенія Валленштейна, войска котораго разбѣжались (1630). Но въ то же время онъ обезпечилъ за Швеціей договоромъ, подписаннымъ Густавомъ Адольфомъ, субсидію для войны, которую она готовилась предпринять противъ имперіи, и отъ которой онъ разсчитывалъ поживиться въ случаѣ ея успѣха. Въ этомъ отношеніи Ришелье подражалъ лукавой политикѣ Людовика XI, увѣрявшаго Карла Смѣлаго въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и въ то же время заключавшаго тайные договоры со Швейцаріей, и затѣмъ извлекавшаго для себя пользу изъ пораженія своего противника.

20-го іюня 1630 г. король Шведскій высадился въ Помераніи во главѣ испытанной и прекрасно дисциплинированной арміи. Онъ ввелъ новую тактику: тяжелымъ карре имперской арміи онъ противупоставилъ подвижные батальоны, смѣшанные съ кавалеріей и артиллеріей. Его искусство въ тактикѣ вознаграждало за численную слабость его арміи, его побѣды надъ старикомъ Тилли при Брейтенфельдѣ близъ Лейпцига и при переправѣ черезъ Лехъ, измѣнили въ короткій срокъ времени политическое положеніе Европы. Король снѣговъ, какъ его звали при Вѣнскомъ дворѣ, подвигался какъ тріумфаторъ и по дорогѣ принималъ изъявленія преданности отъ князей и городовъ, смотрѣвшихъ на него, какъ на освободителя; отъ Балтики до Рейна и Дуная онъ гналъ передъ собой имперскіе отряды, пораженные быстротой его эволюцій.

Лейпцигская побѣда была торжественно отпразднована въ Бернѣ; но конфедераты отклонили предложеніе вступить въ союзъ, сдѣланное имъ Густавомъ-Адольфомъ. Такой союзъ съ Франціей, Швеціей, германскими князьями и городами согласовался бы съ традиціонной политикой Швейцаріи; но внутри Конфедераціи былъ слишкомъ глубокій разладъ, чтобы она могла думать о присоединеніи къ союзу. Къ тому же евангеличе-

скимъ кантонамъ было и безъ того довольно дѣла, такъ какъ имъ приходилось защищать свои интересы въ общихъ фогствахъ отъ посягательствъ римскаго духовенства. Между прочимъ Цюрихъ тщетно добивался того, чтобы религіозные вопросы рѣшались посредниками, принадлежащими къ обоимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ самомъ дѣлѣ аппетиты князей епископовъ Базельскаго, Констанцскаго и Курскаго и аббата Сенъ-Галленскаго сильно разгорѣлись послѣ реституціоннаго эдикта, даннаго въ 1628 г. Фердинандомъ II послѣ побѣдъ Валленштейна и Тилли надъ Мансфельдомъ и королемъ Датскимъ; они сочли себя въ правѣ требовать возвращенія духовныхъ имуществъ, отобранныхъ у нихъ. Въ этихъ обстоятельствахъ въ интересахъ Швейцаріи было держаться строгаго нейтралитета; этимъ конфедераты спасли свое отечество отъ большихъ несчастій [1]).

Французская политика не была стѣснена подобными соображеніями. Ришелье взялъ подъ свое покровительство граубюнденскія лиги, т. е. хотѣлъ воспользоваться ими какъ точкой опоры противъ Австріи. Поэтому онъ выбралъ герцога Генриха Роганскаго (см. фиг. 23), который какъ глава гугенотовъ былъ пріятенъ протестантскимъ кантонамъ, и послалъ его въ Граубюнденъ, поручивъ ему стать во главѣ отрядовъ лигъ и занять Вальтелинъ; кромѣ того, онъ далъ ему званіе посланника при кантонахъ, чтобы онъ въ случаѣ нужды могъ обратиться къ ихъ помощи. Дѣйствительно города, плѣненные любезностью и краснорѣчіемъ де-Рогана, позволили ему набрать два полка для увеличенія корпуса, назначавшагося для занятія Вальтелина.

Затѣмъ послѣдовала битва при Лютценѣ, освятившая славу шведовъ, но стоившая жизни ихъ геройскому государю. Министръ Густава Адольфа, прозванный сѣвернымъ Ришелье, знаменитый Аксель Оксенстьерна, продолжалъ войну въ духѣ своего господина; съ помощью цѣлой плеяды искусныхъ генераловъ, окружавшихъ его: Горна, Баннера, Торстенсона, Врангеля, Веймара и др., онъ одержалъ еще цѣлый рядъ успѣховъ.

Герцогъ Роганскій началъ свой походъ одновременно со шведскимъ генераломъ Горномъ, осадившимъ Констанцъ (28 августа 1633). Это начало враждебныхъ дѣйствій подняло цѣлую бурю въ Швейцаріи;

---

[1]) Множество волонтеровъ поступили на службу къ Густаву Адольфу, они образовали два полка: одинъ подъ командой полковника Эшера изъ Цюриха, другой—полковника Вейсса (изъ Альбо) изъ валлійской семьи, бѣжавшей въ Бернъ вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій. Этотъ офицеръ достигъ чина генерала и былъ членомъ военнаго совѣта въ Швеціи; онъ родоначальникъ фамиліи Вейссъ, основавшейся въ настоящее время въ Лозаннѣ.

3000 человѣкъ изъ коренныхъ кантоновъ выступили на помощь Констанцу. Герцогъ Феріа, правитель Милана, тоже двинулся въ походъ во главѣ 20,000 испанцевъ; онъ перешелъ черезъ Альпы, спустился въ до-

Фиг. 23. Портретъ герцога Генриха Роганскаго.

лину Рейна и заставилъ Горна снять осаду съ Констанца; но въ Швабіи онъ былъ разбитъ шведами. А въ это время католическіе кантоны заключили союзъ съ Испаніей, дали свободный пропускъ ея войскамъ и обѣщали защищать вмѣстѣ съ ней Франшъ-Конте (30 марта 1634).

Такимъ образомъ вмѣшательство Рогана въ дѣло Швейцаріи привело къ результатамъ противуположнымъ тѣмъ, которыхъ ожидалъ Ришелье. Шведы торопили его занять долину Адда, «ровъ, изъ котораго подымались всѣ ихъ несчастья». Ришелье колебался; онъ неоднократно отдавалъ приказаніе, но скоро опять бралъ его назадъ. Пока шведы въ состояніи были держаться противъ Австріи, кардиналъ не желалъ вмѣшиваться. Но пораженіе шведовъ при Нёрдлингенѣ заставило Францію окончательно выступить на арену.

Въ началѣ 1635 г. Роганъ, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ французовъ, быстро прошелъ черезъ Швейцарію, проникъ въ Вальтелинъ и, съ помощью Салиса и Іенача, разбилъ сначала нѣмцевъ, потомъ испанцевъ въ долинѣ Лувиньо, въ Маццо, въ долинѣ Фрееля и Морбеньо.

Граубюнденцы потребовали возвращенія имъ Вальтелина, отвоеваннаго съ ихъ помощью; но Франція также не желала отказаться отъ него, какъ и Испанія; она поставила условія, подобныя предложеннымъ раньше Испаніей, и лиги вскорѣ увидѣли, что онѣ только перемѣнили господъ.

Это горькое разочарованіе заставило Іенача измѣнить свою тактику. Онъ отступилъ отъ реформаціи, принялъ католичество, чтобы снискать расположеніе Австріи, и сталъ возбуждать неудовольствіе противъ французовъ; войдя въ соглашеніе съ Испаніей и Австріей, онъ образовалъ заговоръ съ цѣлью изгнанія французовъ изъ страны. Генрихъ Роганъ, прозванный «добрымъ герцогомъ», которому измѣнилъ Іеначъ и котораго покинулъ Ришелье, не посылавшій ему денегъ и отказывавшійся слѣдовать его совѣту, попался въ ловушку, устроенную для него заговорщиками и принужденъ былъ очистить Граубюнденъ отъ войскъ (1637).

Въ результатѣ этихъ событій Граубюнденъ заключилъ съ Испаніей договоръ, по которому ему возвращался Вальтелинъ (1639). Евангелическое исповѣданіе было изгнано изъ него, но также были изгнаны іезуиты и капуцины. Неудачи, претерпѣнныя Австріей въ Германіи, заставили ее быть сговорчивѣе по отношенію къ лигамъ: она отказалась отъ правъ на лигу Десяти-Округовъ (1639) и сохранила за собою только сеньеріи Рецунъ и Тараспъ.

Мало по малу представители обоихъ вѣроисповѣданій пришли къ соглашенію, и миръ водворился въ Ретіи. Послѣ этихъ ужасныхъ потрясеній Граубюнденъ сталъ одною изъ самыхъ мирныхъ странъ Швейцаріи. Что касается Іенача, способствовавшаго освобожденію своего отечества, онъ не дожилъ до заключенія мира. Жертва зажженной имъ ненависти, онъ былъ убитъ на праздникѣ двумя замаскированными личностями, изъ которыхъ у одной былъ въ рукахъ топоръ, которымъ онъ самъ убилъ

Помпея Планта восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Его тѣло было выставлено съ большою пышностью въ Курскомъ соборѣ.

ГЛАВА II.

Вестфальскій миръ.

Французы завладѣваютъ Франшъ-Конте.—Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій захватываетъ Эльзасъ.—Смерть Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго; присоединеніе Эльзаса къ Франціи.—Кантоны обоихъ вѣроисповѣданій приходятъ къ соглашенію, чтобы заставить уважать нейтралитетъ Швейцаріи.—Уполномоченные Франціи, Швеціи и Австріи собираются въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ для переговоровъ о мирѣ.—Конфедераты посылаютъ бургомистра Ветштейна въ Базель, на Вестфальскій конгрессъ, чтобы требовать снятія запрещенія съ рѣшенія, принятаго Шпейерскимъ сеймомъ въ ущербъ городу Базелю.—Признаніе независимости Швейцарской конфедераціи.

Во время Тридцатилѣтней войны мѣстомъ военныхъ дѣйствій была то та, то другая страна. Послѣ эвакуаціи Ретіи, которую можно разсматривать какъ восточную ограду конфедератовъ, военныя дѣйствія были перенесены въ Франшъ-Конте,—ихъ западную ограду. Испанскимъ Габсбургамъ удалось удержать за собой эту страну среди всѣхъ превратностей войнъ шестнадцатаго вѣка. Но кардиналъ Ришелье бросалъ жадные взгляды на эту провинцію, нейтралитетъ которой былъ когда-то гарантированъ конфедератами, и которую католическіе кантоны, вступившіе въ союзъ съ Испаніей, обѣщали защищать.

Не взирая на этотъ нейтралитетъ, войска Людовика XIII, въ рядахъ которыхъ было много швейцарскихъ наемныхъ солдатъ, заняли Франшъ-Конте. Конде съ 30.000 войскомъ осадилъ Доль. Тщетно протестовалъ сеймъ противъ этого вторженія. Жители Франшъ-Конте призвали на помощь имперцевъ, прогнавшихъ французовъ и преслѣдовавшихъ ихъ до самыхъ стѣнъ Дижона.

Между тѣмъ какъ войска Людовика XIII испытывали эти злоключенія, и испанцы проникли во Францію, Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій завладѣлъ Эльзасомъ; французскій король, не имѣвшій никакого права на Эльзасъ, великодушно пожаловалъ ему его. Бернъ поручилъ охрану своихъ границъ полковнику І. Л. фонъ-Эрлаху; но этотъ офицеръ, служившій въ войскѣ Густава-Адольфа вмѣстѣ съ Бернгардомъ Веймарскимъ, очень восхищался этимъ послѣднимъ; онъ не сумѣлъ заглушить личную пріязнь и предоставилъ ему свободный проходъ черезъ земли епископства Базельскаго. Бернгардъ Веймарскій оса-

дилъ Рейнфельденъ и послѣ упорной битвы, продолжавшейся нѣсколько дней, овладѣлъ этимъ городомъ (28-го февраля 1638). Несчастный герцогъ де-Роганъ, которому въ то время было 60 лѣтъ, принимавшій участіе въ этомъ сраженіи, нашелъ въ немъ смерть; его останки были перенесены въ женевскій соборъ, гдѣ воздвигнутый надъ нимъ памятникъ напоминаетъ намъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ дѣлу реформаціи. Вскорѣ послѣ того Эрлахъ взялъ Бриссахъ отъ имени герцога Веймарскаго. Въ слѣдующемъ году герцогъ Бернгардъ Веймарскій умеръ отъ лихорадки [1]) тридцати шести лѣтъ отъ роду, въ началѣ своей блестящей карьеры. Онъ оставилъ въ распоряженіи фонъ-Эрлаха свое войско, право на которое оспаривали другъ у друга всѣ государи. Бернскій дворянинъ уступилъ его Ришелье, отдавая этимъ Эльзасъ во власть Франціи (1639).

Всѣ жаждали мира, однако война протянулась еще девять лѣтъ. Во всѣхъ иностранныхъ войскахъ находились швейцарцы; подъ французскими знаменами сражалось ихъ до 20.000 человѣкъ. Въ Швейцарію, избѣжавшую войны, стекались бѣглецы, искавшіе въ ней убѣжища. Къ несчастью, въ ея городахъ и деревняхъ царилъ раздоръ. Однако, когда въ 1647 г. шведскіе генералы осадили Брегенцъ и Линдау и грозили Констанцу, всѣ конфедераты—протестанты и католики—рѣшили прогнать врага, кто бы онъ ни былъ; былъ выработанъ планъ обороны; 40.000-ная армія была на готовѣ для защиты границы. Благодаря этому, сеймъ добился снятія осады съ Линдау, и Тюреннь обязался уважать гельветскій нейтралитетъ.

Въ 1646 году въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ начались мирные переговоры; въ Мюнстерѣ французскіе уполномоченные вели переговоры съ имперіей, а шведскіе уполномоченные собрались съ тою же цѣлью въ Оснабрюкѣ. Договоры, подписанные 6-го августа и 8-го сентября 1648 г., утвердили за германскими государствами свободу совѣсти, а за побѣдителями—Франціей и Швеціей—обладаніе завоеванными ими провинціями; кромѣ того герцогъ Мекленбургскій и курфюрстъ Бранденбургскій получили важныя территоріальныя расширенія; графу Пфальцскому была возвращена большая часть его владѣній; была признана независимость Швейцаріи и Нидерландовъ.

Имперскій сеймъ отказался включить Базель и Мюльгаузенъ въ мирный договоръ 1499 г. и принялъ жалобы базельскихъ буржуа на Базельскіе совѣты. Конфедераты, тщетно просившіе императора снять распоряженіе Шпейерскаго сейма, примѣненное на Рейнѣ въ ущербъ для базельскихъ

---

[1]) Говорили, что его отравилъ одинъ испанецъ. Онъ получалъ отовсюду предостереженія, чтобы онъ остерегался яда.

купцовъ, обратились за поддержкой къ Франціи, которая съ готовностью взяла ихъ дѣло въ свои руки, такъ какъ въ ея интересахъ было отдалить кантоны отъ имперіи. Но конфедераты, не отказываясь отъ помощи французскаго правительства, полагали, что, какъ независимое государство, они должны имѣть своихъ собственныхъ представителей на Вестфальскомъ конгрессѣ и рѣшили послать уполномоченнаго въ Мюнстеръ. Бургомистръ Іоганнъ Рудольфъ Ветштейнъ изъ Базеля былъ уполномоченъ городами изложить жалобы кантоновъ на Шпейерскій сеймъ и заставить включить Конфедерацію въ общій мирный договоръ.

I. Р. Ветштейнъ (см. фиг. 24), родившійся въ 1594 г., былъ сыномъ цюрихца, исполнявшаго въ Базелѣ скромную должность смотрителя больницы. Онъ сначала былъ нотаріусомъ, потомъ служилъ въ полку, бывшемъ на жалованьи у Венеціи, затѣмъ вернулся въ свой родной городъ; благодаря своимъ заслугамъ, онъ здѣсь, переходя съ одной должности на другую, достигъ наивысшей государственной должности. Онъ, говорятъ, соединялъ съ усердіемъ выскочки рѣдкіе тактъ и скромность, большую осторожность и осмотрительность. Послѣ нѣкотораго колебанія католическіе кантоны дали свое согласіе на возложенную на него городами миссію. Швейцарскія правительства распорядились, чтобы одинъ день былъ посвященъ публичнымъ молитвамъ объ удачѣ ихъ предпріятія; при такихъ-то обстоятельствахъ Ветштейнъ отправился въ путь 4-го декабря 1646 г. Ветштейну пришлось быть представителемъ Швейцаріи въ собраніи посланниковъ, окруженныхъ роскошью, и онъ представлялъ среди нихъ довольно печальную фигуру, но шведскій канцлеръ Оксенстьерна и герцогъ Лонгвильскій, князь Невшательскій, представитель Франціи, оказали ему великодушную поддержку, и вскорѣ онъ былъ окруженъ всеобщимъ вниманіемъ.

Ветштейнъ долженъ былъ остерегаться подымать сомнѣнія въ независимости Швейцаріи, чтобы она не сдѣлалась предметомъ спора въ собраніи государей. Когда германскіе князья предложили ему освободить Базель, при условіи, чтобы онъ откупился разъ навсегда отъ своей доли участія въ содержаніи имперскаго сейма, онъ гордо отвѣчалъ: «Базель проситъ не освобожденія, а признанія верховнаго права, которое онъ имѣетъ». Уваженіе, выказываемое Ветштейну герцогомъ Лонгвильскимъ [1]), внушило

[1]) Князь Невшательскій любилъ разговаривать за просто съ швейцарскимъ уполномоченнымъ и приглашалъ его къ обѣду; Ветштейнъ разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что французскій посланникъ, увидя, что онъ употребляетъ табакъ, энергично отсовѣтовалъ ему это. Дѣйствительно куреніе начало распространяться въ Европѣ; въ 1650 г. и 1664 г. были изданы въ Базелѣ пять запрещеній куренія; напротивъ нюханіе табаку было встрѣчено благосклонно, вѣроятно потому, что сами члены совѣта имѣли эту привычку.

Фиг. 24. Іоганнъ-Рудольфъ Ветштейнъ.

то же чувство и императору. Желая сохранить дружбу швейцарцевъ, Фердинандъ III уничтожилъ постановленіе имперскаго сейма, и въ слѣдующемъ декретѣ онъ объявилъ объ изъятіи кантоновъ изъ вѣдѣнія имперскихъ палатъ, что было равносильно признанію ихъ независимости, это рѣшеніе, окончательно отдѣлявшее Швейцарію отъ имперіи, было санкціонировано Мюнстерскимъ и Оснабрюкскимъ конгрессами. Такимъ образомъ конфедераты, не принимавшіе участія въ войнѣ, добились результатовъ, которые могла имъ доставить побѣда. Уже въ продолженіе двухъ вѣковъ Франція и Испанія относились къ Швейцаріи какъ къ независимому государству; съ 1648 г. и имперія стала такъ же къ ней относиться.

Императоръ, чуть было не ставшій властителемъ всей Германіи и не забравшій въ свои руки гегемонію надъ всей Европой, снова сталъ главою державныхъ князей. Реформація и независимость провинцій, потерпѣвшія пораженіе во Франціи, восторжествовали въ Германіи; равноправность кальвинистовъ и лютеранъ была санкціонирована Европой. Вестфальскій миръ прекратилъ великія несогласія, возникшія изъ-за реформаціи, и былъ долгое время основаніемъ европейскаго права.

Объявленіе объ этомъ великомъ событіи вызвало въ Швейцаріи невыразимую радость; глашатаи, съ музыкантами во главѣ, ходили изъ деревни въ деревню, читая громко мюнстерскія постановленія.

Бургомистръ Ветштейнъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ игралъ важную роль въ Швейцаріи. Онъ участвовалъ въ двадцати пяти сеймахъ и былъ избираемъ въ третейскіе судьи во многихъ случаяхъ несогласій; онъ энергично и настойчиво защищалъ принципъ равенства вѣроисповѣданій; онъ старался скрѣпить узы между католическими кантонами и Базельскимъ епископствомъ и Франшъ-Конте съ одной стороны и между протестантскими кантонами, Невшателемъ и страною Монбельяръ съ другой. Его сотрудникомъ былъ генералъ Цвейеръ фонъ Эвебахъ, ландаманъ Ури; но ихъ нѣмецкія тенденціи нашли противника во французскомъ посланникѣ, и религіозныя столкновенія помѣшали осуществленію ихъ плановъ.

ГЛАВА III.

Крестьянская война.

Положеніе крестьянъ въ Швейцаріи въ XVII-омъ вѣкѣ. — Экономическія послѣдствія Тридцатилѣтней войны.—Распущеніе солдатъ, бывшихъ на службѣ Франціи и Германіи.—Денежный кризисъ.—Возстаніе крестьянъ Энтлибуха.—Движеніе распространяется на кантоны Бернъ, Солотурнъ и Базель. — Романдскія государства помогаютъ бернцамъ. — Вмѣшательство бургомистра Вазера и штатгальтера Гирцеля изъ Цюриха.—Крестьяне покоряются.—Новыя неудовольствія среди крестьянъ.—Гутвильская лига.—Лейенбергъ и Шиби становятся во главѣ мятежа.—Баденскій сеймъ набираетъ войско для подавленія возстанія. — Лейенбергъ появляется со своимъ войскомъ у стѣнъ Берна; Мурифельдскій договоръ. — Прибытіе въ Бернъ романдскихъ отрядовъ. — Отряды восточной Швейцаріи стягиваются въ Ааргау. — Сраженія при Воленшвилѣ, Гисликонѣ и Герцогенбухзе. — Пораженіе крестьянъ. — Приговоръ, произнесенный надъ главарями мятежа.

Начиная со Станцскаго соглашенія, Швейцарія часто является ареной борьбы народа противъ правящихъ классовъ. За возстаніемъ противъ диктаторства Вальдмана послѣдовали мятежи цюрихскихъ деревень въ 1513 и въ 1531 г.; потомъ возмущеніе люцернскихъ крестьянъ въ 1570 г., базельцевъ въ 1591 г., бернцевъ и цюрихцевъ во время Тридцатилѣтней войны.

Не бѣдность или отчаяніе заставляли крестьянъ подымать оружіе. За небольшими исключеніями земля не обработывалась крѣпостными, какъ въ Германіи и во Франціи; крестьяне были по большей части собственниками и состоятельны: «Пусть другія націи хвалятся своимъ достаткомъ», говоритъ Сисмонди, «Швейцарія можетъ противупоставить имъ своихъ крестьянъ». Грубые и необразованные, эти гордые поселяне не претендовали на участіе въ управленіи государствомъ, но они требовали уваженія, которымъ пользовались ихъ отцы, со стороны правителей страны. Они настаивали на сохраненіи своихъ льготъ, которыя были до безконечности разнообразны въ различныхъ общинахъ; они протестовали противъ податей, къ которымъ ихъ хотѣли принудить, и соглашались платить только тѣ повинности, на которыя они раньше согласились.

Правительства стремились подчинить общины одинаковымъ законамъ; они старались завладѣть правами, на которыхъ основывались притязанія ихъ подданныхъ. Если бы это объединеніе — эта централизація, какъ сказали бы теперь, — заключалось въ увеличеніи личныхъ правъ, пользуясь при этомъ какъ нормой самыми либеральными обычаями, оно бы способствовало болѣе тѣсному сближенію подданныхъ съ ихъ правите-

лями; но оно, напротивъ, стремилось къ болѣе полной зависимости подданныхъ. Изъ этого понятны постоянныя жалобы и глубокое недовѣріе крестьянъ.

Тридцатилѣтняя война прибавила новыя причины къ народному неудовольствію. Благодаря тому, что Швейцарія сдѣлалась убѣжищемъ эмигрантовъ, въ странѣ появилось золото; цѣна предметовъ необходимости возросла сильно; дома и земли необыкновенно поднялись въ цѣнѣ. Многіе крестьяне внезапно разбогатѣли и предались роскоши; другіе воспользовались легкостью предлагаемаго имъ кредита и втянулись въ долги: исчезла привычка къ труду и экономіи. Болѣе дальновидные высшіе классы отдавали въ гипотеку накопленныя ими деньги. Когда былъ возстановленъ миръ, плодородныя долины Швабіи и Эльзаса воспрянули, и снова на рынки потекли ихъ избытки, отчего цѣны продуктовъ быстро пали; проценты съ неосторожно заключенныхъ займовъ легли тяжелымъ бременемъ на мелкихъ собственниковъ, и деревни оказались въ стѣсненномъ положеніи. Этотъ кризисъ былъ еще усиленъ отставкой наемныхъ солдатъ, служившихъ во Франціи и въ Германіи, и недобросовѣстностью государей, не выполнившихъ своихъ денежныхъ обязательствъ: во Франціи содержаніе полковъ и отрядовъ лежало на полковникахъ и капитанахъ, которые, не получивъ отъ короля слѣдуемыхъ имъ денегъ, вернулись въ свое отечество, обремененные большими долгами.

Во время ужасовъ фронды, когда французская гвардія браталась съ народомъ, швейцарскіе наемные солдаты защищали короля отъ мятежниковъ; Людовикъ XIV хвалилъ ихъ вѣрность въ лестныхъ выраженіяхъ — монета, на которую Бурбоны были очень щедры; а затѣмъ, когда возмущеніе было усмирено, онъ распустилъ нѣсколько отрядовъ, не заплативъ имъ жалованья. Въ Парижъ было послано посольство съ требованіемъ платы для швейцарскихъ солдатъ; ихъ ходатайство было дурно принято; но, подъ угрозой отозвать нанятые полки, посольству удалось получить зачетныя деньги отъ королевы, заложившей для этого драгоцѣнные камни изъ своей короны [1]). Этому результату способствовало также приближеніе срока договора между Франціей и конфедератами, истекавшаго въ 1651 г.; французскій дворъ придавалъ большое значеніе возобновленію его. Посланникъ короля льстилъ конфедератамъ, чтобы склонить ихъ въ свою пользу; однако, эти послѣдніе не поддавались уже болѣе на пустыя обѣщанія и отдали окончательный приказъ полковымъ командирамъ готовиться покинуть службу Франціи.

---

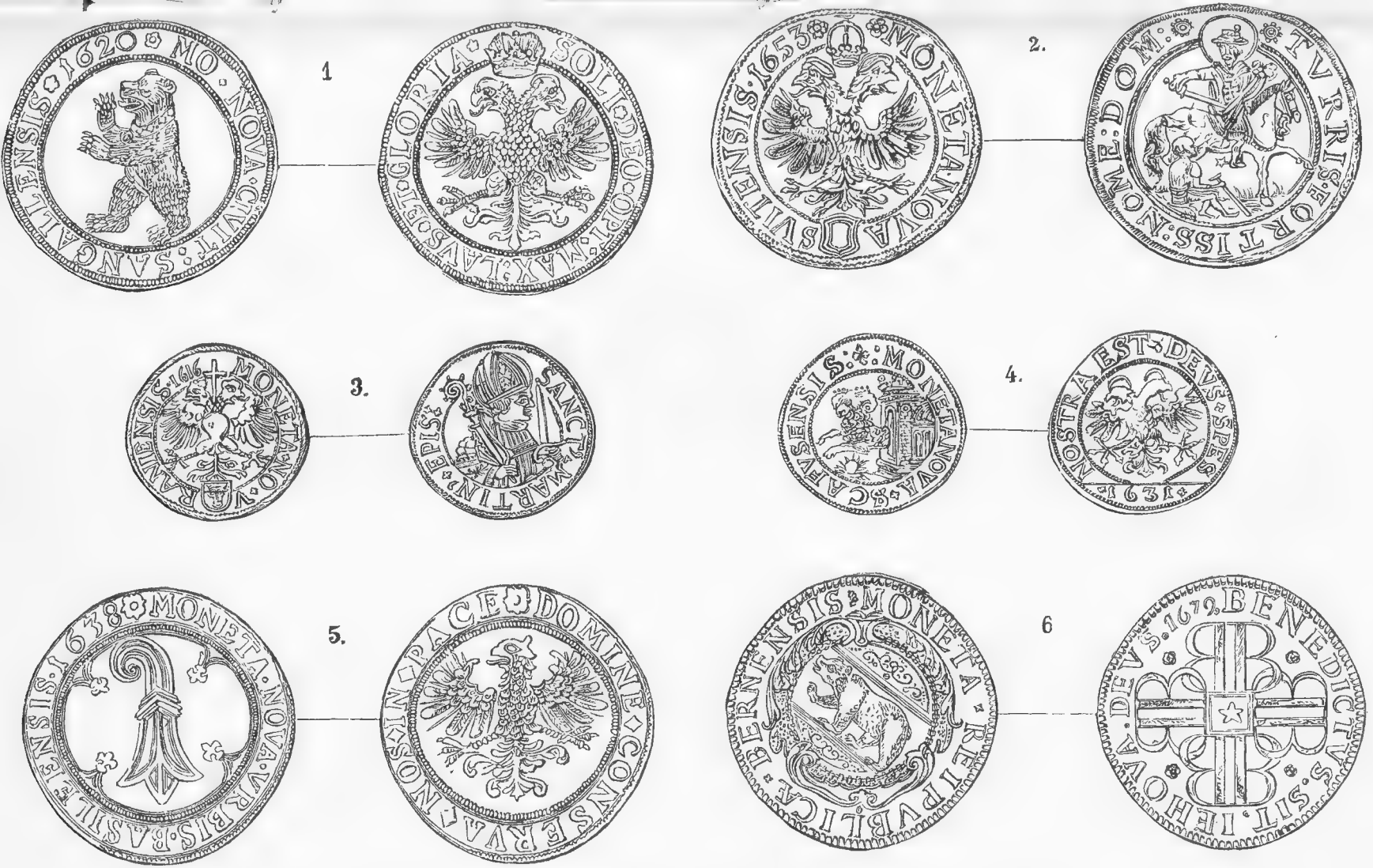
[1]) Эти камни оставались въ рукахъ швейцарскихъ полковниковъ до 1665 г., когда они были возвращены.

Въ договорахъ находились статьи, обезпечивавшія въ сосѣднихъ странахъ за швейцарцами права природныхъ жителей, но эта привилегія не соблюдалась. Австрія, нуждавшаяся въ деньгахъ не меньше Франціи, увеличила дорожныя пошлины, что вызвало сильное неудовольствіе среди крестьянъ.

Солдаты, вернувшіеся къ своимъ очагамъ, отвыкшіе отъ работы, наполняли таверны, гдѣ разсказывали о народныхъ движеніяхъ, свидѣтелями которыхъ они были въ Парижѣ; они говорили мятежныя рѣчи и возбуждали народъ противъ фогтовъ. Такимъ образомъ достаточно было благопріятнаго случая, чтобы гроза, глухо грохотавшая, разразилась. Денежный кризисъ завершилъ броженіе умовъ. Во время войны экю размѣнивался на 50 батценовъ, и Бернъ начеканилъ батцены, пятьдесятъ штукъ которыхъ равнялись одному экю; другіе кантоны поступили также. Когда экю упали до своей прежней цѣнности, отношеніе ихъ къ другимъ монетамъ измѣнилось, и возникла путаница, которая еще увеличивалась отъ того, что въ Швейцарію было ввезено фальшивыми монетчиками много итальянскихъ биллоновъ, помѣченныхъ ими чеканомъ Берна. Бернъ запретилъ принимать плату иностранной монетой и уменьшилъ стоимость батцена на половину (сентябрь 1652); Солотурнъ и Фрейбургъ уменьшили ее въ три четверти и потребовали, чтобы подати платились по старой таксѣ. Тогда вмѣшался сеймъ; различныя монеты были таксированы сообразно ихъ дѣйствительной стоимости, и были приняты мѣры для изъятія биллоновъ изъ обращенія. Это рѣшеніе, принятое безъ необходимыхъ предосторожностей, вызвало взрывъ негодованія, быстро распространившійся и захватившій половину Швейцаріи.

Энтлибухъ поднялъ знамя мятежа. Его гордый и храбрый народъ дорожилъ своими вольностями: онъ имѣлъ собственную печать, назначалъ своего главнаго капитана (Landespannermeister) и своихъ судей; но ему было мало этихъ преимуществъ; онъ завидовалъ, что вполнѣ понятно, полной независимости, которой пользовались его сосѣди въ Унтервальденѣ. Люцернское правительство обложило пошлиной охоту и рыбную ловлю, бывшія прежде свободными; оно требовало, чтобы обученіе мастерству велось у городскихъ мастеровъ; былъ учрежденъ налогъ на вино (Ohmgeld). Когда въ январѣ 1653 г. появилось постановленіе сейма относительно монетъ, депутаты долины спустились въ Люцернъ съ цѣлью испросить позволенія, чтобы, въ виду рѣдкости денежныхъ знаковъ, поземельныя подати платились натурой. Во главѣ депутаціи находился богатый крестьянинъ, знаменщикъ Іоганнъ Эмменеггеръ, человѣкъ серьезной и внушительной наружности.

Ихъ просьба была очень дурно принята. Капитанъ Кребзингеръ, ста-



Фиг. 25. Образчики монетъ, бывшихъ въ обращеніи въ Швейцаріи въ XVII вѣкѣ.
1. Сенъ-Галленъ (городъ). Талеръ 1620 г.—2. Швицъ. Талеръ 1653 г.—3. Ури. Дикенъ, или тестонъ, 1616 г.—4. Шаффгаузенъ. Дикенъ, или тестонъ, 1631 г.—5. Базель. Талеръ 1638 г.—6. Бернъ. Талеръ 1679 г. №№ 1—5 взяты изъ коллекцій г. Арнольда Мейера, изъ Женевы; № 6—изъ коллекціи г. П. Л. Стоблина, изъ Женевы.—Сенъ-Галленскій талеръ стоилъ приблизительно 5 фр. 40 с., базельскій—4 фр. 35, бернскій—5 фр. 24; тестонъ Ури стоилъ въ то-же время 1 фр. 40, а Шаффгаузена 1 фр. 35.

рый офицеръ, не признававшій иного права, кромѣ силы, выбранилъ крестьянъ, назвавъ ихъ вздорными людьми и пригрозилъ прибѣгнуть къ помощи итальянцевъ, чтобы привести ихъ къ порядку. Эти оскорбительныя слова вызвали чрезвычайное раздраженіе; не отвѣтивъ ничего на обиду, депутаты Энтлибуха отправились обратно въ свои деревни. Результатъ гнѣва крестьянъ не заставилъ себя ждать. Повѣренный, явившійся къ нимъ для наложенія ареста, былъ схваченъ; ему связали руки за спину, надѣли на голову соломенную корону, всунули въ ротъ ивовую уздечку, надѣли деревянную маску и водили его изъ деревни въ деревню подъ звуки дудокъ и барабановъ, сопровождаемыхъ свистками народа.

26-го января 1653 г. населеніе Энтлибуха отправилось процессіей, со священниками во главѣ и съ распущенными знаменами, въ часовню Heiligen-Kreuz, обычное мѣсто паломничества; тамъ подъ предсѣдательствомъ своего знаменщика Эмменеггера члены возмутившихся общинъ принесли клятву стоять за свои вольности. Ихъ превосходительства г. Люцерна потребовали, чтобы распорядители этой манифестаціи явились дать отчетъ въ ней. «Господа г. Люцерна», отвѣчали они, «на такомъ-же разстояніи отъ насъ, какъ мы отъ нихъ; мы ждемъ ихъ». Этотъ гордый отвѣтъ и возбужденное настроеніе другихъ фогтствъ и буржуазіи заставили ихъ превосходительства призадуматься. Они послали къ мятежникамъ шультгейсса Дулликера, отправившагося въ Энтлибухъ съ примирительными предложеніями въ сопровожденіи настоятеля капуциновъ и свиты. 15-го февраля вооруженные крестьяне Энтлибуха, числомъ 1400 человѣкъ, собрались въ Шупфгеймѣ для совѣщанія; они построились въ колонну по три человѣка въ рядъ и прошлись подъ звуки волынки; впереди шли три горца большого роста въ костюмѣ старыхъ швейцарцевъ (три Телля).

Полномочія шультгейсса Дулликера были обширны, но недостаточны для того, чтобы онъ могъ согласиться на всѣ требованія. Претензіи мятежниковъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, возросли: они уже не довольствовались отмѣной налога на скотъ и соль, но требовали уменьшенія на одну треть долговыхъ обязательствъ, прекращенія преслѣдованій, отмѣны судебныхъ взысканій и т. д. Замѣтимъ, что всѣ ихъ требованія были на экономической почвѣ и не касались ихъ политическихъ правъ.

Шультгейссъ тщетно боролся съ ихъ требованіями и вынужденъ былъ вернуться въ Люцернъ, не выполнивъ возложеннаго на него порученія. Едва онъ доѣхалъ до Люцерна, какъ уже вся страна заволновалась; люди Энтлибуха разсѣялись по фогтствамъ долины и привлекли ихъ на свою сторону: возстали Виллизау, Сурзе, Мюнстеръ, а также кантоны Бернъ и Солотурнъ. 26-го февраля въ Вольгаузенѣ, по приглашенію Эмменеггера,

собралась ландесгемейнде изъ сельскихъ общинъ; священники признали законность крестьянскихъ требованій, которыя были внесены въ протоколъ собранія. Люцернская буржуазія хотя и не принимала участія въ движеніи, но тоже волновалась; она требовала болѣе широкаго участія въ управленіи общественными дѣлами и привилегій на нѣкоторыя мастерства, которыми въ городахъ начали заниматься иностранцы.

Испуганные патриціи обратились за помощью къ конфедератамъ. На помощь тотчасъ же явились 500 человѣкъ изъ малыхъ кантоновъ и спасли ихъ отъ гибели, которой имъ грозили крестьяне. Эти послѣдніе прибывали тысячами; но, увидавъ, что стѣны заняты, они отступили и приняли предложенную имъ сдѣлку: Ohmgeld былъ удержанъ, но пониженъ, полномочія фогтовъ ограничены, союзъ общинъ разорванъ. И побѣдившіе мятежники въ безпорядкѣ, словно бѣглецы, поспѣшили къ своимъ очагамъ (18-го марта 1653).

Федеральный сеймъ собрался въ Баденѣ, и ему не о чемъ было бы толковать, если бы мятежъ, усмиренный въ Люцернѣ, не продолжался еще въ кантонахъ Бернъ, Солотурнъ и Базель; Ааргау волновался. Почти во всѣхъ деревняхъ крайніе—какъ прозвали себя инсургенты—брали верхъ надъ умѣренными, оставшимися вѣрными правительству. Ихъ превосходительства г. Берна прибѣгли для усмиренія мятежа къ романдскимъ отрядамъ: ваадтландцы, которые не могли особенно похвалиться отношеніемъ къ нимъ ихъ превосходительствъ, оказали имъ по своему добродушію серьезную поддержку, достойную нѣкоторой благодарности. Вмѣстѣ съ ними выступили отряды Женевы, Биля и Невшателя; Фрейбургъ, опасавшійся вторженія грюйерцевъ, не могъ оказать помощи. Сеймъ приказалъ навербовать 13000 человѣкъ. Протестантскіе кантоны: Цюрихъ, Базель, Шаффгаузенъ, Сенъ-Галленъ и Аппенцелль соединились вмѣстѣ для подавленія возмущенія и послали для переговоровъ цюрихскаго бургомистра І. Г. Вазера и цюрихскаго штатгальтера Гирцеля; эти послѣдніе добились отъ ихъ превосходительствъ нѣкоторыхъ уступокъ и имъ удалось довольно быстро привести къ повиновенію жителей Эмменталя и верхняго Ааргау. Сельскія общины Солотурна и Базеля тоже подчинились.

Но подъ пепломъ тлѣлъ еще огонь, и вскорѣ онъ разгорѣлся. Прокламація сейма, имѣвшая цѣлью запугать крестьянъ, глубоко ихъ оскорбила. Предводители возстанія, дорожившіе своимъ достоинствомъ и полагавшіе, что они были очень умѣренны въ своихъ требованіяхъ, обидѣлись на то, что къ нимъ отнеслись какъ къ подстрекателямъ и мятежникамъ. И къ тому же, говоритъ Вюльменъ, многіе деревенскіе короли неохотно отказались отъ своей роли: Виллизау выбралъ себѣ шультгейсса и не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы Люцернъ снова назначилъ шультгейсса; Христіанъ

Шиби назвался главнымъ командиромъ возстанія и сочинилъ новыя жалобы. Волненіе возобновилось; крестьянъ начали заманивать планомъ могущественной народной лиги. Ландесгемейнде собрались въ Виллизау (кантонъ Люцернъ), въ Зигнау (кантонъ Бернъ) и въ Обербухзитенѣ (кантонъ Солотурнъ); въ Листалѣ произошли волненія.

23 апрѣля въ Сумизвальде былъ созванъ сеймъ крестьянъ, туда отправилось около тысячи человѣкъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ Николай Лейенбергъ; онъ не былъ похожъ на вспыльчиваго и неосторожнаго Шиби; его краснорѣчіе покоилось на сознаніи права; его отецъ, который былъ анабаптистомъ, воспиталъ его въ благочестіи. Рядомъ съ нимъ заняли мѣста Эмменеггеръ, Галли, Биндеръ, энтлибухскій казначей и нотаріусъ Бреннеръ; это были уважаемые люди, но слишкомъ умѣренные для того, чтобы имѣть успѣхъ въ подобномъ предпріятіи, въ которое ихъ увлекала народная волна. Выраженія, въ которыхъ былъ составленъ проектъ договора, предложенный Лейенбергомъ собранію, были заимствованы изъ первыхъ союзныхъ договоровъ коренныхъ кантоновъ; въ немъ защищались какъ права сеньеровъ, такъ и права ихъ подданныхъ, цѣль союза заключалась въ уничтоженіи несправедливости и въ стремленіи къ процвѣтанію равенства.

Рѣшенія, принятыя въ Сумизвальде, были ратифицированы болѣе многочисленнымъ собраніемъ, состоявшимся 4-го мая въ Гутвилѣ, въ которомъ приняли участіе пять тысячъ крестьянъ. Это движеніе привлекло вниманіе французскаго посланника Ла Барда. Этотъ дипломатъ держалъ себя въ этомъ дѣлѣ двулично: онъ предложилъ свои услуги сеньеріи, а самъ въ то же время поддерживалъ сношенія съ лигой крестьянъ, которую въ тайнѣ подстрекалъ.

Лейенбергъ объѣзжалъ деревни верхомъ на лошади, одѣтый въ красный плащъ, вручонный ему инсургентами; со всѣхъ деревень сбѣгался народъ и снималъ передъ нимъ шапки, называя его королемъ крестьянъ; за нимъ слѣдовалъ конвой, охранявшій его.

Когда сеймъ, засѣдавшій въ Баденѣ, узналъ объ образованіи Гутвильской лиги, онъ былъ сильно взволнованъ и распорядился навербовать армію въ 25000 человѣкъ, которая была раздѣлена на три корпуса: первый, подъ командой цюрихца Конрада Вердмюллера, долженъ былъ оперировать въ свободныхъ фогтствахъ нижняго Ааргау; второй, подъ командой Цвейера изъ Ури, долженъ былъ занять территорію Люцерна; третій, подъ командой Сигизмунда фонъ Эрлаха, долженъ былъ усмирить возмущеніе въ Эмменталѣ и верхнемъ Ааргау. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, Лейенбергъ тоже воззвалъ къ народу; на его призывъ откликнулось болѣе 30000 человѣкъ. Шиби, желая разстроить планы сейма, предло-

жилъ, пока Эрлахъ не поспѣлъ еще собрать свои отряды, всѣми силами, бывшими въ распоряженіи лиги, атаковать Вердмюллера съ трехъ сторонъ: въ Меллингенѣ, Бубликонѣ и Бруггѣ; онъ надѣялся этимъ неожиданнымъ нападеніемъ отбросить цюрихцевъ за Рейссу. Когда онъ излагалъ свой планъ въ тавернѣ въ Лангенталѣ, его подслушалъ одинъ священникъ, передавшій его слова бернскимъ властямъ. Вердмюллеръ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ занять вершины Бубликона, гдѣ должно было произойти главное сраженіе.

Обманутый въ своихъ планахъ Лейенбергъ началъ переговоры съ ихъ превосходительствами, а чтобы придать своимъ предложеніямъ больше вѣса, онъ съ 20000 человѣкъ расположился лагеремъ передъ Берномъ въ Брейтенфельдѣ и Мурифельдѣ. Достойно замѣчанія, что этотъ случайный генералъ умѣлъ держать свои батальоны въ превосходной дисциплинѣ. Ворота Берна оставались открытыми; патриціи и буржуа входили и выходили и занимались своими дѣлами, какъ въ самое мирное время. Такъ какъ помощь не приходила, то сеньерія рѣшила начать переговоры и подписала договоръ, по которому крестьяне должны были вернуть все конфискованное ими за вознагражденіе въ 50000 франковъ, кромѣ того ихъ превосходительства обѣщали удовлетворить крестьянъ въ большей части ихъ требованій. Этотъ договоръ былъ заключенъ 24-го мая въ Мурифельдѣ; на другой день Лейенбергъ предъявилъ новыя требованія. Правительство снова начало переговоры; но вскорѣ оно узнало, что нетерпѣливо ожидаемые имъ ваадтландскіе отряды выступили для его освобожденія.

Наборъ ваадтландскихъ отрядовъ совершился не безъ затрудненій; лозаннскій бургомистръ І. П. Полье, приверженный интересамъ Берна, пригласилъ въ Лозанну депутатовъ отъ дворянъ и городовъ; это возобновленіе давно уже отмѣненныхъ ваадтландскихъ штатовъ возбудило въ ваадтландцахъ надежды, побудившія ихъ согласиться на испрашиваемую помощь. Однако, собраніе было очень бурное: многіе депутаты указывали на то, какъ неестественно подавать помощь противъ нѣмецкихъ общинъ, борющихся за свои вольности: Лозаннскій фогтъ обѣщалъ Ваадтланду отъ имени ихъ превосходительствъ, что ихъ повинности будутъ облегчены, городскія привилегіи увеличены, и за Ваадтландомъ будетъ признано право созывать собранія. Депутаты городовъ и дворянъ дали поймать себя на эти обманчивыя обѣщанія, упустили представлявшійся имъ случай вернуть себѣ независимость и добродушно согласились послать помощь. Вслѣдствіе этого 5000 ваадтландцевъ, подъ командой полковниковъ Дисбаха и Морло, поспѣшили на берега Аара и высвободили своихъ сеньеровъ и господъ изъ непріятнаго положенія, въ которое они попали.

Ущелье Гюмменъ было занято инсургентами; для преодолѣнія этого

препятствія лауненскій фогтъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ распустилъ слухъ, что Лейенбергъ перешелъ въ католичество. Бернскіе крестьяне ненавидѣли католиковъ, и эта клевета произвела желаемое дѣйствіе: крестьянскіе отряды разошлись, такъ что ваадтландскіе и невшательскіе отряды перешли Зингенъ; къ этому присоединилось прибытіе романдскихъ отрядовъ, что окончательно измѣнило теченіе событій; инсургенты удалились и направились на Ааргау. Такъ какъ Лейенбергъ не распустилъ солдатъ, то бернское правительство сочло себя свободнымъ отъ принятыхъ на себя по Мурифельдскому договору обязательствъ.

Въ то время какъ въ окрестностяхъ Берна происходили описанныя нами событія, отряды восточной Швейцаріи собрались 30-го мая въ Ааргау близъ Меллингена подъ командой Конрада Вердмюллера; они находились въ 6 километрахъ къ югу отъ Бадена, занятаго войскомъ Шиби. Предувѣдомленный, какъ было упомянуто выше, о планѣ этого послѣдняго, Вердмюллеръ выступилъ со своимъ войскомъ до восхода солнца и занялъ высоты; этимъ маневромъ онъ застигнулъ въ расплохъ тѣхъ, кто хотѣлъ застигнуть его, и нѣсколько сотенъ крестьянъ были окружены и вынуждены сдаться.

Отрядамъ Лейенберга удалось соединиться съ отрядами Шиби, такъ что численность крестьянской арміи достигла 20000 человѣкъ. Собравшись на лѣсистыхъ вершинахъ, господствующихъ надъ Брунегомъ, они спустились 3-го іюня сомкнутыми рядами на встрѣчу корпусу Вердмюллера, поджидавшему ихъ близъ Воленшвиля, не много не доходя Меллингена. Цюрихская артиллерія произвела большія бреши въ ихъ колоннахъ, но не остановила ихъ; борьба была упорная и длилась нѣсколько часовъ; но, когда крестьяне, проникшіе въ Воленшвиль, увидѣли вокругъ себя пылающія дома, ихъ сердца смягчились; они удалились и обратились съ просьбой объ однодневномъ перемиріи, которое и было имъ дано. Шиби хотѣлъ было, не дождавшись конца перемирія, напасть въ темнотѣ на цюрихцевъ во время ихъ сна, но болѣе честный Лейенбергъ воспротивился этому. 4-го іюня переговоры возобновились. Инсургенты ссылались въ свое оправданіе на Станцскій договоръ, но бургомистръ Вазеръ доказалъ имъ, что онъ не примѣнимъ къ данному случаю. Крестьяне Базеля, Солотурна и Ааргау приняли эти объясненія, смиренно подчинились имъ, сложили оружіе и разошлись по домамъ. Лейенбергъ во главѣ бернцевъ и Шиби во главѣ люцернцевъ отступили въ боевомъ порядкѣ: первый къ Лонгенталю, второй къ Люцерну.

Прибывъ къ мосту черезъ Гисликонъ, Шиби рѣшилъ остановиться и еще разъ испробовать военное счастье; но онъ былъ отброшенъ съ большой потерей ландаманомъ Цвейеромъ изъ Ури, занявшимъ люцернскую равнину (5-го іюня); три дня спустя Лейенбергъ былъ разбитъ при

Герцогенбухзе Сигизмундомъ фонъ Эрлахъ, выступившимъ съ отрядомъ въ 7000 иностранныхъ наемниковъ ему навстрѣчу (8 іюня 1653).

Пораженіе Гутвильской лиги было полное. Депутаты отъ кантоновъ собрались въ Цофингенѣ на военный совѣтъ для обсужденія приговора надъ инсургентами. Крестьяне Нижняго Ааргау были приписаны къ монастырю Меллингенъ; крестьяне Верхняго Ааргау были оставлены на произволъ ихъ сеньеровъ.

Кантональныя правительства, говоритъ Дагэ, восторжествовавъ надъ крестьянами, выказали столько же жестокости, сколько трусости во время опасности. Множество крестьянъ было брошено въ тюрьмы Берна, Базеля, Люцерна и вышли оттуда только для того, чтобы быть повѣшенными, четвертованными, обезглавленными, изгнанными или сосланными на каторгу. Менѣе замѣшанные подвергались ударамъ кнута и отрѣзанію языка; тѣ, имѣнія которыхъ не были конфискованы, должны были выплатить большія пени. Лейенбергъ, вернувшійся послѣ послѣднихъ сраженій къ себѣ въ Шёнгольцъ, былъ отведенъ въ Бернъ, съ деревянной шпагой на боку, повѣшенной на соломенномъ шарфѣ; послѣ двухмѣсячнаго тюремнаго заключенія онъ былъ обезглавенъ, а его четвертованное тѣло было выставлено на четырехъ главныхъ дорогахъ кантона. Такъ-то, говоритъ Вюльменъ, покончилъ жизнь человѣкъ, имѣвшій подъ своей командой 40000 человѣкъ и который не обезглавилъ ни одного изъ нихъ. Эмменеггеръ былъ повѣшенъ, Шибн убитъ послѣ жестокихъ пытокъ. Люцернскихъ буржуа вынудили вернуть дарованныя имъ концессіи. Базель подвергъ нѣкоторыхъ изъ подстрекателей къ мятежу смерти, другихъ сослалъ на галеры въ Венецію; Листаль лишился своихъ вольностей. Солотурнъ выказалъ больше милосердія и съ сожалѣніемъ выдалъ своихъ подданныхъ цофингенскому военному суду.

Послѣ этихъ жестокостей люцернское правительство вернуло общинамъ Энтлибуха ихъ вольныя граматы, а крестьяне принесли присягу вѣрности; люцернскимъ буржуа были тоже сдѣланы нѣкоторыя уступки. Въ Бернѣ приняли до нѣкоторой степени въ расчетъ жалобы народа: отъ фогтовъ было отнято право налагать пени безъ приговора суда, и было уничтожено право вывоза лошадей и крупнаго скота; одинъ фогтъ, провинившійся въ самовластіи, былъ смѣщенъ съ должности и изгнанъ; но за то были воспрещены крестьянскія сходки.

Всѣ кантоны рѣшили сложить большую часть расходовъ по усмиренію на правительство Солотурна, которое они обвиняли въ потворствѣ крестьянамъ. Солотурнъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы сопротивляться, и подчинился; но онъ отдѣлился отъ конфедератовъ и заключилъ непосредственный союзъ съ Людовикомъ XIV (1654). По этому случаю Дагэ

указываетъ на часто встрѣчающееся въ Швейцаріи стремленіе побѣжденной стороны искать поддержки за границей, что несовмѣстимо съ республиканскимъ достоинствомъ и національной честью. Впрочемъ, это замѣчаніе справедливо и относительно другихъ странъ; замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи въ Европѣ произошелъ значительный прогрессъ въ теченіе второй половины XIX-го вѣка.

ГЛАВА IV.

Первая Вильмергенская война.

Тщетная попытка замѣнить прежнія союзы однимъ общимъ.—Преслѣдованія швицкимъ правительствомъ протестантскихъ семей въ Артѣ.—Ходатайства цюрихцевъ въ пользу артскихъ протестантовъ отвергнуты Швицомъ.—Цюрихцы осаждаютъ Раппершвиль, а бернцы проникаютъ въ Аргау.—Пораженіе бернцевъ при Вильмергенѣ.—Баденскій договоръ (7 марта 1656).

Конфедеративныя государства продолжали держаться старыхъ союзныхъ договоровъ, несмотря на то, что часто нарушали ихъ; но, какъ мы видѣли, эти договоры не были единообразны. Къ тому же они были заключены въ то время, когда Швейцарія входила въ составъ имперіи, когда всѣ кантоны исповѣдывали католичество, и когда торговля и промышленность были мало развиты; они были уже непригодны при новомъ политическомъ положеніи Швейцаріи. Территорія Конфедераціи увеличилась, явились новыя нужды. Вальдштеттенцы, благодаря своему положенію и простотѣ своихъ пастушескихъ нравовъ, легче переносили недостатки организаціи, авторами которой они сами были. Для сохраненія религіозной независимости они заключили отдѣльные союзы съ другими католическими кантонами и иностранными государствами. Города съ своей стороны тоже искали поддержки извнѣ.

Протестантскія государства, движимыя чувствомъ истиннаго патріотизма, стремились замѣнить однимъ общимъ договоромъ отдѣльные договоры старыхъ союзовъ. Это было предложено на сеймѣ генераломъ Сигизмундомъ фонъ Эрлахъ и бургомистромъ Вазеромъ. Первый синдикъ Женевы Сарразенъ пошелъ еще дальше и заговорилъ объ образованіи центральнаго управленія, подобнаго тому, которое управляло Соединенными провинціями Голландіи. Сначала казалось, будто католическіе кантоны, за исключеніемъ Швица, готовы согласиться съ его предложеніемъ; но скоро они выдали свои сокровенныя мысли, не посовѣстившись

возобновить отдѣльные договоры. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда, благодаря одному случаю, возгорѣлась гражданская война.

Нѣсколько семей въ бургѣ Артъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали фонъ Госпенталь, давно уже присоединились къ реформаціи; они собирались на молитву въ уединенномъ домѣ, по названію Гумельгофъ, куда къ нимъ тайно пріѣзжали цюрихскіе пасторы. Несмотря на переодѣваніе священниковъ, эти тайныя сборища были замѣчены сосѣдями, которые донесли о томъ мѣстнымъ ксендзамъ и капуцинамъ. Швицское духовенство обратилось къ свѣтской власти за поддержкой въ преслѣдованіи этихъ семей, которыхъ они заклеймили прозваніемъ Никодимиты [1]).

Узнавъ о томъ, что ихъ собираются преслѣдовать, часть артскихъ протестантовъ, въ числѣ 36-ти человѣкъ, бѣжала въ ночь на 23 сентября 1655 г. въ кантонъ Цюрихъ. На другой день бургъ Артъ былъ занятъ военнымъ отрядомъ, и двадцать протестантовъ, не захотѣвшихъ бѣжать, были схвачены, закованы и отправлены въ Швицъ; въ числѣ другихъ была и богатая почти семидесятилѣтняя вдова Варвара фонъ Госпенталь, любимая всей страной за свою благотворительность; дѣти, стоявшія на ея пути въ тюрьму, рыдали; Варвара ласково сказала имъ: «Не плачьте обо мнѣ, милыя дѣти, путь, по которому я иду, ведетъ на небеса».

Швицкіе магистраты, подстрекаемые констанцскимъ епископомъ, оказались безжалостными къ своимъ соотечественникамъ-протестантамъ; они примѣнили во всей строгости законъ прошлаго вѣка, по которому всякій, пытавшійся ввести въ страну новую религію, подвергался смертной казни. Варвара фонъ Госпенталь была казнена на Вардгубѣ, близъ Швица, а также трое ея единовѣрцевъ: Мелькъ фонъ Госпенталь, Кёнель и Камеръ. Перваго изъ нихъ, которому было 52 года, пятнадцать разъ пытали, но онъ не произнесъ ни одной жалобы и не въ чемъ не признался; принимая смертельный ударъ, онъ сказалъ: «Да будетъ воля Господня». Другіе, считаемые менѣе виновными, были подвергнуты пыткѣ и выданы миланскому инквизитору. Имущество протестантовъ, оцѣненное въ 8000 флориновъ, было конфисковано.

Кантонъ Цюрихъ потребовалъ, чтобы семьямъ, нашедшимъ убѣжище на его территоріи, было возвращено ихъ имущество. Швицкіе магистраты оставались при своемъ рѣшеніи: «Вы наказываете вашихъ анабаптистовъ какъ мятежниковъ», говорили они; «мы такъ же поступимъ съ нашими».

---

[1]) Намекъ на то, что Никодимъ былъ тайнымъ послѣдователемъ Іисуса Христа.

Цюрихъ сослался на федеральный сеймъ; Швицъ настаивалъ на своей верховной власти. Города соединились для защиты своихъ единовѣрцевъ; католики, съ своей стороны, возобновили Золотую лигу (3 октября 1655).

Сеймъ, собравшійся въ Баденѣ, оказался не въ силахъ успокоить возбужденіе умовъ; напрасно французскій посланникъ пытался примирить Цюрихъ и Швицъ; обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Цюрихцы не забыли національнаго договора, послѣдовавшаго за второй Каппельской войной; они разсчитывали на успѣхъ, возлагая надежды на своего опытнаго генерала Рудольфа Вердмюллера.

Но бернцы и цюрихцы повторили тѣ же ошибки, что во время Каппеля; они дѣйствовали порознь, безъ предварительнаго соглашенія. Цюрихцы, подъ предводительствомъ Вердмюллера, первые начали кампанію; они заняли Тюргау, потомъ осадили Раппершвиль, собственность Сенъ-Галленскаго аббата. Этотъ городъ, ограждавшій входъ въ Швицъ, получилъ своевременно помощь отъ Лѣсныхъ кантоновъ и оказалъ неожиданное сопротивленіе. Бернцы, мобилизировавшіе свои отряды медленнѣе, выступили въ январѣ 1656 г., подъ предводительствомъ генерала Сигизмунда фонъ Эрлахъ, проникли въ Ааргау и расположились лагеремъ подъ Ленцбургомъ. Бернцы, полагавшіеся на свое численное превосходство, безпечно относившіеся къ опасности, увѣренные въ скоромъ мирѣ, не соблюдали должной дисциплины. Одинъ изъ ихъ корпусовъ, занимавшій Вильмергенъ, предавался грабежу и кутежамъ.

Люцернцы, подъ командой Христофора Пфиффера, извѣщенные о безпорядкѣ, царившемъ въ протестантскомъ лагерѣ, атаковали неожиданно бернцевъ и нанесли имъ подъ Вильмергеномъ памятное пораженіе (23-го января 1656). Въ тотъ моментъ, когда Пфифферъ готовился начать битву, онъ получилъ депешу отъ своего правительства; догадываясь, что въ ней заключается приказаніе подождать съ враждебными дѣйствіями, онъ рѣшилъ не вскрывать ее, пока не выиграетъ сраженія. Бернцы оказали сильное сопротивленіе, такъ что потеряли въ этомъ несчастномъ сраженіи около 600 человѣкъ; католики взяли у нихъ девять знаменъ и десять пушекъ, а потеряли едва 200 человѣкъ. Однако фонъ Эрлахъ могъ-бы еще вознаградить себя за это пораженіе, ибо часть его войска находилась въ резервѣ. Но вмѣшались нейтральные кантоны (Фрейбургъ, Солотурнъ, Базель, Шаффгаузенъ и Аппенцелль) и посланники французскій, савойскій, голландскій и англійскій. Рудольфъ ф. Рединтъ принудилъ Вердмюллера снять осаду съ Раппершвиля. Послѣ этого двойного пораженія Цюрихъ и Бернъ приняли предложенный имъ третейскій судъ. Третейскимъ судьей былъ выбранъ базельскій бургомистръ Ветштейнъ. Къ третейскимъ судамъ часто прибѣгаютъ для прекращенія несогласій, не раз-

рѣшая однако всѣхъ вопросовъ, вызвавшихъ несогласіе; къ нимъ охотно прибѣгаютъ противники, желающіе прекратить борьбу, представляющую больше неудобствъ чѣмъ преимуществъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Вопросъ, вызвавшій войну, а именно о свободной эмиграціи изъ одного кантона въ другой не былъ разрѣшенъ; было только рѣшено, что правительства, не заключившія раньше относительно этого вопроса никакого договора, будутъ поступать въ этомъ отношеніи какъ пожелаютъ. Мирный договоръ, подписанный въ Баденѣ 7 марта 1656 г., возстановилъ statu quo ante bellum. Такимъ образомъ конфедераты очутились въ положеніи, которое не было ни миромъ, ни войной, и которое протянулось больше полувѣка.

Католики не замедлили начать похваляться своимъ успѣхомъ. Было сочинено много презрительныхъ стиховъ, говоритъ г. Фрицъ ф. Мулиненъ, сохранившихся до нашихъ дней, въ которыхъ зло смѣялись надъ тѣмъ, какъ обсчитался «Медвѣдь».

ГЛАВА V.

Союзный договоръ съ Франціей, 24 сентября 1663 г.

Людовикъ XIV старается заключить союзъ съ тринадцатью кантонами.—Тринадцать кантоновъ посылаютъ посольство въ Парижъ для заключенія союза.—Торжественный пріемъ пословъ въ Парижѣ и празднества въ честь ихъ.—Участіе швейцарскихъ полковъ въ завоеваніи Фландріи и Франшъ-Конте.—Сеймъ приказываетъ войскамъ эвакуировать Франшъ-Конте.—Планъ обороны, принятый сеймомъ (Défensional) и отвергнутый католическими кантонами.—Вербовка свободныхъ отрядовъ для иностранной службы.—Походъ въ Голландію.—Нимвегенскій миръ.

Побудительной причиной примиренія, хотя и поверхностнаго, между католическими и протестантскими кантонами было желаніе народа и его правителей принять участіе въ международныхъ войнахъ въ качествѣ наемныхъ солдатъ. Наемъ швейцарскихъ солдатъ особенно развился при Людовикѣ XIV. Конфедераты охотно посылали ему своихъ солдатъ, потому что чувствовали себя въ безопасности отъ имперіи и Савойи подъ покровительствомъ этого могущественнаго монарха.

Швейцарскіе солдаты способствовали восшествію Генриха IV на французскій престолъ и защищали малолѣтняго Людовика XIV отъ посягательствъ членовъ фронды; между прочимъ они рѣшили побѣду, одержанную великимъ Конде надъ имперцами въ 1648 г. въ Ленсѣ; по окончаніи сраженія Конде представилъ королю бернскаго генерала І. Л. ф. Эрлаха со словами: «Вотъ человѣкъ, которому мы обязаны побѣдой».

Нѣсколько отдѣльныхъ союзовъ были заключены Людовикомъ XIV съ различными кантонами; первый союзъ заключилъ Солотурнъ въ 1654 г., его примѣру послѣдовали Фрейбургъ, Люцернъ и мелкіе кантоны. Но это не удовлетворяло великаго короля; онъ желалъ, чтобы всѣ тринадцать кантоновъ помогали ему въ его честолюбивыхъ замыслахъ, и не жалѣлъ стараній для достиженія этой цѣли. Его посланникъ, Ла Бардъ, наткнулся на большія затрудненія со стороны протестантскихъ кантоновъ. Зачѣмъ имъ было помогать государю, который преслѣдовалъ гугенотовъ, никогда не платилъ своихъ долговъ и не хотѣлъ обезпечить нейтралитетъ Франшъ-Конте?

Однако, несмотря на протестъ цюрихскаго бургомистра Вазера и базельскаго Ветштейна и бернскаго генерала ф. Эрлаха, оказавшихся сторонниками національной независимости, наступилъ моментъ, когда и города дали себя соблазнить заманчивыми предложеніями французскаго посланника. 24-го сентября 1663 г. Солотурнскій сеймъ, въ которомъ засѣдали тринадцать кантоновъ, подписалъ союзный договоръ, заключенный хотя и въ выраженіяхъ подобныхъ договору съ Генрихомъ IV, но имѣвшій въ зависимости отъ эпохи совершенно новое значеніе. Французскій дворъ смѣялся надъ дарованными раньше привилегіями; король оставлялъ за собою свободу опредѣлять численность набора и выбирать начальниковъ. Всѣ союзы, заключенные конфедератами съ 1521 г., должны были быть подчинены французскому союзу, какъ старѣйшему.

Послѣ подписанія этого договора тридцать шесть депутатовъ, съ бургомистромъ Вазеромъ во главѣ и въ сопровожденіи многочисленной свиты, отправились въ Парижъ для празднованія договоровъ, принятыхъ на себя кантонами. Бернскими делегатами были шультгейсъ Антонъ ф. Граффенридъ и знаменщикъ Буксъ; ихъ сопровождали ихъ сыновья и многочисленные совѣтники, Антонъ Археръ, Іаковъ Тиллье, Эммануилъ Штейгеръ, Антонъ Мерцъ, Даніилъ Лерберъ, І. Ф. Церъятъ и Іаковъ Виттенбахъ. Начиная съ границы, путешествіе совершалось на счетъ короля; всѣ делегаціи собрались въ Шарантонѣ. Придворные вышли на встрѣчу швейцарскимъ депутатамъ, которыхъ сопровождалъ Ла-Бардъ; по дорогѣ въ Винсенѣ былъ блестящій раутъ, на которомъ были провозглашены тосты за короля, его семью и за Конфедеративные Штаты. Парижскій губернаторъ въ сопровожденіи городского головы и старостъ вышелъ на встрѣчу швейцарцамъ, чтобы привѣтствовать ихъ; 9-го ноября 1663 г. они вступили въ столицу при пушечной пальбѣ, при громадномъ стеченіи народа. Слѣдующіе дни были посвящены всякаго рода увеселеніямъ. 11-го ноября вечеромъ швейцарскіе делегаты были отвезены въ королевскихъ каретахъ въ Лувръ. Герцогъ Энгьенскій ввелъ ихъ въ пріемную

залу, гдѣ Людовикъ XIV, окруженный принцами крови, привѣтствовалъ ихъ, обнаживъ голову. Онъ поздоровался за руку съ каждымъ изъ депутатовъ и поговорилъ съ бургомистромъ Вазеромъ. Затѣмъ делегаты были представлены королевѣ, королевѣ-матери и привѣтствовали маленькаго дофина. Маршалъ Граммонъ угостилъ ихъ представленіемъ труппы Мольера. Одинъ за другимъ слѣдовали банкеты и приглашенія къ герцогу Орлеанскому, великому Конде, Лувуа, Кольберу и Тюренню.

18-го ноября состоялось торжественное утвержденіе союза. Делегатовъ тринадцати кантоновъ отвезли въ королевскихъ каретахъ во дворецъ архіепископа, а оттуда они отправились въ сопровожденіи принца Конде и высшихъ придворныхъ сановниковъ въ соборъ Notre Dame. По правую руку короля стояли князья, маршалы и высшее духовенство, швейцарцы встали по лѣвую его руку. Церемонія началась мессой, на которой, конечно, делегаты протестантскихъ кантоновъ не присутствовали; затѣмъ посланникъ Ла Бардъ произнесъ похвальное слово конфедератамъ; послѣ него говорилъ бургомистръ Вазеръ, которому отвѣчалъ король. Кардиналъ держалъ евангеліе, на которое каждый изъ делегатовъ и король положили руки. Церемонія закончилась произнесеніемъ Te Deum. Во дворцѣ архіепископа былъ данъ банкетъ, на которомъ присутствовалъ дворъ, и король пилъ за здоровье своихъ союзниковъ. Пріемъ, оказанный представителямъ Швейцаріи, походилъ на тотъ, который былъ оказанъ ихъ предшественникамъ Генрихомъ IV, но въ немъ было больше этикета и меньше добросердечія.

Эта сцена была по приказу короля изображена на гобеленѣ, который сначала украшалъ одну изъ залъ Версаля, а потомъ, пройдя черезъ разныя руки, былъ пріобрѣтенъ въ 1896 г. Конфедераціей для Цюрихскаго національнаго музея.

Представителямъ кантоновъ были вручены золотыя цѣпи въ четыре ряда; бургомистръ Вазеръ, какъ глава посольства, получилъ еще болѣе тяжелую, которую можно было обернуть шесть разъ вокругъ его широкихъ плечъ; каждый изъ швейцарскихъ депутатовъ получилъ по 1020 ливровъ на путевыя издержки.

Заключенный такимъ образомъ союзъ хотя и былъ названъ оборонительнымъ, но въ тайномъ намѣреніи короля долженъ былъ въ дѣйствительности стать наступательнымъ. Немного лѣтъ спустя послѣ его подписанія, Людовикъ XIV предпринялъ свои великіе походы и не посовѣстился употребить швейцарскіе полки для завоеванія Фландріи и Франшъ-Конте. Когда въ январѣ 1668 г. конфедераты узнали, какъ король Франціи попралъ статьи договора, они были сильно встревожены; они не могли оставаться равнодушными къ занятію французской арміей

Франшъ-Конте, который они когда-то взяли подъ свое покровительство; сеймъ отдалъ приказаніе командирамъ швейцарскихъ полковъ эвакуировать Франшъ-Конте. Вскорѣ по мирному договору, заключенному въ Эксъ-ла-Шапелль, Людовикъ XIV вернулъ эту провинцію Испаніи, но съ задней мыслью окончательно завладѣть ею при первомъ случаѣ.

18-го марта 1668 г. Баденскій сеймъ занялся составленіемъ плана обороны восточной Швейцаріи. Было рѣшено имѣть на готовѣ, для занятія ея при первой тревогѣ, корпусъ въ 13400 человѣкъ и въ резервѣ еще два корпуса такой же величины, готовыхъ помочь первому въ случаѣ надобности. Старшіе офицеры для командованія этими корпусами должны были по очереди назначаться Цюрихомъ, Берномъ, Люцерномъ и Ури. Распоряженія относительно военныхъ дѣйствій должны были исходить отъ военнаго совѣта. Конфедераты, подтвердившіе на Баденскомъ договорѣ 1665 г. кантональное самодержавіе и отказавшіеся разсмотрѣть предложенія Вазера и фонъ Эрлаха, стремившихся тѣснѣе сплотить гельветскій союзъ, теперь почувствовали необходимость утвердиться какъ національное цѣлое. Эта новая военная организація, извѣстная подъ именемъ Défensional, принятая депутатами, присутствовавшими на сеймѣ, ad referendum, была, по наущенію нунція, отвергнута Швицомъ и другими католическими кантонами, какъ еретическое дѣло. Такъ-то нерѣдко папы, чтобы прочнѣе утвердить свою верховную власть, вносили раздоры по вопросамъ политическимъ, а когда ихъ образъ дѣйствія обращался противъ нихъ самихъ, они начинали кричать о преслѣдованіи католиковъ.

Поведеніе Людовика XIV оскорбило кантоны, и они не замедлили выказать это: шесть тысячъ наемниковъ отправились въ Миланъ; Бернъ далъ пропускъ испанцамъ; всѣ кантоны заявили императору о своей готовности защищать его пограничные города. Такъ какъ герцогъ Савойскій проявилъ намѣреніе напасть на Женеву, то Бернъ принялъ мѣры къ ея защитѣ.

Миръ, заключенный въ 1668 г. въ Эксъ-ла-Шапелль, былъ только перемиріемъ: Людовикъ XIV готовился возобновить враждебныя дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ. Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, онъ старался всяческими способами связать швейцарцевъ со своей политикой. Для того, чтобы помѣшать имъ идти на службу въ Голландію, куда стремились очень многіе, онъ издалъ постановленіе, что пенсіи будутъ платиться только тѣмъ швейцарцамъ, которые дадутъ письменное обязательство не поступать на службу Соединенныхъ провинцій. Фрейбургъ, Солотурнъ и большинство католическихъ кантоновъ уступили. Не то произошло въ протестантскихъ городахъ; тамъ образовались двѣ партіи: одна была за Францію, другая видѣла въ королѣ Людовикѣ XIV про-

тивника протестантовъ, котораго надо было остерегаться такъ же, какъ прежде Австріи. Въ Бернѣ обѣ партіи были равны и перевѣшивала то та, то другая. Въ концѣ концовъ предложенія, сдѣланныя тремя сѣверными государствами: Англіей, Голландіей и Швеціей были отвергнуты; тотчасъ же французскіе офицеры - вербовщики наводнили Бернъ, Базель и Солотурнъ.

Французскій дворъ пользовался въ дѣлѣ рекрутскаго набора услугами очень дѣятельнаго и беззастѣнчиваго агента; это былъ граубюнденскій офицеръ, родомъ изъ Кіавенны, Пьеръ Ступпа [1]). Условія, формулированныя въ капитуляціяхъ, были тягостны для Франціи; Людовикъ XIV старался обойти ихъ, и Ступпа навербовалъ вольные отряды, плата которымъ была ниже платы договореннымъ отрядамъ. Жители странъ подданныхъ и союзныхъ, не могшіе разсчитывать достигнуть высшихъ чиновъ въ договоренныхъ отрядахъ, съ радостью хватались за этотъ случаи, не обращая вниманія на угрозы владѣтельныхъ кантоновъ; отставные солдаты договоренныхъ полковъ вступали въ вольные отряды на сокращенное жалованье.

Въ виду такого несоблюденія королемъ договоровъ, кантонамъ ничего не оставалось, какъ или порвать съ нимъ, или принять новое положеніе вещей. По настоянію бернскаго дворянства, для котораго военная служба представляла единственное поле дѣятельности, правительство согласилось принять сокращенное жалованье, предложенное королемъ. Оппозиція тщетно требовала, чтобы протестантскихъ солдатъ не заставляли сражаться противъ ихъ единовѣрцевъ.

Остальные кантоны порицали Бернъ за его уступчивость; а затѣмъ всѣ, за исключеніемъ Цюриха, послѣдовали его примѣру. Въ награду за его услуги король назначилъ Ступпа командиромъ одного изъ четырехъ договоренныхъ имъ полковъ. Вскорѣ число солдатъ въ вольныхъ и регулярныхъ полкахъ достигло 25000 человѣкъ.

Когда Людовикъ XIV началъ походъ противъ Голландіи, среди солдатъ, набранныхъ въ протестантскихъ кантонахъ, проявилось сильное нежеланіе воевать противъ своихъ единовѣрцевъ. Когда стало очевиднымъ, что имъ придется идти въ аттаку, полкъ Эрлаха отказался выступить, ссылаясь на договоръ; но его заставили силой перейти Рейнъ; нѣкоторые изъ

---

[1]) Разсказываютъ, что однажды Лувуа сказалъ Людовику XIV въ присутствіи Ступпа: „Сиръ, золотыми экю, которыя ваше величество и ваши предшественники передавали швейцарцамъ, можно было-бы вымостить дорогу отъ Парижа до Базеля“. На это граубюнденскій офицеръ отвѣтилъ: „Сиръ, кровью, пролитою швейцарцами, можно было-бы наполнить каналъ отъ Базеля до Парижа“.

офицеровъ, въ томъ числѣ Николай Даксельгофферъ и его четыре сына, вернулись въ Швейцарію, что же касается отдѣльныхъ солдатъ, отказавшихся повиноваться, то они были безжалостно изрублены.

Слухи объ этомъ пробудили общественное мнѣніе въ Швейцаріи. Въ евангелическихъ кантонахъ проповѣдники рисовали опасность, угрожавшую протестантству и національной независимости. Даже въ католическихъ кантонахъ священники возмутились противъ вѣроломнаго образа дѣйствія французскаго двора. Въ Цугѣ давали пьесу казначея Виссенбаха: «Упадокъ Гельвеціи», въ которой авторъ вывелъ Телля, напрасно старающагося узнать швейцарцевъ въ людяхъ, которые, подобно Израилю, пляшутъ вокругъ золотого тельца. «Союзы», говорилъ народъ, «существуютъ не для того, чтобы мы помогали нападать на мирный народъ». Бернъ, уступая требованіямъ народа, вернулъ полкъ Эрлаха. Всѣ кантоны обѣщали помогать Франшъ-Конте.

Но колеблющіеся кантоны были неспособны выполнить своихъ рѣшеній. Во Францію продолжали отправляться все новые рекруты. Король, какъ-бы желая удовлетворить требованія Берна, перевелъ полкъ Эрлаха изъ Голландіи въ Каталонію, гдѣ ему пришлось сражаться со швейцарцами, находившимися на службѣ у Испаніи. Война приближалась къ границамъ Конфедераціи; послѣ того какъ по ея территоріи внезапно прошла нѣмецкая дивизія, направлявшаяся въ Франшъ-Конте, кантоны сговорились относительно защиты Базеля и содержанія по берегу Рейна оборонительнаго кордона.

Конецъ этому положенію вещей былъ положенъ Нимвегенскимъ миромъ въ 1678 г., но результаты его были довольно печальны для Швейцаріи: императоръ и Испанія уступили Франціи: первый—Фрейбургъ въ Брейсгау, вторая—Франшъ-Конте; съ этихъ поръ сосѣдомъ конфедератовъ становился могущественный монархъ вмѣсто слабаго и далекаго князя. Въ награду за услуги швейцарцевъ Людовикъ XIV оказалъ имъ честь, упомянувъ ихъ въ договорѣ. Постройка крѣпости Гунингенъ, пушки которой грозили Базелю, и внезапное завоеваніе Страссбурга въ мирное время, окончательно открыли глаза конфедератамъ на ихъ положеніе.

ГЛАВА VI.

Швейцарія становится убѣжищемъ изгнанниковъ.

Заступничество протестантскихъ кантоновъ за ваадтландцевъ Пьемонта, преслѣдуемыхъ герцогомъ Савойскимъ (1655). — Англійскіе цареубійцы ищутъ убѣжища въ Лозаннѣ и Вевэ (1660). — Отмѣна Нантскаго эдикта. — Исходъ пьемонтскихъ ваадтландцевъ и гугенотовъ; встрѣча, устроенная имъ швейцарскими городами. — Евангелическіе кантоны даютъ позволеніе на вербовку солдатъ на службу Голландіи, Англіи и Австріи. — Присутствіе эмигрантовъ оказываетъ вліяніе на развитіе нравовъ, промышленности и торговли въ романдской Швейцаріи.— Генрихъ Дюкенъ создаетъ флотъ на Женевскомъ озерѣ на счетъ бернскаго правительства.

Состраданіе къ несчастью, облегченіе участи бѣдствующихъ суть поступки, вытекающіе изъ благороднѣйшихъ чувствъ. Швейцарія, являвшая въ семнадцатомъ вѣкѣ печальное зрѣлище политическаго упадка, возвысилась въ глазахъ свѣта, ставши убѣжищемъ для изгнанниковъ.

Въ періодъ, послѣдовавшій за эпохой реформаціи, на религію смотрѣли, какъ на составную часть общественнаго права государства. Въ Англіи и во Франціи, въ Швейцаріи и въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Нидерландахъ и въ Швеціи, во всѣхъ концахъ Европы правительства относились недоброжелательно къ свободѣ вѣроисповѣданія; если кто не принадлежалъ, хотя бы внѣшнимъ образомъ, къ преобладающей религіи, то на него смотрѣли какъ на мятежника, недостойнаго верховнаго покровительства. Ни въ шестнадцатомъ, ни въ семнадцатомъ вѣкѣ не понимали идеи отечества, которое бы уважало права личности, какъ ее понимаютъ теперь; связь, создаваемая одинаковостью религіозныхъ взглядовъ, была сильнѣе связи по мѣсту рожденія и національности. Такимъ образомъ католическіе кантоны были въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Франціей и Испаніей, протестантскіе же кантоны поддерживали тѣсныя отношенія съ Голландіей и Англіей, изъ которыхъ одна пріобрѣла независимость большими жертвами, а другая перешла къ самому строгому пуританизму послѣ паденія Карла I, во время протектората Кромвелля. Высшій интересъ съ точки зрѣнія религіозной побуждалъ поддерживать протестантскія государства: поэтому, въ 1653 г., швейцарцы приняли участіе въ англо-голландской войнѣ; Голландія и Англія, съ своей стороны, явились посредниками между конфедератами въ 1656 г. послѣ Вильмергенскаго сраженія.

Выше (ст. 159) мы видѣли, какъ швейцарскіе города оказали покровительство жертвамъ Варѳоломеевской ночи. Тѣ же чувства заставили ихъ

превосходительствъ г. Берна, Цюриха, Базеля и Шаффгаузена вступиться передъ герцогомъ Карломъ-Эммануиломъ II Савойскимъ за ваадтландцевъ Пьемонта при обстоятельствахъ, заслуживающихъ упоминанія.

25-го января 1655 г., авдиторъ Гастальдо, главный хранитель святой вѣры, посланный съ этой цѣлью Е. К. В. герцогомъ Савойскимъ, приказалъ «всѣмъ частнымъ лицамъ, главамъ фамилій, исповѣдующихъ такъ называемую реформатскую вѣру, какого бы званія и положенія они ни были, безъ всякаго исключенія, жителямъ и владѣльцамъ долины Люзерна, удалиться изъ названныхъ мѣстъ и покинуть ихъ со своими семьями въ трехдневный срокъ и перебраться въ мѣстности и внутрь границъ, терпимыхъ Его Королевскимъ Величествомъ по его милости». Нарушителямъ грозила смерть; только отступничество могло ихъ спасти.

Этотъ жестокій эдиктъ и послѣдовавшія за нимъ избіенія естественно взволновали протестантскія страны: раздался крикъ негодованія; были назначены общія моленія въ храмахъ; были устроены сборы пожертвованій въ пользу несчастныхъ. Евангелическіе кантоны послали въ Туринъ посольство: полковника Гаврiила ф. Вейссъ [1]), К. ф. Бонштеттенъ изъ Берна; Саломона Гирцель изъ Цюриха, Бенедикта Социна изъ Базеля и Іоганна Стокара изъ Шаффгаузена, съ цѣлью добиться для ваатландцевъ Пьемонта свободы вѣроисповѣданія. Ихъ поддерживали въ ихъ просьбѣ Англія и Голландія. Послѣ долгихъ переговоровъ эдиктъ Гастальдо былъ отмѣненъ, и ваадтландцамъ были сдѣланы нѣкоторыя уступки.

Но, такъ какъ гарантіи не были соблюдены и съ 1663 г. начались преслѣдованія, то полковникъ Вейссъ былъ снова посланъ къ Туринскому двору. Въ 1665 г. протестантскіе кантоны обратились къ герцогу Савойскому со слѣдующимъ увѣщаніемъ:

Свѣтлѣйшій князь,

Насъ извѣстили, что подданные Вашего Королевскаго Величества, исповѣдующіе реформацію, надѣялись до настоящаго времени, что В. К. В., по примѣру своихъ предковъ, милостиво даруетъ имъ продолженіе свободы вѣроисповѣданія, а между тѣмъ, помимо и въ противность этой надеждѣ, насъ увѣдомили, что отъ нихъ требуютъ, чтобы они покинули свои жилища и переселились въ другія мѣста, чѣмъ подвергаютъ ихъ большому горю, непріятностямъ и страданіямъ. А такъ какъ общность

---

[1]) Этотъ Гаврiилъ ф. Вейссъ былъ унтерфогтомъ въ Лозаннѣ съ 1668 по 1674 г.; онъ получилъ чинъ полковника на службѣ Венеціанской республики; его отецъ, Самуилъ ф. Вейссъ (1571—1638), былъ генераломъ на шведской службѣ (См. ст. 223).

исповѣдуемой нами съ этими несчастными религіи заставляетъ насъ имѣть состраданіе къ ихъ печальному состоянію, то мы сочли нужнымъ представить В. К. В., со всѣмъ должнымъ почтеніемъ, наше настоятельное заступничество за этихъ несчастныхъ людей, ни мало не сомнѣваясь въ томъ, что В. К. В. окажетъ намъ при этомъ благосклонность и доброе отношеніе, которымъ подобаетъ быть между нами, какъ между хорошими сосѣдями. Поэтому молимъ В. К. В. взглянуть на упомянутыхъ злосчастныхъ Вашихъ подданныхъ сострадательнымъ окомъ и утвердить за ними свободу совѣсти, особенно въ виду того, что они, какъ то подобаетъ вѣрнымъ и настоящимъ подданнымъ, непреклонно оставались твердыми въ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ В. К. В. во всемъ, что не касается ихъ совѣсти, которая должна подчиняться законамъ одного только Бога, и что, слѣдовательно, они не выказали себя недостойными этой милости».

Аристократическій образъ правленія ихъ превосходительствъ часто подвергался порицанію; такъ будетъ справедливо указать на ихъ заботу объ общественномъ благѣ и мужество, съ которымъ они, не останавливаясь передъ препятствіями, заступались за угнетаемыхъ. Дай Богъ, чтобы наша современная демократія слѣдовала всегда этой благородной традиціи!

Когда въ 1660 г. Стюарты вновь вступили на престолъ, Карлъ II отомстилъ убійцамъ своего отца; много республиканцевъ было изгнано. Три старыхъ товарища Кромвелля прибыли въ Женеву: генералъ Эдмондъ Лодло [1]), одинъ изъ судей, судившихъ Карла I, канцлеръ Джонъ Лиль и Вильямъ Каулей. Женева, устрашенная угрозами французскаго двора, поддерживавшаго Стюартовъ, не посмѣла терпѣть въ своихъ стѣнахъ присутствіе англійскихъ изгнанниковъ. Эти обратились за покровительствомъ къ ихъ превосходительствамъ г. Берна, которые отнеслись къ нимъ милостиво и позволили имъ поселиться сначала въ Лозаннѣ, потомъ въ Вевэ, тамъ къ нимъ присоединились другіе англійскіе цареубійцы: Филипсъ, Лавъ, Голландъ, Броутонъ [2]) и др. Этимъ изгнанникамъ было оказано живое вниманіе, какъ преслѣдуемымъ единовѣрцамъ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ протестантскимъ кантонамъ пришлось заботиться объ участи политическихъ и религіозныхъ эмигрантовъ, и они проявили при этомъ истинно христіанскую любовь къ ближнему.

---

[1]) Лёдло приписываютъ сочиненіе мелодичнаго и популярнаго Bernermarsch'a.

[2]) Лёдло и Броутонъ были погребены въ церкви Св. Мартина въ Вевэ. Лиль былъ убитъ на площади Св. Франсуа въ Лозаннѣ убійцей, подкупленнымъ королевой Генріеттой, вдовой Карла I.

Монархія Бурбоновъ, укрѣпившаяся благодаря военнымъ успѣхамъ, становилась все болѣе и болѣе абсолютной; она отказалась отъ славнаго либерализма своего основателя и рѣшила терпѣть во Франціи только единую религію: статьи Нантскаго эдикта стали толковаться все въ болѣе и болѣе ограниченномъ смыслѣ. Кольберъ старался покровительствовать протестантамъ такъ долго какъ могъ; при этомъ онъ имѣлъ въ виду интересы Франціи, такъ какъ протестанты способствовали ея процвѣтанію своею торговой и промышленной дѣятельностью. Но именно то, что Кольберъ цѣнилъ ихъ бережливость и честность и назначалъ ихъ на правительственныя должности предпочтительно передъ другими, вызвало зависть: іезуиты, встревоженные значеніемъ, которое пріобрѣтали гугеноты, рѣшили погубить ихъ, и не было такой клеветы, которую бы они ни выдумали, чтобы отравить имъ существованіе.

Когда верхъ одержало вліяніе Лувуа, у кальвинистовъ былъ отнятъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, они перестали получать повышенія по арміи, ихъ академіи были закрыты; церквамъ было запрещено сноситься между собой; храмы закрывались подъ ничтожнымъ предлогомъ; при посредствѣ эдикта, дававшаго дѣтямъ съ семилѣтняго возраста право отречься отъ протестантства и лишившаго родителей, въ случаѣ склонности дѣтей къ католицизму, права воспитывать дѣтей, достигли того, что многіе юноши перешли въ лоно римской церкви. Когда при помощи этого гнуснаго пріема многіе перешли въ католичество, королю доложили, что исповѣдующихъ реформацію осталось очень немного, и что Нантскій эдиктъ не имѣетъ достаточнаго основанія для своего существованія. Это случилось какъ разъ тогда, когда Людовикъ XIV, ведшій раньше весьма безпутную жизнь, почувствовалъ вдругъ угрызенія совѣсти; его стали убѣждать, что онъ дастъ доказательство своего раскаянія, уничтоживъ ересь во Франціи, и онъ 18-го октября 1685 г. отмѣнилъ Нантскій эдиктъ. Тотчасъ былъ изданъ приказъ пасторамъ покинуть королевство въ пятнадцатидневный срокъ; всѣмъ же остальнымъ протестантамъ было запрещено эмигрировать подъ угрозой галеръ для мужчинъ и вѣчнаго заточенія — для женщинъ. Напрасно представляли королю на видъ несправедливость этого приказа.

Несмотря на жестокія гоненія, устроенныя Лувуа, протестанты тысячами покидали свои пепелища и искали на чужбинѣ почвы болѣе гостепріимной, чѣмъ Франція. Еще раньше уничтоженія Нантскаго эдикта, протестантское вѣроисповѣданіе было, несмотря на договоры, подвергнуто гоненію въ странѣ Гексъ. Женевцы гостепріимно открыли двери своимъ прежнимъ подданнымъ; Франція потребовала было изгнанія ихъ, но Бернъ и Цюрихъ изъявили готовность защищать Женеву.

Впрочемъ, бѣгство изъ Франціи началось до уничтоженія Нантскаго эдикта и длилось нѣсколько лѣтъ; бѣглецы, которымъ удавалось избѣгнуть бдительности королевскихъ слугъ при помощи разнообразнѣйшихъ переодѣваній, толпами прибывали въ Женеву и Ваадтландъ. Ихъ было такъ много, что Бернъ принужденъ былъ приказать большинству изъ нихъ двигаться дальше, чтобы уступить мѣсто новымъ пришельцамъ; однажды въ Лозаннѣ ихъ собралось болѣе двухъ тысячъ; всѣ на перебой помогали имъ. Германія великодушно предложила принять часть изгнанниковъ; съ 1683 г. по 1685 г. болѣе 15000 человѣкъ были туда направлены на счетъ протестантскихъ городовъ.

Въ теченіе XVII-вѣка около 60000 французовъ переселились въ Швейцарію; они были главнымъ образомъ съ юга Франціи; гугеноты сѣверныхъ провинцій королевства бѣжали въ Голландію, въ Англію и въ Германію.

Присутствіе французскихъ эмигрантовъ произвело черезъ нѣсколько лѣтъ большія перемѣны въ нравахъ большинства городовъ романдской Швейцаріи. «Среди эмигрантовъ», говоритъ Вердейль [1]), «было нѣсколько дворянскихъ семей, внесшихъ французскій лоскъ и изящество, которыми отличались въ восемнадцатомъ вѣкѣ жители Лозанны; ученые, пасторы, ораторы, литераторы внесли любовь къ наукѣ. Одинъ изъ нихъ, юрисконсультъ Барбейракъ, сдѣлался профессоромъ Лозанской академіи и придалъ новый блескъ этому учрежденію. Протестанты другихъ классовъ способствовали развитію промышленности въ городахъ, въ которыхъ они поселились. Французы положили начало шляпному мастерству, типографскому дѣлу, гончарному производству, ситцевымъ, бумажнымъ, чулочнымъ фабрикамъ, кожевеннымъ заводамъ; иные открыли лавки и занялись различными производствами, способствуя этимъ благосостоянію Лозанны и другихъ городовъ. До прибытія въ Ваадтландъ французскихъ протестантовъ внутренняя торговля велась тамъ разносчиками, и весь товаръ доставлялся изъ Базеля, Цюриха или Женевы. Это измѣнилось, благодаря дѣятельности эмигрантовъ, возбудившихъ сильное соревнованіе во всѣхъ отрасляхъ торговли и даже земледѣлія, которое подверглось серьезнымъ усовершенствованіямъ благодаря духу предпріимчивости французскихъ крестьянъ, которые тоже покинули свои хижины, ища у насъ религіозной свободы, къ которой они стремились».

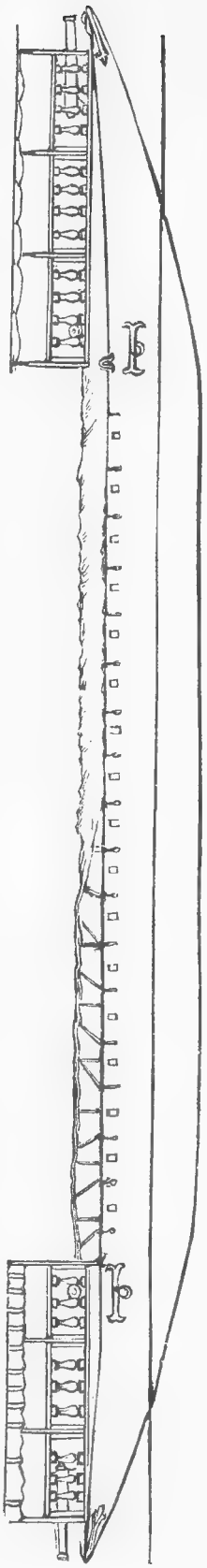
Сынъ знаменитаго Дюкеня, морякъ какъ и отецъ, пріобрѣлъ баронію Обоннъ; ихъ превосходительства поручили ему создать флотъ на Женевскомъ озерѣ для защиты ваадтландскаго берега и Женевы. Онъ выстроилъ въ Моржѣ портъ, который долженъ былъ служить мѣстомъ защиты

[1]) A. Verdeil, Histoire du canton de Vaud.

и сборища бернскихъ галеръ. Галеры были въ двадцать одинъ метръ длины, двѣнадцативесельныя, съ двадцатью четырьмя гребцами, тремя пушками и шестью двойными аркебузами, въ каждой изъ нихъ могли помѣститься кромѣ экипажа 400 пѣхотинцевъ. (См. фиг. 26). Барки, бригантины, суда и большія лодки рыбаковъ были переписаны; лодочники и рыболовы были изъ милиціи переведены во флотъ.

Французы заплатили такимъ образомъ долгъ благодарности пріютившей ихъ странѣ, способствуя ея благосостоянію и оборонѣ. Изгнанія, возбудившія общественное мнѣніе противъ Франціи, принесли ей ущербъ, такъ какъ ремесла, въ которыхъ она отличалась, теперь распространились въ чужихъ странахъ. Къ тому же, благодаря бракамъ, эмигранты влили въ швейцарцевъ новую кровь.

Къ концу XVIII-го вѣка духъ терпимости одержалъ верхъ во Франціи, и протестантамъ было возвращено право гражданства; часть потомковъ эмигрантовъ вернулась въ свое отечество, гдѣ они, благодаря своимъ качествамъ, выдѣлились на всѣхъ поприщахъ: въ торговлѣ, промышленности, магистратурѣ, военной службѣ, наукѣ, литературѣ и т. д.; съ тѣхъ поръ они заняли тамъ выдающіяся мѣста и даже нерѣдко вызывали зависть. Но отъ своего пребыванія заграницей и своего протестантскаго образованія они сохранили нѣкоторую особую окраску: будучи хорошими патріотами, доводившими иногда любовь къ Франціи до шовинизма, они, однако, не дошли до полнаго сліянія съ націей. На стилѣ ихъ писателей отражается ихъ образъ мысли, среди католиковъ онъ характеризуется именемъ «стиль эмигрантовъ», что является несправедливой ироніей, ибо не слѣдуетъ забывать, что благодаря сношеніямъ фран-



Фиг. 26. Бернская галера XVII вѣка. Взято изъ Vieux Lausanne, художника К. Вюльерме, по оригиналамъ, снятымъ съ бернскихъ архивовъ г. Эд. фонъ-Родтъ.

цузскихъ протестантовъ съ романдской Швейцаріей явились такіе первоклассные писатели, какъ Руссо, M-me де Сталь, Бенжаменъ Констанъ.

Деспотическій образъ дѣйствія Людовика XIV вызвалъ коалицію Англіи, Голландіи, имперіи и Испаніи, и двѣ войны, закончившіяся Рисвикскимъ (1697) и Утрехтскимъ (1713) договорами. Людовику XIV удалось возвести одного изъ своихъ внуковъ на испанскій престолъ; но послѣдніе годы его жизни были омрачены цѣлымъ рядомъ неудачъ: онъ потерялъ часть завоеваній, сдѣланныхъ вначалѣ его царствованія, и, когда онъ умиралъ, истощенная Франція не пользовалась уже тѣмъ благосостояніемъ, котораго она достигла при Кольберѣ.

Отмѣна Нантскаго эдикта была не только несправедливостью, но и ошибкой, а это въ глазахъ нѣкоторыхъ политикановъ гораздо важнѣе. Преслѣдованіе гугенотовъ лишило Францію престижа, которымъ она пользовалась въ протестантскихъ кантонахъ.

Два уважаемыхъ магистрата: цюрихскій бургомистръ Эшеръ и бернскій знаменщикъ Даксельгоферъ, посланные въ Парижъ съ требованіемъ выдачи Женевѣ десятины, секвестрованной въ странѣ Гексъ, не были приняты королемъ; въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, они не приняли ни золотыхъ цѣпей, ни предложенныхъ имъ денегъ, ни даже портрета короля. Вскорѣ послѣ того Вильгельмъ III, вступившій послѣ революціи 1688 г. на англійскій престолъ, послалъ въ Швейцарію пословъ, которые были любезно приняты протестантскими кантонами, не взирая на неудовольствіе, которое ихъ присутствіе вызывало во французскомъ королѣ.

Нѣсколько полковъ были завербованы различными государствами; нѣкоторые отправились въ Голландію; одинъ полкъ, набранный въ Ваадтландѣ, отправился подъ командой Жана де Сакконэ въ Пьемонтъ, двѣ тысячи человѣкъ нанялись на австрійскую службу и участвовали въ оборонѣ Шварцвальда. Во время борьбы между Франціей и коалиціей швейцарцы сражались другъ противъ друга. Съ этого времени полки на иностранной службѣ отказались отъ своего обычнаго костюма и стали носить красное платье, явившееся съ этихъ поръ ихъ отличіемъ; нѣкоторые корпуса бросили также пики, которыя они до тѣхъ поръ имѣли, и замѣнили ихъ штыками, прикрѣпленными на концѣ пищалей.

Французскіе гугеноты не успѣли перейти еще Рейна, когда новыя гоненія привели въ Швейцарію новыя жертвы. По наущенію Людовика XIV герцогъ Савойскій рѣшился искоренить ересь въ своемъ государствѣ: пятнадцать дней были даны ваадтландцамъ Пьемонта для выбора между отступничествомъ и изгнаніемъ. Напрасно бернскіе и цюрихскіе послы ходатайствовали за нихъ. Въ первыхъ числахъ 1687 года три тысячи

эмигрантовъ изъ ваадтландскихъ долинъ прибыли черезъ Савойю въ Женеву и въ Ваадтландъ подъ предводительствомъ своего капитана Якова Буржуа и своего пастора Генриха Арно. Въ то время въ Швейцаріи былъ неурожай. Но эти несчастные не имѣли ничего, среди нихъ было много больныхъ, они не знали, куда имъ дѣваться, а была середина зимы: богатые и бѣдные раздѣлили съ ними свои жилища и хлѣбъ. «Богъ, говорили они, посылаетъ ихъ намъ для испытанія вѣры».

Когда наступила весна, ваадтландцевъ направили въ Бранденбургъ, Вюртембергъ и Пфальцъ, гдѣ швейцарскіе города выхлопотали для нихъ убѣжище. Когда въ 1688 г. вспыхнула война между Франціей и имперіей, войска Людовика XIV разграбили Пфальцграфъ; жилища, которыя эмигранты только что себѣ выстроили, были сожжены. Ваадтландцы страстно желали вернуться въ свое отечество и рѣшились сдѣлать все возможное, чтобы добраться до него. Назначивъ свиданіе на берегахъ Женевскаго озера, они собрались въ Пранженѣ, близъ Ніона; затѣмъ подъ командой Арно они переправились черезъ озеро и Альпы и произвели «славное вступленіе» въ свои дорогія долины, откуда они изгнали пьемонтцевъ (25 августа 1689). Герцогъ Савойскій, которому надоѣлъ союзъ съ Франціей, только что порвалъ съ Людовикомъ XIV и простилъ ваадтландцевъ съ условіемъ, что они будутъ сражаться подъ его знаменами, на что они съ радостью согласились. Эдиктъ, поручителями котораго явились протестантскіе кантоны, утвердилъ за ними право исповѣдывать ихъ религію.

Французскіе кальвинисты были менѣе счастливы: ихъ изгнаніе длилось болѣе столѣтія. Потребовалась французская революція для исправленія этой великой несправедливости; тогда оправдался слѣдующій текстъ Писанія: «грѣхъ отцовъ падаетъ на дѣтей до третьяго и четвертаго рода»; многія жертвы террора могли, идя на эшафотъ, сказать себѣ, что ихъ предки когда-то сочувствовали или безмолвно соглашались на жестокости Людовика XIV; а католическое духовенство въ свою очередь испытало преслѣдованія, подобныя тѣмъ, которыя оно, въ дни своего торжества, не побоялось навлечь на гугенотовъ.

ГЛАВА VII.

Нейтралитетъ Савойи. — Участіе швейцарскихъ наемныхъ солдатъ въ войнѣ за испанскій престолъ.

Война за испанскій престолъ.—Конфедерація объявляетъ себя нейтральной.—Бернъ вербуетъ отряды для защиты швейцарской границы, которой угрожаетъ маршалъ де Вильяръ.—Герцогъ Савойскій присоединяется къ коалиціи, направленной противъ Франціи, онъ проситъ сеймъ признать нейтралитетъ Шабле и взять эту провинцію подъ свое покровительство.—Нерѣшительность сейма.—Швейцарскіе наемные солдаты участвуютъ въ обоихъ лагеряхъ въ битвѣ при Гохштедтѣ, а послѣ тщетной просьбы Людовика XIV о посредничествѣ конфедератовъ, также въ битвѣ при Рамильи.—Французы прекращаютъ осаду Турина и уводятъ войска изъ Савойи.

Вопросъ о нейтралитетѣ Савойи, столь волновавшій общественное мнѣніе съ 1815 по 1860 г., былъ впервые поднятъ изъ-за тѣхъ же причинъ вначалѣ XVII-го вѣка. Во всѣ времена французы и австрійцы готовы были при всякомъ предлогѣ напасть на Италію; долина р. По была много разъ потоптана ихъ эскадронами. Самый короткій путь для арміи, направлявшейся изъ Ліона въ Миланъ или изъ Ломбардіи во Франшъ-Конте, шелъ черезъ Фосиньи и черезъ Шабле и Валлисъ; поэтому герцогъ Савойскій и конфедераты были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы предохранить себя отъ этой случайности.

Въ 1700 г. Карлъ II, король Испанскій, оставилъ свой престолъ въ наслѣдство Филиппу Анжуйскому; Англія, Голландія и Имперія, страшась возрастанія могущества дома Бурбоновъ, противупоставили внуку Людовика XIV второго сына императора Леопольда,—Карла Австрійскаго. Баварія и Савойя заявили, что останутся нейтральными. Когда обѣ партіи обратились къ Швейцаріи, то сеймъ отказался признать котораго либо изъ кандидатовъ и объявилъ гельветскую территорію нейтральной (2 сентября 1700).

Вспыхнула война.

Армія маршала де Вильяра приблизилась къ швейцарской границѣ. Императоръ, боясь хитрости, послалъ къ кантонамъ генерала Пемъ де Сенъ-Сафорена [1]), который предложилъ имъ принять мѣры для защиты

[1]) Генералъ Франсуа-Луи де Пемъ де Сенъ-Сафоренъ происходилъ изъ семьи, пользовавшейся извѣстностью въ Ваадтландѣ во времена владычества Савойскаго дома. Онъ очень молодымъ поступилъ на службу Голландіи, потомъ отличался въ Австріи то какъ генералъ, то какъ дипломатъ; онъ оказалъ важныя услуги Пруссіи въ вопросѣ о Невшателѣ,

границы. Католическіе кантоны отказались отъ этого. Бернъ, напротивъ, приказалъ мобилизировать корпусъ для охраны своего нейтралитета. Патріотизмъ, одушевлявшій Ваадтландъ, и ревность къ дѣлу реформаціи, проявляемая его дворянствомъ, буржуа, учеными, духовенствомъ, всѣмъ населеніемъ, внушили самоувѣренность бернскому правительству. Не обращая вниманія на требованія Людовика XIV, бернскіе совѣты послали войска на Рейнъ и заняли Линдау, чтобы защитить города Шварцвальда; такимъ образомъ они встали на сторону враговъ великаго короля и вернули своей республикѣ уваженіе, которымъ она пользовалась въ Европѣ во времена бургундскихъ войнъ. Пемъ де Сенъ-Сафоренъ много способствовалъ этому повороту и больше чѣмъ кто-либо способствовалъ отдѣленію Берна отъ французской партіи. Онъ добился нейтралитета Шабле и Фосиньи, и ему удалось отнять у католическихъ князей дома Бурбоновъ графство Невштатель; господство надъ этой страной было поручено протестантскому дому, достаточно сильному для ея защиты и слишкомъ отдаленному для того, чтобы угнетать ее.

Если мы сравнимъ политическое положеніе Европы въ концѣ царствованія Людовика XIV съ ея положеніемъ въ эпоху Тридцатилѣтней войны, то увидимъ, что роли перемѣнились. Въ началѣ XVII вѣка австрійскій домъ стремился подавить реформу и достигнуть всемірной власти, Франція же поддерживала протестантскихъ князей. Пятьдесятъ лѣтъ спустя французскій домъ началъ яростно преслѣдовать гугенотовъ, а Габсбурги составили союзъ съ протестантскими государствами, съ цѣлью помѣшать развитію могущества Бурбоновъ. Въ сущности судьба того или другого вѣроисповѣданія мало интересовала этихъ неограниченныхъ монарховъ за границами ихъ государствъ; они стремились только заглушить духъ независимости въ своихъ подданныхъ. Что-же касается папы, то онъ

затѣмъ былъ представителемъ кантона Бернъ на Утрехтскомъ конгрессѣ. Назначенный голландскимъ посланникомъ въ Бернъ, онъ успѣлъ разрушить интриги и подкопы католическихъ государствъ и кантоновъ во время послѣдней Вильмергенской войны.

Онъ родился въ замкѣ Сенъ-Сафоренъ на Моржѣ въ 1668 г. и умеръ тамъ же въ 1738 г. Мало кто изъ швейцарцевъ особенно изъ ваадтландцевъ сдѣлалъ столь блестящую карьеру; съ военными и дипломатическими талантами, говоритъ г. Вердейль, онъ соединялъ здравый твердый умъ и честное сердце.

Онъ оставилъ послѣ себя мемуары и драгоцѣнные манускрипты, принадлежащіе фамиліи Местраль, находящейся въ родствѣ съ его фамиліей; если-бы эти еще неизданные документы, говоритъ Вердейль, стали извѣстными, они освѣтили бы причины различныхъ историческихъ событій.

поддерживалъ неограниченную власть, пользуясь ею какъ союзникомъ для возвращенія въ лоно Церкви стада, отнятыя у нея реформой; при дворѣ какъ Людовика XIV, такъ и Фердинанда II, мы встрѣчаемъ іезуитовъ въ качествѣ совѣтниковъ монарховъ и подстрекателей къ преслѣдованіямъ.

Въ продолженіе войнъ XVII-го вѣка эмиссары обоихъ государствъ постоянно старались склонить Швейцарію на свою сторону. Но внутренніе раздоры заставляли ее оставаться нейтральной и не позволяли ей мечтать о расширеніи своихъ границъ; она снабдила наемными войсками обѣ сражавшіяся стороны, благодаря чему швейцарцамъ пришлось сражаться противъ швейцарцевъ же подъ соперничествующими знаменами.

Нейтралитетъ Конфедераціи сталъ вѣчнымъ и гарантированнымъ только послѣ рѣшеній Вѣнскаго конгресса. Въ семнадцатомъ же вѣкѣ, какъ и раньше въ 1546 г., это былъ случайный нейтралитетъ; во время Тридцатилѣтней войны, затѣмъ въ моментъ, когда возгорѣлась война за Испанскій престолъ, Швейцарія высказываетъ уже стремленіе къ вѣчному нейтралитету какъ принципу свободной политики. Этотъ осторожный образъ дѣйствія имѣлъ большія преимущества и былъ желателенъ и для другихъ государствъ.

Послѣ неудачъ Франціи, Викторъ-Амедей перешелъ въ лагерь коаліціи. Тогда Савойѣ стала грозить опасность, и ея флотъ укрылся въ портѣ Моржъ. Герцогъ отправилъ спра де Меллареда умолять кантоны позволить ему сдѣлать вербовку солдатъ; онъ предложилъ имъ занять Шабле и потребовать признаніе береговъ Женевскаго озера нейтральными (январь 1704). Но, прежде чѣмъ этому послу удалось исполнить возложенное на него порученіе, герцогъ де Ла Фейльадъ напалъ на Савойю. Узнавъ объ этомъ, Бернъ и Фрейбургъ отправили пословъ къ французскому маршалу въ Шамбери. Отъ имени этихъ двухъ республикъ фонъ Муральтъ и Фегели сказали передъ представителемъ великаго короля рѣчь, не лишенную смѣлости: «Съ тѣхъ поръ какъ наши предки завоевали независимость, ихъ правиломъ было не допускать, чтобы области, примыкающія къ ихъ владѣніямъ, были подъ властью одного государя. Не заставляйте же насъ оказать помощь Виктору-Амедею, на которую онъ имѣетъ право на основаніи нашихъ договоровъ. Прекратите ваши военныя дѣйствія, пока не соберется сеймъ и не приметъ надлежащихъ мѣръ для обезпеченія нейтралитета Савойи». Герцогъ де Ла Фейльадъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ никакихъ приказаній отъ короля касательно ихъ требованій.

Сеймъ собрался, но выказалъ колебаніе и нерѣшительность. Между тѣмъ какъ протестантскіе кантоны все тѣснѣе сближались съ Голландіей,

католическіе кантоны позволили тремъ полкамъ, отданнымъ на службу Испаніи, перейти на службу Франціи. Согласно обычаю, Меларедъ обратился съ рѣчью къ сейму: «Вы потребовали,—сказалъ онъ,— «признанія нейтралитета шварцвальдскихъ городовъ, потребуйте того же и для Савойи; ибо одинакая опасность требуетъ одинакихъ мѣръ предосторожности. Если вамъ нужны доказательства довѣрія къ вамъ вашего стараго союзника, такъ знайте, что Его Высочество согласенъ на присоединеніе праваго берега озера къ вашимъ кантонамъ, и что онъ заранѣе готовъ содѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, которыя Гельветская Конфедерація приметъ въ интересахъ своего спокойствія».

Французскій посланникъ, съ своей стороны, тоже не бездѣйствовалъ. Депутаты отъ кантоновъ, приглашенные въ Солотурнъ, были приняты тамъ великолѣпно; имъ щедро уплатили путевыя издержки, одни только депутаты отъ Цюриха и Берна отказались отъ этого. Маркизъ де Пюизье, бывшій искуснымъ дипломатомъ, водилъ за носъ конфедератовъ. Эти послѣдніе, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда французы пытались войти въ сношенія съ баварцами, отказались дать пропускъ королевскимъ войскамъ и мѣсто на берегу озера, теперь де Пюизье перемѣнилъ систему и объявилъ, что готовъ согласиться на нейтралитетъ береговъ Рейна съ условіемъ, что кантоны не окажутъ помощи герцогу Савойскому. Онъ прибавилъ, что король Французскій, по своей великой благосклонности, готовъ даже поручить Конфедераціи охрану Шабле и Фосиньи, съ тѣмъ чтобы она оставила свободный черезъ нихъ проходъ его войскамъ, и испрашивалъ солдатъ для защиты этихъ провинцій.

Бернъ и Цюрихъ не дали обмануть себя медовымъ рѣчамъ маркиза де Пюизье. По ихъ предложенію, сеймъ потребовалъ признанія нейтралитета всей Савойи и отвѣта въ пятнадцатидневный срокъ. Разсерженный французскій дипломатъ обвинилъ кантоны въ неблагодарности и навлекъ на себя смѣлое замѣчаніе бургомистра Эшера. Сознавъ свою вину, онъ извинился, сказавъ: «Прошу забыть обидныя слова, которыя могли вырваться у меня въ пылу спора. Я говорилъ не по приказу короля, моего господина». И чтобы загладить свою неосторожность, онъ обѣщалъ конфедератамъ, что Людовикъ XIV не присоединитъ Савойи къ своей коронѣ.

Сеймъ разошелся, не принявъ рѣшенія. Беретти-Ланди, испанскій посланникъ, жившій въ Люцернѣ, помогалъ Пюизье въ его стараніяхъ возбуждать нерѣшительность въ представителяхъ кантоновъ; собрались второй, третій и четвертый сеймъ и разошлись, не давъ помощи герцогу Савойскому. Однако, нѣкоторые кантоны благопріятствовали вербовкѣ имъ солдатъ; одинъ дофинскій дворянинъ, Луи де Портъ, набралъ въ Ваадт-

ландѣ, за счетъ Виктора-Амедея, полкъ, состоявшій отчасти изъ такихъ же эмигрантовъ, какъ онъ. Полковникъ Кидтъ изъ Швица набралъ, на деньги королевы Англійской, другой полкъ въ малыхъ кантонахъ, въ Фрейбургѣ и въ Валлисѣ.

Между тѣмъ маршалъ де Талларъ перешелъ Рейнъ и соединился съ баварцами; но Мальборо и герцогъ Савойскій нанесли ему при Бленгеймѣ въ Баваріи страшное пораженіе, послѣ котораго французская армія принуждена была поспѣшно перейти Рейнъ обратно. Это сраженіе болѣе извѣстно подъ названіемъ Гохштедскаго. Въ обоихъ лагеряхъ находились нанятые полки: Цурлаубенъ, во главѣ швейцарцевъ, дважды заставилъ отступить имперцевъ, но только нашелъ славную смерть. Англичане и швейцарцы подъ командой полковниковъ Чарнера, Мэя, Монмолина и Саккона опрокинули ряды французскаго войска.

Униженіе великаго короля было такъ велико, что его посланникъ въ Швейцаріи, поддерживаемый нунціемъ, обратился къ кантонамъ съ просьбою о посредничествѣ. Протестантскіе кантоны отвѣчали, что не въ ихъ обычаѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Католическіе кантоны сдѣлали попытку, не приведшую ни какому результату; Бернъ находилъ, что недостойно конфедератовъ обращаться съ предложеніями, которыя могутъ быть отвергнуты.

Въ слѣдующемъ году Вандомъ и Вильяръ быстро подняли престижъ французской арміи въ Италіи и въ Германіи; но менѣе счастливаго и особенно менѣе способнаго Вильруа Мальборо вынудилъ очистить Нидерланды послѣ пораженія при Рамильи близъ Намюра. Швейцарскіе полки Саккона, Штурлера, Мэя и Шамбріе, бывшіе на англійской службѣ, много способствовали этой побѣдѣ. Полки Шандье, Кастеллаца и Гредера, сражавшіеся въ рядахъ французской арміи, оказали мужественное сопротивленіе и потеряли много людей. Въ то-же время Брандле, при защитѣ Ата (въ Бельгіи), Куртенъ, при осадѣ Барцелоны, Сурбекъ и Мэй подъ командой Вильара въ Германіи и другіе швейцарскіе офицеры на службѣ Франціи поддержали заслуженную конфедератами репутацію храбрости.

Когда Людовикъ XIV вызвалъ изъ Италіи герцога Вандомскаго и послалъ его во Фландрію, французская армія, осаждавшая Туринъ, была сильно атакована принцемъ Евгеніемъ и герцогомъ Савойскимъ и отброшена по ту сторону Альпъ (1706). Освобожденіе отъ французскихъ войскъ Савойи положило конецъ переговорамъ по поводу нейтралитета этой страны.

ГЛАВА VIII.

Невшательское престолонаслѣдіе. — Продолженіе войны за испанскій престолъ.

Три сословія Невшателя объявляютъ неотчуждаемость княжескаго достоинства.—Смерть Маріи Немурской, 1707. — Претенденты на Невшательскій престолъ, предъявленныя имъ условія. — Послѣ трехмѣсячныхъ обсужденій совѣтъ сословій вручаетъ княжеское достоинство королю Прусскому. — Людовикъ XIV разрываетъ союзъ съ кантонами и посылаетъ войско противъ Невшателя. — Вооруженіе Берна.—Пораженіе французовъ при Уденардѣ, при Мальплаке и при Рюмерсгейме; швейцарскіе наемники участвуютъ въ этихъ сраженіяхъ въ обоихъ лагеряхъ.—Побѣда французовъ при Дененѣ. — Утрехтскій миръ: Франція признаетъ короля Прусскаго княземъ Невшательскимъ.

Родъ Орлеанъ-Лонгвилль, наслѣдный Гохбергамъ, а черезъ нихъ Шалонъ-Оранскимъ, властвовалъ около двухъ вѣковъ надъ графствами Невшатель и Валанжинь; онъ угасъ въ 1707 г. вмѣстѣ съ послѣдней своей представительницей, Маріей Орлеанской, герцогиней Немурской (См. фиг. 27).

Уже вступленіе на престолъ этой княгини вызвало соперничества: принцъ де Конти [1]) оспаривалъ у нея владѣніе Невшателемъ. Сверхъ того, Марія Немурская сочла себя вправѣ, прежде чѣмъ явилась лично поддерживать свои права, назначить своимъ наслѣдникомъ кавалера де Суассонъ; но невшательцы не желали, чтобы ими располагали какъ гражданскимъ наслѣдіемъ: 8-го марта 1694 г. совѣтъ сословій призналъ Марію де Немуръ своей государыней, но объявилъ неотчуждаемость своей страны и за невшательскимъ народомъ право самому рѣшать свою судьбу по смерти послѣдняго прямого наслѣдника Орлеанъ-Лонгвиллей.

Принцъ де Конти, хотя и вытѣсненный, сохранилъ, однако, въ странѣ сильную партію приверженцевъ; кромѣ того, его тайно поддерживалъ Людовикъ XIV; не взирая на рѣшеніе 1694 г., онъ довелъ дерзость до того, что явился въ 1699 г. въ Невшатель вторично оспаривать у Маріи де Немуръ титулъ, предоставленный ей тремя сословіями. Съ помощью городскихъ буржуа, ставшихъ дѣйствительно третейскими судьями въ этомъ спорѣ, герцогиня де Немуръ еще разъ одержала верхъ надъ своимъ соперникомъ; она поторопилась пріѣхать изъ Парижа и заняла

---

[1]) Франсуа Луи де Бурбонъ, принцъ де Конти, былъ сынъ Армана де Бурбонъ, принца де Конде, и племянникъ великаго де Конде; его тетка, Анна-Женевьева де Бурбонъ. вышла замужъ за Генриха II де Лонгвилль.

замокъ Невшатель со всѣмъ княжескимъ великолѣпіемъ, чтобы дать почувствовать де Конти свое значеніе.

Когда 16-го іюня 1707 г. умерла принцесса, явился рядъ претендентовъ. Едва успѣла она закрыть глаза, какъ въ Невшатель прибылъ графъ Сильери отъ имени принца де Конти; самъ принцъ вступилъ въ

Фиг. 27. Портретъ герцогини Маріи Немурской.

городъ 12-го іюля во главѣ кортежа въ пятьдесятъ лошадей. Все, казалось, предсказывало ему побѣду: симпатія, которой онъ пользовался, великолѣпіе кортежа, поддержка Людовика XIV. Но его опередилъ опасный соперникъ: за нѣсколько дней передъ тѣмъ, 30-го іюня, вступилъ въ Невшатель графъ Меттернихъ, уполномоченный короля Прусскаго, Фрид-

риха I, «въ сопровожденіи хорошо составленной и великолѣпной свиты», говоритъ лѣтописецъ Буавъ, очевидецъ этого событія.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ соискателей, явилось еще нѣсколько претендентовъ. Герцогъ де Вильруа явился отъ имени герцогини де Ледигьеръ (дочери кавалера Луи, батарда д'Орлеанъ-Лонгвилль); графъ де Матиньонъ; вдова кавалера де Суассонъ, привезшая съ собой свою дочь, Жакелину де Бурбонъ. Французскій посланникъ въ Швейцаріи, М. де Пюизье, уполномоченные Англіи и Нидерландовъ передъ евангелическими кантонами, бернскій шультгейсъ, Христоферъ ф. Штейгеръ (фиг. 28), всѣ

Фиг. 28. Портретъ Христофора ф. Штейгеръ.

поспѣшили пріѣхать, чтобы также принять участіе въ предстоявшихъ переговорахъ. Въ числѣ потомковъ рода Шалонъ-Оранскаго въ процессѣ участвовали: герцогъ Савуа-Карпіьянъ, Нассау, фонъ Пратъ, Майльи де Нель и нѣкая дама де Сержи [1]); еще другіе претенденты, маркграфы

[1]) M-me de Sergy была дочерью Claude d'Amond, знаменщика города Ніона, и женою простого ваадтландскаго дворянина, мессира Henri de Martines, владѣтеля Сержи и Бейзена въ странѣ Гексъ. Ея мать была правнучкой Вильгельма Молчаливаго, освободителя Нидерландовъ, отъ которой, по женской линіи, происходилъ и Фридрихъ I, король Прусскій. Ея представителемъ передъ судомъ явился прокуроръ, съёръ Г. Ф. Дю-

Марія де Бо
принцесса Оранская
† 1417.
вышла замужъ въ 1388 за Жана де Шалонъ.

Луи де Шалонъ
принцъ Оранскій
† 1463
женатъ на Жаннѣ, дочери Генриха де Монбельяръ, сеньора д'Орбъ.

Вильгельмъ де Шалонъ
принцъ Оранскій
† 1475.

Іоаннъ II де Шалонъ
принцъ Оранскій
† 1502

Клодъ де Шалонъ
† 1521
женился на принцессѣ Оранской.

Генрихъ, графъ Нассаускій
† 1558

Рене Нассаускій
принцъ Оранскій
† 1544 не оставивъ потомства, завѣщалъ княжество Оранское своему кузену Вильгельму Молчаливому.

Морицъ Оранскій
штатгальтеръ Голландіи, Зеландіи и др., † 1625, не оставивъ потомства.

Анна Нассауская
вышла за своего кузена Вильгельма Нассаускаго, † 1620, не оставивъ потомства.

Эмилія Нассауская,
† 1629
Вышла за дона Эммануила Португальскаго, незаконнаго сына Антонія, пріора Крато.

Марія-Бельгіа Португальская
† 1647
вышла за Іоанна-Теодора де Гролль барона де Пранженъ.

Эмилія-Катерина
вышла за Клода Дамонъ, ніонскаго знаменщика.

Юліана-Катерина.
Вышла за Генриха де мартинъ, сеньора де Сержи, претендентка на княжество Невшательское.

Анна-Розина
вышла за Жана Девинь.

Маврикія-Сабина
вышла за Бернарда Бенедикта Дешанъ.

Сузанна-Сидонія
Вышла за: 1) Франсуа Баделя сеньора де Мартерей; 2) Винцен та Ардена, сеньера де Клавел еръ. Многія ваадтландскія семь происходятъ по женской лин отъ этихъ двухъ браковъ, а та же отъ брака Эмилія де Грол съ Клодомъ Дамонъ.

[1]) Вильгельмъ Молчаливый былъ женатъ четыре раза; Морицъ Оранскій, Анна и Эмилія Нассаускія род Нассаускій отъ брака Вильгельма Молчаливаго съ Луизой де Колиньи, дочерью знаменитаго адмирала и вдов

ТАБЛИЦА

Престолонаслѣдія княжества Невшательскаго.

(См. глава VIII).

Когда угасъ родъ старинныхъ графовъ Невшательскихъ (см. т. I ст. 311), это княжество досталось сиramъ де Шалонъ; затѣмъ перешло по наслѣдству къ роду Гохбергъ, а такъ какъ послѣдняя изъ Гохбергъ вышла замужъ за принца изъ рода д'Орлеанъ-Лонгвилль, то этотъ родъ унаслѣдовалъ въ XVI-омъ вѣкѣ роду Шалонъ и угасъ въ 1707 г. въ лицѣ Маріи де Немуръ. Предлагаемая таблица показываетъ какимъ образомъ Гогенцоллерны связаны съ родомъ Оранскимъ и де Шалонъ.

Іоаннъ Нассаускій
† 1514.
Его родъ далъ императора Германскаго въ лицѣ Адольфа Нассаускаго † 1298)

Вильгельмъ Нассаускій
по прозванію Богатый
† 1559.

Вильгельмъ Нассаускій
по прозванію Молчаливый [1])
† 1584.
Наслѣдовалъ отъ своего кузена Рене княжество Оранское, штатгалтеръ Голландіи, Зеландіи, Утрехта.

Іоаннъ Нассаусскій
† 1519.
Штатгалтеръ Фрисландіи.

Генрихъ-Фридрихъ Нассаускій
† 1647.
Наслѣдовалъ своему брату Морицу какъ штатгалтеръ Голландіи.

Вильгельмъ-Генрихъ Нассаускій
штатгалтеръ Фрисландіи. Женился на своей кузинѣ Аннѣ дочери Вильгельма Молчаливаго.
Не оставилъ потомства.

Эрнестъ-Казимиръ-Нассау-Діецкій.
Штатгалтеръ Фрисландіи.

Вильгельмъ II
† 1650.
Штатгалтеръ Голландіи и др.

Вильгельмъ III
† 1702.
Штатгалтеръ Голландіи и др. Король Англіи, не оставилъ потомства.

Луиза-Генріетта Нассауская, † 1667.
Вышла за Фридриха-Вильгельма Гогенцоллернскаго, курфюрста Бранденбургскаго.

Фридрихъ I
Король Прусскій, князь Невшательскій, прямой родоначальникъ нынѣшней королевской династіи въ Пруссіи.

Альбертина-Агнеса вышла
† 1697.

за Вильгельма-Фридриха Нассау-Діецкаго.
Штатгалтера Фрисландіи † 1664.

Генрихъ-Казимиръ Нассау-Діецкій,
Штатгалтеръ Фрисландіи, † 1696.

Іоаннъ-Вильгельмъ Фризонъ.
Штатгалтеръ Фрисландіи † 1711.

Вильгельмъ IV.
† 1751.
Принцъ Оранскій, штатгалтеръ Фрисландіи, потомъ Голландіи и др., прямой родоначальникъ нынѣ царствующей въ Нидерландахъ династіи.

[1]) ись отъ его брака съ Анной Саксонской, дочерью курфюрста Морица Саксонскаго, а Генрихъ-Фридрихъ енинья.

Баденскій, Фюрстенбергскій и Вюртембергъ-Монбельярдскій ссылались на старые договоры.

Справедливо замѣчаетъ Карлъ Берту, что, если измѣрять значеніе тяжбы изъ-за правъ на княжество Невшательское предметомъ тяжбы, то можно только удивляться горячности, съ какой ее вели столь важные кандидаты. «Но,—прибавляетъ тотъ же авторъ,—«эта тяжба была только побочнымъ случаемъ грозной борьбы, начавшейся съ XVI-го вѣка, между двумя противуположными принципами: религіознаго и монархическаго абсолютизма съ одной стороны, представителемъ котораго явились латинскіе народы, и прогрессивной эмансипаціи государства и индивида съ другой, представителями которой явились народы германской расы и особенно Голландія и Англія».

Французскіе претенденты на княжество Невшательское были вытѣснены; избраніе короля Прусскаго, кандидата, указаннаго Англіей и генеральными штатами Голландіи, явилось политическимъ пораженіемъ, весьма чувствительнымъ для Людовика XIV [1]). Такимъ образомъ проигрышъ этой тяжбы о наслѣдствѣ принялъ европейское значеніе; она указывала на очевидное значеніе, которымъ государства, составившія коалицію, пользовались въ Швейцаріи и на упадокъ значенія Франціи. Что касается Бернской республики, успѣхъ короля Прусскаго, въ которомъ она принимала большое участіе, являлся вознагражденіемъ за политическія неудачи, которыя она раньше испытала въ борьбѣ съ католическими кантонами.

Рѣшенія суда, какъ и третейскій судъ, являются для государствъ, желающихъ избѣжать войны, средствомъ покончить недоразумѣнія, щадя

перонъ, невшательскій буржуа. (Свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ замѣткѣ Эрнеста Шаванна въ историческомъ словарѣ кантона Во подъ рубрикой Пранженъ и въ статьѣ К. Берту въ Bibliothèque universelle, an. 1871: Une prétendante à la souveraineté de Neuchâtel). Если смотрѣть съ точки зрѣнія первородства, то дама де Сержи имѣла бо́льшія права, чѣмъ ея кузенъ, король Прусскій, ибо она происходила отъ второй жены, а онъ отъ четвертой жены Вильгельма Молчаливаго; но бракъ ея прабабушки не былъ признанъ законнымъ домомъ Оранскимъ. (См. генеалогическую таблицу, стр. 266—267).

[1]) Людовикъ XIV заявилъ, что онъ не потерпитъ, чтобы княжество Невшательское досталось кому либо помимо его подданныхъ. Такое высокомѣрное заявленіе не могло предрасположить швейцарцевъ въ пользу его кандидатовъ. „Лучше мы сдѣлаемся фогтствомъ, какъ Муртенъ и Грансонъ“, говорили невшательцы, чѣмъ допустимъ продолженіе царства вѣтрянниковъ“. Такъ они называли французскихъ принцевъ.

Послѣ пораженія при Рамильи и Туринѣ положеніе короля Французскаго сильно измѣнилось: ему пришлось подчиниться рѣшенію сословій Невшателя въ пользу короля Прусскаго, Фридриха I, кандидата коалиціи.

самолюбіе; потому-то претенденты и поддерживавшіе ихъ государи согласились на то, чтобы народъ Невшательскій въ лицѣ своихъ представителей самъ распорядился наслѣдіемъ рода Лонгвилль.

Казалось бы совершенно естественнымъ сдѣлать Невшатель независимой республикой, и эта мысль пришла на умъ канцлеру Манмоллену; но онъ принужденъ былъ отказаться отъ нея изъ опасенія соперничества, могущаго возникнуть между валенжинцами и невшательцами.

Поведеніе этихъ послѣднихъ показало, что они привыкли къ свободѣ; они согласны были взять на себя только условное обязательство. Претенденты прежде всего должны были поклясться блюсти протестантскую религію, уважать вольности страны, признать выборъ, на которомъ остановятся сословія, не отчуждать территоріи и не увеличивать народныхъ податей. Кромѣ того, они должны были обѣщать не поручать иностранцамъ никакихъ должностей, кромѣ должности правителя. Наконецъ невшательцы сохранили за собой право сражаться противъ всѣхъ, кромѣ своего государя; слѣдовать же за нимъ они обязались только въ войнахъ, предпринятыхъ имъ въ качествѣ князя Невшательскаго.

Сословія собрались 28-го іюля 1707 г. въ большой залѣ Невшательскаго замка. Въ ней заняли мѣсто четыре совѣтника, представители дворянства, четыре капеллана и четыре главныхъ магистрата (ministraux); скипетръ, принадлежавшій прежде герцогинѣ Немурской, лежалъ на бархатномъ квадратѣ. Сессія продолжалась три съ половиной мѣсяца, каждая изъ партій выставляла на видъ свои титулы. Наконецъ 3-го ноября сословія произнесли приговоръ, и президентъ Триболе передалъ скипетръ представителю короля Пруссіи; крикъ: да здравствуетъ король! пронесся по залѣ и былъ подхваченъ всѣмъ народомъ, утвердившимъ выборъ своихъ магистратовъ. Народъ бросился въ коллегіальную церковь, гдѣ запѣли Te Deum; затѣмъ пасторъ Остервальдъ взошелъ на каѳедру и призвалъ божественное покровительство на царствованіе Прусскаго дома.

Людовикъ XIV былъ глубоко оскорбленъ, когда узналъ, что государь, съ которымъ онъ находился въ открытой войнѣ, взялъ верхъ надъ нимъ; онъ порвалъ всякія торговыя сношенія съ Невшателемъ и пошелъ на него войною. Бернъ, Цюрихъ и Невшатель тотчасъ же приняли мѣры; генералъ Чарнеръ, старый офицеръ на голландской службѣ, былъ посланъ на границу во главѣ нѣсколькихъ тысячъ солдатъ. Невшательская милиція получила новую организацію по плану генерала Сенъ-Сафорена: образовали десять отборныхъ ротъ въ 110 человѣкъ каждая, въ подкрѣпленіе къ нимъ образовали двадцать ротъ набора и ландштурма. Городъ готовъ былъ выставить 800 человѣкъ; вся страна могла дать 9000 человѣкъ, главное командованіе надъ которыми было поручено ваадтландскому дворянину,

Іоанну де Саконэ, сеньеру де Бюрсинель, считавшемуся лучшимъ швейцарскимъ офицеромъ.

Бернъ потребовалъ отъ Людовика XIV, чтобы онъ призналъ нейтралитетъ Невшателя и возобновилъ коммерческія отношенія съ княжествомъ. Сначала король отказался; но вынужденный обстоятельствами, не смѣя слѣпо кинуться въ новую борьбу, онъ уступилъ, хотя и не призналъ еще права Фридриха I (6 іюня 1708).

Нѣсколько дней спустя французская армія потерпѣла новое пораженіе при Уденардѣ, и швейцарцы покрывали ея отступленіе: начались мирные переговоры, которые однако не привели ни къ чему. Въ слѣдующемъ году въ знаменитомъ сраженіи при Мальплаке долго оспариваемая побѣда осталась на сторонѣ коалиціи. Швейцарцы сражались въ обоихъ лагеряхъ и согласно сдѣланнымъ договорамъ неустрашимо нападали другъ на друга.

Полкъ Мэя на службѣ у Голландіи былъ поставленъ противъ полка Мэя на службѣ у Франціи. Схватка была такая ожесточенная, что швейцарскіе отряды потеряли двѣ трети своего состава; полкъ Местраля потерялъ всѣхъ своихъ офицеровъ и былъ уведенъ съ поля битвы прапорщикомъ Ноэ де Крузацъ; полкъ Альбемарля былъ уведенъ въ такомъ же состояніи лейтенантомъ Штурлеромъ; голландскій полкъ Мэя, изъ котораго осталось всего 17 человѣкъ, вернулся подъ командой сержанта; другой полкъ Мэя потерялъ 1800 человѣкъ.

Въ 1709 г. театръ войны приблизился къ швейцарской границѣ. Графъ де Мерси, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ австрійцевъ, воспользовался темной ночью, чтобы переправиться черезъ Рейнъ при Рейнфельденѣ и проникнуть въ Эльзасъ; разбитый при Рюмерсгеймѣ, онъ оказался вынужденнымъ быстро перейти обратно подъ стѣнами Базеля. Сеймъ былъ вынужденъ послать отряды для защиты этого города.

Паденіе Мальборо, смерть императора Іосифа I и побѣда при Денен̀ѣ, одержанная Вильяромъ надъ принцемъ Евгеніемъ, въ 1712 г.—швейцарцы принимали участіе въ сраженіи—заставили наконецъ союзныя государства сдѣлать Людовику XIV болѣе пріемлемыя предложенія; миръ былъ заключенъ въ Утрехтѣ въ 1713 г. Швейцарцы были включены въ мирный договоръ, и курфюрстъ Бранденбургскій былъ окончательно признанъ королемъ Прусскимъ и княземъ Невшательскимъ.

ГЛАВА IX.

Вторая Вильмергенская война.

Тоггенбургъ подъ властью сенъ-галленскихъ аббатовъ.—Протестанты Тоггенбурга, недовольные своимъ княземъ, ищутъ поддержки у Берна и Цюриха.—Организація бернской арміи.—Конфликты между аббатомъ Сенъ-Галленскимъ и подданными Тоггенбурга принимаютъ религіозный характеръ.—Нунцій старается привлечь императора на сторону аббата, но генералъ Пемъ де Сенъ-Сафоренъ отговариваетъ императора вмѣшиваться въ распрю.—Войско аббата Сенъ-Галленскаго занимаетъ нѣкоторые замки. Возстаніе его подданныхъ.—Баденскій сеймъ предоставляетъ разрѣшеніе конфликта третейскому суду.—Третейскій судъ рѣшаетъ, что тоггенбуржцы должны признать господство аббата, который долженъ гарантировать имъ ихъ льготы и снять свои гарнизоны (1709).—Аббатъ не соглашается на это рѣшеніе, и его подданные, въ согласіи съ Берномъ и Цюрихомъ, завладѣваютъ его замками (1710).—Прибытіе новаго нунція въ Люцернъ еще сильнѣе возбуждаетъ умы.—Тоггенбуржцы объявляютъ себя независимыми (12 апрѣля 1712 г.).—Цюрихцы, бернцы и люцернцы начинаютъ войну.—Взятіе Вилля; аббатъ Сенъ-Галленскій бѣжитъ въ Швабію.—Битва при Бремгартенѣ, взятіе города протестантами (26 мая 1712).—Капитуляція Бадена (1-е іюня).—Сеймъ въ Аарау; Люцернъ и Ури присоединяются къ мирнымъ предложеніямъ Цюриха и Берна; Унтервальденъ, Цугъ и Швицъ противятся всякой попыткѣ къ примиренію.—Битва при Синсѣ (20 іюля).—Битва при Вильмергенѣ (28 іюля).—Аараускій миръ (11 августа 1712).—Союзъ протестантскихъ кантоновъ съ Голландіей (21 іюня 1712).—Тайный договоръ между католическими кантонами и Франціей (9 мая 1715).—Примиреніе аббата Сенъ-Галленскаго съ его подданными; подтвержденіе вольностей тоггенбуржцевъ (15 іюня 1718).

Когда угасъ древній родъ графовъ Тоггенбурговъ, долина Тоггенбургъ перешла подъ власть князей-аббатовъ Сенъ-Галленскихъ. Власть этихъ прелатовъ не была пріятна ихъ подданнымъ, упрекавшимъ ихъ въ несоблюденіи вольностей, дарованныхъ имъ въ старину графами. Благосклонность, съ которой реформа была принята въ Тоггенбургѣ, способствовала, понятно, нерасположенію аббатовъ къ своимъ подданнымъ; кантоны Бернъ и Цюрихъ поддерживали своихъ единовѣрцевъ, а аббаты находили поддержку противъ этой оппозиціи въ католическихъ кантонахъ и въ императорѣ.

Вначалѣ восемнадцатаго вѣка аббатъ Леже, имѣвшій дѣятельнаго и пронырливаго министра, барона Фидель де ла Тура, разрѣшилъ постройку дороги, которая должна была непосредственно соединить имперію и Сенъ-Галленъ съ католической Швейцаріей и пройти чрезъ Гуммельвальдъ. Тоггенбуржцы, недовѣрчивые какъ всѣ притѣсняемые подданные, почу-

ствовали тревогу и запротестовали. «Это значитъ вернуть насъ къ барщинѣ, отъ которой мы уже дважды откупались»——говорили они и прибѣгли за помощью къ своимъ согражданамъ, Гларусу и Швицу. Аббатъ, съ своей стороны, вошелъ въ союзъ съ императоромъ. Предложенное Берномъ и Цюрихомъ посредничество не было принято. Тоггенбуржцы, изъ которыхъ большая половина были протестанты, собрались и поклялись хранить свои вольности, ландесгемейнде объявила свободу вѣроисповѣданія; но недолго длилось согласіе между коммунами Верхняго и Нижняго Тоггенбурга: эти послѣднія, оставшіяся вѣрными католическому вѣроисповѣданію, искали поддержки въ Люцернѣ, первыя-же въ Цюрихѣ.

Это былъ моментъ, когда Бернъ одержалъ въ дѣлѣ Невшательскаго наслѣдства блестящій дипломатическій успѣхъ и рѣзко порвалъ съ Людовикомъ XIV; католическіе кантоны съ неудовольствіемъ видѣли, что благодаря ряду побѣдъ, протестантскія государства (Англія, Голландія) берутъ перевѣсъ въ Европѣ.

Въ сеймѣ не было единодушія, такъ какъ симпатіи раздѣлились; приверженцы и противники Людовика XIV готовы были вступить въ состязаніе. Ла-Туръ, совѣтникъ аббата Сенъ-Галленскаго, предвидя, что война будетъ на этотъ разъ неблагопріятна для католическихъ кантоновъ, пытался отговорить ихъ. «Сраженія,——говорилъ онъ,——«рѣшаются уже не аллебардами и пиками, какъ въ дни Винкельрида, и ваши противники имѣютъ передъ вами преимущество во всемъ, что въ настоящее время обусловливаетъ побѣду: народонаселеніе, вооруженіе, богатство. Между тѣмъ какъ церковь получаетъ почти весь вашъ заработокъ, почему вашъ щитъ придавливаетъ васъ своею тяжестью, каждый новый день увеличиваетъ значеніе и могущество городовъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ упорство и рвеніе, въ васъ беззаботность, предвѣстницу большихъ несчастій». Подстрекаемые такими рѣчами, католическіе кантоны собрались въ Люцернѣ для приготовленій къ войнѣ.

Бернъ и Цюрихъ искали случая уничтожить воспоминаніе о неудачныхъ Каппельской и Вильмергенской войнахъ, и настоящія условія представлялись имъ благопріятными; ибо эти два государства сознавали свою силу: они могли поставить первое—45,000 человѣкъ, второе—20,000 человѣкъ.

Организація бернской арміи была очень замѣчательна. Военный совѣтъ, составленный изъ четырехъ сенаторовъ и восьми членовъ совѣта двухсотъ, контролировалъ и направлялъ военныя дѣйствія и назначалъ оберъ-офицеровъ, назначеніе же штабъ-офицеровъ было предоставлено сенату. Хотя главнокомандующій носилъ официальный титулъ фельдъ-оберста, но обыкновенно его называли генераломъ; помощникомъ его былъ гене-

ралъ-лейтенантъ, который при случаѣ замѣщалъ его, а генералъ-маіоръ исполнялъ обязанность начальника главнаго штаба. Кромѣ того, были: полковникъ-квартирмейстеръ, главный интендантъ (кригсъ-комиссаръ), главный казначей и офицеръ, которому было поручено слѣдить за провіантомъ войскъ; главный докторъ и фармацевтъ завѣдывали санитарной службой въ арміи.

Въ то время не существовало инженернаго корпуса; возведеніе укрѣпленій и топографическія изысканія поручались гражданскимъ инженерамъ; бернское правительство имѣло въ депо въ Аарау летучій мостъ. Артиллерія тоже не составляла отдѣльнаго корпуса; у бернцевъ былъ паркъ въ сто полевыхъ орудій, службу при которыхъ исполняли артиллеристы, доставляемые городскими ремесленными сословіями, и канонеры, взятые изъ пѣхотныхъ войскъ, въ распоряженіе которыхъ были куплены орудія; такимъ способомъ въ 1673 г. образовали первую роту города Берна, а понемногу еще двѣ роты по сто человѣкъ, одну—нѣмецкую, другую—романдскую; фурштатную службу исполняли извозчики въ гражданскомъ платьѣ.

Кавалерія состояла изъ двадцати ротъ по 60 человѣкъ, а именно: двухъ ротъ конной почетной гвардіи, феодальное учрежденіе, остатокъ старинной конной повинности; одной роты кирасиръ, доставляемой буржуа города Берна; десяти ротъ нѣмецкой кавалеріи, набранной среди достаточныхъ крестьянъ, владѣвшихъ хорошими лошадьми; наконецъ трехъ ротъ нѣмецкихъ драгунъ и трехъ ротъ романдскихъ драгунъ, нѣчто въ родѣ конной пѣхоты, предназначенной сражаться и на конѣ и пѣшей, смотря по обстоятельствамъ, и снабженной поэтому ружьями со штыкомъ. Впослѣдствіи уничтожили различіе между кавалеристами и драгунами, и осталось одно послѣднее названіе; число ротъ свелось къ 17, распредѣленныхъ на два, а затѣмъ на четыре полка.

Инфантерія состояла изъ:

6 областныхъ полковъ дѣйствующей арміи, т. е. 13200 человѣкъ, набранныхъ:

1-й въ городѣ и при-озерныхъ областяхъ,
2-й въ верхнемъ Ааргау,
3-й въ нижнемъ Ааргау,
4-й въ Оберландѣ,
5-й въ Ваадтландѣ (восточной части),
6-й въ Ваадтландѣ (западной части),

118 ротъ, не равной силы, не входившихъ въ составъ полковъ . . . . . 26800 человѣкъ.

4 полка фюзильеровъ.	4000 человѣкъ.
1 » » предназначенный спеціально для гарнизона Женевы.	1000 »
	45000 человѣкъ.

Полки были составлены изъ десяти — двѣнадцати ротъ или знаменъ по 220 человѣкъ, набранныхъ каждая въ опредѣленной мѣстности; въ

Фиг. 29. Швейцарскій аркебужчикъ въ 1647 г., съ росписнаго стекла, принадлежащаго г. Дамбману въ Ліонѣ.

каждой ротѣ было сначала по два, потомъ по 5 офицеровъ и по 18 унтеръ-офицеровъ. Во главѣ полка были полковникъ, подполковникъ и маіоръ, исполнявшій должность командира округа; капитанъ первой роты, называемой полковой ротой, командовалъ полкомъ. Жалованье выплачивалось общинами.

Люди, не попавшіе въ отборные полки, образовали 118 ротъ домашней милиціи. Фюзельерами были неженатые молодые люди, избранные изъ

милиціи для замѣны дѣйствующихъ полковъ въ случаѣ продолжительной кампаніи. Ихъ жалованье уплачивалось государствомъ. Впослѣдствіи они были смѣшаны съ дѣйствующей арміей, и число полковъ было доведено до 21.

Съ середины XVII-го вѣка стали, для облегченія маневровъ, образовывать группы изъ двухъ или нѣсколькихъ ротъ, подъ командой старшаго капитана; такъ было положено начало батальонамъ. Для кампаніи 1712 г. были составлены полки въ 4—5 батальоновъ, получившіе названіе бригадъ. Это образованіе стало окончательнымъ, послѣ того какъ оно было испробовано, и областные полки были распредѣлены по два и по

Фиг. 30. Швейцарскій аркебужчикъ въ 1647 г., съ росписного окна, принадлежащаго г. Дамбману въ Ліонѣ.

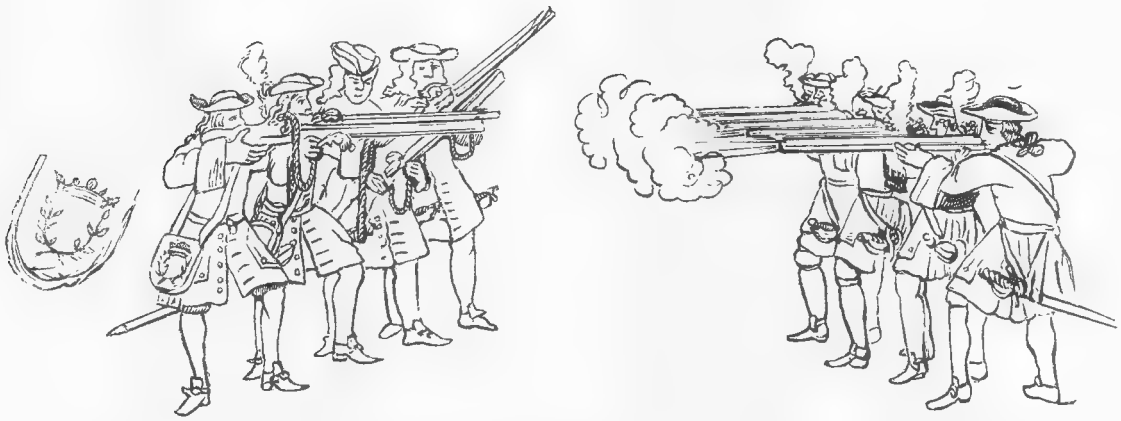
Фиг. 31. Швейцарскій аллебардщикъ 1630—1640.

три на 9 бригадъ (изъ нихъ три романдскія), во главѣ которыхъ были, одинъ бригадный полковникъ, одинъ маіоръ или бригадный адъютантъ: одинъ полковникъ-квартирмейстеръ, одинъ полковникъ-вахмистръ, одинъ казначей и одинъ секретарь [1]).

[1]) Въ концѣ этого вѣка были образованы роты стрѣлковъ или легкой инфантеріи и роты карабинеровъ и дивизіи, состоявшія изъ двухъ бригадъ инфантеріи, четырехъ ротъ стрѣлковъ, роты карабинеровъ, полка кавалеріи и восьмидесяти орудій. См. по этому предмету изслѣдованіе подполковника G. de Charrière, напечатанное въ Revue militaire suisse, 1867: La campagne de 1712.

Въ концѣ XVII-го вѣка треть роты была еще вооружена длинными пиками, а двѣ трети пыжевыми ружьями. Въ 1712 г. вся дѣйствующая армія была снабжена кремневымъ ружьемъ, только офицеры сохранили пики, а унтеръ-офицеры—аллебарды. Сначала штыки прилаживались внутри ружейнаго дула, потомъ они были замѣнены штыками съ трубкой. Во второй половинѣ XVII-го вѣка перестали носить доспѣхи, что повлекло за собой введеніе формы; форма бернскаго пѣхотинца состояла изъ платья стальнаго цвѣта съ широкими красными отворотами, красныхъ чулокъ, широкой черной шляпы и чернаго галстука.

Въ это время цюрихская армія состояла изъ 98 ротъ пѣхоты по 200 человѣкъ каждая, въ цѣломъ 19600 человѣкъ; кавалерія дѣлилась



Фиг. 32. Цюрихскіе фюзильеры 1706 г., съ изданій общества des Constables. Коллекція г. Л. Бронъ.

на 12 ротъ, состоя въ общемъ изъ 755 человѣкъ; артиллерія изъ 5 ротъ, въ общемъ изъ 366 человѣкъ и 71 орудія. Въ кампанію 1712 г. это войско было раздѣлено на пять соединенныхъ корпусовъ, соотвѣтственно по 15, 15, 33, 20 и 15 ротъ пѣхоты въ каждомъ, по 2 или 3 роты кавалеріи и одной ротѣ артиллеріи; число орудій колебалось отъ 8 до 16, смотря по величинѣ корпуса. Въ кампанію 1712 г. цюрихской арміей командовалъ казначей Генрихъ Вердмюллеръ, помощниками котораго были инженеръ докторъ Іоганнъ Шейхцеръ и командующій артиллеріей маіоръ Генрихъ Вердмюллеръ.

Конфликтъ тоггенбуржцевъ съ княземъ—аббатомъ, носившій первоначально политическій характеръ, принялъ затѣмъ характеръ борьбы изъ за вѣроисповѣданія. Тогда папскій нунцій тотчасъ-же принялъ сторону аббата и началъ стараться привлечь на его сторону императора; это

представляло бы опасность для Швейцаріи, но бернская дипломатія сумѣла ловко отклонить ее. Генералъ Сенъ-Сафоренъ, пользовавшійся, какъ мы видѣли раньше, большимъ вліяніемъ въ Бернѣ, и которому весьма довѣряли при австрійскомъ дворѣ, убѣдилъ вѣнскій кабинетъ, что въ его интересахъ щадить протестантскіе кантоны, которые одни въ Швейцаріи были способны противиться французскому вліянію; императору не слѣдуетъ принимать въ расчетъ мнѣнія католическихъ кантоновъ, которые всѣ были подкуплены Франціей, а надо предоставить швейцарцамъ самимъ рѣшить вопросъ о тоггенбуржцахъ. Мемуаръ, представленный въ 1708 г. принцу Сальму генераломъ Сенъ-Сафореномъ, имѣлъ рѣшающее вліяніе на императора и заставилъ его отказаться отъ роли, которую хотѣлъ было заставить его сыграть графъ Траутмансдорфъ, его посланникъ въ Швейцаріи.

Прежде чѣмъ въ императорѣ произошелъ этотъ поворотъ мыслей, аббатъ, разсчитывая на поддержку, обѣщанную ему графомъ Траутмансдорфомъ, занялъ замки Иберъ, Шварбахъ, Люттисбургъ и монастыри Сенъ-Жанъ и Магденау. Эти мѣры вызвали вооруженное возстаніе со стороны тоггенбуржцевъ.

Сеймъ, собравшійся въ Баденѣ въ концѣ 1709 г., предложилъ аббату Сенъ-Галленскому и тоггенбуржцамъ передать ихъ дѣло на рѣшеніе третейскаго суда. Такъ они и сдѣлали, и судьи произнесли слѣдующее рѣшеніе: аббатъ долженъ освободить свои замки отъ гарнизоновъ, но сохранить верховную власть надъ Тоггенбургомъ, при чемъ Конфедерація гарантируетъ его жителямъ ихъ льготы. Проходили мѣсяцы, а аббатъ не выводилъ своихъ войскъ; тогда тоггенбуржцы, согласившись съ Цюрихомъ и Берномъ, завладѣли его замками и монастыремъ и поставили въ нихъ свои гарнизоны (3-го марта 1710). Новая ландесгемейнде подтвердила принятыя раньше рѣшенія, т. е. декретъ о свободѣ вѣроисповѣданій (10 іюня).

Пять католическихъ кантоновъ центральной Швейцаріи рѣшили взяться за оружіе; Фрейбургъ и Солотурнъ, окруженные протестантскими кантонами, выказали больше осмотрительности; тѣ и другіе искали поддержки во французскомъ посланникѣ, графѣ Дю Люкъ. Но Людовикъ XIV, истощенный войной, которую онъ велъ съ коаліціей въ продолженіе десяти лѣтъ, боялся, чтобы не были отозваны швейцарскія войска, поэтому онъ приказалъ своему представителю употребить всѣ средства, чтобы избѣжать разрыва, и посовѣтовалъ католическимъ кантонамъ не довѣрять нунцію и австрійскому посланнику.

Между тѣмъ партія войны дѣлала успѣхи въ малыхъ кантонахъ и въ Люцернѣ, гдѣ появленіе новаго нунція, монсеньера Караччіоли, архі-

епископа Ефесскаго, возбудило народъ противъ протестантовъ. Мнѣнія въ Бернѣ раздѣлились: шультгейссъ ф. Виладингъ и казначей ф. Штейгеръ настаивали на энергичномъ образѣ дѣйствія за тоггенбуржцевъ; но Франція насчитывала еще много приверженцевъ, склонныхъ, какъ и она, къ замедленію: въ Цюрихѣ всѣ были въ воинственномъ настроеніи, которое бургомистръ Эшеръ съ трудомъ сдерживалъ. Этотъ послѣдній имѣлъ свиданіе съ шультгейссомъ Виладингомъ, и они составили планъ кампаніи. «Пусть тоггенбуржцы, писалъ Виладингъ цюрихскому бургомистру, найдутъ способъ разсердить аббата и поскорѣй дадутъ намъ объ этомъ знать».

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ 1712 г.: такъ какъ всѣ средства къ примиренію были истощены, то противныя партіи были готовы перейти къ военнымъ дѣйствіямъ. Возбужденіе въ Тоггенбургѣ все усиливалось, при чемъ цюрихскій агентъ, адвокатъ Набгольцъ, возбуждалъ недовольныхъ.

На Пасху священники пригласили своихъ прихожанъ помириться съ аббатомъ; нѣкоторыя общины послушались; прелатъ послалъ своего агента, чтобы принять присягу отъ своихъ старыхъ подданныхъ и обѣщалъ имъ поддержку. Тотчасъ же зазвонили колокола, покорные аббату приходы были захвачены, и тоггенбуржцы обнародовали 12-го апрѣля манифестъ, въ которомъ провозглашали свою независимость. Жители Верхняго Тоггенбурга низверглись, подобно лавинѣ, на Нижній-Тоггенбургъ. Это было сигналомъ къ междоусобной войнѣ. Въ малыхъ кантонахъ, въ Люцернѣ, въ Бернѣ, въ Цюрихѣ, тотчасъ же взялись за оружіе, такъ какъ были уже на готовѣ къ этому.

Нейтральные кантоны созвали въ Баденѣ сеймъ съ цѣлью примиренія; но война стала уже неизбѣжной, переговоры были прерваны, и депутаты отъ кантоновъ разошлись 10-го мая.

Враждебныя дѣйствія были начаты городами: они заняли свободныя фогтства, чтобы обезпечить между собой сообщеніе, и напали на земли аббата Сенъ-Галленскаго. Главное сраженіе должно было имѣть мѣсто на берегахъ Рейсса. Бернская армія сконцентрировалась 19 апрѣля въ окрестностяхъ Ленцбурга; въ началѣ она состояла только изъ 4880 человѣкъ, именно изъ 8 батальоновъ пѣхоты и 4 ротъ кавалеріи подъ командой генерала Николая ф. Чарнеръ. Католики опередили ихъ; 10000 люцернцевъ заняли переправы черезъ Рейссъ, чтобы помѣшать соединенію цюрихской и бернской армій; крѣпости Бремгартена, Меллингена и Бадена были приведены въ боевое положеніе, и въ нихъ оставлены гарнизоны. Военныя силы католиковъ были значительнѣе, чѣмъ того ожидалъ бернскій сенатъ; поэтому генералъ Чарнеръ, отдѣливъ отъ себя одну бригаду, переправив-

шуюся черезъ Аару для подкрѣпленія цюрихцевъ, сражавшихся съ аббатомъ, сталъ ждать подкрѣпленій: ему прислали 6000 человѣкъ; другой такой же большой отрядъ прикрылъ всѣ слабые пункты бернской границы.

Ваадтландскій дворянинъ, Жанъ де Сакконэ, былъ данъ въ помощники генералу Чарнеру въ качествѣ генералъ-лейтенанта (начальникъ главнаго штаба). Планъ кампаніи, принятый въ соглашеніи съ Цюрихомъ, состоялъ въ томъ, чтобы избѣгать прямого нападенія на католическіе кантоны; было рѣшено переправиться черезъ Рейссъ у Меллингена, занять это мѣсто и такимъ образомъ прервать сообщеніе между г. Баденомъ и его единовѣрцами. Поэтому бернскій отрядъ перешелъ Аару при Стилли, соединился съ цюрихской арміей и напалъ на Меллингенъ съ востока, между тѣмъ какъ главная часть бернской арміи сосредоточилась на западѣ. 20 мая бернская армія покинула лагерь; 21-го люцернцы покинули въ безпорядкѣ Бремгартенъ; вечеромъ бернцы расположились лагеремъ въ долинѣ Воленшвиль. Въ то время какъ отрядъ цюрихскаго войска занялъ Виль (на границѣ Тюргау), а аббатъ Сенъ-Галленскій бѣжалъ въ Швабію, главныя силы цюрихцевъ расположились передъ Меллингеномъ, очищеннымъ люцернцами (22 мая). Недостатокъ организаціи, плохое вооруженіе и отсутствіе дисциплины у цюрихцевъ составляли рѣзкій контрастъ съ порядкомъ, царившимъ въ бернскихъ войскахъ.

Обѣ арміи оставались нѣсколько дней лагеремъ подъ Меллингеномъ. 26-го они двинулись параллельно по двумъ берегамъ Рейсса, чтобы аттаковать Бремгартенъ. Фонъ Зонненбергъ, генералъ католической арміи, поджидалъ бернцевъ въ засадѣ въ лѣсной прогалинѣ; въ первую минуту онъ произвелъ смятеніе въ рядахъ протестантовъ; мѣстность была такова, что дѣйствіе всей арміей было невозможно, и сраженіе разбилось на множество отдѣльныхъ схватокъ, откуда за нимъ осталось прозвище сраженія въ кустахъ. Одинъ моментъ положеніе бернцевъ было довольно плохо; но ловкій маневръ генералъ-маіора Манюэля рѣшилъ сраженіе; благодаря сдѣланному имъ повороту, онъ сталъ грозить правому крылу люцернцевъ; а обходное движеніе Волена съ ихъ лѣваго крыла произвело среди нихъ панику. Католики начали отступать, и вскорѣ отступленіе перешло въ бѣгство.

Бернцы вернулись въ свой лагерь подъ Меллингеномъ, гдѣ къ нимъ присоединился женевскій батальонъ (3 роты) и два невшательскихъ батальона. Въ битвѣ при Бремгартенѣ они потеряли 83 убитыми и 187 ранеными; потери католиковъ достигали 400 человѣкъ. Городъ сдался; тамъ былъ поставленъ гарнизонъ.

Послѣ того какъ Бремгартенъ былъ взятъ, цюрихцы и бернцы обсту-

пили городъ Баденъ, защищаемый гарнизономъ въ 1,000 человѣкъ. Цюрихцы, у которыхъ были осадныя орудія, открыли огонь 31 мая. На другой день генералъ Саккона послалъ къ осажденнымъ парламентера, маіора Давеля, съ мирными предложеніями, и послѣ краткаго перемирія городъ сдался. Несмотря на протесты генерала Саккона, цюрихцы разрушили Баденскій замокъ и срыли укрѣпленія.

Нейтральные кантоны снова созвали сеймъ въ Аарау; Люцернъ и Ури были не прочь заключить миръ и согласились 18-го іюля на предложенныя имъ условія; но остальные католическіе кантоны, обуреваемые религіознымъ рвеніемъ, отказались отъ всякой попытки къ соглашенію. Тѣмъ не менѣе переговоры продолжались до 19-го іюля.

16-го іюля полковнику Монье изъ Грансона было поручено во главѣ 1100 человѣкъ произвести демонстрацію на границѣ Цуга; для этого онъ занялъ деревню Синсъ, въ которой находится мостъ черезъ Рейссъ. Тотчасъ же тревога распространилась по малымъ кантонамъ; забили въ набатъ, народъ взялся за оружіе, и 4000 человѣкъ изъ Цуга, Швица и даже Унтервальдена, подъ командой полковника Рединга, собрались близъ деревни Сентъ-Вольфгангъ на дорогѣ, ведущей изъ Цуга въ Синсъ. Вечеромъ 19-го іюля католики переправились черезъ Рейссъ при Гисликонѣ; 20-го на разсвѣтѣ они продвинулись, подъ прикрытіемъ лѣса, до Брандвальда, гдѣ находились непріятельскіе аванпосты. Тотчасъ же въ протестантскомъ лагерѣ забили тревогу, и полковникъ Монье отдалъ распоряженія для защиты Синса. Началась горячая схватка: маленькій отрядъ протестантовъ былъ окруженъ, онъ потерялъ нѣсколькихъ офицеровъ и сотню солдатъ; полковникъ Монье, подавленный численностью непріятеля, забаррикадировался въ церкви, потомъ, когда дверь была сломана, онъ скрылся на колокольнѣ, гдѣ храбро защищался до тѣхъ поръ, пока не истратилъ всѣхъ боевыхъ запасовъ и былъ принужденъ сдаться въ плѣнъ.

Послѣ этого успѣха католическая армія направилась на Вильмергенъ, чтобы отрѣзать бернцамъ отступленіе; она старалась скрасть свое движеніе, пользуясь возвышенностями, расположенными съ востока озеръ Бальдегъ и Гальвиль. Главный корпусъ люцернской арміи соединился съ отрядами, бившимися въ Синсѣ, такъ что въ цѣломъ католическая армія состояла изъ 10000—12000 человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ дивизіи, подъ командой генерала фонъ Зонненберга и бригадира Пфиффера. Узнавъ объ этомъ движеніи, бернская армія, понимавшая угрожавшую ей опасность, дала знать цюрихцамъ, снялась съ лагеря при Мури и, опередивъ люцерицевъ, заняла позицію при Волепѣ.

Число солдатъ въ бернскомъ войскѣ едва достигало 8 тысячъ. Гене-

ралъ Чарнеръ былъ главнокомандующимъ протестантской арміи; помощниками его были генералъ Сакконэ, генералъ-маіоръ Манюэль, полковникъ Фришингъ, квартирмейстеръ ф. Мэй, бригадиры фонъ Мулиненъ, фонъ Чарнеръ, Жинжинсъ д'Эклепанъ, Режи и др. Сраженіе началось въ долинѣ Вильмергена 25 іюля утромъ. Это была кровавая битва, и долго побѣда не была ни на чьей сторонѣ. Одинъ моментъ протестантское войско было охвачено паникой, и только благодаря энергіи Сакконэ и маіоровъ Дамона и Давеля удалось вернуть его къ сраженію.

Когда генералы Дисбахъ и Сакконэ были ранены одинъ за другимъ и унесены съ поля сраженія, командованіе бернской арміей перешло къ Фришингу; люцернцы, на которыхъ бернцы пошли въ штыки, были отброшены въ лѣса и воды Бунца (притока Аары). Къ вечеру католики, несмотря на мужественное сопротивленіе, вынуждены были отступить, и поле битвы осталось за протестантами. Въ офиціальномъ докладѣ Берна говорится о 206 убитыхъ, изъ нихъ 11 офицеровъ, и 401 раненыхъ; потери католиковъ были значительнѣе; ихъ исчисляютъ въ 3000 человѣкъ приблизительно, изъ которыхъ многіе потонули въ водахъ Бунца; кромѣ того бернцы взяли въ плѣнъ 500 человѣкъ и завладѣли 7 пушками и 8 знаменами, среди ихъ трофеевъ фигурировали и двѣ легендарныхъ волторны кантона Ури.

Битва при Вильмергенѣ смирила сопротивленіе католиковъ. Нунцій Караччіоли, подстрекавшій къ этой кампаніи и возбуждавшій своимъ присутствіемъ мужество своихъ вѣрныхъ, торопливо вернулся въ Люцернъ и первый возвѣстилъ о пораженіи; за этимъ извѣстіемъ послѣдовало вскорѣ извѣстіе о вступленіи цюрихцевъ въ кантонъ Цугъ и о капитуляціи Раппершвиля. Дальнѣйшее сопротивленіе было безполезно; пять кантоновъ подчинились условіямъ, принятымъ 18-го іюля Люцерномъ и Ури. Миръ былъ подписанъ въ Аарау 11-го августа. Бернцы, желавшіе обезпечить за собой сообщеніе съ Цюрихомъ, потребовали себѣ графство Баденъ; такимъ образомъ они завладѣли южной частью свободныхъ фогтствъ, тогда какъ сѣверная осталась подъ властью восьми коренныхъ кантоновъ. Бернъ пріобрѣлъ право участія въ управленіи Тюргау, Рейнталемъ и Саргансомъ. Раппершвиль, ограда пяти кантоновъ отъ Цюриха, достался этому послѣднему, Берну и Гларусу.

Генералу Сакконэ были пожалованы патриціанство и мѣсто въ совѣтахъ; остальные офицеры получили награды.

Аараускій миръ положилъ конецъ войнѣ, но не конфессіональнымъ антипатіямъ, которымъ вскорѣ представился случай вновь проявиться.

21-го іюня Бернъ, при посредствѣ Пемъ де Сенъ-Сафорена, заключилъ вѣчный союзъ съ генеральными штатами Голландіи и обѣщалъ имъ

24 роты, за что они обѣщали взять Женеву подъ свое покровительство; вѣсть объ этомъ договорѣ возбудила глубокую скорбь въ пяти кантонахъ; они предложили Франціи передаться ей. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ Раштадтѣ былъ заключенъ европейскій миръ 6-го марта 1714 года.

Людовикъ XIV послалъ въ Баденъ своего посла Дю Люка для возобновленія союза съ конфедератами; когда этотъ послѣдній увидѣлъ ихъ глубокое раздѣленіе, онъ рѣшилъ, что этимъ можно воспользоваться; онъ заключилъ 9-го мая 1715 г. въ Солотурнѣ тайный договоръ съ католическими кантонами и Валисомъ, по которому онъ обѣщалъ имъ возвращеніе ихъ территорій, уступленныхъ ими по Аараускому договору. За это католики обѣщали не служить подъ иными знаменами, кромѣ французскихъ. Актъ, заключавшій эти статьи, былъ спрятанъ въ ящикѣ, запечатанномъ французскимъ гербомъ, и отданъ на сохраненіе люцернскимъ магистратамъ (Trücklibund). Но старый король слишкомъ боялся Англіи и страшился возникновенія новой европейской войны, чтобы выполнить этотъ проектъ, который уничтожилъ бы независимость Швейцаріи. Тѣмъ не менѣе тайна, въ которую католики облекали свои дѣйствія, вызвала сильное безпокойство въ протестантскихъ кантонахъ; она ожесточила ненависть и усилила взаимную нетерпимость двухъ враждебныхъ партій, терзавшихъ швейцарскую націю.

Участь Тоггенбурга осталась нерѣшенной до смерти аббата Леже; этотъ прелатъ пренебрегалъ предложеніями Франціи и продолжалъ искать поддержки у императора. Габсбурги не отказались еще отъ надежды вернуть себѣ когда-нибудь колыбель своего рода и готовы были охотно воспользоваться обстоятельствами, дававшими имъ возможность вновь завоевать ее; но на горизонтѣ взошла новая звѣзда: Гогенцоллерны, ставшіе королями Пруссіи и князьями Невшателя, явились съ этихъ поръ соперниками Габсбурговъ, противившимися всякому присоединенію, могущему усилить могущество имперіи.

Новый прелатъ, Іосифъ фонъ Рудольфи, родомъ изъ Лайбаха въ Каринтіи, заступилъ въ декабрѣ 1717 г. мѣсто плебея Леже; онъ лучше понималъ интересы своего монастыря, поэтому заключилъ миръ съ его подданными и утвердилъ ихъ старинныя вольности. Это примиреніе было скрѣплено договоромъ, подписаннымъ въ Баденѣ 15-го іюня 1718 г. хотя этотъ договоръ и не давалъ тоггенбуржцамъ независимости, онъ по крайней мѣрѣ признавалъ ихъ законныя требованія.

ГЛАВА X.

Борьба между государствомъ и церковью въ протестантскихъ кантонахъ. Consensus.

Правительства протестантскихъ кантоновъ присваиваютъ себѣ духовный авторитетъ надъ своими подданными.—Различныя тенденціи въ нѣдрахъ протестантизма.—Принятіе Consensus'а евангелическими кантонами (1679).—Ваадтландскіе рукоположенные священники сопровождаютъ свое присоединеніе къ Consensus'у нѣкоторыми оговорками (1682).—Бернскій совѣтъ двухсотъ принимаетъ рѣшеніе заставить всѣхъ своихъ подданныхъ дать присягу въ повиновеніи Consensus'у; упорствующимъ грозятъ строгими наказаніями (1698).—Преслѣдованія диссидентовъ ихъ превосходительствами.—Базель и Женева отказываются требовать присоединенія къ Consensus'у (1685 и 1706).—Послѣ Вильмергенской войны вниманіе ихъ превосходительствъ снова обращается на этотъ вопросъ (1716).—Лозаннская академія оправдывается отъ взведенныхъ на нее обвиненій.—Ихъ превосходительства, поддерживаемые бернской академіей, повторяютъ свои приказанія (1718—1722).—Вмѣшательство протестантскихъ государствъ.—Петиція и контръ-петиція членовъ ваадтландскаго духовенства.—Въ Бернъ посылаются два комиссара.—Профессора соглашаются, ради сохраненія мира, подписать Consensus.—Поведеніе молодыхъ рукоположенныхъ пасторовъ.—Новое вмѣшательство протестантскихъ князей; всѣ евангелическіе кантоны, за исключеніемъ Берна, отмѣняютъ Consensus.

Мы уже указали на направленіе, проявившееся въ протестантскихъ правительствахъ сейчасъ послѣ введенія реформы, выразившееся въ стремленіи замѣнить духовный авторитетъ, которымъ пользовалась римская церковь, своимъ собственнымъ. Правительства, ревниво оберегавшія свои права, стали относиться недовѣрчиво ко всякому проявленію благочестія внѣ оффиціально установленныхъ рамокъ; евангелическіе кантоны отказались отъ принципа свободы вѣры, составляющаго основу протестантизма, и начали преслѣдовать всякія новыя теологическія идеи, возникавшія среди и внѣ духовенства.

Авторитетъ Гельветскаго исповѣданія и Наставленія къ христіанской вѣрѣ Кальвина былъ поколебленъ критикой Сомюрской французской школы. Многіе священники отвергали догматъ предопредѣленія, по которому спасеніе выпадало на долю только немногихъ избранныхъ, и принимали болѣе утѣшительное ученіе; такъ-называемые универсалисты полагали, что Своею жертвою Спаситель спасъ всѣхъ людей, и что всѣ достигнутъ въ концѣ концовъ вѣчнаго блаженства. Большая часть профессоровъ Лозаннской академіи и членовъ ваадтландскаго, невшательскаго и женевскаго духовенства склонялась къ этому ученію, распространенію котораго способствовали французскіе эмигранты; эти слегка

вольнодумныя мнѣнія были защищаемы въ Невшателѣ Остервальдомъ, въ Женевѣ — Альфонсомъ Туреттини, въ Базелѣ — Самуиломъ Веренфельзомъ.

Убѣжденными апостолами ученія Кальвина и Дордрехтскаго синода (см. стр. 133) были Франсуа Туреттини въ Женевѣ, Лука Герльнеръ въ Базелѣ, Генрихъ Гейдегеръ въ Цюрихѣ, Гуммель въ Бернѣ и Оттъ въ Шаффгаузенѣ, считавшіе себя хранителями истинной вѣры. Боясь за религіозное будущее своей страны, эти суровые теологи предложили евангелическимъ кантонамъ принять слѣдующія мѣры: возвести въ законъ Гельветское исповѣданіе и требовать отъ всѣхъ вѣрныхъ послушанія этому катехизису (см. стр. 96). Они также рѣшили дополнить въ нѣкоторыхъ пунктахъ произведеніе Буллингера.

При этихъ-то условіяхъ Гейдегеръ, согласившись со своими базельскими и женевскими друзьями, составилъ знаменитый Consensus, дополненіе къ Гельветскому исповѣданію. «Гейдегеръ,—говоритъ профессоръ Монаръ [1]),—принимаетъ за критическую основу неискаженность священнаго писанія, сохраненнаго самимъ Богомъ; вдохновенность словъ Писанія, а также событій, подлинность, въ частности, пунктуаціи для указанія гласныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. На этомъ основаніи онъ строитъ съ возмутительной грубостью догматъ предопредѣленія». Сначала цюрихскій совѣтъ, а затѣмъ бернскій, базельскій и шаффгаузенскій совѣты приняли Consensus какъ символъ (1679); Женева присоединилась къ нимъ неохотно, только изъ расположенія къ евангелическимъ кантонамъ и одна изъ первыхъ, впослѣдствіи, отдѣлилась отъ него. Невшатель остался въ сторонѣ отъ этого направленія.

Лозаннская академія получила отъ ихъ превосходительствъ приказаніе, чтобы всѣ профессора, учителя коллегій и рукоположенные пасторы подписали этотъ новый символъ вѣры. Въ первую минуту священники подписали безъ возраженій, не придавая большого значенія этому требованію; но въ 1682 г. одинъ молодой кандидатъ въ пасторы, Клавель де Ропра, написалъ передъ своею подписью слѣдующія слова: я подписываю этотъ символъ только, насколько онъ согласенъ съ Писаніемъ. Такую оговорку стали въ послѣдующіе годы дѣлать почти всѣ кандидаты въ пасторы.

Крайній догматизмъ бернскаго правительства принесъ обычные плоды; разумъ, сердце, воображеніе, оскорбленные навязываемыми имъ холодными формулами, вскорѣ возмутились. Оскорбленное чувство нашло убѣжище

---

[1]) Histoire de la Confédération suisse, de Jean de Muller, continuée par Ch. Monnard et L. Vulliemin, t. XIV.

въ пістизмѣ Спенера [1]), въ мистицизмѣ Лабади [2]) и въ квіетизмѣ мадамъ Гюйонъ [3]). Эти различныя секты отвѣчали стремленіямъ христіанъ, которыхъ оскорбляли отвлеченныя и сухія доктрины и безплодная полемика; онѣ стремились одухотворить богослуженіе, вернуть ему его самостоятельность, освободить его отъ ненужныхъ формулъ; унизительному повиновенію изъ страха они противопоставляли повиновеніе изъ любви; машинальнымъ благочестивымъ упражненіямъ — внутреннее самоуглубленіе.

Подъ вліяніемъ этихъ идей, пришедшихъ изъ-за границы, въ западной Швейцаріи произошло религіозное пробужденіе. Духовенство, со свойственной ему инертностью, предоставило государству избраніе пасторовъ, дало упасть синодамъ и ослабнуть дисциплинѣ, къ тому же Бернъ наложилъ свое иго на свободу совѣсти; все это вызвало отпаденіе многихъ благочестивыхъ душъ. Пістизмъ, подъ различными формами, вербовалъ много приверженцевъ въ городахъ Ваадтланда и даже въ Бернѣ; а анабаптизмъ дѣлалъ большіе успѣхи въ бернскихъ деревняхъ.

Ихъ превосходительства заволновались; совѣтъ двухсотъ и собраніе интерфогтовъ приняли слѣдующее рѣшеніе: всѣ подданные республики должны принести присягу повиновенія; тѣ, кто откажутся повиноваться, будутъ изгнаны изъ страны, а ихъ имущество конфисковано, если изгнанникъ вернется въ страну, онъ будетъ подвергнутъ наказанію кнутомъ и наложенію клейма, а въ случаѣ рецидива ссылкѣ на галеры и смертной казни; гражданскіе акты, заключенные диссидентами, были объявлены недѣйствительными.

Выполненіе этого жестокаго эдикта было возложено на церковный совѣтъ (1698); президентомъ его былъ назначенъ сенаторъ Абрамъ фонъ Тилье, неумолимый человѣкъ, который, говоритъ Вюльеменъ, въ доказательство своей привязанности къ старымъ нравамъ являлся на засѣданія сената въ большомъ воротникѣ, какой давно уже перестали носить его коллеги. Этотъ совѣтъ строго запретилъ всякія тайныя сборища и чтеніе сочиненій, зараженныхъ мистицизмомъ и атеизмомъ. Всякое сообщеніе съ за-

---

[1]) Нѣмецкій теологъ, родившійся въ Эльзасѣ въ 1605 г.

[2]) Сектантъ, родившійся въ Бургѣ въ Гюйенѣ въ 1610 г.; воспитанный іезуитами, онъ отступилъ отъ католичества въ 1650 г. и проповѣдывалъ послѣдовательно въ Монтобанѣ, въ странѣ Гексъ и въ Голландіи.

[3]) Родилась въ Монтаржи въ 1648 г.; прославилась своими аскетическими упражненіями и чрезвычайною набожностью, что было вызвано чтеніемъ сочиненій св. Франциска. За свое нѣжное и созерцательное благочестіе она пользовалась дружбой Фенелона; заблужденія ея фантазіи навлекли на нее осужденіе Боссюэта, который, хотя и признавалъ правоту ея намѣреній и чистоту ея нравовъ, тѣмъ не менѣе осудилъ ея сочиненія и заключилъ ее въ Бастилію.

граничными піетистами считалось преступленіемъ, почтовымъ учрежденіямъ было приказано перехватывать ихъ переписку.

Многіе независимые люди во избѣжаніе этихъ жестокихъ постановленій переселились за границу: въ Голландію, Германію, Америку. Въ 1698 г. были изгнаны четыре студента Лозаннской академіи: Арто, Порта, Терра и Фейгоцъ, по обвиненію въ арминіанствѣ [1]). Діаконъ бернскаго собора Гульди и пасторъ Лутцъ въ Штетленѣ были смѣщены съ занимаемыхъ ими должностей; Кнопфъ, сынъ интерлакенскаго унтерфогта, былъ приговоренъ къ штрафу въ 500 ливровъ; оріенталистъ Самуилъ Кёнигъ былъ сосланъ по обвиненію въ принадлежности къ сектѣ хиліастовъ; его друзья Фелленбергъ и Дикъ, пригласившіе его на прощальный обѣдъ, подверглись той же участи; членъ совѣта двухсотъ, очень уважаемый въ Бернѣ Николай Родтъ, тоже былъ осужденъ на изгнаніе, а его имущество конфисковано за то, что онъ воспротивился клятвѣ повиновенія. У родителей отымали дѣтей. Тюрьмы наполнились заключенными, съ которыми обращались чрезвычайно жестоко.

Не были пощажены и люди, выдающіеся по своимъ талантамъ и соціальному положенію. Одинъ ваадтландскій дворянинъ изъ рода, давшаго знаменитыхъ генераловъ Швеціи и Испаніи, Николай Самуилъ фонъ Трейторенъ, тронутый страданіями своихъ единовѣрцевъ піетистовъ, посѣтилъ ихъ въ тюрьмахъ и обратился къ ихъ превосходительствамъ съ просьбой, чтобы они послали его миссіонеромъ къ піетистамъ и анабаптистамъ, сосланнымъ на галеры въ Генуэзскую республику и Сицилійское королевство, чтобы утѣшить ихъ и добиться ихъ освобожденія. Такая дерзость заслуживала примѣрнаго наказанія; отвѣтомъ на его просьбу было вѣчное изгнаніе. Но этотъ благородный защитникъ угнетенныхъ продолжалъ хлопотать о жертвахъ бернской нетерпимости; онъ опубликовалъ въ 1717 г. серію писемъ къ ихъ превосходительствамъ, въ которыхъ онъ описывалъ страданія, переносимыя диссидентами, и горячо ходатайствовалъ за нихъ [2]); между прочимъ онъ упоминаетъ объ одномъ дисциплинарномъ домѣ, гдѣ онъ нашелъ въ одной комнатѣ, скученными какъ попало, сорокъ человѣкъ мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ, восьмидесятилѣтняго старика, грудного ребенка, родившагося въ тюрьмѣ.

[1]) Арминьянами или ремонтранами назывались ученики голландскаго теолога Арминія, родившагося въ 1560 г.; онъ сомнѣвался въ истинности ученія о предопредѣленіи, и его ученіе было осуждено Дордрехтскимъ синодомъ въ 1618 г.: къ этой сектѣ принадлежали: Барневельдтъ и знаменитый юрисконсультъ Гроцій, превосходный человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ Густава-Адольфа.

[2]) Отрывки ихъ можно прочесть во II т. Histoire du canton de Vaud, de Verdeil.

Генеральные штаты Голландіи, узнавъ о страданіяхъ, претерпѣваемыхъ піетистами, были тронуты и ходатайствовали за нихъ передъ ихъ превосходительствами; но эти послѣднія остались неумолимы.

Читая о подобныхъ фактахъ, думаешь, что это сонъ. Издавши Consensus, Бернъ выказалъ такую же нетерпимость, какъ и Людовикъ XIV, когда онъ отмѣнилъ Нантскій эдиктъ. Собственно говоря, и въ томъ и въ другомъ случаѣ политическія соображенія брали верхъ надъ религіозными.

Христіанская религія отвѣчаетъ потребностямъ совѣсти, а не пытливости ума; сердце схватываетъ ее лучше, чѣмъ разумъ; она не можетъ быть заключена въ узкія формулы, которыя искажаютъ догматъ, стремясь опредѣлить его. Символъ вѣры есть знамя, указывающее путь вѣрующему, ищущему религіозной истины; онъ долженъ привлекать его глаза блескомъ божественнаго идеала; движущей пружиной для него служитъ надежда, а не страхъ. Церковь должна образоваться черезъ свободное побужденіе, а не посредствомъ насилія; она должна держаться терпимостью, а не съ помощью свѣтской поддержки.

Но въ семнадцатомъ вѣкѣ были еще далеки отъ этихъ представленій, возникшихъ только недавно какъ результатъ ряда эволюцій философской мысли. Къ тому же ихъ превосходительствамъ г. Берна, совсѣмъ какъ и Людовику XIV, было важно утвердить свой авторитетъ; они совершенно не заботились о развитіи религіознаго чувства въ своихъ подданныхъ. Такъ какъ ихъ правленіе опиралось на побѣдѣ, а не на общественномъ мнѣніи, то надо было во что бы то ни стало избѣгать всего, что могло бы поколебать традицію, охранявшую ихъ власть: если бы жителямъ городовъ и деревень позволить свободно обсуждать религіозные вопросы и составлять собственныя убѣжденія, то они не замедлили бы перенести свободу изслѣдованія изъ области религіозной въ область политическую: они скоро стали бы стремиться измѣнить свое положеніе подданныхъ на положеніе свободныхъ гражданъ.

Что особенно поражаетъ, такъ это то, что яростныя преслѣдованія піетистовъ, анабаптистовъ и арминьянъ послѣдовали тотчасъ же за заступничествомъ евангелическихъ кантоновъ за протестантовъ Арта и ваадтландцевъ Пьемонта и вслѣдъ за сердечнымъ пріемомъ, оказаннымъ жертвамъ отмѣны Нантскаго эдикта. Римская церковь, навязывая насильно свои догматы, остается послѣдовательной въ своихъ принципахъ: но, когда подобное же иго накладываетъ протестантское правительство, то оно является абсурдомъ. О значеніи подобнаго образа дѣйствія можно впрочемъ судить и по тѣмъ слѣдствіямъ, къ которымъ онъ приводитъ.

Города Базель и Женева дали согласіе на Consensus, но безъ восторга,

а изъ любезности; такъ какъ въ этихъ республикахъ не существовало подданныхъ, а были только граждане, то догматическія формулы не имѣли для нихъ такой важности, какъ для Берна и Цюриха; поэтому имъ легче было быть терпимыми. Поэтому онѣ и скорѣе сознали свою ошибку: съ 1685 г. Базель пересталъ требовать подписи подъ Consensus'омъ; Женева тоже отказалась отъ этого требованія съ 1706 г., послѣ тридцатилѣтняго колебанія, и позволила лютеранамъ отправлять богослуженіе въ своихъ стѣнахъ.

Перипетіи второй Вильмергенской войны отвлекли на время вниманіе ихъ превосходительствъ. Лозаннскій бальи Жанъ-Жакъ Зиннеръ, либеральный магистратъ, позволилъ академіи принять ограничивающія условія, которыми нѣкоторые кандидаты теологіи сопровождали свое согласіе на Consensus.

Можно было надѣяться, что Consensus выйдетъ изъ употребленія, какъ вдругъ въ 1716 г. обвинили академію въ томъ, что она потворствуетъ арминьянству, и заставили лозаннскихъ профессоровъ принять участіе въ спорѣ. Академія представила оправданія черезъ своего ректора, юрисконсульта Барбейрака, ссылаясь на то, что священное писаніе есть единственное правило для протестантовъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ Consensus'а находятся принципіальныя ошибки, вслѣдствіе неправильнаго перевода текста; поэтому эти статьи не могутъ быть принимаемы за символы вѣры; что, если студенты и читаютъ произведенія Арминія, то только ради ознакомленія, но ни одинъ изъ нихъ не присоединился къ его ученію. Церковный совѣтъ не принялъ этихъ объясненій; академіи было приказано не принимать условныхъ подписей.

Лозаннская академія единогласно рѣшила упорствовать въ своемъ независимомъ положеніи и въ 1717 г. поручила декану Бержье представить ихъ превосходительствамъ новыя возраженія; она требовала отмѣны Consensus'а, который считала очевидной измѣной основнымъ принципамъ реформаціи. Бернская академія была недовольна превосходствомъ надъ ней лозаннской академіи; она представила мемуаръ, полный оскорбительныхъ инсинуацій на лозаннскихъ профессоровъ, ссылаясь на то, что «всякая оппозиція есть открытое оскорбленіе ихъ превосходительствъ, и что Consensus необходимъ для борьбы съ либертинизмомъ, арминьянствомъ, индифферентизмомъ, натурализмомъ и атеизмомъ».

Два раза, въ 1718 и 1722 гг. бернскій сенатъ, поддерживаемый нѣмецкимъ духовенствомъ, повторялъ приказъ, чтобы всѣ священники подписывали Consensus безъ ограниченій. Эти рѣшенія вызвали сильное броженіе умовъ, которое отозвалось за границей. Первый синдикъ Женевы, Маркъ Тремблей, вступился за свободу совѣсти, попираемую ихъ превос-

ходительствами; къ его протесту скоро присоединились государи, дружественные или союзные съ Берномъ: король прусскій, король англійскій и протестантскіе германскіе князья. Но все было напрасно; совѣтъ двухсотъ, большинствомъ десяти голосовъ, одобрилъ распоряженія сената.

Когда это рѣшеніе сдѣлалось извѣстнымъ, большая часть ваадтландскихъ пасторовъ приготовились покинуть свои должности; послѣ нѣсколькихъ совѣщаній пастору Соссюру было поручено составить почтительное прошеніе, съ изложеніемъ причинъ, не позволяющихъ ваадтландскому духовенству склониться передъ рѣшеніемъ ихъ превосходительствъ. Это прошеніе было подписано большинствомъ пасторовъ Лозанны и всѣми пасторами Орба и Эшаллена; было уже собрано болѣе пятидесяти подписей, когда Бернъ приказалъ фогту воспрепятствовать этой петиціи. Было пущено другое письмо, въ которомъ свидѣтельствовалось о приверженности авторовъ его къ Consensus'y; но оно собрало едва полдюжины подписей.

Два бернскихъ сенатора, знаменщикъ и совѣтникъ ф. Тилье были посланы въ Лозанну; имъ было поручено выслушать пасторовъ и немедленно отставить тѣхъ, которые откажутся подписать Consensus. При ихъ прибытіи 10 мая 1722 г., казначей Мило сказалъ имъ привѣтственную рѣчь. Эта рѣчь, замѣчаетъ Вердейль, имѣетъ историческое значеніе: въ самомъ дѣлѣ она насъ знакомитъ съ чувствами нѣкоторыхъ лозанцевъ за годъ до процесса Давеля, въ которомъ этотъ Мило игралъ важную роль. Мило, горячій приверженецъ ихъ превосходительствъ, съ грустью удостовѣряетъ, что нѣкоторые люди, «притворяясь вѣрными и покорными, въ то же время страстно желаютъ быть независимыми; другіе же, страдая подъ тяжестью суровой власти, податей и пошлинъ, деспотизма, мечтаютъ только о революціяхъ и перемѣнахъ, надѣясь, что это измѣнитъ ихъ положеніе въ лучшую сторону». Лозаннскій магистратъ клеймитъ эти стремленія и затѣмъ восхваляетъ доброту и добродѣтели своихъ знатныхъ и могущественныхъ властителей и хвалитъ ихъ мудрость и милосердіе.

На другой день знаменщикъ Тилье бесѣдовалъ съ деканомъ Бержье; дѣлая разницу, по хитрой теоріи бернскаго духовенства, между свободой мысли и свободой проповѣдованія, онъ пояснилъ ему, «что ихъ превосходительства не смотрятъ на Consensus какъ на символъ вѣры, но какъ на формулированіе доктрины, противъ котораго не должны проповѣдовать ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ мѣстахъ». Онъ прибавилъ, что единственное средство вернуть миръ въ церковь это—подчиненіе приказаніямъ ихъ превосходительствъ. Изъ желанія мира профессора академіи согласились на такое толкованіе, оставлявшее за ними свободу мысли, но ограничивавшее ихъ проповѣди, обязывая ихъ не проповѣдывать доктринъ,

противныхъ Consensus'у. Нѣкоторые изъ нихъ оставили за собой право публичнаго заявленія о толкованіи, которое они придавали своей клятвѣ.

Такое разрѣшеніе вопроса вызвало большой скандалъ въ обществѣ, академію упрекали въ слабости. Тогда профессоръ Полье заявилъ печатно, что, подписавшись подъ Consensus'омъ, онъ сдѣлалъ это настолько, насколько этотъ символъ не будетъ въ противорѣчіи со славой Божіей, христіанскимъ милосердіемъ, съ пользой для церкви и государства, и что онъ смотритъ на Consensus не какъ на формулированіе вѣры или доктрины, но какъ на формулированіе союза, обязующее подписавшихъ его согласиться на внѣшнее пріобщеніе къ церкви.

Когда рукоположенные въ пасторы, т. е. священники, не получившіе еще прихода, были приглашены принести присягу, они выказали нерѣшительность. Восемнадцать изъ нихъ подписали Consensus безъ ограниченій, но семь, съ молодымъ де Круза, сыномъ ректора академіи, во главѣ, отказались подписываться до тѣхъ поръ, пока заявленіе профессора Полье не будетъ принято и зарегистрировано: такъ какъ за ними не признали права на такое ограниченіе, то они удалились, и ихъ имена были вычеркнуты изъ академической книги.

Правительственные комиссары, вернувшись въ Бернъ, представили отчетъ въ своей миссіи. Чтобы наказать Полье за его образъ дѣйствія, сенатъ рѣшилъ потребовать отъ него опроверженія подъ угрозой лишенія мѣста; но совѣтъ двухсотъ отказалъ сильнымъ большинствомъ голосовъ въ утвержденіи этого рѣшенія. Въ большинствѣ протестантскихъ кантоновъ Consensus вышелъ изъ употребленія; вслѣдствіе послѣднихъ событій и послѣ вмѣшательства короля прусскаго и короля англійскаго, германскихъ протестантскихъ городовъ и князей, эти кантоны совсѣмъ его отмѣнили; одинъ Бернъ сохранилъ его. Въ сущности его правительство не придавало большого значенія символу вѣры, находившемуся въ Consensus'ѣ; но оно было оскорблено сопротивленіемъ, встрѣченнымъ имъ въ Ваадтландѣ. Чтобы еще разъ показать свою власть, оно снова потребовало, чтобы пасторы принесли присягу въ согласіи съ Consensus'омъ; этотъ приказъ былъ приведенъ въ исполненіе различно, смотря по фогтству, во многихъ были допущены ограниченія. Распри, вызванныя этими приказами продолжались до весны 1723 г., когда наконецъ предпріятіе маіора Давеля заставило ихъ превосходительства понять, какой они подвергали себя опасности, вызывая недовольство своихъ подданныхъ изъ-за пустыхъ формулъ.

ГЛАВА XI.

Ваадтландъ подъ властью Берна. Маіоръ Давель.

Бернцы не держатъ своихъ обѣщаній относительно созванія ваадтландскихъ штатовъ.—Организація бернскаго правленія.—Увеличеніе судовъ и процессовъ.—Административныя смуты.—Небезопасность дорогъ.—Упадокъ нравовъ; экономическій упадокъ.—Молодость Давеля, его военная каррьера, его возвращеніе въ Кюлли; его планы.—Давель мобилизуетъ три роты и вступаетъ въ Лозанну (31 марта 1723).—Сдержанный пріемъ совѣта двухсотъ.—Арестъ маіора.—Испугъ бернцевъ.—Жалобы, представленныя въ манифестѣ Давеля; докладъ шультгейсса Штейгера по поводу этихъ жалобъ.—Давель подвергнутъ пыткѣ по приказанію ихъ превосходительствъ, затѣмъ судимъ дворянами и буржуа улицы Бургъ.—Ихъ превосходительства утверждаютъ смертный приговоръ.—Казнь Давеля (24 апрѣля).—Его рѣчь на эшафотѣ.—Пасторъ Соссюръ отрѣшается отъ должности за похвалу личнымъ качествамъ Давеля.—Ихъ превосходительства принимаютъ мѣры для исправленія злоупотребленій, указанныхъ въ манифестѣ Давеля.

Мы видѣли (ст. 238), какъ ваадтландцы помогли бернцамъ при усмиреніи крестьянскаго мятежа; депутаты отъ дворянства и городовъ охотно оказали требуемую помощь, такъ какъ лозаннскій фогтъ обѣщалъ, что странѣ будутъ облегчены налоги и расширены привилегіи городовъ.

Также и во время Вильмергенской войны и въ продолженіе всего этого критическаго періода ваадтландцы помогали своимъ властелинамъ справиться съ угрожавшимъ имъ кризисомъ, не только снабжая ихъ хорошими солдатами, но и опытными офицерами и совѣтниками; между прочими назовемъ генераловъ Пемъ де Санъ-Сафоренъ и де Сакконэ, о блестящей каррьерѣ которыхъ было упомянуто выше.

Казалось бы, великія услуги, оказанныя ваадтландцами, должны были вызвать нѣкоторую благодарность со стороны совѣтовъ Берна и заставить ихъ точно выполнить обязательства, принятыя ими на себя въ 1564 г. по Лозаннскому договору. Но, когда опасность миновала, Бернъ забылъ о своихъ обѣщаніяхъ: ваадтландскіе штаты, созываемые въ 1570, 1590, 1591, 1594, 1595, 1603, 1608, 1609, 1613, 1621 и 1622 годахъ были съ этого послѣдняго года отмѣнены и не были возобновлены, согласно надеждамъ, которыя лозаннскій фогтъ подалъ въ 1653 г. депутатамъ отъ дворянства и городовъ. Всякій разъ, какъ въ г. Лозанну назначался новый фогтъ, въ воротахъ Сентъ-Этьенъ протягивали цѣпь и до тѣхъ поръ не пропускали представителя ихъ превосходительствъ въ Сите и въ замокъ, пока онъ не давалъ клятвы соблюдать вольности лозанцевъ; но это была пустая формальность: Ваадтландомъ управляли съ вы-

сокомѣрнымъ эгоизмомъ, словно завоеванной страной. Жестокая власть ихъ превосходительствъ проявлялась въ области политической и въ области религіозной и не принимала въ расчетъ жалобъ своихъ подданныхъ; деспотическій образъ дѣйствія Берна въ вопросѣ о Consensus'ѣ навлекъ на него заслуженныя порицанія со стороны иноземныхъ государствъ, но это общественное неодобреніе не повліяло на него.

Во главѣ бернской республики находились два пожизненныхъ шультгейсса, чередовавшихся погодно, и совѣты, пополнявшіеся по собственному выбору. Территорія была раздѣлена на 62 фогтства; фогты, назначаемые на шесть лѣтъ, исполняли одновременно военныя, административныя и юридическія обязанности.

«Достатокъ, привычка начальствовать, духъ времени и подчиненное положеніе крестьянъ», говоритъ Вюльменъ, «создали знатнымъ фамиліямъ выдающееся положеніе. Въ 1680 г. они закрыли доступъ новымъ лицамъ въ управленіе государствомъ. Только лица, записавшіяся въ граждане до 1643 года, получили право на высшія должности; граждане позднѣйшаго періода были навсегда исключены изъ магистратуры. Когда были установлены эти различія, была учреждена палата для наблюденія за ихъ соблюденіемъ. 360 «знатныхъ» родовъ было записано въ «красную книгу», изъ нихъ восемьдесятъ въ дѣйствительности раздѣлили между собою государственную власть». Съ 1712 г. фогтства отдавались по жребію; они конечно были неодинаково значительны; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, говорятъ, оброки давали управляющимъ ими годовой доходъ отъ 5000 до 6000 экю.

«Правосудіе», говоритъ далѣе тотъ-же авторъ, «отправлялось двумя палатами, принимавшими иски одна отъ нѣмецкихъ областей, другая отъ Ваадтланда. Послѣ крестьянской войны Бернъ поставилъ себѣ за государственное правило соблюденіе строгой справедливости и принципъ равенства всѣхъ подданныхъ передъ закономъ. Указывали на крестьянъ, выигравшихъ дѣло противъ своихъ фогтовъ. Судьи не изучали юриспруденціи; здравый смыслъ замѣнялъ науку. Судопроизводство было сокращенное. Римскому праву слѣдовали только по стольку, по скольку оно согласовалось со справедливостью. Пытка уступала понемногу мѣсто показанію свидѣтелей. Обвиняемый, невиновность котораго была доказана, получалъ при выходѣ изъ тюрьмы бѣлую розу изъ рукъ молодой дѣвушки».

Кромѣ окружныхъ судовъ существовало еще много низшихъ инстанцій; чиновники, составлявшіе ихъ, выбирались среди самыхъ уважаемыхъ лицъ той мѣстности, гдѣ они засѣдали, что позволяло удовлетворять самолюбію многихъ подданныхъ и тѣмъ привязывать ихъ къ существовавшему режиму. Тотъ фактъ, что всякій истецъ имѣлъ судъ такъ сказать

подъ рукой, зарождалъ надежды часто ложныя, и въ результатѣ явилось большое увеличеніе процессовъ; затѣмъ, благодаря нагроможденію инстанцій, процессы тянулись очень долго, что увеличивало доходы судебнаго персонала и адвокатовъ, такъ что ваадтландцы тратили на судебные процессы большія суммы денегъ, которыя могли-бы быть употреблены съ большей пользой.

Ихъ превосходительства пытались сдѣлать право всюду одинаковымъ: но ваадтландскій сводъ обычныхъ законовъ допускалъ рядъ мѣстныхъ обычаевъ, которыхъ они не рѣшились отмѣнить, боясь вызвать неудовольствіе, какъ-то: общее собраніе (plaict) Лозанны, обычное право Эгля, Орба, Грансона и т. д. Законы издавались въ формѣ приказовъ или распоряженій. «Это былъ», говоритъ Вюльеменъ, — «смѣшанный арсеналъ оружій, направленныхъ то противъ рутины, то противъ нововведеній, сегодня противъ безпорядковъ, завтра противъ свободы. Приказы за приказами нападали на употребленіе табаку, чаю, кофе, какао. Другіе боролись противъ золотыхъ, серебряныхъ, парчевыхъ тканей, а такъ какъ изловчились обходить законъ, то онъ преслѣдовалъ моду вплоть до самыхъ тайныхъ складокъ туалета. Ихъ превосходительства прониклись святымъ негодованіемъ, узнавъ однажды, что въ Вевэ живетъ учитель танцевъ, католикъ, благодаря присутствію котораго происходитъ большой скандалъ, а именно ночные балы, въ которыхъ принимаютъ участіе оба пола. Чужеземецъ былъ изгнанъ, а городу Вевэ сдѣланъ выговоръ за преступную терпимость.

Ихъ превосходительства, строго относившіяся къ нравамъ буржуа, были неспособны внести порядокъ въ страну. Дороги были не безопасны; цѣлыя деревни были извѣстны какъ притоны воровъ и разбойниковъ; разбойники не ограничивались отдѣльными нападеніями, цѣлыя организованныя шайки бродили по деревнямъ, распространяя ужасъ. Не мало было священниковъ, оставлявшихъ многаго желать относительно ихъ нравственности.

Этотъ общій упадокъ нравовъ естественно привелъ къ упадку экономическому; торговля была незначительна, земледѣліе въ зародышѣ, школы въ небреженіи. Невѣжество, нерадѣніе, неопрятность, безпорядокъ вошли въ привычку у ваадтландскихъ крестьянъ; они жили въ неуютныхъ и жалкихъ жилищахъ, въ разоренныхъ деревняхъ. Англійскій историкъ Гиббонъ, проведшій въ XVIII вѣкѣ нѣсколько лѣтъ въ Лозаннѣ, былъ пораженъ такимъ состояніемъ вещей: сравненія, дѣлаемыя имъ между Франціей, Англіей, Голландіей, Германіей и Ваадтландомъ, указываютъ на малую заботливость бернской аристократіи о благосостояніи своихъ подданныхъ. Города Ваадтланда не имѣли между собой почти никакихъ сношеній; ихъ полное разобщеніе входило въ соображенія бернской политики.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ натянуты были отношенія между академіей и духовенствомъ съ одной стороны и ихъ превосходительствами съ другой. Слѣдуя старому правилу: «раздѣлять чтобы царствовать», они распредѣлили духовенство на пять классовъ или земельныхъ округовъ съ цѣлью воспрепятствовать развитію духа общности; молодой пасторъ, при выходѣ изъ академіи, поступалъ въ качествѣ викарія въ тотъ или другой округъ, смотря по ваканціи, и оставался въ немъ во все время своей службы. Ваадтландцы, лишенные политической свободы, были поэтому особенно привязаны къ своимъ церковнымъ учрежденіямъ; духовенство стало прибѣжищемъ для независимыхъ умовъ, поэтому слабыя либеральныя стремленія священниковъ и учителей являлись предметомъ безпокойства для государя, ревниваго къ своимъ правамъ. Стремленіе правительства склонить пасторовъ подъ унизительное иго было въ порядкѣ вещей и не должно вызывать удивленія, но въ области свободы совѣсти ихъ превосходительства встрѣтили сопротивленіе, котораго они не ожидали отъ ваадтландцевъ, отъ природы кроткихъ и добродушныхъ. Это явленіе имѣло уже мѣсто въ XVI вѣкѣ и должно было вновь проявиться въ XIX во время духовнаго пробужденія, къ великой чести для романдскаго духовенства.

При такихъ-то обстоятельствахъ среди ваадтландскаго народа появился герой, попытавшійся пробудить ихъ отъ ихъ апатіи; не посовѣтовавшись съ народомъ, онъ потребовалъ отъ его имени независимости, цѣнности которой народъ въ массѣ, казалось, не понималъ. Мы говоримъ въ массѣ, ибо, какъ показываетъ рѣчь казначея Мило, произнесенная въ Лозаннѣ 10-го мая 1722 г., не одинъ ваадтландецъ мечталъ въ тайнѣ увидѣть свое отечество независимымъ государствомъ (см. выше стр. 289).

Французскій посланникъ въ Швейцаріи, графъ Дю Люкъ, эксплуатировалъ въ свою пользу недовольство ваадтландцевъ: онъ желалъ отнять Ваадтландъ у бернцевъ, чтобы сдѣлать изъ него четырнадцатый кантонъ: Валлисъ долженъ былъ образовать пятнадцатый кантонъ. Давель, по мнѣнію Вюльсмена, слышалъ, какъ Дю Люкъ высказывалъ свои взгляды на этотъ предметъ.

Іоаннъ-Даніилъ-Авраамъ Давель родился въ 1670 г. въ Морансѣ, гдѣ его отецъ, котораго онъ лишился въ семилѣтнемъ возрастѣ, былъ пасторомъ; его семья была родомъ изъ Лаво, его предки занимались разведеніемъ винограда; одинъ изъ ближнихъ его родственниковъ, Петръ Давель, занималъ въ академіи каѳедру философіи. Пройдя коллежъ и низшее отдѣленіе академіи, Давель занимался у одного нотаріуса; восемнадцати лѣтъ онъ получилъ званіе окружного нотаріуса и поселился въ этой должности въ Кюлли.

Тамъ-то осенью 1687 или 1688 провозвѣстникъ независимости Ваадт-

ланда имѣлъ таинственную встрѣчу, имѣвшую рѣшительное вліяніе на всю его жизнь. Однажды, когда онъ вмѣстѣ со своей матерью и другими лицами работалъ въ виноградникѣ, къ нимъ присоединилась молодая дѣвушка удивительной красоты, одѣтая въ національный костюмъ, неизвѣстная никому изъ нихъ. Ея красота, прилежаніе и скромныя манеры поразили мадамъ Давель, принявшую ее въ свой домъ въ Кюлли; незнакомка быстро пріобрѣла расположеніе своей хозяйки. Вдругъ она начала пророчествовать и предсказала, что молодой Давель умретъ черезъ три дня. Въ XVII вѣкѣ народное суевѣріе было очень сильно, такъ какъ образованіе было очень мало распространено; многіе обращались за совѣтами къ колдунамъ, и процессы о колдовствѣ были очень часты. Давель не раздѣлялъ этого суевѣрія; тѣмъ не менѣе предсказаніе незнакомки произвело на него впечатлѣніе, и онъ сталъ готовиться предстать передъ своимъ Создателемъ; съ наступленіемъ третьяго дня онъ спокойно легъ, направилъ мысли къ Богу и впалъ въ глубокій экстазъ; когда кризисъ миновалъ, незнакомка сказала мадамъ Давель: «Вашъ сынъ не умретъ, Богъ сохранилъ его для великихъ дѣлъ» [1]).

На другой день Давель имѣлъ нѣсколько свиданій съ незнакомкой и послѣ нѣкотораго сопротивленія позволилъ составить ей свой гороскопъ; незнакомка объявила ему о предстоящемъ ему поприщѣ; она открыла ему, что ему придется совершить великую миссію, и что въ его предпріятіи имъ будетъ руководить высшая сила. Это было время великаго переселенія французскихъ гугенотовъ и севеннскихъ «пророковъ», и можно предположить, что прекрасная незнакомка принадлежала къ нимъ [2]).

Въ 1689 г. Давель нанялся на службу Голландіи, которую онъ оставилъ въ 1705 или 1706 г. въ чинѣ капитана; два года спустя онъ поступилъ на слѵжбу Франціи. Подъ иностранными знаменами онъ заслужилъ репутацію дѣятельнаго офицера, предпріимчиваго, храбраго и хорошаго поведенія. Вернувшись на родину, онъ принялъ участіе въ кампаніи 1712 г. въ качествѣ адъютанта генерала де-Сакконэ, подъ командой котораго онъ уже служилъ въ Голландіи; онъ отличился въ битвѣ при Бремгартенѣ и въ Вильмергенскомъ сраженіи. Давелю, снискавшему довѣріе ихъ превосходительствъ, было поручено командованіе однимъ изъ четырехъ военныхъ округовъ Ваадтланда, при чемъ онъ получилъ чинъ оберъ-маіора. Его округъ обнималъ фогтства Шильонъ, Оронъ и четыре

---

[1]) Объ этомъ интересномъ эпизодѣ можно прочесть въ брошюрѣ: Le major Davel, изданной недавно A. Levinson'омъ; въ ней собранъ рядъ свѣдѣній о жизни ваадтландскаго героя.

[2]) См. историческую замѣтку о маіорѣ Давелѣ полковника Леконта.

прихода Лаво; кромѣ того, онъ командовалъ ротой. Исправляя эти должности, онъ въ то же время практиковалъ въ качествѣ нотаріуса и управлялъ имѣніемъ своей семьи.

Честность, прямота и благочестіе Давеля пріобрѣли ему привязанность окружавшихъ его лицъ. У него было мало близкихъ связей; будучи сдержанъ по натурѣ, онъ не легко сближался. «Люди его закала», говоритъ Юстъ Оливье [1]), «дружатся со своими мыслями, и это ихъ удовлетворяетъ». Но всякій чувствовалъ, что подъ этой сдержанностью скрывается незаурядное благородство и высокія чувства. Онъ любилъ помогать бѣднымъ и навѣщать больныхъ; такъ какъ онъ обладалъ даромъ примирять спорящихъ и судящихся, то его охотно выбирали въ третейскіе судьи въ случаяхъ несогласій. Его нравы были просты и не носили отпечатка грубости. Его сердце было полно горячаго благочестія, и онъ усердно посѣщалъ общественныя богослуженія. Онъ не принялъ лично участія въ дѣлѣ о Consensus'ѣ; но, судя по его рыцарскому характеру, легко предположить, что его симпатіи были на сторонѣ угнетаемыхъ, а не гонителей.

Во время этого мирнаго и уединеннаго существованія маіоръ Давель думалъ о рабствѣ своего отечества и вспоминалъ слова незнакомки, сказанныя ему въ его юности, относительно миссіи, которую ему предназначено выполнить. Глубоко привязанный къ своей родинѣ, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и онъ рѣшилъ вырвать Ваадтландъ изъ-подъ бернскаго владычества. Онъ полагалъ, что получилъ на то указаніе свыше, и утѣшался иллюзіей, что достаточно будетъ громко провозгласить свое намѣреніе, чтобы ваадтландскій народъ откликнулся на его призывъ и поспѣшилъ помочь ему; онъ надѣялся безъ боя отбросить бернцевъ за мостъ Гюминенъ, который онъ предполагалъ сдѣлать границей ихъ владѣній. Онъ разсчитывалъ, что Цюрихъ и католическіе кантоны будутъ благосклонны его намѣреніямъ изъ зависти къ Берну.

Съ начала 1723 г. Давель началъ придумывать практическія средства для осуществленія своего намѣренія и составилъ воззваніе къ лозаннскимъ магистратамъ и манифестъ. Каждую весну всѣ фогты отправлялись въ Бернъ, гдѣ совѣтъ двухсотъ назначалъ новыхъ лицъ на освободившіяся среди нихъ ваканціи. Давель воспользовался этимъ удобнымъ моментомъ и велѣлъ объявить съ каѳедръ приказъ о мобилизаціи трехъ ротъ, которыми онъ командовалъ; въ приказѣ сообщалось, что 31-го марта въ Кюлли будетъ чрезвычайный смотръ. Понимая, что такая необыкновенная мѣра неми-

[1]) Etudes d'histoire nationale: Le major Davel.

нуемо вызоветъ удивленіе въ странѣ, Давель придумалъ для ея оправданія разные предлоги; онъ сослался на приказанія изъ Берна, на появленіе чумы, на готовящіеся мятежи въ нѣмецкихъ фогтствахъ, въ виду которыхъ необходимо было удостовѣриться, хорошо ли экипировано войско, и въ состояніи ли оно выдержать кампанію.

Прежде чѣмъ приступить къ выполненію своего великаго предпріятія, Давель подготовился къ нему нравственно и физически. Онъ обратился къ Богу, моля Его въ сочиненной имъ молитвѣ, найденной на немъ при его арестованіи, сохранить его отъ ошибки и отклонить его отъ проекта, если онъ не можетъ способствовать счастью родины. Онъ соблюдалъ еще большую, чѣмъ обыкновенно, умѣренность и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ совсѣмъ не пилъ вина. Онъ непрестанно постился, бодрствовалъ и молился. При этомъ онъ все сильнѣе укрѣплялся въ мысли, что онъ избранъ быть избавителемъ своего отечества.

31-го марта утромъ три роты собрались на площади Кюлли. Это было избранное войско: солдаты были молодые, хорошаго роста, одѣтые почти всѣ въ одинаковую форму съ красными обшлагами, красными чулками и въ шляпахъ съ пряжками; маіоръ былъ на хорошей верховой лошади; одѣтъ во все новое, въ ярко-красномъ мундирѣ; онъ самъ командовалъ первой ротой батальона. Давель отвелъ въ сторону своихъ двухъ капитановъ, Клавеля изъ Кюлли и де-Круза изъ Шексбра. Смотръ,—сказалъ онъ имъ,—состоится въ Лозаннѣ, только тамъ они получатъ его приказанія, которыя должны до того оставаться въ секретѣ. Такъ какъ они настаивали, чтобы они были имъ сообщены немедленно, то Давель коротко оборвалъ разговоръ и отдалъ приказаніе садиться на лошадей, что они и сдѣлали, снимая съ себя всякую отвѣтственность. Отрядъ, состоявшій изъ пятисотъ пѣхотинцевъ и нѣсколькихъ драгунъ, весело двинулся; во время перехода веселыя ноты дудокъ смѣшивались съ важнымъ боемъ барабана. Было около трехъ часовъ пополудни, когда Давель вступилъ въ Лозанну черезъ ворота Сенъ-Пьерръ; онъ прошелъ черезъ городъ съ развернутыми знаменами; дудки насвистывали увлекательный маршъ; барабаны били къ бою; дойдя до соборной террасы, остановились. Лозаннскій бургомистръ былъ въ Лаво, а фогтъ въ Бернѣ; въ ихъ отсутствіи наблюденіе за порядкомъ лежало на маіорѣ де-Круза, сынѣ бургомистра въ должности, исполнявшаго въ то время обязанности «контролера». Узнавъ о прибытіи лавоскаго батальона, этотъ магистратъ предсталъ передъ Давелемъ и потребовалъ отъ него объясненій; Давель отправился съ нимъ въ ратушу, чтобы найти помѣщеніе для своего войска и испросилъ аудіенцію у совѣта двухсотъ, собраннаго казначеемъ Мило.

Прежде чѣмъ войти въ залу засѣданія, Давель отвелъ въ сторону де-

Круза [1]), и Мило и сообщилъ имъ свое воззваніе къ городу Лозаннѣ и свой манифестъ; затѣмъ увѣренный, что ему удастся привлечь ихъ на свою сторону, онъ довѣрчиво сообщилъ имъ свой планъ и способъ его осуществленія. Не оспаривая его, эти магистраты обѣщали ему представить его проектъ совѣту, что они дѣйствительно и сдѣлали, придя въ залу совѣщаній. Совѣтъ предположилъ, что существовало тайное соглашеніе между маіоромъ и нѣкоторыми лозаннскими гражданами, поэтому прежде чѣмъ приступить къ обсужденію вопроса потребовалъ, чтобы всѣ члены возобновили присягу въ вѣрности, поклялись бы держать въ полной тайнѣ предстоявшіе дебаты и мѣры, которыя будутъ приняты. Послѣ того, какъ была дана эта клятва, совѣтъ рѣшилъ выслушать Давеля, дозволить ему изложить свою мысль, дѣйствовать осторожно, чтобы не запугать его, и послать одного изъ членовъ совѣта въ Бернъ, чтобы предупредить ихъ превосходительства о происходившемъ; это было поручено Генриху Шарьеръ, сеньеру де-Севери.

Въ то время какъ совѣтъ обсуждалъ дѣло, Давель сообщилъ свои два манифеста своимъ капитанамъ, которые изъ осторожности не выказали ни отвращенія, ни согласія. Когда кончилось совѣщаніе, маіора ввели передъ совѣтъ двухсотъ, который его принялъ очень хорошо. Сіяя отъ радости и не чувствуя никакого недовѣрія, Давель прочелъ лозаннскимъ магистратамъ рѣчь, въ которой изложилъ свой проектъ. Члены двухсотъ сдѣлали видъ, что склоняются къ этому призыву къ независимости, и ради формы сдѣлали нѣсколько возраженій.

При распредѣленіи по квартирамъ солдатъ Лаво позаботились по возможности разсѣять ихъ. Давель и его солдаты поужинали на счетъ города въ трактирѣ Золотого льва вмѣстѣ съ казначеемъ Мило, знаменщикомъ Полье и маіоромъ де-Круза. Этому послѣднему было поручено надзирать на слѣдующій день за лозаннскимъ отрядомъ. Городскія ворота

---

[1]) Контролеръ Жанъ-Даніель де-Круза былъ сыномъ бургомистра Давида де-Круза; его родъ угасъ въ 1819 г. У него былъ старшій братъ, Веньяминъ, предокъ Генриха-Антуана де-Круза, фигурировавшаго на банкетѣ Жордилей (1791) и бывшаго судьей въ гельветскомъ трибуналѣ; отъ него происходитъ вѣтвь де-Круза, основавшаяся въ настоящее время въ Бернѣ и Лозаннѣ. У бургомистра былъ братъ, по имени Жанъ-Пьеръ, пріобрѣвшій извѣстность въ качествѣ профессора философіи въ Лозаннѣ и въ Гронингенѣ, оказавшій, какъ и его сынъ, оппозицію бернскому правительству въ дѣлѣ о Consensus'ѣ. Отъ него происходитъ другая вѣтвь рода Круза, основавшаяся въ Валлорбѣ и въ Лозаннѣ. Отцу бургомистра и архитектора, Аврааму де-Круза, была поручена, въ качествѣ архитектора, перестройка лозаннской ратуши; онъ былъ внучатнымъ племянникомъ Избранда де-Круза, игравшаго роль въ дѣлѣ Избранда д'О (ст. 175).

были закрыты и охраняемы горожанами. Ужинъ въ Золотомъ львѣ былъ веселъ. Маіоръ по своему обыкновенію былъ очень воздержанъ; въ десять часовъ онъ попросилъ позволенія удалиться къ контролеру де-Круза, предложившему ему гостепріимство въ своемъ домѣ, въ улицѣ Бургъ, противъ Золотого льва. Тамъ онъ до полночи разговаривалъ безъ всякаго недовѣрія со своимъ хозяиномъ и изложилъ ему свой планъ во всѣхъ подробностяхъ. Контролеръ, какъ вѣрный слуга ихъ превосходительствъ, записалъ полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія и въ ту же ночь отправилъ рапортъ въ Бернъ. Къ тремъ часамъ утра въ Лозанну прибыло восемьсотъ человѣкъ милиціи, мобилизованной секретно въ окрестностяхъ Лозанны; городской отрядъ тоже вооружился. Окружной лейтенантъ, Исаакъ де-Луа, увѣренный въ поддержкѣ совѣта, заперся въ замкѣ съ тридцатью или сорока человѣками, наскоро собранными.

Члены совѣта, чрезвычайно встревоженные, провели ночь въ совѣщаніяхъ въ ратушѣ, въ то время какъ встревоженное населеніе недоумѣвало, каковъ будетъ исходъ этого таинственнаго дѣла. Утромъ Давель вышелъ изъ своей квартиры въ сопровожденіи членовъ совѣта Польс и Годара, пришедшихъ къ нему подъ предлогомъ переговоровъ о дѣлѣ; выйдя на улицу онъ очутился передъ отрядомъ лозаннской милиціи подъ командой капитана Декомба, его родственника, который его арестовалъ.

Несчастный Давель, вѣрившій словамъ сопровождавшихъ его членовъ совѣта, подумалъ сначала, что это недоразумѣніе; онъ потребовалъ объясненія, въ которомъ ему было отказано. Холодная манера капитана Декомба, сказавшаго ему, что дѣйствуетъ по приказу окружнаго лейтенанта, раскрыла ему печальную дѣйствительность. Тогда Давель отдалъ свою шпагу съ трогательными словами: «Вижу, что мнѣ придется быть жертвой этого дѣла: но все равно, нѣкоторую пользу мое отечество извлечетъ изъ него». Это случилось въ четвергъ 1-го апрѣля.

Его повели окраинами города въ замокъ, гдѣ онъ былъ заключенъ приблизительно въ семь часовъ утра. По дорогѣ въ тюрьму набожному маіору пришлось выслушать горькіе упреки и даже брань; онъ ихъ принялъ по примѣру Христа спокойно, замѣтивъ только, «что имѣлъ причины поступить такъ, какъ поступилъ».

Его заставили снять чистое платье и надѣли на него купленное у ветошника; на ноги ему надѣли колодки и оставили его подъ присмотромъ четырехъ солдатъ.

Послѣ ареста маіора распущеніе его войска совершилось безъ всякаго затрудненія. Среди солдатъ Давеля господствовало два противуположныхъ мнѣнія: одни строго осуждали его за то, что онъ ихъ впуталъ въ заговоръ; другіе остались ему вѣрны до послѣдней минуты и жалѣли о его печальной участи.

Въ этомъ необыкновенномъ предпріятіи благородный мученикъ за независимость не имѣлъ сообщниковъ [1]); онъ разсчитывалъ только на божественную помощь, на силу убѣжденія, и наивно надѣялся достигнуть цѣли, не проливъ ни капли крови; онъ приказалъ своимъ солдатамъ не брать боевыхъ запасовъ. Онъ былъ готовъ покориться своей судьбѣ въ случаѣ неудачи; онъ желалъ оградить своихъ согражданъ и одному вынести гнѣвъ ихъ превосходительствъ. Будучи завѣдомо опытнымъ солдатомъ, онъ намѣренно пренебрегъ всѣми правилами военнаго искусства. «Можно», говоритъ иностранный историкъ д-ръ Левинсонъ,—«упрекать Давеля за то, что онъ худо или вѣрнѣе совсѣмъ не подготовилъ движенія; но нельзя отрицать того, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ былъ движимъ безусловно чистыми и безкорыстными мотивами». «Съ Давелемъ», говоритъ одинъ историкъ нѣмецкой Швейцаріи [2]), «не сравнится ни одинъ изъ революціонеровъ въ чистотѣ намѣреній и поступковъ». Все, что намъ извѣстно о его мирномъ житьѣ въ Кюлли, указываетъ на то, что онъ не стремился ни къ богатству, ни къ почестямъ.

При существовавшемъ въ ту эпоху настроеніи ваадтландскихъ деревень Давель не могъ ожидать отъ нихъ большой поддержки, напротивъ, онъ имѣлъ больше основанія разсчитывать на городскихъ буржуа, которыхъ оскорбляло поведеніе бернцевъ. Опытный заговорщикъ завязалъ бы сношенія съ городскими совѣтами; онъ воспользовался бы ихъ недовольствомъ, вызваннымъ тѣмъ, что ихъ превосходительства отказались послѣ Вильмергена внять ихъ справедливымъ требованіямъ; онъ вызвалъ бы вмѣшательство нѣкоторыхъ кантоновъ и Франціи, которая неблагосклонно смотрѣла на преобладающее въ Швейцаріи вліяніе Бернской республики. Судя по переполоху, произведенному въ Бернѣ извѣстіемъ о заговорѣ, можно думать, что искусно задуманный заговоръ имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. Но Давель, отказавшись отъ средствъ, могшихъ обезпечить успѣхъ его предпріятію, беря на себя одного отвѣтственность за свое предпріятіе, неизбѣжно шелъ къ пораженію.

Извѣстія, посланныя въ Бернъ контролеромъ де Круза, успокоили

---

[1]) Впослѣдствіи прошелъ слухъ, что герцогъ Савойскій и епископъ Лозаннскій не были чужды этому движенію, и что послѣдній не замедлитъ вступить въ свой лозаннскій епископскій замокъ. Распространенію этихъ слуховъ, можетъ быть, способствовали замѣчанія, сдѣланныя въ трактирѣ послѣ усердной попойки драгунскимъ офицеромъ, М. де Трейтораномъ. Но это предположеніе, не подтвержденное до сего времени никакимъ документомъ, плохо вяжется съ характеромъ Давеля и его привязанностью къ протестантству.

[2]) Henne am Rhyn: Geschichte des schweizerischen Volkes und seiner Cultur.

возбужденіе и страхъ, овладѣвшіе въ первую минуту умами. Людвигъ ф. Ваттевиль, казначей Ваадтланда, былъ посланъ въ качествѣ комиссара въ Лозанну съ неограниченными полномочіями. Всѣмъ кантонамъ, за исключеніемъ Фрейбурга, которому ихъ превосходительства не довѣряли, были разосланы приглашенія мобилизовать войска для защиты Конфедераціи, которой грозила опасность. Фогты немедленно вернулись въ свои округа; но тотчасъ же по пріѣздѣ они убѣдились, что Ваадтландъ былъ болѣе спокоенъ и покоренъ, чѣмъ когда либо, и что предпріятіе маіора Давеля было порицаемо какъ оскорбленіе величества. 3-го апрѣля собрался лозаннскій совѣтъ, которому комиссаръ ф. Ваттевиль передалъ грамату съ похвалой за вѣрность и рвеніе.

Что касается Давеля, то онъ не только не жаловался и не обвинялъ своихъ соотечественниковъ, но переносилъ свое суровое заточеніе съ радостью мученика, поддерживаемый надеждой, что его предпріятіе принесетъ счастливые результаты для его любимаго отечества. «Правители,— утѣшался онъ,—увидя изъ этого славнаго дѣла, что лучшей поддержкой правительства являются справедливость и умѣренность, откроютъ глаза на злоупотребленія и безпорядки, на которые я жалуюсь въ моемъ манифестѣ, и постараются исправить ихъ».

Манифестъ, прочитанный Давелемъ передъ лозаннскимъ совѣтомъ, былъ пересланъ въ Бернъ и отданъ на изученіе и для сообщенія шультгейссу Христофору ф. Штейгеру. Этотъ достойный магистратъ, человѣкъ весьма разсудительный и настолько же умный, насколько независимый, честно справился со своей деликатной миссіей и призналъ основательность многихъ жалобъ Давеля, но тайный совѣтъ не сталъ обсуждать его заключенія. Манифесты маіора и заключенія шульгейсса были отправлены въ архивъ съ особеннымъ запрещеніемъ давать съ нихъ копіи, что и было строго исполнено. Сравненіе этихъ двухъ документовъ, оставшихся неизвѣстными современникамъ [1]), бросаетъ яркій свѣтъ на состояніе Ваадтланда вначалѣ

[1]) Нѣсколько копій манифеста Давеля ходили по рукамъ въ Ваадтландѣ въ 1723 г.; но бернское правительство упорно преслѣдовало ихъ, такъ что нигдѣ нельзя уже было больше найти этотъ важный документъ. Тѣмъ не менѣе вначалѣ нашего вѣка у бернскаго историка Антона ф. Тилье была копія съ манифеста и отчета шультгейсса Штейгера; онъ представилъ разборъ перваго въ своей исторіи Бернской республики; позднѣе Юстъ Оливье и Вердейль напечатали его сполна. Тилье въ своей исторіи упоминаетъ объ отчетѣ Штейгера, но не считаетъ своевременнымъ обнародованіе его. Десять лѣтъ тому назадъ, доктору Марселю изъ Лозанны, собравшему много документовъ о маіорѣ Давелѣ, посчастливилось получить доступъ въ библіотеку покойнаго Антона ф. Тилье; онъ нашелъ тамъ отчетъ Штейгера, который онъ перевелъ, и который мы напечатали въ Gazette de Lausanne (№№ отъ 20 и 21 декабря 1889).

восемнадцатаго вѣка. Приводимые отрывки показываютъ, что во многихъ пунктахъ шультгейссъ Штейгеръ признавалъ жалобы Давеля основательными.

Въ манифестѣ, обращенномъ къ ихъ превосходительствамъ, говорилось:

«Вамъ было сообщено въ анонимныхъ письмахъ о недостойномъ поведеніи вашихъ фогтовъ; при чемъ было предложено явиться къ вамъ для подтвержденія справедливыхъ жалобъ и обвиненій; результатомъ этого явился приказъ къ вашему казначею (trésorier), вполнѣ изобличенному, чтобы онъ изслѣдовалъ дѣло. И изъ этого воспослѣдовало только еще худшее продолженіе злоупотребленій и непомѣрныхъ штрафовъ, которые такъ подавляли и придавливали многихъ буржуа и жителей, что удивительно, какъ они могли выдержать до сего дня!»

«Придавать значеніе анонимнымъ письмамъ очень опасно, замѣчаетъ шультгейссъ Штейгеръ; не придавать имъ значенія тоже неудобно, тѣмъ болѣе, что въ серьезныхъ дѣлахъ низшій нападаетъ на высшаго неохотно и не при равныхъ условіяхъ, особенно же въ республикѣ, которую есть въ чемъ упрекнуть.

«Надо выбрать средній путь и раскрывать истину приводимыхъ жалобъ осторожно, для того, чтобы виновный не погибъ за свою ошибку, чтобы то, что неправильно, могло быть исправлено.

«Указанныя злоупотребленія очевидно существуютъ и не отъ несостоятельности узаконеній, а отъ несостоятельности ихъ примѣненія на дѣлѣ».

«Вы поставили,—продолжаетъ манифестъ,—всѣ должности, гражданскія, политическія и духовныя, въ зависимость отъ вашихъ фогтовъ, продающихся тому, кто больше всѣхъ дастъ. Вы послали для исправленія правосудія фогтовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго представленія или знанія о правѣ. Ваши фогты и высшія палаты умножаютъ и поддерживаютъ до безконечности городскіе, общественные и частные процессы. И нѣтъ никакой перемѣны или улучшенія; въ результатѣ явилась самая пагубная власть».

Честный шультгейссъ признаетъ то, что справедливо въ этихъ жалобахъ, и предлагаетъ реформы для исправленія золъ, указанныхъ Давелемъ.

«Если бы здѣсь (въ Бернѣ) находились различные представители Ваадтланда, то это позволило бы наблюдать за выполненіемъ законовъ и указовъ и представлять жалобы непосредственно правительству. Этимъ способомъ страна избавилась бы отъ многихъ убытковъ.

«Что-же касается выбора фогтовъ, то и это вѣрно; здѣсь можно было-бы прибѣгнуть къ слѣдующей мѣрѣ предосторожности: до утвержденія въ должности фогта членами совѣта каждый кандидатъ долженъ предварительно принести присягу (jurament to sich purgiren), что ни онъ, ни его

родные, насколько онъ знаетъ, не давали себя подкупить никакими предложеніями ни въ настоящемъ времени, ни въ будущемъ. Если предложенный кандидатъ далъ какое-либо обязательство, онъ становится недостойнымъ назначенія, и совѣтъ, согласно своей клятвѣ, обязанъ принять соотвѣтствующія мѣры».

«Каждый годъ, говорилъ Давель, вы вводите новый налогъ или пошлину, вы налагаете на общественныя и частныя имѣнія исправленіе всѣхъ шоссе и королевскихъ дорогъ. Вы разорили торговлю, при чемъ ваша неспособность къ управленію сдѣлала то, что вся звонкая монета почти вывелась въ странѣ».

На этотъ упрекъ Штейгеръ отвѣчаетъ:

«Такъ какъ эти убытки происходятъ отъ недавнихъ измѣненій дорожныхъ пошлинъ и акцизовъ въ торговлѣ нашихъ романдскихъ странъ и сосѣднихъ кантоновъ, то легче жаловаться на трудности провоза, чѣмъ ихъ доказать. Однако слѣдовало-бы уменьшить дорожныя пошлины, прибыль правительства должна заключаться въ увеличеніи транзита, а не въ цѣнности товара; прибыль должна была-бы идти на улучшеніе главныхъ дорогъ (viarium regiarium); никакъ не слѣдуетъ возлагать содержаніе дорогъ на бѣдную страну, ни прятать деньги, предназначенныя для поддержанія шоссейныхъ дорогъ. Плохой результатъ и совершенное отсутствіе звонкой монеты указываютъ на то, что послѣдніе указы не достигли цѣли».

«Права и привилегіи многихъ городовъ Ваадтланда были съ теченіемъ времени отмѣнены, читаемъ мы въ манифестѣ; вы завладѣли мѣстами и такъ принизили вассальныхъ сеньеровъ и лицъ на службѣ страны, что невозможно придумать ничего болѣе подлаго. Когда фогты требуютъ отъ кастеляна отчета, они дѣлаютъ это публичнымъ указомъ, въ которомъ угрожаютъ ему предварительнымъ заключеніемъ и описаніемъ имѣнія, если отчетъ не будетъ удовлетворителенъ. Тотъ-же способъ практикуется и по отношенію къ сборщикамъ податей, которымъ приказываютъ въ тяжелыя времена требовать со всею строгостью les lauds et censes (налогъ на право передачи и поземельный налогъ), грозя имъ тѣмъ-же и еще потерей мѣста. Ваши комиссары, согласно вашимъ инструкціямъ, берутъ въ фьевъ и въ десятину всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ защитить себя».

Должно быть злоупотребленія, которыя освѣтилъ Давель, были очень возмутительны, ибо шультгейссъ Штейгеръ вмѣсто того, чтобы оспаривать ихъ, говоритъ:

«Слѣдовало-бы хорошенько изучить муниципальныя права городовъ; надо, смотря по случаямъ, не такъ быстро приговаривать и не грабить общественное имущество для наполненія кармановъ частнаго лица, что не-

рѣдко случалось. Предметы, затрогивающіе общественные интересы, должны изслѣдоваться осмотрительно и съ знаніемъ дѣла, и не слѣдовало-бы безъ особой нужды слишкомъ придерживаться буквы закона. Слѣдовало-бы въ этихъ случаяхъ принимать постановленіе только большинствомъ двухъ третей, ибо милость властителей должна проявляться широко, а не ограниченіями.

«Правитель долженъ нѣсколько соображаться со временемъ, въ которомъ мы живемъ, въ дѣлѣ феодальныхъ (поземельныхъ) налоговъ и правъ. Ибо извѣстно, что недвижимое имущество удвоилось въ цѣнѣ за послѣднія семьдесятъ лѣтъ, что прежде стоило двадцать, теперь продается за сорокъ, слѣдовательно, то, что приносило тысячу, должно было-бы приносить двѣ тысячи. Но теперь оно не приноситъ даже тысячи, что составляетъ $2^1/_2{}^0/_0$; какъ-же можетъ земельный собственникъ платить свои проценты? Если онъ долженъ хотя-бы половину своего недвижимаго имущества, ему не остается ничего.

«Не трудно отгадать, что станется съ земледѣльческимъ классомъ, если его положеніе не будетъ улучшено. Когда исчезнетъ земледѣльческій классъ, и наши сеньеры станутъ крестьянами, а правитель, въ свою очередь, станетъ въ нѣкоторомъ родѣ фараономъ, господиномъ всего, долго-ли тогда наши сеньеры останутся господами земли? Легко представить себѣ бѣдствіе правителя, когда всѣ его гипотеки сдѣлаются государственнымъ имуществомъ; не будетъ больше налоговъ за право передачи, не будетъ больше богатыхъ людей и т. д.

«Слѣдовало-бы требовать отъ комиссаровъ, чтобы они сами доказывали указываемыя ими неправильности. Ибо положеніе начальника и частнаго лица неодинаковы; послѣднія могутъ потерять свои граматы и документы, у правителя-же имѣются всюду архивы и копіи».

Разсмотрѣвъ съ удивительной проницательностью вопросы политическаго, юридическаго и экономическаго порядка, майоръ Давель клеймитъ несправедливости, совершаемыя при назначеніи высшихъ офицеровъ.

«Вы всячески старались воспрепятствовать, говоритъ онъ, тому, чтобы офицеры, отличившіеся на военной службѣ въ сосѣднихъ государствахъ, получали высшія мѣста, и, когда ихъ заслуги становились извѣстными, и они были на пути къ возвышенію по службѣ, вы оказывали имъ препятствія, чтобы отнять у нихъ средства подвинуться на военной службѣ, для того, чтобы ваши бернскіе граждане получали всѣ высшія должности».

И въ этомъ бернскій шультгейсъ присоединяется къ критикѣ маіора Давеля:

«Что касается военной службы, говоритъ Штейгеръ, романдская страна и нѣмецкая страна должны-бы имѣть свои отдѣльные роты и даже полки, и слѣдовало-бы назначать командировъ изъ романдцевъ наравнѣ съ нашими

гражданами; ибо давать назначенія здѣсь (въ Бернѣ), это дѣйствительно значитъ исключать романдцевъ, а тогда что станется съ романдскимъ дворянствомъ? Ихъ достоинство и ихъ храбрость не позволяютъ имъ принимать нѣкоторыя должности; въ ихъ странѣ мало или ничего не пригодно для нихъ. Военная служба единственно возможная для нихъ карьера; слѣдовало-бы скорѣе облегчать имъ ее и дѣлать ее для нихъ плодотворной по причинамъ, основаннымъ на политикѣ и справедливости».

Въ замѣчательной картинѣ положенія Ваадтланда, данной Давелемъ, онъ привлекаетъ также вниманіе общества на преслѣдованія духовенства.

«Вы, говоритъ онъ, относились вообще къ духовенству непохвально, благодаря воображаемой реформѣ, которую предприняли ваши свѣтскіе депутаты, ведущіе неодобрительную жизнь. Академія процвѣтала и славилась хорошимъ составомъ. Даже одинъ замѣчательно ученый человѣкъ, блистающій теперь при иностранныхъ дворахъ и получившій почетную премію, вмѣсто того, чтобы быть отличаемымъ, долженъ былъ первый согласно настойчивому приказанію подписать ваши статьи, чего онъ не могъ избѣжать ради общественнаго спокойствія [1]). Этой цвѣтущей академіи пришлось испытать на себѣ всю тяжесть вашей нелѣпой и дикой администраціи».

«Приходится хлопотать у васъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ о незначительныхъ починкахъ домовъ священниковъ и церквей. Казначеи, являющіеся въ страну, ограничиваются посѣщеніемъ погребовъ и не желаютъ отвлечься на четверть часа, чтобы обратить вниманіе на починку церкви, въ которой дождь капаетъ на головы пастора и присутствующихъ».

«Всѣ церковныя имущества, пожертвованныя на богослужебное употребленіе, отданы въ распоряженіе ихъ превосходительствъ. Доходы съ нихъ идутъ прежде всего на пенсіи мірянамъ. Остатки назначаются гг. профессорамъ и пасторамъ.

«Вы отрѣшаете и возвращаете пасторовъ и рукоположенныхъ священниковъ самымъ безцеремоннымъ образомъ; вы забываете, что нельзя такъ управлять этого рода людьми».

Сужденіе объ этомъ предметѣ шультгейсса Штейгера особенно интересно.

«Слѣдуетъ поменьше довѣрять, говоритъ онъ, неискуснымъ людямъ улицы des Ministres [2]) въ дѣлѣ религіи; поменьше предписывать и приказывать и больше убѣждать; не дѣлать изъ предметовъ вѣры ливреи, пестраго

[1]) Здѣсь Давель имѣетъ, вѣроятно, въ виду проф. І. П. де Круза.

[2]) Намекъ на роль, сыгранную духовенствомъ бернской академіи въ дѣлѣ Consensus'a.

платья общественнаго курьера (Läufferröklein); избѣгать превращенія мѣста евангелическаго пастора въ пребенду; удовольствоваться исповѣданіемъ Гельветскаго символа вѣры; скорѣе избѣгать трудныхъ и безполезныхъ вопросовъ, чѣмъ истолковывать и предписывать; удерживаться отъ эдиктовъ».

Нѣкоторые писатели смотрятъ на Давеля какъ на человѣка ненормальнаго и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылаются на то, что его мать страдала меланхоліей, одинъ изъ его братьевъ умеръ въ припадкѣ бѣшенства, а другой былъ слабоумнымъ. Но, читая его манифестъ, напротивъ, поражаешься ясностью его ума и здравымъ смысломъ, съ которымъ онъ критикуетъ недостатки администраціи ихъ превосходительствъ. Одаренный слишкомъ живымъ воображеніемъ и чувствительностью, онъ съ дѣтства былъ склоненъ къ мечтательности, и, повидимому, чудесное играло нѣкоторую роль въ его жизни: онъ, говорятъ, слышалъ голоса, подобно Жаннѣ д'Аркъ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, принимая въ расчетъ пылкость его вѣры и склонность къ сусвѣрію той эпохи. Понятно, что въ тюрьмѣ, подъ вліяніемъ невыразимыхъ страданій нравственныхъ и физическихъ, которыя онъ впрочемъ переносилъ съ удивительной безропотностью, на него не могли не находить минуты экстаза. «Развѣ множество людей, одаренныхъ высокимъ умомъ и могучимъ воображеніемъ, не имѣли галлюцинацій и минутъ экстаза?» спрашиваетъ г. Левинсонъ.

Многіе охотно повторяли, что ваадтландцы подъ отеческимъ управленіемъ ихъ превосходительствъ были счастливѣйшимъ народомъ; манифестъ Давеля указываетъ, напротивъ, что во многихъ случаяхъ администрація фогтовъ и бернскаго сената оставляла желать очень многаго. Отчетъ шультгейсса Христофора Штейгера это въ свою очередь подтверждаетъ. Этотъ магистратъ занималъ въ республикѣ выдающееся положеніе; онъ былъ представителемъ бернскаго сената нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на переговорахъ относительно Невшательскаго престолонаслѣдія [1]); его высокое положеніе дѣлаетъ его сужденія объ образѣ дѣйствія ихъ превосходительствъ особенно вѣскими.

По несчастью относительно правительствъ можно сказать то же, что и относительно отдѣльныхъ лицъ: когда они попадутъ на дурной путь, то

---

[1]) За свое участіе въ переговорахъ о Невшателѣ, Христоферъ Штейгеръ получилъ отъ короля прусскаго титулъ барона. Въ Бернѣ было двѣ семьи Штейгеръ; та, отъ которой происходитъ шультгейссъ Христоферъ Штейгеръ, пришла изъ Валлиса въ шестнадцатомъ вѣкѣ; другая, потомкомъ которой былъ шультгейссъ Николай Штейгеръ (служившій въ 1798 г.), происходила изъ Тюргау и поселилась въ Бернѣ съ пятнадцатаго уже вѣка. Для различенія одну называли „черные Штейгеръ“, а другую „бѣлые Штейгеръ“, по цвѣту козла въ ихъ гербахъ.

вмѣсто того, чтобы признать свое заблужденіе, они раздражаются противъ того, кто требуетъ отъ нихъ исправленія ошибки. Манифестъ Давеля и отчетъ шультгейсса Штейгера были скрыты отъ публики, а съ несчастнымъ маіоромъ поступили въ высшей степени жестоко. Маіоръ Давель, которому было поручено командованіе войскомъ, и который воспользовался имъ для поднятія мятежа, шелъ навстрѣчу смерти, онъ это зналъ и заранѣе принесъ свою жизнь въ жертву. Не забудемъ, что Давель, несчастный боецъ за славное дѣло, нарушилъ присягу въ вѣрности, принесенную имъ какъ подданнымъ и солдатомъ. Это факты, упускаемые изъ виду, когда революція удается, но падающіе на зачинщиковъ ея въ случаѣ неудачи; въ извиненіе поведенія Давеля можно, впрочемъ, сослаться на то, что ихъ превосходительства тоже нарушили обязательства, взятыя ими на себя по Лозаннскому договору въ 1653 г., и отвергли многократныя попытки ваадтландскихъ городовъ, добивавшихся признанія своихъ правъ.

Осужденіе Давеля было неизбѣжно; но его могли бы избавить отъ ужасной пытки, которой его подвергли. 9 апрѣля, по приказу ихъ превосходительствъ, Давель былъ подвергнутъ простой пыткѣ (дыбѣ): онъ былъ высоко подвѣшенъ на веревкѣ, пропущеной подъ мышки, потомъ его разомъ спустили на нѣсколько футъ отъ земли. На другой день онъ былъ подвергнутъ большой пыткѣ: къ его лодыжкамъ были привязаны тяжести въ 25 фунтовъ, затѣмъ онъ былъ высоко поднятъ, и его дважды сразу спускали. Эти безполезныя терзанія не вызвали у него признанія; у него не было сообщниковъ. Его лицо сіяло радостью мученичества, и, когда его палачи спросили его, страдаетъ ли онъ, онъ отвѣчалъ: «это больно конечно; но я убѣжденъ, что вы страдаете столько же, какъ и я».

17 апрѣля Давель предсталъ передъ своими судьями, благородными гражданами и буржуа улицы Бургъ, собравшимися въ числѣ тридцати одного въ мѣстѣ называемомъ «le Parc», невдалекѣ отъ замка. Онъ явился передъ ними со своимъ обычнымъ хладнокровіемъ, поклонился имъ и сталъ на скамью для преступниковъ съ удивительнымъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа. Окружной лейтенантъ, Исаакъ де Луа, потребовалъ отъ суда, въ качествѣ «фискальнаго прокурора бернцевъ», признанія обвиняемаго виновнымъ въ измѣнѣ и въ вооруженномъ возмущеніи, чтобы онъ, идя къ мѣсту казни, просилъ прощенія у Бога и у правительства, чтобы онъ былъ повѣшенъ, задушенъ и четвертованъ, чтобы его тѣло было выставлено въ народѣ, а его имущество конфисковано.

Судъ призналъ безъ преній единогласно виновность; однако, принимая въ расчетъ, что Давель проявилъ въ своемъ предпріятіи «много фанатизма и сумасбродства», онъ смягчилъ требуемое прокуроромъ наказаніе и приговорилъ Давеля къ отсѣченію кисти руки, а затѣмъ къ смертной казни.

Спокойствіе Давеля, признакъ чистой совѣсти, поражало всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе въ тюрьмѣ. «Онъ оставался все тѣмъ же», говорятъ современные хроники, «ѣлъ съ аппетитомъ, но умѣренно, спалъ сладко и спокойно, былъ непринужденъ въ обращеніи, смѣялся, шутилъ и разговаривалъ со своими посѣтителями, принимая ихъ въ тюрьмѣ, какъ у себя дома». «Это благородное и героическое поведеніе возбудило большой интересъ къ нему въ странѣ; о немъ говорили съ симпатіей, многіе горячо молились за него. Принимая много посѣтителей въ тюрьмѣ, онъ умѣлъ умно спроваживать докучливыхъ. Когда одинъ кандидатъ богословія спросилъ его, не жалѣетъ ли онъ о томъ, что совершилъ такой дерзкій поступокъ, онъ отвѣчалъ: «Господинъ кандидатъ, когда вамъ случается не выдержать экзамена, служитъ-ли вамъ на что нибудь ваше раскаяніе въ томъ, что худо занимались? Я думаю, что раскаяніе вамъ ни къ чему не служитъ, все равно васъ отсылаютъ и порицаютъ».

Приговоръ, произнесенный въ Лозаннѣ, былъ подтвержденъ въ Бернѣ, но смягченъ: принимая въ расчетъ «фанатизмъ и сумасбродство этого необдуманнаго человѣка», ихъ превосходительства отмѣнили рѣшеніе объ отсѣченіи руки.

Исполненіе приговора было назначено на 24 апрѣля, день, который ваадтландцы праздновали послѣ своего освобожденія. Послѣднюю ночь Давель провелъ очень спокойно; утромъ, замѣтивъ, что было холодно, онъ сказалъ: «Вотъ ночь, которая принесетъ много вреда нашимъ бѣднымъ виноградарямъ въ Лаво». Давель отказался сѣсть на лошадь, приведенную ему, и въ своемъ красномъ мундирѣ отправился пѣшкомъ въ Види, гдѣ былъ поставленъ эшафотъ. Отъ лозаннскаго замка туда около часа ходьбы; толпа шла за нимъ, сгорая любопытствомъ взглянуть на его лицо. Оно сіяло радостью, какъ если бы онъ шелъ на праздникъ. «Вы видите тріумфъ христіанина!» говорилъ онъ окружавшимъ его.

Съ высоты эшафота Давель обратился къ толпѣ съ короткой, но горячей рѣчью [1]). Онъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ избѣгать процессовъ, весьма распространенныхъ тогда въ Ваадтландѣ; онъ описалъ въ устрашающихъ чертахъ бѣдность, царившую въ деревнѣ, приписывая ее отчасти недостатку религіозности въ ваадтландцахъ, отправлявшихся на проповѣди по привычкѣ и не слушавшихъ ихъ. Онъ осуждалъ недостатокъ старательности въ исполненіи пасторами своихъ обязанностей, онъ

[1]) Позволивъ Давелю сказать рѣчь, окружной лейтенантъ поставилъ условіемъ, чтобы не было сказано о правительствѣ ничего такого, что могло бы произвести дурное впечатлѣніе на народъ; восьми барабанщикамъ было приказано забить дробь, если бы ораторъ нарушилъ свое обѣщаніе.

упрекалъ общины за то, что ихъ церкви готовы развалиться, а студентовъ за легкость правовъ.

«Я не чувствую никакой злобы къ членамъ лозаннскаго совѣта, сказалъ онъ, они дѣйствовали по своему разуму, какъ я слѣдовалъ призванію, къ которому былъ призванъ Богомъ. Я не сомнѣваюсь, что моя смерть будетъ имѣть прекрасныя послѣдствія какъ для народа, такъ и для ихъ превосходительствъ, убѣдившихся въ вѣрности своихъ подданныхъ. Затѣмъ, я надѣюсь и убѣжденъ, злоупотребленія, которыя я привелъ вамъ, будутъ исправлены».

Эта великодушная рѣчь сильно тронула присутствовавшихъ. Затѣмъ пасторъ Соссюръ сказалъ слово на слѣдующій текстъ: «Иной путь кажется человѣку прямымъ, а ведетъ къ смерти».

Въ своей рѣчи онъ говорилъ о необходимости подчиненія установленной власти, изобразилъ возмущеніе какъ отвратительный грѣхъ и призналъ справедливость приговора, произнесеннаго надъ Давелемъ. Потомъ представилъ смягчающія въ его пользу обстоятельства; онъ говорилъ о его «ослѣпленіи» и въ то же время указывалъ на то, что его цѣлью было «освобожденіе своихъ соотечественниковъ отъ ига зависимости» и «дарованіе имъ нѣкоторыхъ привилегій, тѣсно связанныхъ съ общественнымъ счастьемъ»; потомъ онъ отозвался съ похвалой о военныхъ качествахъ и частныхъ добродѣтеляхъ Давеля и въ трогательныхъ чертахъ набросалъ его благородную карьеру.

Ваадтландскій герой еще разъ обратился къ толпѣ, убѣждая ее серьезно отнестись къ его словамъ. На предложеніе въ послѣдній разъ попросить прощенія у Бога и правителей, онъ заявилъ, что не раскаивается въ своемъ поступкѣ. Затѣмъ онъ снялъ свое платье «съ такимъ хладнокровіемъ, какъ если бы ложился въ постель», и всталъ на мѣсто; пасторы напутствовали его въ послѣдній разъ, ему завязали глаза, и въ одинъ мигъ мудонскій палачъ снялъ ему голову съ плечъ.

Одинъ изъ свидѣтелей, видѣвшій все близко, разсказывалъ, что не могъ замѣтить ни малѣйшей дрожи на кружевномъ жабо и манжетахъ казненнаго. Одинъ англичанинъ, присутствовавшій изъ любопытства на этомъ кровавомъ зрѣлищѣ, вскричалъ: «Этотъ человѣкъ умеръ какъ настоящій герой». Таковъ былъ конецъ набожнаго защитника ваадтландской независимости.

Въ слѣдующее воскресенье деканъ Бержье говорилъ съ каѳедры собора о глубокой жалости, которую онъ чувствуетъ къ участи Давеля, пожертвовавшаго своей жизнью «съ благородной цѣлью ввести справедливость въ страну, вернуть ей благосостояніе и добиться свободы для угнетаемыхъ». За такое выраженіе симпатіи авторъ получилъ публичный

выговоръ. Также и пастору Соссюру не были прощены благородныя слова, произнесенныя на эшафотѣ въ Види въ похвалу Давелю. Его рѣчь была записана въ книгу протоколовъ города Лозанны; бернское правительство велѣло вырвать листы, заключавшіе эту смѣлую похвалу. Немного времени спустя этотъ достойный проповѣдникъ былъ смѣщенъ подъ самымъ пустымъ предлогомъ.

Въ память о своей побѣдѣ бернское государство отчеканило медаль; были розданы награды контролеру де Круза, окружному лейтенанту де Луа; казначею Мило, членамъ лозаннскаго совѣта и т. д.

Попытка Давеля произвести революцію была преждевременна; чтобы правильно судить о людяхъ, помѣшавшихъ ему, надо разсматривать ихъ въ ихъ средѣ; тогда станетъ понятно, говоритъ Левинсонъ, «что ихъ глаза, привыкшіе въ продолженіе болѣе двухъ вѣковъ къ темной ночи рабства, не могли сразу открыться ослѣпительному свѣту свободы».

Попытка Давеля, хотя и не удавшаяся, принесла плоды, какъ онъ это предвидѣлъ. 22-го апрѣля 1723 г. шультгейссъ Эрлахъ писалъ одному дипломату: «Непремѣнно будутъ исправлены злоупотребленія въ нашихъ округахъ, упомянутыя въ манифестѣ мятежника; государство не знало о большей части этихъ притѣсненій». А затѣмъ 20-го мая тотъ же магистратъ писалъ секретарю французскаго посла: «Черезъ нѣсколько времени примутся за дѣло для исправленія злоупотребленій фогтовъ. Въ послѣдній понедѣльникъ написали піонскому фогту, чтобы онъ былъ поумѣреннѣе во всѣхъ отношеніяхъ, если не хочетъ навлечь на себя немилость правительства. Въ округахъ происходитъ многое, о чемъ ихъ превосходительства не знаютъ».

Дѣйствительно нѣкоторымъ фогтамъ были посланы выговоры за беззаконія, допущенныя ими въ ихъ округахъ безъ вѣдома правительства. 13-го апрѣля бернское правительство написало въ академію, «чтобы оставили въ покоѣ такъ называемое дѣло о Consensus'ѣ». Два мѣсяца спустя, 17-го іюня, ихъ превосходительства доложили англійскому двору, «что требованіе подписи подъ Consensus'омъ будетъ отмѣнено».

«Итакъ, разсудительно замѣчаетъ историкъ Гиббонъ въ своихъ Miscellannées, не стыдъ и слезы народа положили конецъ этимъ преслѣдованіямъ, заставлявшимъ почтенныхъ пасторовъ выбирать между клятвопреступленіемъ и крайней бѣдностью; они прекратились благодаря смѣлости Давеля, правда, энтузіаста, но имѣвшаго въ виду общественное благо».

Благодарное потомство поздно отдало честь преданности Давеля. Въ 1839 г. въ лозанскомъ соборѣ была поставлена доска въ память его [1]).

[1]) Этотъ памятникъ, возведеніе котораго было рѣшено въ принципѣ на предварительномъ собраніи 1798 г., былъ поставленъ на деньги, завѣщанныя генераломъ Ф. К. де ла Гарпъ.

Въ 1842 г. жители Кюлли на пожертвованія, собранныя въ странѣ, воздвигли обелискъ на военномъ плацу [1]). Въ 1845 г. ваадтландское правительство поручило художнику Глейру изъ Шевильи (близъ Ла Сарраца) написать прекрасную картину, украшающую лозаннскій музей, на которой изображено прощаніе Давеля. Въ текущемъ (1898 году) на плацу лозаннскаго замка поставлена, по національной подпискѣ, статуя маіора Давеля, выполненіе которой было поручено ваадтландскому художнику, г. Морицу Реймонду.

Кромѣ того, въ Види будетъ поставленъ, по подпискѣ, эратическій камень на мѣстѣ казни Давеля.

Эти различные памятники указываютъ на полное любви почитаніе ваадтландскимъ народомъ памяти героя, положившаго за него свою жизнь.

ГЛАВА XII.

Народныя движенія. Политическая эволюція.

Базельское возстаніе (1691).—Требованія народной партіи въ Женевѣ (1707).—Демократическое движеніе въ Цюрихѣ (1713).—Политическое положеніе въ Шаффгаузенѣ, Гарусѣ и Аппенцеллѣ.—Римская политика.—Сопротивленіе ультрамонтанскому духу.—Установленіе олигархическаго режима въ Солотурнѣ, Фрейбургѣ и Бернѣ.—Возобновленіе союза католическихъ кантоновъ.—Отношеніе Сенъ-Галленскаго аббата къ его подданнымъ.—Конфликты между аббатомъ Энгельбергскимъ и Берномъ и Нидвальдомъ.—Мятежи въ Цугѣ.—Распри епископа Базельскаго съ его подданными.

Базель.

Сходныя политическія теченія часто имѣютъ мѣсто параллельно въ различныхъ государствахъ, ибо они являются слѣдствіемъ общихъ причинъ, преобладающихъ теченій, не останавливающихся на границахъ государствъ.

И въ Базелѣ, какъ въ Бернѣ, произошла концентрація власти въ рукахъ ограниченнаго числа фамилій. Главные магистраты этой республики забрали въ свои руки всѣ должности; сенатъ замѣщалъ освобождавшіяся въ немъ мѣста своими же членами и незамѣтно забралъ въ свои руки судебную власть, присвоивъ себѣ пересмотръ судейскихъ рѣшеній. Въ теченіе десяти лѣтъ большой совѣтъ собирался только одинъ разъ, и такимъ образомъ государственные отчеты ускользали отъ всякаго контроля.

[1]) Исполненіе этого памятника было поручено скульптору Доре изъ Вевэ; онъ и его работники отказались отъ всякаго вознагражденія за трудъ.

Въ концѣ XVII вѣка это положеніе дѣлъ было нарушено соперничествомъ двухъ фамилій: Бургардтовъ и Социновъ, которое поссорило сенатъ съ совѣтомъ шестидесяти. Предстатель Гернлеръ и его коллега Веренфельсъ напали съ каѳедръ на злоупотребленія правительства; тогда два сенатора, Фалькенеръ и Изелинъ, проникнутые сознаніемъ необходимости реформы, сговорились потребовать созванія совѣта двухсотъ. Въ то же время Рудольфъ Буркардтъ представилъ передъ совѣтомъ шестидесяти картину государственныхъ безпорядковъ; но бургомистръ Социнъ отвѣтилъ ему высокомѣрно и распустилъ собраніе. Тогда образовались клубы, и собрался, не будучи созванъ сенатомъ, но разсчитывая на поддержку гражданъ, большой совѣтъ, который заставилъ сенаторовъ признать необходимость своего участія въ управленіи, принадлежащее ему право назначать на общественныя должности, а также издавать законы (1690).

Надъ высокопоставленными головами уже собиралась гроза, когда вдругъ разнеслась вѣсть о приближеніи французской арміи. Дѣйствительно французы перешли Рейнъ въ ночь на 10 января 1691 г., и распространился слухъ, что они грозятъ Базелю. Сенатъ воспользовался этимъ предлогомъ, призвалъ въ городъ 400 человѣкъ милиціи изъ деревень и обратился за помощью въ Цюрихъ, Бернъ, Солотурнъ и Люцернъ, потомъ онъ созвалъ цехи. Они въ свою очередь организуются, выбираютъ каждый по четыре делегата, которые собираются и образуютъ третій совѣтъ республики.

Одинъ докторъ, по имени Петри, членъ совѣта двухсотъ, разыскалъ въ архивахъ хартіи, опредѣляющія права гражданъ. По его наущенію представители цеховъ требуютъ публичнаго чтенія вольностей, пожалованныхъ въ 1452 г. городу Базелю императоромъ Фридрихомъ III, вольностей, которыя, говорили они, даютъ имъ право избирать членовъ совѣтовъ шестидесяти и двухсотъ, затѣмъ они приглашаютъ комиссію, выбранную совѣтомъ двухсотъ, провѣрить государственные отчеты и сдѣлать докладъ, не смущаясь препятствіями, воздвигаемыми сенатомъ.

Делегаты отъ цеховъ назначаютъ Петри синдикомъ. Когда эти событія развертываются передъ нашими глазами, говоритъ Вюльменъ, минутами кажется, что они соприкасаются съ французской революціей, минутами—что читаешь хронику среднихъ вѣковъ.

Между тѣмъ въ Базель прибыли депутаты отъ швейцарскихъ городовъ съ предложеніемъ своего посредничества; но ихъ предложеніе было отклонено, такъ какъ цехи видѣли въ нихъ орудіе аристократіи, а члены сената находили, что они недостаточно раздѣляютъ ихъ ненависть.

Многіе магистраты были обвинены въ нарушеніи присяги. Глава цеховъ Социнъ былъ исключенъ изъ сената на два года и приговоренъ къ штрафу;

глава цеха Сала, увлеченный Социномъ, былъ заклейменъ на всю жизнь. Однако по милости буржуазіи совѣты медлили наказаніемъ за совращеніе, реформы запаздывали; одни незнатные люди подверглись наказанію, знатные же виновники ускользнули отъ него.

Цехи требовали отъ совѣтовъ, чтобы они исключили изъ своего состава заподозрѣнныхъ лицъ, и чтобы каждый законъ прежде своего обнародованія былъ представленъ имъ. Умы все сильнѣе разгорячались; совѣты, уступая давленію, отрѣшили на время отъ должности магистратовъ, обвиненныхъ въ интригѣ, и лишили должности канцлера Гердера, котораго Буркардты обвиняли въ фальсификаціи протоколовъ. Петри пожелалъ занять это мѣсто, тогда его заподозрили въ своекорыстныхъ намѣреніяхъ, цехи перестали довѣрять ему и замѣнили его синдикомъ Фатіо. Многіе члены совѣта, принадлежавшіе къ партіи Буркардтовъ, которыхъ, какъ говорили, Петри щадилъ, были обвинены. Социны, въ свою очередь, восторжествовали и сблизились съ цехами.

Большинство въ цюрихскомъ большомъ совѣтѣ относилось благосклонно къ требованіямъ буржуазіи, и правительства всѣхъ швейцарскихъ городовъ съ тревогой слѣдили за событіями въ Базелѣ. Потребовалось вмѣшательство сейма. Въ Базель былъ посланъ комиссаръ, баденскій унтерфогтъ Шнорфъ, съ порученіемъ попытаться примирить партіи; по словамъ посланника Пюизье, это былъ самый умный человѣкъ въ Швейцаріи. Онъ обходилъ цехи, стараясь возстановить авторитетъ совѣта двухсотъ, который, выведенный изъ себя притязаніями буржуазіи, сблизился съ сенатомъ.

24-го марта цехи осадили ратушу, требуя исключенія десяти членовъ совѣта и девятнадцати сенаторовъ. Но иные успѣхи являются пораженіемъ; въ рядахъ буржуа царили недовѣріе и зависть. Многихъ изъ нихъ пригласили занять мѣста освободившіяся въ сенатѣ и совѣтѣ двухсотъ; ихъ начали обвинять въ своекорыстныхъ взглядахъ, и дѣйствительно, достигнувъ цѣли своего честолюбія, они не замедлили покинуть свою партію.

Совѣтъ двухсотъ сталъ требовать вмѣшательства конфедератовъ, сенатъ не рѣшился противиться этому; буржуа, уставъ отъ борьбы, наносившей вредъ ихъ частнымъ интересамъ, тоже въ концѣ концовъ согласились на это. Посредничество кантоновъ привело къ мирному постановленію и къ возвращенію на свои мѣста большей части прежнихъ магистратовъ.

Эти послѣдніе, вернувшись къ власти, стали мстить за понесенныя ими униженія. Петри спасся бѣгствомъ отъ угрожавшей ему казни; надъ его изображеніемъ совершена казнь; менѣе счастливые секретарь Фатіо и сыромятникъ Мюллеръ умерли на эшафотѣ. Мятежниковъ приговаривали къ штрафу, клейму, изгнанію, потерѣ права гражданства, къ каторжнымъ работамъ и къ ссылкѣ на галеры. Семьдесятъ гражданъ были осуждены консисто-

ріей и должны были на колѣняхъ просить у сената помилованія. Удовлетворенные этимъ, совѣты отняли у буржуа права, дарованныя имъ мирнымъ постановленіемъ и даровали амнистію (17 марта 1692). «Затѣмъ», живописно замѣчаетъ Вюльеменъ, «базельцы вернулись къ спекуляціямъ, увеличивавшимъ съ каждымъ годомъ ихъ богатство. Ростовщичество имѣло въ глазахъ большинства гораздо больше значенія, чѣмъ науки, преподаваемыя въ университетѣ». Въ городѣ былъ избытокъ денегъ, такъ что легко было занять по три съ половиной процента, несмотря на усилія магистратовъ вернуть узаконенные 20 процентовъ. Базельскіе крестьяне не принимали участія въ мятежномъ движеніи 1691 г.; они работали для города, способствовали его благосостоянію и извлекали изъ него выгоду, такъ что они не были недовольны своей судьбой.

Женева.

Въ Женевѣ мы находимъ ту же политическую борьбу, что и въ Базелѣ, тѣ же олигархическія стремленія. Хотя въ ней не существовало золотой книги, но въ ней было тоже три рѣзко раздѣленныхъ класса: богатыя и старинныя семьи, жившія въ верхнемъ городѣ; ремесленники, населявшіе вмѣстѣ съ эмигрантами нижнія улицы; наконецъ, простые жители, классъ промышленный и неимѣвшій опредѣленнаго мѣста жительства, лишенный права голоса. Тогда, какъ и теперь, женевцы любили похожденія и спекуляціи: ихъ можно было встрѣтить повсюду, даже при дворахъ государей; ихъ цѣнили за смышленность въ дѣлахъ и энергію. Будучи глубоко привязанными къ своему городу, они возвращались въ него, составивъ себѣ состояніе, и извлекали пользу изъ связей и знакомствъ, сдѣланныхъ за границей. Благодаря почти лихорадочной дѣятельности своихъ жителей, Женева изъ бѣднаго города, какимъ она была во время Кальвина, сдѣлалась къ концу XVII-го вѣка богатымъ городомъ, который могъ соперничать съ Базелемъ въ благосостояніи. Старыя постановленія продолжали существовать; игра, танцы были запрещены; но законы противъ роскоши не были соблюдаемы; въ нѣкоторыхъ кружкахъ не играть въ карты значило нарушать требованія свѣта. Наука была въ почетѣ, новыя идеи притекали со всѣхъ концовъ; граждане съ завистью слѣдили другъ за другомъ, и въ нихъ бродили мысли о власти народа и ограниченіи власть имущихъ, которыя внесла въ Европу революція.

Во время борьбы съ Савойей синдики понемногу завладѣли властью и отставили на второй планъ малый и большой совѣты. Искусные магистраты, сумѣвшіе благодаря своей осторожности отвлечь отъ отечества угрожавшую ему опасность, пріобрѣли общественную благодарность; ихъ

потомки унаслѣдовали ихъ популярность; образовалась традиція, по которой главныя мѣста стали распредѣляться между привилегированными фамиліями. Такъ какъ главная масса гражданъ оказалась дѣйствительно исключенной изъ какого либо участія въ управленіи дѣлами, то явилось недовольство, которое должно было проявиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Пока продолжалось вліяніе Людовика XIV, до тѣхъ поръ демократическія стремленія не проявлялись. Но, когда увидѣли, что Бернъ поддерживаетъ коалицію, а эта послѣдняя одерживаетъ побѣду за побѣдой, женевскіе патріоты рѣшили, что имъ нечего больше бояться вмѣшательства французовъ, и тогда вспыхнуло мятежное движеніе.

Во главѣ народной партіи стоялъ адвокатъ по имени Петръ Фатіо, принадлежавшій, подобно базельскому народному представителю, къ роду, вышедшему изъ Вальтелина. Это былъ краснорѣчивый, ученый, любезный, великодушный, но горячій ораторъ. Хотя онъ явился представителемъ народныхъ требованій, онъ по рожденію принадлежалъ къ женевской аристократіи и занималъ должности судьи, аудитора и капелана.

Петръ Фатіо и его приверженцы потребовали, чтобы вопросы въ большомъ совѣтѣ рѣшались закрытой баллотировкой, чтобы члены въ совѣтъ двухсотъ выбирались его собственными же членами и чтобы обнародовались постановленія. Затѣмъ, расхрабрившись, они вскорѣ потребовали созыва собранія гражданъ. Такъ какъ приверженцы Фатіо взялись за оружіе, по примѣру большого совѣта, состоявшагося 26 мая 1707 г., то олигархи прибѣгли для возстановленія своей поколебленной власти къ услугамъ Берна и Цюриха. Женевскій народъ колебался; онъ раздѣлился на два лагеря; умѣренные взяли верхъ, и новые «дѣти Женевы» потерпѣли крушеніе. Наемное войско получило подкрѣпленіе отъ прибывшихъ трехсотъ ваадтландцевъ и одной цюрихской роты. Фатіо былъ арестованъ, приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ во дворѣ тюрьмы.

Цюрихъ.

Цюрихъ былъ, подобно Базелю, промышленнымъ городомъ; онъ велъ значительную торговлю съ Англіей, Голландіей и Миланомъ; его торговля съ Ліономъ значительно сократилась съ тѣхъ поръ какъ кантоны лишились привилегій, которыя старые союзы съ Франціей обезпечивали за ними. Нравы цюрихцевъ были очень просты: жадные до наживы, работящіе, искусные буржуа отличались воздержностью въ пищѣ; они, напримѣръ, запрещали пить иное, кромѣ мѣстнаго, вино. Политическія соображенія, а также и бережливость побуждали ихъ воздерживаться отъ такихъ вели-

колѣнныхъ пиршествъ, какія давались бернцами, ибо они справедливо полагали, что роскошь приводитъ къ зависимости отъ иностранцевъ. Съ другой стороны въ Цюрихѣ не гнались за фогтствами, ибо доходы съ нихъ были умѣренны, и фогты не пользовались процентами съ денежныхъ штрафовъ. Цюрихскія деревни не являли такого вида благосостоянія, какъ бернскія. Въ этой республикѣ государственные правители не набирались изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, воспитанныхъ съ дѣтства для политики, арміи и командованія; это были обыкновенно самые уважаемые изъ цеховыхъ старшинъ. Цюрихскіе магистраты, занятые своими личными дѣлами столько же и даже больше чѣмъ общественными, оставили армію въ пренебреженіи, правительственныя, церковныя и школьныя дѣла велись безпорядочно; судъ сталъ продажнымъ.

Сенатъ раздѣлялся на двѣ партіи, управлявшія поперемѣнно. Избраніе сословіями членовъ совѣта двухсотъ вышло изъ употребленія; члены назначались совѣтами; совѣтъ двухсотъ защищалъ корпораціи, говоритъ Вюльменъ, наблюдая въ то же время за ними недовѣрчивымъ окомъ; онъ старался пріучить страну къ мысли, что нѣкоторыя семьи рождены для того, чтобы править, буржуазія для того, чтобы учить и торговать, народъ для ручного труда и обработыванія земли. Въ 1669 г. правительство рѣшило не принимать новыхъ гражданъ, это рѣшеніе примѣнялось до 1787 г. Буржуа продавали свои дома и вкладывали деньги въ торговлю; свободные отъ конкуренціи, они работали худо и заставляли крестьянъ покупать ихъ товаръ въ тридорога. Чрезвычайно задолженные крестьяне находились въ очень стѣсненномъ положеніи, благодаря ряду неурожайныхъ годовъ; очень многіе эмигрировали и поселились въ Голландіи, Пфальцѣ и Бранденбургѣ.

Въ общемъ въ Цюрихѣ мы видимъ то же стремленіе къ олигархіи, ту же подкупность суда, какъ и вездѣ. Въ серединѣ XVII вѣка краснорѣчивый проповѣдникъ, Брейтингеръ, громилъ со своей каѳедры пороки правительства; но въ концѣ этого вѣка духовенство тоже было не на высотѣ своего призванія: между философіей и религіей произошелъ разрывъ, и встревоженная ортодоксія вступила въ союзъ съ властью.

Въ началѣ XVIII-го вѣка общество было такъ еще мало способно къ воспріятію научныхъ идей, что Шейхцеру, Муральту и Герлибергеру, пришлось побороть сильную оппозицію прежде, чѣмъ имъ удалось ввести грегоріанскій календарь, принятый уже въ Германіи (1701).

Въ 1713 г. послѣ Вильмергенской войны, во время которой цюрихская армія не покрыла себя славой, въ Цюрихѣ началось движеніе подобное тому, какое мы видѣли въ Женевѣ. Такъ какъ среди цеховъ бродило неудовольствіе, то каждый изъ нихъ выбралъ четырехъ делегатовъ,

уполномочившихъ І. І. Шейхцера, натуралиста, пользовавшагося европейской извѣстностью, говорить отъ ихъ имени. Но буржуа не пришли къ соглашенію относительно того, какія реформы слѣдуетъ предпринять; они изложили въ толстой тетради свои жалобы и свои часто противорѣчивыя желанія; они были согласны только въ одномъ: въ нежеланіи принимать новыхъ гражданъ. Они имѣли нѣсколько бурныхъ собраній, пренія затянулись на цѣлые мѣсяцы. Бургомистръ Эшеръ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, войдя въ отдѣльные переговоры съ совѣтами, цехами и корпораціями, сумѣлъ убѣдить ихъ удовлетвориться самыми необходимыми улучшеніями; цехи приняли его предложенія, и въ странѣ водворилось спокойствіе.

Шаффгаузенъ.

Подобно тому, какъ Базель, Невшатель и Женева опирались на Бернъ, протестантскіе кантоны восточной Швейцаріи: Шаффгаузенъ, Гларусъ и Аппенцелль (Внѣшніе Роды) слѣдовали рѣшеніямъ Цюриха. Шаффгаузенцы, окруженные землями, принадлежавшими имперіи, выкупили послѣднія на ихъ территоріи права суда, принадлежавшія нѣмецкимъ государямъ; но ихъ финансовое управленіе было очень плохо. И въ немъ всѣ мѣста были въ рукахъ сената. Крестьяне не имѣли права поселяться въ городѣ иначе какъ только временно, ихъ сыновья не могли избирать свободныхъ профессій. Тѣмъ не менѣе цензора, избранные цехами для наблюденія за сохраненіемъ свободы, добились въ 1689 г. уничтоженія нѣкоторыхъ злоупотребленій.

Гларусъ.

Въ кантонѣ Гларусъ продажа общественныхъ должностей практиковалась до такой степени, что патріоты предложили, какъ средство противъ этого, избраніе магистратовъ по жребію; жребій бросался, во всякомъ случаѣ, между кандидатами, указанными народомъ. Такъ какъ расходы возрастали быстрѣе чѣмъ доходы, то государственная касса пополнялась французскими пенсіями; но, такъ какъ онѣ притекали неправильно, то пришлось съ 1630 г. прибѣгнуть къ налогамъ. Съ 1683 г. обѣ религіозныя партіи имѣли отдѣльные суды, а протестанты—синодъ. Послѣдніе нанимались на службу Франціи, а позднѣе Голландіи; католики-же—Испаніи.

Въ Гларусѣ, какъ въ Лѣсныхъ кантонахъ, было запрещено продавать или отдавать въ ипотеку иностранцамъ земли. Но мало-по-малу въ долинѣ Линта проснулся геній торговли; развилась промышленность, явился экспортъ.

Аппенцелль.

Изъ всѣхъ народовъ Швейцаріи жители Аппенцелля были наиболѣе привязаны къ своимъ вольностямъ и наиболѣе оказывали сопротивленія всякаго рода гнету; между прочимъ они считали отсутствіе пошлинъ привилегіей свободы. Когда ихъ совѣтъ предложилъ ландесгемейнде вычитать 5% съ наслѣдства того, кто умретъ не оставивъ потомства, то эта мѣра вызвала сильное волненіе, и ландамманъ Цельвегеръ былъ смѣщенъ.

Въ старыя времена трибуналъ двадцати-четырехъ засѣдалъ каждый четвергъ на перекресткѣ и разбиралъ простые проступки; трибуналъ двѣнадцати произносилъ приговоры въ дѣлахъ, рѣшавшихся судебнымъ объявленіемъ клятвы; третій трибуналъ рѣшалъ самыя серьезныя дѣла. Въ 1631 г. вѣдѣнія этихъ трибуналовъ были поручены во Внѣшнихъ Родахъ большому и малому совѣтамъ. Когда судьи затруднялись дать рѣшеніе, они совѣтовались съ духовенствомъ, узнавая отъ него, что сказано у Моисея или въ евангеліяхъ по данному вопросу, сверхъ того, они руководились своей совѣстью. Когда совѣтъ пожелалъ обнародовать церковные ордонансы, ландесгемейнде отнеслась къ этому какъ къ нарушенію своихъ правъ и возложила расходы, вызванные совѣтомъ, на магистратовъ, отъ которыхъ исходила иниціатива этихъ ордонансовъ.

Мятежи случались часто въ Аппенцеллѣ. Русло р. Зиттеръ дѣлило страну на двѣ территоріи, и надо было удовлетворять обѣ, поэтому ландесгемейнде собиралась, что продолжается и до сего времени, попеременно въ Трогенѣ и Геризау, и было рѣшено, что десять членовъ совѣта будутъ набираться половина по одну сторону Зиттера, половина по другую. Трогенъ, старинная столица Внѣшнихъ Родъ, сохранилъ право быть мѣстомъ засѣданій высшаго уголовнаго суда.

По поводу договора, заключеннаго въ 1718 году съ аббатомъ Сенъ-Галленскимъ, поднялись горячіе споры, въ виду предупрежденія захватовъ, къ которымъ онъ имѣлъ склонность, и предоставленія на рѣшеніе третейскаго суда четырехъ кантоновъ несогласій, могущихъ возникнуть со стороны обѣихъ партій. Такъ какъ этотъ договоръ не былъ представленъ на рѣшеніе ландесгемейнде, то послѣдняя отнеслась къ нему недовѣрчиво.

Въ 1732 г. народъ выбралъ въ ландамманы Лоренца Веттера изъ Геризау, который, будучи низкаго происхожденія, достигъ богатства благодаря своей смѣтливости. Но новый избранникъ, стремясь къ популярности, обвинилъ Цельвегеровъ и Тоблеровъ, весьма уважаемыхъ магистратовъ, въ томъ, что они измѣнили государству и управляли, не совѣтуясь съ народомъ. Образовались двѣ партіи, получившія наименованія часто встрѣ-

чаемыя въ эту эпоху въ различныхъ кантонахъ: умѣренные (les doux)—приверженцы Цельвегера и Тоблера и крайніе (les durs), поддерживавшіе Веттера. Эти послѣдніе одержали верхъ и осыпали своихъ противниковъ оскорбленіями, что заставило вмѣшаться конфедератовъ. И здѣсь, какъ въ другихъ кантонахъ, этими распрями пользуются иностранные интриганы для того, чтобы добиться вербовки; фракція крайнихъ привержена Франціи, фракція умѣренныхъ—Австріи.

Политика Рима.

Общественныя формы развиваются вмѣстѣ съ прогрессомъ умственнымъ. «Поэтому-то,—говоритъ Вюльеменъ,—протестантскіе кантоны приняли иной видъ съ тѣхъ поръ, какъ открылось поприще науки, религія нашла подкрѣпленіе въ своемъ источникѣ, появились торговля и философія. Не такъ обстояло дѣло въ католическихъ кантонахъ. И въ концѣ XVII-го вѣка они такъ же, какъ въ началѣ XVI-го, занимались только пастушествомъ, военной службой и исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Римъ, спустившійся до степени второстепеннаго государства, всюду, кромѣ Альпъ, терялъ вліяніе. Правда, что онъ особенно тщательно наблюдалъ за этимъ оплотомъ Италіи, доказательствомъ чему служатъ его инструкціи своимъ легатамъ».

Римскій дворъ, ловко умѣвшій сообразоваться съ обстоятельствами, тщательно указывалъ своимъ легатамъ на трудность ихъ задачи. «Не окружайте себя,—говорилъ онъ имъ,—людьми, крестящимися обѣими руками. Не подражайте нунцію, который думалъ, что можетъ въ короткое время сдѣлать протестантовъ католиками, а католиковъ послушными. Военная служба не настолько поглощаетъ конфедеративныя государства, чтобы они не могли заниматься наукой и преуспѣвать въ ней. Хотя они не знаютъ нашей реторики, но отъ этого ихъ сужденія только вѣрнѣе; ихъ молодые люди путешествуютъ. Они обладаютъ опытностью всѣхъ націй и превосходятъ ихъ почти всѣхъ въ остроуміи. Получая деньги отъ всѣхъ государей, они сумѣли удержать среди нихъ равновѣсіе и сохранили свою независимость среди страшныхъ бурь. Они еще прикрываютъ Италію, благодаря своей осторожности и своему значенію. Ваша задача по отношенію къ нимъ будетъ заключаться въ возстановленіи старой юрисдикціи и значенія папы какъ совѣтника народовъ. Людская злоба дошла до того, что намъ отказываютъ въ правѣ вмѣшиваться въ государственныя дѣла; старайтесь, чтобы этого не было. Завладѣйте сердцами конфедератовъ».

Дорожа преданностью католическаго народонаселенія Швейцаріи, пап-

скій дворъ дѣлалъ ему разныя уступки, такъ, напримѣръ, позволялъ паствѣ назначать священниковъ и даже прогонять назначаемыхъ папой.

Но осторожность легатовъ все-же не могла предупредить возникновенія недоразумѣній. Назначеніе лозаннскимъ [1]) епископомъ І. Баптиста Страмбино, вспыльчиваго и властолюбиваго пьемонтца, вызвало въ Фрейбургѣ непріятности. Этотъ прелатъ при вступленіи во владѣніе епархіей совершилъ узурпаціи, поведшія къ процессамъ съ его капитуломъ, а также съ аббатомъ Отривскимъ и съ фрейбургской сеньеріей. Его казначей, Романино, дерзко отозвавшійся о фрейбургскихъ правителяхъ, былъ приговоренъ къ изгнанію. Онъ отказался уѣхать изъ Фрейбурга; тогда правительственные экзекуторы отправились въ епископскій дворецъ и выломали двери; они готовы были захватить Романино, когда появился епископъ и сталъ угрожать имъ отлученіемъ; тѣмъ не менѣе экзекуторы выполнили данное имъ приказаніе (1679).

Нѣсколько лѣтъ спустя фрейбуржцы, которымъ стала не въ мочь гордость ихъ прелата, воспользовались его путешествіемъ въ Пьемонтъ и воспретили ему въѣздъ въ кантонъ. По возвращеніи въ Швейцарію, Страмбино посѣтилъ фогтство Эшалленъ и три бургундскихъ прихода своей епархіи; прибывъ въ Гопито, онъ внезапно умеръ отъ разлитія желчи (1684). Фрейбуржцы тотчасъ-же написали въ Римъ, прося прислать пастыря, знакомаго съ ихъ обычаями, умѣющаго уважать ихъ льготы, и который-бы не отягчалъ ихъ судебными расходами. Желая удовлетворить ихъ желанію, папа назначилъ лозаннскимъ епископомъ Петра фонъ Монтенаха, происходившаго изъ стариннаго фрейбургскаго рода.

Солотурнъ, Фрейбургъ, Люцернъ, малые кантоны, Валлисъ, Граубюнденъ.

Слѣдуя примѣру Берна, католическіе города Солотурнъ, Фрейбургъ, Люцернъ приняли олигархическій образъ правленія. Списокъ родовъ, имѣвшихъ право участвовать въ правленіи, былъ установленъ въ Солотурнѣ въ 1681 г., въ Фрейбургѣ въ 1684, въ Люцернѣ въ 1707.

Въ этихъ городахъ патриціи дѣлили между собой французскія пенсіи. Швицъ получалъ 19640 ливровъ, Цугъ—10560, Ури—18800, Унтервальд-

---

[1]) Католическая церковь, не отказавшаяся отъ надежды вернуть подъ свою власть города, отнятые у нея реформаціей въ Швейцаріи, а также и въ другихъ мѣстахъ, сохранила за своими епархіями прежнія названія; она называетъ епископомъ Лозаннскимъ того, кто въ сущности есть епископъ Фрейбургскій, а епископомъ Базельскимъ епископа, имѣющаго резиденцію въ Солотурнѣ; такъ и епископъ Аннеси назывался до 1819 г. епископомъ Женевскимъ.

день—13154, Гларусъ—15725, Аппенцелль—6000; эти подарки имѣли цѣлью обезпечить за королемъ голоса кантоновъ на сеймахъ. Другія государства тоже сыпали золотомъ въ малыхъ кантонахъ: именно Испанія и Савойя платили значительныя суммы, чтобы получить отъ кантоновъ право вербовки солдатъ.

Магистраты Лѣсныхъ кантоновъ были очень суровы къ своимъ подданнымъ въ итальянскихъ фогтствахъ. Послѣдніе, доведенные до крайности ихъ гнетомъ, послали на баденскій сеймъ депутатовъ, которые должны были представить жалобы на поведеніе фогтовъ. Въ отвѣтъ они получили неопредѣленныя обѣщанія и совѣтъ воздерживаться впредь отъ подобныхъ шаговъ (1678).

Въ теченіе XVII-го вѣка Валлисъ четыре раза возобновлялъ союзъ съ католическими кантонами. Іезуиты основались въ немъ въ 1660 г.; они снискали себѣ расположеніе народа; многія разбогатѣвшія отъ торговли семьи сдѣлали въ пользу ихъ большія пожертвованія. Среди этихъ семей первое мѣсто занимали Штокальперы, занимавшіеся транспортной торговлей черезъ Симплонъ, и въ рукахъ которыхъ была монополія на продажу соли. Распри между испанской и французской партіями въ Граубюнденѣ долго не прекращались и вызвали въ 1700 г. вмѣшательство конфедератовъ.

Аббатство Сенъ-Галленъ.

Самымъ могущественнымъ послѣ Берна и Цюриха членомъ гельветской федераціи былъ аббатъ Сенъ-Галленскій. Эти аббаты поперемѣнно становились то швейцарцами, то швабами, не появлялись на федеральныхъ сеймахъ во избѣжаніе денежныхъ податей и, чтобы сохранить свои княжескія права, брали жалованныя грамоты отъ императора. Прежде они были союзниками Франціи, потомъ перешли въ лагерь имперцевъ. Какъ мы видѣли раньше, эта двусмысленная политика не удалась аббатамъ.

Сенъ-Галленская республика, отдѣленная отъ аббатскаго города только стѣной, все болѣе и болѣе процвѣтала. Ея граждане были дѣятельны и смышлены; среди нихъ не было ни дворянъ, ни нищихъ. Среди нихъ, говоритъ Вюльеменъ, одинаково были рѣдки невѣжество и ученость. Они наслаждались бы полнымъ миромъ и благоденствіемъ, если бы не постоянныя непріятности, вызываемыя сосѣдствомъ аббатства.

Подданные аббата пребывали постоянно въ мятежномъ состояніи. Въ продолженіе 40 лѣтъ послѣ Баденскаго мира (1718) отсутствіе равноправности, мѣстныя и религіозныя распри, мелкое самолюбіе возмущали долины Тоггенбурга. Защитникомъ мѣстныхъ вольностей являлся ландратъ, состоявшій изъ 60 членовъ, по тридцати каждаго исповѣданія; онъ умѣлъ доби-

ваться благосклонной поддержки кантоновъ Цюриха и Берна въ своихъ требованіяхъ. Демократическія стремленія тоггенбуржцевъ проявлялись все сильнѣе и сильнѣе, но они постоянно наталкивались на упорство монастырскаго совѣта, побуждавшаго аббата къ сопротивленію.

Въ 1731 г. католическіе члены ландрата, засѣдавшіе отдѣльно, заключили съ аббатомъ договоръ о всѣхъ спорныхъ пунктахъ за исключеніемъ права оружія, т. е. права вербовки солдатъ. Когда два года спустя возгорѣлась война за польское престолонаслѣдіе, Франція и Австрія желали набрать солдатъ въ Швейцаріи. Оба эти государства имѣли своихъ приверженцевъ: съ одной стороны Келлеръ, съ другой Рудлингеръ хлопотали передъ аббатомъ, чтобы получить войска. Третій агитаторъ, Фридолинъ Эрбъ, горячо нападалъ на вербовку.

Протестанты заставили католиковъ созвать общую ландесгемейнде. Это собраніе, состоявшееся въ іюнѣ 1734 г., на которое собралось около 15000 гражданъ, рѣшило избрать новый совѣтъ и отмѣнило всѣ рѣшенія аббата, объявленныя послѣ Баденскаго мира. Келлеръ и Рудлингеръ принуждены были бѣжать (мартъ 1735). Они имѣли затѣмъ неосторожность вернуться, и ихъ присутствіе вызвало народное движеніе: толпа, возбуждаемая Эрбомъ, подвергла ихъ всяческимъ оскорбленіемъ и убила. Цюрихъ и Бернъ, узнавъ объ этомъ кровавомъ мятежѣ, хотѣли вмѣшаться, но ихъ усилія были парализованы конфессіональнымъ недовѣріемъ. Убійцы, ускользавшіе въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ отъ судебнаго преслѣдованія, были закованы, присуждены къ наказанію кнутомъ и штрафу, затѣмъ изгнаны изъ страны (май 1736).

Конфедераты старались умиротворить страну, но ихъ вмѣшательство только ожесточило партіи. Назначеніе новаго прелата, аббата Селестина, наслѣдовавшаго въ 1740 г. аббату Іосифу, вызвало новыя смуты. Народъ, собравшійся 14-го іюня въ Ватвилѣ для принесенія присяги, потребовалъ, чтобы первый принесъ ее пріоръ; прелатъ, видя возбужденіе толпы, которую тщетно старался сдержать одинъ протестантскій пасторъ, ушелъ съ трибуны. Возбудители мятежа были присуждены къ сѣченію плетьми, но ихъ вырвали изъ рукъ палача. Однако, друзьямъ порядка удалось при содѣйствіи Цюриха и Берна прекратить анархію.

Фридолинъ Эрбъ, бывшій главнымъ подстрекателемъ къ убійству Келлера и Рудлингера, не участвовалъ въ возстановленіи порядка, а постоянно продолжалъ возбуждать новые мятежи. Его дерзость не знала границъ, онъ распространялъ оскорбленія и клеветы съ рѣдкой непринужденностью, посаженный въ тюрьму, онъ былъ освобожденъ оттуда своими приверженцами, съ тріумфомъ выведшими его.

Въ 1742 г. Эрбъ поссорился со своей общиной по поводу отчетовъ

по приходу; на него напали и въ него выстрѣлили; онъ потерялъ свое вліяніе, и ему пришлось подчиниться приговору за свои подстрекательства къ мятежу.

Еще въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ духъ мятежа царилъ въ Тоггенбургѣ; Цюрихъ и Бернъ, опираясь на свой авторитетъ, заставили обѣ партіи подписать договоръ, которымъ прекращался источникъ конфликтовъ. Власть аббата уменьшилась благодаря этимъ распрямъ, доказавшимъ его безсиліе. «Но благодаря этимъ постояннымъ распрямъ, говоритъ историкъ Моннаръ [1]), выросло живое, пылкое, воинственное населеніе, готовое отстаивать право—умственной борьбой и свободу—вооруженной борьбой. Послѣ грозы земля-кормилица этихъ людей зазеленѣла сильнѣе».

Аббатство Энгельбергъ.

Въ то время какъ Сенъ-Галленскіе аббаты были въ постоянныхъ распряхъ со своими подданными, Энгельбергскіе аббаты вели самую спокойную жизнь. Ихъ власть распространялась на долину, имѣвшую два лье въ длину и самое большое полъ-лье въ ширину, стиснутую между двойной оградой альпъ, увѣнчанныхъ ледниками. Горная цѣпь отдѣляла владѣнія аббата отъ бернской территоріи и служила въ то-же время границей государства Нидвальдъ. Въ ущельѣ Іохъ, въ которомъ сходились границы этихъ трехъ государствъ, не было еще проведено никакой границы, да это и не имѣло дѣйствительнаго значенія, такъ какъ это ущелье не было стратегическимъ пунктомъ, и такъ какъ обладаніе окружающими его возвышенностями, покрытыми скалами и вѣчнымъ снѣгомъ, не представляло никакого интереса.

Тѣмъ не менѣе къ концу XVII-го вѣка изъ этого возникла ссора между тремя властителями; она прошла черезъ различныя фазы, свойственныя подобнаго рода конфликтамъ: совѣщанія, дипломатическія миссіи, мѣстныя инспекціи, съемка плановъ, совѣты, собираемые подъ присягой сохраненія тайны, экстренныя народныя собранія и т. д.

Въ августѣ 1737 г. делегаты отъ Берна и Нидвальда собрались въ Іохѣ для опредѣленія на мѣстѣ границъ, когда вдругъ на снѣжномъ фонѣ показалась черная сутана бдительнаго аббата, который въ сопровожденіи двухъ депутатовъ явился оспаривать у своихъ сосѣдей безплодныя ледяныя равнины. Надо думать, что это изслѣдованіе мѣстности убѣдило партіи въ безплодности ихъ притязаній, ибо конфликтъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

---

[1]) Tableaux de l'histoire de la Suisse au dix-huitième siècle.

Цугъ.

Съ снѣжныхъ вершинъ, надъ которыми возвышается Титлисъ, перенесемся на зеленые берега озера Цугъ: и тамъ мѣстныя распри вызываютъ обычныя опустошенія. На пространствѣ въ десять квадратныхъ лье кантонъ Цугъ кормилъ двѣнадцать тысячъ жителей, изъ которыхъ двѣ тысячи приходились на главный городъ. Страна была раздѣлена на четыре независимыхъ общины, обсуждавшія вопросы отдѣльно; онѣ образовывали нѣчто въ родѣ федераціи, но голоса трехъ сельскихъ общинъ считались только за двѣ трети. Эта неравноправность горожанъ и сельчанъ чуть не привела къ разрыву.

Щедрость Франціи стала для цугцевъ яблокомъ раздора; изъ 10000 франковъ, выплачиваемыхъ ежегодно королемъ, 3000 поступали въ общинную казну, остатокъ же распредѣлялся произвольно, какъ вздумается посланнику и его протеже.

Среди этихъ послѣднихъ фигурировали, начиная съ царствованія Франциска I, Цурлаубены, родъ которыхъ сталъ знаменитъ, благодаря тому, что его члены занимали высокія мѣста на службѣ Франціи. Когда въ 1691 г. Австрія, раздраженная привязанностью конфедератовъ къ ихъ западной сосѣдкѣ, запретила ввозъ въ Швейцарію швабской соли, Франція снабдила ею кантоны по уменьшенной цѣнѣ, и монополія продажи ея была дарована въ кантонѣ Цугъ его амману Бэату-Якову Цурлаубену. Эта привилегія, приносившая ежегодно 1500 фр., не вызвала зависти, ибо всѣ уважали этого достойнаго и честнаго магистрата за его патріотизмъ, за который онъ былъ прозванъ «отцомъ отечества».

Дѣло приняло другой оборотъ, когда послѣ его смерти въ 1717 г. это право получилъ при помощи интригъ его младшій братъ въ ущербъ своей невѣсткѣ и своимъ племянникамъ. Фидель Цурлаубенъ, большой жуиръ, хотя не безъ таланта и одаренный тонкимъ и развитымъ умомъ, сдѣлался раздавателемъ французскихъ щедротъ и пользовался этимъ для удовлетворенія своего честолюбія; его безпутство и корыстолюбіе создали ему враговъ. Этой враждой воспользовался для возмущенія противъ него Іосифъ-Антонъ Шумахеръ. Шумахеру, обладавшему скромной внѣшностью, вульгарными манерами и нѣсколько мизантропическимъ характеромъ, но богатому, щедрому, образованному, набожному и пылкому, удалось при помощи духовенства стать популярнымъ. Ему удалось добиться отъ Австріи, которой онъ былъ преданъ, въ числѣ другихъ преимуществъ права на торговлю австрійской солью.

Приверженцы Шумахера стали распространять подозрѣнія насчетъ вѣрности Цурлаубена и возбуждать противъ него народъ. Сельскія общины

стали требовать, чтобы впредь французскія пенсіи распредѣлялись поровну между всѣми гражданами. Но это не соотвѣтствовало намѣреніямъ Франціи; она желала, чтобы ея деньгами награждались ея приверженцы. Цурлаубенъ не могъ противиться народному движенію и былъ брошенъ въ тюрьму; ему удалось оттуда бѣжать, но его имущество было конфисковано, а онъ самъ приговоренъ къ изгнанію; онъ умеръ въ 1731 г. въ Люцернѣ, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ крайніе, или приверженцы Австріи, одерживали верхъ надъ умѣренными, которые стояли за Францію и только оборонялись. Такъ какъ посланникъ короля не уступалъ желанію общинъ относительно раздѣла французскихъ субсидій, то волненіе разгорѣлось; главные приверженцы Франціи, Веберъ и Андерматъ, были арестованы, приговорены къ гражданскому разжалованію и къ вѣчной тюрьмѣ (3 декабря 1731 г.); но этимъ жертвамъ народной страсти удалось бѣжать, претерпѣвъ жестокое заключеніе и всякаго рода оскорбленія.

Послѣ этого успѣха царство крайнихъ начало дѣлаться все болѣе и болѣе деспотическимъ. Образовалась лига для борьбы съ ихъ тираніей. Одинъ изъ главныхъ членовъ лиги обратился къ конфедератамъ, ища у нихъ защиты; онъ былъ приговоренъ къ потерѣ гражданскихъ правъ, къ штрафу, и на его домѣ была повѣшена вывѣска со слѣдующей надписью: «Здѣсь живетъ плутъ и клятвопреступникъ Іоганнъ-Яковъ Бранденбергъ». Этого случая, который не былъ единственнымъ, достаточно, чтобы дать представленіе о нравахъ того времени. Многіе другіе граждане подверглись подобнымъ же жестокостямъ. Къ концу 1732 г. изъ тридцати шести членовъ совѣта только четыре оставались постоянно въ этой должности; всѣ остальные были смѣщены Шумахеромъ и замѣщены его креатурами.

Но тираннія несетъ наказаніе въ себѣ самой; подозрѣніе и страхъ завладѣли душой цугскаго диктатора: пришло время, когда Шумахеръ началъ не довѣрять нѣкоторымъ изъ своихъ приверженцевъ и прибѣгъ къ помощи шпіоновъ и доносчиковъ. Всякое даже слабое стремленіе къ оппозиціи стало вмѣняться въ преступленіе; наказывались за то, что находили слишкомъ строгимъ наказаніе, которому былъ подвергнутъ какой-нибудь гражданинъ, даже сдержанность рѣчи являлась основаніемъ къ подозрѣнію.

Въ экстренномъ общемъ собраніи 13-го марта 1733 г. народъ въ отсутствіи умѣренныхъ единогласно рѣшилъ порвать договоръ съ Франціей и вернуть войска, находящіяся на службѣ короля. Этотъ съ своей стороны вычеркнулъ кантонъ Цугъ изъ числа своихъ пенсіонеровъ. Конфедераты, попрежнему парализованные благодаря религіознымъ несогласіямъ, хладнокровно смотрѣли на эти безразсудныя неистовства.

Однако странѣ въ концѣ концовъ надоѣло это гнусное иго. На выборахъ 1734 г. кандидаты умѣренныхъ взяли верхъ надъ кандидатами крайнихъ. 13 февраля 1735 г. коммуна Цугъ исключила Шумахера изъ совѣта и обвинила его въ государственной измѣнѣ; онъ былъ приговоренъ къ смерти, но по просьбѣ нѣсколькихъ священниковъ и магистратовъ это наказаніе было смягчено ради его жены и дѣтей и замѣнено тремя годами галеръ, вѣчнымъ затѣмъ изгнаніемъ и конфискаціей имущества. Въ ночь на 18 мая прежній диктаторъ былъ выведенъ съ закованными руками и ногами изъ тюрьмы и среди необыкновеннаго стеченія народа отведенъ на берегъ, гдѣ съ нимъ простилась его дочь. Его отвезли въ Артъ, а оттуда черезъ Кусснахтъ, Люцернское озеро и Готардъ въ крѣпость Туринъ, тамъ его заперли съ другими преступниками, осужденными подобно ему на галеры, и сковали съ однимъ изъ нихъ. Вскорѣ онъ заболѣлъ горячкой и умеръ въ цѣпяхъ 6 іюля 1735 г. пятидесяти восьми лѣтъ отъ роду.

Мщеніе, поразившее Шумахера, распространилось, хотя и съ меньшею жестокостью, и на другихъ вождей австрійской партіи. Начались переговоры между Франціей, конфедераціей и кантономъ Цугъ; этотъ послѣдній принесъ покаяніе, и король даровалъ ему снова свою милость. Въ маѣ 1736 г. возстановленіе общественнаго порядка было отпраздновано религіознымъ празднествомъ, сопровождавшимся почти всеобщей амнистіей, послужившей къ укрѣпленію мира.

Епископство Базельское.

Мы не разъ уже указывали на разнообразіе титуловъ членовъ старой конфедераціи, присутствовавшихъ на сеймахъ—одни въ качествѣ кантоновъ, другіе въ качествѣ просто союзниковъ. Нѣкоторыя земли, считавшіяся швейцарскими, въ дѣйствительности были только въ союзѣ съ нѣкоторыми кантонами.

Страна Юры, заключенная между княжествомъ Невшательскимъ, кантонами Бернъ, Солотурнъ и Базель, Эльзасомъ и страной Монбельяръ, представляетъ интересный видъ такого рода путаницы владѣній. «Подъ скипетромъ въ формѣ посоха, оканчивающагося въ видѣ шпажнаго клинка», говоритъ Моннаръ, «повиновались или трепетали и волновались небольшія провинціи, связанныя и раздѣленныя разнообразіемъ отношеній между ними». Отправившись отъ невшательской границы, мы попадаемъ сначала на территорію Неввиля, во главѣ котораго находится базельскій капелланъ; въ Монъ-де-Діессъ, находящійся въ зависимости одновременно отъ Берна и отъ князя-епископа; въ городъ Биль, союзникъ Берна съ Эргелемъ (или

долиною Сентъ-Имье), люди котораго идутъ на войну подъ знаменами Берна и находятся подъ его покровительствомъ. Это—страны протестантскія, входящія въ территорію конфедераціи. Перейдя ихъ границу, мы вступаемъ въ Валь-де-Мутье, часть которой; sous les Rochers, исповѣдуетъ протестантскую религію и связана съ Берномъ узами согражданства, другая же, sur les Rochers, исповѣдуетъ католичество; потомъ мы вступаемъ въ четыре прихода Ажуа, въ Франигъ-Монтань и страну Поррентрю, простирающуюся до воротъ Базеля; вся эта страна осталась вѣрна религіи своего князя. Епископу Базельскому, котораго реформація изгнала изъ Базеля, удалось сохранить свое княжество. Будучи членомъ священной имперіи и союзникомъ Швейцаріи, онъ имѣлъ поддержку въ католическихъ кантонахъ и также заключилъ союзъ съ Франціей.

Во время мрака среднихъ вѣковъ церковь была могущественнымъ агентомъ цивилизаціи; но свѣтскія стремленія папъ часто заставляли ее упускать изъ виду свою духовную миссію; князья-епископы Базельскіе, также какъ князья-епископы Сенъ-Галленскіе страшились политическаго развитія своихъ подданныхъ и выказывали явное стремленіе увеличить свои свѣтскія преимущества. Отсюда частые раздоры.

Іоганнъ Конрадъ фонъ Рейнахъ-Гирцбахъ, избранный въ базельскіе епископы въ 1705 г., открылъ свое княженіе новыми претензіями; по совѣту своего министра, барона фонъ-Рамшвага, онъ пожелалъ привести къ одному типу свои отношенія къ различнымъ провинціямъ и издалъ въ 1726 г. указъ, содержавшій нововведенія, противныя старымъ вольностямъ. Его подданные представили ему почтительныя увѣщанія; представители Валь де Мутье, обезпеченные согражданствомъ съ Берномъ, не были потревожены, посланные же другихъ частей Юры были брошены въ тюрьму и приговорены къ смерти. Благодаря ходатайствамъ за нихъ могущественныхъ лицъ, это наказаніе было смягчено, но даже вмѣшательству императора не удалось спасти ихъ отъ галеръ.

Жители Эргеля обратились за помощью къ городу Биль. Неудовольствіе все возрастало. Подданные епископа жаловались на его жестокость, скупость и презрѣніе къ ихъ правамъ. На эти жалобы прелатъ отвѣчалъ угрозами, онъ попиралъ права своихъ подданныхъ, смѣщалъ лицъ, занимавшихъ гражданскія должности, назначалъ на ихъ мѣста своихъ придворныхъ и вмѣшивался въ рѣшенія суда.

Отчаяніе народонаселенія было доведено до высшей степени незаконными процессами. Жители Эргеля, доведенные до крайности, устроили бурное собраніе въ Куртелари въ 1733 г. Епископъ, чувствуя, что власть его колеблется, обратился къ своимъ союзникамъ, католическимъ кантонамъ; они послали ему своихъ делегатовъ, передъ которыми князь и его

подданные изложили свои взаимныя обвиненія. Городъ Поррентрю, обвиняемый епископомъ, потребовалъ отъ него, чтобы онъ точнѣе изложилъ свои жалобы, и упрекалъ его въ нарушеніи привилегій этого города. Представители католической Швейцаріи уѣхали, не успѣвъ въ своей миссіи. Тогда католическіе кантоны рѣшили послать войско на помощь Базельскому епископу; Бернъ не пропустилъ его черезъ свою территорію.

Деспотическій прелатъ надѣялся получить отъ версальскаго двора помощь, которой ему не могла подать католическая Швейцарія; но королевскій посланникъ, хотя и внимательно слѣдилъ за событіями, остался глухъ къ просьбамъ епископа. Вѣнскій придворный совѣтъ, которому епископъ и его подданные надоѣдали своими жалобами, заставлялъ ждать рѣшенія; наконецъ онъ прислалъ: оно заключало въ себѣ отказъ на жалобы епископскихъ подданныхъ. Имперскія войска должны были обезпечить исполненіе его, но конфедерація отказалась ихъ пропустить.

І. К. фонъ Рейнахъ-Гирцбахъ, ослабѣвшій отъ старости, сталъ неспособенъ самъ вести политику; онъ возложилъ заботу о ней на своего министра, барона ф. Рамшвага, который все тѣснѣе сближался съ Австріей въ надеждѣ упрочить свое положеніе. Старый прелатъ, рука котораго чаще поднималась для нанесенія удара своимъ подданнымъ, чѣмъ для благословенія ихъ, чувствовалъ себя неспокойно въ городѣ Поррентрю, столицѣ своей епархіи, и, достигнувъ 80-ти лѣтъ, онъ выстроилъ себѣ обширный дворецъ въ Делемонѣ. Онъ умеръ въ маѣ 1737 г., послѣ двухъ апоплексическихъ ударовъ.

Его преемникъ, не будучи въ состояніи прекратить все подымавшіеся мятежи, заключилъ союзъ съ Франціей, въ чемъ не встрѣтилъ препятствій со стороны имперіи. Французское войско изъ 600 человѣкъ заняло епархію и положило конецъ мятежу (1740). Тремъ мятежникамъ отрубили головы. На слѣдующій годъ французскій гарнизонъ былъ сокращенъ до одной роты гренадеровъ. Подъ охраной этой гвардіи, обезпечивавшей французскому королю важную стратегическую позицію, епископъ могъ спокойно заниматься дѣлами своей епархіи.

ГЛАВА XIII.

Народныя движенія. Политическія эволюціи.

(Продолженіе).

Заговоръ Генци, 1749.—Возстаніе Левентина.—Смуты въ Швицѣ по поводу реорганизаціи службы во Франціи.—Борьба между Люцерномъ и Римомъ по вопросу о Удлигеншвилѣ.—Іезуиты въ XVIII вѣкѣ; изгнаніе ихъ ордена.—Невшатель и его князь, Фридрихъ II.

Бернъ.

Въ нашемъ изложеніи политическихъ эволюцій XVIII вѣка мы переходимъ поперемѣнно отъ кантоновъ католическихъ къ кантонамъ протестантскимъ и всюду находимъ, что насиліе беретъ верхъ надъ великодушіемъ.

Бернская республика, стоявшая почти на равной ногѣ съ иностранными государствами, испытала въ 1723 г. попытку къ возстанію въ романдскихъ странахъ. Ваадтландцы, не созрѣвшіе еще до свободы, продолжали довѣрять ихъ превосходительствамъ, но манифестъ Давеля раскрылъ язвы ихъ администраціи; это было серьезное предостереженіе для управленія, пережившаго уже свое величіе, упадокъ котораго давалъ уже себя чувствовать.

«Бернское государство», говоритъ Моннаръ, «относившееся отечески къ поселянамъ, но свысока къ буржуа, своимъ безсильнымъ соперникамъ, соединяло произволъ съ закономъ для защиты своей власти, покровительствовало знатнымъ семьямъ и пренебрегало республиканскими традиціями. Оно не желало зла своимъ подданнымъ, но желало имъ добра только подъ своею властью и въ границахъ своихъ цѣлей. Оно желало держать въ своихъ сильныхъ рукахъ всѣ пружины республиканской жизни. Пышность, которой себя окружало правительство, степенность одежды, важность манеръ, внушающія уваженіе все одни и тѣ же имена, стоящія во главѣ государства, у многихъ магистратовъ гордость властью и дворянскимъ достоинствомъ старинымъ или новымъ и блескъ унаслѣдованной славы, строгая и уединенная жизнь большей части государственныхъ лицъ, благоговѣніе властей передъ общественной религіей и торжественность, придаваемая ихъ примѣромъ этой эпохи сосредоточенія мыслей на великихъ религіозныхъ воспоминаніяхъ—все это заставляло молчать зависть или недовольство средней буржуазіи и внушало уваженіе мелкимъ буржуа и крестьянамъ, выстраивавшимся по краямъ улицы, чтобы посмотрѣть на шествіе этихъ людей другой расы».

Тѣмъ не менѣе скрытое недовольство существовало среди горожанъ, у которыхъ аристократія отняла принадлежавшія имъ права; буржуа требовали мѣстъ въ совѣтѣ и протестовали противъ монополизаціи иностранныхъ мѣстъ, которыя забрали себѣ аристократическія семьи.

Въ 1744 г. двадцать семь буржуа и патриціевъ представили ихъ превосходительствамъ почтительный мемуаръ о старинныхъ правахъ цеховъ и о злоупотребленіяхъ, вкравшихся въ республику. Авторъ петиціи и самый дѣятельный изъ лицъ, подписавшихъ ее, были приговорены къ десятилѣтнему изгнанію, остальные къ менѣе серьезнымъ наказаніямъ. Эта строгость усилила число недовольныхъ. Но на послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ олигархическія стремленія обозначались еще рѣзче. Только семьдесятъ семь фамилій оказались въ спискахъ 299 членовъ большого совѣта; изъ нихъ четырнадцать имѣли сто двадцать семь представителей въ главномъ совѣтѣ.

Въ числѣ подписавшихъ петицію былъ Самуилъ Генци. Будучи сыномъ бѣднаго пастора, будущій бернскій агитаторъ долженъ былъ содержать себя перепиской съ четырнадцатилѣтняго возраста. Генци, обладавшій пріятной наружностью, дѣятельный, талантливый, хорошо знавшій математику, изящно говорившій на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, быстро пробилъ себѣ дорогу. Получивъ обширное образованіе, онъ почерпнулъ у древнихъ и новыхъ авторовъ, которыхъ онъ читалъ въ подлинникѣ, силу характера и высоту идей, выдѣлявшихъ его изъ среды, въ которой онъ жилъ. Его тонкій умъ быстро схватилъ недостатки бернскаго управленія, а сознаніе своихъ достоинствъ пробудило въ немъ честолюбивые замыслы.

Когда Генци послѣ четырехлѣтней ссылки вернулся въ Бернъ, ему было сорокъ восемь лѣтъ. Онъ сталъ искать мѣста библіотекаря, но былъ вытѣсненъ восемнадцатилѣтнимъ патриціемъ, І. Р. ф. Зиннеромъ, ставшимъ впослѣдствіи извѣстнымъ ученымъ. Такая несправедливость возмутила Генци, и вначалѣ 1749 г. онъ вошелъ въ сношенія съ военными, купцами, фабрикантами, писателями и студентами, подобно ему сожалѣвшими о небреженіи старинной демократической конституціей Берна и о прерогативахъ, которыми прежде пользовались цехи и буржуа.

Изъ этихъ собраній выросъ заговоръ, во главѣ котораго стали Генци, городской лейтенантъ Фуетеръ и негоціантъ Верньс. Фуетеръ, имѣвшій высокій ростъ, былъ человѣкомъ безпокойнымъ, съ неукротимымъ характеромъ; онъ занималъ должность гвардіи-сержанта въ ротѣ швейцарской гвардіи въ Парижѣ. Верньс былъ маленькимъ человѣчкомъ, обиженнымъ природой; игра и безпорядочная жизнь довели его почти до банкротства. Вокругъ нихъ сгруппировалось много заговорщиковъ. Одни, умѣрен-

ные, хотѣли ограничиться воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе; другіе—крайніе, не останавливались передъ кровопролитіемъ. Верхъ взяла партія крайнихъ; было рѣшено захватить членовъ совѣта во время сна, отвести въ ратушу и заставить приложить государственную печать подъ ихъ собственнымъ отреченіемъ; въ случаѣ сопротивленія заговорщики были готовы къ рѣзнѣ олигарховъ.

Вечеромъ 2-го іюля 1749 г. кандидатъ теологіи Фридрихъ Ульрихъ, посвященный въ заговоръ, донесъ о немъ совѣтнику І. А. ф. Тиллье и открылъ имена трехъ главныхъ заговорщиковъ. Извѣстіе о заговорѣ повергло правительство въ сильную тревогу. То, что въ немъ принималъ участіе комендантъ города, особенно затрудняло арестованіе главарей заговора, потому что неизвѣстно было, не была-ли часть гарнизона соблазнена своимъ начальникомъ. Тайный совѣтъ, не могшій такимъ образомъ разсчитывать на стражу, находившуюся на жалованіи, прибѣгнулъ къ молодымъ членамъ совѣта, выразившимъ готовность помочь ему.

Нѣсколько человѣкъ сильныхъ и рѣшительныхъ патриціевъ, вооружившись каждый парой пистолетовъ, отправились въ часъ обѣда небольшими партіями въ три, четыре человѣка въ квартиры заговорщиковъ, чтобы арестовать ихъ. Генци въ то утро уѣхалъ въ Берту, такъ что захватили только его бумаги.

Комендантъ Фуетеръ оставилъ дверь своей комнаты открытой, чтобы не было такъ жарко; онъ увидѣлъ въ зеркало члена тайнаго совѣта, входящаго въ прихожую въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, бросился къ пистолетамъ и выстрѣлилъ; пистолетъ далъ осѣчку. Въ отвѣтъ онъ получилъ зарядъ дроби, обжегшій его; прежде чѣмъ онъ могъ придти въ себя отъ неожиданности, его схватили, связали и отправили въ тюрьму.

Вернье ушелъ купаться недалеко отъ города. Одинъ изъ членовъ совѣта пошелъ ему на встрѣчу; пока они разговаривали посреди дороги, къ нимъ подъѣхали въ каретахъ еще два совѣтника и завладѣли заговорщикомъ, сильно сопротивлявшимся. Узнавъ объ участи Фуетера, Вернье струсилъ и признался во всемъ.

Шультгейссъ Берту, Фридрихъ Бондели, находившійся въ тотъ день въ Бернѣ, получилъ приказаніе немедленно вернуться на свой постъ для арестованія Генци. Онъ немедленно поѣхалъ въ экипажѣ по направленію къ Берту въ сопровожденіи Іоганна-Рудольфа ф. Вердта; отъѣхавши на милю отъ Берна, они встрѣтили Генци, возвращавшагося верхомъ; они вышли изъ коляски и заговорили съ заговорщикомъ, который изъ вѣжливости тоже сошелъ съ лошади; на свое несчастье, ибо Вердтъ тотчасъ же завладѣлъ его пистолетами, Бондели арестовалъ его и заставилъ вер-

нуться въ Бернъ подъ ихъ конвоемъ. По дорогѣ плѣнникъ сталъ жаловаться на жажду, убѣдилъ своихъ стражъ зайти въ кабачекъ и, воспользовавшись ихъ неосмотрительностью, бѣжалъ. Тотчасъ-же бросились его преслѣдовать и послѣ долгаго преслѣдованія и рукопашной борьбы, его вновь арестовали и отправили въ тюрьму.

Вечеромъ этого памятнаго дня члены бернскихъ совѣтовъ собрались вооруженные; любопытное зрѣлище представляло это ночное собраніе членовъ совѣта двухсотъ, вооруженныхъ ружьями и штыками. Весь городъ находился въ сильномъ волненіи. Гордые патриціи разговаривали съ простыми людьми, которыхъ раньше они не удостоивали поклономъ. Патриціи образовали караулъ у городскихъ воротъ, были созваны отряды крестьянъ для поддержанія порядка. Болѣе тридцати буржуа были заключены въ тюрьму. Обезкураженные сторонники заговорщиковъ отказались отъ насильственныхъ дѣйствій и ограничились пѣніемъ сатирическихъ пѣсенъ.

Такъ какъ признанія трехъ предводителей заговора показались недостаточными, то прибѣгли къ пыткѣ, не взирая на протестъ нѣсколькихъ болѣе просвѣщенныхъ членовъ совѣта. Когда Фуетера ввели изъ тюрьмы въ залу, гдѣ его должны были подвергнуть пыткѣ, этотъ великанъ, думая, что пришелъ его послѣдній часъ, пробѣжалъ въ умѣ свою безпорядочную жизнь и, охваченный ужасомъ передъ вѣчностью, воскликнулъ: «Месть, месть, Божья месть! Моя душа еще не готова». Эти крики были услышаны съ улицы. Судьи ограничились такъ-называемымъ малымъ допросомъ и добились отъ Фуетера и Вернье признанія и раскаянія. Генци выказалъ больше твердости и мужества, чѣмъ его соучастники, онъ разорвалъ списокъ заговорщиковъ, который отъ него требовали, и проглотилъ его. Число заговорщиковъ было въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ думали въ первую минуту. Произнесеніе приговора было предоставлено большому совѣту: трое руководителей заговора были присуждены къ обезглавленію. Въ ночь наканунѣ казни къ нимъ были посланы кандидаты теологіи для приготовленія ихъ къ ожидавшей ихъ участи. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, Беригардъ, такъ упалъ духомъ, что не могъ произнести ни слова. «Я полагалъ,—сказалъ ему Генци,—что вы пришли утѣшить меня, но вижу, что вы сами нуждаетесь въ утѣшеніи». Затѣмъ онъ предложилъ помолиться за всѣхъ и растрогалъ своихъ товарищей своей горячей молитвой.

Казнь совершилась 17-го іюля 1749 г.; Генци шелъ на мѣсто казни твердой поступью, въ своей синей одеждѣ, со шляпой, отдѣланной золотымъ галуномъ, подъ мышкой, разспрашивая сопровождавшихъ его священниковъ о природѣ души и о ея безсмертіи. Вернье взошелъ на эшафотъ блѣдный и дрожащій; его волненіе передалось палачу, и голова

упала только послѣ третьяго удара. «Что за бойня», сказалъ спокойно Генци. Затѣмъ онъ, въ свою очередь, сѣлъ на роковое сидѣніе, открылъ шею и сталъ ждать смерти. Онъ получилъ два удара; послѣ перваго онъ повернулся къ палачу и сказалъ: «Ты казнишь такъ-же, какъ твои господа судятъ». Фуетеръ былъ обезглавленъ послѣднимъ и также неумѣло.

Въ августѣ совѣтъ двухсотъ судилъ остальныхъ подсудимыхъ и приговорилъ ихъ къ различнымъ наказаніямъ, начиная съ выговора и домашняго ареста до изгнанія временнаго или вѣчнаго. Сборъ, сдѣланный въ Бернѣ въ пользу изгнанниковъ и ихъ семей, далъ 6000 флориновъ.

Неудачное предпріятіе Генци заставило правительство обратить вниманіе на нѣкоторыя злоупотребленія и улучшить нѣкоторыя части администраціи. Произошло сближеніе между магистратами и буржуа. Наемный караулъ былъ преобразованъ и раздѣленъ на три роты по 120 человѣкъ въ каждой.

Историкъ Моннаръ замѣчаетъ, что, если бы описанная нами революціонная попытка и была ловче направлена, она все же не возбудила бы симпатіи страны, ибо она стремилась замѣстить нѣкоторыя личности, нѣкоторыя семьи другими, а не соединить весь бернскій народъ подъ эгидой свободы.

У р и.

Недовольство, наблюдаемое нами на многихъ пунктахъ швейцарской территоріи, проявилось и въ долинѣ Левентины въ серединѣ XVIII вѣка. Въ 1477 и въ 1480 г. миланскій капитулъ канониковъ и герцогъ Филиппъ Сфорца уступили этотъ округъ въ вѣчное владѣніе кантону Ури. Въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ властители и подданные жили въ полномъ согласіи; во время послѣдней Вильмергенской войны левентинцы выступили подъ знаменами Ури противъ Цюриха и Берна. Но, такъ какъ имъ не были уплачены жалованье и военныя издержки, то начались жестокіе раздоры. Ури, заставивъ себя долго просить, удовлетворилъ отчасти просьбу левентинцевъ и расширилъ въ 1713 г. ихъ льготы.

Позднѣе оказалось, что въ опекунское управленіе вкрались большіе безпорядки; въ 1754 г. былъ изданъ указъ для уничтоженія этихъ злоупотребленій. Вѣроломные администраторы, противъ которыхъ былъ направленъ этотъ законъ, стали указывать на него какъ на посягательство на привилегіи страны. Недовольные начали волноваться; они стали требовать для Левентины уголовнаго суда, права дорожныхъ пошлинъ и стали подстрекать народъ требовать независимости; весною 1755 г. ландесгемейнде, собранная подъ звуки набата, вопреки присягѣ, уничтожила указъ.

Ури назначилъ общинамъ срокъ, до 3-го мая, чтобы подчиниться закону; онъ обратился къ федеральнымъ кантонамъ съ просьбой оказать помощь въ случаѣ нужды. Но левентинцы не уступали и настаивали на своемъ рѣшеніи; они захватили фогта и сборщика податей Ури. Тогда этотъ кантонъ сталъ готовиться къ войнѣ; конфедераты безъ всякихъ колебаній пришли ему на помощь за исключеніемъ Швица, который отказалъ въ ней изъ-за личной непріязни, прикрываясь личиной милосердія.

Отрядъ Ури, состоявшій изъ 1000 солдатъ и шести пушекъ, выступилъ впередъ и сталъ ждать въ Урсеренѣ обѣщанной помощи. 14-го мая 1755 г. его фланкеры завладѣли вершиной Готарда, занятой левентинцами; 21-го солдаты Ури, подкрѣпленные отрядомъ Унтервальдена, достигли высотъ, господствующихъ надъ Айроло. Священники этого мѣстечка въ сопровожденіи сорока депутатовъ явились для изъявленія покорности и просьбы о помилованіи; маленькій отрядъ занялъ тотчасъ же деревню, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

На другой день вальдштеттенцы вошли въ Фаидо; вожаки возстанія, Сартори и Орсо, были тотчасъ же схвачены; у мятежниковъ было отобрано оружіе; разборъ процесса надъ мятежниками уже начался, когда подкрѣпленіе въ 600 люцернцевъ перевалило черезъ Готардъ; 24-го мая фогтъ Левентины былъ водворенъ въ Фаидо. По приказу правительства Ури 2-го іюня левентинцы были собраны въ ландсгеймейнде, чтобы присутствовать, стоя на колѣняхъ съ непокрытой головой, на смертной казни главныхъ зачинщиковъ возмущенія: знаменщика Форно, коменданта Орсо и адвоката Сартори; актуаріусъ Ури воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать рѣчь «бѣднымъ, несчастнымъ жителямъ Левентины», какъ онъ ихъ называетъ. Закончивъ эту быструю экспедицію, войска лѣсныхъ кантоновъ, исполнивши свою миссію, вернулись въ Альторфъ 5-го іюня съ распущенными знаменами и съ музыкой впереди; они привели съ собой восемь мятежниковъ, которые были казнены на глазахъ у жителей Ури.

Льготы, дарованныя левентинцамъ въ 1713 г., были уничтожены; общія собранія, совѣтъ, трибуналъ, судебное вѣдомство, командованіе войсками, право носить оружіе, право охоты, выборы, даже назначеніе священниковъ,—все было отобрано у подданныхъ Ури. Затѣмъ послѣ этой жестокой расправы верховные властелины объявили «по особой милости и удивительному милосердію полное забвеніе прошлаго» и велѣли своимъ смиреннымъ подданнымъ величать ихъ съ тѣхъ поръ: «знаменитыми и милостивыми покровителями».

Швицъ.

Въ XVIII вѣкѣ всемогущество демократіи стало обычнымъ явленіемъ въ горныхъ республикахъ. Новымъ примѣромъ этого намъ могутъ служить волненія въ Швицѣ по поводу преобразованія службы во Франціи.

Герцогъ де Шуазель-Праленъ, министръ иностранныхъ дѣлъ при дворѣ Людовика XV, желалъ заключить общій договоръ со всей Швейцаріей, который распространялся бы на всѣ кантоны, что само по себѣ было бы хорошо, но, опасаясь различія мнѣній, которое непремѣнно проявилось бы на сеймѣ, онъ поручилъ своему посланнику маркизу д'Антрегъ обратиться къ каждому кантону отдѣльно; при этомъ надо было заручиться согласіемъ вліятельныхъ лицъ, пенсіонеровъ короля или стремящихся стать таковыми (1761). Этотъ проектъ реорганизаціи швейцарскихъ полковъ имѣлъ, между прочимъ, цѣлью упорядочить движеніе по службѣ офицеровъ согласно ихъ личнымъ заслугамъ и гарантировать уплату пенсій. Кантоны Люцернъ и Фрейбургъ тотчасъ же согласились на него; остальные кантоны полагали, что дѣло должно быть обсуждено на сеймѣ.

Французскій дворъ согласился, по просьбѣ Швица, принимать въ войска только коренныхъ жителей (Landleute), т. е. гражданъ, пользующихся всѣми политическими правами. Но этой уступки кастовому духу оказалось недостаточно, чтобы одолѣть оппозицію новому договору.

Версальскій кабинетъ, разгнѣванный этой оппозиціей, прекратилъ уплату пенсій, выдаваемыхъ имъ Швицу, Цугу и Валлису. Эта мѣра вызвала недовольство, которое еще раздували приверженцы Австріи, Испаніи, Неаполя и Пьемонта. Чтобы успокоить общественное возбужденіе, Людовикъ XV замѣнилъ своего посла д'Антрега кавалеромъ де-Ботвиль; но эта перемѣна не измѣнила положенія дѣлъ.

Кантоны обсуждали еще статьи договора, когда изъ Парижа пришло отъ генералъ-лейтенанта Назара фонъ Рединга письмо на имя его правительства. По приказу герцога де Шуазеля, было сказано въ этомъ письмѣ, Цурлаубенъ ввелъ новый уставъ, заявивъ, что онъ былъ принятъ всѣми федеральными штатами. Швицское правительство противупоставило этому показанію выписку изъ протокола сейма; но французскій дворъ, вмѣсто того, чтобы сознать свою ошибку, разсердился, запретилъ ввозъ въ Швицъ бургундской соли и отнялъ у ея офицеровъ роты, которыми они командовали.

Между тѣмъ жена генерала Рединга набирала рекрутовъ для своего мужа и заставляла ихъ надѣвать кокарды, которыми украшаютъ себя жители Швица и его окрестностей. Это вызвало общественное неодобреніе.

Генеральша, вызванная въ ландратъ, проявила столько ума и мужества и защищалась такъ прелестно и остроумно, что судьи оправдали ее; однако они запретили отъѣздъ рекрутовъ подъ угрозой строгихъ наказаній. Генеральша, не обратившая вниманія на это запрещеніе, была снова вызвана на судъ и была приведена экзекуторомъ на народное собраніе, имѣвшее мѣсто на площади Швица. Она стала извиняться въ длинной ловкой рѣчи; но крестьянамъ надоѣла эта женская болтовня, они окружили трибуну, съ которой она говорила, и стали кричать угрожающимъ голосомъ: «Бэтси замолчи; Бэтси замолчи». Затѣмъ народъ присудилъ генеральшу уплатить по одному экю ($4^1/_2$ франка) каждому изъ судей, которыхъ было шесть тысячъ.

Швицкое правительство въ своемъ сопротивленіи Франціи было тайно поощряемо цюрихскимъ правительствомъ. Между тѣмъ распространился слухъ, что кантоны Бернъ и Цюрихъ переговариваются, отдѣльно отъ Швица, непосредственно съ Людовикомъ XV. Народное возмущеніе въ Швицѣ возросло подъ вліяніемъ законной щепетильности; они не безъ основанія полагали, что договоръ не можетъ быть измѣненъ одной стороной, что для этого необходимо согласіе обѣихъ договаривающихся сторонъ; что французскій дворъ, поступая такъ, какъ онъ это дѣлаетъ, относится къ швейцарцамъ не какъ къ союзникамъ, а какъ къ подданнымъ, и что, посылая военный уставъ отдѣльно каждому кантону вмѣсто того, чтобы послать его сейму, онъ ослабляетъ федеральную связь. «Верховный народъ, воскликнулъ одинъ изъ ораторовъ на ландесгемейнде,—не отдаетъ своихъ войскъ на произволъ другого властителя». Посолъ короля прибѣгнулъ къ обычнымъ ему пріемамъ и приступилъ къ новой раскладкѣ пенсій, что усилило французскую партію; но съ другой стороны агенты Вѣны, Мадрида и Неаполя, стремившіеся тоже получить наборъ солдатъ въ Швейцаріи, подкупали членовъ оппозиціи Франціи. Соперничество вербовщиковъ вызвало общее раздраженіе съ обычнымъ послѣдствіемъ подозрѣній, обвиненій, клеветъ, ссоръ и насилій; люди умѣренные, искавшіе почвы для примиренія, были, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осуждаемы какъ измѣнники.

На ландесгемейнде, въ январѣ 1764 г., обѣ партіи вступили въ борьбу. Вернувшись къ старымъ названіямъ, друзья Испаніи, желая выставить свою непримиримость, присвоили себѣ прозвище крайнихъ, а друзьямъ Франціи дали прозвище слабыхъ или умѣренныхъ. Яростная толпа напала на трибуну; священникъ, призванный магистратами для возстановленія мира, появился во всемъ облаченіи; но напрасно: парики летѣли, сабли обнажались, и многіе члены совѣта получили ушибы и раны. Собраніе отклонило военный уставъ, рѣшило порвать переговоры и — характерная

черта времени—запретило объ этомъ разговаривать подъ угрозой штрафа въ 1000 флориновъ.

Народный деспотизмъ сталъ безграниченъ. Подъ вліяніемъ главы крайнихъ, трактирщика и члена совѣта К. Д. Пфейля, ландесгемейнде многократно собиралась въ 1764 г. для наложенія самыхъ произвольныхъ наказаній на главныхъ членовъ партіи умѣренныхъ. 29 апрѣля Карлъ Рединтъ былъ присужденъ къ вѣчному изгнанію; на другой день къ тому же наказанію присудили стараго ландамманa Цеберга, прибавивъ еще штрафъ въ тысячу флориновъ. Генералъ Назаръ ф. Рединтъ, вытребованный изъ Парижа, чтобы явиться передъ ландесгемейнде, пояснилъ, что онъ былъ вынужденъ французскимъ правительствомъ принять новый военный уставъ. Съ нимъ обошлись какъ съ измѣнникомъ. «Бросить его въ тюрьму», кричали со всѣхъ сторонъ, «пытать его, повѣсить на этой липѣ». Онъ сталъ взывать къ милосердію собранія, давалъ честное слово приложить все свое вліяніе къ тому, чтобы вернуть своему кантону пенсіи, роты, бургундскую соль и другія преимущества, отнятыя у него. Его оправдали, какъ и двухъ другихъ штабъ-офицеровъ, обвиненныхъ въ томъ, что они продавали офицерскія мѣста бернцамъ. Этихъ послѣднихъ, впрочемъ, присудили къ уплатѣ по одному флорину и шести шиллинговъ каждому гражданину.

Неистовство демагоговъ настолько взяло верхъ надъ разсудкомъ, что ландесгемейнде рѣшила, что имѣетъ право уничтожить свои прежніе акты; протоколъ ея собраній свидѣтельствовалъ, что договоръ 1715 г. былъ ратификованъ народомъ, и что тридцать два года спустя онъ былъ возобновленъ, и вотъ на основаніи обратнаго свидѣтельства нѣсколькихъ стариковъ, листки протоколовъ, свидѣтельствовавшихъ объ этомъ, были вырваны изъ регистровъ, разорваны и сожжены въ присутствіи народа.

19-го января 1765 г. герцогъ де Шуазель, генералъ-полковникъ Швейцаріи, объявилъ о распущеніи швицскихъ войскъ, эта мѣра была распространена и на жителей Швица, служившихъ въ королевскихъ дворцахъ и частныхъ домахъ. Въ королевскомъ рѣшеніи, которое было опубликовано, говорилось о непристойномъ упрямствѣ народа этого кантона, неразумнаго и необузданнаго, недостойнаго покровительства и дружбы короля. Эти выраженія оскорбили правительство Швица, сдѣлавшаго о томъ представленіе французскому посланнику и обратившаго его вниманіе на то, что былъ данъ приказъ о распущеніи, когда еще не уплачены старыя пенсіи.

Ландесгемейнде 19-го марта 1765 г. была еще буриѣе предыдущихъ; ландамманъ Франсисъ-Антуанъ ф. Рединтъ подвергся насмѣшкамъ и даже ударамъ; нѣсколько крестьянъ изъ числа его противниковъ, возмущенные

этимъ зрѣлищемъ, взяли его подъ свое покровительство и спрятали его въ сосѣднемъ домѣ, откуда онъ пробрался къ себѣ безъ шляпы и безъ парика. Не удовольствовавшись рѣшеніемъ своего главнаго магистрата, народъ Швица лишилъ его, а также знаменщика Ютца, навсегда права занимать общественныя должности, затѣмъ оба они были приговорены къ уплатѣ по полъ-экю каждому изъ гражданъ за каждую изъ двадцати трехъ ландесгемейнде, созванныхъ по поводу несогласій съ Франціей, и къ уплатѣ расходовъ по этимъ собраніямъ, что въ общемъ составляло по 80,000 флориновъ на каждаго изъ осужденныхъ. Жадность швицкаго народа росла вмѣстѣ съ его гнѣвомъ, и онъ рѣшилъ облагодѣтельствовать этимъ громаднымъ штрафомъ многихъ лицъ, не участвовавшихъ въ этихъ ландесгемейнде. Въ продолженіе шести недѣль двое осужденныхъ сидѣли въ своихъ домахъ подъ охраной пятидесяти человѣкъ, содержимыхъ на ихъ средства; имъ было запрещено, подъ угрозой смерти, говорить или писать, въ странѣ или за границей, о французскомъ вопросѣ. Сыновья этихъ магистратовъ были лишены на пятьдесятъ лѣтъ права исполнять общественныя должности. Эти молодые люди на колѣняхъ молили о помилованіи ихъ и ихъ отцовъ; народъ согласился не наказывать ихъ лично, но, чтобы окончательно утвердить приговоры, произнесенные надъ ихъ отцами, они постановили, что всякій, мужчина или женщина, кто станетъ упорно настаивать на несправедливости этихъ приговоровъ, «будетъ признанъ находящимся внѣ закона»

Демократія—это мы видимъ и въ наше время—не знаетъ границъ своей мести. Когда основательность ея приговоровъ вызываетъ сомнѣнія, она стремится укрѣпить свой поколебленный престижъ, издавая запрещеніе высказывать симпатіи къ жертвамъ ея безумія.

Приверженцы Рединга были подвергнуты различнымъ наказаніямъ; народъ, говоритъ Моннаръ, казалось, доставлялъ себѣ отдыхъ отъ однообразія своихъ судебныхъ обязанностей, разнообразя свои приговоры.

Несчастный ландамманъ ф. Рединъ, почти старикъ, страдавшій глухотой, былъ вмѣстѣ со своей женой доведенъ до нищеты. Онъ какъ милость получилъ право покинуть свой кантонъ и поселился сначала въ Роршахѣ, потомъ въ Сенъ-Галленѣ, гдѣ жилъ на пенсію, выдаваемую ему тайно Берномъ и Цюрихомъ. Когда страсти улеглись, онъ послѣ шестилѣтней ссылки вернулся на свою родину, которую не переставалъ любить, но, истощенный страданіями, онъ тамъ вскорѣ умеръ. Что касается генерала Назара ф. Рединга, блестящая карьера котораго вызвала зависть и клевету, онъ храбро отстаивалъ себя передъ ландесгемейнде, осыпавшею его жестокими угрозами; затѣмъ удалился въ Зедорфъ въ кантонѣ Ури, гдѣ спокойно переждалъ народную грозу.

Главный зачинщикъ мятежей въ Швицѣ, Пфейль, тоже пережилъ превратности въ своей общественной карьерѣ. Въ дни своего всемогущества онъ сильно злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ; во главѣ шайки, вооруженной дубинами, онъ запугивалъ честныхъ людей, пускалъ противъ нихъ самыя тяжелыя обвиненія и вызывалъ несправедливые приговоры. Его наглость, наконецъ, наскучила народу.

Князь-аббатъ Эйнзидельна, которому приходилось терпѣть отъ его поступковъ, вызвалъ его къ себѣ на судъ и съ документами въ рукахъ заставилъ его сознаться передъ капитуломъ въ лживости его обвиненій и просить прощенія. Онъ не хотѣлъ было подписать своего опроверженія, но былъ къ тому вынужденъ народомъ, гнѣвъ котораго обратился на него. Тогда ему пришлось обойти въ сопровожденіи своей жены и двухъ дѣтей все собраніе и на колѣняхъ умолять своихъ судей о милосердіи. Народъ отнялъ у него его должности, объявилъ его навсегда лишеннымъ ихъ и запретилъ ему вмѣшиваться въ дѣла кантона подъ угрозой штрафа въ 300 флориновъ. Пфейль покинулъ страну и удалился во Францію, гдѣ его настигъ приговоръ объ изгнаніи.

Теперь надо было исправить многочисленныя злоупотребленія, причиненныя частыми народными собраніями; женщинамъ было приказано присутствовать при богослуженіи, въ то время какъ мужчины обсуждали дѣла; присутствовавшимъ было приказано являться на собранія въ мантіи магистрата или съ саблей гражданина. Было запрещено являться съ дубинами, курить на собраніи и продавать спиртные напитки въ сосѣднихъ домахъ. Народъ, отказавшись присваивать себѣ не принадлежавшее ему судопроизводство, вернулъ судьямъ ихъ вѣдѣнія. Десять лѣтъ спустя всѣ приговоренные магистраты, за исключеніемъ Пфейля, были возстановлены въ своихъ правахъ.

Наши читатели пожалуй найдутъ, что мы слишкомъ долго останавливаемся на этихъ смутахъ; намъ казалось интереснымъ указать, до какихъ излишествъ можетъ иногда дойти демократія, когда она слушается людей злобныхъ и съ безграничнымъ честолюбіемъ. Горцы подозрительны и недовѣрчивы; они неохотно прощаютъ тѣхъ, кто критикуетъ ихъ приговоры; но, когда спокойствіе возстановлено, они готовы исправлять свои заблужденія и умѣютъ наказать тѣхъ, кто увлекъ ихъ на путь печальныхъ крайностей. Шумахеръ въ Цугѣ и Пфейль въ Швицѣ узнали на собственномъ опытѣ, что значитъ разнуздать страсти; имъ, надменнымъ и завистливымъ, удалось сбить съ толку народъ и заставить его раздѣлить ихъ антипатіи, но на свою же позорную погибель, когда раскрылись ихъ безумное честолюбіе и эгоистичныя цѣли. Исторія нашихъ демократій представляетъ много подобныхъ примѣровъ; она указываетъ, что нельзя

создать себѣ продолжительной популярности на ненависти, ибо тѣ, кто ее возбуждаютъ, лишаются въ концѣ концовъ народнаго уваженія.

Споры съ римской церковью.

Мы видѣли (ст. 282), что аббатъ Сенъ-Галленскій вернулъ себѣ свои владѣнія по Баденскому договору (15 іюня, 5, 11 и 12 августа 1718), но не всѣ заинтересованныя стороны охотно приняли этотъ договоръ. Между прочимъ, папа Климентъ XI не примирился съ послѣдствіями Вильмергенской битвы. Въ буллѣ отъ 10 октября 1718 г. [1]) онъ осуждаетъ Баденскій договоръ, объявляя его недѣйствительнымъ, несправедливымъ, проклятымъ, и отвергаетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Хранитель правъ и преимуществъ церкви, святой отецъ, не безъ глубокой грусти услышалъ о договорѣ, позволяющемъ еретикамъ въ графствѣ Тоггенбургъ свободно исповѣдывать свою мерзкую ересь, допускающемъ ихъ къ общественнымъ должностямъ на равныхъ правахъ съ едиными сынами церкви, какъ если бы свѣтъ могъ быть въ союзѣ съ мракомъ, справедливость съ беззаконіемъ. И кромѣ того—чему едва можно вѣрить!—пасторамъ не католикамъ препоручаютъ воспитаніе дѣтей въ догматахъ ихъ проклятой секты». Такимъ образомъ, этотъ столь обдуманно заключенный договоръ оказался безплоднымъ, и конфедерація снова была повергнута въ раздоръ, благодаря вмѣшательству папы.

Папскій дворъ, не удовольствовавшись тѣмъ, что помѣшалъ примиренію конфедератовъ, еще подвергалъ безполезнымъ притѣсненіямъ католическіе кантоны.

Въ 1721 г. кардиналы возвели на папскій престолъ Иннокентія XIII, жившаго въ продолженіе трехъ лѣтъ въ качествѣ нунція въ Люцернѣ подъ именемъ Микель-Анджело Конти. Своимъ представителемъ въ Швейцаріи новый папа назначилъ монсеньера Доминика Пассіонеи, архіепископа Ефесскаго. Аббатъ Пассіонеи былъ знакомъ швейцарцамъ, такъ какъ до полученія нунціатуры онъ принималъ участіе въ переговорахъ относительно Баденскаго договора и обратилъ на себя вниманіе своими вкрадчивыми манерами; его дружеская рѣчь, интересъ, выказываемый имъ католическимъ кантонамъ, и его слова о необходимости сократить роскошь духовенства пріобрѣли ему благосклонность правительствъ.

Во времена его предшественника, нунція Фирао, и съ согласія послѣдняго, люцернское правительство издало декретъ о сокращеніи чрезмѣрныхъ

---

[1]) Текстъ ея былъ напечатанъ въ 1827 г. Г. Эшеромъ и Готтингомъ въ Archiv für schw. Geschichte, t. I, p. 213—235.

вкладовъ женщинъ при вступленіи ихъ въ монастырь. Какъ только Пассіонеи занялъ свой постъ, онъ объявилъ этотъ декретъ противнымъ правамъ церкви и угрожалъ люцернцамъ распущеніемъ швейцарской папской гвардіи; сенатъ не далъ запугать себя и сохранилъ декретъ; нунцій продолжалъ настаивать.

Въ оправданіе своего образа дѣйствія люцернскій сенатъ послалъ папѣ докладную записку, которую Моннаръ называетъ образцомъ ума и энергіи. «Болѣе двухъ третей доходовъ всей страны», говорится въ немъ, «идутъ въ руки духовенства, и большіе доходы, причитающіеся монастырямъ, въ концѣ концовъ доведутъ до нищеты мірянъ къ опасности самихъ монастырей и католиковъ. Чрезвычайное богатство религіозныхъ обществъ лишитъ ихъ духовнаго царства и помѣшаетъ спасенію души. Имъ грозитъ еще другая опасность. Обѣднѣвшіе міряне, видя наслѣдіе своихъ отцовъ во владѣніи монастырей, въ то время какъ имъ самимъ приходится умирать съ голода, можетъ быть, начнутъ грабить монастыри». Записка люцернскихъ магистратовъ ссылалась затѣмъ на мѣры, принятыя другими католическими правительствами для ограниченія имуществъ духовенства; указывала на опасную возможность развить скупость накопленіемъ монастырскихъ богатствъ; на еще большую опасность, возбуждаемую видомъ благоденствія протестантовъ; на искушеніе для Люцерна завладѣть выморочными имѣніями для поддержанія своего положенія въ конфедераціи.

Вся дипломатическая ловкость нунція оказалась недѣйствительной передъ твердостью люцернскаго правительства. Эти честные магистраты, бывшіе послушными сынами римской церкви во всемъ, что касалось вѣры, намѣревались остаться собственными господами въ свѣтскихъ вопросахъ и соединить вѣрность католической доктринѣ съ благоденствіемъ народа, которымъ они управляли. Поступая такимъ образомъ, люцернскіе правители оказывали своей церкви неоцѣненную услугу. Если и въ настоящее время швейцарскіе католики отличаются болѣе живой и просвѣщенной вѣрой, чѣмъ итальянскіе или испанскіе, то это конечно происходитъ отъ того, что ихъ правители умѣли не уступать священникамъ и ограничивать ихъ жадность, почитая въ то же время священный характеръ ихъ духовнаго полномочія.

Нунцій Пассіонеи и его приверженцы, тратя дарованное имъ довѣріе на пустыя ссоры, вызвали неудовольствіе магистратовъ. Взаимныя отношенія все ухудшались и привели къ разрыву, вызванному такъ называемой Удлигеншвильской распрей. 12 августа 1725 г. въ Удлигеншвилѣ долженъ былъ праздноваться день его святого; фогтъ Мозеръ позволилъ танцовать во всѣхъ деревняхъ своего округа; кюре Андерматъ запретилъ своимъ прихожанамъ танцовать. Не взирая на пастырскія увѣщанія, жи-

тели Удлигеншвиля танцовали. Кюре велѣлъ имъ явиться на исповѣдь, правительство вызвало Андермата въ главный совѣтъ. Кюре Удлигеншвиля отказался явиться и былъ изгнанъ изъ государства. Констанцскій епископъ, оспаривая за гражданскими властями судебную власть надъ духовенствомъ, потребовалъ, чтобы дѣло было сообщено епископской консисторіи. Совѣтъ, считая это рѣшеніе вмѣшательствомъ въ его верховныя права, велѣлъ Удлигеншвильскому приходу избрать новаго кюре; епископъ отказался признать вновь избраннаго кюре.

Въ виду такого поведенія правительства, нунцій удалился въ Альторфъ и сталъ грозить Люцерну духовнымъ отлученіемъ. Правительство не только не уступило передъ угрозой отлученія, но обратилось къ народу и изложило ему мотивы своего образа дѣйствія. «Причиной этой ссоры является, какъ вы знаете, упорство кюре; но въ сущности рѣчь идетъ о верховныхъ правахъ, о вольностяхъ и обычаяхъ, на которые уже не разъ папскій дворъ подымалъ руку черезъ посредство своихъ нунціевъ; однако его интриги не удавались, благодаря бдительности нашихъ предшественниковъ. Причина, заставляющая придавать такое большое значеніе такому незначительному вопросу, бросается всѣмъ въ глаза; если могутъ помѣшать призванію къ суду и изгнанію непокорнаго священника, то могутъ затѣмъ быть нарушены и другіе обычаи, принадлежащіе намъ съ незапамятныхъ временъ. Говорятъ объ опасности для религіи, это—обманчивый предлогъ, которымъ прикрывается возмущеніе, и т. д.».

Народъ единогласно присоединился къ чувствамъ, выраженнымъ магистратами. Делегаты отъ католическихъ кантоновъ, собравшіеся въ Люцернѣ 13-го мая 1725 г., подтвердили права, на которыхъ настаивалъ Люцернъ и предложили папскому двору бросить дѣло. Вмѣшательство Франціи успокоило горячность папы, и римскій дворъ, всегда умѣвшій извернуться, допустилъ не то, чтобы священникъ могъ быть прямо призываемъ въ гражданскій судъ, но что онъ можетъ принять приглашеніе явиться туда съ позволенія своего начальства. Онъ согласился на изгнаніе Андермата, оставивъ открытымъ вопросъ о его виновности. Община Удлигеншвиль сдѣлала уступку и замѣнила Андермата не тѣмъ кюре, который былъ избранъ сначала, и было рѣшено, что Люцернъ сохранитъ свои обычаи и льготы безъ вреда для священныхъ преимуществъ духовенства.

Пять лѣтъ спустя, при папѣ Климентѣ XII, монсеньеръ Базни замѣнилъ моньсеньера Пассіонеи, и люцернское правительство по собственному почину вернуло Андермата изъ изгнанія.

Тѣмъ не менѣе, нунціатура и католическое правительство Люцерна продолжали, при всякомъ случаѣ, первая—настаивать на своихъ притязаніяхъ въ судебныхъ дѣлахъ, второе—защищать свои верховныя права.

Въ 1747 г. въ Люцернѣ образовалось общество, имѣвшее цѣлью чтеніе библіи и объясненіе ея для того, чтобы она могла служить единственнымъ руководителемъ жизни. Глава этого общества, Яковъ Шмидлинъ, былъ приговоренъ къ задушенію, его жена, дѣти и около шестидесяти адептовъ были сосланы.

Нунціатура потребовала возвращенія права подвергать сектантовъ инквизиціи; правительство отказало. Въ томъ же году два испанскихъ монаха, шедшихъ на богомолье въ Эйнзидельнъ, хотѣли въ Энтлибухѣ обезчестить одну женщину, угрожая ей кинжаломъ и пистолетомъ. Гражданскій судья назначилъ слѣдствіе, вызвавшее новыя распри съ нунціатурой. Нѣсколько лѣтъ спустя (1756), когда слуга нунція былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ убійствѣ, представитель Рима сослался на привилегіи посланниковъ; и на этотъ разъ люцернское правительство уступило. Въ 1764 г. нунцій потребовалъ отъ правительства начать судебное преслѣдованіе противъ автора L'état et les délices de la Suisse (A. Ruchat); Люцернъ отказался, настаивая на своихъ прерогативахъ; Римъ запретилъ книгу, которая съ тѣмъ большей жадностью была прочитана Европой.

Люцернская республика была небогата, и доходы монастырей значительно превышали государственные доходы. По обычаю конфедератовъ, правительство накладывало налоги на монастыри, когда чувствовалась нужда въ деньгахъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ; въ 1764 г. оно хотѣло потребовать отъ духовенства, въ качествѣ добровольнаго дара, десятую часть съ ихъ десятины и изъ любезности сообщило объ этомъ римскому двору. Нунцій Валентинъ Гонзага посовѣтовалъ римской куріи задержать отвѣтъ, который пришелъ въ Люцернъ только въ ноябрѣ 1765 г.; она была согласна на добровольный даръ, но только со стороны бѣлаго духовенства и ставила различныя условія для этой подати. Такое покровительство богатымъ монастырямъ и сложеніе налога на плечи приходскихъ священниковъ возмутило общественное мнѣніе. Сенатъ заявилъ единогласно, что онъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ незачѣмъ просить согласія Рима, и что въ случаѣ нужды онъ сочтетъ своею обязанностью принять мѣры, необходимыя для общаго блага и въ интересахъ государства (14 апрѣля 1766 г.).

Эти конфликты съ Римомъ благопріятствовали образованію политическихъ партій, царившихъ въ то время въ кантонѣ Люцернъ, въ которомъ брала верхъ то партія Мейеровъ, то партія Шумахеровъ. Духъ независимости распространялся въ Швейцаріи. Когда въ 1768 г. папа Климентъ XIII, воевавшій съ герцогомъ Пармскимъ, пригрозилъ правителямъ отлученіемъ отъ церкви, опираясь на буллу In coena domini, большая часть католическихъ кантоновъ запретила чтеніе его прокламаціи. Въ томъ же году

въ Цюрихѣ появилась статья подъ заглавіемъ **De Helvetiorum juribus circa sacra**; долгое время остававшійся неизвѣстнымъ авторъ ея, Феликсъ Бальтазаръ, канцлеръ люцернской республики, высказывалъ въ ней свой протестъ противъ римскихъ посягательствъ, опираясь на право и на исторію. Епископъ Констанцскій хотѣлъ было воспротивиться распространенію этой статьи, но большинство кантоновъ возразило, что названный трудъ содержитъ факты и общественные документы, полезные для свѣдѣнія. «Изъ вѣка въ вѣкъ», говоритъ люцернское правительство, «духовенство печатало множество статей съ цѣлью установленія или оправданія присвоенныхъ имъ въ ущербъ государству правъ; мы никогда ни одного изъ нихъ не запрещали и не подвергали цензурѣ. Было-ли бы справедливо и порядочно лишать общество книгъ, защищающихъ права государства?»

Въ слѣдующемъ году появилась новая книга подъ заглавіемъ: «Размышленія», въ которой обсуждался вопросъ, не слѣдуетъ-ли уничтожить или сократить монашескіе ордена. Можно себѣ представить волненіе, вызванное этой книгою, тѣмъ болѣе, что тотъ же вопросъ былъ поднятъ и въ Германіи; на анонимнаго автора посыпалась брань, съ каѳедръ громили вольнодумцевъ. Правительство, не пришедшее къ соглашенію относительно этого вопроса, запретило подъ угрозой штрафа распространеніе этого сочиненія. Въ Люцернѣ образовались двѣ партіи: союзники, во главѣ которыхъ были Валентинъ Мейеръ и Феликсъ Бальтазаръ, и диссиденты, горячимъ руководителемъ которыхъ былъ Антонъ Шумахеръ. Мейеръ, заподозрѣнный въ авторствѣ «Размышленій» и другого еще сочиненія «Опроверженіе», имѣвшаго ту же цѣль, былъ арестованъ и, послѣ долгаго судебнаго процесса, изгнанъ изъ кантона.

Изгнаніе іезуитскаго ордена.

Выше мы видѣли (ст. 154), какъ іезуиты появились въ Швейцаріи. Въ то время ихъ могущество было безгранично. Людовикъ XIV и Климентъ XI испытали на себѣ ихъ вліяніе.

Рядомъ съ посвященными іезуитами существовали и существуютъ еще такъ называемые іезуиты **de robe courte**; это члены іезуитскаго общества, занимающіеся различными профессіями: медики, адвокаты, писатели и др., вступающіе въ бракъ и наслаждающіеся семейной жизнью; они распространяютъ въ разнообразныхъ слояхъ общества, въ которыхъ они живутъ, вліяніе преподобныхъ отцовъ и оказываютъ имъ важныя услуги.

Іезуиты, подраздѣленные на пять націй (Италія, Португалія, Испанія, Франція и Германія) и на тридцать девять провинцій, руководили во всѣхъ католическихъ странахъ воспитаніемъ молодежи; въ 1750 г. у нихъ

было 24 монашескихъ дома, 669 коллегій, 61 домъ для послушниковъ, 175 семинарій, 335 резиденцій, 273 миссіи и 22.589 отцовъ, изъ которыхъ 11.293 были посвящены.

Вліяніе іезуитовъ на воспитаніе юношества было безгранично. Еще и теперь во Франціи въ программахъ лицеевъ, которыя подвергались съ тѣхъ поръ многимъ измѣненіямъ, замѣтны слѣды направленія, даннаго преподаванію іезуитами въ предыдущемъ столѣтіи; какъ-то: важное значеніе, придаваемое изученію латыни, то, что изученіе греческаго языка отодвинуто на второй планъ, философскіе методы и т. д.

Безграничное честолюбіе іезуитовъ и ихъ алчность обратились противъ нихъ: ихъ ревностное вмѣшательство въ политическія распри вызвало противъ нихъ даже въ наиболѣе приверженныхъ къ католичеству странахъ сильную оппозицію, которая кончилась уничтоженіемъ этого ордена папою Клементомъ XIV (21 іюля 1773 г.).

Центръ дѣятельности іезуитовъ въ Швейцаріи сосредоточивался въ Люцернѣ, гдѣ они утвердились съ 1574 г. Они оказали большія услуги дѣлу народнаго образованія и въ награду получили значительныя приношенія; но имъ удалось скрыть свое богатство подъ внѣшностью бѣдности. Однако ихъ погоня за богатствомъ вызвала жалобы, и люцернское правительство смѣло вмѣшалось въ ихъ администрацію изданіемъ декрета отъ 7-го мая 1708 г. Тогда они попытались избѣгнуть навязаннаго имъ контроля, помѣщая свои капиталы за границей, и ихъ отношенія къ гражданскимъ властямъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Великолѣпныя постройки, роскошь стола довели ихъ до долговъ; такъ разсказываютъ объ обѣдѣ на 47 персонъ, данномъ ими въ 1746 г., состоявшемъ изъ 42 блюдъ закуски, 59 блюдъ первой перемѣны, 57 блюдъ второй и 68 блюдъ—третьей, всего 226 различныхъ тонкихъ блюдъ. Въ моментъ ихъ изгнанія ихъ долги въ Люцернѣ простирались до 22.000 флориновъ.

Іезуитовъ упрекали въ узкости ихъ ученія. Правила, которымъ они подчинялись, были собраны въ книгѣ, озаглавленной: Ratio atque institutio studiorum Societatis Jesu. Superiorum permissu, Dilingae 1600, въ которой между прочимъ говорится: «Профессоровъ, стремящихся къ повшеству или слишкомъ умственно независимыхъ, слѣдуетъ удалять, не колеблясь». Изученіе греческаго языка и исторіи было въ пренебреженіи въ ихъ школахъ. Учителя старались всякими средствами возбуждать соревнованіе и въ высшей степени развивали чувство тщеславія. Они требовали отъ своихъ учениковъ пассивнаго повиновенія, придавливающаго силу воли; іезуитскій орденъ, основанный солдатомъ, носилъ отпечатокъ военной дисциплины [1]).

[1]) Отцы іезуиты, въ виду своего призванія, подготовлялись путемъ замѣчательной методы воспитанія, способствовавшей въ значительной сте-

Уничтоженіе іезуитскихъ учрежденій было болѣе внѣшнее, чѣмъ дѣйствительное. Люцернское правительство очень затруднялось: кѣмъ замѣстить этихъ искусныхъ учителей. Оно секулязировало ихъ коллегію; досточтимые отцы тотчасъ же удалились къ своимъ друзьямъ, переодѣлись и вернулись въ коллегію въ качествѣ профессоровъ. Это добродушное отношеніе швейцарскихъ политиковъ представляетъ яркую противоположность съ строгостями, которымъ были подвергнуты іезуиты во Франціи, Испаніи и Португаліи; оно является характерной чертой нашихъ національныхъ нравовъ. Нѣкоторые государственные люди хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы основать въ Люцернѣ на монастырскую добычу, университетъ для католической Швейцаріи, но, благодаря внутреннимъ раздорамъ, интригамъ интернунція и монастырей этотъ проектъ не удался.

Фрейбургъ уничтожилъ орденъ іезуитовъ, но также сохранилъ досточтимыхъ отцовъ въ качествѣ профессоровъ.

Кромѣ того въ Бригѣ и Сіонѣ имѣлись коллегіи подъ руководствомъ іезуитовъ. Епископъ Амбюель желалъ ихъ сохранить; но французское правительство было этимъ не довольно, и французскій резидентъ, согласившись съ нунціемъ, заставилъ епископа предоставить почтенныхъ отцовъ ихъ судьбѣ.

Родъ Рединговъ въ Швицѣ старался облегчить обоснованіе іезуитовъ въ этомъ кантонѣ: въ 1758 г. онъ предложилъ съ этой цѣлью значительную

пени распространенію владычества ихъ общества. Принципы этого ихъ метода заключаются въ книгѣ, озаглавленной: Exercices spirituels, написанной, по преданію, подъ диктовку самого Бога Игнатіемъ Лойолой, послѣ экстаза, нашедшаго на него въ Манрезѣ (маленькій городокъ близъ Барцелоны) и продолжавшагося восемь дней. Въ недавнемъ своемъ трудѣ, озаглавленномъ „Происхожденіе ордена Іисуса“, г. Германъ Мюллеръ доказалъ, что эти знаменитые Exercices spirituels заимствованы Лойолой главнымъ образомъ изъ Exercitatoire дона Garcia de Cisneros, бенедиктинскаго монаха монастыря Монсерра, въ которомъ Лойола гостилъ передъ отправленіемъ въ Манрезъ. По мнѣнію того-же автора, Лойола заимствовалъ нѣкоторыя характерныя черты для учрежденнаго имъ ордена отъ нѣкоторыхъ мусульманскихъ сектъ, между прочимъ, отъ Хаделіа, нравственными и религіозными добродѣтелями и сильной организаціей которой онъ имѣлъ случай восхищаться въ Испаніи. Дѣйствительно въ этихъ мусульманскихъ обществахъ мы встрѣчаемъ форму управленія, абсолютное послушаніе, требуемое обществомъ Іисуса отъ своихъ адептовъ, систему посвященія въ тайны, которой оно ихъ подвергаетъ, различныя степени, устанавливаемыя имъ для своихъ членовъ, практикуемый ими оккультизмъ и даже смѣшеніе чиновъ духовныхъ съ чинами свѣтскими.

сумму, но встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны другихъ монашескихъ орденовъ. По этому поводу одинъ капуцинъ сочинилъ остроумный діалогъ, въ которомъ онъ высмѣиваетъ жадность учениковъ Лойолы: «Право эти господа», говоритъ наивный капуцинъ, «стоятъ слишкомъ дорого, они обогащаются, а страна бѣднѣетъ». Августъ Рединг, повидимому, обѣщалъ по экю каждому, кто на ландесгемейнде подыметъ руку за его предложеніе. «Мнѣ не приходилось читать въ евангеліи», говоритъ капуцинъ, «чтобы Іисусъ Христосъ покупалъ своихъ апостоловъ цѣной серебра». Этотъ памфлетъ произвелъ большое впечатлѣніе; ландесгемейнде запретила, подъ угрозой строгихъ наказаній, дѣлать ей новыя предложенія по этому предмету.

И народъ и папа часто мѣняютъ мнѣніе, «глупъ тотъ, кто имъ довѣряетъ», какъ говорилъ язвительно Францискъ I о женщинахъ. Орденъ іезуитовъ, уничтоженный Клементомъ XIV въ 1773 г., былъ торжественно возстановленъ Піемъ VII въ 1814 г., и кантоны Люцернъ, Фрейбургъ и Швицъ снова радушно приняли его членовъ.

Невшатель.

Швейцарія предыдущаго вѣка представляла страну богатую контрастами. Подъ эгидой сейма существовали страны съ самыми разнообразными стремленіями: однѣ демократическія, другія олигархическія, даже и монархическія. Среди послѣднихъ княжество Невшательское отличалось привязанностью къ своему князю. Тѣмъ не менѣе, династія Гогенцоллерновъ испытала больше непріятностей, чѣмъ извлекла выгодъ изъ наслѣдства, доставшагося ей благодаря отдаленному родству съ Шалонами. Невшатель не составлялъ прусской провинціи; его государь, носившій титулъ короля въ Германіи, былъ только княземъ Невшательскимъ, и его власть была тѣсно ограничена мѣстными привилегіями; если въ его сношеніяхъ съ этой страной и появляется титулъ короля, то это дѣлается только изъ любезности.

Первый случай, въ которомъ королю Прусскому пришлось воспользоваться своими правами государя, былъ теологическій споръ. Одинъ ревностный священникъ, о которомъ его прихожане давали наилучшія свидѣтельства, пасторъ Петиньеръ, сталъ проповѣдывать новое въ то время ученіе о не-вѣчности будущихъ мученій. Его смѣлое ученіе навлекло на него выговоръ духовенства, спокойствіе котораго онъ нарушилъ, ему было приказано воздерживаться отъ высказыванія своихъ взглядовъ по этому вопросу. Онъ отказался подчиниться и былъ отставленъ отъ должности по рѣшенію духовенства въ согласіи съ государственнымъ совѣтомъ.

Это случилось въ 1758 г. Королемъ Прусскимъ и княземъ Невшательскимъ былъ въ то время Фридрихъ II. Потсдамскій философъ, бывшій, какъ извѣстно, большимъ скептикомъ, замѣтилъ, какъ разсказываетъ Вольтеръ, шутя, что, если его подданные желаютъ быть осужденными на вѣчную муку, онъ ничего противъ этого не имѣетъ и согласенъ на это. Однако, Фридрихъ относился очень серьезно къ своему положенію главы невшательской церкви. Находя, что дѣло касается его авторитета, такъ какъ на него ссылались, онъ высказалъ порицаніе слабости государственнаго совѣта и поспѣшности рѣшеній общества пасторовъ, поселявшихъ въ странѣ недовѣріе къ его власти.

Въ то время въ Невшателѣ существовала довольно многочисленная французская партія, что заставляло князя быть очень бдительнымъ. Договоръ 1707 г. давалъ невшательцамъ право поступать на заграничную службу, какъ это было принято въ Швейцаріи; король хотѣлъ уничтожить это право. Это притязаніе въ соединеніи съ нѣкоторыми измѣненіями въ способѣ взиманія десятинъ и поземельныхъ податей и въ управленіи княжескими землями, испугали общины и вызвали представленія съ ихъ стороны (1766). Прибытіе двухъ королевскихъ коммисаровъ, слишкомъ повелительный тонъ вице-губернатора Михаила и отдача въ аренду съ публичнаго аукціона доходовъ князя возбудили броженіе умовъ. Власти ссылались на національныя вольности; знаменщикъ Остервальдъ, почтенный человѣкъ, ставшій ихъ выразителемъ, былъ смѣщенъ съ должности вмѣстѣ съ двумя членами правленія. Такой властный поступокъ не успокоилъ общественнаго чувства. Въ этомъ увидѣли стремленіе увеличить доходы князя въ ущербъ народному благосостоянію и сдѣлать изъ княжества Невшательскаго простую провинцію.

Городъ Невшатель, который не слѣдуетъ смѣшивать съ княжествомъ Невшательскимъ, давно уже былъ связанъ договорами о согражданствѣ съ Люцерномъ, Фрейбургомъ, Солотурномъ и особенно съ Берномъ, которому приходилось рѣшать его распри съ графомъ. Кромѣ того, эти четыре города были поручителями въ договорѣ 1707. Прусскій комисаръ ф. Дершау пожаловался Берну, который былъ призванъ въ качествѣ третейскаго судьи; генеральный адвокатъ Годо, отдѣлившійся отъ народной партіи, защищалъ короля, адвокатъ К. Э. Росселе—невшательцевъ. Пруссія выиграла дѣло. Невшательцы покорились передъ угрозой бернской оккупаціи. Годо въ награду за свою лойяльность получилъ должность главнаго сборщика податей, доходное мѣсто, отнятое у одного изъ его родственниковъ, затѣмъ должность вице-губернатора.

Всѣ эти милости, свалившіяся на голову отступника, навлекли на Годо народное негодованіе и вызвали противъ него бурныя манифестаціи;

его домъ осадили, обмѣнялись выстрѣлами, и онъ былъ убитъ въ воспослѣдовавшей затѣмъ дракѣ. Королевскій комиссаръ Дершау обратился за помощью къ союзнымъ городамъ для возстановленія порядка; Невшатель былъ занятъ войскомъ конфедератовъ, и бернскій генералъ Робертъ Сципіонъ фонъ Лентулусъ былъ назначенъ губернаторомъ, но согласился вступить въ должность только послѣ того, какъ виновные будутъ наказаны. Семь смутьяновъ были наказаны; часть сослана, на другихъ были наложены штрафы; пять были повѣшены, или заочно колесованы; городъ Невшатель былъ обезоруженъ и уплатилъ издержки по оккупаціи (3500 луи) и вознагражденіе въ 3000 франковъ вдовѣ Годо.

Послѣ этого 27-го августа 1768 г. генералъ Лентулусъ торжественно вступилъ въ Невшатель, гдѣ былъ великолѣпно принятъ; многіе изъ его подчиненныхъ выѣхали верхомъ ему на встрѣчу; была поставлена тріумфальная арка изъ зелени, и элегантныя пастушки усыпали цвѣтами его путь; молодая красавица поднесла ему букетъ и стихи, которые были благосклонно приняты старымъ воиномъ, отвѣтившимъ, что онъ готовъ покинуть мечъ для посоха. Подобно этому и въ Цугѣ мы видѣли, какъ мятежи кончались празднествомъ, торжествовавшимъ возвращеніе мира внутри страны.

ГЛАВА XIV.

Иностранная служба. Союзъ съ Франціей.

Послѣдовательные фазисы франко-швейцарскаго союза (1521, 1602 и 1663).—Ударъ, нанесенный французскому союзу отмѣной Нантскаго эдикта.—Французская дипломатія съ 1725 года тщетно добивается отъ конфедератовъ возобновленія союза 1663 г.; оппозиція Цюриха и Берна.—Французскіе посланники поддерживаютъ несогласія въ кантонахъ и стараются развратить магистратовъ въ надеждѣ имѣть ихъ тогда въ своей власти; эта политика терпитъ неудачу.—Война изъ-за польскаго престолонаслѣдія (1733—1738).—Швейцарія объявляетъ себя нейтральной.—Война за австрійское престолонаслѣдіе (1740—1748).—Участіе швейцарскихъ наемныхъ солдатъ въ этихъ войнахъ.—Попытка Франціи снова начать переговоры.—Семилѣтняя война (1756—1763).—Восхищеніе швейцарцевъ подвигами Фридриха Великаго.—Участіе швейцарскихъ наемниковъ въ различныхъ битвахъ.—Новыя попытки со стороны Версальскаго кабинета заключить договоръ со швейцарцами. Капитуляція, заключенная съ католическими кантонами (1761).—Восшествіе на престолъ Людовика XVI. Переговоры вступаютъ въ новый фазисъ; сближеніе съ евангелическими кантонами.—Баденскій сеймъ (1776).—Солотурнская конференція, заключеніе союза съ Франціей (1777).

Швейцарія, расположенная въ центрѣ материка, безъ выхода, который бы ей вполнѣ принадлежалъ, не могла уединиться отъ остальной

Европы. Порвавъ старинную связь съ имперіей, она по необходимости искала новыхъ союзовъ, чтобы создать сбытъ своимъ товарамъ, облегчить для себя снабженіе необходимыми продуктами и найти поприще для своихъ сыновей; такимъ образомъ кантоны давно уже начали заключать болѣе или менѣе продолжительные договоры съ Савойей, австрійскимъ домомъ, имперскими городами, Франціей, Венеціанской республикой, германскими князьями, Испаніей и Голландіей.

Изъ всѣхъ этихъ союзовъ наиболѣе важную роль въ исторіи конфедераціи игралъ союзъ съ Франціей. Сначала Валуа, потомъ Бурбоны нуждались или въ швейцарскихъ солдатахъ для поддержанія и утвержденія своей власти, когда ихъ династіямъ грозила опасность, или когда они не могли разсчитывать на вѣрность своихъ подданныхъ, или въ дружбѣ кантоновъ для прикрытія ихъ границъ отъ австрійскаго дома. Съ своей стороны кантоны получали за эти услуги плату деньгами и различныя торговыя льготы. Французскіе короли, ревниво оберегавшіе Швейцарію отъ чужихъ вліяній, вмѣшивались въ кантональныя распри и часто подстрекали къ несогласіямъ, такъ что ихъ посланники, а также посланники австрійскіе, испанскіе и папскіе, не рѣдко бывали замѣшаны въ раздоры конфедератовъ.

Идея національной чести и обязанностей по отношенію къ отечеству заставила испанцевъ прогнать мавровъ въ Африку, шведовъ — сбросить датское иго, Нидерланды—отложиться отъ Испаніи; но во Франціи, Англіи, Германіи и Италіи она вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь только съ прошлаго вѣка. Раньше этого Валуа, Бурбоны, нѣмецкіе и итальянскіе князья, Стюарты, папы не стѣсняясь обращались за иностранной помощью для возстановленія или расширенія своихъ владѣній; и ихъ подданные не совѣстились прибѣгать къ внѣшней помощи для защиты своихъ правъ. То же происходило и въ нѣдрахъ швейцарской конфедераціи: партіи прибѣгали, для поддержки, къ внѣшнимъ союзамъ. Какъ бы ни былъ великъ вредъ, нанесенный такимъ образомъ дѣйствія нормальному развитію нашей національности, надо, чтобы судить о немъ, принять въ расчетъ духъ того времени, когда нигдѣ въ Европѣ такой образъ дѣйствія не считался предосудительнымъ.

Въ продолженіе трехъ вѣковъ взоры конфедератовъ почти постоянно обращены къ Франціи. Среди внутреннихъ волненій кантоны постоянно имѣютъ въ мысляхъ союзъ съ этой страной, вмѣстѣ съ военной службой, которая составляетъ главную его цѣль, онъ является въ восемнадцатомъ вѣкѣ преобладающей заботой въ нѣдрахъ конфедераціи. Франко-швейцарскій союзъ, замышленный впервые Людовикомъ XI, являлся однимъ изъ основныхъ вопросовъ политики его преемниковъ. Франциск I возобновилъ

его въ 1521 г., Генрихъ IV въ 1602 г., а послѣ долгихъ переговоровъ, Людовикъ XIV въ 1663 г.

Но французскіе короли, часто нуждавшіеся въ деньгахъ, не были акуратны въ уплатѣ своихъ обязательствъ; они давали обѣщанія, которыхъ не могли сдержать, и ихъ долгъ, къ которому прибавлялись проценты, увеличивался съ года на годъ. Эти задержки въ платежахъ давали поводъ къ частымъ протестамъ; чтобы успокоить кантоны, французскіе короли вносили зачетныя деньги. Согласно мемуару, представленному въ 1733 г. маркизомъ де-Боннакъ, французскимъ посланникомъ при кантонахъ, швейцарскій союзъ стоилъ Франціи съ 1602 г. болѣе ста милліоновъ сверхъ содержанія войскъ; Людовикъ XIII тратилъ ежегодно полъ-милліона на уплату старыхъ долговъ. Если принять во вниманіе цѣнность денегъ два вѣка тому назадъ, то эта сумма представляетъ огромный капиталъ.

Эти тяжелыя жертвы, приносимыя французскими королями, чтобы обезпечить себѣ поддержку кантоновъ, объясняются желаніемъ щадить кровь своихъ собственныхъ подданныхъ, высокимъ мнѣніемъ, которое они имѣли о достоинствахъ и дисциплинѣ швейцарцевъ, и боязнью, чтобы конфедераты не обратились противъ нихъ, если они не привяжутъ ихъ къ себѣ. Подъ знаменами Людовика XIV было до тридцати трехъ тысячъ швейцарцевъ, что въ виду малочисленности армій того времени, представляло значительную силу.

Послѣ отмѣны Нантскаго эдикта общественное мнѣніе въ протестантскихъ кантонахъ значительно отшатнулось отъ Франціи. Англія и Голландія насчитывали много приверженцевъ въ Бернѣ; между этимъ кантономъ и Соединенными провинціями былъ заключенъ договоръ въ 1712 г., и Нидерланды желали привлечь къ этому союзу всѣ протестантскіе кантоны.

Благодаря географическому положенію Швейцаріи союзъ съ нею, или по крайней мѣрѣ ея нейтралитетъ, были очень желательны для Франціи, ибо смотря по желанію швейцарцевъ, они могли или прикрыть часть границы Франціи, или, напротивъ, способствовать нашествію черезъ нее врага. Такимъ образомъ, когда въ 1723 г. наступилъ срокъ франко-швейцарскому договору 1663 г. возобновленіе его для Франціи было пожалуй еще важнѣе чѣмъ для Швейцаріи.

На конференціи евангелическихъ кантоновъ, собравшихся въ Аарау въ 1725 г., Базель поддерживалъ возобновленіе общаго союза, о которомъ хлопоталъ посланникъ Людовика XV. Цюрихъ отклонилъ все, что переступало границы оборонительнаго союза; бернскіе депутаты проявили большую осторожность и приняли вопросъ ad referendum; остальные кантоны высказали мнѣніе, что возобновленіе договора могло бы способствовать во-

дворенію согласія среди конфедератовъ. Когда умы оказались такимъ образомъ подготовленными, Версальскій кабинетъ поручилъ вести эти деликатные переговоры опытному дипломату Жанъ-Лун д'Юссонъ, маркизу де-Боннакъ, прежнему константинопольскому посланнику, который прибылъ въ Солотурнъ въ 1728 г. и началъ свою миссію пышными празднествами. Сеймъ 1729 г. отвѣтилъ на его искательства въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ; когда онъ захотѣлъ заставить кантоны точнѣе высказать свои намѣренія, онъ получилъ очень разнообразные отвѣты; Цюрихъ хотѣлъ придерживаться вѣчнаго договора 1521 г.; Бернъ требовалъ предварительнаго заявленія о томъ, что ни одинъ изъ пунктовъ, порѣшенныхъ договоромъ 1712 г., не будетъ вновь поднятъ; остальные евангелическіе кантоны были менѣе требовательны, а католическіе готовы были согласиться на предложенія французскаго посланника.

Но заключеніе желаемаго королемъ договора встрѣтило новыя затрудненія. Послѣ пораженія подъ Вильмергеномъ католическіе кантоны были принуждены заключить договоръ, утверждавшій ихъ подчиненное положеніе, тогда, въ 1715 г., они подписали съ Франціей отдѣльный договоръ, секретная статья котораго, называемая reversale, хранимая въ таинственномъ ящикѣ (Trückli), обѣщала имъ возвращеніе фогтствъ въ Ааргау, отнятыхъ у нихъ Цюрихомъ и Берномъ. Когда начались переговоры о возобновленіи франко-швейцарскаго союза, они потребовали, чтобы прежде всего имъ были возвращены эти фогтства; такъ какъ Цюрихъ и Бернъ рѣшительно отказались отъ этого, проектъ короля оказался разстроеннымъ.

Швейцарія, бывшая въ то время добычей партій, представляла благодарное поле для дипломатическихъ интригъ; можно было съ полнымъ основаніемъ бояться, что ей предстоитъ та же участь, которая постигла впослѣдствіи Польшу. Посланники короля въ Солотурнѣ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ: дю-Люкъ, д'Аварэ, де-Боннакъ, пользовались этимъ положеніемъ вещей и прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ средствамъ, чтобы преодолѣть сопротивленіе главныхъ кантоновъ или отдѣлить отъ нихъ второстепенные протестантскіе кантоны: лесть, подарки, подстрекательства, непрестанная переписка, тайныя миссіи, ничто не было позабыто. Чтобы привлечь на свою сторону Базель, Франція удерживалась отъ возведенія новыхъ укрѣпленій въ Гюнингенѣ; чтобы пригрозить бернцамъ, она производила работы въ Версуа. Секретарь посольства, Маріанъ, замѣщавшій временно де-Боннакъ, старался прежде всего угодить главнымъ кантонамъ. Въ 1746 г. другой секретарь писалъ своему министру: «Съ этими людьми болѣе, чѣмъ съ какимъ либо другимъ народомъ, пригодна аксіома: Мнѣ все равно, любятъ-ли меня, лишь бы меня боялись. Этимъ

можно обуздывать протестантовъ, а удовлетворяя корыстолюбію католическихъ кантоновъ можно стать когда угодно ихъ господами: они не могутъ обойтись безъ благодѣяній Франціи: народъ, который почти всюду въ нихъ властвуетъ, непремѣнно рано или поздно накажетъ тѣхъ своихъ начальниковъ, образъ дѣйствія которыхъ лишитъ его ежегодныхъ благодѣяній, къ которымъ онъ привыкъ».

По высокомѣрному тону этого письма можно судить о настроеніи французской дипломатіи: она больше стремилась къ тому, чтобы заставить себя бояться, чѣмъ любить, и это ей не удавалось. Версальскій кабинетъ, которому дѣйствительно было важно заключить союзъ съ конфедератами, казалось, забавлялся ихъ распрями; вмѣшиваясь въ ихъ дѣла, онъ старался поддерживать недоразумѣнія, возникавшія между кантонами, въ надеждѣ ослабить ихъ и стать господиномъ ихъ судьбы: онъ разсуждаетъ о цѣнѣ, которую швейцарцы придаютъ его воображаемымъ благодѣяніямъ, онъ хвастается ими и старается подкупить ихъ магистратовъ; онъ противупоставляетъ одного бургомистра другому бургомистру, одному ландамману—другого ландаммана. Но Моннаръ находитъ, что эта гнусная политика не приносила тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали ея авторы. «Если существуетъ», говоритъ онъ, «для швейцарскаго историка, передъ которымъ развернулась во мракѣ вся эта мерзость, какое-либо утѣшеніе, такъ это то, что большинство попытокъ къ подкупу оказывались тщетными; не всѣ услуги, оплачиваемыя ими, могли быть оказываемы, и не всѣ люди, подкупаемые ими, продавались».

Когда по поводу польскаго престолонаслѣдія возгорѣлась въ 1733 г. война между Австріей и Франціей, французскія, сардинскія и испанскія войска завладѣли Ломбардіей и перешли Рейнъ близъ Гюнингена. Швейцарія почувствовала, что ей грозитъ опасность. Конфедераты, въ виду угрожавшей имъ опасности, спохватились; прекратились различія между католиками и протестантами; всѣ кантоны согласились заявить и отстаивать свой нейтралитетъ. Боязнь союза между католиками и Франціей сблизила Бернъ и Цюрихъ съ этой послѣдней. Война изъ-за польскаго престолонаслѣдія шла очень дѣятельно; она закончилась перемиріемъ въ 1735 г. и Вѣнскимъ миромъ въ 1738 г. Она была выгодна для швейцарской торговли и увеличила потребность въ лицахъ для иностранной службы.

Два года спустя умеръ Карлъ VI, послѣдній мужской потомокъ Рудольфа Габсбургскаго. Восшествіе на престолъ его дочери, Маріи-Терезіи, явилось сигналомъ ко всеобщему вооруженію. Курфюрстъ Баварскій Карлъ-Альбертъ и король Прусскій Фридрихъ II, поддерживаемые Франціей, оспаривали у супруга Маріи-Терезіи, Франца I, великаго герцога Тосканскаго, котораго поддерживала Англія, право на императорскую корону.

Во время воспослѣдовавшей войны, ведшейся съ перемѣннымъ успѣхомъ и закончившейся въ 1748 г. Экъ-ла-Шапельскимъ миромъ, Швейцарія сохраняла нейтралитетъ, снабжая въ то же время воюющихъ многочисленными войсками; въ моментъ прекращенія военныхъ дѣйствій у нея было:

На службѣ у Франціи	22000	чел.
» » » Венгріи (граубюденскія полки) .	2400	»
» » » лично у императора гвардейск. рота	100	»
» » » Испаніи.	13600	»
» » » Пьемонта	10800	»
» » » Голландіи	20000	»
» » » Неаполя (приблизительно) . . .	6900	»
Всего . .	75800	»

Отсюда надо вычесть иностранцевъ, нанимавшихся подъ видомъ швейцарцевъ, и прибавить офицеровъ, находившихся отдѣльно на службѣ въ Пруссіи, Саксоніи, Россіи, Даніи, такъ что число швейцарскихъ наемниковъ на иностранномъ жалованьѣ простиралось до 60000—70000 человѣкъ, что является очень значительнымъ числомъ, если принять въ расчетъ, что народонаселеніе Швейцаріи въ это время едва достигало 1,800000 жителей. Когда былъ заключенъ миръ, распущенные солдаты вернулись толпой въ Швейцарію, принося съ собой привычку къ праздности.

Нѣсколько разъ послѣ того Версальскій кабинетъ пытался возобновить переговоры по поводу желаемаго имъ союза; но во многихъ кантонахъ австрійская партія взяла верхъ надъ французской, и всѣ эти попытки потерпѣли неудачу. Семилѣтняя война, начатая Франціей, Австріей, Саксоніей, Швеціей и Россіей въ 1756 г. противъ Пруссіи и Англіи, не подвинула вопроса.

Это зависѣло, между прочимъ, отъ того, что Фридрихъ II оказывалъ на своихъ современниковъ нѣкотораго рода очарованіе. Будучи властителемъ необширной и относительно бѣдной страны, онъ, благодаря своей энергіи и своему генію, не уступалъ коалиціямъ, которыя, казалось бы, должны были раздавить его. Въ Швейцаріи, въ особенности въ Бернѣ, онъ вызывалъ значительный восторгъ; въ качествѣ протестантскаго монарха онъ пользовался особымъ уваженіемъ въ евангелическихъ кантонахъ, гдѣ всенародно прославлялись его достоинства.

Тѣмъ не менѣе, не взирая на представленія правительствъ, Франція продолжала вербовать въ Швейцаріи многочисленныя войска и посылать ихъ противъ Пруссіи, Ганновера и Гессена; выгода, представляемая службой у Бурбоновъ, брала верхъ надъ всякими другими соображеніями. Та-

кимъ образомъ во многихъ сраженіяхъ наемные солдаты изъ швейцарскихъ кантоновъ сражались подъ враждебными другъ другу знаменами, къ еще большему вреду для національнаго единства. Въ знаменитомъ Росбахскомъ сраженіи (5 ноября 1757) французы, подъ командой маршала Субизъ. были застигнуты въ расплохъ прусской кавалеріей и побросали оружіе, чтобы быстрѣе бѣжать; швейцарскіе полки, подъ командой Дисбаха, Вальднера и Планта, не поддались общей паникѣ; они остались послѣдними на полѣ битвы и покинули его только по приказанію Субиза, отступленіе котораго они прикрывали.

«Что это тамъ за стѣна изъ красныхъ кирпичей?» спросилъ Фридрихъ Великій, видя ихъ издалека непоколебимо стоящими на своемъ посту. Въ слѣдующемъ году въ Крефельдѣ (23 іюня 1758), цюрихскій полковникъ Лохманъ держался со своимъ единственнымъ полкомъ противъ многократныхъ атакъ большей части ганноверской арміи, отразилъ ихъ и покрылъ себя славой въ несчастный для французской арміи день. Мѣсяцъ спустя при Зундерсгаузенѣ (23 іюля 1758) полки Вальднера и Дисбаха взяли приступомъ вражескіе окопы и рѣшили сраженіе въ пользу герцога де-Брольи. Въ Лутербергскомъ дѣлѣ (10 октября 1758) тѣ же полки способствовали, вмѣстѣ съ полкомъ Планта, полной побѣдѣ французской арміи надъ союзниками. Наконецъ во время эвакуаціи Ганновера, въ 1759 г., полкъ Іеннера прикрывалъ отступленіе французовъ.

Многіе швейцарскіе офицеры получили высокія отличія въ награду за свои заслуги: такъ, напримѣръ, храбрый Францъ-Романъ ф. Дисбахъ, способствовавшій побѣдамъ при Бергенѣ и Корбахѣ и получившій чинъ генералъ-лейтенанта; генералъ-маіоръ Людовикъ Августъ ф. Аффри, бывшій на службѣ у Франціи; баронъ ф. Чуди, полковникъ на службѣ у Баваріи; баронъ Іоганъ-Антуанъ ф. Тилье, лейтенантъ-фельдмаршалъ на австрійской службѣ; два послѣднихъ офицера отличились между прочимъ въ сраженіи подъ Гохкирхеномъ, въ 1758 г., и заслужили самыя лестныя похвалы отъ фельдмаршала Дауна. «Съ удовольствіемъ признаю», писалъ этотъ послѣдній своей государынѣ Маріи Терезіи, «что славой, покрывшей армію Вашего Величества въ этотъ кровавый день, мы обязаны распоряженіямъ, сдѣланнымъ Ласси и Тилье, и храбрости, съ которой они мнѣ помогали». Упомянемъ еще генерала Роберта-Сципіона ф. Лентулуса, который, во главѣ прусской кавалеріи, имѣлъ также серьезный успѣхъ надъ австрійцами и русскими. На ряду съ этими именами можно еще упомянуть имена Гальвиля, Эрлаха, Зонненберга, Пфиффера, ф. Зури, Куртена, Кальберматтена, Ребинга, Шорно, Салиса, Шпрехера и др.

Эти войны усилили вліяніе могущественныхъ государствъ, и особенно Франціи, на швейцарскихъ начальниковъ и способствовали утвержденію

аристократическаго образа правленія въ кантонахъ. Герцогъ Шуазель-Праленъ, ставши министромъ иностранныхъ дѣлъ Людовика XV въ 1761 г., захотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы заключить съ федеральнымъ сеймомъ капитуляціи на новыхъ основаніяхъ; вести переговоры онъ поручилъ маркизу д'Антрегъ, посланнику ad interim при кантонахъ. Но, такъ какъ его попытки не имѣли ожидаемаго успѣха, онъ получилъ приказаніе вести переговоры съ каждымъ кантономъ въ отдѣльности. Люцернъ, Фрейбургъ, Солотурнъ, Базель, аббатъ Сенъ-Галленскій и Биль склонились на французскія предложенія. Въ 1763 г. маркизъ д'Антрегъ былъ замѣненъ кавалеромъ де-Ботвиль, которому удалось въ 1764 г. заключить общую капитуляцію съ католическими кантонами, подписать которую отказался только одинъ Швицъ при условіяхъ, изложенныхъ нами выше (см. ст. 335 и слѣд.).

Какъ и раньше переговоры о франко-швейцарскомъ договорѣ были очень затруднены религіозными раздорами, ибо король желалъ пріобрѣсти симпатіи протестантовъ, не оскорбляя католиковъ. Его министры прекрасно знали о положеніи партій въ Швейцаріи, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста, взятаго изъ мемуара, представленнаго посланнику де-Ботвилю. «Католическіе и протестантскіе кантоны представляютъ два отдѣльныхъ тѣла, ненавидящихъ другъ друга, которыя, можетъ быть, растерзали бы другъ друга, если бы покровительство, оказываемое королемъ католическимъ кантонамъ не поддерживало ихъ въ равновѣсіи съ протестантскими кантонами, которые гораздо заселеннѣе и богаче. У этихъ послѣднихъ есть мануфактура, обширная торговля, связи съ приморскими государствами, хорошо снабженные арсеналы и провіантскіе магазины. У католическихъ же кантоновъ, напротивъ, нѣтъ въ ихъ дѣлахъ ни системы, ни послѣдовательности и никакой связи между ними кромѣ той, что они посылаютъ депутаціи на общіе сеймы». Франція стремилась быть посредницей въ этихъ распряхъ. «Главное, чего посланникъ Его Величества не долженъ терять изъ вида», читаемъ мы въ инструкціяхъ, данныхъ кавалеру Ботвилю, «это стараться добиться для себя, насколько возможно, роли посредника и третейскаго судьи въ мелкихъ распряхъ, могущихъ возникнуть между кантонами, и ни за что не допускать, чтобы въ этихъ случаяхъ они прибѣгали къ чуждой державѣ, какъ, напримѣръ, къ Вѣнскому или Туринскому дворамъ». Мы видимъ, что Швейцарія въ эту печальную эпоху стала, подобно Польшѣ, центромъ иностранныхъ интригъ; но это положеніе было для нея пожалуй даже благопріятно: ея внутреннія раздоры, мѣшавшіе слишкомъ тѣсному сближенію ея съ которой нибудь изъ ея могущественныхъ сосѣдокъ, явились препятствіемъ къ ея поглощенію ими и сохранили ея національную независимость отъ угрожавшихъ ей опасностей.

Въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ переговоры о франко-швейцарскомъ договорѣ находились на второмъ планѣ. Въ 1772 г. они были возобновлены Версальскимъ кабинетомъ; это былъ годъ перваго раздѣла Польши, и Швейцаріи предсказывали уже ту же судьбу; эта угроза заставила конфедератовъ искать поддержки извнѣ и обратить взоры къ Франціи.

Между тѣмъ Людовикъ XV умеръ 10 мая 1774 г. На французскій престолъ вступилъ молодой монархъ; его репутація честности, его любезность, добродѣтельная частная жизнь, столь противуположная нравамъ его дѣда,—все это склоняло швейцарцевъ въ его пользу. Новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI былъ графъ де-Вержень, братъ котораго. Іосифъ-Гравье де-Вержень, президентъ парламента въ Дижонѣ, былъ назначенъ посломъ въ Швейцарію на мѣсто кавалера де-Ботвиля. Вмѣсто того, чтобы спекулировать на счетъ внутреннихъ раздоровъ, новый посланникъ долженъ былъ, на основаніи данныхъ ему инструкцій, стараться: при помощи кантоновъ, воскресить, какъ основы конституціи гельветской конфедераціи, принципы единства, довѣрія и братства: дѣло шло о сохраненіи независимости каждаго кантона, обезпечивая его благополучіе, и дать при этомъ всей націи средства защищаться отъ посягательствъ, которыя ей грозили со стороны имперіи. Такимъ образомъ на мѣсто частныхъ интересовъ отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, подкупаемыхъ съ помощью пенсій, выступили общіе интересы всей Швейцаріи. Понадобилось нѣкоторое время, пока повѣрили въ эту метаморфозу французской дипломатіи, и, какъ свидѣтельствуетъ де-Франшъ, французскій резидентъ въ Женевѣ, евангелическіе кантоны первые выказали сочувствіе этому новому направленію.

Первымъ результатомъ измѣненія политики французскаго посланника явилась возможность сближенія конфедеративныхъ государствъ, собравшихся впервые послѣ ста тринадцати лѣтъ на федеральный сеймъ. Дѣйствительно, начиная съ крестьянской войны, т. е. раньше даже первой Вильмергенской войны, католическіе кантоны и евангелическіе кантоны обсуждали вопросы отдѣльно и договаривались между собой какъ государство съ государствомъ. Чтобы подготовить почву для общаго сейма, протестантскіе кантоны совѣщались въ Аарау, а католическіе въ Солотурнѣ, затѣмъ 22-го сентября 1776 г. федеральный сеймъ собрался въ Баденѣ. Оказалось, что депутаты сблизились и пришли къ соглашенію гораздо легче, чѣмъ они ожидали; съ общаго согласія, хотя и не безъ долгихъ споровъ, они противупоставили свой проектъ тому, который былъ имъ предложенъ Франціей. Во время преній были подняты старые споры: по признаемъ вмѣстѣ съ Моннаромъ, что къ чести Франціи «терпѣніе Версальскаго кабинета было такъ же непоколебимо, какъ его намѣренія чисты; онъ воспользо-

вался всѣми законными средствами убѣжденія, чтобы преодолѣть препятствія».

Въ апрѣлѣ 1777 г. де Вержень собралъ кантоны въ Солотурнѣ на окончательное совѣщаніе, на которомъ онъ представилъ свои посольскія полномочія, только что имъ полученныя. 11-го мая представители всѣхъ кантоновъ собрались въ резиденціи посольства; засѣданія длились съ 12-го по 31-е мая; общія собранія смѣнялись религіозными конференціями.

Цюрихъ и Бернъ, дѣйствовавшіе согласно и поддерживавшіе де-Верженя, взяли верхъ въ важномъ пунктѣ. Предварительныя статьи договора указывали на желаніе короля заключить со всѣми кантонами, образующими конфедерацію, одинъ общій союзъ. Этими статьями уничтожались сами собою отдѣльные союзы, заключенные въ 1715 г. между королями французскими и католическими кантонами. Вѣчный миръ 1515 г. былъ принятъ за основаніе новаго союза, чисто оборонительнаго, заключаемаго на пятьдесятъ лѣтъ. Король брался защищать швейцарцевъ на свой счетъ противъ всякой агрессивной попытки; они же обязывались въ случаѣ необходимости дѣлать наборъ въ 6,000 человѣкъ сверхъ договоренныхъ въ капитуляціяхъ.

Новый договоръ давалъ Швейцаріи торговыя преимущества, какъ-то: свободный ввозъ французской соли, свободный проходъ черезъ королевскія владѣнія, облегченія при покупкѣ зерна и другихъ съѣстныхъ продуктовъ, обѣщаніе установить въ скоромъ будущемъ привилегіи и преимущества швейцарцевъ, поселившихся во Франціи, обезпеченія по гражданскому и уголовному суду, по праву казны на наслѣдство иностранцевъ и ярмарочный торгъ; денежныя подати, т. е. согласно старымъ договорамъ пенсіи, были обѣщаны католическимъ кантонамъ, а также кантонамъ Гарусъ и Аппенцель и городу Биль.

Города Мюльгаузенъ, Биль и Сенъ-Галленъ, аббатство Сенъ-Галленъ и Валисъ были включены въ союзъ 1777 г. Добавочнымъ письмомъ отъ 7-го іюня король заявилъ, что въ договоръ включается также страна Во или Романдская страна подъ оговорками и условіями, содержащимися въ договорахъ, заключенныхъ съ Савойей и Франціей въ 1564, 1579, 1582, 1601, 1602 и 1604 годахъ. Невшатель, Женева и епископъ Базельскій не были включены въ союзъ.

Стороны не имѣли права заключать договоры, противные союзу; онѣ не имѣли права заключать миръ со своими врагами безъ вѣдома одной изъ сторонъ и безъ включенія ея въ мирные договоры или въ договоры о перемиріи; во всякомъ случаѣ, стороны были свободны воздерживаться отъ этихъ договоровъ. Швейцарія, державшаяся до сихъ поръ вооруженнаго нейтралитета, сначала случайнаго, потомъ вѣчнаго, сдѣлала шагъ впередъ и

получила отъ Франціи гарантію этого нейтралитета. Эта гарантія, данная не совокупностью европейскихъ державъ, но однимъ отдѣльнымъ государствомъ и при томъ очень могущественнымъ, ставила Швейцарію въ зависимость отъ Франціи. «Кажется,—говоритъ г. Гильти,—что въ договорѣ 1777 г. проскальзываетъ идея о протекторатѣ Франціи».

Принесеніе присяги этому союзу совершилось съ большой пышностью 25-го августа въ Солотурнѣ. Бернскіе депутаты отправились туда со свитой изъ 26 дворянъ верхомъ на лошадяхъ. Цюрихскіе депутаты пріѣхали на носилкахъ, сопровождаемые своими слугами; за ними слѣдовали девять дворянъ и одинъ секретарь въ трехъ каретахъ четверкой, управляемыхъ почтальонами, по бокамъ каждой по лакею въ богатыхъ ливреяхъ кантональныхъ цвѣтовъ. Двадцать четыре пушечныхъ выстрѣла извѣстили объ открытіи сейма; депутаты, предшествуемые хоромъ военной музыки, отправились кортежемъ, между двухъ рядовъ солдатъ, въ посольскій домъ. Де-Вержень, окруженный многочисленнымъ штатомъ, ожидалъ ихъ при входѣ въ почетный залъ, затѣмъ онъ сѣлъ между депутатами Цюриха и Берна. Послѣ рѣчи, произнесенной бургомистромъ Эшеромъ и г. де-Верженемъ, послѣдовало чтеніе ратификаціи договора въ другомъ залѣ при закрытыхъ дверяхъ. Послѣ подписи собраніе отправилось кортежемъ на торжественную мессу, на которой присутствовали и протестантскіе депутаты; наконецъ депутаты отъ кантоновъ, одинъ за другимъ, затѣмъ г. де-Вержень принесли присягу. Когда кончилась церемонія, французскій посланникъ пригласилъ представителей кантоновъ на обѣдъ; вечеръ, который оживили своимъ присутствіемъ нѣсколько дамъ изъ дворянства, съ герцогиней де-Рошуаръ во главѣ, окончился играми и фейерверкомъ. На другой день де-Вержень сдѣлалъ визитъ сейму, что сопровождалось также обѣдомъ; затѣмъ снова отправились въ домъ посольства, и вечеръ закончился иллюминаціей, баломъ и ужиномъ.

Немедленно по заключеніи договора де-Вержень покинулъ Швейцарію, гдѣ былъ замѣщенъ маркизомъ де-Полиньякъ, который велъ переговоры и заключилъ въ 1780 г. договоръ относительно отмѣны правъ государства на наслѣдство иностранца и ярмарочныхъ правъ.

ГЛАВА XV.

Умственное движеніе въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Общія политическія соображенія.—Дань Швейцаріи научному и литературному движенію.—Юстъ Буржи, Гулеръ, Шпрехеръ. ф. Бернеггъ. Жувальта, Гюльманъ. Мельхіоръ Гольдастъ, Михаилъ Штетлеръ. І. Г. Готтингеръ, Матвѣй Меріанъ, Рудольфъ ф. Граффенридъ, Яковъ Розіусъ. Ренвардъ, І. Б. Цизатъ, І. и Т. Грингалетъ. — Іоганнъ Діодати, Ф. Троншенъ, Остервальдъ. Альфъ и Фр. Турретини, Веренфельзъ, Герльнеръ. Гейдеггеръ, Агриппа д'Обинье. — Местрецатъ, Іоганнъ Шуэтъ, Іоганнъ Ле Клеркъ, Бенедиктъ Пиктэ, Яковъ Спонъ. Пуленъ де Ла Барръ,—Bibliothèque italique, Людовикъ Бурге, Journal helvétique или Mercure suisse.—Цюрихъ: І. І. Шейхцеръ, І. Гесснеръ. Бодмеръ, Брейтингеръ, Соломонъ Гесснеръ, І. Г. Лафатеръ.—Бернъ: Бэатъ Л: ф. Муральтъ, Галлеръ, Виттенбахъ.—Базель: Бернулли, Эйлеръ. Исаакъ Изелинъ.—Основаніе Гельветскаго общества и различныхъ кружковъ, преслѣдующихъ научныя цѣли или общественное благо; Фр. Урсъ Бальтазаръ.—Католическая Швейцарія: Маріанусъ Мюллеръ, Бэатъ Кюттель, Николай ф. Луцъ, Іостъ, Игнацій Шумахеръ, Сури, Игнацій Циммерманъ. Брентано, Ф. В. Шмидъ, Цельгеръ, Іосифъ Бузингеръ, І. К. Шнидеръ, Альтъ, Б. Х. ф. Ленцбургъ. — Нѣмецкіе швейцарцы, писавшіе по-французски: І. Р. ф. Зиннеръ, ф. Лерберъ, Ф. Р. ф. Вейссъ, В. ф. Бонштеттенъ, Г. Мейстеръ, Цурлаубенъ. ф. Мэ.

Жизнь націи чрезвычайно сложна, и въ этой именно сложности слѣдуетъ искать объясненія успѣховъ, къ которымъ она оказывается способной послѣ долгаго періода политическаго упадка, который, казалось, долженъ былъ привести ее къ краю пропасти. Пробужденіе общественнаго духа, проявленное Швейцаріей въ XIX-мъ вѣкѣ, было-бы непонятно, если-бы рядомъ съ воинственнымъ классомъ, проливавшимъ со славой свою кровь на службѣ у иностранныхъ державъ, не жилъ другой народъ болѣе скромный, преданный мирнымъ искусствамъ и предназначенный въ свою очередь выступить на поприще въ тѣ дни, когда падетъ аристократическій режимъ.

Швейцарцы — по общему свойству горцевъ — всегда замѣчательно легко перенимали нравы народовъ, среди которыхъ они жили. «Если два офицера служили одинъ во Франціи, другой въ Голландіи», говоритъ Вюльменъ, — «то послѣдній возвращался домой сдержаннымъ, скромнымъ, стремящимся болѣе возбуждать уваженіе, чѣмъ мимолетную похвалу; первый же выказывалъ французскія легкомысліе и болтливость, и являлся смѣшной копіей Версальскаго двора. Среди офицеровъ было много имѣвшихъ доступъ ко двору Людовика XIV. Закономъ этого двора были этикетъ, галантность, мода, его религіей —лесть. Придворные

вознаграждали себя за свое раболѣпство передъ монархомъ дерзкимъ отношеніемъ къ буржуазіи. Предоставляя аккуратность и предусмотрительность плебеямъ, они раззорялись изъ тщеславія. Одежда, скромность, семейныя добродѣтели благородныхъ помѣщиковъ стали предметомъ для комедій. Языкъ—зеркало общества—тоже приспособился къ лжи вмѣстѣ съ знатью. Эти нравы распространялись отъ двора далѣе среди націи. Блескъ Людовика XIV, слава французской цивилизаціи способствовали распространенію ихъ по всей Европѣ. Могли-ли они не проникнуть и въ кантоны! Лица, наиболѣе вліятельныя среди конфедератовъ, привыкли къ деспотизму, роскоши, легкости нравовъ. Они перенесли эти привычки на свою родину. Тогда-то правящіе роды отдѣлились окончательно отъ народа, тогда-то вкрались манеры съ одной стороны надменныя, съ другой—льстивыя, и аристократическія правительства превратились въ олигархическія».

Въ предшествовавшихъ главахъ мы познакомились съ печальными плодами этого иностраннаго вліянія: продажность, внутренніе раздоры и консерватизмъ противились въ продолженіе двухъ вѣковъ развитію нашихъ общественныхъ учрежденій.

Но паралельно этому теченію, образовалось другое, которое намъ и предстоитъ изслѣдовать; сначала слабое, оно затѣмъ быстро разрастается, разрушаетъ плотины и на обломкахъ стараго режима воздвигаетъ новый. Пробужденіе политическихъ идей, которое можно разсматривать какъ продолженіе реформаціи, и было причиной революціи, потрясшей Европу въ концѣ XVIII-го вѣка. «Причиной всякой религіозной реформы», говоритъ г. Гильти [1]), «является разногласіе въ обществѣ, и это въ природѣ вещей, что при этомъ особенно ясно обнаруживается именно этотъ недостатокъ. Реформація была въ то же время и политической революціей, родившейся въ значительной степени на почвѣ политическихъ причинъ. Ибо подобно тому, какъ не можетъ быть здоровой политики безъ истинно религіозной основы, въ которой бы она черпала силу и необходимую прочность, такъ точно всякое истинно религіозное движеніе производитъ разрушающее дѣйствіе на политическое и общественное состояніе, противное природѣ вещей; не были-ли мы свидѣтелями того, какъ первобытное христіанство одержало верхъ надъ римской имперіей, казавшейся скованной изъ желѣза на вѣчныя времена».

«Въ швейцарской реформаціи слѣдуетъ искать начало могущественнаго движенія противъ соціальнаго положенія въ старой Швейцаріи, движенія, послѣднимъ актомъ котораго была гельветская революція».

---

[1]) Hilty, Les constitutions de la Suisse.

Политическія и соціальныя слѣдствія реформаціи испугали даже тѣхъ, кто въ ней участвовалъ, и это понятно, принимая въ расчетъ разнузданность страстей, проявившуюся въ нѣкоторыхъ странахъ. Поэтому за ней вскорѣ воспослѣдовало движеніе назадъ. Реакція изъ странъ, оставшихся вѣрными Риму, распространилась даже на протестантскія страны: какъ въ политическихъ, такъ и въ религіозныхъ вопросахъ произошла какъ бы кристаллизація идей на новыхъ основаніяхъ; принципъ свободы совѣсти, провозглашенный реформаторами, и индивидуалистическія идеи, заключавшіяся въ зародышѣ въ ихъ проповѣдяхъ, были на время задержаны; идея централизаціи государства взяла верхъ со всѣми ея деморализирующими для личности послѣдствіями: притѣсненіемъ меньшинства, униженіемъ личнаго достоинства, подкупностью магистратовъ.

Снова произошелъ разрывъ между классомъ управляющимъ и классомъ мыслящимъ, совмѣстная дѣятельность которыхъ необходима для правильнаго хода соціальнаго прогресса. Только правящій классъ былъ дѣйствительно зараженъ корыстолюбіемъ и придворнымъ холопствомъ. Такъ какъ по своей природѣ онъ обновляется революціями, то язвы, нанесенныя иностранной службой и посѣщеніемъ нѣкоторыхъ дворовъ, излѣчились сами собою, и народъ въ массѣ сохранилъ свою традиціонную честность.

Такимъ образомъ Швейцарія оказалась счастливѣе Польши и была въ состояніи вернуть себѣ уваженіе націй, которое она, казалось, уже потеряла. Что ни говорить, а добро рождается не изъ избытка зла; плохая почва не можетъ дать хорошей жатвы; но избытокъ зла, дѣлая это послѣднее невыносимымъ, заставляетъ порядочныхъ людей сплотиться для для борьбы съ нимъ.

Въ теченіе XVII-го вѣка Швейцарія принимала слабое участіе въ научномъ и литературномъ движеніи; передовые умы не находили въ ней подходящей для себя почвы, и ученые отправлялись дѣлать карьеру за границу. Такъ, напр., поступилъ Юстъ Бурги изъ Лихтенштейга, прозываемый также Биргеръ или Бургкъ (1551 — 1632), изобрѣтатель остроумныхъ механизмовъ въ часовомъ производствѣ и въ астрономіи и различныхъ физическихъ приборовъ. Своими работами и открытіями Бурги расчистилъ путь для математиковъ слѣдующихъ вѣковъ. Онъ, по свидѣтельству Кеплера, за шесть лѣтъ до Непера составилъ таблицы логариѳмовъ, напечатанныя въ Прагѣ въ 1620 г.; будучи скромнымъ и простымъ ученымъ онъ, безъ претензіи и почти въ тайнѣ, сдѣлалъ прекрасныя открытія. Онъ поступилъ на службу къ ландграфу Гессенскому, Вильгельму Мудрому, въ качествѣ придворнаго часовщика, затѣмъ онъ служилъ у императоровъ Рудольфа II, Матвѣя и Фердинанда II. Когда Валленштейнъ, вѣрившій въ астрологію, попросилъ Бурги составить для него

гороскопъ, Бурги отказался, заявивъ съ чисто гельветской откровенностью, что астрологія есть нелѣпость, годная для ословъ и для сумасшедшихъ, чѣмъ австрійскій генералъ былъ чрезвычайно оскорбленъ.

Фрейбургскій лѣтописецъ Гюльманъ (ст. 195), не признанный своимъ отечествомъ, отправился въ Германію; когда однажды онъ рѣшился появиться въ Швейцаріи, крестьяне, которымъ были извѣстны сомнѣнія, поднятыя имъ относительно подлинности исторіи Вильгельма Телля, собирались встрѣтить его недружелюбно. Мельхіоръ Гольдастъ изъ Тюргау, авторъ трактата о происхожденіи германскаго права, тоже провелъ жизнь въ Германіи. Во время Тридцатилѣтней войны швейцарскія школы не были въ такой опасности, какъ германскія; но, говоритъ Вюльменъ, онѣ, казалось, больше служили для сковыванія умовъ, чѣмъ для ихъ освобожденія. Высшее образованіе заключалось почти только въ изученіи греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ.

Что касается поэзіи, то не доставало настоящаго энтузіазма для ея вдохновенія; а сатира не могла свободно изливаться, такъ какъ цензура не преминула бы ограничить ее.

Въ числѣ трудовъ, оставшихся отъ этой эпохи, упомянемъ: исторію Швейцаріи Михаила Штетлера; бернская цензура пропустила ее въ 1627 г только съ большими сокращеніями; исторію церкви теолога и оріенталиста І. Г. Готтингера, изъ Цюриха; иллюстрированную топографію Швейцаріи и Валлиса, Матвѣя Маріана изъ Базеля [1]); краткую исторію Швейцаріи І. Б. Плантена, изданную въ Женевѣ въ 1666 г.; исторію и описаніе Швейцаріи, І. Г. Рана, изъ Цюриха. Въ Граубюнденѣ сохранился героизмъ стараго времени; народъ боролся, защищая свои очаги; нѣкоторые изъ солдатъ: Гулеръ, Шпрехеръ ф. Бернеггъ, Жувальта описали событія, въ которыхъ они принимали участіе.

Напомнимъ также, хотя совсѣмъ изъ другой области, имя знаменитаго медика Фабриція ф. Гильдена, родомъ изъ Кельна, который былъ призванъ въ Лозанну искуснымъ хирургомъ Іоганномъ Гриффономъ и практиковалъ сначала тамъ, потомъ въ Пайернѣ и наконецъ въ Бернѣ, гдѣ его тѣло покоится въ ботаническомъ саду. Онъ сочинилъ поэму на заслуги математики, которая была напечатана въ трактатѣ по ариѳметикѣ, посвященномъ ихъ превосходительствамъ Рудольфомъ Граффенридомъ. Этотъ послѣдній былъ въ одно и то же время государственнымъ человѣкомъ, математикомъ и астрономомъ; онъ первый, будучи губернаторомъ въ Эглѣ, эксплуатировалъ соляныя залежи этой страны; онъ закончилъ свою пол-

[1]) Изъ этого труда мы заимствовали многія изъ нашихъ виньетокъ.

ную приключеній жизнь въ 1648 г. въ Далмаціи, на службѣ у Венеціанской республики.

Въ 1625 г. другой математикъ, сьеръ Яковъ Розіусъ, тоже посвятилъ ихъ превосходительствамъ г. Берна свой альманахъ, за что получилъ въ подарокъ шесть кронъ; начиная со слѣдующаго затѣмъ года онъ выпускалъ періодически свой календарь, который расходился десятками тысячъ въ Бернѣ, Базелѣ и въ сосѣднихъ съ ними кантонахъ. Подражая астрологу Нострадамусу, онъ пріобрѣлъ, подобно этому послѣднему, широкую извѣстность своими предсказаніями; въ его календарѣ содержатся указанія, въ какіе дни слѣдуетъ обрѣзать ногти, въ какіе волосы, когда колоть дрова, сѣять тѣ или другія сѣмена или отнимать отъ груди ребенка, а также совѣты, когда слѣдуетъ ставить піявки, брать ванну или принять лѣкарство. Когда два вѣка спустя этотъ календарь попробовали очистить отъ заключавшихся въ немъ суевѣрій, составлявшихъ его привлекательность, онъ потерялъ свою славу. Розіусъ написалъ также трактатъ практической и повседневной ариѳметики (Бернъ 1649). Такъ какъ онъ изучалъ теологію, то онъ пожелалъ стать пасторомъ и просилъ Лозаннскую академію о посвященіи: но ихъ сеньеріи воспротивились этому, считая его, какъ астролога, зараженнымъ атеизмомъ.

Въ католической Швейцаріи, гдѣ преобладало вліяніе нунція и іезуитовъ, только религіозная литература пользовалась почетомъ. Издавали житія святыхъ гельветскаго цикла и исторію главныхъ монастырей и паломничествъ. Однако Люцернъ далъ въ лицѣ братьевъ Ренварда и Жана-Баптиста Цизатъ, сыновей выше упомянутаго лѣтописца (ст. 195), людей, посвятившихъ себя наукѣ. Жанъ-Баптистъ былъ математикомъ и поэтомъ. «Несмотря на то, что онъ былъ іезуитомъ», говоритъ Вюльеменъ [1]), «онъ многія суевѣрія назвалъ ихъ собственнымъ именемъ». Кажется, онъ первый въ Швейцаріи устроилъ телескопъ; онъ былъ однимъ изъ лучшихъ наблюдателей кометы 1618 г. По мнѣнію профессора Вольфа изъ Цюриха Ж. Б. Цизатъ первый открылъ туманность Оріона, открытіе которой въ 1656 г. приписывали голландцу Гюйгенсу. Онъ, такъ же, какъ и Бурги и братья Іоганнъ и Францискъ Грингалетъ изъ Женевы, былъ въ перепискѣ съ Кеплеромъ, и на его долю выпала та же честь, что и на долю Бурги, Эйлера, Ламберта, Пикте, де-Люка, Бернулли, де-Соссюра, Окена и Піацци: его именемъ названа одна изъ горъ на лунѣ.

Мы уже имѣли случай по поводу Consensus'а указать на развитіе протестантскихъ идей и упомянуть имена теологовъ той эпохи: Остер-

[1]) См. Bibliothèque universelle, 1858 г. въ статьѣ озаглавленной: „Des gens de lettres en Suisse“, изъ которой мы заимствовали нѣкоторыя свѣдѣнія, заключающіяся въ этой главѣ.

вальда, Альфонса Турретини, Веренфельза, съ одной стороны, и Франциска Турретини, Герльнера, Гейдеггера, съ другой (см. ст. 284). Къ этимъ именамъ слѣдуетъ еще прибавить имя Іоганна Діодати (1576 — 1649), люкскаго эмигранта, человѣка весьма ученаго, краснорѣчиваго проповѣдника, поэта, писавшаго на нѣсколькихъ языкахъ, переводчика библіи на итальянскій и французскій языки и издателя и комментатора перевода псалмовъ Маро. Діодати участвовалъ въ Додрехтскомъ синодѣ; онъ отправился туда въ сопровожденіи Теодора Тронхена (1582—1657). Этотъ послѣдній родился въ Женевѣ въ семьѣ, вышедшей изъ Шампани; остроумный латинистъ и при случаѣ полемистъ, онъ былъ ректоромъ въ Женевской академіи, гдѣ преподавалъ еврейскій языкъ.

Въ тяжелыя времена религіозныхъ преслѣдованій многіе французы получили образованіе въ романдской странѣ. Провинція Сентонжъ послала къ намъ одного изъ своихъ наиболѣе извѣстныхъ сыновъ, Агриппу д'Обинье, прибывшаго въ Женеву въ 1565 г. Онъ жилъ на пансіонѣ у медика Саразина, гдѣ его репетиторшей была молодая Луиза Саразинъ, не по лѣтамъ развитая дѣвочка, удивительно способная къ изученію древнихъ языковъ, говорившая будто бы въ 8 лѣтъ по латыни, по гречески, и по еврейски; она внушила и своему ученику любовь къ литературѣ. На закатѣ богатой приключеніями жизни Агриппа д'Обинье пожелалъ, по его поэтическому выраженію, «найти изголовье для своей старости и смерти въ Женевѣ»; онъ вернулся туда въ 1620 г., вторично женился въ 1623 г. на Рене Бурламаки и умеръ въ 1630 г. въ замкѣ дю-Кретъ. Годы начала его старости были посвящены литературѣ, и въ это время онъ написалъ своего baron de Foenesie, сатирическій діалогъ, гдѣ онъ противупоставляетъ достоинство истаго дворянина гасконскому самодовольству ложнаго храбреца. Но его плодовитое и насмѣшливое перо чуть было не сыграло съ нимъ плохой шутки; четвертая часть этого произведенія наполнена скабрезными анекдотами и произвела непріятное впечатлѣніе въ городѣ Кальвина; этотъ памфлетъ, направленный противъ римской церкви, былъ найденъ нечестивымъ и богохульнымъ. Д'Обинье предчувствовалъ бурю, но онъ не хотѣлъ сдержать свое перо, какъ ему совѣтовали его друзья, и былъ призванъ на судъ господъ академиковъ, которые должны были «указать ему на вредъ, который онъ наноситъ себѣ самому и обществу». Смерть, поразившая его, избавила его отъ необходимости предстать передъ судьями. Позабывъ обиды горячаго и благороднаго старика, Женева устроила пышныя похороны дѣду м-мъ де-Мэнтенонъ и похоронила его въ своемъ соборѣ.

Большія войны, долго окровавлявшія Европу, унесли страшно много жизней; онѣ сдѣлали множество женщинъ одинокими у ихъ очаговъ, не-

замужними или вдовствующими; у католиковъ эти женщины находили убѣжище въ монастыряхъ. Меньшее благосостояніе католическихъ кантоновъ, наблюдаемое и въ настоящее время, объясняется отчасти тѣмъ, что договорённые полки набирались главнымъ образомъ въ нихъ, между тѣмъ какъ торговая, промышленная и умственная дѣятельность сосредоточивалась больше въ протестантскихъ кантонахъ.

Профессоръ Евгеній Риттеръ находитъ, что умиротвореніе, достигнутое изданіемъ «вѣчнаго и неотмѣняемаго» Нантскаго эдикта, обезпечивавшаго положеніе протестантовъ во Франціи, лишило Женеву, по крайней мѣрѣ на время, того исключительнаго положенія, которое она занимала въ XVI-мъ вѣкѣ; послѣ отмѣны этого эдикта французскіе ученые какъ то: Бэль, Соренъ, Жюрьё направились главнымъ образомъ въ Голландію, дѣйствительно независимые умы чувствовали себя тамъ болѣе по себѣ. Женева, принужденная теперь жить на свой собственный счетъ, сохранила тѣмъ не менѣе свои духовныя традиціи и въ свою очередь снабдила Францію достойными подвижниками, отправившимися туда для поддержанія дѣла реформаціи словомъ или своими сочиненіями. Такъ, напримѣръ, Жанъ Местрецатъ (1592 — 1657), шарантонскій пасторъ, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ, благочестіемъ и ученостью; онъ велъ девятидневный диспутъ съ аббатомъ де-Гонди, ставшимъ позднѣе кардиналомъ де-Ретцъ. и сумѣлъ, даже по признанію своего антагониста, поставить его въ затрудненіе. Въ 1664 г. Жанъ Шуэ ввелъ въ Сомюрѣ изученіе Декарта; потомъ онъ преподавалъ въ Женевѣ, своемъ родномъ городѣ, гдѣ позднѣе съ достоинствомъ занималъ должность синдика. Его учениками между прочимъ были Бэль и Іоганнъ Ле-Клеркъ. Этотъ послѣдній, родившійся въ Женевѣ въ 1557 г., былъ смѣлымъ критикомъ и обладалъ обширными знаніями; онъ занималъ каѳедру философіи въ коллежѣ ремонстрановъ въ Голландіи; онъ былъ плодовитымъ писателемъ и считается вмѣстѣ съ Бэлемъ родоначальникомъ раціонализма и предвозвѣстникомъ французской философіи XVIII-го вѣка. Около этого же времени выступилъ благочестивый и ученый Бенедиктъ Пикте, первый изъ серіи ученыхъ Пикте, профессоръ догматики, авторъ многихъ духовныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя поются и въ настоящее время. Ліонскій докторъ медицины, Яковъ Спонъ провелъ два года въ Женевѣ и написалъ исторію этого города, появившуюся въ 1680—1682 г.; она была вновь издана пятьдесятъ лѣтъ спустя съ поправками, дополненіями и продолженіемъ до 1722 г., написаннымъ государственнымъ секретаремъ Жанъ-Антуанъ Готье [1]).

[1]) Ж. А. Готье прежде чѣмъ сдѣлаться членомъ государственнаго совѣта былъ профессоромъ философіи съ 1696 по 1723 г., потомъ ректо-

Другой французъ, Пуленъ де ла Барръ (1647—1723), котораго философія Декарта привела къ протестантизму, преподавалъ въ женевскомъ коллежѣ и оставилъ замѣтку о современномъ ему мѣстномъ французскомъ языкѣ, интересную какъ свидѣтельство компетентнаго иностранца [1]).

«Можно удивляться», говоритъ онъ, «что въ городѣ, находящемся на наиболѣе отдаленной границѣ Франціи, въ городѣ, въ которомъ всегда живетъ много иностранцевъ и лежащемъ въ странѣ съ очень грубымъ и искаженнымъ патуа, продолжаютъ говорить и произносить несравненно лучше, чѣмъ во многихъ французскихъ провинціяхъ... Правда, что женевцы немного тянутъ слова, но надо сказать, что эта небольшая медлительность болѣе приближается къ настоящей серединѣ хорошаго произношенія, чѣмъ противуположная крайность, и замѣчается главнымъ образомъ у женщинъ и у людей, живущихъ безвыѣздно въ Женевѣ. Ибо, что касается магистратовъ, ученыхъ и купцовъ, которые всѣ путешествуютъ, то они произносятъ по французски, какъ люди ихъ сословія въ Парижѣ».

Лестное замѣчаніе, подобное которому напрасно было-бы искать въ современной французской литературѣ.

Каждый вѣкъ имѣетъ свою собственную физіономію. Въ продолженіе семнадцатаго вѣка умственный горизонтъ Швейцаріи былъ омраченъ и затемненъ; въ восемнадцатомъ онъ снова проясняется: кальвинскій принципъ авторитета слабѣетъ, мысль вновь паритъ свободно, писатели становятся смѣлѣе, и философскій духъ открываетъ наукѣ новые пути.

«Восемнадцатый вѣкъ», говоритъ Даге, «былъ нашимъ золотымъ вѣкомъ; во всѣхъ уголкахъ гельветской земли появились, словно по волшебству, геніальные и талантливые люди. Эти избранники со славой подвизались въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, во всѣхъ областяхъ интеллектуальнаго царства».

Движеніе началось съ Франціи; въ Швейцаріи пробужденіе началось съ романдскихъ странъ. Печатные станки Женевы, Лозанны и Ивердона соперничаютъ съ голландскими; на нихъ печатаются сочиненія, запрещенныя во Франціи; въ началѣ магистраты пытались остановить движеніе, но ихъ въ концѣ концовъ охватываетъ философія, и ихъ попытки ограничиваются защитой своей администраціи противъ критики. Базельскій университетъ, Женевская, Лозанская, Цюрихская и Бернская академіи являются очагами, распространяющими свѣтъ; благодаря періодическимъ жур-

---

ромъ. Онъ самъ написалъ исторію Женевы, которая не была напечатана по политическимъ соображеніямъ; но въ манускриптѣ ею пользовались многіе писатели; она наконецъ скоро выйдетъ.

[1]) См. Histoire littéraire de la Suisse française, Ph. Gadet, изъ которой мы почерпнули многія свѣдѣнія, содержащіяся въ этой главѣ.

наламъ, швейцарскіе ученые вступаютъ въ сношенія съ иностранными учеными.

Первымъ по времени періодическимъ журналомъ былъ «Bibliothèque italique», космополитическій журналъ, издававшійся въ Женевѣ съ 1729 по 1784 г.; цѣлью его было ознакомить Францію, Германію, Голландію и Швейцарію съ итальянскими произведеніями. Это былъ журналъ сходный съ «Bibliothèque anglaise et britannique», издаваемой въ Ла-Гэ (Гаагѣ), и съ «Bibliothèque germanique», издаваемой въ Амстердамѣ. Его иниціаторомъ былъ французъ, по имени Луи Бурге, родившійся въ Нимѣ въ 1678 г.; его отецъ Жанъ Бурге, принужденный эмигрировать послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, прибылъ въ Швейцарію съ большими капиталами и основалъ въ Цюрихѣ фабрики шелковыхъ матерій. Совершивъ путешествіе по Италіи и Голландіи, Людовикъ Бурге поселился въ Женевѣ въ 1725 г.; онъ обладалъ въ высшей степени энциклопедическими знаніями, встрѣчаемыми у многихъ его современниковъ. Его главными сотрудниками были Крамеръ и Каландрини въ Женевѣ, Сенье де Корревонъ, Авраамъ Рюша, Луа де Боша и дю Линьонъ [1]) въ Лозаннѣ. Послѣ семилѣтняго пребыванія въ Женевѣ, Бурге переѣхалъ въ Невшатель, гдѣ занималъ каѳедру философіи. Здѣсь онъ въ 1732 г. началъ издавать новый журналъ, отличавшійся отъ перваго своимъ чисто національнымъ направленіемъ: «Journal helvétique» или «Mercure suisse», просуществовавшій подъ различными названіями до 1784 г. Бурге печаталъ въ немъ статьи о древностяхъ, литературѣ, физическихъ и естественныхъ наукахъ, древней и новой исторіи. Среди сотрудниковъ этого журнала мы встрѣчаемъ, кромѣ вышеназванныхъ именъ, Абоцита, Болакра, Галлера, Изелина, Триболета, Энгеля и др. «Направленіе «Mercure suisse» было протестантское, его сотрудники слѣдовали ученію Кальвина, странно его измѣняя. Особенное значеніе, говоритъ Гольеръ [2]), они придавали свободѣ мышленія и изслѣдованія, независимости духа и превосходству совѣсти надъ авторитетомъ».

Въ дѣловомъ и политическомъ мірѣ теперь въ модѣ говорить съ нѣкоторымъ презрѣніемъ объ такъ называемыхъ «интеллигентахъ», т. е. людяхъ, посвятившихъ себя литературѣ, наукѣ и отвлеченному мышленію; ихъ часто, не безъ причины, упрекаютъ въ теоретическомъ характерѣ ихъ мыслей; они прежде всего стремятся доказать дорогія имъ идеи, удаляются отъ повседневной жизни и избѣгаютъ отвѣтственности, падающей на дѣловыхъ и служащихъ людей. Но никто не видитъ въ полномъ освѣ-

[1]) Дю Линьонъ былъ французскій эмигрантъ; имъ были основаны въ Лозаннѣ écoles de charité, передѣланныя впослѣдствіи въ дома для сиротъ.

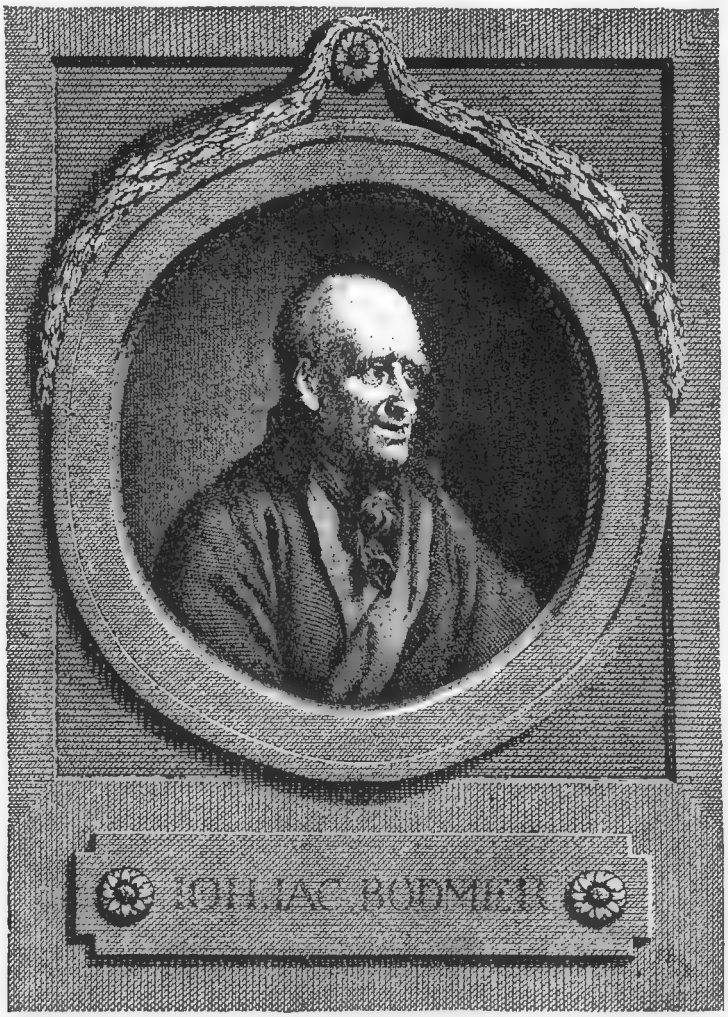
[2]) Etudes sur l'histoire littéraire de la Suisse française.

щеніи истиннаго положенія вещей; нѣкоторыя стороны ускользаютъ отъ того, кто находится въ центрѣ дѣятельности, но болѣе ясны для глазъ того, кто держится въ сторонѣ: перспектива событій для него яснѣе именно благодаря его отдаленію. Не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, говоритъ Писаніе; идеализмъ является дѣятелемъ прогресса, и удивительное обиліе труженниковъ мысли, данное нѣкоторыми швейцарскими городами, какъ-то Женевой, Базелемъ и Цюрихомъ, не чуждо ихъ замѣчательному матерьяльному благосостоянію.

Въ первомъ ряду стоялъ Цюрихъ, получившій, благодаря извѣстности своихъ ученыхъ, лестное прозвище Аѳинъ на Лиммать. Физическія науки нашли ревностнаго изслѣдователя въ лицѣ І. І. Шейхцера (1672—1733). Въ кружкѣ, членомъ котораго онъ былъ, обсуждались вопросы, кажущіеся въ настоящее время дѣтскими: Какія событія наполнили первый библейскій день, или три часа, каждый въ пятьдесятъ пять лѣтъ, этого перваго дня? Были ли горы созданы при сотвореніи міра, или послѣ потопа? Что представляютъ кометы: божеское наказаніе, или перевороты въ небесной сферѣ? Двуглавое чудовище имѣетъ ли также двѣ души? Можетъ ли магистратъ-христіанинъ допустить по совѣсти театръ и пляску на канатѣ? и т. д. Это была эпоха, длившаяся довольно долго, когда стремились задачи религіи и науки подчинить общимъ методамъ, къ большому вреду и для науки, и для вѣры. «Мы смѣемся надъ этими попытками», говоритъ Вюльменъ, «а между тѣмъ изъ этихъ-то пустыхъ вопросовъ возникло столько прекрасныхъ и серьезныхъ изслѣдованій, разбросанныхъ въ сочиненіяхъ ученаго цюрихца,—изслѣдованій, впервые освѣтившихъ географію, естественную исторію и лѣтописи нашей швейцарской родины, и въ то же время примирившихъ научныя открытія съ библейскимъ текстомъ». Теологи упрекали Шейхцера въ томъ, что онъ подрываетъ библейскія чудеса, сравнивая ихъ съ явленіями природы; его даже обвинили въ атеизмѣ. Однако его заслуги были признаны, и въ награду его сдѣлали главнымъ городскимъ докторомъ и профессоромъ физики и естественныхъ наукъ. Берлинская, Вѣнская и Лондонская академіи выбрали его въ свои члены. Его ученикъ Іоаннъ Гесснеръ, математикъ, натуралистъ и медикъ, пріобрѣлъ извѣстность какъ ботаникъ.

Но Цюрихъ въ эту эпоху болѣе блестѣлъ въ литературѣ, чѣмъ въ наукѣ. Вслѣдствіе событій, разсказанныхъ нами, Бернъ и Цюрихъ все болѣе удалялись отъ Франціи и сближались съ Германіей; благодаря своимъ писателямъ и мыслителямъ, они оказали значительное вліяніе на литературу этой страны. Это былъ моментъ, когда Швейцарія, сыгравшая роль на полѣ битвы, приняла болѣе или менѣе почетное участіе въ прогрессѣ идей. «Въ то время какъ Ж. Ж. Руссо возбуждалъ Францію и удивлялъ

Европу, I. I. Бодмеръ, говоритъ г. Ев. Секретанъ въ «Galerie Suisse», первый поколебалъ устарѣлыя традиціи, сковывавшія нѣмецкую литературу. Являясь оба представителями индивидуализма и демократіи, они впрыснули новые соки въ дѣтскую или обветшавшую литературу двухъ великихъ сосѣднихъ со Швейцаріей государствъ».



Фиг. 33. Портретъ I. I. Бодмера.

I. I. Бодмеръ (см. фиг. 33) (1698—1783), сынъ сельскаго пастора, родился близъ Цюриха, съ дѣтства любилъ одиночество и длинныя прогулки въ лѣсахъ; его любимыми книгами были метаморфозы Овидія, старые рыцарскіе романы и библейскіе разсказы: позднѣе онъ полюбилъ германскую поэзію и особенно страстно, между прочимъ, произведенія силезскаго поэта Опитца. Съ годами онъ подпалъ подъ вліяніе раціонализма; онъ отказался отъ

карьеры пастора, къ которой его предназначалъ отецъ, и занялся торговлей, что также не соотвѣтствовало его вкусамъ. Его привлекали историческія изслѣдованія, и въ 1721 г. онъ выпустилъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Брейтингеромъ, нравственный и критическій журналъ «Die Discurse der Maler»; затѣмъ онъ занялся книжной торговлей и въ 1725 г. получилъ каѳедру исторіи въ Цюрихской академіи. «Другъ истины, добродѣтели и духовнаго постоянства, Бодмеръ», говоритъ Моннаръ, «превращавшій жизнь ученаго въ жизнь дѣятеля, оказывалъ тѣмъ большее вліяніе на людей, что человѣкъ былъ главнымъ предметомъ его изслѣдованій въ наукѣ, въ исторіи и въ литературѣ».

Онъ былъ членомъ цюрихскаго большого совѣта, но не игралъ въ немъ важной роли; обладая независимымъ характеромъ, большой поклонникъ Руссо, онъ былъ неспособенъ приспособляться къ современнымъ ему политиканамъ. Его истинной отчизной была научная республика; объявивъ войну острословію, онъ стремился замѣнить пеструю и офранцуженную зарейнскую прозу чисто нѣмецкой литературой. Пораженный тѣсной связью между поэзіей и живописью, онъ сталъ искать образцовъ въ Англіи; особенно возбуждалъ его энтузіазмъ Мильтонъ; онъ перевелъ «Потерянный рай» и защищалъ его въ статьѣ, озаглавленной «Чудесное въ поэзіи» (1740), въ которой онъ блестяще защищалъ противъ Вольтера поэтическую цѣнность чудеснаго въ библіи.

Смѣлая попытка Бодмера и его друга Брейтингера вызвала горячую оппозицію въ Германіи: возгорѣлась жаркая полемика между ними и лейпцигскимъ профессоромъ Готтшедомъ, который приписывалъ себѣ честь возрожденія нѣмецкаго языка.

Ихъ ссора сдѣлалась знаменитой. На сторонѣ Готтшеда было то преимущество, что онъ былъ профессоромъ значительнаго университета и располагалъ болѣе обширными связями; сначала большинство голосовъ было, казалось, на его сторонѣ; но затѣмъ Клопштокъ, Винкельманъ, Гердеръ, Лессингъ, Виландъ и Гете признали правильность требованій цюрихцевъ (хотя и не отдавая имъ вполнѣ въ этомъ справедливости), перейдя на провозглашенный ими путь. «Поэзія по ту сторону Рейна», говоритъ Моннаръ, «была вялой, тусклой и сухой. Ея реформаторомъ желалъ быть ученый съ прозаически прямымъ умомъ; Готтшедъ, благодаря своей удивительной дѣятельности, распространилъ власть своего безграничнаго тщеславія на часть Германіи; онъ воображалъ, что, объявивъ войну воображенію и свободѣ поэтическаго генія, онъ возродитъ литературу въ своемъ отечествѣ; онъ ввелъ въ нее благочиніе французскаго Парнаса; въ стихахъ и въ прозѣ онъ являлся французомъ безъ французской граціи. Его попытки и его претензіи воспламенили рвеніе его молодыхъ антагонистовъ.

Но въ своихъ теоретическихъ работахъ они еще расширили литературный горизонтъ. Лучшіе умы Германіи примкнули къ Бодмеру, горячему новатору, писателю болѣе чистому чѣмъ изящному, строгому, по временамъ страстному судьѣ, главѣ реформы, къ которой онъ стремился, потому что любилъ естественность и требовалъ свободы для генія. Нуждаясь въ образцахъ, швейцарская школа искала ихъ въ Англіи и у древнихъ писателей, какъ лейпцигская школа—во Франціи; но тѣмъ не менѣе она является эрой независимости. Въ Цюрихѣ же гельветская литература и получила національный характеръ».

Дружба, связывавшая Бодмера и Брейтингера, была имъ очень полезна; они дополняли другъ друга. «Вообще», говоритъ г. Евг. Секретанъ, «Бодмеръ возбуждалъ, давалъ главныя идеи; Брейтингеръ, теологъ и филологъ, (которому мы обязаны изданіемъ пѣсенъ миннезингеровъ и отрывковъ эпоса о Нибелунгахъ) вносилъ методъ и ясность. Его осторожность и вѣжливость смягчали угловатость Бодмера». Старый цюрихскій критикъ умеръ въ 1783 г. восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду; Брейтингеръ сошелъ шестью годами раньше его въ могилу отъ апоплексическаго удара. Упоминая объ этомъ горестномъ событіи въ письмѣ къ своему другу Мейстеру, Бодмеръ вспоминаетъ о немъ въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ: «Его (Брейтингера) отняли у меня, наперсника моей жизни, раздѣлявшаго мои мысли... онъ живетъ ближе къ Богу и поклоняется Ему вмѣстѣ съ Целльвегеромъ, Гессомъ, Виссомъ... Не могу сказать, чтобы я переносилъ эту потерю съ стоицизмомъ, но съ христіанской покорностью». «Пріятно,—говоритъ г. Евг. Секретанъ,—разстаться съ Бодмеромъ подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ, которыхъ онъ навѣрно не сказалъ бы въ своемъ зрѣломъ возрастѣ».

Въ 1750 г. поэтъ Клопштокъ прибылъ на годъ въ Цюрихъ; три первыя пѣсни его «Мессіады» оставили публику равнодушной; Бодмеръ ободрилъ его, оказалъ ему гостепріимство и призналъ въ немъ славу Германіи. Эти похвалы способствовали впослѣдствіи успѣхамъ Клопштока; но, будучи непостояненъ, какъ часто бываютъ поэты, онъ выказалъ мало благодарности своему почитателю.

Въ 1751 г. пріѣхалъ въ Цюрихъ Виландъ и прожилъ тамъ четыре года въ тѣсной дружбѣ съ Бодмеромъ, Брейтингеромъ, Іоганномъ Гесснеромъ, докторомъ и литераторомъ Гирцелемъ, художниками, занимавшимися исторіей искусства, Гаспаромъ и Генрихомъ Фуссли; всѣ они имѣли на вюртембергскаго поэта сильное вліяніе. Въ это время Соломонъ Гессперъ (1730—1788) выступилъ на поприще, пройденное имъ съ такой славой. Будучи сыномъ книгопродавца, онъ продолжалъ занятіе отца; женившись, онъ предоставилъ женѣ руководство торговлей, а самъ посвятилъ все свое

время литературѣ. Въ дѣтствѣ онъ выказывалъ мало склонности къ ученью но частыя соприкосновенія съ Клопштокомъ, Виландомъ и Клейстомъ, проживавшимъ тоже въ Цюрихѣ, пробудили въ немъ любовь къ литературѣ, съ которой въ немъ соединялись талантъ живописца, гравера, пейзажиста. Онъ выступилъ въ 1755 г. пасторальной поэмой, подъ заглавіемъ Дафне; въ слѣдующемъ году появились его «Идилліи», въ которыхъ онъ является однимъ изъ лучшихъ представителей этого вышедшаго изъ моды жанра. Гердеръ хвалитъ его превосходную манеру, его простоту. «А между тѣмъ», говоритъ г. Евг. Секретанъ, «въ настоящее время всѣ, даже самые горячіе его защитники, упрекаютъ его въ недостаткѣ правды и разнообразія, въ приторности, свойственной всему условному. Его идилліи, отвѣчавшія современному вкусу, и его поэма «Смерть Авеля» сдѣлали его популярнымъ во Франціи, гдѣ его слава держалась дольше, чѣмъ въ Германіи. Его произведенія, мало читаемыя въ настоящее время, пользовались невѣроятной славой; они были произведены на французскій, англійскій и итальянскій языки. Руссо заявилъ, что Гесснеръ именно такой человѣкъ, какихъ онъ любитъ, а Дидеро былъ отъ него восторгѣ. Шиллеръ былъ къ нему строже, хотя тоже благосклоненъ: по его мнѣнію, пастухи Гесснера неудовлетворительны ни какъ предметы наблюденія, ни какъ идеалъ. Успѣхъ его идиллій лежалъ въ ихъ наивности и возвратѣ къ природѣ, какой ее любили въ то время себѣ представлять; цѣлый классъ читателей, никогда не видѣвшихъ въ дѣйствительности ни одного пастуха, чувствовалъ желаніе окунуться хоть на нѣсколько минутъ въ среду, столь далекую отъ ихъ обычныхъ занятій. Музѣ Гесснера не хватало естественности; его языкъ, въ которомъ иногда встрѣчались провинціализмы, носилъ, по словамъ критиковъ, космополитическій характеръ. Его мысли являлись отраженіемъ его времени.

Въ этомъ спискѣ главныхъ членовъ цюрихской плеяды упомянемъ еще Зульцера и набожнаго Лафатера. Іоганнъ Георгъ Зульцеръ (1720—1779) составилъ себѣ имя въ Германіи и былъ однимъ изъ основателей современной эстетики. Іоганнъ-Гаспаръ Лафатеръ (фиг. 34) (1741—1801), прозываемый швейцарскимъ Фенелономъ, обладалъ въ высшей степени даромъ вліянія на людей. Это былъ набожный и добродушный человѣкъ. Его плодовитость была замѣчательна; онъ оставилъ болѣе ста томовъ, написанныхъ въ стихахъ и въ прозѣ. Будучи сначала діакономъ, потомъ пасторомъ въ приходѣ Св. Петра въ Цюрихѣ, онъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ современниковъ, благодаря своимъ краснорѣчивымъ проповѣдямъ, національнымъ и религіознымъ поэмамъ, письмамъ, своему дневнику и своимъ полемическимъ сочиненіямъ. Живя въ такое время, когда все болѣе воцарялся раціонализмъ, онъ храбро возсталъ въ нѣдрахъ цюрих-

скаго синода противъ всего, что стремилось совратить христіанскую вѣру къ простому деизму. Онъ такъ былъ склоненъ къ сверхъестественному, что готовъ былъ видѣть всюду слѣды его; его благочестіе было скорѣе мистическое, чѣмъ догматическое; не будучи, какъ его упрекали, сектантомъ, онъ часто повторялъ, что у каждаго должна быть своя вѣра, какъ и свое лицо; будучи прежде всего независимымъ, онъ не страшился отклоненія отъ ортодоксіи во многихъ пунктахъ.

Фиг. 34. Портретъ І. Г. Лафатера.

Лафатеръ положительно очаровывалъ всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, глубиной своего взгляда, любезностью и привлекательностью, исходившей изъ всей его особы. Онъ бралъ подъ свою защиту всѣхъ угнетаемыхъ, и при случаѣ этотъ человѣкъ съ почти женскими манерами выказывалъ, ко всеобщему удивленію, настоящее гражданское мужество. У него были многочисленныя связи въ Швейцаріи и за грани-

цей, онъ былъ другомъ Оберлина и въ перепискѣ со многими выдающимися современниками, какъ-то: І. Г. Циммерманомъ, филантропомъ Базедовомъ, поэтами Клопштокомъ и Виландомъ, мистикомъ Юнгъ Штиллингомъ, философомъ Фихте, Гердеромъ, Гете и др. Съ душою полной любви онъ ловко умѣлъ проникать въ глубь человѣческаго сердца. Онъ не былъ свободенъ отъ тщеславія; это былъ главный недостатокъ его прекрасной матери, и онъ наслѣдовалъ его отъ нея вмѣстѣ съ ея выдающимися достоинствами.

На сочиненіяхъ Лафатера отразилась поспѣшность, съ которой онъ ихъ писалъ; онъ былъ скорѣе моралистъ, чѣмъ теологъ, и въ его аргументаціи было больше жара и искренности, чѣмъ научной точности.

Главнымъ его произведеніемъ, составившемъ ему имя, являются «Fragments physiognomiques». Въ этомъ сочиненіи, оригинальномъ для той эпохи, онъ ищетъ связи между чертами лица и характеромъ и душевными склонностями и указываетъ на то, какъ лобъ, брови, глаза, носъ, ротъ, подбородокъ позволяютъ каждый самъ по себѣ разобрать тайну человѣческой физіономіи. Этого рода наблюденія служили Лафатеру средствомъ популяризировать знаніе самого себя и другихъ, знаніе полезное для всякаго, кто хочетъ бороться со своими собственными недостатками или съ недостатками окружающихъ его людей. Считая очень важнымъ, чтобы этого рода наблюденіямъ не придавали большаго значенія, чѣмъ придавалъ имъ онъ самъ, онъ предостерегалъ своихъ читателей противъ смѣлыхъ сужденій, къ которымъ они легко могли склониться. Кромѣ того физіогномика предшествовала френологіи, и Лафатеръ не былъ отвѣтственъ за смѣлые выводы доктора Галля, баденскаго анатома, на котораго сильно нападали за его матеріалистическія стремленія.

Лафатеръ умеръ въ 1801 г. отъ послѣдствій раны, нанесенной ему при взятіи Цюриха французскимъ гренадеромъ въ тотъ моментъ, когда онъ давалъ денегъ французскому же солдату.

Бернъ, бывшій счастливымъ соперникомъ Цюриха въ области политики, не можетъ сравниться съ нимъ въ области искусства и науки; бернцы прежде всего дѣловые люди; ихъ городъ далъ больше замѣчательныхъ генераловъ и магистратовъ, чѣмъ ученыхъ и мыслителей. Но и городъ Бернъ также далъ своихъ борцовъ избранному духовному полку Швейцаріи XVIII вѣка. Въ этомъ отношеніи три имени особенно заслуживаютъ нашего вниманія: Беатъ-Людвигъ ф. Муральтъ, Альбертъ ф. Галлеръ и Самуилъ Виттенбахъ.

Замѣчательно, что двое изъ нихъ провели значительную часть своей жизни внѣ своего родного города. Беатъ-Людвигъ ф. Муральтъ (1665—1749) оказался въ 1697 г. замѣшаннымъ въ возмущеніяхъ, вызванныхъ

принятіемъ Consensus'a; обвиненный въ піэтизмѣ за то, что отказался присутствовать на офиціальной службѣ, онъ былъ изгнанъ изъ Берна 15 февраля 1701 г. и удалился въ княжество Невшательское, въ Коломбье. Онъ написалъ письма объ англичанахъ и письма о французахъ, въ нихъ, проникая въ глубь причинъ, выраженіемъ которыхъ являются привычки и обычаи, онъ пытается опредѣлить черты, свойственныя этимъ двумъ націямъ. Съ проницательностью, свойственной высшимъ умамъ, онъ находитъ связь между характеромъ и расой, слѣдуя такимъ образомъ методу, который въ наше время примѣнилъ Тэнъ; но ф. Муральтъ не приписываетъ народному темпераменту такого рѣшительнаго значенія, какъ французскій критикъ.

Въ Муральтѣ съ философомъ и моралистомъ уживался мистикъ. Онъ считалъ, что догматизмъ скрываетъ и унижаетъ смыслъ откровенія, который можетъ быть уясненъ разумомъ. Онъ искалъ во внутреннемъ человѣкѣ, въ томъ, что онъ называлъ «божественнымъ инстинктомъ», законъ и истину; благодаря этому принципу, онъ видѣлъ избранниковъ Бога не только въ тѣхъ, кто получилъ Его письменное откровеніе, но и въ тѣхъ, кто во всѣхъ слояхъ общества и подъ всякими религіозными формами слѣдовалъ этому высшему инстинкту. Этотъ взглядъ, замѣчаетъ К. Берту, представляетъ явную аналогію съ раціонализмомъ восемнадцатаго вѣка и является еще болѣе смѣлымъ и послѣдовательнымъ въ сочиненіяхъ Мари Губера [1]), котораго основательно считаютъ, согласно съ мнѣніемъ г. Ф. Годе, родоначальникомъ либеральнаго протестантства; Руссо, которому были хорошо извѣстны сочиненія Муральта, а можетъ быть, и Мари Губера, вывелъ изъ нихъ послѣднія посылки. Но у Муральта этотъ раціонализмъ понемногу измѣнился и превратился въ нѣкотораго рода иллюминизмъ, какъ доказываютъ его «Фанатическія письма», изданныя въ Лондонѣ въ 1736 г.; въ нихъ мы встрѣчаемъ рядомъ съ вѣрными идеями и глубокими взглядами апокалиптическія пророчества.

«Я считаю», говоритъ К. Берту, «Муральта самымъ замѣчательнымъ французскимъ писателемъ, даннымъ Швейцаріей въ серединѣ XVIII-го вѣка. Его языкъ богатъ и силенъ, какъ его мысль, лишенная всякаго паразитнаго украшенія, заимствующая у его воображенія только самые скромные цвѣта, а у собственно разума только тонъ, иногда неожиданный и удивительно оригинальный».

---

[1]) Мари Губеръ, изъ семьи родомъ изъ Шаффгаузена, поселившейся въ Ліонѣ, родился въ Женевѣ въ 1695 г.; авторъ письма: Indifférence des religions и двухъ статей: Le monde fol préféré au monde sage, и Lettres sur la religion essentielle à l'homme.

Если бернецъ уменъ, такъ ужъ очень; когда онъ занимается какимъ-нибудь вопросомъ, онъ изслѣдуетъ его до конца. Это замѣчаніе особенно примѣнимо къ старому патрицію Альберту фонъ Галлеру (фиг. 35) «великому Галлеру», знаменитому ученому, которымъ справедливо гордится Бернъ (1708—1777). Обладая слабымъ здоровьемъ, онъ былъ лишенъ многихъ удовольствій, и въ немъ развилась съ дѣтства склонность къ уединенію и созерцанію; онъ былъ умственно скороспѣлымъ ребенкомъ. Онъ рано началъ увлекаться классическими поэтами и сохранилъ на всю жизнь любовь къ нимъ, отъ которой его не отвратили занятія медициной, которымъ онъ себя посвятилъ. Онъ посѣщалъ сначала Тюбингенскій, потомъ Лейденскій университеты и закончилъ свои занятія въ Лондонѣ и Парижѣ. Его жажда знанія не знала границъ; посвятивъ сначала свой обширный умъ занятіямъ литературой, естественными науками и медициной, онъ затѣмъ занялся высшей математикой подъ руководствомъ Бернулли. Галлеръ, пожалуй, самый энциклопедическій умъ, родившійся въ Швейцаріи.

Альпы, мало еще въ то время изслѣдованные, сильно привлекали его; но путешествіе въ горы было въ то время настоящимъ подвигомъ. Въ 1731 г. онъ издалъ томъ стихотвореній сатирическихъ, описательныхъ и дидактическихъ; въ этомъ сборникѣ главной вещью является поэма «Альпы», которая обратила на автора вниманіе ученыхъ людей Франціи и Германіи. Этотъ первый опытъ, въ которомъ встрѣчается описаніе простыхъ и наивныхъ нравовъ горцевъ, имѣлъ тридцать изданій; онъ былъ переведенъ на французскій языкъ и имѣлъ большой успѣхъ за предѣлами нашихъ горъ.

Его сатиры и дидактическія поэмы философскаго и нравственнаго содержанія нашли подражателей въ англичанахъ. «Этотъ родъ», говоритъ Августъ Беранже, «особенно соотвѣтствовалъ духу автора, болѣе богатому разсудительными и глубокими мыслями, чѣмъ фантазіей». Онъ въ нихъ раскрываетъ вздорность бернскаго общества и даетъ портреты: патриція, полнаго спеси, великолѣпнаго на виду у публики и вульгарнаго въ тѣсномъ кругу; фата, всеобщаго друга, гоняющагося за похвалой, щедраго на обѣщанія и падкаго на общественное имущество. Хотя эти типы встрѣчаются во всякія времена, а не только въ Бернѣ и въ аристократическомъ обществѣ XVIII-аго вѣка, тѣмъ не менѣе современники автора имѣли глупость быть шокированными. Теологическія изслѣдованія Галлера выразились въ его поэмѣ «О происхожденіи зла»; въ ней онъ указываетъ на контрастъ между веселой природой швейцарскаго плато и страстями, человѣческими несчастіями, нарушающими ея гармонію.

Умъ Галлера и его знаніе не были оцѣнены бернцами. Онъ, каза-

Фиг. 35. Портретъ Альберта фонъ-Галлера.

лось, чувствовалъ это, потому что въ 1736 г. принялъ приглашеніе короля англійскаго Георга II на каѳедру хирургіи и анатоміи въ новооткрытомъ Геттингенскомъ университетѣ. Онъ издалъ въ этомъ городѣ свое описаніе швейцарскихъ растеній, на достоинства котораго указывалъ Кювье. Но, что особенно сдѣлалои звѣстнымъ нашего бернскаго ученаго, это его этюды по анатоміи и физіологіи, переведенные на многіе языки. Стокгольмъ, Берлинъ, Парижъ, Лондонъ, Флоренція, Болонья и Петербургъ сочли за честь для себя вписать его имя въ число членовъ своихъ академій; Фридрихъ II тщетно старался привлечь его въ Берлинъ.

Послѣ семнадцатилѣтняго отсутствія Галлеръ вернулся въ Бернъ, гдѣ занимался дѣлами благотворительности и вопросами народнаго образованія; онъ также выказывалъ интересъ къ церкви. Онъ часто гостилъ въ Лозаннѣ и принялъ должность директора солеваренъ въ округѣ Эгль. Эта должность дала ему возможность посвятить себя заботамъ о благосостояніи своихъ подчиненныхъ; онъ работалъ надъ осушеніемъ и оздоровленіемъ долины Роны и въ качествѣ губернатора собралъ мѣстные обычаи этой страны въ сборникъ, носящій названіе «Code d'Aigle».

Антирелигіозная философія XVIII-го вѣка нашла въ Альбертѣ Галлерѣ рѣшительнаго противника; остроуміе Вольтера нисколько его не устрашало. Онъ указывалъ на неосновательность научныхъ утвержденій, посредствомъ которыхъ Фернейскій патріархъ пытался пошатнуть авторитетъ священнаго писанія. Глубокое изученіе естественныхъ наукъ не поколебало вѣры Галлера въ откровеніе, онъ не сомнѣвался въ дѣйствительности чудесъ. Его мысли по этому предмету изложены въ его письмахъ о важнѣйшихъ истинахъ откровенія. Однако Галлеръ не принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые черпаютъ постоянную ясность души въ изученіи природы; онъ былъ одаренъ почти болѣзненной душевной чуткостью и деликатностью, его тревожила мысль о вѣчности, и онъ былъ подверженъ нравственной тоскѣ, напоминающей тоску Паскаля. Ученый и начитанный, онъ чувствовалъ необходимость въ противовѣсѣ научному тщеславію, и совѣсть упрекала его въ томъ, что онъ придавалъ слишкомъ исключительное значеніе своимъ тщательнымъ изслѣдованіямъ въ области природы. Впрочемъ его нравственные запросы не вредили научной строгости его наблюденій.

Галлеръ представляетъ типъ бернскаго патриція въ его наиболѣе возвышенныхъ чертахъ: простой и благородный въ поступкахъ и мысляхъ, удивительной душевной твердости, чрезвычайно преданный общественному дѣлу, онъ обладалъ таинственной силой, называемой авторитетомъ, и его крайняя откровенность не щадила никого. Въ его политическихъ романахъ Узангъ и Фабій и Катонъ сказывается его восхищеніе аристократи-

ческимъ режимомъ, но онъ выказалъ больше либерализма, чѣмъ его современники; охраняя патриціатъ, дѣлавшій честь Берну, онъ въ то же время желалъ, чтобы доступъ въ него былъ открытъ для деревенскихъ помѣщиковъ и буржуа подданныхъ городовъ.

Произведенія выдающихся писателей и дѣянія политиковъ даютъ лучшую картину жизни націи, чѣмъ войны, являющіяся чисто случайными въ ходѣ событій, потому что въ первыхъ отражаются нравственные вопросы, занимавшіе поколѣнія. Въ этомъ отношеніи біографіи выдающихся людей чрезвычайно поучительны. Кромѣ того, не только своими трудами, но и своимъ примѣромъ они вліяютъ на послѣдующія поколѣнія; можно назвать множество дѣйствій, которыя не были совершены, если бы ихъ авторъ не былъ вдохновленъ своими предшественниками.

Въ этомъ отношеніи ясный и благотворный характеръ великаго Галлера достоинъ того, чтобы мы на немъ остановились: гармонія его мыслей представляетъ контрастъ къ капризамъ Вольтера и непослѣдовательностямъ Руссо. Альбертъ ф. Галлеръ былъ сыномъ искуснаго юрисконсульта и потомкомъ одного изъ піонеровъ реформаціи, умершаго при Каппелѣ вмѣстѣ съ Цвингли; серьезныя занятія, поѣздки за границу и обширныя связи раскрыли его уму широкіе горизонты; глубокія религіозныя убѣжденія, которыхъ не могли поколебать жестокія потери, обрушившіяся на его семью, объясняютъ цѣльность его благородной жизни, посвященной наукѣ и общественному благу.

Ученикъ Галлера, которому этотъ послѣдній покровительствовалъ, натуралистъ Самуилъ Виттенбахъ, устроившій въ 1706 г. ботаническій садъ въ Бернѣ, задался цѣлью продолжать дѣло своего учителя—знакомить швейцарцевъ со Швейцаріей. «Я много путешествовалъ по Швейцаріи», писалъ ему Іоганнъ ф. Мюллеръ, «но вы бросили на всю страну, отъ долинъ до вершинъ, подымающихся за облака, взглядъ болѣе общій, чѣмъ я». Будучи сыномъ академическаго педеля, скромнымъ капелланомъ бернской больницы, онъ, подобно Галлеру, завязалъ сношенія съ учеными нѣмецкими, французскими и англійскими; онъ давалъ указанія Гете, когда тотъ путешествовалъ по Швейцаріи.

Въ то время какъ Цюрихъ и Бернъ привлекали вниманіе Европы своими литераторами и натуралистами, Базель блисталъ математиками; особенно пріобрѣла извѣстность одна фамилія, давшая, въ продолженіе двухъ поколѣній, трехъ великихъ людей—фактъ единственный въ исторіи Швейцаріи. Бернулли, родомъ изъ Антверпена, переселились, по религіознымъ причинамъ, во Франкфуртъ, затѣмъ въ Базель въ началѣ XVII-го вѣка. Яковъ Бернулли (1654—1705) выступилъ сначала въ теологіи, потомъ посвятилъ себя математикѣ. Онъ и его младшій братъ Іоганнъ Бернулли

(1667—1748) (фиг. 36) были изъ первыхъ понявшихъ и примѣнившихъ методъ дифференціальнаго исчисленія, предложенный Лейбницемъ, помогшій имъ рѣшить многія задачи, считавшіяся до того времени неразрѣшимыми. Даніилъ Бернулли (1700—1782), сынъ Іоганна, слѣдуя по стопамъ своихъ дяди и отца, сотрудничалъ съ этимъ послѣднимъ въ мемуарѣ «О причинахъ различнаго наклоненія планетныхъ орбитъ къ

Фиг. 36. Портретъ Іоганна Бернулли.

солнечному экватору», за который они получили премію Парижской академіи. Къ сожалѣнію, близость этихъ трехъ ученыхъ была нарушена страннымъ ревнивымъ стремленіемъ одного изъ нихъ, Іоганна, присваивать себѣ открытія, дѣлаемыя братомъ и сыномъ.

Яковъ Бернулли, послѣ путешествія по Франціи, Англіи и Голландіи, занялся преподаваніемъ точныхъ наукъ въ Базелѣ, а Іоганнъ получилъ

каѳедру въ Гронингенскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ физику и математику; затѣмъ, когда умеръ его старшій братъ, онъ занялъ его каѳедру въ Базелѣ. Онъ занимался самыми разнообразными задачами; онъ изобрѣлъ новую теорію движенія судовъ; онъ написалъ трактатъ о мускульномъ движеніи и диссертацію о питаніи и незамѣтномъ обновленіи человѣческаго тѣла. Послѣднее сочиненіе навлекло на него нападки теологовъ, видѣвшихъ въ немъ матеріалистическое направленіе, что было совершенно несправедливымъ обвиненіемъ, ибо I. Бернулли оставался вѣренъ христіанской религіи; Бернулли, подобно Галлеру и Эйлеру, не считали науку несовмѣстимой съ вѣрой.

Даніилъ Бернулли сначала изучалъ медицину, потомъ жилъ въ Венеціи и С.-Петербургѣ, гдѣ написалъ свой большой трудъ о гидродинамикѣ. Точка отправленія этого изслѣдованія была заимствована у Лейбница; выводы его были резюмированы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Есть множество вещей въ природѣ, весьма малоцѣнныхъ, но заключающихъ въ себѣ удивительную силу; такъ кубическій футъ воздуха, сжатый до двухъ атмосферъ, можетъ поднять на одинъ футъ тяжесть въ 344 фунта; одинъ фунтъ пушечнаго пороха подымаетъ на одинъ футъ 183.913,864 фунта, больше чѣмъ могли бы поднять сто человѣкъ въ одинъ день съ помощью нѣсколькихъ машинъ». Какъ видимъ, онъ былъ на пути къ открытіямъ, которыя, благодаря генію Жуффруа, Фультона, Стефенсона, Колладона и др., преобразили въ нашемъ вѣкѣ промышленность. Въ 1734 г. Даніилъ Бернулли прибылъ въ Базель, гдѣ занималъ каѳедры ботаники и анатоміи, а затѣмъ физики.

Его другъ, великій Эйлеръ (1707—1783), сынъ пастора изъ Ригена близъ Базеля, сопровождалъ его въ Россію по окончаніи курса теологіи, пройденнаго по желанію его семьи. Онъ получилъ въ С.-Петербургѣ каѳедру по математикѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ въ этой столицѣ, которую покинулъ по приглашенію Фридриха Великаго; затѣмъ, принявъ пенсію отъ Екатерины II, онъ вернулся въ С.-Петербургъ, гдѣ и умеръ, не повидавъ своей родины.

Эйлеръ, обладавшій изумительной памятью, прекрасно зналъ классиковъ; говорятъ, онъ могъ указать мѣсто и даже страницу въ имѣвшемся у него изданіи любой строки изъ Энеиды. Будучи неутомимымъ труженикомъ, онъ написалъ для Парижской, Петербургской и Берлинской академій множество мемуаровъ на самые разнообразные сюжеты: «Размѣръ и мѣсто мачтъ на судахъ», «Природа теплоты», «Компасы наклоненія или природа магнитовъ», «Земной магнетизмъ», «Конструкція судовъ» и др. Главнымъ его трудомъ было «Введеніе къ анализу безконечно-малыхъ величинъ», изданное въ Лозаннѣ въ 1748 г. Это строго-систематическое изслѣдованіе, заклю-

чающее всѣ методы, данные Лейбницемъ, развитые Бернулли и приведенные авторомъ къ общимъ формуламъ. Эйлеръ явился кандидатомъ на каѳедру физики въ Базелѣ; но слѣпая судьба, выбиравшая въ тѣ времена среди кандидатовъ, устранила его, лишивъ университетъ знаменитѣйшаго изъ его учениковъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ люди науки были гораздо больше космополитами, чѣмъ въ настоящее время. Когда читаешь ихъ біографіи, то поражаешься, видя, напримѣръ, какъ швейцарцы переселялись въ Германію, Францію, Англію, Голландію, въ сѣверныя государства, или мѣняли профессіи, переходя отъ теологіи къ математикѣ, отъ медицины или юриспруденціи къ литературѣ, философіи или естественнымъ наукамъ.

«Съ своей стороны страна конфедератовъ», говоритъ Моннаръ, разсматривая изучаемую нами эпоху, «оказывала почти такое же сильное вліяніе, какое испытывала сама». И въ подтвержденіе этого утвержденія названный авторъ [1]) перечисляетъ имена болѣе пятидесяти швейцарцевъ артистовъ, профессоровъ, ученыхъ, начальниковъ важныхъ общественныхъ учрежденій, дипломатовъ и т. д., занимавшихъ выдающіяся мѣста во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, Голландіи, Россіи и Скандинавскихъ государствахъ. Назовемъ изъ ихъ числа нѣсколько именъ: адмиралъ Лефортъ, другъ Петра Великаго, астрономъ І. А. Малле, авторъ путешествія въ Лапландію; живописецъ Фуссли; Месмеръ и Прево, авторы теоріи магнетизма; Меріанъ, профессоръ философіи въ Берлинѣ; Малле, профессора въ Касселѣ и Копенгагенѣ, Іоганнъ ф. Мюллеръ, канцлеръ курфюрста Майнцскаго; Ла-Гарпъ и баронъ дю-Пюже, наставники великихъ князей Александра и Николая; Неккеръ, министръ финансовъ Людовика XVI; Морицъ Глеръ, совѣтникъ короля Польскаго и др.

Эти переселенія противны національстическихъ идеямъ и протекціонизму XIX вѣка, въ которомъ профессіональная дѣятельность ученыхъ ограничивается извѣстными областями; съ другой стороны, сильное развитіе различныхъ дисциплинъ науки заставляетъ изслѣдователей ограничиваться спеціальностями и изучать только науки, пригодныя для изслѣдованія вопросовъ, которыми они желаютъ заняться. Поэтому то, что наука выиграла въ глубинѣ, она, пожалуй, потеряла въ объемѣ, и нельзя не пожалѣть о прежнихъ интернаціональныхъ обмѣнахъ и связи, существовавшей между гуманистами, расширявшихъ горизонты и побѣждавшихъ многія предубѣжденія.

Въ числѣ сотрудниковъ Mercure suisse мы упомянули Изелина. Исаакъ Изелинъ (1728—1782), государственный секретарь города Базеля, тоже

[1]) Histoire de la Confédération suisse, t. XV.

дѣлаетъ честь своему отечеству, хотя и въ болѣе скромной сферѣ, чѣмъ Бернулли и Эйлеръ. Онъ оставилъ намъ Histoire de l'humanité, опытъ философіи исторіи, въ которомъ онъ описываетъ этапы цивилизаціи. Будучи оптимистомъ, твердо вѣрующимъ въ прогрессъ, онъ полагаетъ человѣческій золотой вѣкъ не въ прошломъ, какъ Руссо, а въ будущемъ. Его Ephémérides de l'humanité, выходившіе въ формѣ ежемѣсячныхъ выпусковъ, способствовали распространенію въ Швейцаріи и Германіи вѣрныхъ взглядовъ на пауперизмъ, земледѣліе и педагогику.

Изелинъ былъ близокъ съ Соломономъ Гесснеромъ, медикомъ Іоганномъ Гаспаромъ Гирцелемъ изъ Цюриха (1725—1803) и медикомъ и литераторомъ Циммерманомъ изъ Бругга (1728—1795); въ сотрудничествѣ съ ними онъ набросалъ въ 1760 г. уставъ Гельветскаго общества. Это общество, собиравшееся затѣмъ каждый годъ въ Шинцнахѣ, имѣло цѣлью завязывать сношенія между учеными, литераторами, мыслителями, публицистами, профессорами и магистратами Швейцаріи; оно стремилось просвѣтить взгляды и способствовало сближенію выдающихся людей различныхъ кантоновъ. Позднѣе, какъ мы увидимъ, съ 1820 по 1830 г., оно играло до нѣкоторой степени роль офиціальнаго сейма и занималось вопросами, которыхъ нельзя было подымать на федеральныхъ собраніяхъ; являясь органомъ либеральныхъ умовъ, оно храбро отражало попытки реакціонныхъ партій и въ значительной степени способствовало пробужденію національнаго духа въ нашемъ отечествѣ [1]).

Основатели Гельветскаго общества намѣтили въ большинствѣ кантоновъ нѣсколькихъ выдающихся по своему патріотизму людей, которыхъ постарались привлечь въ свое общество. Президентомъ и почетнымъ членомъ его былъ избранъ семидесятилѣтній Францъ-Урсъ Бальтазаръ изъ Люцерна. Будучи не въ силахъ явиться лично на первое собраніе, онъ послалъ туда одного изъ своихъ сыновей, чтобы представить свое политическое завѣщаніе: Послѣднія пожеланія гельветскаго патріота. Въ немъ онъ указываетъ на прогрессъ, совершившійся въ Швейцаріи, начиная съ XVIII вѣка: пустыни превращены въ поля и въ луга; города украшены; проявилось рвеніе къ наукѣ, свидѣтельствуемое множествомъ ученыхъ. Съ другой стороны онъ указываетъ на несовершенства соціальнаго зданія и на то, что въ Швейцаріи, имѣвшей героическихъ воиновъ, сумѣвшихъ основать и защитить свою страну, не было государственныхъ людей, одаренныхъ организаторскимъ умомъ, способныхъ сдѣлать изъ нея гармоничное цѣлое. Слѣдующій вѣкъ, говоритъ онъ, закончитъ дѣло, нача-

---

[1]) См. въ нашей Histoire de la Suisse sous le pacte de 1815, t. I, ср. 330 и слѣд. краткій очеркъ его благодѣтельной дѣятельности.

тое свободой, заря этого дня кажется ужъ занимается; собраніе въ Шинцнахѣ знаменитыхъ и уважаемыхъ патріотовъ служитъ предзнаменованіемъ успѣшнаго будущаго. Затѣмъ, языкомъ Езекіиля, онъ предсказываетъ возвращеніе духа согласія и любви, который дастъ тѣло разбросанному скелету Конфедераціи. Чудное предсказаніе, исполнившееся только спустя цѣлый вѣкъ!

Гельветскому обществу принадлежитъ заслуга развитія въ Швейцаріи духа иниціативы; оно вызвало образованіе многихъ другихъ ассоціацій, преслѣдовавшихъ цѣли общей пользы: гельветское военное общество, космографическое для изученія Швейцаріи общество, бернское историческое общество и др. Виттенбахъ основалъ въ 1786 г. общество естествоиспытателей, а Соломонъ Гесснеръ, въ 1777 г., общество художниковъ. Въ Бернѣ, въ 1759 г., образовалось подъ покровительствомъ ихъ превосходительствъ экономическое общество, предсѣдателемъ котораго долгое время былъ Галлеръ; подобныя же общества были основаны въ Лозаннѣ, Иверданѣ, Моржѣ, Пайернѣ. Большая часть изъ нихъ погибли въ революціонной бурѣ. Общества, процвѣтающія надъ аналогичными названіями въ Швейцаріи въ настоящее время, возникли послѣ 1815 и 1830 годовъ; слѣдуя традиціямъ своихъ предшественниковъ, они способствовали укрѣпленію національнаго духа.

Католическая Швейцарія нѣсколько отстала отъ интеллектуальнаго движенія восемнадцатаго вѣка. Однако аббатъ Эйнзидельна, Маріанусъ Мюллеръ, поощрялъ своихъ монаховъ къ занятію науками; его преемникъ, Бэатъ Кюттель, возстановилъ коллежъ въ Беллинцонѣ и поддерживалъ въ своемъ аббатствѣ занятія наукой. Николай де Луцъ, Беллелейскій аббатъ, основалъ въ своемъ монастырѣ знаменитый институтъ для подготовленія молодыхъ людей къ иностранной службѣ. Въ Люцернѣ францисканецъ Іостъ замѣнилъ схоластическій методъ преподаванія теологіи болѣе философскимъ, а каноникъ Игнацій Шумахеръ, ученикъ іезуитовъ, основалъ Общество чтенія. Въ Солотурнѣ старшина капитула Сури боролся съ обскурантизмомъ, а Игнацій Циммерманъ былъ замѣчательнымъ профессоромъ реторики. Брентано изъ Раппершвиля былъ отличнымъ теологомъ и переводчикомъ библіи, чтеніе которой онъ популяризировалъ.

Ф. В. Шмидтъ въ Ури, Цельгеръ, Іосифъ Бузингеръ въ Унтервальденѣ, Іосифъ Ксавье Шнидеръ въ Энтлибухѣ посвятили свое время изложенію исторіи своихъ кантоновъ; баронъ Альтъ въ Фрейбургѣ написалъ исторію гельветовъ, а монсеньеръ Б. Г. ф. Ленцбургъ, лозаннскій епископъ, собралъ документы, относящіеся къ исторіи его епархіи. Валезецъ Петръ-Іосифъ де Ривацъ изъ Сенъ-Жингольфа пріобрѣлъ извѣстность какъ математикъ, написавшій ученыя изслѣдованія о точныхъ часахъ и по

механикѣ. Ему же мы обязаны сочиненіемъ Eclaircissement sur le martyre de la légion thébéenne, изданнымъ въ Парижѣ въ 1779, являющимся настоящимъ историческимъ изслѣдованіемъ.

Въ эту эпоху нѣмецкіе швейцарцы питали къ романдскимъ швейцарцамъ, или, какъ они ихъ называли, къ вельшамъ, чувство смѣшанное изъ презрѣнія и восхищенія. Но иногда случается, что побѣжденный побѣждаетъ до нѣкоторой степени побѣдителя, отнявшаго у него свободу. Многіе бернскіе патриціи, поселившіеся въ романдской странѣ въ качествѣ фогта или владѣтеля фьефа, поддались вліянію среды, въ которую ихъ толкнула судьба. Такъ, напримѣръ, І. Р. ф. Зиннеръ, авторъ Voyage Historique et littéraire dans la Suisse occidentale и французскаго перевода сатиръ Персія; фогтъ ф. Лерберъ, авторъ стиховъ и философскихъ трактатовъ; генералъ І. Р. ф. Вейссъ, ивердонскій фогтъ, изложившій въ обширномъ трактатѣ свои философскіе, политическіе и этическіе принципы; К. Викторъ ф. Бонштеттенъ, просвѣщенный фогтъ Ніона, проводящій сравненіе жителей сѣвера съ жителями юга въ сочиненіи, заслужившемъ похвалу Сентъ-Бева; цюрихецъ Генрихъ Мейстеръ, тонкій и мягкій моралистъ, авторъ остроумныхъ наблюденій надъ нравами; генералъ ф. Цурлаубенъ изъ Цуга, которому мы обязаны исторіей швейцарской военной службы во Франціи; ф. Мей, фогтъ Роменмотье, написавшій военную исторію швейцарцевъ, и др. Всѣ эти авторы, изъ которыхъ нѣкоторые побывали на службѣ во Франціи, говорили и писали по французски легко и правильно. Впрочемъ, этотъ языкъ былъ очень распространенъ въ бернскомъ высшемъ обществѣ, и прокламаціи ихъ превосходительствъ отличались яснымъ и даже элегантнымъ слогомъ, гораздо лучшимъ, чѣмъ слогъ нѣкоторыхъ современныхъ указовъ, написанныхъ на федеральномъ французскомъ языкѣ, какъ его въ насмѣшку называютъ. Однако, съ точки зрѣнія прогресса идей, вкладъ бернцевъ во французскую литературу не можетъ сравниться съ вкладами собственно романдскихъ авторовъ.

ГЛАВА XVI.

Интеллектуальное движеніе въ XVII и XVIII вѣкахъ.

(Продолженіе).

Общія соображенія о романдской странѣ. — Невшатель: Ваттель, Давидъ де Пюри, Эд. де Пурталесъ, Дю Пейру, Цезарь д'Иверпуа, М-те де Шарьеръ, Іона Буавъ, Д. Г. Шалье. — Ваадтландъ: І. П. де Круза, Барбейракъ, Рюша, Полье де Боттанъ, Луа де Боша, Луа де Шезо, Антуанъ Куртъ, Тиссо. — Пребываніе Вольтера и Гиббона въ Лозаннѣ, ихъ сношенія съ ваадтландскимъ обществомъ.—Де Феличе.—Женевское общество.—Абоцитъ, Бурламаки, Троншенъ, Ш. Бонне, Руссо.—Пребываніе Вольтера въ Женевѣ, его отношенія къ Якову Верне, Троншенамъ, Якову Вернъ и консисторіи. — Г. Б. де Соссюръ, Бурри, І. А. и Г. А. де Люкъ, Сенебье.—М. А. Пикте.—П. Г. Малле, Г. Э. де Галлеръ, Фрейденбергъ, Бальтазаръ, Петръ де Рива, Неккеръ, Рейба, Этьенъ Дюмонъ, Клавьеръ, Дюроверэй, Франциск д'Иверпуа, Малле дю Панъ.— Общія соображенія относительно распредѣленія ученыхъ по кантонамъ и эпохамъ: вліяніе свободы мысли на интеллектуальное развитіе. — Печальное положеніе обученія въ начальныхъ и среднихъ школахъ.—Праздники виноградарей, праздникъ Арта.—Искусства: Антуанъ Арло, Іоганнъ-Антуанъ Дассье, Гедлингеръ, Ліотаръ, Фуссли, Анжелика Кауфманъ, Лакруа, Дюкро, Кезерманъ, Кнебель, Мюлленеръ, Л. Г. Арло, Пьерръ де-ла-Ривъ.—Перроне, Пизони.—Мейеръ де Шауензе, Шмидлинъ.—Развитіе общественнаго богатства и земледѣлія; образованіе экономическихъ обществъ. Расширеніе торговли. Развитіе промышленности.

Въ нашей картинѣ интеллектуальнаго развитія Швейцаріи въ XVIII в. мы слѣдуемъ географическому порядку, начавъ съ нѣмецкой Швейцаріи по поговоркѣ: «à tout seigneur tout honneur.»

Такой порядокъ, пригодный для освѣщенія характера каждаго изъ интеллектуальныхъ центровъ Швейцаріи, имѣетъ неудобство въ хронологическомъ отношеніи и съ точки зрѣнія связи идей, такъ какъ при немъ недостаточно выступаетъ вліяніе, которое романдская страна имѣла на германскую Швейцарію.

Литературныя произведенія французской Швейцаріи въ началѣ XVIII в. заключаютъ въ себѣ нѣчто незаконченное, неловкое, тяжелое, ничего твердаго, яснаго и даже опредѣленнаго. Это происходило изъ смѣшенія иностраннаго элемента съ туземнымъ. «Въ то время, когда болѣе высокая культура эмигранта прививалась къ хорошимъ качествамъ туземца», говоритъ г. Гольеръ, «появлялись иногда произведенія рѣдкаго достоинства; но понятно, что въ началѣ связь не была еще настолько сплочена, чтобы могла возникнуть національная литература».

Въ XVIII в. Невшатель далъ весьма знаменитаго юриста, Эмериха де Ваттель (1714 — 1767), проведшаго большую часть своей жизни при дворѣ Саксонскаго курфюрста. Его Droit des gens пользуется большою извѣстностью, оно имѣло много изданій, послѣднее въ 1862 г. «Онъ не поднялся», говоритъ профессоръ Горнунгъ, «надъ господствовавшими въ то время идеями; онъ просто былъ товарищемъ по ученію нѣмецкаго философа Вольфа и заявлялъ о себѣ, какъ о его популяризаторѣ, но въ такомъ именно трудѣ чувствовался въ то время недостатокъ».

Если мы вдадимся въ иную область, чѣмъ литература, мы констатируемъ въ Невштателѣ чудныя проявленія великодушія и доброты; впрочемъ, гуманитарныя идеи всегда имѣли тамъ горячихъ проповѣдниковъ. Въ этой области, въ которой дѣла дѣйствительнѣе словъ, четыре имени привлекаютъ на себя наше вниманіе. Въ 1773 г. І. І. Л'Аллеманъ, купецъ иностраннаго происхожденія, поселившійся въ Невшателѣ, завѣщалъ все свое состояніе на устройство убѣжища для сиротъ. Его поступокъ вызвалъ подражаніе. Невшательскій комерсантъ, поселившійся въ Лондонѣ, Давидъ Пюри (1709—1786), осыпалъ благодѣяніями, скрываясь подъ чужимъ именемъ, свой родной городъ и завѣщалъ ему свое состояніе; ему, между прочимъ, мы обязаны основаніемъ больницы для буржуа и постройкой ратуши. Фридрихъ II, признавая услуги, оказанныя имъ Невшателю, пожаловалъ ему титулъ барона. И Давидъ де Пюри имѣлъ въ свою очередь подражателей въ лицѣ Августа де Мерона, основателя убѣжища для сумасшедшихъ въ Префаржье, и І. Л. де Пурталеса, основавшаго новую больницу, въ которую принимались больные безъ различія происхожденія (1808). Іеремія Пурталесъ, лангедокскій негоціантъ, поселился въ Невшателѣ въ 1720 г., создалъ въ немъ обширную торговлю и былъ въ 1750 г. пожалованъ въ дворяне Фридрихомъ II. Его старшій сынъ, Яковъ-Людовикъ (1722—1814) расширилъ производство ситцевъ, процвѣтавшее въ Невшателѣ три четверти вѣка; обладая торговымъ геніемъ, онъ устроилъ отдѣленія въ главныхъ городахъ Европы. Этотъ «король негоціантовъ», какъ его звали въ Ліонѣ, путешествовалъ верхомъ изъ Невшателя въ Остенде и дѣлалъ въ среднемъ 1200 лье въ годъ; продолжая жить просто и бережливо, онъ пріобрѣлъ одно изъ самыхъ крупныхъ состояній своего времени.

Рядомъ съ этими баловнями судьбы, обезоруживавшими зависть роскошными благодѣяніями, въ Невшателѣ были и ученые. Выше мы упоминали Бурге, редактора «Mercure suisse»; назовемъ еще дю Пейру. Дю Пейру, сынъ Суринамскаго коменданта, обладалъ большимъ состояніемъ и, будучи невшательскимъ буржуа, выстроилъ въ предмѣстьѣ прекрасный домъ; его любовь къ литературѣ, возвышенный характеръ и гостепріим-

ство привлекали къ нему всѣхъ иностранцевъ, и онъ сталъ центромъ интеллектуальнаго движенія маленькаго княжества. Справедливый, великодушный, утонченно-вѣжливый онъ взялъ подъ свою защиту Руссо, поселившагося въ то время въ Мотье, въ распряхъ женевскаго философа съ монмолленскимъ пасторомъ. Онъ должно быть дѣйствительно обладалъ хорошимъ характеромъ, потому что обязанному ему Руссо не удалось съ нимъ поссориться; Руссо даже отдалъ ему на храненіе свои бумаги и поручилъ ему напечатать вторую часть своей исповѣди.

Въ это время меромъ городка Коломбье былъ остроумный Цезарь д'Иверная, сочинявшій прекрасные мадригалы, рондо и экспромты, до которыхъ невшательцы были очень падки. Въ Коломбье же жила M-me де Шарьеръ, авторъ «Lettres neuchâteloises», «Lettres de Lausanne» и «Caliste», маленькихъ шедевровъ, занявшихъ выдающееся мѣсто во французской литературѣ предыдущаго вѣка. Изабелла де Шарьеръ, урожденная ванъ Тюль, вышла замужъ въ Утрехтѣ въ 1740 г. за внука Беата фонъ Муральта; несмотря на свое иностранное происхожденіе, она прекрасно знала языкъ Вольтера, и ея стиль весьма замѣчателенъ. «Это чистѣйшій версальскій языкъ», говорилъ Сентъ-Бевъ. M-me де Шарьеръ, описывавшая не безъ язвительности нравы общества, въ которомъ ей пришлось жить, естественно навлекла на себя упорную вражду.

Въ числѣ выдающихся личностей Невшателя слѣдуетъ еще упомянуть канцлера Іону Буава, автора трактата «Sur l'Indigénat helvétique de Neuchâtel и коментарія къ романдскимъ кутюмье. Назовемъ еще пастора Давида-Генриха Шайлье, прозваннаго своими соотечественниками «великій Шайлье», пріобрѣвшаго заслуженную извѣстность возрожденіемъ «Mercure suisse»; это былъ дѣятельный, плодовитый, открытый для самыхъ разнообразныхъ познаній умъ.

Основывая въ Лозаннѣ академію, соперницу Бернской, ихъ превосходительства не предполагали покровительствовать независимости мысли; напротивъ, ими руководило желаніе удержать въ странѣ молодыхъ людей, стремившихся за границу, гдѣ они завязывали сношенія съ профессорами большихъ университетовъ; выше мы видѣли, какъ Лозаннская академія, несмотря на сопротивленіе, дѣлающее ей честь, принуждена была подчиниться ихъ власти. Несмотря на эти неблагопріятныя для развитія таланта условія, нѣсколько дѣйствительно заслуженныхъ людей составили себѣ имя въ Ваадтландѣ, какъ профессора или какъ писатели.

Ваадтландъ былъ плодовитъ на моралистовъ и философовъ, такъ какъ его жители обладаютъ даромъ наблюдательности и склонностью къ мечтательности, необходимыми для этого рода ученыхъ. Іоганнъ-Петръ де Круза (1663 — 1750), знаменитый профессоръ, какъ его называли,

преподавалъ въ академіи математику и философію; онъ бросилъ старую рутину и ввелъ методъ Декарта. Онъ былъ плодовитымъ и эклектическимъ писателемъ, проповѣдникомъ и полемикомъ, и сталъ противникомъ Бэля и Лейбница. «Будучи скорѣе пытливымъ и свободомыслящимъ, чѣмъ глубокимъ умомъ», говоритъ Ф. Годе, «онъ обладалъ достаточной оригинальностью, чтобы стать иниціаторомъ, но недостаточною, чтобы стать творцомъ». Особенно же, какъ было замѣчено, «онъ обладалъ даромъ распространять новыя идеи, не вызывая бурь». Но его стилю не хватало легкости, гибкости и правильности. О его вліяніи свидѣтельствуетъ Гиббонъ, который, по собственному признанію, былъ обязанъ ему частью своего философскаго образованія и ставилъ ему въ заслугу распространеніе среди духовенства и жителей Ваадтланда вкуса и любви къ литературѣ. Послѣ тяжелыхъ дебатовъ, поднятыхъ по поводу Consensus'a, онъ покинулъ Лозанну и занялъ каѳедру въ Гронингенскомъ университетѣ, гдѣ ему предшествовалъ его коллега Барбейракъ.

Іоганнъ Барбейракъ (1674—1744), переводчикъ и коментаторъ Гроціуса и Пуфендорфа, былъ родомъ изъ Безье; сначала онъ занимался теологіей, потомъ посвятилъ себя юриспруденціи, въ которой пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Занимая главную каѳедру правъ и исторіи въ Лозаннской академіи, онъ энергично требовалъ для всѣхъ «честной свободы слѣдовать свѣту своей совѣсти». Подобное притязаніе было конечно не на мѣстѣ подъ бернскимъ управленіемъ, и Барбейракъ съ радостью принялъ приглашеніе въ Голландію, которая въ эту эпоху была преимущественно убѣжищемъ для всѣхъ независимыхъ мыслителей.

Достопочтенный Авраамъ Рюша (1678—1750), лозаннскій профессоръ, былъ первымъ по времени ваадтландскимъ историкомъ; родившись въ Франкурѣ близъ Пайерна въ крестьянской семьѣ, онъ былъ человѣкомъ стараго закала: «Онъ держался», говоритъ Вюльеменъ, «вѣры гельветскихъ церквей; онъ защищалъ ее твердо, но безстрастно; за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ не сходился съ Римомъ; тогда у него попадаются выраженія пылкія, строгія, какимъ наши отцы выучились въ дни борьбы; въ своемъ рвеніи онъ забывалъ не только о мягкости, но иногда и о справедливости. Его противники не остались у него въ долгу». Впрочемъ онъ очень заботился о точности и приводитъ массу свѣдѣній, взятыхъ изъ первоисточниковъ. Его Histoire de la réformation de la Suisse, появившаяся въ 1727—1728 г., есть доблестный трудъ; ибо, по замѣчанію Ф. Годе, онъ имѣлъ передъ собой дѣвственный лѣсъ, который ему надо было расчистить; это произведеніе запутанное и неискусное, но его заслуга заключается въ томъ, что оно возбудило стремленіе къ изученію исторіи. Не подозрѣвая того, этотъ честный служитель Берна направилъ

ваадтландцевъ на путь, приведшій ихъ къ требованію для себя независимости: ихъ превосходительства, бывшіе всегда на сторожѣ, прервали печатаніе произведенія, могущаго пробудить ихъ подданныхъ изъ ихъ летаргіи.

Г. П. Полье де Боттанъ (1675—1759), соединявшій глубокое знаніе съ тонкимъ и чуткимъ вкусомъ, съ достоинствомъ занималъ каѳедры морали и греческаго языка; ему мы обязаны еврейской граматикой и синтаксисомъ. К.-Вильгельмъ де Луа де Боша (1695—1754) былъ профессоромъ исторіи и юриспруденціи въ Лозаннѣ; онъ напечаталъ много трудовъ о швейцарскомъ законодательствѣ и исторіи. «Многіе археологи», говоритъ Гольеръ, «черпали свои свѣдѣнія въ его критическихъ мемуарахъ». Іоганнъ-Филиппъ де Луа де Шезо (1718—1751), которому было предложено управленіе С.-Петербургской обсерваторіей, сталъ извѣстенъ многими важными работами по астрономіи и по физикѣ; подобно своему дѣду, І. П. де Круза, онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ академій. Одаренный большимъ талантомъ, онъ на восемнадцатомъ году написалъ диссертаціи о паденіи тѣлъ, о передачѣ звука, о силѣ пороха.

Въ эту эпоху подъ сѣнью академіи образовалось новое учрежденіе, способствовавшее со своей стороны развитію интеллектуальной жизни и доброй славѣ Лозанны — семинарія, изъ которой выходили «les pasteurs du Désert», основанная въ 1729 г. Антоніемъ Куртомъ. Имена всѣхъ этихъ ученыхъ въ настоящее время позабыты; но имя доктора Тиссо, пріобрѣвшаго въ искусствѣ врачеванія европейскую извѣстность, дошло до нашего времени. Давидъ-Августъ Тиссо (1728—1797) (фиг. 37), родившійся въ деревнѣ Гранси близъ Коссоне, гдѣ его отецъ занималъ должность землемѣра, изучалъ медицину въ Монпелье, затѣмъ поселился въ Лозаннѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто врача для бѣдныхъ. Во время эпидеміи оспы онъ въ энергичной защитительной рѣчи доказывалъ пользу оспопрививанія, польза котораго была уже признана докторомъ Троншеномъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1761 г., онъ привлекъ вниманіе публики брошюрой: Avis au peuple sur sa santé; это сочиненіе, составившее эпоху въ медицинѣ, имѣло въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пятнадцать французскихъ изданій и было переведено на семнадцать языковъ. Въ тѣ времена здравыя понятія гигіены не были распространены какъ въ настоящее время; въ деревняхъ и городахъ царили безчисленные предразсудки и суевѣрія; цѣлью автора было сдѣлать доступнымъ для всѣхъ и особенно для пасторовъ и учителей элементарныя понятія искусства врачеванія. Тиссо описываетъ острыя заболѣванія, указываетъ на ихъ характерные симптомы и учитъ, какъ за ними ухаживать; онъ дѣлаетъ это въ ясныхъ выраженіяхъ, въ пріятной формѣ, усиленной иногда удачнымъ

примѣромъ; элегантность его стиля произвела впечатлѣніе на Гете, который въ своихъ мемуарахъ ставитъ его въ примѣръ нѣмецкимъ медикамъ.

Эта книга познакомила публику съ практическими рецептами, бывшими до того времени достояніемъ членовъ факультета, и произвела переворотъ въ господствовавшихъ идеяхъ. Такимъ образомъ Тиссо, посвятивъ себя бѣднякамъ, пріобрѣлъ большую извѣстность; отовсюду пріѣзжали къ нему за совѣтомъ; знатныя лица поселялись въ Лозаннѣ, чтобы имѣть возможность лѣчиться у него. Желая вознаградить его за его услуги, бернское

Фиг. 37. Портретъ Тиссо.

правительство открыло для него каѳедру медицины въ Лозаннской академіи. Онъ отклонилъ блестящія предложенія курфюрста Ганноверскаго, Неаполитанскаго двора, короля Польскаго, Венеціанскаго сената; однако онъ принялъ на время каѳедру въ университетѣ въ Павіи, но несмотря на убѣжденія Іосифа II, онъ вернулся черезъ два года въ свой родной городъ, гдѣ напечаталъ еще нѣсколько трактатовъ по терапіи. Ни одинъ ваадтландецъ не былъ осыпанъ такими почестями, какъ онъ; будучи членомъ академій: Лондонской, Парижской, Стокгольмской, и различныхъ ученыхъ обществъ Базеля, Роттердама и др., онъ былъ въ друже-

скихъ отношеніяхъ съ Галлеромъ, Троншеномъ, Верне, Вольтеромъ, Руссо, княземъ Вюртембергскимъ; онъ былъ постояннымъ спутникомъ Іосифа II во время его пребыванія въ Лозаннѣ въ 1772 г., но при всемъ этомъ онъ оставался скромнымъ и добрымъ, готовымъ помочь бѣдному и богатому безъ различія. Онъ былъ не только ученымъ, но и моралистомъ, преданнымъ религіи. Какъ приверженца бернскаго правительства его огорчало распространеніе въ Ваадтландѣ идей, явившихся результатомъ французской революціи.

Отъ автора Avis au peuple совершенно естественно перейти къ Вольтеру, ибо докторъ Тиссо привлекъ въ Лозанну прежняго фаворита Фридриха II. Въ 1755 г. Вольтеръ поселился въ Монріонѣ, близъ Уши «въ одинокомъ домикѣ, защищенномъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ», а затѣмъ перебрался въ болѣе обширное помѣщеніе въ улицѣ Grand-Chêne. Въ то время общество стараго епископскаго города было очень пріятное и фривольное, состоя частью изъ французскихъ эмигрантовъ; оно представляло для великаго человѣка поле для легкихъ побѣдъ, льстившихъ его тщеславію. Сравнительно короткое время, едва три года, проведенныхъ Вольтеромъ въ Лозаннѣ, было однимъ изъ счастливѣйшихъ въ его жизни. Юстъ Оливье замѣчаетъ, что онъ проявлялъ въ то время не только умъ, но и нѣкотораго рода благодушіе, болѣе искреннее веселье, рѣдкія въ немъ; его смѣхъ былъ менѣе язвителенъ, его тонъ менѣе насмѣшливъ. Ему все нравилось въ тѣхъ мѣстахъ, «внушавшихъ веселье». «У насъ», говоритъ онъ «хорошее вино изъ la Côte, прекрасное вино изъ Lavaux. Мы ѣдимъ рябчиковъ, глухарей, форелей въ двадцать фунтовъ... Не достойны ли мы сожалѣнія»? Его окружали и баловали прелестныя женщины: M-mes d'Aubonne, de Constant d'Hermenches, de Chandieu, de Brenles, de Langalerie, M-elle Suzanne Curchod (впослѣдствіи M-me Necker) и др. Онъ дастъ при ихъ участіи комедію въ Mon-Repos; въ восторгѣ отъ нихъ, онъ сравниваетъ ихъ таланты съ талантами актеровъ, хвалитъ ихъ веселость и остроумную разборчивость, съ которой эта избранная публика восхищается его пьесами. Но онъ одержалъ побѣду, доставившую ему еще больше удовольствія: ему удалось заманить на свои представленія одного «милаго и образованнаго» священника, котораго онъ противупоставляетъ мрачнымъ и недовѣрчивымъ женевскимъ пасторамъ. Извѣстно, что Вольтеръ любилъ компрометировать церковнослужителей, поэтому онъ былъ въ восторгѣ, когда ему удалось привлечь въ сотрудники Энциклопедіи декана де Полье (отца M-me de Montolieu).

Однако Вольтеръ наткнулся и на противниковъ; Галлеръ внушалъ ему, говорятъ, почтительный страхъ, а Лозаннскій фогтъ давалъ ему, съ добродушнымъ остроуміемъ, свойственнымъ бернскимъ патриціямъ, добрые

совѣты: «Господинъ Вольтеръ, говорятъ, вы написали противъ благого Бога, это не хорошо, но Онъ пожалуй вамъ проститъ. Господинъ Вольтеръ, остерегайтесь писать противъ ихъ превосходительствъ г. Берна, они никогда вамъ не простятъ!»

Эта идиллія, какъ ее называетъ Сентъ-Бевъ, кончилась худо. Вольтеръ задумалъ реабилитировать нѣкоего Іосифа Сорена, бывшаго съ 1685 по 1689 г. пасторомъ въ Берше и бѣжавшаго оттуда вслѣдствіе совершенной имъ кражи серебра; онъ вставилъ, при посредствѣ перепечатанныхъ листовъ, во второе изданіе своей Histoire universelle апологію Сорена, въ надеждѣ, что швейцарцы, купившіе первое изданіе, не будутъ читать второго; но пасторъ Лерешъ указалъ на этотъ подлогъ въ Journal helvétique и воспроизвелъ копію съ признаній Сорена. Вольтеръ разсердился; почтенный священникъ не далъ себя запугать и продолжалъ настаивать на своей критикѣ. Чтобы убѣдить Вольтера въ его ошибкѣ пасторъ де Полье показалъ ему протоколъ Ивердонскаго прихода, въ которомъ было изложено упомянутое воровство; нѣсколько дней спустя философъ явился къ г. де Полье въ его отсутствіе и попросилъ служанку пустить его въ кабинетъ ея господина, чтобы взять тамъ нужную ему книгу; она согласилась на это, ничего не подозрѣвая, и онъ вынулъ изъ протокола документъ. Этотъ неделикатный поступокъ поссорилъ Вольтера съ Полье и съ лозаннскимъ обществомъ [1]).

Пребываніе Вольтера въ будущей столицѣ кантона Во способствовало умственному пробужденію этого города и сдѣлало его любимымъ дачнымъ мѣстопребываніемъ иностранцевъ. Но не всѣ смотрѣли на это превращеніе какъ на благодѣяніе, и не всѣ одинаково видѣли въ этомъ новыя выгоды. Генералъ Варнери (1720—1786), доблестно служившій въ Пьемонтѣ, Австріи, Пруссіи и Польшѣ и напечатавшій различные трактаты о военномъ искусствѣ, съ горечью указываетъ въ своихъ мемуарахъ на вліяніе Вольтера; онъ считаетъ начало упадка народной нравственности съ его прибытія въ Лозанну. «Въ то время, когда я покидалъ свое отечество», говоритъ онъ, «тамъ пальцемъ указывали на молодого человѣка, не прослужившаго въ войскѣ по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ; воспитаніе давалось мужественное, но я слышалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Вольтеръ поселился въ этой странѣ, вкусъ къ военной службѣ угасъ у всѣхъ, кого къ ней не принуждаетъ необходимость; всѣ, кто можетъ обойтись безъ нея, живутъ въ полной праздности, читаютъ романы, пишутъ стихи; даже дѣвушки говорятъ стихами и пѣснями; роскошь, изнѣжен-

---

[1]) См. подробный разсказъ объ этомъ плутовствѣ въ Vie intime de Voltaire à Ferney, par Lucien Perey et Gaston Maugras.

ность и упадокъ нравовъ сдѣлали успѣхи въ Швейцаріи вмѣстѣ съ поэзіей».

Романдская страна представляетъ изъ себя перекрестокъ, на которомъ встрѣчаются и смѣшиваются самыя противуположныя теченія идей, которыя, претерпѣвъ измѣненія, распространяются далѣе. Она представляетъ перепутье для идей; наши авторы подверглись вліянію смѣшанной культуры, одновременно германской и французской; они стараются примирить между собой нашихъ сосѣдей; ихъ произведенія носятъ практическій и дидактическій характеръ. «Наши писатели», говоритъ Ф. Годе, «какъ бы они ни назывались: Вире или Вине, Руссо или m-me де Сталь, меньше занимаются искусствомъ, чѣмъ пропагандой; они пишутъ не для того, чтобы писать, а чтобы поучать и убѣждать; однимъ словомъ, они вѣрятъ въ свою миссію». Нѣсколько тщеславное сознаніе такой роли сопровождается обыкновенно нѣкоторымъ педантствомъ; тѣмъ не менѣе стремленіе нашихъ педагоговъ къ морализаціи внушаетъ довѣріе отцамъ семействъ; Германія, Франція, Англія, сѣверныя государства посылаютъ съ давнихъ поръ множество молодыхъ людей получать часть своего образованія въ Женевѣ, Лозаннѣ, Невшателѣ; тогда какъ женевцы, ваадтландцы, невшательцы охотно посвящаютъ себя педагогической дѣятельности въ иностранныхъ государствахъ. При ихъ посредничествѣ съ одной стороны французская культура, а съ другой идеи о свободѣ совѣсти, свойственныя сѣвернымъ народамъ и протестантизму, распространились даже при дворахъ государей.

Прелестное описаніе береговъ Женевскаго озера, данное Руссо въ 1759 г. въ Nouvelle Héloïse, разсказы и описанія другихъ лицъ, пріятная картина, данная Гиббономъ современнаго ему ваадтландскаго общества, привлекли въ нашу страну множество знатныхъ иностранцевъ.

Будущій англійскій историкъ Гиббонъ (1737—1794), сынъ члена англійскаго парламента, перешелъ на семнадцатомъ году въ католичество противъ воли своего отца; этотъ послѣдній послалъ его въ Лозанну къ профессору Павильяру. Гиббонъ очень привязался къ этому городу и воспылалъ романической любовью къ дочери пастора въ Крассье, прекрасной Сусаннѣ Кюршо, женщинѣ чрезвычайно умной и особенно очень сердечной. M-elle Кюршо, вышедшая впослѣдствіи замужъ за г. Неккера, извѣстнаго министра Людовика XVI, дочерью которой была m-me де Сталь, организовала въ Лозаннѣ литературное общество, которое называли Académie des Eaux, по имени небольшой долины, на которой происходили его собранія. Вѣтренный Гиббонъ, не думая о причиняемомъ имъ горѣ, покинулъ въ 1758 г свою невѣсту и вернулся въ Лондонъ къ отцу. Въ 1783 г. онъ пріѣхалъ на жительство въ Лозанну, чтобы закончить

свой большой трудъ «Исторія упадка римской имперіи». Онъ много лѣтъ работалъ у своего друга Дейвердена, переводчика Вертера, въ имѣньѣ, на мѣстѣ котораго находятся въ настоящее время гостинница, носящая его имя, и почтамтъ; онъ очень сблизился съ семьей Севери. Въ то время лозаннское общество было особенно оживлено. Въ салонахъ г. Дейвердена и m-me де Шарьеръ-де-Бавуа встрѣчались аббатъ Рейналь, г. и г-жа Неккеръ, будущая m-me де Сталь, князь Генрихъ Прусскій, m-me де Монтолье, урожденная де Полье, авторъ «Châteaux suisses», Тиссо, m-me де Шарьеръ (де Коломбье), m-me де Жанлисъ, князь Голицынъ, маркизъ де Буффлеръ, графъ де Жибелинъ, будущій деканъ Бридель, въ то время молодой кандидатъ, юрисконсульты Порта, Сейнье де Корревонъ и Клавель де Бранль, генералъ Самуилъ де Констанъ (отецъ Бенжамена Констана) Фридрихъ-Цезарь де ла Гарпъ и др.

Однако интеллектуальная жизнь страны не сосредоточивалась въ Лозаннѣ; въ главныхъ городахъ будущаго кантона Во: въ Веве, Ніонѣ, Моржѣ, Ивердонѣ, Пайернѣ, экономическія общества проявляли большую дѣятельность и поднимали вопросы, достойные общественнаго вниманія; въ различныхъ образованныхъ домахъ съ увлеченіемъ разыгрывали салонную комедію.

Одинъ заслуженный неаполитанецъ, ведшій въ Италіи очень романическую жизнь, Фортюне-Бартелеми де Феличе, поселился въ 1762 г. въ Ивердонѣ и основалъ тамъ типографію, пользовавшуюся одно время большой славой. Будучи знающимъ и прилежнымъ ученымъ, съ изобрѣтательнымъ умомъ, онъ предпринялъ между прочимъ изданіе обширной энциклопедіи или Dictionnaire raisonné des connaissances humaines, подражаніе Энциклопедіи Дидро. Ивердонская энциклопедія содержитъ много новыхъ статей, написанныхъ де Феличе, Эйлерами изъ Базеля, медикомъ Буржуа и естествоиспытателемъ Иліей Бертраномъ изъ Ивердона, профессорами Шаваномъ и Менгаромъ изъ Лозанны, фогтомъ Чарнеромъ изъ Обоння, хирургомъ Перреле и нѣкоторыми французскими и итальянскими публицистами. Многочисленныя сочиненія, изданныя или написанныя де Феличе, по естественному праву, народному праву, философіи, логикѣ, исторіи, литературѣ, путешествіи, распространились по всему свѣту. Несмотря на массу труда, вложеннаго въ его литературную и комерческую дѣятельность, де Феличе находилъ еще время управлять учебнымъ заведеніемъ. «Онъ», говоритъ Гольеръ, «былъ творцомъ педагогическихъ теорій, бывшихъ въ такомъ ходу въ Швейцаріи въ концѣ XVIII вѣка; онѣ содержатся въ его рѣчи объ образованіи сердца и ума дѣтей». (1763). Въ это же время въ одной изъ типографій Веве издавался альманахъ «Messager boiteux de Berne et Vevey», имѣвшій огромный сбытъ.

Женевой мы закончимъ эту общую картину интеллектуальной дѣятельности швейцарцевъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Собственно говоря, эта республика не входила въ составъ гельветскаго союза. Тѣмъ не менѣе намъ слѣдовало бы начать съ нея, ибо изъ Женевы началось движеніе, и она неоспоримо пролила наиболѣе блеска на литературу и науку. Подвергавшаяся постояннымъ нападеніямъ и потрясеніямъ, храбрый и бдительный стражъ, Женева — какъ то извѣстно и охотно повторяется ея даже наименѣе образованными жителями,—дала много крупныхъ знаменитостей. Одинъ женевскій ученый савойярдскаго происхожденія, докторъ Эд. Дюфренъ [1]), восхваляя одного женевскаго ученаго, тоже исключительно савойярдскаго закала, обзываетъ реформатора Фромана однимъ изъ «самозванцевъ, которымъ Женева постоянно давала у себя пріютъ, начиная съ 1535 г. по наше время». Высокимъ положеніемъ, занимаемымъ имъ въ мірѣ, городъ Кальвина обязанъ въ значительной степени именно этимъ самозванцамъ: выгнанные изъ своего отечества, они явились въ Женеву, правда, въ большомъ числѣ, и она пріютила ихъ въ такое время, когда для нея самой это было небезопасно; иногда проскальзывали и фальшивые братья, какъ мы видѣли выше (ст. 160, 163). За немногими исключеніями ученые, прославившіе Женеву, принадлежатъ къ семьямъ этихъ «самозванцевъ», прибывшихъ изъ Франціи и Италіи.

Впрочемъ, разсматривая происхожденіе людей, выдѣлившихся въ какой-бы то ни было области и на всѣхъ ступеняхъ соціальнаго положенія, нельзя не замѣтить, что переселенія способствуютъ развитію талантовъ; это объясняется между прочимъ тѣмъ, что человѣкъ, котораго обстоятельства изгнали изъ родины, лишенный такимъ образомъ поддержки, бываетъ принужденъ удвоить усилія, чтобы составить себѣ положеніе.

У швейцарцевъ, заключенныхъ въ узкія границы, эти постоянныя переселенія вошли въ привычку. И эта привычка лишила насъ многихъ славныхъ именъ; дѣйствительно, наши западные сосѣди считаютъ Фареля, Кальвина, Декарта, Бэля французами, между тѣмъ какъ они провели большую часть своей жизни въ Швейцаріи или въ Голландіи и въ нихъ черпали большую часть своего вдохновенія; но также считаютъ французомъ и всякаго иностранца, достигшаго во Франціи высокаго положенія: Берсье, Адольфа Моно, Бенжамена Констана, М-те де Сталь, Руссо...

Въ наше время различія между странами и городами начинаютъ сглаживаться; въ XVIII вѣкѣ они были болѣе явственны. Такъ Лозанна, въ которой царили свѣтскія и фривольныя идеи и любовь къ развлече-

---

[1]) См. Замѣтку о г. Жюлѣ Вюи, въ протоколѣ четырнадцатаго конгресса ученыхъ обществъ Савойи, происходившаго въ Эвіанѣ въ 1896 г.

ніямъ, внесенныя изъ-за границы, представляла рѣзкій контрастъ съ болѣе трудолюбивой и нравственно строгой Женевой. Въ 1765 г. кавалеръ де Буффле высказалъ о послѣдней остроумное сужденіе, которое припоминаетъ г. Годе: «Это—большой и печальный городъ, населенный людьми, у которыхъ есть и умъ, и деньги, и которые не пользуются ни тѣмъ, ни другимъ. Особенно красивы въ Женевѣ женщины; онѣ скучаютъ до смерти, но заслуживаютъ развлеченія». Въ то же время Вольтеръ пустилъ свою ѣдкую знаменитую эпиграмму:

Noble cité, riche, fière et sournoise;
On y calcule et jamais on n'y rit.
L'art de Barème est le seul qui fleurit;
On hait le bal, on hait la comédie,
Pour tout plaisir, Genève psalmodie
Du bon David les antiques concerts,
Croyant que Dieu se plait aux mauvais vers.
Des prédicants la morne et dure espèce
Sur tous les fronts y grave la tristesse.

Эта оцѣнка носитъ печать французскихъ предубѣжденій противъ творенія Кальвина. Къ тому же, если вѣрить Якову Бернулли, видъ Женевы былъ довольно угрюмъ. «Женевцы», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ въ 1676 г., «похожи на французовъ: грязь повсюду; невозможно пройти по ихъ аллеямъ, не зажимая носа, а ночью можно ожидать всякой непріятности, если рискнешь идти близко къ домамъ. Если бы не было вѣтровъ, міазмы вскорѣ сдѣлали бы городъ необитаемымъ. У нихъ только три колодца, и въ тѣхъ вода плохая. Они пьютъ воду изъ Роны, которую всячески загрязняютъ».

Что касается красивыхъ женщинъ, судьбу которыхъ оплакиваетъ галантный кавалеръ де Буффле, онѣ никогда не считали себя достойными сожалѣнія; онѣ всегда обладали даромъ заставлять дѣйствовать по ихъ желанію, и если въ ихъ салонахъ не танцовали, то, надо полагать, потому, что онѣ сами этого не желали; ибо съ того времени онѣ значительно подвинулись впередъ, и въ настоящее время мало городовъ, гдѣ бы салонныя комедіи были въ такой чести, какъ въ Женевѣ. Но въ восемнадцатомъ вѣкѣ сердце не лежало къ увеселеніямъ, слишкомъ еще часто прибывали жертвы католической нетерпимости.

Въ 1689 г. двое молодыхъ Абоци прибыли изъ Юзеса просить гостепріимства у Женевы послѣ того, какъ дважды были схвачены и претерпѣли безчисленныя мученія. Старшій, Фирменъ (1679—1767), прозванный г. Годе «le Conrart genevois», а современниками—«le sage Abauzit», пріобрѣлъ себѣ репутацію ученаго и философа, не напечатавъ ничего во

всю свою жизнь. Это былъ энциклопедическій умъ; про него говорили, что онъ все знаетъ; онъ любилъ всѣ науки, за исключеніемъ метафизики, которую онъ считалъ вредной и скучной. M. Sayous [1]) называетъ его «великимъ толкователемъ знанія и идей». Онъ исполнялъ безвозмездно обязанности городского библіотекаря и поддерживалъ обширную корреспонденцію съ учеными всѣхъ странъ; его разговоръ былъ чрезвычайно пріятенъ. Свободный отъ тщеславія, онъ въ своей уединенной, посвященной наукѣ жизни доводилъ отреченіе до неслыханной степени; разсказываютъ, что его служанка выбросила, нечаянно, пожелтѣвшую бумагу, на которой онъ въ продолженіе 27-ми лѣтъ записывалъ свои барометрическія наблюденія; философъ скрестилъ руки и, преодолѣвая законный гнѣвъ, сказалъ ей спокойнымъ голосомъ: «Вы уничтожили двадцать-семь лѣтъ труда; не трогайте впредь ничего въ этомъ кабинетѣ».

Сейу сравниваетъ Абоци съ Фонтенелемъ, его современникомъ: «У обоихъ», говоритъ онъ, «тотъ же полу-серьезный, полу-насмѣшливый оборотъ рѣчи, та же постоянная, и потому еще болѣе язвительная иронія». Послѣ смерти Абоци Мульту собралъ его сочиненія, на которыхъ отчасти отразилось вліяніе Бэля и Вольтера. «Его Remarques sur le Nouveau Testament», говоритъ Ф. Годе, «являются настоящей ломкой взглядовъ на евангеліе, чудеса, христіанскую мораль, при чемъ все высказано въ косвенной, лукавой, шаловливой формѣ, свойственной тогдашнимъ писателямъ». Можетъ быть, замѣчаетъ тотъ же авторъ, не одной только скромности слѣдуетъ приписать осторожное молчаніе, хранимое Абоци до самой его смерти.

Восемнадцатый вѣкъ, возбудившій такъ много, часто правда поверхностныхъ, вопросовъ былъ прекрасной эпохой такъ называемаго «естественнаго права», т. е. собранія нравственныхъ правилъ, общихъ для всѣхъ людей; утверждали—и продолжаютъ утверждать,—что эти правила вытекаютъ изъ самой природы человѣка, и къ нимъ, думали, долженъ стремиться законодатель: утопическій идеалъ, ибо законодательство должно прежде всего вдохновляться условіями среды, въ которой закону придется примѣняться, а условія мѣняются соотвѣтственно времени и странамъ. Иниціаторами этого рода систематизаціи были голландскій юрисконсультъ Гроціусъ, трудъ котораго De jure belli et pacis пользуется извѣстностью, и его ученикъ Пуфендорфъ, авторъ трактата «De jure naturae et gentium», напечатаннаго въ Лондонѣ въ 1671 г. Женевская академія, въ которой когда-то преподавали Готманъ и Годефруа, считала въ числѣ своихъ профессоровъ Ж. Ж. Бурламаки (1694—1750), пріобрѣвшаго тоже европейскую извѣстность своимъ большимъ трудомъ Les principes du droit naturel; въ

[1]) Въ своей Histoire de la littérature française à l'étranger.

основаніе своей теоріи права онъ беретъ естественную религію, вѣру въ Бога, свободу человѣка и нравственную отвѣтственность. Это произведеніе, считаемое образцомъ изложенія, было переведено на нѣсколько языковъ.

Бурламаки происходилъ изъ итальянской семьи, эмигрировавшей въ Женеву. Еще шире чѣмъ онъ уплатили долгъ пріютившему ихъ городу Троншены; эта фамилія французскаго происхожденія дала Женевской республикѣ двухъ выдающихся профессоровъ теологіи, генеральнаго прокурора, обладавшаго большимъ ораторскимъ талантомъ, и наконецъ медика Теодора Троншена (1709—1781).

Докторъ Троншенъ началъ свою медицинскую карьеру въ Голландіи, гдѣ велъ свою знаменитую кампанію за оспопрививаніе. Вернувшись въ Женеву въ 1750 г., онъ занялъ тамъ каѳедру медицины. Его искусство и знаніе, въ связи съ его личной привлекательностью, доставили ему обширную практику, чему способствовала также и мода; его консультировали изъ всѣхъ странъ Европы; особеннымъ успѣхомъ пользовался онъ у женщинъ, которымъ онъ, раньше Руссо, совѣтовалъ самимъ кормить своихъ дѣтей. Онъ былъ не только медикомъ, но и психологомъ и моралистомъ. Его медицинскій методъ былъ выжидательный и предупреждающій; будучи врагомъ рутины, онъ ждалъ больше пользы отъ природы, чѣмъ отъ лѣкарствъ, и рекомендовалъ своимъ паціентамъ движеніе, воздухъ и умѣренность. Отказавшись отъ мѣста, предложеннаго ему русской императрицей Елизаветой, онъ поселился въ 1765 г. въ Парижѣ, гдѣ имѣлъ большой успѣхъ; будучи другомъ Вольтера, онъ сблизился съ энциклопедистами: Дидеро, Гриммомъ, и др. Несмотря на то, что онъ былъ вѣрующимъ, онъ пользовался среди энциклопедистовъ большимъ вліяніемъ, и ему прощались его спиритуалистическія воззрѣнія за его умъ, здравомысліе, терпимость и филантропію.

Идея возстановленія культа природы, пробужденія любви къ наблюденіямъ была въ это время провозглашена Шарлемъ Бонне (1720—1793). На двадцать первомъ году Бонне (фиг. 38) былъ выбранъ въ члены-корреспонденты Парижской Академіи наукъ за свои прекрасныя изслѣдованія о жизни травяныхъ вшей. Жестокая боль глазъ заставила его отказаться отъ изслѣдованій въ области энтомологіи и ботаники, и онъ нашелъ убѣжище въ философіи; въ 1754 г. онъ напечаталъ свой «Essai de psychologie, въ которомъ онъ изображаетъ Іисуса «преимущественно философомъ» и предлагаетъ относительно воспитанія теоріи, развитыя впослѣдствіи Руссо въ его Эмилѣ. Широкая часть въ образованіи идей, удѣляемая Бонне ощущеніямъ, придаетъ его языку матеріалистическій оттѣнокъ; этого было достаточно, чтобы сдѣлать его подозрительнымъ въ гла-

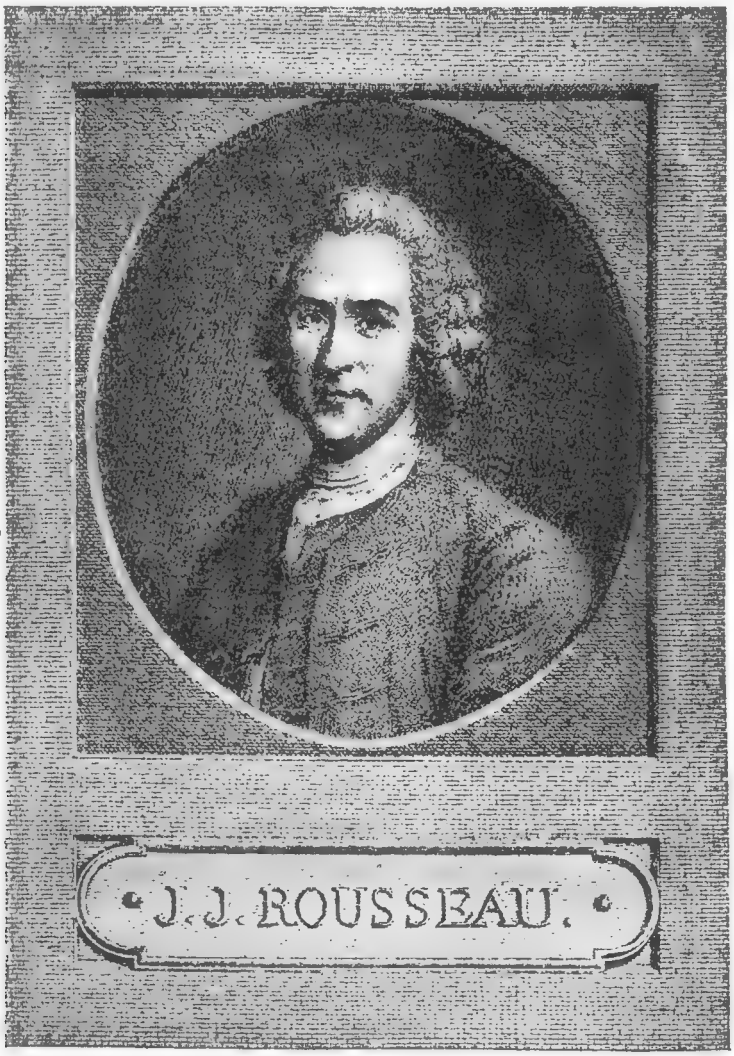
захъ его женевскихъ читателей. Но въ его мысляхъ произошла постепенная эволюція: «Бонне, бывшій сенсуалистомъ вначалѣ своихъ изслѣдованій», говоритъ Эд. Гумбертъ, «былъ глубокимъ спиритуалистомъ и христіаниномъ при окончаніи ихъ». На это указываютъ его послѣдующія сочиненія и особенно его «Palingénésie philosophique», въ которой онъ настаиваетъ на своихъ спиритуалистическихъ убѣжденіяхъ съ твердостью, вызвавшей сарказмы Вольтера и похвалы Галлера. Бонне пользовался большимъ уваженіемъ и велъ обширную корреспонденцію. Знатные иностранцы, путе-

Фиг. 38. Портретъ Шарля Бонне.

шествовавшіе въ Швейцаріи, навѣщавшіе Вольтера, посѣщали и его въ Жентодѣ; это выводило изъ себя «Фернейскаго патріарха».

Политическая борьба изощряетъ умы и предрасполагаетъ ихъ къ изученію соціальныхъ вопросовъ; страстная горячность, выказываемая женевскими гражданами въ ихъ столкновеніяхъ, сдѣлала изъ ихъ города поле для весьма поучительныхъ опытовъ. Хотя Руссо былъ по происхожденію французъ и жилъ въ Женевѣ мало, онъ все же обязанъ своими философскими воззрѣніями идеямъ, возбужденнымъ въ немъ его отношеніями къ своимъ согражданамъ, онъ и предался изученію соціальныхъ вопросовъ, благодаря своему пребыванію въ романдской Швейцаріи.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778) (фиг. 39) родился въ Женевѣ, въ очень скромной обстановкѣ; его отецъ, бывшій то часовщикомъ, то учителемъ танцевъ, былъ сыномъ французскаго эмигранта, ставшаго женевскимъ буржуа въ 1555 г., книгопродавца Дидье Руссо, друга Жана де Бюде. Его семья была въ родствѣ съ семьями Ревильо, Бютини,



Фиг. 39. Портретъ Жанъ-Жака Руссо.

Трамблей—отдаленное аристократическое родство, дѣлавшее для бѣднаго Руссо его положеніе еще болѣе тяжелымъ; это родство, согласно замѣчанію Галиффа [1]) и Гольера, можетъ быть способствовало развитію въ Руссо болѣзненной щепетильности, сдѣлавшей его такимъ несчастнымъ. Его мать

[1]) Notices généalogiques sur les familles genèvoises.

умерла при его рожденіи; его отецъ, мало заботившійся о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ нему, предоставилъ его воспитаніе постороннимъ лицамъ. Въ результатѣ безцвѣтное дѣтство, бросившее тѣнь на всю жизнь Жанъ-Жака. Отсутствіе любви, нравственное одиночество, чтеніе романовъ, переносившее его мысленно въ положеніе, которое еще украшалось его пылкимъ воображеніемъ, все способствовало развитію чрезвычайной чувствительности, унаслѣдованной имъ отъ отца, и склонности къ меланхоліи. Эти обстоятельства объясняютъ весьма серьезные пробѣлы его характера, а также его странную непослѣдовательность, чтобы не сказать отсутствіе въ немъ нравственности.

На семнадцатомъ году Руссо покинулъ мастерскую гравера и пустился по бѣлу свѣту; мы встрѣчаемъ его въ Туринѣ, гдѣ онъ отступаетъ отъ реформатскаго вѣроисповѣданія и дѣлается лакеемъ; въ Аннеси, въ Шамбери у m-me де Варанъ, усыновляющей его и дѣлающей затѣмъ своимъ любовникомъ (1730—1740); въ Лозаннѣ, Невшателѣ, Монпелье, Ліонѣ, гдѣ онъ провинился въ воровствѣ, трусливо предоставивъ обвинить неповинную служанку въ немъ; въ Парижѣ, въ Венеціи, гдѣ онъ исполнялъ должность секретаря, и т. д. Во время своего пребыванія у m-me де Варанъ онъ работалъ надъ кадастромъ Савойи, пристрастился къ музыкѣ, научился композиціи и предался изученію произведеній Мальбранша, Лейбница, Декарта, отшельниковъ Поръ-Роаяля, Локка, Бэля. Въ Парижѣ онъ зарабатывалъ средства къ жизни перепиской, письмоводствомъ и композиціей; онъ изобрѣлъ систему цифернаго обозначенія нотъ; онъ часто посѣщалъ артистовъ, остроумныхъ людей и энциклопедистовъ: Дидро, Гримма, Мабли, Дюкло, д'Аламбера, Кондильяка, m-me д'Эпине, барона Гольбаха и др. Экономный и прилежный, страстно стремящійся къ независимости, онъ привыкъ къ бѣдности, онъ даже возводитъ ее въ систему: «Въ немъ были черты Діогена», говоритъ г. Рудольфъ Рэй [1]). Въ 1745 г. онъ заключилъ свободный союзъ съ Терезой Левассеръ, женщиной низкаго происхожденія, некрасивой, неумной, необразованной и безсердечной, сдѣлавшей его очень несчастнымъ; онъ имѣлъ отъ нея пятерыхъ дѣтей, которыхъ онъ отдалъ въ воспитательный домъ.

Руссо было тридцать семь лѣтъ, когда внезапно проявился его талантъ по случаю конкурса, назначеннаго Дижонской академіей, на которомъ онъ получилъ премію. Предложенный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ къ очищенію нравовъ? Руссо отвѣтилъ на него отрицательно. Три года спустя онъ на-

[1]) Galerie suisse, t. II.

писалъ le Devin du village, изящную пастораль, имѣвшую большой успѣхъ на придворномъ театрѣ.

Соприкосновеніе Руссо съ французскимъ обществомъ оживило его склонность къ стоицизму: пристрастное правительство, ироническій скептицизмъ, элегантная насмѣшливость, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, оскорбляли его до глубины души. Благодаря чрезвычайно преувеличенной оцѣнкѣ собственной нравственности онъ сталъ смотрѣть на себя какъ на существо исключительное, единственнаго просвѣщеннаго, добродѣтельнаго, искренняго мудреца. Въ 1754 г. онъ рѣшилъ отправиться въ Женеву; его родина, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣтила его съ открытыми объятіями, и онъ нашелъ живую симпатію среди буржуа; чтобы вернуть себѣ право гражданства онъ снова принялъ реформатскую вѣру. Тогда-то онъ посвятилъ Женевской республикѣ свою рѣчь, озаглавленную De l'origine de l'inégalité parmi les hommes, въ которой онъ проявлялъ себя строгимъ республиканцемъ, презирающимъ монархическія общества, а также свѣтскіе и утонченные нравы. Отъ него зависѣло основаться въ Женевѣ, гдѣ ему предложили мѣсто библіотекаря; но ему не нравилась близость Вольтера въ Délices, по крайней мѣрѣ это послужило ему предлогомъ, чтобы покинуть свой родной городъ; можетъ быть, и его отношенія къ Терезѣ Левассеръ служили препятствіемъ къ его поселенію въ немъ. Онъ мечталъ о спокойномъ убѣжищѣ, отдаленномъ отъ свѣта; его покровительница, m-me д'Эпине, предложила ему Эрмитажъ, уединенный домикъ, близъ лѣса Монморанси.

Въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, среди любимой имъ природы, его геній начинаетъ развертываться въ его главныхъ произведеніяхъ. Но скоро его романическія склонности сыграли съ нимъ плохую штуку: суровый пуританинъ безумно влюбляется въ очаровательную m-me д'Удето, которая его оттолкнула; надъ нимъ стали подсмѣиваться. Его отношенія къ m-me д'Эпине разстраиваются, онъ начинаетъ недовѣрчиво относиться къ ея благодѣяніямъ. Въ то же время энциклопедисты, недовольные имъ за то, что онъ разбилъ ихъ атеизмъ въ своемъ Lettre sur la Providence, порвали съ нимъ. Руссо принялъ приглашеніе герцога Люксембургскаго въ Монморанси, гдѣ онъ и закончилъ свой романъ la Nouvelle Héloïse, Emile и Contrat social, произведшихъ большую сенсацію и доставившихъ ему извѣстность.

Въ Монморанси же онъ выпустилъ свое знаменитое Lettre sur les spectacles (1758) въ отвѣтъ на одинъ изъ параграфовъ статьи «Genève», помѣщенной д'Аламберомъ въ Энциклопедіи. Въ этомъ письмѣ онъ указываетъ на непригодность театра съ точки зрѣнія нравственности, вызываемыхъ имъ расходовъ, потери времени и дурного примѣра, даваемаго

актерами; утонченной жизни ученыхъ онъ противупоставляетъ простыя удовольствія, вытекающія изъ трудовой жизни. Потомъ онъ сыплетъ рядъ парадоксовъ о роли женщинъ въ обществѣ, о достоинствахъ кабака и о многихъ другихъ предметахъ. Письмо о театральныхъ представленіяхъ привело въ восторгъ народъ и мелкую буржуазію, не бывавшую въ гостяхъ у Вольтера; оно было холодно принято аристократіей, развлекавшейся въ les Délices; духовенство, хотя и радовалось, что получило союзника въ борьбѣ противъ театра, все же находило его нѣсколько неудобнымъ. Что касается Вольтера, онъ, какъ можно было ожидать, былъ внѣ себя, и его антипатія къ Руссо еще усилилась.

La Nouvelle Héloïse (1760) представляетъ романъ въ формѣ писемъ, содержащій между прочимъ описаніе ваадтландскихъ нравовъ; главныя лица взяты, какъ показалъ г. А де Монте [1]), изъ среды, въ которой протекла молодость m-me де Варанъ [2]), въ ней встрѣчается интересное описаніе мѣстныхъ и домашнихъ обычаевъ Ваадтланда и даже мѣстныя выраженія, которыя авторъ узналъ отъ своей благодѣтельницы.

Contrat social (1762) представляетъ идеализированную теорію женевскаго правленія; Руссо стремится доказать, что свобода и демократія находятъ полное осуществленіе только въ очень мелкихъ государствахъ. Онъ приходитъ, говоритъ Рудольфъ Рэй, къ демократическому обществу, петли котораго такъ плотно связаны, что дѣйствія и противодѣйствія всѣхъ на одного и одного на всѣхъ непрерывны; государство есть составная воля всѣхъ гражданъ; гражданскіе и политическіе законы суть уговоры, свободно голосованные ими съ цѣлью охраненія ихъ правъ и обезпеченія каждому свободы, безопасности и равенства. Они повинуются только своей собственной волѣ. Князь и магистраты суть простые чиновники, которымъ поручена исполнительная власть. Слѣдовательно, граждане составляютъ

---

[1]) Въ своей статьѣ, озаглавленной madame de Warens et le Pays de Vaud, напечатанной въ Mémoires et documents de la Société d'histoire de la Suisse romande, II série, t. III.

[2]) Франсуаза-Луиза, урожденная де ла Туръ, была замужемъ за Себастьяномъ-Исаакомъ де Луа, сеньеромъ Варанъ въ фогтствѣ Эшалленъ; ея учителемъ былъ піэтистъ Маньи, мистическія поученія котораго заставили ее отступить отъ протестантства. M-me де Варанъ, обладавшая веселымъ характеромъ, сильно привлекавшая своимъ умомъ и пріятнымъ обращеніемъ, но тщеславная и неуравновѣшенная, вовлекла своего мужа въ опасныя спекуляціи, приведшія его къ разоренію. Тогда она покинула супружескій домъ и бѣжала въ Савойю, приняла тамъ католичество и жила на пенсію короля Сардинскаго. Руссо былъ многимъ ей обязанъ, но со свойственной ему неблагодарностью, онъ наклеветалъ на нее въ своей Исповѣди.

«государя», и законодательная власть есть ихъ необходимое и неоспоримое право. Этой теоріей, въ которой представительное правительство уступаетъ прямой демократіи, Руссо пробилъ дорогу всеобщей подачѣ голосовъ и всемогуществу большинства. «Общество», говоритъ г. Годе, «представляется ему образованнымъ изъ равноправныхъ индивидовъ, соединенныя воли которыхъ образуютъ одну волю—волю государства, государя, великое непогрѣшимое. Личность должна исчезать передъ волей государства, которое навязываетъ ему даже религію. Тираннія толпы — вотъ сущность теоріи Contrat social».

Но индивидуумъ долженъ быть подготовленъ къ своей миссіи раціональнымъ воспитаніемъ, принципы котораго изложены въ Эмилѣ (1762). Въ немъ Руссо борется съ рутиной, срываетъ личину съ предразсудковъ; онъ справедливо придаетъ большое значеніе физическимъ упражненіямъ, онъ требуетъ, чтобы педагогъ бралъ въ руководители природу... Многіе его принципы создали школу. Исповѣданіе вѣры савойярдскаго священника, содержащееся въ Эмилѣ, касается религіозныхъ проблемъ; въ немъ Руссо держится спиритуалистическаго представленія о высшей, могущественной, благодѣтельной волѣ, повелѣвающей всѣмъ, а также признаетъ необходимость нравственной свободы; онъ хвалитъ нравственное ученіе евангелія и достоинства Христа; но онъ отбрасываетъ, и даже отрицаетъ, откровеніе, реальность чудесъ, а также догматы о грѣхопаденіи, очищеніи и искупленіи.

Эта точка зрѣнія, совпадающая съ деизмомъ или натуралистической религіей, приближалась во многихъ отношеніяхъ къ задушевной мысли аббатовъ-философовъ и многихъ членовъ женевскаго духовенства той эпохи. Но, какъ извѣстно, оттѣнки, благодаря двусмысленности, къ которой они подаютъ поводъ, иногда глубже раздѣляютъ умы, чѣмъ настоящія противорѣчія: Profession de foi du vicaire savoyard вызвала скандалъ въ Парижѣ и въ Женевѣ, соединивъ на этотъ разъ католиковъ и протестантовъ. 11-го іюня 1762 г. парижскій парламентъ предалъ Эмиля костру и издалъ указъ о задержаніи автора; восемь дней спустя, 19-го іюня, женевскій совѣтъ сжегъ рукой палача Эмиля и Contrat social и велѣлъ арестовать Руссо. Въ это время Жанъ-Жакъ прибылъ въ Ивердонъ; но бернское правительство велѣло ему немедленно выѣхать изъ своихъ владѣній. Тогда неосторожный философъ удалился въ Мотье, въ Валь де Траверъ, гдѣ Фридрихъ II великодушно предложилъ ему убѣжище.

Выше мы видѣли послѣдствія этого аутодафе въ Женевѣ. Партія, стоявшая у власти, сжигая Contrat social, этимъ осуждала систему верховной демократіи, къ которой стремилась оппозиція; поэтому эта мѣра возмутила часть общества. Генеральный прокуроръ Троншенъ, краснорѣ-

чивый ораторъ, взялъ подъ свою защиту магистратовъ въ своихъ Lettres de la campagne, на которыя Руссо отвѣтилъ своими Lettres de la montagne. Въ этомъ сочиненіи Руссо подтверждаетъ свою точку зрѣнія; онъ разбираетъ аристократическое правительство и женевское духовенство. «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ онъ, «господа пасторы престранные люди! Не знаешь, ни во что они вѣрятъ, ни во что они не вѣрятъ: не знаешь даже, во что они представляются вѣрующими!» Этотъ споръ только раздулъ страсти; тогда Руссо, видя, какія волненія вызвали его сочиненія, постарался внушить своимъ приверженцамъ болѣе умѣренныя идеи.

Мы не послѣдуетъ за Руссо въ его уединеніе въ Мотье, гдѣ онъ не замедлилъ поссориться съ невшательцами; сначала ему очень нравилось ихъ общество, а потомъ онъ ихъ осмѣялъ въ письмахъ къ маршалу Люксембургскому. Поэтому онъ вскорѣ покинулъ Валь де Траверъ и поселился на нѣкоторое время на островѣ Сенъ-Пьеръ, посреднѣ Бильскаго озера, гдѣ проводилъ время въ собираніи растеній и въ катаньѣ на лодкѣ отъ одного берега къ другому, отдаваясь своимъ меланхолическимъ мечтамъ. Но изъ этого пріятнаго ему мѣстопребыванія онъ былъ вырванъ приказаніемъ бернскихъ магистратовъ покинуть ихъ государство (1765). Призванный въ Англію, куда его привлекъ историкъ Юмъ, онъ подвергся нападкамъ лондонской прессы. Терзаемый болѣзненнымъ недовѣріемъ, считая себя жертвой преслѣдованія, онъ вернулся во Францію и прожилъ въ неизвѣстности послѣдніе годы своей жизни, которые онъ посвятилъ изданію своей знаменитой Исповѣди. Въ этой книгѣ попеременно привлекательной и отталкивающей, авторъ разсказываетъ различныя фазы своей жизни; онъ беззастѣнчиво раскрываетъ свои пороки и съ наслажденіемъ клеймитъ своихъ благодѣтелей.

Жанъ-Жакъ Руссо заслужилъ весьма различную оцѣнку какъ человѣкъ и какъ мыслитель; у него есть убѣжденные поклонники и не менѣе пылкіе порицатели. Въ своей рѣчи о французской литературѣ [1]), Вине высказываетъ о немъ слѣдующее мнѣніе: «Постоянно парадоксальный, крайній, непослѣдовательный, но постоянно согрѣтый истиннымъ чувствомъ, софистъ очень часто, но убѣжденный софистъ, соединяющій всюду въ своемъ слогѣ оригинальность съ естественностью, обладающій въ высокой степени счастливой способностью соединять вездѣ діалектику и страсть, Жанъ-Жакъ Руссо занимаетъ мѣсто среди самыхъ опасныхъ сектантовъ и среди самыхъ превосходныхъ писателей. Сначала онъ сражался въ рядахъ философовъ. Вслѣдствіе ли различія взглядовъ, или вслѣдствіе личной злобы, только онъ не замедлилъ объявить имъ войну; матеріалисти-

[1]) Chrestomathie, tome III.

ческая философія нашла въ Ж. Ж. Руссо грознаго противника, за то деистическая философія нашла въ немъ могущественнаго помощника. Вольтеръ сдѣлалъ невѣріе пріятнымъ для легкомысленныхъ умовъ. Руссо придалъ ему правдоподобіе въ болѣе солидныхъ умахъ. Онъ обманулъ религіозную потребность нѣжнымъ и сентиментальнымъ деизмомъ. Онъ извратилъ нравственность, замѣнивъ положительное понятіе долга смутными чувствами. Онъ произвелъ нѣкоторыя желательныя реформы въ воспитаніи, но не такія глубокія, какъ полагали. Онъ ввелъ въ политику понятія, изъ которыхъ наша эпоха заимствовала только общій принципъ, и которыя она примѣняетъ, придавая имъ духовный смыслъ. Краснорѣчіе, вышедшее изъ употребленія на каѳедрѣ, стѣсненное въ судѣ, нѣмое на форумѣ, нашло для себя трибуну въ его сочиненіяхъ».

Несмотря на свои парадоксы, Руссо освѣтилъ множество вопросовъ; онъ искоренилъ предразсудки и раскрылъ новые горизонты. Тамъ, гдѣ Вольтеръ разрушаетъ, онъ стремится созидать. Идеи Кальвина объ избранничествѣ и предопредѣленіи логически привели въ политикѣ къ олигархіи; Руссо, вооружившись протестантскимъ понятіемъ о свободѣ совѣсти, приглашаетъ народъ вернуть себѣ свои права и установить основы правленія. Великіе принципы, обнародованные во Франціи въ 1789 г., суть не что иное, какъ принципы, провозглашенные имъ въ Женевѣ въ 1762 г., при чемъ онъ воспользовался, между прочимъ, идеями Абоци, Троншена, Бонне. «Его справедливо упрекали», говоритъ Рудольфъ Рей, «въ томъ, что онъ слишкомъ далеко простеръ всемогущество большинства и права государства, сосредоточилъ вниманіе на чувствѣ въ ущербъ долгу, преувеличилъ прирожденныя добрыя качества человѣка. Но, хотя онъ и впадаетъ въ парадоксы и софизмы, хотя его взглядъ на человѣческое благо рѣдко бываетъ вѣренъ, хотя его нравственныя и политическія теоріи требуютъ поправокъ, онъ все же былъ однимъ изъ наиболѣе страшныхъ возбудителей современнаго прогресса и отцомъ демократіи». На его политическихъ идеяхъ сильно отражается женевская среда, въ которой онъ родился, и съ которой онъ остался въ соприкосновеніи; онъ отражаетъ идеи, волновавшія женевскую буржуазію раньше, чѣмъ онѣ взволновали Францію.

Отовсюду изгнанный, ведя неправильный образъ жизни, не имѣя ни родины, ни очага, отказавшись отъ исполненія родительскихъ обязанностей и никогда не занимая никакой общественной должности, Руссо могъ быть только идеологомъ, преслѣдующимъ химеры. Его вліяніе было особенно велико, потому что онъ обращался со своими рѣчами къ поколѣнію, страдавшему отъ ига. Склонный по природѣ къ мечтательности, онъ стремился къ добродѣтели, а его ненависть къ тиранамъ заставила

его убѣдить себя въ томъ, что онъ самое чувствительное и доброе существо. Нищета, непріятности озлобили его противъ блестящаго общества, съ которымъ онъ былъ въ сношеніяхъ, не принадлежа къ нему; поэтому онъ сдѣлался подозрительнымъ и неблагодарнымъ и началъ смотрѣть на счастливцевъ міра сего какъ на людей, достойныхъ презрѣнія. Болѣзненный, недовѣрчивый и застѣнчивый, жаждущій похвалъ Руссо, хотя и прикрывался равнодушіемъ, полагалъ все свое счастье въ мнѣніи другихъ людей, что является наивѣрнѣйшимъ средствомъ не найти его. Великій проповѣдникъ мало думалъ о томъ, чтобы подавать примѣръ добродѣтели, проповѣдуемой имъ другимъ. Отсутствіе воспитанія, покинутость, одиночество, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство, объясняютъ недостатки его частной жизни. Впрочемъ онъ былъ безкорыстенъ, онъ писалъ только для того, чтобы изложить свои взгляды; влюбленный въ независимость, полный страсти, онъ былъ краснорѣчивъ, мыслилъ громко и свободно; благодаря прелести своего слога и великодушію своихъ идей онъ оказалъ огромное вліяніе.

Мы нѣсколько дольше остановились на этой любопытной личности, потому что на ней, лучше чѣмъ на какой либо другой, видно состояніе умовъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, и она дастъ намъ понять, изъ какихъ стремленій вытекли революціи конца прошлаго вѣка; въ самомъ дѣлѣ, произведенія Руссо имѣютъ дѣйствительное значеніе: онъ формулировалъ догматы, составившіе символъ вѣры современной демократіи.

Вольтеръ былъ предвозвѣстникомъ въ гораздо меньшей степени; въ политикѣ, напримѣръ, онъ не шелъ дальше англійской монархіи. Аристократъ во всѣхъ своихъ пріемахъ, большой эгоистъ и насмѣшникъ по натурѣ, онъ ограничился тѣмъ, что подрывалъ основы стараго режима; правда, онъ это дѣлалъ успѣшно, сѣя безпорядокъ въ рядахъ монархіи и беря на себя такимъ образомъ большую отвѣтственность за разгромъ старыхъ партій.

Поссорившись съ Фридрихомъ II, въ 1754 г., Вольтеръ, озабоченный своимъ здоровьемъ, поселился въ Женевѣ, куда его привлекало присутствіе доктора Троншена; онъ поселился въ Сенъ-Жанѣ, въ помѣстьѣ, которое онъ назвалъ les Délices. Предварительно онъ списался съ Яковомъ Верне (1698—1789), ученикомъ I. A. Турретини, много путешествовавшимъ въ молодости и принявшимъ затѣмъ мѣсто деревенскаго пастора.

Во время своего пребыванія въ Римѣ въ 1728 г. Верне познакомился съ Монтескье, онъ подружился съ нимъ и взялся впослѣдствіи въ Женевѣ слѣдить за изданіемъ его Esprit des lois, несмотря на то, что значительная часть его времени была посвящена работѣ надъ книгой, озаглавленной Vérité de la religion chrétienne. Позднѣе онъ довольно неосторожно предложилъ свои услуги Вольтеру и даже предложилъ ему слѣ-

дить за изданіемъ его Essai sur les moeurs. Однако онъ не безъ нѣкотораго безпокойства ждалъ прибытія своего корреспондента, помня дурное впечатлѣніе, произведенное въ Женевѣ первыми произведеніями Вольтера. Послѣдній старался успокоить его. Но, укрѣпившись въ цитадели протестантизма, благодаря любезности Франциска Троншена, на имя котораго онъ купилъ les Délices, Вольтеръ выказалъ себя въ настоящемъ свѣтѣ. Когда Верне осмѣлился возразить на главу «Genève et Calvin» въ Essai sur les moeurs, Вольтеръ, очень щепетильный, что часто встрѣчается у остроумныхъ людей, отомстилъ за это, осыпавъ его ругательствами.

Въ les Délices собирались сливки женевскаго общества: три Троншена, Губеръ, Пикте, Крамеръ, Вернъ, Пико и др.; но, принимая любезности Вольтера, женевцы умѣли сохранять свой собственный взглядъ и протестовали противъ нечестивыхъ выходокъ своего хозяина съ такой энергіей и ловкостью, что приводили его въ отчаяніе. Въ этомъ ломаньѣ копей особенно отличался пасторъ Яковъ Вернъ, авторъ Lettres sur le christianisme de J. J. Rousseau и Confidence philosophique, общественный и остроумный человѣкъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ профессоромъ Яковомъ Верне.

Въ 1755 г. Вольтеръ хотѣлъ поставить въ les Délices «Orphelin de la Chine»; его племянница m-me Дени, актеръ Лекенъ, гостившій у него, и нѣсколько любителей изъ Женевы должны были составить труппу, для которой была приготовлена сцена. Это встревожило консисторію, она потребовала отъ городскихъ любителей, чтобы они не участвовали. Вольтеръ, не смѣя высказать въ лицо презрѣніе къ власти, тотчасъ же отказался отъ своего проекта и отправился въ Лозанну, какъ мы видѣли раньше. Однако женевское духовенство не обладало уже догматической суровостью прежнихъ временъ, оно стало очень терпимымъ, и его наиболѣе выдающіеся члены, Верне и Вернъ, слѣдили за литературнымъ и философскимъ движеніемъ въ Европѣ; въ своихъ проповѣдяхъ они больше касались нравственности, чѣмъ догмата.

Вольтеръ рѣшилъ въ отмщеніе консисторіи компрометировать пасторовъ; по его наущенію д'Аламберъ тщательно записалъ мысли, высказанныя ими въ les Délices въ минуты откровенности, и вѣроломно воспользовался ими для своей статьи въ Энциклопедіи «Женева», представляющей высокопарную хвалу учрежденій женевской республики, въ которой авторъ между прочимъ хвалитъ духовенство за его латитюдинаризмъ и изображаетъ его исповѣдующимъ нѣкотораго рода деизмъ или социніанизмъ. Консисторія, очень встревоженная такой оцѣнкой, поручила своему президенту, Якову Верне, и своему секретарю, доктору Троншену, отыскать средство, чтобы выйти изъ этого положенія.

Вольтеръ, съ своей стороны, чувствуя, что поставилъ себя въ фальшивое положеніе, попытался выйти изъ него со своей обычной дерзостью; онъ пишетъ д'Аламберу: «Эти глупцы осмѣливаются жаловаться на вашъ похвальный отзывъ о нихъ, что въ нихъ больше разума, чѣмъ вѣры... Не отказывайтесь отъ своихъ словъ». А затѣмъ въ письмѣ къ пастору Верну онъ заявляетъ, что не читалъ этой статьи въ Энциклопедіи. «Если какой нибудь правовѣрный или иновѣрный», пишетъ онъ изъ Лозанны, «начнетъ обвинять меня въ малѣйшемъ участіи въ статьѣ «Женева», умоляю васъ немедленно вступиться за истину. Я послѣдній узналъ о всей этой исторіи, я желаю только покоя и желаю его всѣмъ моимъ собратьямъ, монахамъ, священникамъ, пасторамъ, бѣлому и черному духовенству, тринитаріямъ, унитаріямъ, квакерамъ, моравамъ, туркамъ, евреямъ, китайцамъ и др.» Въ письмѣ къ д'Аламберу онъ пишетъ: «Женевскіе священники вамъ должно быть напишутъ... Увѣряю васъ, что мои друзья и я прекрасно ихъ проведемъ; они выпьютъ чашу до послѣдней капли».

Эпилогъ: консисторія, не добившись отъ д'Аламбера, чтобы онъ взялъ свои слова обратно, возражаетъ на его извѣтъ въ трактатѣ, въ которомъ она настаиваетъ на существенныхъ догматахъ позитивнаго христіанства, а Верне издаетъ свои Lettres critiques d'un voyageur anglais, изъ-за которыхъ онъ ссорится съ Вольтеромъ.

Въ другой статьѣ въ Энциклопедіи, которая была, повидимому, тоже навѣяна ему Вольтеромъ, д'Аламберъ заступается за театръ и не безосновательно указываетъ на преимущества, которыя имѣютъ драматическія представленія для развитія вкуса гражданъ и приданія имъ тонкости такта, нѣжности чувства, трудно достигаемыхъ безъ этой помощи. Вышеупомянутые теологическіе дебаты помѣшали женевцамъ разсмотрѣть этотъ второй вопросъ съ должной объективностью; высшее духовенство тоже энергично протестовало противъ этого взгляда; оно нашло сильную поддержку въ завистливой мелкой буржуазіи, которую Вольтеръ не приглашалъ къ себѣ, и которая оказалась на сторонѣ Руссо, когда онъ развилъ въ Lettre sur les spectacles свою крайнюю и парадоксальную точку зрѣнія.

Эта полемика сдѣлала для Вольтера невозможной жизнь въ les Délices; но и салоны Лозанны оказались закрытыми для него, благодаря ссорѣ съ г. де Полье. Поэтому онъ купилъ въ 1758 г. имѣнье Ферней въ странѣ Гексъ, въ семи километрахъ отъ Женевы; онъ провелъ около двадцати лѣтъ у подножія Юры въ этомъ хорошенькомъ убѣжищѣ, развлекаемый частью высшаго городского общества, оставшейся вѣрной философу. Чтобы досадить консисторіи, онъ устроилъ театры въ Фернеѣ, въ Шателенѣ и въ Каружѣ; послѣдніе два были одинъ на французской, другой на савойской территоріи, въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ женевскихъ воротъ. Къ

профессіональнымъ актерамъ, игравшимъ на этихъ сценахъ, присоединились любители изъ Женевы, Лозанны и Парижа; между послѣдними будущій критикъ и академикъ Ла Гарпъ, сынъ ваадтландскаго дворянина, бывшій офицеромъ на французской службѣ.

Но злоба фернейскаго патріарха на Руссо и консисторію еще не была утолена; онъ хотѣлъ устроить театръ въ стѣнахъ самого кальвинистскаго города. Поэтому во время иностраннаго вмѣшательства, послѣдовавшаго за безпорядками 1765 г., онъ воспользовался присутствіемъ французскаго резидента, кавалера де Ботевиля, чтобы подъ его покровительствомъ дать представленіе труппы комедіантовъ. Съ этой цѣлью было возведено зданіе легкой постройки не далеко отъ Bastion bourgeois. Вольтеръ былъ въ восторгѣ, видя, что его усилія увѣнчались успѣхомъ. «Театръ въ Женевѣ», восклицаетъ онъ, «напрасно Жанъ-Жакъ игралъ въ этомъ дѣлѣ роль взбалмошной головы; полномочные министры отхлестали его публичнымъ образомъ. Что же касается проповѣдниковъ, то они не смѣютъ поднять головъ». Но, просуществовавъ едва два года, театръ de la place Neuve сгорѣлъ до основанія. Это случилось 5-го февраля 1768 г., около шести часовъ вечера; увидя зарево, горожане прибѣжали, каждый, по обычаю, съ ведромъ воды, но добѣжавъ до la Treille, они побросали свои ведра, говоря: «А, это горитъ театръ. Пусть же его тушатъ тѣ, кто желалъ его имѣть». Когда Вольтеръ узналъ объ этомъ несчастіи, онъ страшно разсердился и вскричалъ: «Ахъ ужъ эта Женева! въ ту минуту, когда думаешь, что держишь ее, она ускользаетъ изъ рукъ; парикъ и парченокъ (т. е. аристократъ и мелкій буржуа),—все одно».

Между тѣмъ вкусъ къ театру значительно развился въ городѣ Кальвина, гдѣ образовалось нѣсколько обществъ съ цѣлью ставить комедіи. Консисторія протестовала, великолѣпный совѣтъ напрасно предписывалъ мѣры сопротивленія, они не могли устоять противъ давленія общественнаго мнѣнія. Иностранное вмѣшательство 1782 г. благопріятствовало этому движенію, и тогда подъ покровительствомъ маршала Жокура былъ воздвигнутъ театръ, двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ былъ уничтоженъ театръ на place Neuve.

Вернемся однако къ писателямъ республики. Одинъ изъ нихъ вводитъ насъ въ расцвѣтъ жанра, представляющаго въ настоящее время одну изъ наиболѣе цвѣтущихъ вѣтвей нашей литературной дѣятельности: альпійскую литературу.

Швейцарецъ всегда любилъ свои долины и озера, созерцаніе которыхъ необходимо для его счастья. Но горы далеко не привлекали его въ восемнадцатомъ вѣкѣ такъ, какъ онѣ стали привлекать впослѣдствіи. Наши предки, смѣло нападавшіе на вражескіе батальоны, не осмѣлива-

лись, подобно нашимъ современнымъ горцамъ; карабкаться на ледяныя вершины Альпъ. Руссо одинъ изъ первыхъ старался возбудить въ своихъ читателяхъ любовь къ природѣ, а другой знаменитый женевецъ, профессоръ Соссюръ, раскрылъ своимъ современникамъ чрезвычайную привлекательность восхожденій на горы.

Матерью Горація-Бенедикта де Соссюра (1740—1799) (фиг. 40) была знатная женщина, урожденная де-ла-Ривъ, сестра m-me Шарль Бонне. Будущій натуралистъ съ дѣтства былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ со своимъ дядей и съ великимъ Галлеромъ, которыхъ онъ сопровождалъ въ ихъ бо-

Фиг. 40. Портретъ Г. Б. де-Соссюра.

таническихъ экскурсіяхъ. Двадцати-трехъ лѣтъ онъ получилъ мѣсто профессора философіи въ Женевской академіи, въ программу его преподаванія входили не только психологія, логика и метафизика, но и научные методы и общіе принципы; онъ исполнялъ свои обязанности ревностно и успѣшно въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ, но онѣ не поглощали его всецѣло. Онъ прославилъ свое имя геологическими открытіями и своими Voyages dans les Alpes. Послѣ того какъ онъ въ юности обошелъ сосѣднія съ Женевой возвышенности: Юры, Моль, Вуаронъ, онъ въ 1760 г. отправился пѣшкомъ по дорогѣ въ Шамони, къ тѣмъ «проклятымъ го-

рамъ», которыя впервые были изслѣдованы въ 1740 г. двумя англичанами, Пококомъ и Виндгамомъ. Послѣ того онъ перешелъ Альпы четырнадцать разъ черезъ восемь различныхъ перевaловъ и сдѣлалъ шестнадцать экскурсій въ глубину этой цѣпи; онъ побывалъ въ Вогезахъ, Англіи, Италіи, Сициліи и на сосѣднихъ съ нею островахъ, на вулканахъ Оверни и Виваре и т. д.

Въ 1775 г. четыре гида впервые попытали восхожденіе на Монъ-Бланъ, но не достигли его вершины; другая попытка въ 1783 г. имѣла тотъ же результатъ. Узнавъ объ этихъ неудачахъ, Соссюръ, въ сопровожденіи своего друга Бурри, въ свою очередь дѣлаетъ попытку, но тоже тщетно. Наконецъ въ 1786 г. докторъ Паккаръ и гидъ Бальма достигли вершины. Въ слѣдующемъ году Соссюръ возобновилъ свою попытку и на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ. Съ вершины этой обсерваторіи умный геологъ подмѣчаетъ новыя отношенія: онъ замѣчаетъ общее строеніе величественныхъ вершинъ, подножія которыхъ онъ такъ часто изслѣдовалъ: «Одинъ взглядъ», говоритъ онъ, «рѣшилъ вопросы, которые не могли бы быть разрѣшены работой нѣсколькихъ лѣтъ».

Въ своихъ многочисленныхъ странствіяхъ Соссюръ изучалъ строеніе скалъ и ихъ наслоенія, границу таянія снѣга, образованіе горъ и ледниковъ, причины холода на ихъ вершинахъ, температуру моря и озеръ. Онъ опредѣлилъ высоту горъ надъ уровнемъ моря при помощи барометра и изобрѣлъ различные физическіе инструменты, облегчавшіе эти изслѣдованія; онъ изучалъ фауну и флору высотъ, наблюдалъ явленія, происходящія благодаря чистотѣ и разрѣженности воздуха. Онъ обогатилъ науку множествомъ данныхъ и поднялъ много новыхъ вопросовъ. Будучи превосходнымъ наблюдателемъ, онъ не довѣрялъ своему воображенію и никогда не спѣшилъ дѣлать выводы изъ открытыхъ имъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе онъ, по словамъ Кювье, «первый бросилъ нѣкоторый свѣтъ на явленія, обусловившія настоящее состояніе міра».

Соссюръ былъ такимъ же превосходнымъ писателемъ, какъ и ученымъ: избѣгая подводныхъ камней, о которые разбиваются «остроумные люди», онъ ограничивается тѣмъ, что точно излагаетъ свои впечатлѣнія и просто описываетъ мѣста, по которымъ онъ ходилъ; это не мѣшаетъ ему заставлять читателя раздѣлять его чувства, расширяя такимъ образомъ кругъ ихъ восторга. «Онъ способствовалъ, самъ того не подозрѣвая», говоритъ г. Эд. Гумбертъ [1]), «вмѣстѣ съ Руссо, Бонне и Бернарденомъ де Сенъ-Пьерръ, возникновенію науки о прекрасномъ въ природѣ».

---

[1]) См. Galerie suisse, II.

Г. Б. де Соссюръ заботился объ улучшеніи методовъ преподаванія, что было достигнуто впослѣдствіи его дочерью, m-me Неккеръ де-Соссюръ (1766—1841), авторомъ справедливо цѣнимой книги Education progressive. Исходя изъ тѣхъ же принциповъ, что и Руссо, «онъ желалъ», говоритъ Голье, «чтобы дѣтей обучали наглядно естественной исторіи и физикѣ». Онъ также требовалъ, чтобы назначеніе Женевскаго коллежа, основаннаго для образованія духовенства, было радикально измѣнено. Онъ говорилъ по этому поводу, что дѣти, предназначенныя для искусства и торговли, составлявшія въ коллежѣ большинство, не получали въ немъ образованія, соотвѣтственнаго ихъ будущей профессіи. По его иниціативѣ въ 1774 г. были открыты два спеціальныхъ класса для учениковъ, не желавшихъ посвятить себя наукѣ.

Слава Соссюра, какъ и его дяди Бонне, распространилась за границы нашего отечества; Сентъ-Бевъ, знаменитый парижскій критикъ, посвящаетъ ему слѣдующія строки: «Имена Шарля Бонне и знаменитаго Соссюра являются вѣнцомъ этой прекрасной литературной и научной эпохи Женевы.»

Геологическія наблюденія, сдѣланныя Г. Б. де Соссюромъ, были систематизованы двумя братьями де-Люкъ (Жанъ-Андре 1727—1817 и Гильомъ-Антуанъ 1729—1812), прославившимися какъ физики и натуралисты, многочисленныя путешествія которыхъ способствовали, подобно путешествіямъ Соссюра и де-Бурри, ознакомленію публики съ горными видами, прелесть которыхъ она научилась цѣнить.

Любознательность женевцевъ была постоянно направлена на самыя разнообразныя задачи; большое усердіе въ накопленіи знаній, желаніе знать все, что дѣлается и говорится, суть выдающіяся черты ихъ характера; эта пытливость ума много способствовала благоденствію ихъ города.

Съ 1787 по 1791 г. выходилъ журналъ подъ заглавіемъ «Journal de Genève», въ которомъ участвовали Сенебье, де Соссюръ, Жюринъ, д-ръ Одье и профессоръ М. А. Пикте; онъ былъ посвященъ метереологіи, физикѣ и естественной наукѣ. Жанъ Сенебье (1742—1809), занимавшій мѣсто городского библіотекаря, извѣстенъ какъ натуралистъ и какъ библіографъ; онъ оставилъ намъ исторію литературы Женевы, составленную отчасти по матеріаламъ, собраннымъ однимъ изъ его предшественниковъ, библіотекаремъ Леонардомъ Болакромъ (1670—1761). Историческая наука имѣла еще своимъ представителемъ Р. Г. Малле (1730—1807), профессора въ Копенгагенѣ; онъ напечаталъ въ 1755 г. Histoire du Danemark, въ которой находятся обзоры по поэзіи, миѳологіи и археологіи народовъ сѣвера. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1760 г., когда рас-

пространилось знаніе сѣверныхъ легендъ, два бернскихъ писателя, Эммануилъ ф. Галлеръ и его другъ пасторъ Фрейденбергъ, вызвали большой скандалъ въ Швейцаріи своей брошюрой: Guillaume Tell, fable danoise, которая была сожжена въ Альторфѣ рукой палача. Но уже было привлечено вниманіе на наши сомнительные анналы; подобно легендѣ о Теллѣ напали и на легенду о Св. Морицѣ. Въ то время какъ люцернецъ Бальтазаръ горячо возражалъ Галлеру, математикъ Петръ Риваць изъ Сенъ-Женгольфа, въ Валлисѣ, старался доказать достовѣрность избіенія Ѳивскаго легіона въ мемуарѣ, о которомъ Сейу говоритъ, что это «шедевръ полемики, исторической критики и хронологіи».

Швейцарцы всегда чувствовали себя стѣсненными въ узкихъ границахъ своего отечества; Бернъ, католическіе кантоны Граубюндена посылали своихъ сыновей служить въ наемныхъ полкахъ; женевцами, базельцами и цюрихцами дорожили за границей какъ учеными и финансистами. «Женева», говоритъ Сентъ Бевъ, «послала въ свѣтъ и какъ бы одолжила ему выдающихся, глубокихъ и вліятельныхъ людей больше, чѣмъ какая-либо иная страна». Впереди всѣхъ стоитъ банкиръ Неккеръ (1732—1804). Быстро составивъ себѣ состояніе, этотъ ловкій финансистъ удалился отъ дѣлъ, принялъ на себя представительство женевской республики передъ французскимъ дворомъ (1768—1776) и писалъ литературные, философскіе и экономическіе трактаты. За свою Eloge de Colbert въ 1773 г. онъ получилъ премію Французской академіи. Въ своемъ мемуарѣ La législation et le commerce des grains Неккеръ утверждалъ, противно мнѣнію экономистовъ, что «правительство обязано, въ интересахъ народа, упорядочить торговлю зерномъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже запрещать его вывозъ»; этотъ мемуаръ вызвалъ большую сенсацію, и благодаря ему Неккеръ былъ назначенъ въ 1776 г. управляющимъ королевской казной, а въ слѣдующемъ году онъ перемѣнилъ эту должность на должность главнаго управляющаго финансами. Въ продолженіе пяти лѣтъ, которыя онъ былъ въ этой должности, онъ предпринялъ рядъ реформъ, возбудившихъ противъ него страшную ненависть. Чтобы имѣть возможность противиться этой бурѣ, онъ просилъ о допущеніи его въ королевскій совѣтъ, несмотря на то, что онъ былъ иностранецъ; ему отказали въ этомъ, и онъ вышелъ въ отставку.

Въ 1784 г. онъ напечаталъ большой трудъ объ управленіи финансами, имѣвшій большой успѣхъ; онъ разошелся въ нѣсколько дней въ количествѣ 80000 экземпляровъ. И вотъ послѣ бѣдственнаго управленія Колонна Неккеръ снова былъ призванъ на прежній постъ въ 1788 г. Въ послѣдовавшіе затѣмъ мѣсяцы онъ нѣсколько разъ переходилъ отъ популярности къ немилости и обратно; на него нападало то дворянство,

то демократическіе ораторы, и такъ какъ онъ не пользовался довѣріехъ ни въ Національномъ собраніи, ни при дворѣ, то его сопротивленіе хищенію церковнаго имущества и выпуску бумажныхъ денегъ потерпѣло пораженіе. Чувствуя, что, несмотря на свой либерализмъ, онъ не можетъ удовлетворить передовыя партіи, и видя, что презирающій его дворъ не обращаетъ вниманія на его совѣты, онъ вышелъ въ отставку въ 1790 г. Извѣстіе объ его отъѣздѣ сильно испугало Парижъ и всю Францію; это было, говоритъ Гизо, «моментомъ славы Неккера».

Каково бы ни было сужденіе о политическихъ взглядахъ великаго женевскаго финансиста, во всякомъ случаѣ нельзя не отдать справедливости его прямотѣ, нравственной высотѣ, его горячей преданности общественному благу, его безкорыстію — все рѣдкія качества въ средѣ, въ которой ему пришлось жить. Неккера во время его испытаній постоянно поддерживала его благородная подруга, Сузанна Кюршо. Внезапно перенесенная изъ Лозанны въ Парижъ, эта женщина, страстно любившая произведенія ума, создала себѣ тамъ избранный салонъ, посѣщаемый литераторами и философами, и сумѣла избѣжать опасностей, угрожавшихъ ей благодаря ея видному положенію. Доброта m. и m-me Неккеръ стояла на такой же высотѣ, какъ и остальныя ихъ добродѣтели; заботясь постоянно о бѣдныхъ и страждущихъ, они основали въ Парижѣ больницу, названную ихъ именемъ.

Послѣдніе годы своей жизни Неккеръ провелъ въ замкѣ Коппе, купленномъ имъ въ 1784 г. Въ своемъ уединеніи, посвященномъ наукѣ, онъ занимался въ свободное время составленіемъ нѣсколькихъ трудовъ по политикѣ и философіи, въ главномъ изъ нихъ: De l'importance des convictions religieuses, изображена Франція, колеблющаяся между нетерпимой набожностью и насмѣшливымъ невѣріемъ; другъ философовъ, жившій въ обществѣ Дюкло, Мармонтеля, Ла-Гарпа, Галіани, Рэйналя, Гримма, Дидеро, д'Аламбера, Неккеръ, не колеблясь, заявляетъ во всеуслышаніе, что «самыя мудрыя правительства нуждаются въ помощи невидимой пружины, дѣйствующей на совѣсть». Въ этомъ, слѣдовательно, Неккеръ не сходился со своими друзьями, желавшими начать реформу съ разрушенія вѣрованій; онъ находилъ, что опасно стремиться замѣнить религіозное воспитаніе свѣтской моралью. «Женевскому писателю», говоритъ г. Годе, «принадлежитъ честь возстанія противъ этого направленія и нападенія на современную философію раньше, чѣмъ событія показали, какъ она была опасна». Даже въ Парижѣ, послѣ продолжительнаго пребыванія во Франціи, Неккеръ остался вполнѣ женевцемъ по своимъ взглядамъ. И въ его стилѣ проявлялось его швейцарское происхожденіе; одинъ критикъ говоритъ о немъ: «Его манеры были болѣе степенны, чѣмъ благородны,

скорѣе начальническія, чѣмъ величественныя; онъ говорилъ легко, но съ нѣкоторой напыщенностью, встрѣчающеюся и въ его многотомныхъ трудахъ».

Между тѣмъ какъ Неккеръ взялъ на себя роль защитника королевской власти, находившейся при послѣднемъ издыханіи, и тщетно пытался направить ее на честный и либеральный путь, нѣкоторые изъ его соотечественниковъ принимали рѣшительное участіе въ революціонномъ движеніи. Соломонъ Рейбацъ (1737—1804), ваадтландецъ по происхожденію, изучилъ теологію въ Женевѣ и имѣлъ успѣхъ какъ проповѣдникъ; замѣшанный въ волненіяхъ 1782 г., онъ сдѣлался представителемъ Женевской республики въ Парижѣ, гдѣ привязался къ Мирабо, для котораго онъ часто готовилъ рѣчи; между прочимъ имъ вполнѣ составлены рѣчи великаго оратора объ ассигнаціяхъ, о престолонаслѣдіи по прямой линіи, о правѣ голоса и непроизнесенная рѣчь о безбрачіи священниковъ. Имъ же сочинены ѣдкіе куплеты, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ крайнихъ (les Négatifs), бездѣятельность малаго совѣта и la Vénérable Classe.

Мирабо, обладавшій великимъ искусствомъ откапывать таланты и льстить тѣмъ, кто могъ быть ему полезенъ, имѣлъ сотрудниками еще нѣсколько уроженцевъ Женевы: Этьенъ Дюмона, Клавьера и Дюроверей, покинувшихъ свою родину, подобно Рейбацу, вслѣдствіе событій 1782 г. Эт. Дюмонъ (1759—1829) занималъ нѣкоторое время мѣсто пастора реформатской церкви въ С.-Петербургѣ; но, такъ какъ эта должность не соотвѣтствовала его темпераменту, онъ отправился въ Англію, гдѣ занимался воспитаніемъ сыновей лорда Шельбёрна; когда во Франціи разразилась революція, онъ отправился въ Парижъ, гдѣ сдѣлался журналистомъ и издавалъ вмѣстѣ съ Дюовереемъ «Courrier de Provence»; въ немъ онъ между прочимъ даетъ вѣрную картину безтолковщины, безпорядка и запальчивости, царившихъ въ засѣданіяхъ Національнаго собранія. Онъ сошелся между тѣмъ съ Мирабо и сдѣлался его секретаремъ. Въ его Воспоминаніяхъ находятся интересныя страницы, описывающія его сношенія съ великимъ французскимъ ораторомъ, которому однако не удалось удержать его, несмотря на свою большую очаровательность; оскорбленный мало деликатными средствами, позволявшими его покровителю вести чрезвычайно роскошную жизнь, Дюмонъ вернулся въ Англію, гдѣ свелъ дружбу съ Фоксомъ, Шериданомъ, Ромильи, Таллейраномъ и особенно съ криминалистомъ Бентамомъ, сочиненія котораго онъ перевелъ. Затѣмъ, когда Женева въ 1814 г. вернула свою независимость, онъ поселился тамъ и принесъ своему отечеству большія услуги, введя улучшенія въ народное преподаваніе, въ администрацію исправительныхъ заведеній, а также въ области промышленности. Это былъ честный человѣкъ, гибкій умъ, живой и остроумный собесѣдникъ.

Банкиръ Клавьеръ (1735—1793) былъ другомъ Бриссо и Мирабо; уроженецъ Женевы, но противникъ Неккера, онъ въ свою очередь сдѣлался въ 1792 г. министромъ финансовъ Французской республики. Врагъ Робеспьера онъ избѣжалъ эшафота, отравивши себя. Адвокатъ Дюроверей (1747—1814) пріобрѣлъ во время женевскихъ волненій опытность и знакомство съ народными мятежами, почему онъ могъ давать полезные совѣты Мирабо. Онъ вернулся въ Женеву въ 1790 г., но четыре года спустя революціонный трибуналъ приговорилъ его заочно къ смерти; съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ изгнаніи въ Парижѣ, въ Невшателѣ и въ Англіи.

Торжество крайнихъ въ Женевѣ въ 1782 г. привело также къ ссылкѣ адвоката Франсуа д'Иверная (1757—1842); найдя убѣжище въ Англіи, онъ тамъ сошелся съ Бентамомъ, Ромильи, лордомъ Шельбёрномъ; онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ публицистъ и оказалъ англійскому правительству услуги, за которыя получилъ титулъ шевалье (knight'a). Д'Иверная вернулся на родину въ 1814 г., мы увидимъ впослѣдствіи, какое важное участіе онъ приметъ въ реставраціи Женевской республики, представителемъ которой онъ явится на Вѣнскомъ конгрессѣ вмѣстѣ съ Пикте и Рошмономъ.

Намъ невозможно привести всѣ имена блестящей женевской плеяды; упомянемъ однако еще имя Малле дю Панъ (1749—1800). Ставши подобно многимъ другимъ жертвой революцій, въ которыя онъ оказался замѣшаннымъ, Яковъ Малле былъ въ молодости профессоромъ исторіи въ Касселѣ и сотрудничалъ въ различныхъ политическихъ обозрѣніяхъ; онъ поселился въ Парижѣ въ 1783 г. и между прочимъ редактировалъ «Mercure de France», въ которомъ онъ велъ отчетъ о повседневныхъ событіяхъ. Сентъ-Бевъ, доброжелательную оцѣнку котораго швейцарскихъ авторовъ мы всегда съ удовольствіемъ приводимъ, называетъ его «единственнымъ писателемъ, умѣвшимъ безъ брани и лести давать толковый разборъ этихъ великихъ распрей». Малле, обладавшій независимымъ характеромъ, котораго не пугали ни непріятности съ цензурой, ни интриги враговъ, храбро защищалъ Неккера; въ своихъ статьяхъ онъ не переставалъ восхвалять конституціонную монархію и хвалить достоинства англійской конституціи. Отъ него съ угрозами требовали, чтобы онъ отдалъ свое перо на службу революціонному дѣлу, но онъ продолжалъ осуждать излишества революціи и покинулъ Парижъ, принужденный къ этому только крайностью, съ тайной миссіей отъ Людовика XVI къ императору и къ прусскому королю.

Въ 1793 г. Малле поселился въ Брюсселѣ, гдѣ онъ издалъ свои Considérations sur la Révolution, потомъ въ Бернѣ. По желанію англійскаго, прусскаго, австрійскаго и португальскаго правительствъ онъ под-

держивалъ съ ними правильную переписку, снабжая ихъ свѣдѣніями о политическомъ, финансовомъ и военномъ состояніи французской республики. Онъ былъ горячимъ защитникомъ притѣсняемыхъ; такъ, будучи строгимъ кальвинистомъ, онъ защищалъ дѣло католическаго духовенства и порицалъ поведеніе директоріи по отношенію къ Венеціи и Генуѣ.

Малле дю-Панъ былъ присужденъ заочно къ смертной казни въ 1794 г. женевскимъ революціоннымъ трибуналомъ; съ 1797 г. онъ жилъ въ Цюрихѣ, Фрейбургѣ въ Брейсгау и, наконецъ, въ Англіи, гдѣ онъ основалъ Mercure britannique. Его честность, какъ и всѣхъ современныхъ ему женевскихъ публицистовъ, не уступала его талантамъ; подобно большинству изъ нихъ, онъ умеръ въ бѣдности послѣ цѣлой жизни труда. Обладая живымъ и проницательнымъ умомъ, онъ быстро схватывалъ факты, здраво судилъ о нихъ и предвидѣлъ ихъ послѣдствія; такъ, между прочимъ, онъ пишетъ: «По милости своей разрушительной природы, революція необходимо приведетъ къ военной республикѣ». Историкъ Тэнъ особенно дорожилъ свидѣтельствомъ и мнѣніями Малле дю Пана.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, занятія умственнаго и научнаго характера занимали первое мѣсто въ Швейцаріи XVIII вѣка, и въ этой области вліяніе нашей страны было очень велико. Слава, пріобрѣтенная въ этой области, можетъ до нѣкоторой степени сравняться съ блестящими побѣдами швейцарцевъ на полѣ битвы въ XV вѣкѣ; та же способность къ духовному сознанію и энергіи, но примѣненная къ инымъ цѣлямъ.

Эти качества особенно проявляются въ городахъ, гдѣ восторжествовала реформація. Люцернъ, Фрейбургъ, Солотурнъ и коренные кантоны отступаютъ на второй планъ; ихъ честолюбіе ограничивается тѣмъ, что они посылаютъ на службу иностраннымъ державамъ превосходныхъ солдатъ, которые бьются на смерть въ защиту престола. На это указываетъ Альфонсъ де Кандоль въ своей прекрасной книгѣ Histoire des sciences et des savants. Подсчитывая имена людей, бывшихъ членами корреспондентами или дѣйствительными членами различныхъ академій наукъ, онъ доказываетъ, что, особенно для Швейцаріи, процентъ католиковъ очень малъ; затѣмъ онъ добавляетъ: «Однако мы всѣ въ Швейцаріи дышимъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Во всѣхъ кантонахъ у насъ было республиканское правленіе, за исключеніемъ Невшателя, выбравшаго себѣ князя по собственному желанію. Во внутренней администраціи кантоны были такъ же свободны, какъ Австрія или Баварія въ Германіи до 1870 г. Слѣдовательно, различіе въ числѣ ученыхъ, двинувшихъ науку впередъ, является, главнымъ образомъ, результатомъ вліянія религіи на воспитаніе въ семьѣ и въ школѣ, или на нравы и взгляды вообще, или, наконецъ, результатомъ наслѣдственности, вытекающей изъ нея, когда уже инстинкты вы-

лились въ опредѣленную форму»... Но онъ замѣчаетъ, что это вліяніе не слѣдуетъ приписывать догматамъ, изъ которыхъ многіе относятся къ доктринамъ, не затрогивающимъ повседневной жизни, ни даже земной жизни. «Вліяніе вѣроисповѣданія», прибавляетъ де Кандоль, «кажется, зависитъ скорѣе отъ духовенства, отъ его прямого или косвеннаго воздѣйствія на воспитаніе, и особенно отъ того, предписываетъ ли оно силою своего авторитета, или предоставляетъ каждому выбирать свободно свои взгляды. Догматъ, конечно, тоже имѣетъ значеніе, но еще большее—способъ, какимъ его предлагаютъ. Чѣмъ больше стараются повліять силою авторитета, тѣмъ болѣе подавляютъ любознательность, мать наукъ, и тѣмъ болѣе увеличиваютъ робость ума [1]). Народъ, воспитанный въ продолженіе многихъ поколѣній на принципѣ авторитета, естественно становится робкимъ въ умственныхъ вопросахъ. Напротивъ, народъ, привыкшій съ дѣтства изслѣдовать вопросы, самые, какъ ему говорятъ, важные, религіозные вопросы, не побоится взяться за изслѣдованіе чисто-научныхъ вопросовъ и лучше сумѣетъ приступить къ разрѣшенію ихъ».

Поэтому-то во всѣхъ протестантскихъ кантонахъ мы замѣчаемъ во всѣ времена и въ одинаковой степени, тотъ же, что и во всѣхъ реформатскихъ странахъ, подъемъ нравственныхъ, математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ: онъ различенъ въ различныхъ государствахъ, смотря по тому, насколько подданные пользуются свободой мысли въ религіозныхъ вопросахъ и особенно зависитъ отъ того, насколько въ нихъ развитъ духъ иниціативы. Слѣдовательно, онъ зависитъ не столько отъ вѣроисповѣданія, и догматъ—повторимъ за де Кандолемъ—не играетъ большой роли въ томъ фактѣ, на который мы не могли не указать. «Съ этой точки зрѣнія», замѣчаетъ еще нашъ авторъ, «особенно интересна исторія Женевской республики, ибо въ ней мы находимъ интересный примѣръ результатовъ авторитета. Въ продолженіе около двухъ вѣковъ (1535—1725) въ ней царили, какъ среди свѣтскихъ, такъ и среди духовныхъ лицъ, абсолютно-авторитетные принципы первыхъ реформаторовъ; въ этотъ періодъ ни одинъ женевецъ не отличился на поприщѣ наукъ. Съ 1720 г кальвинистскій принципъ авторитета церкви начинаетъ слабѣть, нравы, образованіе становятся болѣе либеральными; начиная съ этого времени Женева не перестаетъ давать математиковъ, физиковъ и натуралистовъ въ удивительномъ для ея небольшого населенія количествѣ».

---

[1]) Въ доказательство этой умственной робости де Кандоль приводитъ случай съ Декартомъ, который готовъ былъ сжечь свои манускрипты, когда узналъ объ осужденіи Галилея папой, и онъ прибавляетъ: „Чѣмъ стала бы наука, если бы всѣ ученые поступили какъ Декартъ!“

Къ вліянію религіи на прогрессъ науки присоединились и другіе факторы: наслѣдственность, семейныя традиціи, матерьяльныя удобства, климатъ (такъ, напр., большія жары имѣютъ разслабляющее вліяніе), географическое положеніе, раса, общественное мнѣніе, учрежденія, правительства, ученыя общества. Ихъ вліяніе проявляется весьма различно смотря по странѣ и указываетъ на то, до какой степени законъ солидарности властвуетъ въ мірѣ. Въ Швейцаріи, странѣ уже издавна демократической, этотъ законъ давно уже проявилъ свое благодѣтельное дѣйствіе; хотя въ ней ученые не пользуются матерьяльными удобствами, которыя могутъ дать только большія страны, зато въ ней менѣе гнететъ кастовый духъ; затѣмъ, главное, благодаря тому, что обученіе и образованіе распространены въ ней повсюду, люди науки находятъ больше поддержки во всей націи, интересующейся болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, ихъ трудами.

Здѣсь у мѣста упомянуть о богатыхъ библіотекахъ, которыми уже издавна обладали многіе швейцарскіе города; между прочими Базель, Женева, Цюрихъ. Бернъ тоже значительно расширяетъ свою; Люцернъ, Лозанна, Гларусъ, Солотурнъ, Цугъ и др. слѣдуютъ этому примѣру, при чемъ частныя лица приходятъ на помощь государству, не имѣющему на то достаточныхъ средствъ: характерное указаніе на умственныя потребности достаточныхъ классовъ и на желанную и плодотворную жажду образованія.

Къ счастью эти благодѣтельныя стремленія обладаютъ способностью заражать и распространяться; они изгоняютъ рутину и вліяютъ на матерьяльное благосостояніе страны; такимъ-то образомъ Швейцарія, почва которой очень бѣдна по сравненію съ другими государствами, достигла въ настоящее время замѣчательнаго общаго благосостоянія. И даже въ самой Швейцаріи тѣ города, въ которыхъ находятся высшія учебныя заведенія, или тѣ, которые находятся въ кругу вліянія первыхъ, развились и обогатились гораздо прочнѣе и сильнѣе, чѣмъ другіе. Эти результаты стали особенно очевидны въ девятнадцатомъ вѣкѣ; но причины ихъ слѣдуетъ отнести къ восемнадцатому вѣку. На это слѣдовало указать, потому что мы очень склонны забывать труды нашихъ предшественниковъ.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь слова Араго: «Великъ былъ тотъ вѣкъ, когда путешественникъ могъ въ одинъ день сдѣлать визиты Соссюру, Галлеру, Жанъ-Жаку и Вольтеру».

Однако набросанная нами блестящая картина имѣла и тѣневыя стороны. Умственное движеніе восемнадцатаго вѣка облагодѣтельствовало только высшіе и средніе классы; народное образованіе было въ большомъ небреженіи. Трудно даже представить себѣ, чѣмъ были тогда первоначальныя и даже среднія школы. Правительства ими не интересовались и пре-

доставляли заботу о нихъ коммунамъ. Въ католическихъ кантонахъ обыкновенно священникъ исполнялъ обязанности школьнаго учителя; въ протестантскихъ кантонахъ школы часто содержались бывшими солдатами, иногда инвалидами, земледѣльцами или ремесленниками.

«Въ очень немногихъ коммунахъ», говоритъ M. Luginbuhl [1]), «были дома, выстроенные спеціально для школы. Классы обыкновенно находились въ узкой, душной комнатѣ, едва въ ростъ человѣка высоты, куда еле проникалъ лучъ солнца сквозь окна съ свинцовыми переплетами, покрытыя пылью. Закона объ обязательномъ посѣщеніи школъ не существовало, и онѣ посѣщались неправильно, а лѣтомъ только разъ въ недѣлю или по воскресеньямъ послѣ богослуженія. Работа школьника заключалась только въ задалбливаньи; каждый ученикъ громко училъ свой урокъ, потомъ отвѣчалъ его, и ему задавался новый. Отъ буквъ переходили къ слогамъ, потомъ къ словамъ. Никогда не давалось никакого объясненія. Съ лѣнивыми учитель прибѣгалъ къ розгѣ. Письму и пѣнію учили тѣмъ же способомъ, а также и ариѳметикѣ, если до нея доходили. Но дѣтей часто брали вонъ изъ школы прежде, чѣмъ они поспѣвали пройти самое необходимое. Только тамъ было болѣе полное образованіе, гдѣ преданному своему дѣлу пастору удавалось самому образовать молодого учителя».

Однако въ Цюрихѣ законъ 1719 г. обязалъ всѣ сельскія общины открыть хорошія школы; затѣмъ указомъ 1778 г. было вновь высказано поощреніе къ открытію первоначальныхъ школъ, число которыхъ достигло 600. Нигдѣ не было нормальныхъ школъ: кандидаты на должность учителей обучались обязанностямъ своей профессіи у приходскихъ пасторовъ. Однако два учрежденія занимались попутно приготовленіемъ учителей: монастырь Св. Урбана въ Люцернѣ и Ecoles de charité, основанныя въ Лозаннѣ въ 1726 г. на добровольныя пожертвованія; послѣднія снабдили учителями, «régents», болѣе ста деревень Ваадтланда. Въ 1772 г. въ Цюрихѣ была основана профессоромъ Леонардомъ Устери высшая школа для молодыхъ дѣвушекъ, и директриссой ея была назначена прекрасная женщина Сусанна Гроссвейлеръ.

Среднее образованіе было въ нѣсколько меньшемъ небреженіи; во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ существовали коллежи; въ Ваадтландѣ, напр., ихъ было около двѣнадцати. Но эти школы унаслѣдовали схоластическіе методы среднихъ вѣковъ; выдающуюся роль въ нихъ играла латынь, и преподаваніе было исключительно отвлеченное. Въ Бернѣ Галлеръ, Фелленбергъ и Зиннеръ пытались преобразовать преподаваніе; были открыты два параллельныхъ заведенія: гимназія для молодыхъ людей, пред-

[1]) См. Vie de Ph.-Alb. Stapfer.

назначавшихъ себя для ученой карьеры, и реальное училище для всѣхъ, кто желалъ посвятить себя торговлѣ и ремесламъ. Въ 1774 г. Соссюръ, какъ мы видѣли, вызвалъ открытіе реальнаго училища въ Женевѣ.

И въ другихъ мѣстахъ происходило подобное же движеніе въ теченіе восемнадцатаго вѣка: Базель преобразовалъ свои школы; Шаффгаузенъ, Люцернъ, Солотурнъ, Цугъ, Невшатель и др. стараются улучшить методы образованія юношества; въ 1781 г. Стансъ основалъ коллежъ. Въ Граубюнденѣ два благодѣтельныхъ человѣка, Планта и Неземанъ, основали въ Гальденштейнѣ заведеніе по идеямъ Руссо и Базедова; въ этомъ заведеніи получили образованіе Фридрихъ и Амедей де Ла Гаршъ, Рейнгардъ, будущій цюрихскій бургомистръ, и нѣсколько другихъ выдающихся людей той эпохи; впослѣдствіи пансіонатъ былъ перенесенъ въ замокъ Рейхенау; въ числѣ его профессоровъ былъ герцогъ Орлеанскій (Луи-Филиппъ).

Мы не можемъ обойти молчаніемъ особенное проявленіе національной жизни въ восемнадцатомъ вѣкѣ, такъ оно характерно, и къ тому же и Швейцарія присоединяется въ свою очередь къ нему въ концѣ девятнадцатаго вѣка; мы говоримъ о народныхъ драматическихъ представленіяхъ. Намъ кажется нелишнимъ представить очеркъ этого интереснаго явленія, послѣ того какъ мы описали интеллектуальное, литературное и научное движеніе въ различныхъ частяхъ нашего отечества.

Хотя Вольтеру и удалось добиться открытія театра въ городѣ Кальвина, женевцы, какъ и вообще швейцарцы, не обладали драматической жилкой. Это искусство, ввезенное къ намъ изъ-за границы всегда только прозябало даже въ наиболѣе богатыхъ нашихъ городахъ; гельветская почва не произвела ни одного замѣчательнаго драматурга. Единственныя достойныя упоминанія попытки, въ которыхъ національный геній проявился оригинально, состояли въ сельскихъ празднествахъ или въ народныхъ представленіяхъ, даваемыхъ на открытомъ воздухѣ въ память какого нибудь историческаго событія. Такъ, напримѣръ, праздникъ товарищества виноградарей, отпразднованный въ Вэвэ въ 1783 г., и праздники свободы, отпразднованные въ Артѣ въ 1784 г.

Происхожденіе праздника виноградарей очень древнее, но оно мало изслѣдовано, такъ какъ архивы товарищества были уничтожены пожаромъ въ 1688 г.; предполагали, что они основаны монахами Отрива или монахами Окре, разведшими виноградники Фавержа и Дезалей: преданіе говоритъ, что они праздновали первые сборы винограда шествомъ, пѣніемъ и танцами; виноградари украшали себя виноградными листьями, иные изображали Ноя, другіе—Бахуса. Въ подражаніе виноградарямъ и жнецы пожелали имѣть свои празднества, и вскорѣ оба праздника слились въ одинъ. Реформація не тронула этого обычая и поступила умно:

успѣхъ земледѣльца и виноградаря не всегда отвѣчаетъ ихъ тяжелому и упорному труду; они покорно принимаютъ несчастія, лишающія ихъ иной разъ плодовъ ихъ труда; поэтому справедливо позволить имъ нѣсколько минутъ веселаго отдыха, когда ихъ труды увѣнчались хорошей жатвой.

Съ теченіемъ времени этотъ праздникъ потерялъ свою первоначальную простоту. Но, какъ говоритъ старшина Бридель, оставившій намъ описаніе праздника 20-го августа 1783 г. [1]), «украшеніе никогда не портитъ красивой женщины». Рядомъ съ Бахусомъ и Ноемъ появились Церера, Вулканъ, колесница циклоповъ, фавны и вакханки, сатиры, старый Селенъ, шатающійся на своемъ ослѣ, ханаанская гроздь, несомая двумя сильными молодцами, группы жнецовъ и виноградарей, исполняющія въ своихъ рабочихъ костюмахъ характерные балеты и гимны природѣ. Это причудливое смѣшеніе воспоминаній, заимствованныхъ изъ священной исторіи и изъ миѳологіи, шокируетъ на первый взглядъ; но оно производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе на зрителей, которымъ удалось присутствовать на одномъ изъ этихъ представленій въ обширномъ амфитеатрѣ Вэвэ, подъ яркимъ небомъ, среди роскошной природы. Праздникъ виноградарей представляетъ идеализацію сельской жизни; передъ глазами зрителей проходятъ наивные миѳы древнихъ; онъ связываетъ современные обычаи съ древними; онъ свидѣтельствуетъ объ упорномъ трудѣ земледѣльца, его постоянныхъ заботахъ и объ его законной радости, когда трудъ доведенъ до счастливаго конца. Въ аллегорической и нѣсколько пантеистической формѣ это есть прославленіе кормилицы-земли, гимнъ миру и отчизнѣ. Политическія соображенія отсутствуютъ въ этихъ празднествахъ; въ нихъ чествуется не эгоистическая борьба человѣка съ человѣкомъ, но любовь крестьянина къ землѣ, ставшей плодородной, благодаря его упорнымъ трудамъ. Ваадтландцы, въ которыхъ простосердечіе не исключаетъ тонкости ума, являются въ эти часы счастливымъ, сентиментальнымъ народомъ, скорѣе лирическимъ, чѣмъ драматическимъ; обладая консервативными нравами и пожалуй менѣе другихъ интересуясь политическими вопросами, они нашли въ этихъ представленіяхъ родъ артистическаго проявленія, весьма подходящаго къ ихъ генію. Патріотическая драма была разыграна въ Артѣ, въ кантонѣ Швицъ въ 1784 г. Сравненіе ея съ праздникомъ въ Вэвэ въ 1783 г. указываетъ на различіе въ обычаяхъ и идеяхъ господствовавшихъ въ Лѣсныхъ кантонахъ и въ романдской странѣ. На мѣсто земледѣльцевъ съ ихъ рабочими орудіями, поющихъ гимнъ миру, во главѣ официальныхъ кортежей выступаютъ военные герои подъ звуки воинственной музыки; за ними геній Гельвеціи, держащій одной рукой щитъ съ

[1]) Conservatur suisse, t. I.

эмблемами тринадцати кантоновъ, а въ другой копье, на которое надѣта шляпа свободы; группа пастуховъ, вооруженныхъ палицами, и отрядъ стрѣлковъ; Вильгельмъ Телль и его сынъ; три освободителя: Штауффахеръ, Мельхталь и Фюрстъ; Конрадъ Баумгартнеръ; слуги Гесслера, несущіе на пикѣ шляпу своего господина; наконецъ, депутаты тринадцати кантоновъ, предшествуемые каждый знаменщикомъ и герольдомъ въ соотвѣтственныхъ костюмахъ. Актеры располагаются на подмосткахъ, и представленіе начинается прологомъ, въ которомъ геній Гельвеціи прославляетъ въ стихахъ благодѣянія свободы. Въ послѣдующихъ пяти актахъ изображаются различные эпизоды или легенды изъ исторіи Лѣсныхъ кантоновъ: какъ австрійскій правитель захватываетъ домъ Штауффахера; отказъ Телля поклониться шляпѣ Гесслера; какъ приверженцы ландфогта завладѣваютъ быками Мельхталя; союзъ трехъ кантоновъ и въ заключеніе Станцскій сеймъ. Спектакль заканчивается рѣчью генія Гельвеціи, въ которой онъ приглашаетъ присутствующихъ сохранять въ своемъ сердцѣ любовь къ родинѣ и ея старинныя добродѣтели.

Швейцарцы всегда выказывали особенное предпочтеніе къ такого рода празднествамъ, составляющимъ часть ихъ національныхъ традицій; въ послѣдніе годы подобнаго рода представленія были даны въ Мерелѣ, Бернѣ, Швицѣ, Аваншѣ, Грансонѣ, Невшателѣ и др. Аудиторія состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ тысячъ зрителей, полныхъ энтузіазма и одушевленныхъ сильнымъ патріотическимъ чувствомъ; они пришли апплодировать этимъ импровизированнымъ актерамъ, исполняющимъ свои роли вполнѣ добросовѣстно и чрезвычайно серьезно. И актеры и статисты черпаютъ вдохновеніе въ своемъ патріотизмѣ и смотрятъ на свое участіе въ дѣйствіи какъ на нѣкотораго рода священнодѣйствіе: поэтому эти спектакли производятъ особенно сильное впечатлѣніе и оставляютъ въ зрителяхъ неизгладимое воспоминаніе.

Здѣсь не даются драмы въ собственномъ смыслѣ слова, и единство дѣйствія въ общемъ отсутствуетъ; интересъ этихъ драмъ заключается не въ игрѣ страстей; забота о психологической вѣрности не играетъ въ нихъ никакой роли, и женскія роли стоятъ на второмъ планѣ. Пьеса состоитъ изъ ряда эпизодовъ, заимствованныхъ изъ исторіи, изъ легендъ, изъ національныхъ обычаевъ и способныхъ усилить патріотическое чувство. Танцы и хоры, а также живописные костюмы придаютъ этимъ празднествамъ артистическій характеръ. Наивность, доброе желаніе, умная передача, взаимное пониманіе, быстро устанавливающееся между актерами и публикой—качества, встрѣчающіяся только въ народѣ съ молодымъ сердцемъ—все это придаетъ этимъ развлеченіямъ особенную прелесть, заставляющую извинять неопытность актеровъ и цѣнить ихъ грубый акцентъ. И затѣмъ

конечно большую роль въ успѣхѣ играетъ декорація изъ горъ или луговъ, на фонѣ которой разыгрывается спектакль; въ самомъ дѣлѣ, сцена происходитъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ, часто въ грандіозномъ ландшафтѣ; а, какъ мы говорили выше, «швейцарецъ всегда любилъ свои озера и свои долины, лицезрѣніе которыхъ необходимо для его веселья», и поэтому, если бы публика была заперта въ театрѣ, спектакль навѣрное лишился бы одного изъ главныхъ элементовъ своего успѣха.

Искусствами съ успѣхомъ занимались въ Швейцаріи въ шестнадцатомъ вѣкѣ; они опять подымутся въ девятнадцатомъ вѣкѣ; но они были въ большомъ небреженіи въ ту эпоху, которая насъ занимаетъ въ настоящій моментъ, такъ какъ условія для занятія ими были неблагопріятны; впрочемъ тоже замѣчается въ большей или меньшей степени и въ другихъ странахъ Европы. Реформація, побудившая къ исканію истины, совсѣмъ не поощряла исканія прекраснаго; въ этомъ отношеніи она подражала еврейскому законодателю, боявшемуся, чтобы рѣзныя и нарисованныя изображенія божества не отвратили вѣрныхъ отъ истиннаго Бога и не подвигнули бы ихъ къ идолопоклонству. Украшенія и картины были изгнаны изъ храмовъ, а такъ какъ монастыри и церкви были раньше главными заказчиками художниковъ и скульпторовъ, то искусство послѣднихъ оказалось въ опасности.

Понятно, что при такихъ условіяхъ художники были весьма немногочисленны, и что многіе изъ нихъ отправились искать счастья за границу Такъ въ числѣ другихъ и Яковъ-Антоній Арло, семья котораго была родомъ изъ Оверни; онъ родился въ Женевѣ въ 1668 г. и туда же вернулся на закатѣ своей жизни въ 1746 г., пріобрѣвши нѣкоторую извѣстность во Франціи и въ Англіи. Его спеціальностью были портреты миніатюры; его главными произведеніями были Магдалина, Святая семья и Леда; послѣднюю картину онъ уничтожилъ изъ религіозныхъ соображеній. Жанъ Дассье (1676—1763) и его сынъ Жакъ-Антуанъ Дассье (1715—1760), родомъ изъ Женевы, были очень цѣнимы какъ граверы медалей и въ своемъ родномъ городѣ и во Франціи, Англіи и Россіи. Той же спеціальностью съ успѣхомъ занимался І. К. Гедлингеръ (1691—1771); онъ родился въ Швицѣ, учился въ Нанси и Парижѣ и работалъ въ Швеціи, Италіи и Россіи. Жанъ-Этьенъ Ліотаръ, родившійся въ 1702 г., былъ превосходнымъ миніатюристомъ, живописцемъ на эмали и особенно пастельнымъ портретистомъ. Онъ учился живописи въ Парижѣ, сопровождалъ маркиза де Пюизье къ Неаполитанскому двору, посѣтилъ Римъ, Турцію, послѣ чего сталъ носить турецкій костюмъ, Австрію, Англію, Голландію, а на старости лѣтъ вернулся въ Женеву, гдѣ умеръ въ 1789 г.

Въ Цюрихѣ Іоганнъ-Гаспаръ Фуссли (1707—1781) отличался какъ

пейзажистъ, портретистъ и художественный критикъ. Его братъ, Іоганнъ-Рудольфъ Фуссли (1709—1795) учился въ Парижѣ и пріобрѣлъ репутацію хорошаго миніатюриста и гравера; одинъ изъ его сыновей Іоганнъ-Рудольфъ (1737—1806) былъ извѣстенъ какъ живописецъ, геометръ, инженеръ и писатель; онъ занималъ высокое положеніе при дворѣ Іосифа II. Другой его сынъ, Іоганнъ-Генрихъ (1738—1825) поселился сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ занялъ мѣсто среди великихъ артистовъ той эпохи; онъ былъ сначала профессоромъ, а потомъ директоромъ Академіи художествъ. Будучи поклонникомъ Шекспира, Мильтона и Клопштока, онъ вдохновлялся ихъ произведеніями; ему нравилось изображать глубокія чувства и страшныя сцены, и у него былъ особенный талантъ къ воплощенію метафизическихъ идей; сначала публика была поражена своеобразностью его произведеній, но потомъ ему удалось завоевать ея восхищеніе.

Граубюнденъ гордится своей художницей Анжеликой Кауфманъ (1741—1801), талантъ которой рано проявился и пріобрѣлъ блестящую извѣстность. Ея полотна, отличающіяся особенной элегантностью, граціей и благородствомъ, были написаны или въ Англіи, или въ Италіи. Два шаффгаузенца, Мозеръ и Шлахтъ, пріобрѣли болѣе скромную извѣстность.

Въ области искусствъ романдская Швейцарія была, кажется, въ ту эпоху болѣе плодородна, чѣмъ нѣмецкая Швейцарія. Кромѣ названныхъ уже артистовъ упомянемъ еще: ваадтландскаго гравера Исаака-Іакова Лакруа, родившагося въ Пайернѣ въ 1751 г. и его друга пейзажиста Абр. Л. Р. Дюкро, родившагося въ Ивердонѣ въ 1745 г., но проведшаго большую часть своей жизни въ Италіи; ихъ современника І. С. Л. Піо, родившагося въ Лозаннѣ, въ 1743 г.; онъ развилъ свои таланты безъ помощи учителя и проявилъ ихъ на различныхъ поприщахъ. Акварелистъ Фр. Кезерманъ, родившійся въ Ивердонѣ въ 1765 г., работалъ въ Римѣ; его ученикомъ былъ пейзажистъ Францискъ Кнебель, родившійся въ Сарракѣ въ 1789 г.; наконецъ акварелистъ І. К. Мюлленеръ, родившійся въ Лозаннѣ въ 1768 г. и сдѣлавшій, подобно большинству своихъ собратьевъ, карьеру въ Италіи. На ряду съ этими артистами—ваадтландцами, слѣдуетъ упомянуть еще двухъ: миніатюриста Луи-Ами Арло, родившагося въ Женевѣ въ 1751 г., занимавшагося своимъ искусствомъ въ Парижѣ, Италіи, Англіи и въ своемъ родномъ городѣ и заслужившаго извѣстность элегантностью и колоритностью своихъ портретовъ; пейзажиста Пьера-Луи де ла Ривъ, родившагося въ Женевѣ въ 1753 г., котораго считаютъ основателемъ женевской школы.

Инженерное искусство имѣло выдающагося представителя въ лицѣ І. Р. Перроне, родившагося въ Сюренѣ близъ Парижа въ 1708 г.; его

отецъ былъ вэвейскимъ буржуа и офицеромъ французской службы. Его таланты были такъ высоко цѣнимы въ его пріемной родинѣ, что, когда французское правительство рѣшило основать инженерное училище (école des ponts et chaussées), Перроне былъ назначенъ его директоромъ.

Въ продолженіе XVIII-го вѣка было построено много значительныхъ храмовъ, преимущественно въ католической Швейцаріи. Между прочимъ назовемъ: церковь Св. Урсина въ Солотурнѣ, построенную тессинскими архитекторами Маттео Каэтано и Паоло Антоніо Пизони; церкви въ Швицѣ, Сенъ-Галленѣ, Мури, Артѣ, Сарненѣ, Стансѣ, Нефельсѣ, а также протестантскія церкви въ Горгенѣ, въ ла Шо-де-Фонъ, Клотенѣ, Моржѣ и др. Стиль этихъ зданій такъ называемый рококо, бывшій въ большой модѣ въ XVIII в. и характеризующійся избыткомъ украшеній съ закругленными линіями. Въ то же время многіе монастыри реставрировали или заново перестроили свои зданія, такъ Эйнзидельнъ, Рейнау, Энгельбергъ, Сенъ-Галленъ, Пфефферсъ, Отривъ и др. Эти зданія построены по большей части въ итальянскомъ стилѣ: расположеніе частей симметрично, орнаменты—просты, залы, лѣстницы и вестибюли—просторны—вотъ ихъ общія черты.

Гражданская архитектура сдѣлала большіе успѣхи въ восемнадцатомъ вѣкѣ; дома богатыхъ буржуа, хотя и скромныхъ размѣровъ, становятся красивыми; фасады просты, но со вкусомъ и носятъ гармоническій отпечатокъ, такъ что прохожіе охотно останавливаютъ на нихъ свои взоры. Внутреннее ихъ расположеніе имѣетъ въ виду пріемы: просторныя прихожія и красивыя лѣстницы ведутъ въ обширныя, элегантно убранныя комнаты. Въ ту эпоху существовали искусные мастера, не имѣющіе преемниковъ; въ настоящее время пытаются имъ подражать; желѣзныя издѣлія, между прочимъ перила лѣстницъ и рѣшетки, были исполнены со тщательностью, достойной похвалы.

Изъ всѣхъ искусствъ меньше всего Швейцарія блистала въ музыкѣ, въ которой особенно мало преуспѣвала романдская страна. Дѣло въ томъ, что къ числу многочисленныхъ достоинствъ горцевъ не принадлежитъ природное веселье; горецъ проявляетъ мало чувства. Однако пастухи Аппенцелля пользуются, благодаря своему «іодлю», репутаціей хорошихъ пѣвцовъ, а жители Грюйера передаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе меланхоличную пѣсню «Ranz des vaches», которую охотно напѣваютъ швейцарцы за границей, вспоминая о своей далекой родинѣ. Но эти отдѣльныя и туманныя проявленія не составляютъ еще національнаго искусства; впрочемъ и во всѣхъ странахъ музыка отстала отъ другихъ искусствъ. Въ наше время было сдѣлано многое для развитія музыкальности въ нашихъ кантонахъ и въ общемъ успѣшно.

Къ серьезному характеру швейцарскаго народа наиболѣе подходятъ религіозныя и патріотическія мелодіи; ими и дебютировали въ восемнадцатомъ вѣкѣ люцернскій композиторъ Мейеръ де Шауензе и цюрихскій пасторъ Шмидлинъ изъ Вецикона; послѣдній положилъ на музыку швейцарскія «Пѣсни» Лафатера и сочинилъ нѣсколько духовныхъ кантатъ; по тѣмъ же стопамъ пошелъ позднѣе его согражданинъ Г. Негели.

Прогрессъ идей имѣлъ слѣдствіемъ прогрессъ въ нравахъ; въ нѣдрахъ народовъ произошли измѣненія, усилившія контрастъ между политическимъ и соціальнымъ режимомъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ.

Около 1720 г. произошла значительная перемѣна въ общественной жизни многихъ швейцарскихъ городовъ, вслѣдствіе того, что многія частныя лица составили себѣ значительныя состоянія, благодаря различнымъ причинамъ. Французскіе и итальянскіе эмигранты, особенно поселившіеся въ Женевѣ, искусно спекулировали на государственныя бумаги во время различныхъ фазъ, проходимыхъ финансовой системой Ло, но между тѣмъ какъ во Франціи эта система привела къ катастрофѣ, женевцы во-время сумѣли отразить ударъ и сохранили пріобрѣтенныя ими состоянія; въ это время были построены въ Женевѣ красивые дома въ улицѣ des Grandes, возвышающіеся надъ promenade de la Treille.

И на долю нѣмецкихъ швейцарцевъ выпала не меньшая удача, особенно на долю сенъ-галленцевъ: они накопили большія имущества изъ доходовъ съ промышленности и торговли ситцами. Новые богачи, съ осторожностью, дѣлающей честь ихъ уму, поспѣшили пріобрѣсти значительныя сеньеральныя помѣстья въ Ваадтландѣ, найдя такимъ образомъ вѣрное мѣсто для своихъ сбереженій. Ваадтландское дворянство, слишкомъ бѣдное для того, чтобы сохранить свои земли, бросало ихъ и поселялось въ прибрежныхъ городкахъ; на мѣстѣ старыхъ, полуразрушенныхъ жилищъ были выстроены современные замки: Коппе, Пранженъ, Сенъ-Сафоренъ, Вюльеранъ, Илль и др.; затѣмъ произошло сліяніе между старой, природной аристократіей и новыми баловнями фортуны; изъ этого смѣшенія выросло общество болѣе элегантное, болѣе просвѣщенное, любящее искусство и науку и гостепріимное къ иностранцамъ, съ которыми оно было въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Отъ соприкосновенія съ большими состояніями появилось довольство даже въ скромной средѣ, благодаря жизни, которую они сообщаютъ торговлѣ, и потому что заставляютъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ отказаться отъ рутины, открывая имъ новые рынки. Въ началѣ восемнадцатаго вѣка поля западной Швейцаріи представляли печальный видъ запущенности по сравненію съ полями центральной Швейцаріи, но вскорѣ происходитъ счастливая перемѣна: поощреніе, встрѣчаемое трудомъ, и успѣхи

въ сельскомъ хозяйствѣ заставляютъ исчезнуть безпорядокъ и грязь; деревни, окруженныя веселыми виноградниками, становятся красивѣе благодаря постройкѣ болѣе богатыхъ домовъ, земледѣльческіе пріемы усовершенствуются.

И въ этой области, какъ въ другихъ, примѣръ, товарищество, распространеніе просвѣщенія подъ вліяніемъ духовенства и ревнителей общественнаго блага, производятъ могучее дѣйствіе. Проникнутый сознаніемъ этого, одинъ бернскій филантропъ, Іоганнъ-Рудольфъ Чиффели, основалъ въ своемъ родномъ городѣ, въ 1759 г., экономическое общество, главной цѣлью котораго было изученіе задачъ земледѣлія; это общество сдѣлало воззваніе къ патріотизму всѣхъ классовъ и собрало въ своихъ нѣдрахъ членовъ правленія, священниковъ и агрономовъ; предложенныя имъ преміи и распространяемые имъ трактаты на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ способствовали популяризаціи полезныхъ идей и вызвали полезное соревнованіе. Оно ввело въ западной Швейцаріи разведеніе клевера, люцерны, эспарцета, картофеля; искуственное орошеніе луговъ и другія плодотворныя нововведенія; оно обратило также вниманіе на законодательство, политическую экономію, промышленность, торговлю и соціальные вопросы. Подобнаго рода общества скоро образовались во многихъ кантонахъ: въ Бернѣ, Ваадтландѣ, Солотурнѣ, Фрейбургѣ, Шаффгаузенѣ, Граубюнденѣ. Его примѣру послѣдовали также въ Германіи и во Франціи.

Голодъ 1771 г. далъ полезный толчокъ земледѣлію: исчезло предубѣжденіе противъ картофеля; благодаря чему Швейцарія стала менѣе зависима отъ своихъ сосѣдей, и оказалось невозможнымъ повтореніе бѣдствія, сопровождавшаго этотъ неурожай. Многіе кантоны, съ Берномъ во главѣ, ввели систему общественныхъ продовольствія и запасовъ. Торговля скотомъ расширилась; швейцарскіе сыры Грюйера и Эмменталя, употреблявшіеся прежде только на мѣстѣ, пріобрѣли извѣстность и сбытъ въ городахъ и за границей.

За то множество препятствій стѣсняли долгое время свободное развитіе торговли и промышленности въ Швейцаріи; запретительные законы мѣшали ввозу иностранныхъ товаровъ и вывозу сырыхъ матеріаловъ. Фабриканты Внѣшнихъ Родъ въ Аппенцеллѣ — разбогатѣвшіе впослѣдствіи, распространивъ кругъ своей дѣятельности на самые различные климаты— требовали въ началѣ восемнадцатаго вѣка, чтобы правительство помѣшало ихъ согражданамъ выѣзжать изъ своей страны съ цѣлью устройства для иностранцевъ и швейцарцевъ фабрикъ въ другихъ кантонахъ или въ другихъ странахъ. Буржуа Цюриха и Базеля удалось монополизировать въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность своихъ кантоновъ; одинъ базельскій указъ, возобновленный въ 1749 г., устанавливалъ число кожe-

венныхъ заводовъ, дозволенныхъ въ деревнѣ, и заставлялъ ихъ владѣльцевъ платить цеху городскихъ кожевниковъ пошлину, подобную той, которую листальскіе сапожники платили базельскимъ сапожникамъ.

Тѣмъ не менѣе въ бернскомъ кантонѣ появились фабрики драпа, бархата, лентъ, полотенъ и шелковъ. Промышленность распространилась и въ малыхъ кантонахъ, бывшихъ до сего времени исключительно земледѣльческими; а именно въ видѣ: бѣленъ, красиленъ, черепичныхъ, пильныхъ, гипсовыхъ и кожевенныхъ заводовъ, фабрикъ замши и ткацкихъ. Леодгаръ Зальцманъ, Энгельбергскій аббатъ, 1769—1798 г., изгналъ изъ своихъ владѣній бѣдность и нищенство, устроивъ въ своей долинѣ ткацкія мастерскія и шелковыя и бумажныя прядильни. Болѣе значительныя мануфактуры Цюриха, Сенъ-Галлена, Гларуса и Аппенцелля чрезвычайно расширились во второй половинѣ восемнадцаго вѣка; онѣ доставляли товаръ на рынки Швейцаріи, Италіи, Германіи, Польши, Голландіи, Россіи и Скандинавіи. Ни одна швейцарская фирма не могла сравняться по духу предпріимчивости съ фирмой Цельвегеръ изъ Трогена; у нея были отдѣленія во Франціи и въ Италіи, и она была въ торговыхъ сношеніяхъ съ Даніей, Испаніей, Польшей, Россіей и Америкой. Базель, въ которомъ тоже развивались важныя отрасли промышленности, еще болѣе разбогатѣлъ отъ своей торговли: будучи пунктомъ сліянія дорогъ изъ Франціи, Германіи и Италіи, связанный Рейномъ съ большими приморскими портами, онъ представлялъ прекрасное складочное мѣсто.

Соперничество иностранцевъ заставило швейцарскихъ промышленниковъ удвоить свои старанія. Такъ какъ Франція запретила ввозъ ихъ ситцевъ, они замѣнили ихъ кисеей; когда была запрещена и кисея, они стали искать новыхъ рынковъ. Когда Шотландія и Ирландія начали прясть бумагу съ помощью машинъ, они стали фабриковать англійскія машины. Когда не было работы въ мастерскихъ, работникъ и работница возвращались къ полевымъ работамъ, отъ которыхъ они не поспѣвали отвыкнуть. Въ деревняхъ долго существовала эта одновременность труда и поддерживала здоровье и благосостояніе; въ городскихъ центрахъ, гдѣ она была невозможна, торговый застой тяжелѣе было переносить.

Въ 1679 г. важное событіе совершилось на другомъ концѣ Швейцаріи, въ невшательской Юрѣ; молодой кузнецъ, Даніилъ Жанришаръ, которому попались въ руки часы, механизмъ которыхъ остановился, взялъ на себя смѣлость исправить ихъ; ему это удалось, и онъ изобрѣлъ инструменты, необходимые для фабрикаціи часовъ: такимъ образомъ, въ этихъ суровыхъ и безплодныхъ горахъ возникло часовое мастерство. Сто лѣтъ спустя Локль и Шо-де-Фонъ фабриковали ежегодно для вывоза сорокъ тысячъ золотыхъ и серебряныхъ часовъ. Къ серединѣ восемнадцатаго вѣка

часовыхъ дѣлъ и золотыхъ дѣлъ мастерство распространилось и въ Женевѣ. Женевскіе промышленники основали также торговыя отдѣленія и банки во Франціи, Голландіи, Германіи, Англіи и Россіи. Составивъ себѣ состояніе, они возвращались провести остатокъ дней на родинѣ и, тратя въ Швейцаріи доходы съ имущества, пріобрѣтеннаго за границей, они обогащали своихъ согражданъ.

Расширеніе торговли повлекло за собой улучшеніе путей сообщенія. Примѣръ подалъ Бернъ, которому удалось вывести разбой, который еще въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка опустошалъ нѣкоторыя большія дороги, между прочимъ и ту, которая проходитъ черезъ Жора; въ 1702 и 1703 гг. двадцать три разбойника были за живо колесованы въ Види; одинъ самоотверженный священникъ, дѣятельность котораго подобна дѣятельности Оберлина, пасторъ І. П. де Луа, способствовалъ своимъ рвеніемъ цивилизаціи этой страны. Ури, при посредствѣ дорожной пошлины, пробилъ скважину Ури, недалеко отъ Чертова моста и тѣмъ облегчилъ доступъ къ Готарду. Князь-аббатъ Сенъ-Галленскій, не взирая на сопротивленіе своихъ буйныхъ подданныхъ, обезпечилъ имъ, цѣною большихъ жертвъ, сношенія съ Германіей: онъ построилъ дорогу отъ Виля къ озеру, освободивъ ихъ отъ необходимости проходить черезъ Констанцъ, которая причинила имъ много неудобствъ во время неурожая 1771 г. Благодаря этимъ примѣрамъ, между правительствами возникло благородное соревнованіе, и со всѣхъ сторонъ были сдѣланы попытки привести дороги въ состояніе, удовлетворяющее торговымъ потребностямъ.

Изъ этого очерка можно заключить, что, несмотря на внутренній разладъ, швейцарцы достигли въ восемнадцатомъ вѣкѣ во всѣхъ областяхъ успѣховъ, отъ которыхъ еще чувствительнѣе былъ ихъ политическій упадокъ, и подготовили почву для лучшихъ дней. Однако, для того, чтобы гельветскій союзъ уступилъ мѣсто настоящей конфедераціи, и чтобы пробудилось чувство солидарности, существовавшее до реформы, необходимъ былъ кризисъ и даже рядъ кризисовъ. Швейцарія должна была пережить эпоху чрезвычайно тяжелыхъ, но полезныхъ испытаній, такъ какъ она вышла изъ нихъ помолодѣвшей и окрѣпшей.

Хронологическій указатель.

1452. Дарованіе вольностей городу Базелю императоромъ Фридрихомъ III, ст. 312.
1465. Открытіе типографіи въ Мури каноникомъ Ильей фонъ Лауфонъ, ст. 32.
1468. Берхтольдъ Руппель основываетъ первую типографію въ Базелѣ, ст. 32.
1475. Открытіе типографіи въ Бургдорфѣ, ст. 32.
1476. Открытіе типографіи въ Цюрихѣ, ст. 32.
1478. Открытіе типографіи въ Женевѣ, ст. 32.
1481. Открытіе типографіи въ Ружмонѣ, ст. 32.
1500. Открытіе типографіи въ Сурзе, ст. 32.
1517. Начало реформы въ Германіи, ст. 7.
1518. Цвингли приглашенъ на должность священника въ Цюрихъ, ст. 56.—Продажа индульгенцій, предпринятая въ Швейцаріи доминиканцемъ Самсономъ, воспрещена констанцскимъ епископомъ по настоянію Цвингли, ст. 59.
1519. Чума въ Цюрихѣ, ст. 60.
1522. Начало реформы въ Цюрихѣ, ст. 64.—Битва при Ла Бикокѣ, ст. 65.
1523 Диспутъ въ Цюрихѣ, ст. 69, 72.—Начало реформы въ Бернѣ, ст. 78.
1524. Уничтоженіе образовъ въ цюрихскихъ церквахъ, ст. 72.
1525. Битва при Павіи, ст. 76.—Приговоръ Ваадтландскихъ штатовъ противъ учениковъ Лютера, ст. 101.
1526. Баденскій диспутъ, ст. 74, 78.
1527. Заключеніе лиги христіанскаго согражданства между Цюрихомъ, Констанцемъ, Берномъ, Сенъ - Галленомъ, Билемъ, Мюльгаузеномъ, Базелемъ и Шаффгаузеномъ, ст. 85.
1528. Бернскій диспутъ, ст. 79.
1529. Уничтоженіе мессы въ Базелѣ, Шаффгаузенѣ, Сенъ-Галленѣ и Мюльгаузенѣ, ст. 80—82.—Первая Каппельская война, ст. 87.
1530. Походъ бернцевъ противъ герцога Савойскаго, Сенъ-Жюльенскій договоръ, ст. 104. — Уничтоженіе мессы въ Невшателѣ, ст. 103.
1531. Вторая Каппельская война, смерть Цвингли, ст. 92—94.
1532. Образованіе евангелической конгрегаціи въ Пайернѣ, ст. 101.—Проповѣдь Фромана въ Женевѣ, ст. 105
1533. Женевскій епископъ покидаетъ этотъ городъ, ст. 105.
1535. Уничтоженіе мессы въ Женевѣ, ст. 105.
1536. Завоеваніе Ваадтланда бернцами, ст. 107.—Лозаннскій диспутъ, ст. 113.—Основаніе ордена капуциновъ въ Швейцаріи, ст. 147.—Прибытіе Кальвина въ Женеву, ст. 120.
1537. Основаніе Лозаннской академіи, ст. 115.
1538. Женевцы изгоняютъ Кальвина изъ Женевы, ст. 123.
1540. Возвращеніе Кальвина въ Женеву, ст. 124.
1545—1558. Тріентскій соборъ, ст. 140, 146 и сл.

1554. Федеральные комиссары объявляютъ о несостоятельности графа де Грюйеръ, бернцы и фрейбуржцы завладѣваютъ его землями, ст. 144.
1555. Члены евангелической общины въ Локарно, изгнанные изъ этого города, находятъ убѣжище въ Цюрихѣ, ст. 145.
1559. Бернское правительство смѣщаетъ профессоровъ Лозаннской академіи и нѣсколькихъ членовъ изъ ваадтландскаго духовенства, ст. 137.—Основаніе Женевской академіи, ст. 138.
1562. Битва при Дрё, ст. 153.
1564. Лозаннскій договоръ, возвращеніе страны Гексъ и Шабле герцогу Савойскому, ст. 152.
1566. Принятіе Гельветскаго исповѣданія, ст. 138.
1568. Изгнаніе іезуитовъ изъ Энгадина, ст. 210.
1569. Тононскій договоръ. Валлійцы возвращаютъ Тононъ и долину d'Abondance герцогу Савойскому, ст. 152.
1572. Евангелическіе кантоны принимаютъ жертвъ Варѳоломеевской ночи, ст. 156.
1574. Основаніе іезуитовъ въ Швейцаріи, ст. 154, 345.
1577. Люцернскій договоръ, союзъ между католическими кантонами и герцогомъ Савойскимъ, ст. 172.
1579. Солотурнскій договоръ, союзъ между Франціей, Берномъ и Солотурномъ, гарантирующій независимость Женевы и обезпечивающій бернцамъ завоеваніе Ваадтланда, ст. 172.
1583. Ніонскій договоръ между Берномъ и Савойей, ст. 181.
1586. Образованіе Золотой лиги или Борромейской лиги, ст. 154, 202.
1588. Заговоръ Исбранда д'О въ Лозаннѣ, ст. 174.
1589—1601. Занятіе женевцами страны Гексъ, ст. 185.
1602. Ліонскій миръ, присоединеніе страны Гексъ къ Франціи, ст. 186.—Попытки савойцевъ захватить Женеву (Эскалада), ст. 186.—Союзъ Генриха IV съ швейцарцами, ст. 211.
1603. Союзъ Граубюндена съ Франціей, ст. 211.
1620. Разгромъ Вальтелина, ст. 214.
1625. Завоеваніе Вальтелина французами, ст. 219.
1635. Походъ Рогана въ Граубюнденъ, ст. 225.
1639. Граубюнденцы вновь завладѣваютъ Вальтелиномъ, 225.
1653. Крестьянская война, 233.
1656. Первая Вильмергенская война, 241.
1660. Основаніе іезуитовъ въ Валлисѣ, 321.—Англійскіе цареубійцы ищутъ убѣжища въ Лозаннѣ и Веве, 252.
1663. Союзный договоръ съ Франціей, 245.
1665. Вмѣшательство евангелическихъ кантоновъ въ пользу ваадтландцевъ Пьемонта, 251.
1669. Кантонъ Цюрихъ рѣшаетъ не принимать новыхъ гражданъ, 316.
1679. Принятіе Consensus'a, дополнительнаго документа къ исповѣданію гельветской вѣры, 284.
1681. Установленіе списка родовъ патриціевъ въ Солотурнѣ, 320.
1682. Протестъ лозаннскихъ студентовъ противъ Consensus'a, 284.
1684. Установленіе списка родовъ патриціевъ въ Фрейбургѣ, 320.
1685. Отмѣна Нантскаго эдикта; пріемъ, сдѣланный Швейцаріей французскимъ эмигрантамъ, 253.—Базель отказывается требовать отъ своего духовенства подписи подъ Consensus'омъ, 288.
1687. Піемонтскіе ваадтландцы, изгнанные изъ своихъ долинъ, находятъ временное убѣжище въ Швейцаріи, 256.
1691. Базельское возстаніе, 311.
1698. Бернскій эдиктъ противъ противящихся Consensus'у, 285.
1700. Швейцарія заявляетъ о своемъ нейтралитетѣ, 258.
1704. Сраженіе при Бленгеймѣ (Гохштедское), 262.
1706. Женева отказывается требовать отъ своего духовенства присоединенія къ Consensus'у, 288.—Битва при Рамильи, 262.
1707. Смерть герцогини Немурской, 264.—Присужденіе Невшательскаго княжества Прусскому дому, 268.—Народные мятежи въ Женевѣ, 315.—Установленіе списка родовъ патриціевъ въ Люцернѣ, 320.

1708. Битва при Уденардѣ, 270.
1709. Битва при Мальплакѣ и Румерсгеймѣ. Конфедераты занимаютъ Базель, которому грозятъ воюющія стороны, 270.
1712. Битва при Дененѣ, 270.—Вторая Вильмергенская война, 271. — Аараускій миръ, 281.—Союзъ Берна съ голландскими генеральными штатами. 281.
1713. Демократическія движенія въ Цюрихѣ, 316.—Утрехтскій миръ. Признаніе Франціей за королемъ Прусскимъ званія князя Невшательскаго, 270.
1715. Секретный договоръ Франціи съ католическими кантонами, 282.
1718. Баденскій миръ, 321.
1723. Предпріятіе Давеля, 296.—Бернское правительство оставляетъ Consensus безъ употребленія, 290.
1725. Удлигеншвильская распря (Люцернъ и папа), 341.
1731. Мятежи въ Цугѣ, 325.
1733. Мятежи въ Базельскомъ епископствѣ, 327.
1734. Мятежи въ Сенъ-Галленѣ, 322.
1740. Занятіе Базеля французскими войсками, 328.
1744. Протестъ бернскихъ буржуа, 330.
1747. Суровыя мѣры, принятыя люцернскимъ правительствомъ противъ піетистовъ, 343.
1749. Заговоръ Генци въ Бернѣ, 330.
1755. Возстаніе Левентины, 330.
1757. Сраженіе при Росбахѣ, 355.
1758. Конфликты съ духовенствомъ въ Невшателѣ, 348.—Сраженія при Крефельдѣ, Зундерсгаузенѣ и Гохкирхенѣ, 355.
1764—1765. Мятежи въ Швицѣ, 336—337.
1764—1766. Конфликты между Люцерномъ и папой, 343.
1773. Уничтоженіе ордена іезуитовъ Климентомъ XIV, 345.
1777. Союзный договоръ между Франціей и Швейцаріей, 358.
1780. Отмѣна правъ на ярмарочные сборы и на наслѣдство иностранца, 359.

Указатель рисунковъ.

Фиг. 1. Портретъ Эразма, по Гольбейну, 28.
„ 2. Портретъ Парацельза, 30.
„ 3. Портретъ Жана Гольбейна, 35.
„ 4. Портретъ Николая Мануэля, 36.
„ 5. Швейцарскіе солдаты и прапорщикъ на службѣ у Франціи въ 1525 г., 42.
„ 6. Швейцарскій аллебардистъ, 44.
„ 7. Cent-suisse короля французскаго, 45.
„ 8. Капитанъ гвардейской швейцарской сотни короля французскаго, 46.
„ 9. Портретъ Цвингли, 50.
„ 10. Портретъ Пелликана, 51.
„ 11. Портретъ Вадіана, 53.
„ 12. Портретъ Ӧколампадія, 74.
„ 13. Портретъ Бертольда Галлера, 77.
„ 14. Портретъ Іоганна-Генриха Буллингера, 96.
Фиг. 15. Портретъ Вильгельма Фареля, 100.
„ 16. Портретъ Петра Вире, 104.
„ 17. Портретъ Іоганна Франциска Негели, 108
„ 18. Портретъ Жана Кальвина, 116.
„ 19. Портретъ Конрада Гесснера, 136.
„ 20. Портретъ Теодора де Бэза, 137.
„ 21. Портретъ Людовика Пфиффера, 153.
„ 22. Городъ Женева въ XVII вѣкѣ, 188.
„ 23. Образчики нѣкоторыхъ монетъ, бывшихъ въ обращеніи въ Швейцаріи въ XVI вѣкѣ, 203.
„ 24. Портретъ герцога Генриха Роганскаго, 224.
„ 25. Іоганнъ - Рудольфъ Ветштейнъ, 229.
„ 26. Образчики монетъ, бывшихъ

въ обращеніи въ Швейцаріи въ XVII вѣкѣ, 234.
Фиг. 27. Бернская галера XVII вѣка, 255.
„ 28. Портретъ герцогини Маріи Немурской, 264.
„ 29. Портретъ Христофора ф. Штейгеръ, 265.
„ 30. Швейцарскій аркебужчикъ въ 1647 г., 274.
„ 31. Швейцарскій аркебужчикъ въ 1647 г., 275.
„ 32 Швейцарскій аллебардщикъ 275.
Фиг. 33. Цюрихскіе фюзильеры 1706 году, 276.
„ 34. Портретъ І. І. Бодмера, 370.
„ 35. Портретъ І. Г. Лафатера, 374
„ 36. Портретъ Альберта фонъ Галлера, 378.
„ 37. Портретъ Іоганна Бернулли, 381.
„ 38. Портретъ Тиссо, 392.
„ 39. Портретъ Шарля Бонне, 401.
„ 40. Портретъ Жанъ-Жака Руссо, 402.
„ 41. Портретъ Г. Б. де Соссюра, 413.

Алфавитный указатель.

А.

Аль, Іоганнъ, 197.
Аараускій миръ, 281.
Абоци, 368, 399.
Аварэ д', 352.
Аквасана, 218.
Аламберъ д', 403, 410.
Александръ V'I, 4
Александръ, Блэзъ, 217.
Альбемарль, 270.
Альвигъ, 218.
Альтъ баронъ, 385.
Амбергъ, 207.
Амедей (донъ), 183.
Амербахъ, 32.
Амъ-Леръ, 205.
Амманъ, 201.
Амменгаузеръ, 22.
Анабаптисты, 82.
Андело (M-me d'), 167.
Андерматъ, 325.
Андлау, 27.
Ансгельмъ, Валерій, 25, 191.
Антрегъ д', 356.
Аргулеты, 182.
Арло, 427, 428.
Арминьянство, 286.
Арно, Генрихъ, 257.
Арнольдъ изъ Брешіи, 8.
Арто, 286
Археръ, Антоній, 245.
Асперъ, 201.
Аффри, Л. Авг., 355.
Аффри, Фр., 222.

Б.

Бальдиронъ, 218.
Бальтазаръ, 416.
Бальтазаръ, Феликсъ, 344.
Бальтазаръ, Урсъ.Ф., 384.
Баніонъ, 24.
Барбейракъ, 254, 288, 390.
Батманъ, 58.
Бацъ, 201.
Беда, 433.
Беккаріа, 145.
Бельевръ. 164.
Бержье, Жакъ, 113.
Бержье (деканъ), 288, 309.
Бернулли, 380 и сл.
Беро, 138.
Берольдингенъ, 215.
Беррильи, 113.
Бертранъ, 396.
Bibliothèque britannique, 368.
Bibliothèque germanique, 368.
Bibliothèque italique, 368.
Биндеръ, Георгъ, 64.
Биндеръ (казначей), 237.
Бланшерозъ, 113.
Бленгеймъ (сраженіе при), 262.
Блешъ, 212.
Бодмеръ, 370.
Болакръ, 368.
Больсекъ, 117, 126.
Больцъ, Валентинъ, 197.
Бондели, 331.
Боннакъ 352.
Боне, 22.

Бониваръ, 25, 192.
Бонне. К., 400, 413.
Бонфуа, 159.
Бонштетенъ, Альбертъ де, 25.
Бонштетенъ, 181.
Бонштетенъ, Карлъ, 251.
Бонштетенъ, К.-Викторъ, 386.
Борроме, 146, 154.
Ботвиль, 356.
Бофоръ, 111.
Бранденбергъ, 325.
Брандтъ, Себастьянъ, 27.
Брахифецалы, 16.
Брейтингеръ, 316, 371.
Бреннеръ, 237.
Брендле, 262.
Брентано, 385.
Бридель, Бонифацій и Антоній, 109.
Бридель (деканъ), 396.
Броньи (кардиналъ де), 31.
Броунъ, 197.
Брюларъ, 221.
Буавъ, 389.
Бузингеръ, 385.
Буксъ, 245.
Буллингеръ, 95, 96, 192, 197.
Буллингеръ (отецъ), 3.
Бурбонъ, Жакелина де, 265.
Бурге, 368.
Бурги, 362.
Буржуа, 396.
Буржуа, Яковъ, 257.
Буркардтъ, 312.
Бурламаки. 399.
Бурри. 414.
Буффлеръ, 396.
Бушеръ, Феликсъ, 197.
Буцеръ, 79.
Бѣлая книга, 25.
Бюньенъ, 24.
Бэзъ, 115, 133, 136, 199.
Бэръ, 27.

В.

Вадіанъ (Ваттъ), 53, 70, 73, 80—81, 190.
Вагнеръ, Севастьянъ, 197.
Базеръ, 245.
Вальднеръ, 355.
Вальдо, 8.
Валье, 136.
Вармесъ, 65.
Варнери, 394.
Варро, 180.
Ваттевиль, Ж. Ж. ф., 113.
Ваттевиль, Николай, 113.
Ваттевиль, Іоаннъ ф., 179.
Ваттевиль, Людовикъ ф., 301.
Ваттель, 388.
Ваттъ, Мельхіоръ, 65.
Веберъ, 325.
Вейссъ, Габріэль ф., 251.
Вейтъ-Веберъ, 22.
Венги, 94.
Венингенъ, 26.
Верженнь, 357.
Вердмюллеръ. Яковъ, Конрадъ, Рудольфъ и Генрихъ, 207, 237, 243, 267.
Вердтъ, 331.
Веренфельзъ, 284, 365.
Верне, 409.
Вернье, 330.
Вернъ, 410.
Версоннексъ, 31.
Вестфальскій миръ, 226.
Веттеръ, 318.
Ветштейнъ, 228, 245.
Викъ, 22.
Виклефъ, 8.
Вилладингъ. 278.
Вильмергенская битва, 241, 271, 281, 295.
Винкельсгеймъ, 200.
Виноградарей (праздникъ), 424.
Винтертуръ, Іоганнъ ф., 22.
Вире, 103, 115, 136, 199.
Виртъ, 73.
Виссъ, 66, 70.
Виссенбахъ, 249.
Виттенбахъ, 27, 51, 77, 78.
Виттенбахъ, Яковъ, 245.
Виттенбахъ, Самуилъ, 375, 385,
Віоль, 22.
Вёфлингъ, 30.
Воленшвильское сраженіе, 239.
Вольмаръ, 76.
Вольтеръ, 393 и сл., 398, 404, 405, 409 и сл.
Вурстизенъ, 195.

Г.

Галлеръ, Альбертъ, 368, 375, 393, 413, 423.
Галлеръ, Бертольдъ. 62, 74, 76 и сл.
Галлеръ, К.-Луи, 78.
Галлеръ, Эммануилъ, 416.
Галлеръ. Іоганнъ, 78.
Гальвиль, 355.
Гальонъ. 183.
Галли, 237.
Гарпъ, Ф.-К., 396.
Гедлингеръ, 1 -К.. 427.
Гейдеггеръ. 284. 365.
Гейдтъ, 167, 162.
Гейлеръ, 27.
Геммерлинъ, 25.
Генгенбахъ, 197.
Генци, 330.
Гердеръ, 313.
Герингъ, 32.
Герлибергеръ, 316.

Гернлеръ, 284, 312, 365.
Герольдсекъ (Дибольдъ ф.), 56.
Герцогенбухзе (битва при), 240.
Гесслеръ, 215.
Гесснеръ, Конрадъ, 115, 135, 137, 191. 196.
Гесснеръ, Іоганнъ, 369.
Гесснеръ, Саломонъ, 372.
Гиббонъ, 293, 395.
Гильденъ, Фабрицій, 363.
Гирцель, Саломонъ, 236, 251.
Гирцель, І. Гаспаръ, 384.
Глареанъ, (Лорити), 29, 53, 190.
Глеръ, Морицъ, 383.
Годефруа, 399.
Годо, 348.
Гогенемсъ, 86.
Голицынъ, 396.
Гольбейнъ, 34.
Гольдастъ, 363.
Голландіей (союзный договоръ съ), 281.
Госпенталь, Варвара ф., 242.
Готтингеръ, І. Г., 363.
Готтштедъ, 371.
Готгардъ, 197.
Гофманъ, 58.
Гофмейстеръ, 70.
Гохкирхенское сраженіе, 355.
Гохштедское сраженіе 262.
Готье, 366.
Грандъ, 113.
Графъ, 201.
Граффенридъ, Антонъ ф., 245.
Граффенридъ, Рудольфъ ф., 363.
Гребель, 83.
Гредеръ, 262.
Грингалетъ, 364.
Гриффонъ, 363.
Грошенъ, 201.
Грубель, 197.
Грюэ, 126.
Грюйеръ, Михаилъ де, 144.
Губельманъ, 113.
Губеръ, 376.
Гулеръ, 363.
Гумлель, 284
Гуссъ, Іоганнъ, 8.
Гутвильское собраніе, 237.
Гуттенъ, 29.
Гуцгенъ, (см. Öколампадій).
Гюльиманъ, 195, 363.
Гюйонъ (М-me де), 285.

Д.

Давель, 281, 294 и сл.
Даксельгофферъ, 249, 256.
Дассье, 427.
Делафонтэнъ, 161.
Денеиское сраженіе, 270.
Декомбъ, 299.
Дикъ, 286.
Дикенъ, 201.
Дисбахи, 113, 181, 238, 281, 335.
Діодати, 365.
Долихоцефалы, 16.
Доно, 159.
Дрейзиглербрифъ, 210.
Дрожи, 113.
Дюкенъ, 254.
Дюкро, Альбр., 428.
Дюмонъ, Этьенъ, 418.
Дюроверей, 418.

Ж.

Жанлисъ, М-me де, 396.
Жанришаръ, Даніилъ, 432.
Жувальта, Анна ф., 212.
Жувальта, 363.
Journal de Genéve, 415.
Journal helvétique, 368, 394.
Жюсси, Жанна де, 193.

З.

Залатъ, Іоганнъ, 197.
Зальцманъ, 432.
Зигристъ, 205.
Зимлеръ, 195.
Зиннеръ, 330, 386.
Золотая лига или Борромейская, 154. 202.
Sonderbund, 202.
Зонненбергъ, 279, 280, 355.
Зундерсгаузенъ, сраженіе при, 355.
Зульцеръ, І. Г., 373.

И.

Изелинъ, 368.
Исповѣданіе гельветской вѣры, 96. 138, 202.
д'Иверная, Цезарь, 389.

І.

Іезуиты, 140, 147.
Іеначъ, 212.
Іенеръ, 58.
Іетцлеръ, 197.
Іостъ, Гильдебрандъ, 220, 385.
Іудэ, 65, 70.

К.

Кавань, 161.
Каэтанъ, 8.
Каэтано, 429.
Кайзеръ, 86.
Каландрини, 145, 368.
Кальберматтенъ, 110, 355.
Кальвинъ, 115 и сл.
Кампель, 195.
Капито, 51, 79.

Капуцины, 147.
Караччіоли, 277.
Кароли, 114.
Карпантье, 163.
Кассати, 218.
Кастеллацъ, 262.
Кастельонъ, 19.
Кауфманъ, Анжелика, 428.
Кезерманъ, 428.
Келлеръ, 322.
Кентенъ, 136.
Кенуа, 136.
Кессельбрифъ, 210.
Кесслеръ, 81, 192
Кидтъ, 262.
Клавьеръ, 418.
Клавель, 297.
Клавель де Ропра, 284.
Клавель де Бранль, 396.
Клюзское сраженіе, 182.
Кнебель, 428.
Кнопфъ, 286.
Ковръ (маркизъ де), 219.
Кёнигъ, 286.
Колиньи, Луиза де, 167.
Кольбъ, 79.
Consensus, 284 и сл.
Консисторія 124.
Констанъ, Самуилъ де, 396.
Конти, принцъ де, 263.
Конти Микель Анджело, 340.
Контъ, 174.
Крамеръ, 368.
Кребзингеръ, 233.
Крестьянская война, 231.
Крефельдское сраженіе, 355.
Крозе (сраженіе при), 183.
Круза, Клавдій де, 175.
Круза, Исбрандъ де, 175.
Круза, 290, 298 и сл.
Круза, І. П. 389.
Кунлинъ, 26.
Куртъ, 391.
Куртенъ, 355.
Кюршо (М-me Сусанна Некеръ, ур.), 395, 417.
Кюттель, 385.

Л.

Лабади, 285.
Ла-Бардъ, 245, 237.
Лаваль, 159.
Лакруа, 428.
Ланденбергъ, 57.
Лафатеръ, 373 и сл.
Ла-Фельадъ, 260.
Лауфонъ, Илья фонъ, 32.
Левъ X, 7.
Ледигьеръ, 265.
Леже, 271, 282.
Ле-Клеркъ, 366.
Лентулусъ, 355.
Ленцбургъ, Б Г. ф., 385.
Лерберъ, 245, 386.
Лейенбергъ, 237.
Лефортъ, 383.
Ліенгардъ, Саломея, 218.
Линьонъ, дю, 368.
Ліотаръ, 427.
Littérature alpestre, 412.
Лонгвиль, 263
Лорити (Глареанъ), 29.
Лохманъ, 355.
Луа, Ферранъ де, 113.
Луа, Исаакъ де, 299.
Луа, І. П., 433.
Луа де Боша, 368, 391.
Луа де Шезо, 391.
Лупулусъ (Вёльфлинъ), 30.
Лутцъ, 286.
Луцъ, Николай де, 385.
Люкъ, Ж. А. и Г. А. де, 415.
Люкъ, дю, 282.
Люрбиньи, 182.
Лютеръ, 6, 7 и сл.

М.

Малле, Р. Г., 415.
Малле дю Панъ, 419.
Малеръ, 197.
Маленгръ, 198.
Мальплаке (сраженіе при), 270,
Манжеро де ла Саррацъ, 106.
Мануэль, Николай, 36, 63, 196.
Манюэль (генералъ), 281.
Маріанъ, 352.
Марки, 25.
Мартинъ, де, 265.
Матиньонъ, 265.
Майльи де Нель, 265.
Мауреръ, Христофоръ, 201.
Медичи, 86, 107.
Мэй, 262, 270, 386.
Мейронъ, Авг. де, 388.
Мейеръ, Севастьянъ, 70, 78.
Мейеръ, Валентинъ, 344.
Мейеръ (бургомистръ), 80.
Мейеръ де Шауензе, 430
Мейстеръ, 386.
Мелларедъ, 260.
Мельтингенъ, 80.
Меріанъ, Матвѣй, 363, 383.
Мерлинъ, 136.
Мерцъ, 245.
Месмеръ, 383.
Местраль, 270.
Местрецатъ, 366.
Меттернихъ, 264.
Миконій, 58, 77.
Мило, 289, 297, 298, 310.

Мимардъ, 113, 114.
Менгаръ, 396.
Миннезингеры, 22.
Мишо, 113.
Монбузонъ, 113.
Монмоленъ, 262, 269.
Моннье, 280.
Монтолье, 396.
Монферранъ, 106.
Морло, 238.
Мулиненъ, Беатъ ф., 164, 179.
Мулиненъ, 214.
Мулиненъ (генералъ), 281.
Муральтъ, фонъ, 146, 260.
Муральтъ, 316.
Муральтъ, Беатъ ф., 375.
Мурерь, 197.
Мурнеръ, 73, 79.
Мюллеръ, Георгъ, 207.
Мюллеръ, Іоганнъ ф., 383.
Мюллеръ, Маріанусъ, 385.
Мюлленеръ, 428.
Мюнстеръ, Себастьянъ, 195.
Мюнстеръ, Ѳома, 83.

Н.

Набгольцъ, 278.
Нассау, 265.
Негели, Іоганнъ-Фр., 107.
Негели, Г., 430.
Неземанъ, 424.
Неккеръ, 383, 416.
Неккеръ де Соссюръ (M-me), 415.
Немуръ (Герцогиня де), 263 и сл.
Никодемиты, 242.

О.

д'О, Избрандъ, 174.
д'Обинье, 365.
Общество космографическое, 385.
„ художниковъ, 385.
„ естествоиспытателей, 385.
„ экономическое, 385, 431.
„ гельветское, 384.
„ бернское историческое, 385.
„ гельветское военное, 385
Одье, 415.
Ökolampadii, 30, 74, 79.
Öксли, 73.
Оливетанъ, 103.
Опоринъ, 199.
Орелли, 146.
Орлеанъ-Лонгвиль, 263.
Орсо, 334.
Остервальдъ, 284, 364.
Оттъ, 284.
Оттоманъ, 136, 159.

П.

Парацельзъ, 29, 196.
Паскаль, 211.
Пассіонеи, 340 и сл.
Пейру дю, 388
Пелликанъ, 51, 79, 192.
Пемъ де Сенъ-Сафоренъ, 258, 269, 281.
Перреле, 396.
Перренъ, 126.
Перроне, 428.
Петиньеръ, 347.
Петри, 312.
Пизони, 428.
Пико де ла Мирандола, 56.
Пикте, Бенедиктъ, 366.
Пикте, М. А., 415.
Піо, 428.
Пій, II, Эней Сильвій, 9, 26.
Планта, 210, 212 и сл., 355.
Плантенъ, 363.
Плапарты, 202.
Платтеръ, 32, 192.
Полье, I. П, 238.
Полье, 290, 393, 411.
Полье де Боттанъ, 391.
Порта, 286, 396.
Портъ (де), 261.
Пратъ (фонъ), 265.
Прево, 383.
Простъ, Антонинъ, 160.
Прусскій, Генрихъ, 396.
Пуленъ де ла Барръ, 367.
Пупенъ, 126.
Пурталесъ, 388
Пфейль, 337.
Пфифферы, 205.
Пфифферъ, 355.
Пфифферъ, Христофоръ, 243.
Пфифферъ, Людовикъ, 154.
Пюже, баронъ дю, 383.
Пюизье, 261, 265
Пюри, Давидъ, 388.
Пюри де Ривъ, 25.
Пьерръ, Гюгъ де, 25.
Пьерфлёръ, 193.

Р.

Ранъ, 363.
Рамильи (сраженіе при), 262.
Рамшвагъ, 328.
Рандонъ, 138.
Ranz des vaches, 429.
Рединтъ, 243, 280, 335, 337, 347, 355.
Режи, 281.
Рейбацъ, 418.
Рейналь, 396.
Рейнахъ де Гирцбахъ, 328.
Рейнгардъ, Анна, 67.
Рейхлинъ, 27.
Рехбергъ, 56.
Риббп, 136.
Риваць, 385.

Ривъ, де ла, 428.
Ривери, 136.
Ритцъ, 197.
Риффъ, 205.
Ришелье, 219.
Рёбли, 71.
Робустелли, 214.
Роганъ, де, 219, 223.
Родтъ, 286.
Розе, 159, 172, 177, 185.
Розіусъ, 364.
Ройстъ, 55, 57, 62, 70, 92.
Ролль, 167.
Романино, 320.
Росбахъ (сраженіе при), 355.
Росселе, 348.
Рошъ, 174.
Рудлингеръ, 322.
Рудольфи, 282.
Руппель, 32.
Руска, 212.
Руссо, 402 и сл.
Руссъ, Мельхіоръ, 25.
Рутъ, 197.
Руфъ, 197.
Рюша, 368, 390.

С.

Савонарола, 8.
Савуа-Каринъянъ, 265.
Сакконэ, 256, 262, 270, 279 и сл.
Сала, 313.
Саль, Фр. де, 146, 154, 170.
Салисъ, Іоганнъ-Баптистъ, 214.
Салисъ, 355.
Самсонъ, 59.
Санси, Арлэ де, 177.
Сарразенъ, 241, 365.
Сартори, 334.
Сенебье, 415.
Сентъ-Люче (аббатъ), 86.
Сенъ-Сафоренъ, Франціуа де, 107.
Сенъ-Сафоренъ, Пемъ де, 258, 259, 269, 277.
Сенье де Корревонъ, 368, 396.
Серветъ, Михаилъ, 127.
Сержи (дамъ де), 265.
Серръ, Жанъ де, 159.
Сильери, графъ, 264.
Скамгеръ, 159.
Скапи, 218.
Сонье, 103, 136.
Соссюръ, 289, 309.
Соссюръ, Г. Б., 413 и сл.
Социнъ, 145, 251, 313.
Спонъ, 366.
Стиммеръ, Товій, 201.
Стокаръ, 251.
Страмбино, 320.
Ступпа, 248.
Суассонъ (де), 265.
Сурбекъ, 262.
Сури (прелатъ), 385.

Т.

Таго, 138.
Тамманъ, 167.
Театинцы, 147.
Терра, 286.
Тестоны, 7, 201.
Тетцель, 7.
Тилліе, Авраамъ, 285, 289.
Тилліе, Іаковъ, 245.
Тилліе, І.-А. 355.
Тиссо, 391 и сл.
Тобleръ, 318.
Тоггенбургъ, 271.
Томаннъ, 178.
Траверсъ, Іоганнъ и Августъ де, 198, 212.
Тремблей, 288.
Трейторенсъ (фонъ), 286.
Триболе, 269, 368.
Тріентскій соборъ, 149.
Тронше, 174.
Троншенъ, 365, 400.
Трюклибундъ, 282, 352.
Туръ, Фидель де ла, 271.
Туретини, Альфонсъ, 133, 284, 365.
Турретини, Францискъ, 365.

У.

Уденардское (сраженіе), 270.
Удлигеншвильскія распри, 341.
Ульрихъ, 331.
Универсалисты, 283.
Устери, 423.
Утингеръ, 58, 64.
Уттенгеймъ, 52.

Ф.

Фаберъ, 57, 65, 70.
Фабри, 113.
Фавръ, 126.
Фалькенеръ, 312.
Фалле, 19, 125.
Фарель, 79, 99—124.
Фаржъ (битва при), 183.
Фатіо, 313.
Фатіо, Петръ, 315.
Фегели, 260.
де Феличе, 396.
Фелленбергъ, 286, 423.
Феріа, 217, 224.
Фейгоцъ, 286.
Фирао, 340.
Флаксландъ, 26.
Флеммингъ, 221.
Флоринъ, 201.
Форно, 334.

де Франшъ, 357.
Фрейденбергъ, 416.
Фрей, 58.
Фрикаръ, 25.
Фрисъ, 34.
Фришингъ, 110, 215, 281.
Фробенъ, 29, 32, 199.
Фроманъ, 105, 192.
Фрошауеръ, 65, 199.
Фрундъ, 25.
Фуетеръ, 330—333.
Функлинъ, 197.
Фуссли, 372, 427.
Фюрстембергъ, 268.

Ц.

Цамбра, 212.
Цвейеръ, 230.
Цвингли, 49 и сл., 89, 196.
Цвёльферъ, 201.
Цебергъ, 337.
Цельгеръ, 385
Цельвегеръ, 318.
Цепоренъ, 190.
Церьятъ, 245.
Цизатъ, Ренвардъ, 192, 195.
Цизатъ, I. Баптистъ, 364.
Циммерманъ (дк.), 384.
Циммерманъ, Игнатій, 385.
Цоллеръ, 22.
Цуркинденъ, 207.
Цурлаубены, 262, 324, 386.

Ч.

Чарнеръ, 262, 269, 281, 396.
Чиффели, 431.
Чуди, Эгидій, 54, 193.
Чуди, Валентинъ, 54, 81, 195.
Чуди, баронъ фонъ, 355.

Ш.

Шайлье, 389.
Шавань, 396.
Шалонъ-Оранскій, 263.
Шамъ, фонъ, 207.
Шамбріе, 262.
Шандье, Антуанъ де, 138, 159, 262.
Шантеленское сраженіе, 183.
Шапоружъ, 179.
Шарьеръ де Савери, 298.
Шарьеръ ванъ Тюйль (M-me де), 389
Шарьеръ де Бавуа (M-me де), 396.
Шастильонъ, Франсуа и Оде де, 159
Шевалье, Павелъ, 177, 178.
Шейхцеръ, 276, 316, 369.
Шиби, 273 и сл.
Шиллингъ, Дибольдъ, 24.
Шиннеръ, 55, 57.
Шмидлинъ, 343, 430.
Шмидтъ, Г, 178.
Шмидтъ Ф.-В., 385.
Шмидтъ, 58, 68.
Шнидеръ, 385.
Шорно, 162, 355.
Шпрехеръ, ф. Бернеггъ, 363.
Штейгеръ, 278.
Штейгеръ, Эмануилъ ф., 245.
Штейгеръ, Христофоръ, 265, 301—306.
Штейнъ, Іоганъ Гейнлинъ (а Лапиде), 30.
Штейнеръ, 215.
Штетлеръ, 197, 363.
Штумфъ, 195.
Штурлеръ, 262.
Штурмъ, 88.
Шуазель, герцогъ де, 337.
Шумахеръ (Цугъ), 325.
Шумахеръ (Люцернъ), 343.
Шумахеръ Игнатій (Солотурнъ), 385
Шуэ, 366.

Ю.

Юстингеръ, 24.
Ютцъ, 338.

Э.

Эдлибахъ, Герольдъ, 25.
Эккъ, 79.
Экштейнъ, 197.
Эмменегеръ, 233, 237.
Энгель, 368.
Энгельгардъ, 68.
Эразмъ, 8, 27, 68, 98.
Эрбъ, Фридолинъ, 322.
Эрлахъ, Людовикъ, 222.
Эрлахъ, Сигизмундъ фонъ, 237, 241—245.
Эрлахъ, фонъ, 355.
Эрлаха (полкъ), 248.
Эскалада, 187.
Эсполацъ, 174.
Этьенъ, Генрихъ, 199.
Эттерлинъ, Петерманъ, 25.
Эйлеръ, 382 и сл.
Эффингеръ, 215.
Эшеръ, 256, 317.

Ѳ.

Ѳома Кемпійскій, 8.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читать:*
28	3 сн.	Гольбейму	Гольбейну
42	7 сн.	знамя	прапорщикъ
114	10 сн.	Митмаръ	Мимаръ
189	9 св. огл.	Баушеръ	Бушеръ
355	3 сн.	Ребингъ	Рединтъ
360	2 св. огл.	Буржи	Бурги
360	2 св. огл.	Шпрехеръ, ф. Бернепъ	Шпрехеръ ф. Бернеггъ
360	7 св. огл.	Шуэтъ	Шуэ
360	1 сн. огл.	Мэ	Мэй
363	16 сн.	Маріанъ	Меріанъ
365	2 св.	Герльнеръ	Гернлеръ
368	къ прим. 1	Ecoles des charités основаны въ Лозаннѣ въ 1726 г. не только дю Линьономъ, но въ основаніи ихъ участвовала группа изъ 71 дворянъ, дамъ и мужчинъ.	
387	6 св. огл.	Абоцитъ	Абоци
389	14 св.	Изабелла де Шарьеръ, урожденная ванъ Тюль, вышла замужъ въ Утрехтѣ въ 1740 г.	Изабелла ванъ Тюль, родившаяся въ Утрехтѣ въ 1740 г., вышла замужъ въ 1771 г. за Шарьеръ де Пента, внука Бэата ф. Муральта.
396	12 св.	(отецъ Бенжамена Констана)	(дядя Бенжамена).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА